

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО

*СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ*

В ЧЕТЫРЁХ ТОМАХ

Том IV

Проза 2002 – 2021 гг.

Санкт-Петербург

ББК 84(Рос=рус)

Ю 83

Юрченко Станислав Георгиевич

Член Союза писателей России

Юрченко С. Г.

Собрание сочинений в четырёх томах. Том 4. Проза 2002
– 2021 гг. Роман.

СПБ «Контраст», 2022.

ISBN

ISBN

© Юрченко С. Г. 2022 г.

Леший

Оставив «уазик» на краю старого, заросшего мелкоколесем, вырубам, у болота, мы углубились в туманный, влажный лес. Было раннее утро, когда еще не слышно птичьих голосов и шелеста листвы под ветерком, а все вокруг находится в каком-то полусне и оцепенении. Метров через триста, петляющая между сосен и худосочного березняка, тропинка вывела нас к широкому плесу реки, заболоченные берега которого в горловине, на выходе, круто поднимались, невысоким песчаным обрывом падая к перекасту. Ключья легкого тумана скользили над масляно поблескивающей, с виду почти неподвижной водой, а с прибрежных кустов за ворот сыпались серебристые, ледяные капли росы.

Мы – это я, Иванов Александр Александрович, мой шофер Вася и старинный приятель Гладков Иван Петрович, с которым мы вместе тянули лямку в строительном управлении уже лет пятнадцать с гаком. Выбравшись по шатким, чавкающим под ногами кочкам на сухое место, мы распаковали свои котомки, сложив в одну кучу нехитрую снедь и прочие припасы у корней столетней, покрытой клокастым, сизым мохом и скрюченной ветрами ели, и занялись снастями. Солнце еще не поднялось из-за темного леса на противоположном берегу и, приготовив удочку, я занялся костром, благо рогульки, оставленные другими рыбаками, побывавшими здесь до нас, торчали рядом, на взлобке, в углях старого кострища. Вася, пошарив в прибрежном кустарнике, притащил внушительную охапку сучьев, и через пять минут веселый костерок, потрескивая, лизал языками огня старый, прокопченный чайник, наполненный желтоватой, настоящей на листьях и хвое, водой из реки.

- Красота! – Иван Петрович присел рядом с костром на, вылезший крутой дугой из земли, сплошь покрытый, как

опилками, хрустким, рыжим ковром опавшей хвои, корень сосны. – Люблю утро: тихо, воздух обалденный - прямо петь хочется, а главное – комарья нет. Красота!

- Вася, а где у нас заварка?

- Сейчас подам, Александр Александрович.

- Тащи, чай пить будем

Вода в котелке начала закипать и я, набрав пригоршню ягод с куста шиповника и сорвав несколько кустиков брусничника, заправил ее, добавив добрую жменю чая из поданной Васей пачки.

- Ну, что, ловись рыбка большая и маленькая! – Иван достал из рюкзака бутылку, распечатал и разлил в кружки. – Давайте по пятьдесят грамм за клев, а то рыбалка не задастся. Сань, подай хлеба, а ты, Вася, режь сало.

- За рыбалку! – поднял я кружку, и мы чокнулись, закусив салом с чесноком и пирожками, приготовленными Васиной женой.

Наскоро позавтракав и попив ароматного, с неповторимым вкусом лесных даров чая, мы разбрелись по берегу с удочками в предвкушении рыбацкой удачи. Я устроился с удобствами на поваленной сосне, раскорячившей вывернутое ветром из берега корневище и утонувшей сучковатой вершиной в темной воде омута, и забросил леску с белым, пенопластовым поплавком, пристроив конец удилица на сухой ветке. Минут через десять томительного ожидания поплавок зашевелился, я подсек, и вполне приличный елец забился на крючке.

- С почином, - пробасил Иван, сидящий на траве косогора метрах в десяти от меня, и тут же выдернул из воды серебристую рыбку. – Однако, клюет зараза! – радостно загоготал он.

Становилось все светлее, и вот уже первый луч солнца ударил из-за деревьев, поднимая над водой прозрачные, переливающиеся перламутром и тут же тающие в воздухе, хвосты тумана. Природа начала оживать, наполняясь привычными звуками шуршащей болотной травы, голосами

невидимых, пока еще не слишком звонких птиц и плеском разыгравшейся на заре рыбы. Выдернув еще штук пять ельцов и окуня, я размотал и забросил приготовленную заранее закидушку почти к середине омута, выбрав на крючки червей пожирнее.

- Язь! – что есть силы, да так, что я от неожиданности вздрогнул и чуть не свалился в воду, заорал Иван, подскочив с земли на ноги.

Конец его удилица согнулся в дугу, а на леске, со свистом режущей воду, билась, пытаясь уйти в глубину и поднимая волну, рыбина весом с килограмм.

- Вася, подсачек давай! Да скорее ты! Сорвется ведь, гад!

Удивший рядом Василий бросился за сачком. Постановившая от возбуждения и выкрикивая что-то нечленораздельное, Иван метался у воды, пытаясь не дать рыбе ослабить леску.

- Вася, ну, быстрее, не поднять мне его одному, сорвется!

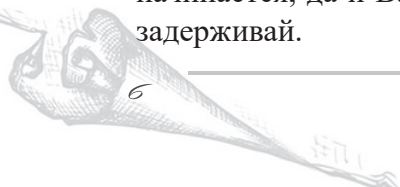
Подоспевший шофер начал осторожно спускаться по косягу к воде, но вдруг, поскользнувшись на влажном, травянистом откосе, с шумом и брызгами въехал на спине в холодную воду. Язь, естественно, ждать не стал, рванул леску и был таков, оставив ни с чем мокрого с головы до ног Василия и матерящегося на берегу Ивана. Я хохотал от души, глядя на эту картину:

- Крещение грешников в Иордане, Евангелие от Луки, глава пятнадцатая! Да спустится на вас рабы Божьи благодать Господа нашего!

- Ржи, ржи над чужим горем! Вася, давай-ка, раздевайся и - к костру, а то еще простынешь ненароком. Осень все-таки, не лето. Давай, давай, рыба никуда не уйдет – весь день впереди. А, ты, слазь-ка с лесины, да топай скорее сюда, а то – не останется.

- Погоди ты, клюет!

- Кончай, всей рыбы все равно не выловить. День только начинается, да и Василия согреть нужно. Так что шагай, не задерживай.

Часам к трем дня, наловив килограмма по четыре всякой рыбы, среди которой попадались и вполне приличные экземпляры, мы начали потихоньку собираться домой. Первым к машине ушел Василий:

- Пойду, масла долью, и карбюратор погляжу, - и, сложив улов и снасти в пайву из нержавеющей стали, исчез в лесу.

Я неторопливо смотал удочку, намотал на деревянные мотовила закидушки, выкурил сигарету, и, сказав Ивану, чтобы тот не задерживался, не спеша, двинулся по тропинке в сторону машины. Было тепло, даже жарковато: солнце пригревало почти по-летнему. В воздухе летали невесомые паутинки и редкие, еще не убитые первыми утренними заморозками насекомые. Мысли мои витали где-то в небесах, я шел, останавливаясь и наклоняясь только для того, чтобы сорвать и отправить в рот очередную горсть брусники, густо рассыпанной вдоль поваленных, полусгнивших стволов некогда стоявших здесь, но давно умерших деревьев. Довольный уловом, прекрасной погодой, и, вообще, всем, что играло всеми цветами радуги вокруг меня, я только через некоторое время обратил внимание на то, что иду уже довольно долго, но до сих пор не добрался до нашего транспорта. Часов, как назло, у меня с собой не было: как раз накануне рыбалки сдал в ремонт, и сориентироваться точно по солнцу не представлялось никакой возможности. Тропинка, вившаяся до этого под ногами, куда-то исчезла. Однако, и сейчас особого беспокойства я не испытывал. Не первый раз в тайге, а в этих местах раз сто, а то и больше бывал, чего там. «Проскочил поворот, наверное, вернуться бы надо», - мелькнуло в голове. Но мысль была какой-то ленивой и нечеткой. Сбросив рюкзак на влажный мох, я присел на кочку повыше и закурил, размышляя, как мне поступить дальше. Можно, конечно, вернуться назад, к реке, но можно и попробовать пройти к машине напрямую, благо бывали мы с ребятами в этих местах, как я уже заметил, многократно, и местность я представлял себе, как знакомую карту. По прямой, естественно, было куда как ближе и бы-

стрее. Докурив «беломорину», я поднялся, набросил лямку увесистого рюкзака на плечо и, определившись с примерным направлением по солнцу, тронулся в путь, мерно бряцая при каждом шаге котелком, притороченным к рюкзаку. Идти я решил краем, лежащей между мной и моей конечной целью, низины: «Так вдвое короче будет». Солнце пригревало затылок, а я беззаботно шагал по заболоченному мелколесью, обходя небольшие мочажины, наполненные темной, почти коричневой водой, настоянной на торфе, и отражавшей белые, редкие облака, неподвижно повисшие в голубом небе. Под ногами хлюпало все сильнее и сильнее, пока, наконец, я не вышел из березняка к покрытому изумрудной зеленью болоту, через которое тянулся продавленный гусеницами след вездехода, оставленный еще с предыдущей зимы то ли охотниками, то ли изыскателями. Болото в мои расчеты не входило, но делать было нечего, и я двинулся по гусеничному следу, стараясь ступать там, где помельче. Но, чем дальше я продвигался, тем глубже мои сапоги погружались в зеленый, терпко пахнущий ковер мха, покрытый местами, торчащими вверх стебельками какой-то болотной травы с клочками белой ваты на кончиках. Наконец, твердь под ногами исчезла окончательно, и я оказался на качающемся подо мной плотном ковре из торфа и полусгнивших веток, произраставших тут когда-то в доисторические времена деревьев. При каждом шаге ковер этот противно чмокал, неохотно отпуская ноги, а потом долго пускал пузыри болотного газа из образовавшихся следов, наполненных болотной жижей. Вот, блин, влип! Стало по-настоящему жутковато. «Еще не хватало в трясине увязнуть, вот смеху-то будет, - невесело подумал я. - Утонул, скажут, таежник великий, а, сколько гонору было!» Я воочию представил себе эту невеселую картину, и хмыкнул. Не хватало еще замандражить, выберемся, не впервой. В это время ноги мои одновременно начали медленно, но верно погружаться в булькающую, вонючую кашу. Имея некоторый опыт передвижения по болотам, я немедленно упал на спину, рас-

кинув руки. Спокойно, - сказал я себе, - без паники! Сдерживая эмоции, потихоньку выполз ужом на более-менее твердое место. Дальше дороги не было. Пришлось, скрепя сердце, и, матерясь в душе на собственное болванство, повернуть назад. Выбравшись на относительно плотный берег, я постоял, обмысливая, что мне делать дальше, и тронулся на запад, решив обогнуть болото левее, лесом, клином врезавшимся в него. Река осталась на востоке, а чем дальше от реки, как я предполагал – тем суше. Местность была обычной для юганской низменности: золотоствольные сосняки, зеленые шапки которых парили почти в небесах, ольха и осинник ближе к воде, и рядом с болотистыми местами кедрач, с плоскими, как ножом срезанными вершинами крон. Солнце все так же припекало, и брезент энцефалитки под рюкзаком прилип к спине, намокнув от пота. Где-то через полчаса, по моим расчетам, я выбрался на край громадного вырубса, конец которого терялся далеко за горизонтом. Песчаная пустыня и кучи почерневших сучьев – вот и все, что осталось от некогда шумевшего здесь соснового бора. Выезд из него, конечно, есть: вывозили же лес, но, где он, можно было только догадываться. Да и по солнцепеку топтать не особенно хотелось. Присев на трухлявый пенёк возле кромки темного елового леса, я достал из смятой пачки папиросу и закурил, прикидывая: сколько мне еще ползти до места? Толком так и не решив этой задачи, я прикрыл глаза, отдыхая и наслаждаясь безмолвием, висящим над тайгой. Обычно за километры был слышен рев лесовозов и трелевочников, а ночью за десятки верст виден отблеск горящих факелов попутного газа, отраженный облаками. А сегодня было на удивление тихо. Тут я припомнил – воскресенье! Такая тишина и покой случаются только ранней осенью, когда солнце катится по небу еще довольно высоко, и легкие паутинки смелых паучков-кочевников начинают свой беззвучный лет в сухом, нагретом воздухе куда-то далеко, навстречу своей неведомой цели. Сплюнув горьковатую слюну, я вздохнул, открыл глаза и, тщательно притоптав

окурок, поднялся. Предварительно прикинув направление по солнцу, я снова решительно двинулся на север, в гущу леса. В лесу было прохладней, но сам лес не порадовал: сплошные завалы гниющих стволов, многочисленные ручейки и ямы с водой, да еще - невесть откуда появившиеся прожорливые комары. Тут их, видимо, первые сентябрьские заморозки не достали. Почувяв жертву, напоследок решили напиться всласть, кровососы! Но, несмотря на все эти житейские неудобства я, продолжал упрямо продираться сквозь это нагромождение мертвой древесины, проклиная цеплявшийся за все сучки и ветки, да к тому же надоедливо брякающий и бьющий под правую коленку котелок.

Кроны почти сомкнулись, стало сумрачно и тревожно. Идти становилось все трудней: ноги то и дело проваливались в невидимые в полумраке ямы под корягами и валежником. Шумно переведя дыхание, я влез на поваленный ствол кедра и присел. Достав папиросы и понося про себя нехорошими словами всю эту жужжащую над потным лицом нечисть, я выматерился в полный голос. В этот момент в глубине чащи что-то жутко ухнуло и затрещало. Сердце мое сначала подпрыгнуло и забилось, как бешеное, а спустя мгновение замерло от страха и, возникшего где-то в потаенных уголках души, холодного ощущения опасности. Неприятные мурашки поползли по спине. Я завертел головой, озираясь и пытаюсь определить, что это было. В лесу вновь затрещало и темная тень, возникшая из ничего, огромная и свирепая, метнулась прочь, хлюпая по воде и ломая все на своем пути. Я схватился за нож, висевший на поясе, готовясь дорого продать свою жизнь. Но, треск замер, где-то в чаще, и в лесу вновь стихло. Надоедливо зудели возле уха только опостылевшие мошки да комары.. Я прислушался. Было слышно журчанье многочисленных ручейков под валежником, дыхание ветра, где-то наверху, в кронах, да шуршание невидимых землероек под опавшей листвой. И все. Кое-как, успокоив дыхание и спрятав нож в ножны, я вновь заставил себя двинуться вперед. Меня

не оставляло ни на минуту неприятное ощущение, что чей-то тяжелый, угрюмый взгляд наблюдает за мной из душного, сырого полумрака, заставляя невольно то и дело оглядываться по сторонам и прислушиваться. Ну, прям, наваждение какое-то. Не знаю, сколько я боролся с чащей, пробиваясь сквозь чапыжник и спотыкаясь о скользкие, заплесневевшие стволы, но вот впереди посветлело, и я, почувствовав облегчение, выбрался на песчаный пустырь, покрытый, как заплатками, редкими пятнами беломошника между, почерневших от времени, пней. Уф! Вокруг было пространство, голубело небо, и от сердца отлегло. «Ну, ничего себе, чуть не обгадился со страха! Кому бы рассказать – засмеют!» - мелькнула подленькая мыслишка. Я огляделся вокруг, перевел взгляд вниз, и долго стоял огорошенный, увидев собственный, изжеванный окуроч, валявшийся под ногами. Я, конечно, понимал, что сделать в лесу круг – плевое дело. Более того: однажды в детстве мы с ребятами точно так же блудили по осенней, дальневосточной тайге, нарезая круги, пока нас не вывели на дорогу повстречавшиеся охотники. Но сейчас все эти мои знания меня ни сколько не успокаивали, а, напротив – раздражали. «Черт бы меня побрал! - матюкнулся я про себя вновь. – Леший, что ли, хороводит? Видится всякая чертовщина, хоть Лазарем пой!» И тут же вновь ощутил на затылке недобрый взгляд откуда-то из темного, непрístupного и безмолвного подлеска. Захотелось пить, но на сухом вырубке воды не водилось. Значит, нужно было топать дальше. Я тряхнул годовой, отгоняя наваждение, решительно открыл рюкзак и выбросил из него все лишнее, включая пойманную рыбу. Пускай местная живность полакомится. Котелок после недолгих раздумий я оставил – вещь все-таки чужая, возвращать надо. После чистки рюкзак полегал: остались топор, банка тушенки и полбулки хлеба, которую я, по чистой случайности, не оставил на берегу. Пересчитал папиросы, оказалось – семь штук. Завернул курево вместе со спичками в полиэтиленовый пакет и переложил их в нагрудный карман. Так-то понадежней будет! Сколько еще

блукать, неизвестно. До меня, наконец, дошло, что я заблудился и, что, возможно, придется ночевать в тайге, а спички в данном случае вещь крайне необходимая, тем более мази от гнуса у меня с собой не было.

Решив вернуться к реке, я вновь по высоте солнца над горизонтом попытался определить время и направление, и, наметив себе азимут, бодро зашагал по кромке болота в выбранном направлении. Того самого болота, где я уже нахлебался грязи, или другого – я так и не понял, но след от вездехода, перерезавшего нежную зелень мха, мне больше не встретился.

Примерно через полчаса почва под ногами начала хлюпать все сильнее и сильнее, и, наконец, мокрый от пота и умирающий от жажды я выбрался на заболоченный, сочащийся ржавой водой, берег реки. Проклятый котелок, болтающийся за спиной, набил мне чуть ниже поясницы приличный синяк, дотронувшись до которого, я от неожиданности непроизвольно охнул. Зачерпнув воды, я медленно, с расстановкой напился и уже без сожаления и угрызений совести выбросил котелок в кусты. Идти сквозь покрывавший берега реки кустарник с таким, за все цепляющимся довеском, было попросту невозможно, да и глупо к тому же. Подумал, что Саша Калиновский, директор первой школы, простит. Особенно когда я ему расскажу, как ухитрился заблудиться в трех соснах. Прыгая по корягам, то и дело, проваливаясь по пояс в жидкую кашу, сочившуюся прямо из земли, я преодолел с полкилометра вверх по течению, проклиная про себя и негодяя лешего, и всю свою непутевую жизнь. Выбравшись на более-менее сухое место, я отдышался и решил немного отдохнуть: ноги уже гудели не на шутку, да и сказывалась усталость от многочасовых скитаний. Достав из пакета очередную папиросу, я чиркнул спичкой и с наслаждением закурил, отмахиваясь от обнаглевших вконец комаров. И тут я увидел, немало удивленный увиденным, как по склону противоположного, кру-

того и высокого берега к воде спускается мужик с ведром в руке, одетый в обшарпанные кирзовые сапоги и выцветшую от времени до белизны энцефалитку. Я, прямо-таки, остолбенел от неожиданности. Встретить в поглотившей меня таежной глуши живую человеческую душу – большое везение. Страхнув внезапное оцепенение, я вышел из кустов на берег, к самой воде:

- Эй, друг, далеко отсюда до моста? – окликнул я мужика

Мужик, который приступил к чистке картошки, без какого-то было удивления и испуга от моего неожиданного появления, поднял голову, посмотрел в мою сторону, и не то ответил, не то спросил:

- А тебе к какому мосту?

Челюсть у меня прямо-таки отвисла:

- Ну, к которому ближе, наверное.

- Тогда тебе – вверх, километра полтора. А до нижнего – верст восемь.

Мужик занялся своим делом, не обращая на меня абсолютно никакого внимания. Я постоял с минуту молча, обиженный таким, ну, скажем, не совсем адекватным к моему положению отношением, и, ни с того ни с сего, задал мужику глупейший вопрос:

- А вы кто, милейший?

В отупевшей головенке зашевелилась гнусная мыслишка, как бы насолить невежде при случае. Мужик поднял голову и посмотрел на меня, как на идиота.

- Леший! – ответил он, и оглушительно захохотал, обнажая крепкие и на удивление белые зубы.

Прошло не меньше пяти минут, пока он успокоился. Взглянув на мою обиженную физиономию, мужик сплюнул в воду, потер тыльной стороной ладони лоб и вновь стал серьезным:

- Да, ты не обижайся! Химарь я, вон избушка – под соснами. Заблудился, что ли?

Я утвердительно кивнул головой и погрузился в мысли о мщении куда-то испарившись, и мне до слез стало себя жалко.

- Так плыви сюда, сейчас уши сварганим, поедем. Давно блудишь?

- Не знаю, часов нет.

- Тогда перебирайся, а то придешь на место, а там – никого.

- Не, мне идти надо! Ребята не уедут, искать будут.

- Ну, как знаешь! Я бы на твоём месте не рисковал. А от меня бы завтра уехал: машина за живицей приедет утром.

- Спасибо вам, но я лучше пойду!

- Не за что, - мужик опять принялся за картошку, а я, потоптавшись минуту на месте и решив, что полтора километра – пустяк, тронулся в путь.

Уже метров через сто я понял, что эти полторы версты дадутся ох как непросто. Почти при каждом шаге ноги проваливались в вязкую грязь, или скользили по невидимым корневищам, спрятанным под этой жижей. Временами попадались ямы глубиной до пояса и более, и все эти прелести дополнялись густо переплетенными колючими ветками раскорячившихся прибрежных кустов, через которые приходилось продирается, с риском потерять глаза. Отупевший от усталости, я продолжал механически двигаться вперед, думая о совершенно-посторонних вещах...

Неожиданно для себя я вдруг вспомнил наш десятый «б», золотую осень шестьдесят четвертого, и девочку Катю, в которую был тайно и безнадежно влюблен. Она никак не реагировала на мои знаки внимания, предпочитая общаться с Петькой, кумиром всех девчонок нашей школы, отличником и спортсменом. Мне оставалось только горестно вздыхать про себя, проклиная собственную неказистую внешность и невысокий рост. То, что вокруг меня постоянно крутилась Вера Черкашина, готовая всегда помочь и выручить, меня абсолютно не колыхало – молодость безжалостна! Может быть, с годами я бы разобрался во всем, и понял, кто есть кто, но жизнь рассудила иначе. После института был Магадан, потом армия, а потом все закрутилось по своему сценарию: работа, женитьба, дети...

Я в очередной раз ухнул в яму с вонючей жидкостью и, матерясь уже не стесняясь, во весь голос, выбрался, переведа дыхание, на более-менее плотный грунт. На другой стороне в речку впадал ручей, поросший высокой травой по берегам, с плавающими на поверхности воды лопухами желтой кубышки. Это же – Тюльтья, дошло до меня! Теперь я точно знал, что до места стоянки нашей машины осталось меньше километра. На сердце стало немножко веселее. Я перекурил и вновь тронулся вдоль реки, опасаясь отойти от нее и заплутать, хотя дальше от берега, за кустами в сосняках было гораздо суше. Солнце уже клонилось к закату, и я с тоской подумал, что, видимо, придется ночевать в лесу одному, запоздало пожалев, что не послушался химаря и не остался. Кончай скулить, парень, – одернул я себе за слабость, - и не в таких переделках бывали! Вперед!

Еще через полчаса, разглядев над кустарником вершины сосен, а где сосны – там песок, я решительно повернул в сторону бора, постепенно вылезая из пойменного болота. Поднимаясь по склону, я вновь ощутил затылком пронзительный, недобрый взгляд где-то за спиной. Почувствовав, что волосы на затылке зашевелились, я невольно оглянулся, пытаюсь что-то разглядеть в вечернем полумраке. Но сзади чернели сплошной стеной только сваленные в непроходимый войлок ветки прибрежного кустарника, да подгнившие стволы елей, тонувшие в сумерках. Снова почудилось, что какая-то темная, смутная тень скользнула и тут же растаяла в, поднимающейся от реки, туманной дымке. «Тьфу ты, чудится же чертовщина всякая, - мелькнуло в голове. – Совсем крыша поехала от усталости, привидится чёрти что!» Подняв с земли увесистую жердь и опираясь на нее, как на посох, я медленно двинулся вперед.

- Ау...у! – донеслось откуда-то из-за сосен.

В горле пересохло, и мне не удалось выдавить в ответ ничего, кроме сдавленного хрипа. Наконец, за соснами я увидел отблески пламени горящего костра. Меня, видимо услышали, так как навстречу вышел матерящийся Иван:

- Живой! Ты, блин, куда делся? Мы глотки надорвали! Уже, хотели в поселок ехать за народом – тебя искать!

Я молча махнул рукой, не в силах ответить, и двинулся в сторону костра.

- Александр Александрович! – вскочил сидевший у огня Василий. – Слава богу! Как вы? А мы тут всю округу оббега-ли, вас разыскивая.

- Ничего, Вася, жить буду. Дай попить что-нибудь.

- Вот, чай, - подал котелок шофер, - остыл только.

Я долго, с наслаждениемпил горьковатый холодный чай, чувствуя, как возвращаются почти покинувшие меня силы. Боль в мышцах стала терпимей, и я, уже почти вполне счастли-вый, развалился на прогретой земле рядом с огнем.

- Ты, Сань, пожуй чего-нибудь, - Иван протянул кусок хле-ба с салом.

- Спасибо, не хочу.

- Чего там – не хочу! Посмотри на себя – один нос остался, где тебя черти только носили?

- А который час?

- Девять уже.

Я только тут понял, что проблукал почти шесть часов. Уди-вительно, что друзья еще дождались меня, а не бросились в поселок за подмогой. Вот была бы комедия!

- Так, где же тебя все-таки леший носил?

- Точно, леший, - ответил я, вспоминая ощущение холод-ного прикосновения чужого, потустороннего взгляда, - нечи-стая сила!

- Ладно, все – хорошо, что хорошо кончается! Потом рас-скажешь, – поднялся Иван. – Давайте собираться, совсем темно уже.

На темно синем, уже почти черным с востока небоскло-не, загорались первые звезды. Раскинуло свои треугольники созвездие Кассиопеи, самое знакомое из всех и самое круп-ное по размеру, уступающее, ну, разве, что Большой Медве-дице. Глядя на мерцающие огоньки, я незаметно задремал.

Проснулся я так же внезапно, как и уснул, Иван тряс меня за плечо:

- Подъем! Некогда спать, дорогой отдохнешь!

Уложив пожитки в машину, мы погрузились сами и тронулись, до поселка было еще часа полтора пути. Укачанный песчаными ухабами лесовозной трассы я опять почти мгновенно уснул и проснулся только у своего дома, когда меня разбудил Иван:

- Ну, ты и дрыхнуть! Даже тряска не разбудила, когда по лежневке пилили. Здорово уханькался, видимо. Ну, давай, до завтра!

- Давайте, мужики! – попрощался я, выбираясь из машины.

Когда я на следующий день рассказал всю эту историю жене, она, выслушав меня, безапелляционно подвела итог:

- Это тебя леший по болотам гонял! Настоящий! Хорошо еще – не утопил!

- Ты мне еще про вурдалаков расскажи.

- А ты не верь, не верь! Может тебя обухом из-за угла огрет какая-нибудь нечистая сила. Тогда сразу поверишь.

- Сплюнь!

- Дурак ты Сашка, хоть и начальник!

- А сама то кто? – рассмеялся я и полез целоваться.

- Да отстань ты, целовальщик! – пыталась отбиться жена, но я не уступил.

Человек я не суеверный, но, вспоминая те жутковатые ощущения, которые мне пришлось испытать, блуждая по тайге, пусть и прекрасной в своей поре осеннего созревания, я всегда стараюсь незаметно плюнуть три раза через левое плечо, как учила меня незабвенная Пелагея Дмитриевна, моя любимая бабушка.

20 мая 2005 г.

Фатима

Старенький, выдавший виды автобус то и дело основательно потряхивало на выбоинах давно не отремонтированного асфальта. И на каждый такой толчок он отзывался жалобными скрипами и стонами проржавевшего железа. Битком набитый в начале пути, вырвавшись из города, автобус заметно опустел, и мы: я, Витька и Генка, вольготно расположились на заднем сидении. Под одобрительные реплики и аплодисменты немногочисленных пассажиров, в основном рабочих пригородных поселков, возвращавшихся домой, брэнча на старенькой, треснувшей гитаре, мы хором горланили песни всех известных нам авторов. Особую симпатию у слушателей вызывал так называемый туристический цикл Юрия Кукина, ставший в последнее время особенно популярным:

«Говоришь, чтоб остался я,
чтоб опять не скитался я,
чтоб рассветы с закатами наблюдал из окна...»

или

«А в тайге по утрам туман
дым твоих сигарет...»

Видимо, слова простых я душевных песен были созвучны той картине, которая проплывала за давно не мытыми стеклами “пазика”: сплошная стена сосен и уссурийских кедров, утонувших стволами в густом подлеске из ольхи и орешника, да редкие придорожные поляны с густо рассыпанными по зелени желтыми головками “куриной слепоты”. Июль...

...Все началось с того, что мы с Генкой решили откосить геологическую практику. Предмет был нудный: синклинали там разные, разломы, и по нашим понятиям в строительстве абсолютно не нужный. На кой черт прорабу геология, есть проект — выполняй, а остальное не твое дело, чего голову забивать.

- Тебе, что, охота париться в такую жару у черта на куличках? – пел, как птица Феникс, Генка. - Спихнем потом как-нибудь, не мы – первые, не мы – последние.

- Забыл, сколько раз зачет бегал сдавать? Осмелел что-то.

- Да, брось ты! Все пройдет, как с белых яблонь дым...

Особого желания проходить эту практику у меня действительно не было. Мотаться каждый день за город, бурить в земле какие-то дырки, и это — в разгар купального сезона, бррр... Кому угодно дурно станет. Тем более Витька, родители которого недавно отбыли на юга, и вовсе был свободен: на факультете электрификации геологию не преподавали. А трехкомнатная квартира, оставленная ему в безраздельное пользование, делала его человеком значительным и весьма полезным. Генка жил по-соседству, а я не долго думая, собрал немногочисленные пожитки и с согласия Витьки переехал к нему из общаги. Шикарная квартира на третьем этаже после студенческой коммуналки на семь человек очень даже настраивала на лирический лад. Время полетело весело и беззаботно. Обычно, когда на темном небе загорались первые звезды, мы с Витькой отправлялись на промысел, добывать пропитание, ну а если проще, просто шерстить общественные огороды. Измученное неоднократными просьбами женсовета, командование гарнизона распахало пустырь за пятиэтажками, гектаров эдак с десятков, и теперь все это поле, аккуратно поделенное на грядки, усердно обрабатывали мамы семейств, выращивая овощи, картошку и всяческую зелень. Малышня потчевалась здесь горохом и молодой морковью, а мы, как более практичные и голодные, то тут, то там подкапывали по ночам молодую картошку, чтобы потом отварить ее и, посыпав укропом, смять под малосольную селедочку, купленную накануне. Картошка была сладкой, рассыпчатой, а кушать нам хотелось всегда. Поэтому, заглушив в себе искры просыпающейся совести, через день-два мы снова отправлялись в свое опасное путешествие, ощупывал в крошечной тьме грядки, дабы определить, где что растет.

Но Бог все видит, и, однажды, в дверь позвонила Витькина соседка.

- Витя, у вас какие-то нехристи половину картошки выкопали!

Предчувствуя нехорошее, мы собрались и пошли посмотреть. Так и есть: между взрыхленными рядками картофеля валялась потерянная мной вчера вечером верхонка.

- Н-да... - глубокомысленно произнес я, поглядев на расстроенные лица товарищей.

- Вот, блин! Это же надо: полкилометра проползли на пузе и аккуратно приехать! – хмыкнул мой приятель.

- Бог шельму метит! – глубокомысленно подытожил я.

- Это точно. Кому расскажи — не поверят! – грустно произнес Витька.

- Ладно, от ведра картошки не обеднеешь. Потопали, Генка должен подойти.

Витька махнул рукой, стряхивая последние остатки раскаяния, и мы бодро отправились домой, размышляя о превратностях жизни и воле случая. Хотя, чего на случай пенять?

Появившийся Генка сиял, как начищенный пятак. Из полиэтиленового пакета, принесенного с собой, он торжественно извлек бутылку “вермута” и две банки кильки в томате.

- Ну, что, гаврики, картошку сварили?

Я хмыкнул про себя, а потом не выдержал и расхохотался вслух, глядя на выражение Витькиного лица.

- Что это с вами? – Генка недоуменно переводил взгляд то на меня, то на Витьку.

- Ни слова больше о картошке, - и я вкратце обрисовал ситуацию, сдабривая рассказ выразительными подробностями под короткие, но оглушительные похохатывания Генки.

- Кончайте, пустобрехи, - незлобиво буркнул Витька и отправился на кухню ставить варить картошку.

Когда мы дружной компанией уже восседали за столом, Генка поделился новостью.

- Вчера видел Татьяну Васильеву, приглашала в гости. Они

с Ленкой на Красной Речке, в пионерлагере водителями практику проходят. Приезжайте, говорит, в субботу с ребятами, отдохнете на природе.

- А, что, мысль неплохая, - подхватил Витька, - повеселимся, девчонок навестим.

- Действительно, мужики, что в городе париться? А там — река, лес, цветочки разные и вообще.

С Татьяной до института мы все вместе учились в родном одиннадцатом “а”. А сейчас они вместе с Ленкой Ереминой, тоже нашей общей знакомой, закончив второй курс иняза, подтирала сопли детишкам в загородном пионерском лагере с гордым названием “Сокол”.

- Надо бы затариться, - сказал я, - на сутки ехать. Если поедем, конечно?

- Во! - и Генка выложил на стол сотенную бумажку.

- Ба, да ты у нас Крез! Где разжился? Маманю, что ли, обезжирил?

- Было дело под Полтавой. Старушка раскошелилась в честь успешного окончания курса.

Сложив на стол все, что было у нас в карманах, мы начали бурно обсуждать список необходимых продуктов и напитков...

...Автобус в очередной раз подбросило на кочке. Он жалобно всхлипнул проржавевшим днищем, откуда летела дорожная пыль, но к нашему удивлению не развалился окончательно, а побежал по шоссе еще веселее.

- Далеко едете, ребята?— спросил после того, как мы закончили орать очередной шлягер, седоватый мужик в синей спецовке, с огромной, сшитой из разноцветных лоскутов матерчатой сумкой.

- До «Сокола».

- В гости, что ли, или как?

- Друзей навестить, лесным воздухом подышать.

- Дело хорошее. От города отдыхать надо. И поете вы, ребята, замечательно, давно таких душевных песен не слышал.

Пассажиры автобуса подтвердили слова мужчины одобрительным гулом.

- Да, ничего особенного, - Генка, рисуясь, взял пару аккордов.

- Далеко еще до «Сокола»? – спросил у мужчины Витька.

- Почти доехали, две остановки и «Сокол». Да с километр от дороги до лагеря. Давайте, ребята, сбцайте еще что-нибудь.

- Ну, что Стас, нашу, - и Генка, взяв вступительный аккорд, запел: «Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой...»

Мы с Витькой подхватили знакомый мотив, и полчаса до места пролетели в один миг.

- Счастливо погулять! - приветливо проводили нас растроганные и благодарные слушатели, когда мы вывалились на пыльную обочину возле фанерного указателя, от которого в глубь леса уходила сухая, хорошо накатанная грунтовая дорога, и по которой, согласно полученным нами сведениям, мы и должны были попасть в нужное нам место.

- Ну, что, вперед! - Генка вскинул рюкзак на плечо. - Путь - не близок, не короток, запевай, мужики!

- Напоешься еще, Карузо.

- А, что? Дело к вечеру, погода шепчет, да и топать с полчаса.

Обступивший нас лес благоухал ароматами цветущих кустарников, деревьев и трав. Опускающееся солнце почти скрылось за высокими, раскидистыми кронами манжурского ореха, по ветвям которого змеились светлокожие лианы лимонника с еще не зрелыми, редкими гроздьями ягод. Золотистые стволы дальневосточного кедра, увенчанные на недостижимой высоте нежно зелеными кронами, словно свечи, тут и там пронзали темную листву буковой рощи. А ниже, у самой земли, загораживая лес от непрошенных гостей, ошетинился сплошной, непроходимой стеной часток колочих палок с раскидистыми, как у пальм, листьями на макушках: элеутеракок, “чертов куст”, венчики плодов

которого должны были почернеть только к осени. Однажды мы решили заработать на сдаче корней этого целебного растения, но, поковыряв часа полтора щербенистый грунт, оказавшийся под дерном, и явив свету пару невзрачных корешков, навсегда забросили эту затею. Чтобы заработать, как следует, надо было пахать и пахать! Вдыхая смолистый воздух, и беззаботно перебрасываясь ничего не значащими фразами, минут через двадцать мы подошли к металлическим решетчатым воротам с калиткой, на которых вычурной, голубой вязью значилось: «Пионерский лагерь «Сокol». За воротами, ползая по траве, сосредоточенно ловил кузнечиков пацаненок лет двенадцати в шортах лилового цвета и красном галстуке, повязанном прямо поверх футболки. Он так увлекся своим занятием, что даже не заметил нашу живописную компанию.

- Эй, ты, эмбрион, поди сюда! - грозно окликнул его Генка.

«Эмбрион» испуганно вскинул голову, резво вскочил на ноги и на всякий случай отбежал метров на десять, где замер, готовый сорваться в любую секунду.

- Иди сюда, я тебе говорю, - поманил рукой Генка, на что поцаненок отскочил еще метров на пять.

- Не пугай ребенка, - я повесил сумку на штaketник. - Мальчик, подойди, узнать кое-что надо.

- Не... а...

- Ты чего такой пугливый? Иди сюда, не бойся, не тронем. Ты здесь отдыхаешь, что ли?

- Чего надо? - голос «эмбриона» наполнился уверенностью, видимо первоначальный испуг у него прошел.

- Послушай, пацан, - вмешался Витька, - ты из этого лагеря?

- Допустим, - важно произнес сопляк, обретая совершенно независимый и нагловатый вид.

- И что же ты тут отираешься в гордом одиночестве? Где весь народ-то?

- Я дежурю. А отряды сейчас на ужине.

- Послушай, земляк, а ты не мог бы позвать Татьяну

Андреевну, она тут у вас вожатой в десятом отряде? Черненькая такая.

Пацан вопросительно взглянул на Витьку, почесал затылок и неожиданно изрек:

- А сигарет дадите?

- Курить вредно! Особенно маленьким детям! - грозно сведя брови, рявкнул Генка.

- Тогда не пойду, - снова отбежал в сторону мальчишка.

- Нехорошо старших не уважать, - погрозил пальцем Витька.

- Бросьте, каждый труд должен быть оплачен, - как можно дружелюбнее произнес я. - Пары штук хватит? - и я протянул мальчишке сигарету. - Держи аванс!

- А вторая?

- Вторую после выполнения задания, спрятал я пачку в карман.

Тот подумал, шмыгнул носом и, решив, что ничего другого не остается, поддернул свои шорты и бодрым галопчиком рванул в сторону фанерных построек, видневшихся за редкой растительностью, посаженной вдоль посыпанных толченым кирпичом дорожек.

Минут через десять он появился вместе с нашей одноклассницей, а ныне студенткой иныза и пионервожатой вышеозначенного лагеря Татьяной, девушкой самостоятельной и раскованной. Получив вторую сигарету, дежурный сиганул в сторону кустов, где, надо думать, его уже поджидали сопливые любители глотнуть дымка.

- Ой, мальчишки, как здорово, что вы приехали! - зачирикала Татьяна. - Я уже по вам соскучиться успела!

- Привет, Таня! - поздоровался я. - Как жизнь молодая? Генка сказал, что в гости приглашали, вот мы и нарисовались.

- Здорово, Танюха! - Генка облапил девушку. - А где Ленка?

- Деток в кино повела после ужина, через час освободиться. Вы, мальчишки, извините, у нас заведующая из города вернулась злющая, разнос устроила, не с той ноги, что ли,

встала? Вон, видите, синенький коттедж с белой дверью, - она махнула рукой в нужном направлении, - вы вдоль забора снаружи пройдите, а я вас там дождусь.

- Конспирация, мать ее, - Витька привстал с пенька на котором сидел, молча, наблюдая за происходящим и покуривая «Шипку». - Здорово, Танюша, рад тебя видеть!

- Здравствуй, Витечка!— Танька чмокнула его в щеку.

- Пошли, мужики. Незачем действительно нам по лагерю мотаться, разговоры лишние. Да и девчат подставить можем. Куда говоришь идти-то?

Татьяна еще раз объяснила, как нам пробраться к указанному домику, оставаясь незамеченными.

- Ну, я побежала, - и она умчалась по дорожке пружинистой походкой мастера спорта по художественной гимнастике, которого она получила еще в школе. Фигура у нее была действительно — что надо! Как, впрочем, и у всех представительниц этого вида спорта. Но вот нос, доставшийся ей по наследству от бабушки-еврейки, слегка портил общее впечатление. Однако, Танюха была веселой и общительной девчонкой и первое неловкое ощущение, возникающее от дискомфорта на юном лице, исчезало после нескольких минут общения.

Преодолев заросли чертополоха и перемахнув через побеленный штакетник, мы оказались в уютном вагончике на две половины, аккуратно прибранном и украшенном по-девичьи тюлевыми занавесками и букетами лесных цветов в стеклянных банках на тумбочках у изголовий кроватей.

- Располагайтесь, мальчики, будьте как дома. Включайте телевизор, если хотите. Удобства за углом. Поскучайте минут тридцать, сорок, а мы детишек уложим и подойдем.

- Ладно, не беспокояся, - пробасил Генка. - Курить тут можно, или запрещено?

- Курите, конечно, у нас все мальчики курят, - и Татьяна выпорхнула за дверь.

- Ну, как мужики? – спросил Геннадий.

- Вполне цивильно. Стол со стульями имеется, так что

предлагаю приступить к сервировке. Встретим дам во всеоружии, - и Витька начал выкладывать на стол из своего не-объятного рюкзака всевозможные свертки и бутылки.

Часа через полтора мы уже в полном сборе восседали за столом, на котором красовались вскрытые банки с килькой, нарезанная крупными кусками колбаса, огурцы и прочая снедь. Все это великолепие венчали две громадные, по ноль восемь, бутылки вермута, которые, несмотря на упорное сопротивление Витьки, приобрел и запихал в рюкзак Генка. «Ни хрена ты не понимаешь, - втолковывал он упирающе-муся Витьке, - водка — водкой, но что-то сладенькое для дам надо». «Так возьми и купи сухого», - парировал оппонент. «На фига я буду на эту кислятину тратить!» В результате распечатанные бутылки, в просторечии «бомбы», заняли свое почетное место между нехитрой закусью.

Справа от меня сидела Ленка, сокурсница Татьяны, светловолосая, белокожая девушка, с надутыми пухлыми губками и капризным выражением лица. Напротив расположились Витька с Генкой, наперегонки начавшие охмурять приятную толстушку по имени Настя, сидевшую между ними и невероятно красневшую после каждой очередной Генкиной шуточки на грани фола. Рядом с Татьяной сидел физрук лагеря, с которым мы только что познакомились.

- Николай, - представился он честной компании и выставил на стол бутылку сухого, на которое так не хотел тратить-ся Генка.

- Ну, что, за знакомство, как говорить-ся! - поднялся Витька.

- За все хорошее и за гостеприимство этого дома, - поддержали мы нашего товарища.

- Со свиданьем! - подмигнул Насте охальник Генка, и что-то зашептал на ухо, отчего она вновь сделалась пунцовой.

После выпитого все дружно заработали вилками и разговор стал оживленнее.

- Эх, жаль все ребята разъехались, а то бы можно было собраться после практики, рвануть хором куда-нибудь на рыбалку. С ночевой, у костерка — красота!

- Не последний день живем, соберемся еще — лето длинное.

- Да... давненько нашим классом не встречались. У Андрея прошлый раз собирались, так уже почти год прошел, - заметил Виктор.

- А я тут нашу классную как-то встретил, то да се: ах, какие вы молодцы! в институтах учитесь! и прочая белиберда! А так, все такая же не изменилась.

- Ты классную не тронь, она свое дело туго знает. Помнишь, как тебя насчет социалистического реализма допекла?

- Ну, а как вам тут девчата? По цивилизации не скучаете?

- Да нет, не особенно. У нас тут хорошо: речка рядом, лес. Надо иногда от суеты городской отдыхать... полезно. А так что: каждый день кино, танцы. Кавалеров правда не хватает.

- Пионеры не обижают? А то мы тут у ворот одного встретили, колоритная личность, я вам скажу.

- Они все колоритные — один другого краше.

- Построже с ними — и все в порядке! - вмешался в разговор физрук. - И вообще-то им на ушах ходить особо некогда: целый день то одно мероприятие, то другое. Вчера в поход ходили, сегодня днем ребята из школы искусств приезжали с концертом.

- Стас, бери гитару, а то, что мы, как не русские.

- Только потише, мальчики, — прошебетала Татьяна, — детишки уже спят, да и директриса нагрянуть может.

- Как же, спят, - Николай чиркнул зажигалкой. - Я вчера в седьмой отряд пол двенадцатого заглянул, а там чаепитие при свечах. Хорошо, хоть не с фляжкой у костра. А старшие и не это могут.

- Мы потихоньку, - Витька разлил по второй. - Давай нашу школьную, любимую...

Я подстроил гитару, и мы вполголоса запели. Время про-

летало незаметно. Требовательный удар в дверь раздался неожиданно, оборвав очередную песню на половине. Мы переглянулись, на лицах девчонок промелькнул испуг.

- Эй, вы, фраера, гоните гитару! - раздалось из-за дверей.

- Ба, это еще кто? - Николай поднялся и пошел к двери.

Дальнейшие события запомнились мне отрывочно, словно кадры на немом киноэкране. Сначала это был падающий на пол физрук, получивший в челюсть прямо из приоткрытой двери. Затем рык Генки, схватившего «бомбу» за горлышко и бросившегося из вагончика с криком «вперед, мужики!» Потом короткий рывок погони к центральным воротам за исчезающими в ночном мраке тенями убегающих врагов. Добежав до ворот, мы остановились перевести дух и сообразить, что делать дальше.

- Деревенские, — произнес запыхавшийся Витька. — Гуляют засранцы.

- Мужики, неизвестно, сколько их, - я кивнул в сторону темной, едва виднеющейся дороги, терявшейся в глубине чащи. - Давайте, хоть по штaketине прихватим.

- Это ты прав. Лом — он и есть лом!

Пока мы тут беседовали, из-за фанерных домиков выбежало человек пять мужчин. Заметив нас, они остановились и начали бурно объясняться, размахивая руками. Я наклонился, что бы вырвать из поваленной секции забора доску, и в ту же секунду в моей голове взорвалась граната. Упав на четвереньки, я почувствовал, как что-то горячее побежало от виска по щеке и закапало с подбородка. Попытавшись подняться, я на какое-то мгновение потерял сознание, но тут же очнулся от ругани:

- Вот, блин, руку перебили, гады! - приплясывал около меня, вертясь волчком, Витька.

- Уходим, - прохрипел Генка и, подхватив меня под мышки, потащил в сторону леса.

Зажав пульсирующую рану ладонью, ничего не соображая и не видя, я, как кукла, послушно передвигал ногами, пока мы не остановились, скрывшись в густом подлеске.

- На, зажми, - Генка протянул мне платок. - Кровь хлыщет. Ты как?— спросил он Витьку.

- Кирпичом по руке схлопотал... и крепко... а так ничего. Что делать-то будем?

- Сматываться надо. Кипиш поднялся... ментов вызовут, - я изо всех сил пытался унять тошноту и головокружение.

- Что кипиш, это точно, к бабке не ходи,— поддержал меня Витька. - Видели сколько мужиков за нами выскочило?

- Куда к чертям сматываться!?! Ночью в лесу примерзнем, да и Стасу нужно где-то перевязку сделать, кровью ведь изойдет. - Генка прислушался, пытаюсь определить, что там твориться в лагере. - Тихо, вроде, шума не слышать. Давайте-ка мужики назад, к девчонкам, - произнес он после короткого раздумья. - Ты идти сможешь? – спросил он меня.

- Потихоньку... Покачивает только, да ресницы от кровящи слиплись. Воды бы сейчас.

- Доползем. Витя, иди вперед, а мы со Стасом за тобой. Вдоль заборчика давай, как в прошлый раз.

Стараясь особенно не шуметь, мы двинулись следом за Виктором, пока не уперлись в знакомую ограду.

- Пролезешь? - Генка выдрал из забора пару досок.— Через верх мы тебя не перевалим.

Прижимая носовой платок к виску и помогая себе свободной рукой, я кое как, боком протиснулся через дыру.

- Ну, что, к девчонкам?— шепотом спросил Витька.

- Слетай-ка сперва, разведай, что и как? А мы тут подождем, - резонно заметил Генка.

Витька исчез в темноте. Через некоторое время он появился в освещенном прямоугольнике дверного проема:

- Парни, давай сюда!

В вагончике народу явно поприбавилось. Увидев мою физиономию, залитую кровью, Танька, всплеснув руками, испуганно охнула и присела на стул:

- Ой, Стася! Очень больно?

- Хватит причитать! - со стула поднялась молодая женщи-

на лет тридцати, как впоследствии выяснилось – заведующая пионерлагерем. – Быстро парня в медчасть! Помогите, ребята!

Через некоторое время отмытый от крови, с чалмой бинтов на голове я уже лежал на кровати, прислушиваясь к набегающим волнам прибоя под черепной коробкой. На соседней кровати Витька, поддерживая подвешенную к груди на перевязи левую руку, о чем-то оживленно беседовал с Настей. Один Генка, как всегда невредимый, везет же человеку, сидел за столом и беседовал с Ниной Ивановной, так звали заведующую.

- Это наши мужчины не разобрались, кто вы, вот так и получилось... Думали хулиганы из поселка. Хотя у нас посещения только по воскресеньям разрешены.

- Бывает. Ночь на дворе — издалека не разберешь. Да вы не волнуйтесь особенно, Стас – он крепкий.

- Крепкий, не крепкий, а голова-то у человека одна. А, вообще-то, вы мальчишки молодцы! Не каждый вот так, без оглядки, в бучу кинется.

- Ну, что вы, здоровые ребята, за себя постоять умеют... Повезло тебе Стас: сантиметром ниже и кранты. - Генка достал сигарету. – Закурить не хочешь?

- Лучше налей малость, а то голова трещит, вот-вот лопнет.

- А хуже не станет?

- Девушки, быстренько организуйте чай, - заведующая, очарованная Генкиной болтовней, а может быть стесняясь нашего присутствия, даже не пыталась устроить девчатам разнос и выяснить, какого черта мы здесь оказались. - Вы отдыхайте пока, а утром милиция подъедет — разберется, что и как. Не первый раз у нас подобные инциденты: то у малышни все отберут, то напакостят где-нибудь. На той неделе пытались инструменты из клуба стащить, хорошо, ночной сторож заметил и спугнул, а то уже было, решетку с окна отодрали. Вы уж не обижайтесь на наших ребят, что все так получилось.

- Ну, что вы, Нина Ивановна, они же нас до этого не видели. Глядят, какие-то жлобы штaketник дерут, ну и дали залп.

- Слава Богу — все обошлось! Могло бы быть и хуже. Ну, вы отдыхайте. До завтра. - И очаровательно улыбнувшись Генке, заведующая, прихватив с собой Татьяну, исчезла за дверью.

- Ну, ты — мамонт!— восхищенно подвел итог этой беседы Витька. - Так женщину уболтал! Я сначала думал влип-ли, а потом гляжу, да мы — герои!

- Чем это меня? - я потрогал толстенную повязку на своей голове.

- Это тебя наш новый друг Коля бомбой приголубил. Пока мы воевать побежали, он с кухни работяг призвал на помощь. Смотрят, у ворот какие-то фраера ошиваются, ну и пулюнули издали для острастки... И в масть. Витьке вон кирпичом клешню перебили, а тебе черепушку кокнули. На, - и он протянул стакан с водкой, - тяпни, полегчает. Хорошо, что девчонки сообразили: пока весь этот сыр-бор был, прибрались тут мало-мало. Ну, я и напел, что только в гости прибыли, а тут на нас и напали. Так что мы господа – защитники слабых и угнетенных!

- Ну, что, Танюха?— спросил Витька возвратившуюся девушку.

- Все нормально. Думала воспитывать начнет, а она наоборот отругала, что не накормили. Дескать, гостей надо нормально встречать.

- Молодец мадам, а то вы ее наемни мегерой какой-то расписали. Эй, Настюха, брось ты этого контуженного, давайте к столу, живы ведь и слава Богу!

- Отвали! - Витька махнул здоровой рукой. - А в принципе, почему бы и нет? Настя, пошли.

- Стас, ты лежи, я тебе сейчас на табуреточке все организую, - засуетилась Елена, сидевшая все это время тихо, как мышка, в уголке.

- Спасибо, мне что-то не хочется больше.

Голова у меня трещала все сильнее, то подкатывая боль к виску, то отпуская. Однако, выпитая водка делала свое дело

и под негромкий разговор друзей, тщетно пытаюсь свести во едино звенья цепи последних событий, я незаметно уснул.

- Подъем! - Генка, склонившись над кроватью, тряс меня за плечо.

- Что... что..? - от выпитых вчера снадобий и водки я не сразу сообразил: где я и зачем. Но глухая, ноющая боль в правой стороне черепа сразу напомнила о себе, когда я принял вертикальное положение, и все встало на свои места. - Ты чего? Который час?

- Пол пятого. Когти рвать пора.

- Ты, что, ошалел, в такую рань? Витек где?

- В сортир полетел, собирайся.

- Да, что случилось, пожар, что ли?

- Тебе охота с ментами разбираться? Нет? Ну, тогда поживей: в пять сорок автобус в город.

- А девчонки где?

- В лазарет ушли спать.

- Нехорошо как-то тайком сматываться, попрощаться бы надо.

- Я им записку написал. Да и чего людей тревожить — им еще целый день с пацанами крутиться.

- Разбудил? - в дверях, поеживаясь, появился Витька.

- Рюкзак собрал? - вместо ответа спросил Генка.

- Собрал. Давай, Стас, я тебе помогу, - и Витька, растянув горловину свитера, осторожно просунул в нее мою забинтованную голову. - Порядок.

- Мужики, тут маненько осталось. Может — на посошок?

- Я пас, меня и сейчас еще качает.

- А ты, Вить?

- Давай грамм по пятьдесят и полетим, а то опоздаем...

Лесная дорога терялась в предрассветной, туманной дымке, через которую уже виднелся розоватый отблеск поднимающегося солнца. Прохлада чистого лесного воздуха быстро стряхнула остатки сна, и мы бодро зашагали в сторону шоссе.

Когда двери подошедшего автобуса отворились и мы вошли, вчерашние пассажиры с нескрываемым интересом, в котором сквозил вопрос «как так?», а сердобольные старушки с материнской жалостью, уставились на нас. Картина, надо думать, того стоила: давешние крутые и веселые парни ныне выглядели совсем не ахти.

- Погуляли, видно, ребята! - прошелестело по салону.

- Что, пионеры, бандитские пули? — хохотнул вчерашний седой мужик, любитель попеть.

- Хуже, граждане, - Генка бросил рюкзак на заднее сиденье, где уже устроились мы с Витькой, — инопланетяне!

- Это надолго, - буркнул Витька, имея ввиду Генкино красноречие, и закрыл глаза.

Я последовал его примеру и задремал, то и дело, просыпаясь от хохота пассажиров, внимающих бесконечной Генкиной трепотне. Об этом инциденте можно было бы и не вспоминать, если бы он не подарил мне встречу с удивительной девушкой.

- Слушай, Стас, - сказал Витька, когда мы высадились у автовокзала, - в травматологию надо бы, повязку сменить. Да, и, вообще, пусть посмотрят.

- Брось, и так, как на собаке, заживет.

- Кончай, - вмешался Генка, - Тут Виктор прав. А, вдруг, столбняк, или еще какая зараза, сдохнуть раньше времени хочешь. Пошли, - и он решительно направился в сторону травматологической клиники.

Отмаявшись с час на скамейке в коридоре, я, наконец, переступил порог процедурного кабинета, куда меня направил, промыв и заново перебинтовав рану, дежурный врач:

- Вчера бы надо было шовчики наложить, - подытожил он свой осмотр. - А теперь на всю жизнь отметина. Хотя шрамы, как говорится, мужчину украшают. Дуй-ка скорее в процедурный кабинет, там тебе сестричка от столбняка укольчики поставит, а то не дай Бог.

- А, может не надо доктор? Я страсть как уколов боюсь.

- Надо, Федя, надо! Ты, когда отсюда выйдешь, в храме свечку поставь. В рубашке, видать, родился, а мог бы и тю-тю. Сантиметра три всего от виска тебе досталось.

- Поставлю, док.

В процедурном было чисто и прохладно. Плитка на стенах сверкала белизной. Пахло карболкой и какими-то лекарствами.

- Подождите секундочку, пожалуйста. Присядьте, - раздалось из смежной комнаты, откуда доносились позвякивание стекла и шум текущей из-под крана воды. Я осмотрелся и присел на кушетку застеленную клеенкой.

- Что у Вас?

Я повернул голову и остолбенел. Прямо передо мной стояла белокурая красавица в белом накрахмаленном халатике и такой же белой шапочке, из-под которой выбивались непокорные золотистые пряди. Ясные, голубые глаза тонули в темных, пушистых ресницах, а чистый лоб оттеняли такие же темные брови, сочетание необычное для блондинки.

- Так, что у Вас? - улыбнулась девушка, видимо вид у меня был довольно дурацкий.

- Вот, - я протянул направление.

Девушка внимательно прочитала бумагу и направилась к шкафчику с медикаментами.

- Свитер снимите, пожалуйста.

Я с трудом стянул, стараясь не задевать бинты, свою хламиду. В это время лучи солнца, падающие из окна, прошили легкую ткань халата сестрички, явив мне во всей красе контуры стройных бедер и нежную округлость девичьей груди. Бросая короткие, незаметные взгляды, я украдкой любовался свободными, раскованными движениями этого юного создания.

- Давайте плечо, - она подошла с наполненным шприцем.

- А, как вас зовут, девушка? Ой-ей, больно!

- Ну-ну, такой большой мальчик, а уколов боится. Уже все, подержите ватку. Посидите пока в коридоре, через полчаса еще один укол сделаем.

- Девушка, а меня Стас зовут, - я изобразил на своей перебинтованной физиономии самую искреннюю улыбку, какую только смог.

- Очень приятно,— она опять включила воду

- А, вы мне так и не сказали вашего имени.

- Наташа, - взглянув на меня, просто ответила она...

Так я впервые встретился с Наташей Фатеевой, Фатимой, как звали ее сверстники в микрорайоне завода имени Горького, где она проживала вместе с матерью и младшим братом в панельной заводской пятиэтажке.

К концу августа, когда большинство наших бывших однокашников возвратилось в город, кто с практики, кто с каникул, идея съездить коллективом на рыбалку вновь начала витать в воздухе. Славка Еремин, по прозвищу Профессор, подвизавшийся к этому времени аспирантом в мед институте, где по нему сохли все первокурсницы, гарантировал скрасить суровость мужской компании присутствием «прекраснейших созданий», как он выражался. Самый увлеченный этим древнейшим занятием человечества, я имею ввиду рыбалку, Юрка Иванов, захлебываясь, расписывал красоты амурских проток с никогда не слыханными нами названиями, и пугал размерами выловленной в них рыбы:

- Поехали, парни, не пожалеете. Представляете: тишина, свежий воздух, костерок, уха с дымком, да под водочку... Красота!

- А еще — комары, змеи, ночью холодрыга, - парировал Генка.

- Нет в тебе, Геша, романтики. Комары все давно передохли, осень, а если замерзнуть боишься, прихвати что-нибудь типа фуфайки.

- Действительно, ребята, давайте в субботу махнем, давно собирались. Татьяну с Ленкой прихватим, а то что-то давно их не видно. Славка пару-тройку своих пассий прихватит, отдохнем, вспомним старое...

С Наташей за время, прошедшее с того злополучного пикника в пионерлагере, мы несколько раз случайно встречались то на улице, то на танцах в доме офицеров. Мы любезно раскланивались друг с другом, перебрасывались ничего не значащими фразами, но дальше этого дело не шло. На танцах она всегда была в окружении многочисленных подруг и поклонников, и подступиться к ней так, запросто, я не решался.

В этот раз, когда я встретил ее выходящей из гастронома, мне в голову пришла мысль, что это самый подходящий случай, и я пригласил Фатиму присоединиться к нашей компании.

- И в качестве кого ты меня приглашаешь? — лукаво улыбувшись, посмотрела на меня Наташа.

- В качестве хорошей знакомой и просто симпатичной девчонки. А, что в этом плохого?

- Спасибо. Но ты же меня совсем не знаешь. Да и неудобно как-то. У вас своя компания.

- Совсем — не совсем, а знаю тебя почти полтора месяца. Поехали, познакомись с ребятами. Девчата тоже будут, не ты одна.

- Неудобно как-то, у вас все свои в основном, - повторила Наташа.

- Почему? Славка из мединститута девочек пригласил.

- Тем более, скучно не будет.

- Но я ведь тебя приглашаю, - настаивал я.

- В субботу, говоришь, - она задумалась. - Перезвони мне завтра, записывай телефон.

На следующий день я позвонил ей, и в итоге мы договорились встретиться на площади у автобусной остановки в четыре часа...

Когда мы вдвоем подошли к пристани, где уже собралось большинство нашей дружной компании, у Генки при виде Натальи аж загорелись глаза:

- Познакомь с девушкой, уродина, - он без стеснения с ног до головы оглядел мою смутившуюся от такого чрезмерного

внимания спутницу. - Меня Геннадием зовут. Можно просто – Гешей. И где ты, Стас, отхватил такое сокровище?

- Что значит – отхватил? Места надо знать. Мы с Наташей давным-давно знакомы, помнишь травматологию, куда вы меня с Виктором доставили. Познакомься, Наташа, это - Гена, наш Казанова, так что осторожно. Но если будет шибко приставать, не стесняйся — бей прямо по морде, он это любит.

- Фу, как пошло — по морде! Вы Наташенька не слушайте этого мужлана, я — сама невинность.

- Клейма на нем негде ставить. А во всем остальном — красавец! — и я по очереди представил девушке всех, кого знал.

- Слава! - наш без пяти минут профессор галантно поцеловал Фатиме руку, - А это – Верочка и Тоня, - он обнял за плечи двух жмущихся друг к другу, смутившихся от всеобщего внимания девчушек.

Ленка с Татьяной, не ожидавшие от меня такой прыти, без стеснения, во все глаза разглядывали Наташу. Одна только Настя была занята своим единственным и неповторимым Витечкой, и поэтому не проявляла к нам с Фатимой никакого повышенного интереса.

- Ну, я за билетами, - Юрка вскинул на плечо свой необъятный рыбацкий рюкзак, - а вы двигайте потихоньку на посадку.

- Пошли, ребята, - Генка попытался подхватить Наталью под ручку, но я решительно просек эти вражеские поползновения, после чего он ретировался к Татьяне с Ленкой.

Минут через пятнадцать мы уже отчалили от дебаркадера. Речной трамвайчик дал гудок, вздрогнул и, пыхтя выхлопными трубами, двинулся по легкой амурской волне вдоль берега. Светило нежаркое, ласковое солнце, каким оно бывает только в это время года перед первыми утренними заморозками. Мы все выползли из душного, пропахшего запахами машинного отделения салона на палубу, любуясь проплывающими мимо нас красотами...

Рыбалка к немалому нашему удивлению действительно удалась. Неутомимый Юрка выловил таки пару приличных налимов, а, учитывая наших пескарей и касаточек, улов был совсем не так уж и плох. Табор наш расположился на высоком песчаном берегу, с трех сторон окруженном высокими и густыми зарослями ивняка. Кострище был кем-то оборудовано раньше, оставалось только натаскать побольше дров и установить палатку для девчонок. Среди мужской половины спать в палатке в такую прекрасную погоду было верхом дурного тона. Наташка быстро подружилась со всеми, звонко смеялась, слушая обычный Генкин бред, и поразила всех почти профессиональным исполнением старинных романсов под аккомпанимент старой Витькиной гитары в то время, пока мы сидели у костра, дожидаясь ухи, над которой колдовал Юрка. Голос у нее был глубокий и чистый, а я все чаще с удивлением поглядывал на эту девчонку, радующую новыми гранями своей натуры, почему-то все больше волновавшими меня.

- Оригинальная девушка и яркая,— так охарактеризовала мою новую знакомую Татьяна, слегка уязвленная моим повышенным к Наталье вниманием. — Смотри, не влюбись.

- А тебе, что, жалко?

- Не сгори, мотылек, огонь больно жарок!

- Об отсутствующих только хорошее, или ничего, - вмешался подошедший к нам Генка.

- Да, кому ты нужен?

- Тогда о ком?

- Ни о ком, - Татьяна посмотрела в сторону сидящих у костра девушек, и Генка перехватил ее взгляд.

- Хорошая девчонка, Стас, смотри, не упusti — такие не часто попадаютсЯ. Я в этом понимаю толк.

- Иди, ребятам помоги лучше, толковый ты наш! – погнала его Татьяна.

Когда наш бивуак начал затихать после многочисленных тостов, обильной ухи, сотни спетых песен и тысячи переска-

занных анекдотов и небылиц, мы с Фатимой спустились на берег протоки и присели лицом к воде на вынесенный весенним половодьем ствол. Беззвучные, маслянистые струи темной воды мерцали в бледном свете поднимающейся луны. То тут, то там всплескивала ночная рыба, и концентрическая рябь от этих всплесков ломала, заставляя уродливо изгибаться, лунную дорожку, протянувшуюся к противоположному берегу. Где-то далеко, за лесом заухал филин.

- Жутко!- шепотом произнесла Наташа. - Жутко и красиво!

- Раньше мы как-то чаще сюда выезжали, а теперь все разбежались, кто куда. Если раз в год получается — уже праздник, - я осторожно обнял девушку за плечи, накинув на нее свою куртку. - Не замерзла?

- Спасибо! - она не отстранилась, доверчиво прижавшись ко мне спиной. - Хорошие у тебя друзья, веселые и не глупые.

- Мы кое с кем из них с шестого класса, как говорится, за одной партой. Все время вместе: и в поход, и за шишкой, и везде. Это сейчас, кто где учится, или работает, а раньше — не разлей вода! Однако стараемся собираться, когда удается. Прошлый год вниз до Николаевска на плотках спускались. Впечатлений — выше крыши!

- А я уже года три на природе не была, если пляжа, конечно, не считать. Все какие-то дела, - она надолго замолчала, задумавшись о чем-то, о своем.

Я сидел, стараясь не шевельнуться, чтобы не спугнуть того хрупкого взаимопонимания, что возникло между нами за это короткое время. Тепло ее плеча проникало сквозь тонкую ткань рубашки и горячей волной растекалось по всему телу. Очнувшись, она встряхнула головой, разбросав защекотавшие мне щеку и шею кудри, и, наклонившись вперед, посмотрела на меня с улыбкой снизу вверх:

- Ты что загрустил? Не слишком веселая тебе подружка досталась.

- Ну, что ты, я и не загрустил вовсе. Самое подходящее место подумать о смысле жизни; ночь, луна, природа опять же.

- Слушай, на следующей неделе в «Олимпийском» Кобзон выступать будет, пойдём?

- Я с удовольствием, только попасть сложно: толпы будет валом. Я, конечно, постараюсь билеты достать.

- Это — не проблема, у меня там подружка работает.

- Здорово!

- Вот и прекрасно, - Фатима поднялась с бревна и, взяв меня за руку, потянула за собой. - Пойдем, поспим немножко, а то уже скоро светает.

Проводив Наташу в палатку к девочкам, я еще долго сидел у тлеющего костра, глядя на малиновые угли, вспыхивающие рубинами в темной золе. На душе было светло и спокойно. Весь мир вокруг в эти мгновенья был приветлив и добр, а живущие в нем люди — почти родными...

Концерт окончился затемно, но мы сошли с автобуса, не доезжая до конечной остановки. Наташа предложила пройти и мы, не спеша, пошли по асфальту липовой аллеи, шурша уже начавшими опадать с деревьев листьями. Тусклые неоновые фонари, утонувшие в кронах, выхватывали из темноты редких, встречных прохожих. Где-то рядом, за кустами шумели проезжающие автомобили.

- Ну, и как тебе концерт?

- Классно. Кобзон вообще молодец: далеко пойдет, да и голос у него, что надо.

- Жалко, редко хорошие артисты к нам приезжают. Да и то: что им наша провинция, и от Москвы опять же не близко.

- А ты хотела бы в Москве жить?

- Конечно, это же не наше захолустье, да и возможностей устроиться в жизни побольше. Ты, вот, например, в Большом Театре был?

- Нет.

- Вот и я не была, а хотелось бы.

- Ну, при желании можно и в Большом побывать. И для этого не обязательно в Москве жить. У нас тут тоже хорошо, а природа даже и лучше.

- Хорошо бы, - мечтательно сказала Наташа, пропустив мои последние слова, - только когда это будет, и будет ли вообще.

В это время из-за поворота появились трое парней в темных кожаных куртках и внезапно преградили нам дорогу. Внутри у меня все напряглось, и я приготовился к самому худшему, так как в одном из них узнал Пончика, с которым мне приходилось сталкиваться не однажды. Наши ребята с улицы Портовой неоднократно выясняли отношения с его компанией не самым дипломатичным способом. А прошлым летом мы им хорошо всыпали в Центральном парке культуры и отдыха за то, что накануне они обобрали и крепко отделали одного из наших. Вообще-то, Пончика звали Виктором, когда и почему к нему приклеилось это смешное прозвище из книжки Носова, никто не знал. Может быть потому, что щеки у Витьки были круглыми, как пончики, и всегда горели ярким румянцем, а может быть и потому, что он постоянно что-нибудь жевал. Ничего хорошего эта встреча не сулила, и я пожалел, что на этот раз не один, и просто удрать, если станет туго, не удастся.

- Ба, какие люди! И без охраны! – воскликнул Пончик, изобразив на лице радостное удивление.

Я молчал, решая про себя, кому первому врезать, да так, чтобы сразу не получить в ответ: ребята на вид крепкие, только поворачивайся.

- Что примолк, Стас, голос пропал?

- Здоровы были! - я постарался сместиться влево, так, чтобы все трое сразу не оказались передо мной. — Чем обязаны, господа?

- Я, Фатима, тебя предупреждал, - начал Пончик. - Отвалика в сторонку, нам с твоим кавалером покалякать нужно.

- Иди, Наташа, я догоню, - как можно спокойнее, не меняя интонации, произнес я, примериваясь к сухопарому парню, стоящему ближе остальных.

К моему крайнему удивлению Наташка не тронулась с места, а как-то вся подобралась, сжалась, как пружина, и нео-

жиданно быстро сняв туфли, зажала их в кулачках, грозно выставив перед собой острые, как шило, шпильки.

- Тебе чего надо, скотина? Топай отсюда!

- Ишь ты, защитница! Иди, иди... Тебя же ухажер отпустил.

- Давно в милиции не был? Я тебе уже сто раз сказала - отвали! А то, посажу, глазом моргнуть не успеешь!

- А я — непонятливый, - ухмыльнулся Витька.

- Мама тебе в прошлый раз все понятно, кажется, объяснила, - продолжила Фатима этот не совсем понятный мне диалог. - Не хочешь в кутузку: живи своей жизнью, а нас не трогай!

- Где это она тебя, Стас, подцепила? На грядке что ли сорвала?

- Ага, в лесу нашла, когда грибы собирала, - я сдвинулся еще левее.

- Вы, ребята, держите ухо востро, а то он у нас парень шустрый, - заметив мои передвижения, предупредил приятелей Пончик, и компания опять взяла нас с Наташей в полукольцо.

- Я тебе что, не по-русски объяснила, - едва слышно, но со стальными нотками в голосе, выдохнула девушка и шагнула к Пончику. - Морду попортить?! - она махнула туфлей перед Витькиным лицом, со свистом рассекая воздух.

- Ты, что, ошалела?!— отшатнулся он.

- Хочешь разбираться, разбирайся со мной и без своих дураков. А человека не тронь! Пошли, Стас,— и она решительно потянула меня за руку мимо онемевших от неожиданности и такой откровенной наглости парней.

Никто даже не шелохнулся, когда мы проходили рядом с ними, один Витка, пришедший в себя через секунду крикнул вслед:

- Ты учти, Стас, это тебе повезло сегодня! А ты, дорогая, в следующий раз не таскай сюда своих воздыхателей, себе дороже. Еще раз увижу...

- Да, пошел ты! - Фатима решительно одела туфли. - Не обращай внимания на этих придурков, Стасик.

Она подхватила меня под руку, и мы, не оглядываясь, скрылись за поворотом аллеи, оставив приходить в себя наших неожиданных встречных. Прошагав метров сто, я, наконец, расслабился и только сейчас решил задать Фатиме мучивший меня вопрос:

- Ты, что, знаешь этих ребят? Хотя, что это я — вы же в одном микрорайоне живете.

- Знаю, - коротко и резко ответила она мне, видимо, еще до конца не придя в себя и не желая вдаваться в подробности.

- А, что Пончик-то от тебя хочет, влюбился что ли?

- Ну, да, влюбился — не запылится! - мрачно подтвердила она. - Вот так, по горло, я его любовью сыта! - она выразительно махнула рукой.

Я молчал, вопросительно глядя на нее. Молчание затягивалось, и она, взглянув на меня, видимо, решила:

- Муж он мой... Бывший... Понятно?!

По правде сказать, в первое мгновение эти ее слова показали мне каким-то бредом. Но, когда до меня дошел смысл сказанного, я на какое-то время просто впал в шок: какой еще к черту муж? Понадобились не менее пяти минут, чтобы оправиться от потрясения и попытаться разрядить возникшую между нами напряженную паузу:

- Ты не расстраивайся, Наташа, все образуется.

- Что ты понимаешь? Что образуется? Я этого человека видеть не могу! Он нам с мамой всю кровь выпил, а ты — образуется! Мне только одного хочется: не видеть его никогда больше и не слышать! А он, гад, прохода не дает! - на одном дыханье, в запале выпалила она,

Я промолчал, не зная, как ее успокоить и что посоветовать. Атмосфера вокруг нас сгустилась, неприятная и не совсем понятная. Что я в этой ситуации мог ей советовать, сопляк. Они все-таки семья, хоть и бывшая, а я кто? Очередной поклонник. Она взглянула на меня и, видимо, поняв мое состояние, устало улыбнулась:

- Ну, ты что загрустил? Забудь все! Ну-ну, - она взъерошила мне чуб, - не твои это проблемы, не бери в голову.

- Не мой-то они, конечно, не мои, но и я тут вроде как не посторонний. Или нет?

- Не посторонний, - она погладила меня ладонью по щеке, - не обижайся.

- Да, я и не обижаюсь, - на душе после этих слов у меня повеселело.

А еще через пару минут мы уже беззаботно смеялись, наперебой вспоминая те минуты в аллее и находя в них немало комичного:

- А, как ты их шпильками! Они аж ошалели... Но, вообще-то так делать нельзя, опасно! Я бы сам постарался справиться.

- Я тоже перетрусила до смерти: ой, думаю, что будет!

- Ничего себе – перетрусила! Если бы не ты, пришлось бы мне снова в вашу травматологию ехать!

Мы подошли к подъезду пятиэтажки и остановились.

- Вот тут я и живу, - сказала Фатима, - вон, видишь, наши окна на третьем этаже.

Мы вдруг оба замолчали. Я переминался с ноги на ногу, не зная, как вести себя дальше: то ли попытаться поцеловать Наташку на прощанье, то ли это будет расценено, как пошлость, после всех этих неожиданных событий, обрушившихся на нас? И вместо того, чтобы вести себя, как подобает мужчине, и хотя бы попробовать обнять и приглубить, пережившую неприятные минуты, девушку, я лишь неуверенно выдавил из себя:

- А завтра встретимся?

Наташка взглянула мне в глаза, улыбнулась и, быстро обняв за плечи, поцеловала прямо в губы, обдав меня неуловимым запахом духов, помады и женского тела.

- Обязательно встретимся! Позвони!- раздалось из темного чрева подъезда, и дверь захлопнулась...

Прошло больше месяца. Последние дня три Фатима, отвечая на мои телефонные звонки, почему-то всячески уклонялась от встреч, где бы и в какое время я их не назначал. Это заставило меня нервничать, а дальше насторожиться и призадуматься: мы встречались почти полгода, и никогда раньше между нами не возникало ощущения неправды, способного разрушить ту гармонию отношений, которая сложилась за это короткое время. Обиженный, не понимая в чем дело, я решил во всем разобраться раз и навсегда. Побросав все институтские дела, я, не долго думал, собрался и поехал к Наталье прямо в клинику. Попросив знакомую сестричку вызвать Наташу, я терпеливо ждал ее у запасного выхода, внутренне готовясь к неприятному разговору. «Тут, или – или, чего вола за хвост тянуть, - размышлял я. - Не хочет встречаться – скатертью дорога, как говорится!» Дверь скрипнула и на крыльце появилась Фатима.

- Ну, ты чего, Станислав? Я же говорила тебе, что занята, работы много, - вместо приветствия сказала она, отвернув лицо в сторону и не поднимая глаз.

- Здравствуй, Наташа! – как можно приветливее произнес я.

- Здравствуй! – все так же, не поворачиваясь ко мне, она что-то сосредоточенно рассматривала на косяке дверей.

- Не сердись! Я просто подумал, какая кошка между нами пробежала? Думаю, чего ждать, надо разобраться и расставить точки над «и», как говорится. А то я звоню, звоню и ни черта не понимаю, что происходит? Может быть, ты объяснишь?

- Я лучше пойду... Я тебе перезвоню... завтра, - она попыталась скрыться за дверью, но я перехватил ее за руку и резко развернул к себе.

На левой половине ее лица, растекаясь под глазом, красовался, уже начавший желтеть по краям, огромный синяк. Наташка вновь отвернула лицо:

- Пусти, мне больно!

Остолбеневший, я выпустил ее руку. Все сразу же встало на свои места, и я почувствовал жгучий стыд за те мысли, которые только что роились в моей бестолковой, распаленной беспредметной ревностью голове.

- Пончик?- только и смог спросить я.

Она не ответила и вдруг, уткнувшись мне в грудь, разрыдалась. Стараясь успокоить, я гладил ее по голове, прижимая к себе, целуя в мокрые от слез щеки:

- Ну, будет, будет, ну, не плачь! Я же с тобой, глупышка, все будет хорошо, - я еще крепче, со всей той нежностью, которой был переполнен, обнял Наталью, и она постепенно затихла в моих объятьях.

Я снова поцеловал ее в губы и она, наконец, глубоко вздохнув, улыбнулась:

- Дура я набитая, правда? - она откинула голову, заглядывая мне в глаза.- Ты ведь на меня не сердишься, милый, а? Ну, скажи, что не сердишься!

- Конечно, не сержусь, маленькая моя, - я продолжал целовать ее, радуясь, что все то недоброе, что меня переполняло в последние дни прошло, а моя любимая снова повеселела.

- Не ври, не ври! – затормошила она меня. - Я по глазам видела, какой ты грозный явился, хотел девушку обидеть?

- Я? Тебя обидеть? Да ты что?!

Вновь порывисто вздохнув, Наташка осторожно, но решительно освободилась от моих объятий:

- Мне пора,— она достала пудреницу.

- Так, это Пончик?— вновь повторил я свой вопрос.

- Ты не вздумай ничего предпринимать, пожалуйста. Мне только ваших разборок не хватало. Понял? Он-то – дурак и не лечится, но ты-то – умный! Так что, будь добр, не расстраивай меня. Хорошо?

- Хорошо. Правда, за такие дела ноги вырвать не мешало бы.

- Вам бы, мужикам, все в морду, да руки-ноги переломать – как все просто и быстро! А в жизни так не бывает: за все

платить нужно – и за радости, и за ошибки. Я тебе запрещаю в это дело вмешиваться и прошу, - она сжала мою голову ладонями, притянула и чмокнула в лоб, - будь паинькой! До завтра!

Махнув полами белого халатика, Наталья упорхнула за дверь, а я еще долго сидел и курил на скамеечке, размышляя о превратностях жизни и тайнах женской души и прикидывая, когда и как я смогу рассчитаться с Пончиком. Так толком ничего и не придумав, я поднялся и отправился на занятия в институт, решив, что все рассосется само собой. Может быть и права Фатима? Но судьба распорядилась иначе.

В субботу, на второй паре мы с Генкой, как обычно, отправились в пивной бар, который отцы города, будто специально, открыли в одном квартале от института. Этим посещением мы заканчивали учебную неделю, это был, как бы ритуал, неизменный и обязательный. Да, и кому охота перед выходным днем сидеть на скучной политинформации и слушать о положении дел в монгольских степях, или джунглях амазонки. А то еще хуже: разборки нашего худосочного комсорга с оргвыводами. То ли дело – выпить кружечку холодного пивка, да вкусно покушать, к слову, готовили в баре отменно. Мы вошли, сели, как обычно, в третьем ряду и, ожидая, когда официантка принесет заказ, принялись разглядывать посетителей. Прямо у стойки сидел завсегдатой этого заведения, потомственный алкоголик и бомж, Федя, который заметив нас, приветственно махнул рукой:

- Здорово, мужики! Пивком не угостите?

- Угостим, Федя, стипендию сегодня выдали. Иди, присаживайся к нам.

- Ну, спасибочки! Тогда гуляем, господа!

Неожиданно в углу зала, закрытом падающей тенью колонны, я разглядел бледное пятно знакомого лица. Пончик! Я сразу же внутренне подобрался и решил не откладывать дела в долгий ящик. Нужно рассчитаться по счету с этим полудурком! Фатима, может быть, и права, но я-то все-таки – мужик.

- Ты, Ген, извини, мне тут со знакомым переговорить надо, - я поднялся и направился к угловому столику.

- Если что – зови, - перехватив мой решительный взгляд, в полголоса выдохнул вслед Генка.

- Какая встреча, Витек! - я изобразил на лице улыбку, присаживаясь без приглашения на свободный стул рядом с Пончиком. - Поговорим? Вы бы, ребята, погуляли немножко, а то нам один на один пообщаться надо.

- Идите, перекурите минут десять, мужики,— сказал, ни чуть не удивленный моим внезапным появлением, Пончик двум своим спутникам. - С другом давно не виделись, потолковать нужно.

Парни послушно поднялись, с интересом поглядывая на меня, и отправились в курилку. С минуту мы сидели молча.

- Ну, и что ты хотел, Стас? Какое у тебя ко мне дело? - начал Витька.

- Да, все о том же. Не прикидывайся дураком! Ты чего, фраер гребаный, Наталье прохода не даешь? Чего молчишь? А за последнее я тебе не прощу, не надейся! Еще раз увижу, что ты ее хотя бы пальцем коснулся, берегись: до пенсии на лекарства работать будешь!

- Ты это кому? - Пончик угрожающе приподнялся.

- А. ты не понял? Тебе, болезный! Да, я забыл, что ты непонятливый. Так вот запомни крепко, что я тебе сказал: сунешься еще раз – размажу. Не ударь женщину даже цветком – учи, Витя, японскую философию.

- А, ты, собственно, кто такой, что в эти дела лезешь?

- А, ты, кто такой, руку на женщину поднимать?

- Я-то – муж, а вот кто ты?

- Бывший. Тебе, кажется, отлуп дали! И не зря, видимо. Она же девушка, а ты ее кулаком в лицо,— я сплюнул на пол.

От этих слов Витька побледнел, сжал кулаки, так что хрустнули косточки, но потом вдруг съежился, как от удара, и опустился назад в кресло.

- Ладно, поговорили, - глухо произнес он. - Топай к своим друзьям пиво пить.

- Я пойду, но ты наш разговор не забывай, если что, я тебя из-под земли достану!

- Напугал!— и в глазах Пончика мелькнула такая тоска, что я понял: любит он ее, пусть по-хамски, как зверь, но любит. - А ты, Стас, чего к ней приклеился, своих девок не хватает? – спросил Витка.

- Дурак ты все-таки, Витя, и не лечишься!

- Может, жениться надумал?

- Может и жениться, тебе, что за дело?

- А вот тут ты ошибаешься, самое, что ни на есть! Я тебе советую, как хорошему знакомому, отвали ты от греха подалее, мы сами меж собой разберемся.

- А, ты мне не советуй! Не хочет она с тобой разбираться, надоело.

- Ну-ну, - с угрозой, прозвучавшей в голосе, произнес Пончик, - тебе виднее. Я тебя предупредил...

Через неделю, на танцах я случайно упомянул об этой встрече, за что получил от Фатимы крепкий нагоняй:

- Я же тебя предупреждала, Стас, не трогай ты его, хуже будет!

- Да, я, вроде, и не трогал, так – переговоры и все.

- И, потом, зачем тебе все эти дразги? Мало, что у меня неприятности, хочешь себе головной боли? Я сама свои вопросы решу, мне посредников не нужно,— раздраженно высказала она.

-Ты что, все еще его любишь? - вдруг спросил я, уловив в ее голосе что-то еще, кроме раздражения.

Она как-то странно взглянула на меня, и тут же улыбнулась, как бы стряхивая неприятные мысли:

- Дурачок ты, конечно же, не люблю. Я тебя люблю! Но, понимаешь, почти два года с человеком прожили, жалко как-то.

- А он тебя, похоже, до сих пор любит.

- Никого, кроме себя, он не любит. Да и любовь у него

какая-то дикая. Мы и разошлись-то из-за того, что он своими выходками и ревностью дурацкой всю нашу жизнь отравил. А потом еще и пить начал, да руки распускать: вспомнить противно! Мама мне правильно посоветовала: бросай ты это дело, пока не поздно, а то спохватишься – до самой смерти маяться будешь. Ей с отцом ох как не сладко пришлось! Такой же был.

- Ладно, давай оставим эту тему, - я взял Наташу за руку. - Ну, ее к черту, пошли лучше танцевать!

- Пошли!

Новый Год мы с Натальей встречали у нас, в студенческом общежитии, в нашей старой компании, а третьего числа новогодний вечер устраивали у нее на работе, в травматологии, куда она меня и пригласила.

- Ты только там не особенно глазками стреляй, у нас девушки все очень серьезные, - как бы шутя предупредила меня Наташка. - И, смотри мне, не вздумай в кого-нибудь влюбиться, не потерплю!

- Я уже влюбился, и навсегда!- кричал я во весь голос, обнимая ее. — И как раз в девушку из травматологии!

- Отпусти, охальник, люди смотрят!— отбивалась Наташа.

- Правильно, Стас, такую девушку покрепче держать надо, - хохотал Генка, - а то уведут! Наташенька, можно Вас украсть на танец?

- Если кавалер не возражает.

- Кавалера я беру на себя.

- Ишь ты, Казанова хренов! Отвали, не по тебе птичка!

- А, ты что, султан что ли? Пошли Наташа!

- Я пойду?

- Иди, конечно.

Я любовался, как легко и непринужденно они с Генкой скользили по паркету красного уголка, и испытывал, хотя и старался не показать этого, огромную гордость, что именно меня выбрала и полюбила эта необыкновенная девушка.

- Господа, все за стол, - позвал влетевший в помещение Виктор, сопровождаемый своей неразлучной Настюхой - десять минут осталось!

Я выключил магнитофон и через пять минут все сгрудились в комнате, напротив, у накрытого со всем изыском девчонками стола.

- Ну, что ребята, год заканчивается... Пусть он был, когда не очень, а когда – и ничего, но мы его не забудем! И пусть Новый, наступающий принесет всем счастье и успехи. Виват! - грохнул шампанским Генка. - Подставляйте скорей бокалы, уже куранты бьют!

Я поцеловал Наташку и сунул ей в ладонь коробочку с серьгами, которые приобрел на заработанные курсовиками у первогодок деньги :

- Возьми, это подарок тебе.

- Ой, Стася, спасибо! - поцеловала меня Наталья, радостно всплеснув руками. - Какие красивые!... И дорогие, наверно?...

- Не очень, - солидно, как настоящий мужик, произнес я, сияя от счастья. - Носи на здоровье!

- А я тебе ничего не приготовила, тютя,— пригорюнилась Наташа.

- Ты сама - подарок!

- Да, ну тебя, - засмушалась девушка, - я тебе к старому Новому Году обязательно что-нибудь подарю.

- Ерунда все это! Главное, что мы вместе и нам хорошо.

- Кончайте миловаться! - выдернула меня из-за стола Татьяна. - Пошли танцевать! Можно, Наташенька?

Почти под утро на попутных машинах мы добрались до знакомой пятиэтажки. Кое-где в окнах еще горел свет, и раздавались звуки музыки: люди продолжали гулять и веселиться. Мы долго стояли в подъезде, прижавшись друг к другу и теплой батарее, и самозабвенно целовались, не обращая внимания на то и дело пробежавших мимо поздних, или вернее сказать, ранних гостей.

- Мне пора, я пойду, наверное, - наконец очнулся я.

- Пойдем к нам, ты, конечно, кушать хочешь, я тебя чаем напою.

- Неудобно, люди спят уже, а тут мы с чаем.

- А мама с братом к бабушке в Уссурийск уехали, только послезавтра будут, - притихшим вдруг голосом сообщила Наташка и, немного помолчав, спросила, - Пошли, что ли?

Я только кивнул головой в ответ, взял ее за руку и мы двинулись по лестнице наверх, чутко прислушиваясь к тому, что творилось у нас в сердцах. Не зажигая света, мы разделись в прихожей, и Наташа прижалась ко мне.

- Не боишься?

Я в ответ только тряхнул головой.

- Пошли.

Не отрывая своих губ от моих, она длинным, темным коридором увлекла меня в свою спальню...

Когда я возвращался к себе в общагу, было совсем светло. Таксист, подбросивший меня до вокзала, всю дорогу поглядывал на меня, пытаясь понять причину не сходящей у меня с лица дурацкой улыбки, а, в конце, подытожил:

- Хорошо, видно, погуляли, а?!

- Хорошо, - я тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и, расплатившись, вышел.

На занятия я не пошел, завалился в кровать и долго, закрыв глаза, вспоминал теплые, припухшие губы, упругую грудь и горячий, порывистый шепот: «Не торопись, дурачок! Ну, куда ты спешишь? У нас впереди целая вечность!» Этот шепот постепенно заполнил собою мое меркнувшее сознание, вытеснив оттуда остатки реальности, и я заснул крепким, здоровым сном молодого человека.

Весна, как всегда, наступила неожиданно. Ветви деревьев сбросили с себя комья налипшего снега, почернели обочины дорог, и вот уже веселые ручейки талой воды зажурчали в решетках дождеприемников. По ночам еще примораживало, но днем, особенно на солнцепеке, было почти по-летнему

тепло. Началась сессия, и в эти горячие дни нам с Фатимой гораздо реже удавалось встретиться и побыть наедине. Бесконечные лабораторные, консультации и зачеты отнимали массу времени, и его катастрофически не хватало. Но я не особенно расстраивался: нужно же чем-то жертвовать для будущего счастья и любви, тем более скоро защита, а там диплом и... вперед! К этому времени я уже познакомился с Наташиной мамой, и сделал официальное предложение, на что она, внимательно и даже как-то оценивающе оглядев нас, высказалась так:

- Вы люди взрослые, вам виднее. Но я бы на вашем месте горячку не порола. Тебе, Стас, еще доучиться надо, да и на новом месте, куда распределят устроиться.

- Меня в Забайкалье пригласили, двое суток на поезде, почти рядом. И малосемейку сразу обещали, так что не пропадем.

- Ну, и, Слава Богу, что все хорошо! А ты-то, доченька, что все молчишь? Хорошо подумала? Один раз уже обожглась, как бы чего опять не случилось, а то не только себе, но и человеку жизнь испортишь.

- Ты, мам, прямо хоронишь нас! Во-первых, мы не завтра женимся, а во-вторых, любим друг друга, разве этого мало.

- Не мало, но для семьи много еще чего надо.

- Да, вы не волнуйтесь, Нина Ивановна, все у нас будет не хуже, чем у людей.

- Бог с вами! Женитесь и поезжайте, может все и к лучшему, а то что-то у меня душа последнее время не на месте. Опять давеча Витьку пьяного видела. Едва на ногах держится, а грозит вахлак: уедете, глядишь угомониться, да и мне поспокойнее будет.

Оставшись вдвоем, мы мечтали о нашей совместной жизни, о том тихом и спокойном счастье, которое поселится у нас в доме, обсуждали, кого пригласим на торжество, и чем будем угощать гостей.

- Не надо мне никакого платья, - отнекивалась от моих

предложений Наташка, - давай зря деньги не тратить — пригодятся на новом месте.

- Ох ты, моя хозяйка! - обнимал я ее, смеясь, но настаивал, что такой день в жизни случается не часто и надо встретить его как положено.

В салоне для новобранцев были приобретены кольца, и я с гордостью напялил свое на безымянный палец, несмотря на протесты Натальи. Кольцо, как я считал, придавало мне солидности, и я старался продемонстрировать его при каждом удобном случае, вызывая «охи» и «ахи» сокурсниц и понимающие улыбки друзей. Все шло своим чередом.

В четверг я сдал последний экзамен, получил на почте перевод от родителей и счастливый, что все экзаменационные переживания осталось позади, полетел к шести часам встречать Наташку с работы. На душе у меня пело: заканчивалась надоевшая зима, и приближалось лето, а по части учебы остался один диплом. А уж если вышел на диплом, то защититься — это просто проформа. А в-третьих, меня ждет лучшая на свете девчонка, которая не сегодня-завтра станет моей женой. Какое солидное слово — жена!

Вечер пролетел незаметно. До девяти мы посидели компанией в нашем любимом кафе на берегу, угощаясь причудливыми, но обалденно-приятными коктейлями местного виртуоза бара, и, танцуя под скрипучие мелодия музыкального автомата, а потом долго бродили по набережной, любуясь, как плывут по темной воде редкие льдины, сталкиваясь и вертясь на быстрине у прижима. Потом около часа ехали на последнем автобусе, целуясь на заднем сиденье и не обращая никакого внимания на запоздалых пассажиров. Каждое прикосновение руки, или плеча, случайное, едва осязаемое, воспринималось, как нечто, понятное только нам двоим и никому более.

- Ты меня любишь!?

- Больше всего на свете!

- И я тебя!

Нежность переполняла нас. Все, что происходило вокруг, или просто попадалось на глаза, радовало, и не каким-то своим внутренним содержанием, а просто тем, что оно существовало и имело место быть. Так радуются жизни только после тяжелой, неизлечимой болезни, которая внезапно отступила, и человек начинает верить, что этот огромный и прекрасный мир еще долго будет удивлять его своими неожиданными подарками...

Мы долго стояли, обнявшись, у знакомого подъезда и я все никак не мог оторваться от нее, а она ласково гнала меня:

- Опоздаешь, любимый, сейчас автобус подойдет. Ну, беги же, а то я всю ночь буду волноваться! Ох, Стаська, хватит, а то задохнусь!

Наконец решив, что пора, и в противном случае до города придется топать пешком, я в последний раз поцеловал Наташу и решительно зашагал в сторону остановки. По дороге я несколько раз оглянулся на тонкую девичью фигурку, одиноко стоящую возле скамейки в тусклом квадрате света, падающего из зашторенного окна. В последний раз, махнув рукой, я ускорил шаги, но тут неясный, глухой вскрик, скорее просто выдох, достиг моих ушей и, сам не знаю почему, заставил вдруг больно сжаться сердце. Я резко остановился и оглянулся назад. Краем глаза я успел заметить тень, метнувшуюся от Натальи в сторону темного проема проходного двора, а сама она, прижав руку к груди, а другой ухватившись за спинку скамьи, медленно сползала на мокрый асфальт. В три прыжка я преодолел разделяющее нас расстояние и едва успел подхватить ее.

- Что?! Кто?! - бессвязно бормотал я, заглядывая в покрывающееся мертвенной белизной лицо девушки, и вдруг, увидев торчащую из груди Наташки рукоять ножа, понял все.

Она отяжелела у меня на руках, ноги мои подкосились, и я опустился на колени, поддерживая ее голову. Беззвучный плач сотрясал меня, но, преодолевая спазмы в горле, я продолжал успокаивать ее:

- Потерпи, Наташенька! Я сейчас, сейчас... Ты только потерпи!..

- Ох, какой дурачок, - тихо, так, что я едва расслышал, внезапно произнесла Наталья, - зачем? Ты не трогай его, Стасенька.

Слезы беспрерывно текли у меня по щекам, и я с безысходным ужасом осознавал, каким-то звериным чувством понимал, что ничем уже не смогу ей помочь.

- Поцелуй меня,— прошептала Наташа.

Глаза у нее закрылись, она глубоко вздохнула, и мне вновь почудилось: «зачем?» Я не помню, что орал в черное, безмолвное небо, как собрались вокруг нас какие-то люди, когда появились скорая и милиция. Она умерла у меня на руках.

Много лет прошло с той поры, но и сейчас я часто вижу во сне стройную, белокурую девчонку, мою первую, настоящую любовь, со странным, совсем не подходящим ей ни по характеру, ни по внешности, восточным именем-прозвищем Фатима. Она бежит ко мне навстречу в распахнутом белом халатике и все никак не может добежать, а я, скованный по рукам и ногам какими-то путами, не могу пошевелиться и помочь ей. Сквозь шелест листьев, волнуемых летним ветром, и затихающий шум большого города легким дыханием доносится: «зачем?» И я просыпаюсь разбитым и усталым с надоевшей, как заноза, мыслью, что жизнь, которую я почти прожил, могла быть совсем иной.

январь-февраль 2003 г.

Сезон светливой сороки

На тех безымянных проселках,
где нет ни единой души,
когда-то живые поселки
завязли в грязи и глуши.

Тропинки околиц безликих
высокая скрыла полынь,
лишь воронов редкие крики
тревожат осеннюю стынь.

И на безымянных могилах –
останки крестов и оград.
А было иначе все.
Было!
Лет тридцать всего-то назад.

Полуторки юрко сновали,
зерно, отвозя на гумно,
а осенью свадьбы гуляли,
да ткали из льна полотно.

И дети рождались исправно,
семейное счастье суля,
и бедствовать было бы странно,
когда тебя кормит земля.

Но, кто-то ретивый подумал,
что все наше прошлое – тлен,
и с наглостью нового гунна
сломал, не построив взамен.

*И ваучер, вроде, во благо
народу насильно всучил.
Потом за бесценнок бумагу,
а с ней и заводы скупил.*

*Правитель, сидящий высоко,
бесстрастно в носу ковырял.
Страна содрогнулась от шока,
народ, превращая, в менял.*

*Кричали: во общее благо!
Да видно попутал их бес:
ведь партии в этой шараге
все вышли из КПСС.*

*Крутили рулетку мальчишки,
не выверив курс, абы как,
а чтобы наполнить кубышки,
в стране учинили бардак.*

*И кто бы предвидел такую
коллизию.
Время бежит –
воруют собаки, воруют,
все тащат, что плохо лежит!*

*Налоги, что платим все вместе
в наш общий карман и на стол,
украли без совести, чести
со строек, заводов и школ.*

*Мы стали привычными к этим,
что в мир по-хозяйски глядят,
ведь даже сопливые дети,
и те в депутаты хотят.*

*И совесть больная не слышит
Державы расхристанной стон,
где люди спуют, словно мыши,
и правит не цезарь, а клон.*

*Я все это видел и вижу
воочию, из года в год,
и... как я вас всех ненавижу,
радетелей, блин, за народ!*

Пролог

Весна, что, впрочем, и не удивительно для наших мест, выдалась на редкость длинной и холодной. Весь апрель стояли морозы и бесновались метели, как будто природа пыталась отыграться на людях за теплую и малоснежную зиму. Сугробы навалило выше заборов, а ежедневная утренняя разминка с лопатой, приятная и необременительная в начале зимы, превратилась из удовольствия в сущее наказание. Долгое ожидание тепла и весеннего солнца, невыносимое и тягостное, как зубная боль, занозой засело где-то в подсознании. Однако каждый последующий день был точно таким же, угрюмым, серым и ветреным, как и предыдущий, а настроение – ниже плинтуса. Утром приходилось вставать на час раньше обычного, и, напялив старую куртку с потрепанной кроличьей шапкой, выползать в непогоду, плюющую в лицо мокрым, липким снегом. А затем, матеря про себя весь белый свет, с упорством, достойным лучшего применения, отгрести снег от ворот гаража до дороги. Ни много ни мало – метров пятнадцать. Иначе машину из гаража выгнать было бы невозможно: пару раз натопчешь снег – ворот уже не открыть. Особенно в это неустойчивое время, когда подтаявший снег в одночасье превращается в ледяные глыбы, и приходится его долбать чем-то посерьезнее простой деревянной лопаты. А перспектива тащиться на работу в рейсовом автобусе как-то не слишком прельщала. Ну а

пешком и вовсе – далековато. Километра два с гаком, да еще по непогоде – кому это понравится? Хотя, если подумать, для здоровья – совсем неплохо.

На следующий день все начиналось сначала. Надоело! У меня даже строчки такие родились:

Эх, ма!
Опостылела эта зима.
Все назойливей зябкою ночью
промелькнувшие призрачно сны
пахнут ласковым ветром весны,
терпкой свежестью почек.

Промерзают у хаты углы.
В окнах тусклых клубящейся мглы
проплывают седые обмылки.
Дышит печь ненадежным теплом,
и сверчок причитает псалом
из невидимой дырки.

Каждый день
все одна же и та дребедень:
разгребанье фанерной лопатой
до петель занесенных ворот,
да сольфеджио воющих нот
вьюги – суки лохматой.

Этих дел
наступает какой-то предел,
путы холода мысли треножат.
Вот и греется молча душа,
в одиночестве водку глуша,
отогреться не может.

Улететь?

Обязательно нужно успеть
с перелетом в грядущее лето.

Может быть, на цветущих лугах,
где когда-то глумилась пурга,
позабуду про это.

Улететь никак не удавалось, время не позволяло. Потому что, кроме этих надоевших, но временных, сезонных катаклизмов, на подавленное состояние стосковавшегося по витаминам, еще не слишком старого организма, влияли и неожиданно возникшие неприятности. Нашу контору, ведущую в качестве заказчика реконструкцию мебельной фабрики и беспечно процветавшую до сих пор, было решено прикрыть из-за внезапного отсутствия на счетах учредителей необходимых денежных средств. Да и, как выяснилось впоследствии, полной нерентабельности производства этой самой кухонной мебели. Потеряли инвесторы интерес к мебели, и все тут. Понятно, правда, почему? Еще полгода назад кухни, выпускаемые уже действующим цехом, расходились среди населения на «ура». А тут: кризис, инфляция – слова-то какие! Раньше о таких понятиях только в книжках читали, и – на тебе, дождались! Спрос на продукцию упал до нуля: кому нужно тратить зарплату на мебель, если не знаешь, на что завтра детей кормить? Деньги обесценивались ежемесячно и непредсказуемо, зарплата за ценами не поспевала. На горизонте замаячила реальная, еще вчера совершенно дикая перспектива стать простым советским безработным. Правда, пока перспектива эта казалась какой-то далекой и не вполне осязаемой, но смутное беспокойство постоянно висело в воздухе и давило на мозжечок. Как так? Ну, где-то еще у них там, за границей, в загнивающем, так сказать, капитализме и может быть какая-то безработица, это понятно. А у нас, в развитом социализме? Абсурд! Чушь собачья! Странное такое состояние, непривычное, поросячье. А самое неприятное – никак не исчезающее!

- Ну, и что будем делать, мужики? – угрюмо спрашивал я своих сослуживцев и подчиненных – Виктора, по прозвищу Бенья, и Геннадия, с которыми проработал не один год. – Прикроют нашу лавочку, куда подадимся?

- Там видно будет, - неопределенно махал в пространство Геннадий, а Виктор, занятый мыслями лишь о том, как бы побыстрее и понахрапистей охмурить нашего нового технолога по деревообработке Леночку Толмачеву, и вовсе отказывался рассуждать на эту тему:

- Делать вам нечего. Чего волноваться-то? Ну, закроют нашу шарашку, другую найдем. Слава Богу, не в лесу живем. Без строителей ни одна власть не сможет существовать. Основные фонды, они и есть – основные фонды! Куда без них? Первый раз, что ли, в стране бардак? Талоны помните? Ну, и фиг ли? Никто не помер. Пережили голод, переживем и изобилие!

- Не больно-то сейчас работу найдешь, все на боку лежат – кризис, мать его! Вон, любимое наше СМУ тоже лихорадит, заказов-то нет. А какая контора раньше была, помните? То-то же. И с инфляцией этой самой никак не разобраться: не поймешь, что почем сегодня. Все в тартарары катится. А что послезавтра будет? Зарплату скоро миллионами давать начнут, как при НЭПе, а то и миллиардами. Да и живем-то мы как раз в лесу, от леса и кормимся.

- Ну, лежат, допустим, не все, - сплевывал в пепельницу Геннадий, туша папиросный окурочок, - наше-то начальство в порядке. Лес налево и направо пихают вагонами – только шум стоит! А вот денег, блин, даже на зарплату что-то не видать. Два месяца уже одними авансами работяг кормят, да отоварками! Негубин с Сашкой совсем оборзели, как будто последний день живут. Зато на новых девятках катаются, сволочи!

- Зависть, Гена, чувство глубоко атавистическое и для здоровья человека вредное, - смеялся Виктор. - Ты у нас тоже не святой: бочку белой краски с цеха химреагентов приватизировал потихоньку, и ничего. Нет бы с друзьями поделиться.

- Перебьетесь, у нас нищим не подадут!

Геннадий был прижимист, чего уж там скрывать. Как деревенские кулаки, которых нам в кино показывали. Но – до того момента, пока не накатывал первую рюмку.

- Какой вы, однако, грубый, Геннадий! – подначивал Витька. - Чего на Негубина-то баллон катить, он директор, ему по должности все можно! А Кречет у нас кто? Заместитель по снабжению! Чувствуете, Гена, по снабжению! А что должен делать снабженец? Правильно, снабжать! Вот он и снабжает непосредственное начальство, как умеет. Кстати, а зачем тебе целая бочка краски? Таким количеством можно в пятиэтажке все окна выкрасить.

- Тебя не спросил, балабол!

- Фу, как не интеллигентно!

- Кончайте, мужики, лаяться! – прерывал я эту надоевшую болтовню. - Краску, видишь ты, не поделили! Я тут клиента на пиломатериал нашел, Первомай на носу, праздник – деньги нужны! Или вы не в деле? Всё поняли? Ну – так впрягайтесь! Как там наш дорогой вождь говорил: цели определены, задачи поставлены, за работу товарищи!

Надо сказать, что доску с лесокомбината в последнее время тащили все, кому не лень. Деньги за работу платили нерегулярно, вот и выкручивался народ. А поскольку наше управление функционировало при комбинате, то и мы пользовались имеющимися возможностями, а, попросту – крали. Дыр и проездов в многокилометровом заборе комбината в последнее время стало слишком много, чтобы охрана могла их все контролировать. Да и охране, по большому счету, тоже все стало по барабану. Бардак, одним словом! Еще пару лет назад я себе и представить не мог, что такое возможно. Органы в пять минут разобрались бы. Сейчас, похоже, и органам недосуг...

- Это без вопросов, товарищ начальник! - тер руки Виктор. – Скажите, куда везти, а за нами не постоит. Только не меньше трех тысяч за пачку бери. А два штабеля разом возьмут – еще лучше. Я это дело мигом организую. Посидим в

«Огоньке», попьем, за жизнь поговорим, - мечтательно добавлял он. – Соскучился я по грибной икорке!

Грибная икра из белых была в нашем ресторане основным деликатесом.

- Гурман, - бурчал Геннадий, но Витька не обращал на него внимания.

«Огонек» - рубленный из бруса в первые, еще шестидесятые годы рождения нашего города, небольшой ресторанчик, впоследствии обложенный кирпичом, место, где можно было вполне культурно посидеть. Город все это время, худо-бедно, но рос и перестраивался, а вот до нового ресторана руки у начальства никак не доходили. Однажды, когда в город должен был приехать министр лесной промышленности, его подновили. Заменяли полы, покрасили фасад, окна застеклили. Построили даже нечто, вроде подиума, для начальства, возвышение такое над основным залом. Но министр почему-то не приехал. И пришлось нам, простым смертным, на этом самом подиуме бражничать. А что мы, хуже министра, что ли?

Особенно хороша в «Огоньке» была, как я уже заметил, овощная икра из белых грибов, в изобилии произрастававших в местных лесах. Да еще – рыба. Благо центральная улица упиралась прямо в берег бухты, где был расположен порт и судоремонтный завод. Поэтому у гуляющих вечерами парочек не было особого выбора: либо на берег, дышать свежим морским воздухом, либо в «Огонек», где играл неплохой оркестрик, и пела симпатичная солистка. Звали ее Гюльнара, черноволосая такая узбечка: чернобровая, а глаза, как сливы. Но приклеиться к ней никто даже и не пытался: ухажером у нее был наш главный районный пожарный Студень, здоровый амбал с пудовыми кулаками. А танцы в городском доме культуры случались только по выходным. В одно время, когда наши отношения с моей первой женой, длившиеся почти шесть лет, внезапно оборвались, мне частенько приходилось ужинать в этом богоугодном заведении, смущая уже вполне зрелым мужским видом местных барышень. И, как бы я не

старался напустить на себя скучающий, независимый вид, этакий Чайлд Гарольд, глаза сами каждый раз непроизвольно поворачивались в сторону очередной, входившей в двери красавицы. В конечном итоге, кого-то приходилось провожать домой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Или не провожать, что тоже случалось. Сомнительная известность моя в те далекие времена росла не по дням, а по часам, пока, наконец, не докатилась до кабинета второго секретаря районного комитета партии, в которой, как весь передовой авангард советского народа, состоял и я.

- Не мешай людям в ресторане отдыхать, Аркадий! Там же одна молодежь, ты-то куда прешься? – внушал мне в приватной беседе Николай Федорович, главный идеолог и недремлющая совесть нашего районного партийного актива.

- А я, что – старый? И, потом: я же там не дебоширю, сижу себе тихо в уголочке, никого не трогаю.

- Ага, если бы не трогал! А то каждый раз с очередной девицей по улице ночью мотаешься! Ангел, понимаешь ты! Народ, он, ведь, все видит.

- Народ лучше бы по ночам спал, Николай Федорович, а не глаза на улицу тарасил! И чего это всех наших бездельников мое моральное состояние тревожит?

- Прекрати так о людях! Ты же – руководитель, человек публичный, понимать должен! Да чего я тебя учу, сам все не хуже меня знаешь. Гляди, опять до выговора допрыгаешься со своими бабами!

- Ладно, учту.

Хороший человек был Николай Федорович, хоть и партийный босс. Всю войну прошел. И не в штабах, а в самом пекле. Уважали его в городе. Совесть жила в человеке. Помню, когда водку стали в одно время давать по талонам, я его не раз в общей очереди у магазина наблюдал. Предлагали мужики наши старику без очереди отовариваться, но он только отмахивался, как и все, терпеливо дожидаясь своей бутылки.

А до выговора я еще когда только собрался развестись

с женой, допрыгался. Решила меня благоверная моя с помощью партии в чувство привести. Вызвали на бюро, попытались воспитать. Как, дескать, так: партийный человек и, на тебе, морально неустойчив? Не положено! Надо сказать, что не все это поддерживали. Мой старый приятель, главный врач больницы, тоже член бюро, даже попытался помочь:

- А что, Николай Федорович, дети-то у них есть?

- Нет.

- Может имущество не поделили?

- Да, нет.

- Квартиру?

- Чего ты ко мне пристал, Юрий Петрович? Оставил он квартиру жене.

- А чего мы тут тогда рассматриваем?

На минуту в зале бюро повисла тишина.

- Выйди-ка, Аркадий Викторович на минуту, - нарушил эту тишину второй секретарь.

Я поднялся и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Из кабинета напротив выскочила, как черт из табакерки, Марья, заведующая общим отделом. Хотя лет ей было уже далеко за сорок, все ее почему-то звали просто Марьей.

- Ага, попался, голубчик! – запричитала она. – Сейчас тебе, кобелю, мозги-то вправят!

Только я тогда категорически отказался назад возвращаться. Простите, граждане, но это мое личное дело. Какое такое личное дело? Нет в партии личных дел. Ну, это у вас такое мнение, а у меня – другое! Ах, раз ты такой упертый, так на – получи! Вкатили выговорешник с занесением в личное дело! Но ведь от выговора, как говорится, еще никто не умирал. И грыжи от него не бывает. Так что – вперед, гусары, весна на дворе, гормоны играют! Да и бог с ним, с выговором, когда это было, сто лет назад...

Я плевался, разгребая выпавший ночью снег, и ни сном, ни духом не ощущал, что эта промозглая весна – только прелюдия

к событиям куда как более тяжелым и печальным, чем можно было бы себе представить. Мы еще не догадывались, что все эти экономические выверты и переломы вздыбившейся вдруг державы потянут за собой и, в конце концов, изломают, исковеркают, а порой трагически оборвут многие человеческие судьбы. Что раньше считалось постыдным, станет нормой, что черным – белым. Во все, более-менее ответственные кресла, усядутся не самые умные, но свои. А если ты не присягнул на верность клану – сожрут! И эти самые «свои» вскоре потащат по норкам и гнездам все подряд, что было нажито державой за всю ее историю, попутно превращая дворцы и заводы в руины. Самое страшное – это станет для большинства нормой, привычным состоянием. Труднее всего будет тем, кто все это создавал собственными руками, кто ради этого гнил в лагерях, кто прошел войну и послевоенные лишения. Принципы, ради которых наши отцы и деды, шли на смерть, терпели голод и холод, превратятся в прах. Тем, кто помоложе, придется принципы менять, иначе не выживешь. Тут – либо прогибайся, либо – прощай! Широка страна моя родная!

Широка страна моя...

И все же
нет в подлунном мире постоянства:
нежная ее девичья кожа
не стерпела грубости и хамства,
от границы дальней до границы
на глазах в шагреню преобразаясь...

И плывут испуганные лица,
в зеркалах свободы отражаясь.

Развалили державу, разворовали! Ну, а те, кто только пришел в эту жизнь? Станут молиться совсем другим идолам. Каким? А дьявол их знает! Хотя совесть с честью еще никто и никогда не отменял, даже в средневековье. Не зря же люди ради принципов входили на костры.

Генка умер внезапно, в конце июня, в разгар белых ночей. Лето уже полностью вступило в свои права: шумели свежей листвой тополя, склоны сопок окрасились сиреневым цветом от дружно цветущего бескрайними площадями Иван-чая. Воздух вечерами был напоен запахом умытой дождем тайги, расцветающих на клумбах цветов, заграничным парфюмом гуляющих по темным аллеям девчонок. Генка так и не успел получить полагающееся выходное пособие, по случаю намекающейся и уже озвученной в приказе по комбинату ликвидации нашего управления. А хотел. Даже планы какие-то строил. Человек он был хозяйственный и обстоятельный, достраивал собственный дом, и денег, естественно, не хватало. Когда Генка занимался делом, которое считал полезным, он практически не употреблял, хотя назвать его непьющим даже в такие редкие периоды язык не поворачивался. Подвержен был человек циклам. А что страшнее: выпивающий понемногу, но часто, или непьющий годами, но потом халкающий месяц, а то и два подряд? Да так, что жутко становилось от одного его вида! Неизвестно, что лучше, что хуже. Почти год Генка капли в рот не брал. Сидел на диете. На обед съедал кусок вареной говядины без соли и выпивал стакан чая без сахара. Похудел килограммов на пятнадцать и помолодел. При весе за сотню, не так уж и много, но все же. Короче, человек всерьез занялся своим здоровьем. А тут, как с цепи, сорвался. Почти месяц до кончины он беспробудно пил, пользуясь тем, что находился в очередном отпуске, а жена с дочерью отбыли отдыхать на курорт. Остановить мужика было некому. Никакие мои уговоры завязать с пьянкой на него не действовали. Опухшая физиономия с мутным взглядом ничего не выражала и оживлялась только тогда, когда очередной гонец приносил очередной пузырь. А потом он и вовсе перестал открывать дверь в квартиру и отвечать на телефонные звонки. Пошли, дескать, со своей моралью! В последний раз я слышал его охрипший голос в телефонной трубке, когда он обещал мне выйти на работу после того, как пару дней отлежится.

- Похмелюсь, и – все!

Но в понедельник на работе он так и не появился. А часов в одиннадцать вечера мне позвонил его сосед по лестничной площадке Николай и сообщил, что Генка приказал долго жить.

- Я его, Аркадий, утром силой в реабилитацию отвез. Вроде, вполне живой, здоровый был. Правда, с бодага потряхивало, но это-то понятно, месяц почти жрал. По дороге даже опохмелился чекушкой: иначе, говорит, не доеду! Откуда взял? Да я и купил. А час назад главврач из диспансера позвонил – тромб у Генки где-то оборвался и что-то там закупорил. Ты же помнишь, какие у него проблемы с венами на ногах были? Часа два его Украинец пытался откачать, но не смог. Вот такие, брат, печальные события. Не знаю, что и делать? Телеграмму мы жене в Анапу отправили, а вы уж о похоронах позаботьтесь...

Смерть ровесника, товарища, с которым столько лет трудился рука об руку, не просто потрясла, а ошпарила. Только только Генке полтинник стукнул. Какой это возраст для здорового мужика? Что же, мне тоже на погост собираться? Я долго не мог прийти в себя. Еще вчера человек был жив, а сегодня его уже нет! Когда тебе за тридцать с хвостиком, пусть и немалым, смерть представляется чем-то нереальным, далеким и к тебе отношения не имеющим. Ну, понятно, блин, за шестьдесят там, за семьдесят! Пожил человек, покуролесил, насладился бытием! А Генке-то, всего пятьдесят, в самом соку, если подумать! Все пьянка, мать ее, проклятая! Говорил же я этому гаду: бросай! В голове просто не укладывалось, что Генки уже нет, мысли путались! Тем более что с ним мы были знакомы не один год, а больше десятка. Вместе киселя хлебали с тех далеких пор, когда еще строилась вторая очередь нашего, по меркам захолустья гигантского, деревообрабатывающего комбината. И еще раньше по работе не раз пересекались. Это, когда я в мостостроительном батальоне служил, а Генка прорабом у железнодорожников. Я представил, что будет с его женой, когда она получит телеграмму!

Кошмар! Нас-то с Витькой она точно на портянки порвет, учитывая ее непростой, скажем мягко, характер. Уехала женщина отдыхать к морю, а вернулась на похороны! Кому это понравится? Никому! Страшно! Не приведи Господь самому такое испытать! И назад, как ни крути, время не повернуть.

Я тут же позвонил Витьке и своим сообщением поверг его в полнейший ступор.

- Ну и ну! – только и смог произнести он в ответ после долгой, затянувшейся паузы.

- Вот тебе и гну! Что делать-то будем?

- А я почему знаю? Гроб в столярке, наверное, заказать нужно, и ограду сварным. Ну, и все прочее. Давай завтра решим, а то голова не варит. Утро вечера мудренее.

- Ладно, спи, утром только на работу не опаздывай.

Полночи я промаялся без сна: вертелся на влажной простыне, в голову лезли всякие дурацкие мысли. Почему-то неожиданно вспомнилась одна из многочисленных рыбалок, на которые мы частенько ездили большой и дружной компанией. Речка, почти ручеек со странным названием Нава, в ту осень практически обмелела, за весь сентябрь не было ни одного дождя. Вода порыжела и почти не текла. Но плотвы с окуньками на уху мы все же наудили. Под уху, как полагается, выпили. Потравили обычные байки с анекдотами, да про женщин, и завалились спать прямо у костра, благо погода была тихой и относительно теплой. Бабье лето. А ночью ударил первый заморозок. Утром меня разбудил ржущий Витька. Рукой он указывал на матерящегося Генку:

- Глянь на карася!

Тот отдирал от котелка с чаем примерзшие к нему ночью мокрые волосы. Замерз бедолага под утро, подполз поближе к костру, да головой в котелок и уперся. Бывает. В тот час уже светало. Трава на поляне серебрилась инеем в лучах восходящего солнца. Полнейший штиль. День обещал быть погожим.

- Кончай ржать! Человек, можно сказать прическу испортил, а ты насмехаешься!

- Ладно, хоть не запалил, а то бы, как кабана, отпаривать пришлось! Интересно, а лысина тебе бы пошла?

Генка, отодрал примерзшую прядь и молча плюнул в нашу сторону. Разожгли костер, напились чаю и отправились на ближайший выруб собирать бруснику. Темно-красные, почти черные капли зрелой ягоды густо рассыпались между почерневшими от дождей и времени сосновыми пнями. Когда-то здесь шумел столетний бор, но его скосили наши герои-лесозаготовители. Осталось песчаное поле, покрытое пнями. Но вот брусника почему-то такие места любила. Мошка в тот день нас не тревожила, видно, хлопнул ее заморозок. Набрали столько, сколько смогли унести. Год случился урожайный, что на ягоду, что на грибы. А Генка жадный был до всех этих дел. Его, если не остановить во время – до ночи будет на карачках по беломошнику ползать! Всю свою ближнюю и дальнюю родню снабжал этой самой брусникой да и клюквой тоже. Посылками отправлял. Я если ведро набирал, то уже считал, что подвиг совершил. А для Генки ведра четыре было нормой, а то и все шесть.

Я перевернулся на другой бок, но сон никак не шел. Память, паскуда, старательно листала страницы давно ушедших дней. Тогда я еще не знал, что много лет спустя, когда я догоню своего приятеля по возрасту, в одной из поэм, посвященных моим ушедшим преждевременно друзьям, я вспомню о нем:

Ты помнишь, Генка, наш с тобой банкет
и юных командирш из студотрядов?

Уже забыл дружище?

Ну, привет,

я думал у тебя в мозгах порядок.

В поступках и делах твоих всегда
скупая рассудительность витала,
тебя не занимала ерунда,
которая прибытку не давала.

Но ты был добр:
где можно и нельзя
особенно в местах, где наливали.
И мы, твои старинные друзья,
всегда об этом помнили и знали.

Ты вверх взлетал
и резко падал вниз,
в тупое равнодушие запоя,
но исполнял жены любой каприз
и дочь поднял,
и дом почти построил.

И нас, друзей своих, не забывал:
без помощи твоей не оставались.
Как говорится, жил и поживал,
пока канаты жил не оборвались.

Да, ты, конечно, тоже – из кутил,
да из таких, что – лежа на кровати!
И вот тебя в машину посадил
в последний путь сосед твой и приятель.

Неброский обелиск.
Могильный холм.
И – ни родни, ни даже сослуживцев.
Ушел, дружище, литерный вагон,
унес в пространство образы и лица...

Промаявшись так еще часа два, я, наконец, устал и уснул.

Дня три мы с Беней, как сумасшедшие крутились насчет организации похорон и решали возникшие, как всегда внезапно и некстати, прочие неотложные дела: то заказывали гроб с памятником, то искали белую краску, чтобы этот самый памятник покрасить. В конце концов в гараже у Генки мы об-

наружили ту самую бочку приватизированной им втихую со стройки корабельной краски и решили проблему с памятником. «Вот жизнь, - еще подумал я тогда, - человек готовился окна с дверями в новом доме красить, а оно вон, как вышло!» Вся эта многодневная суета и постоянная выпивка с нужными и ненужными людьми так утомили меня, что я едва-едва не скончался сам. И по причине совершенно отказавшего здоровья и полной невменяемости даже не попал на похороны товарища. Голову от подушки не смог отодрать! Вот так-то! Еще с вечера Витька пытался взывать к моей совести, даже обещал, потом морду набить, но все тщетно: опухшая от пьянки эта самая морда и почти уснувшее сознание никак не реагировали на справедливые упреки друга. До полудня в день погребения я так и пролежал пластом, проклиная про себя вредные человеческие привычки и обещая самому себе, что больше никогда в рот не возьму. А кто себе этого не обещал? Покойник, конечно, не обиделся, обиделась вдова. Гад, мол, поганый, товарища не проводил! Однако и сама-то она прибыла с курорта только утром, в день похорон, когда все уже было организовано, и обращать внимание на бабьи капризы и незаслуженные обиды было бы попросту смешно. Лучше бы спасибо сказала. Конечно, получилось не слишком красиво, но что делать. Я все же решил, что собственное здоровье, а может быть, и жизнь – дороже! Так что, едва оклемавшись от этого многодневного питейного марафона, я на следующий же день с помощью Витьки под недовольное ворчание аэропортовской милиции погрузился в самолет и скрылся на неделю в деревню, к родственникам, где и очухался на свежем воздухе и парном молоке. Начальство не возражало, так как вопрос ликвидации управления капитального строительства был решен окончательно и особых, совсем уже неотложных дел, на горизонте не ожидалось.

После возвращения я вместе с Виктором и бухгалтершей занялся решением текущих проблем подчиненных и своих

собственных. Удалось продать часть незавершенки учредителей – попросту загнать один из недостроенных корпусов фабрики под автосервис. А уже на вырученные средства я с облегчением оплатил долги подрядчикам и задолженность по зарплате своим собственным сотрудникам. Кроме всего прочего, наглядевшись на то, что позволяют себе наши вышестоящие и стоящие еще выше, мы с Витькой бодро продали заинтересованным лицам часть неоформленных материалов и конструкций, предназначенных для дальнейшего строительства. После всех этих многотрудных дел, мы с приятелем почувствовали, наконец-то, относительное, хотя и не бесспорное, финансовое благополучие. Благо заинтересованных лиц хватало: многие жители города вдруг начали упорно и стремительно строиться, что, в общем-то, и правильно, не век же в коммуналках да по балкам горевать. Социализм катился под откос, и ждать от слабеющего государства квартиры по меньшей мере было наивно. Витька ухитрился загнать даже часть уже выполненных из плит подъездных дорог на объекте. Вернее, плит с этих самых дорог. В нерабочее время, чтобы было поменьше глаз, покупатели бойко разбирали дорожное покрытие и вывозили плиты, кто чем мог. Через неделю проезды и площадки возводимого нами объекта покрылась проплешинами чистого, желтого песка, выдавая особо сообразительным и любознательным нашу бурную и не совсем законную коммерческую деятельность. Самое смешное, что никакие угрызения совести нас совершенно не мучили. Даже партийное воспитание не останавливало. С едва живых заводов и строек, по всей нашей необъятной Родине, народ тащил все, что плохо лежит. А плохо на тот момент лежало почти все. Тащили, как тараканы крошки со стола, или как суетливые сороки в свои гнезда все, что мало-мальски блестит. Вроде, и не нужна птице какая-нибудь бесполезная, но яркая вещица, а все равно – тянет! И к этому стали привыкать. Партия к этому историческому моменту накрылась медным тазом, органы что-то и вовсе сдулись, попричихли. Органы – особая каста, они во все времена

нос по ветру держат, а в переломные – тем более! Неизвестно ведь, кто, как и за что завтра спрашивать с тебя станет. Схватишь лиходея за руку, а у него дядя – прокурор! И лечи потом грыжу! Лучше для здоровья ничего не видеть, не слышать и обязательно не помнить. Кома, она – ох как полезна иногда! Ну, потерял человек память, что с него взять. А совесть? А что совесть? Совесть стала ненадежным капиталом в лихое время ускорений и перестроек. Корежило ее, конечно, малость, но не слишком. Привыкать начали. Хотя, если подумать, в России крали и при царе Горохе...

- Эх, красота, - говорил Виктор, пряча очередную, заработанную трудами праведными заначку в карман, - приятно быть при деньгах! Ну, что, в кабак, что ли?

- Давай! – я был в этот период совершенно одинок, у Витьки давно в семье что-то разладилось, и угрызения совести вместе с моральными страданиями его тоже не слишком-то тревожили.

Дочка взрослая уже, а жена? Ну а что, жена... Жена – не стена! Жены, как говорится, приходят и уходят. Вот дети, правда, как на грех, – остаются! Философия твердая, как бетонный блок.

Утром каждого нового дня мы, как заведенные, по привычке являлись на работу. Но, поскольку, на работе делать было, собственно, нечего, к обеду, как правило, уже заседали у кого-нибудь в гостях. Беспросветность и неопределенность будущего угнетали, как ни притворяйся бодрячком. Имелись, конечно, варианты дальнейшего трудоустройства, но настолько мелкие и неинтересные, что все это окружавшее нас безобразие и дискомфорт так и тянуло утопить в стакане.

- Может, коммерцией займемся? – предлагал вдруг Виктор с самым серьезным видом.

- Уже занимались! – я напомнил товарищу о шкурах, которые он как-то ухитрился закупить за тридевять земель, в зверосовхозе, и которые нам едва удалось сбыть себе в убыток, затратив на это дело почти год.

Прочитал парень в какой-то газетенке рекламу, что некий зверосовхоз продает по дешевке шкурки норки, и подбил меня на эту авантюру. Я, как порядочный, выписал ему командировку: едет, дескать, человек по делам. Припер он шкуры к нам в город, и что? А ничего! Никому они не нужны оказались. Готовых шапок пруд пруди. Год не могли сбуть! А что такое год при нынешней-то бешеной инфляции? Деньги были наши общие, решение тоже, пенять было не на кого. Я тогда крепко материл себя за то, что по дурасти вляпался в эту историю. Торгашом тоже надо родиться. Единственными полезными предметами, что приобрел Витька в той, так называемой командировке, вместе с норковыми шкурками, был стеклянный охладитель для самогонного аппарата и маленький, аккуратный спиртометр. Ну, значит, чтобы качество продукции проверять. И охладитель, и спиртометр мы тогда опробовали незамедлительно. Виктор где-то добыл два ведра пшеницы и мы заквасили её в сорокалитровой фляге. Удачно, что жена у него в этот период отъехала вместе с дочкой погостить к маме. Недели через две попробовали заквашенное пойло. Брага получилась тошнотной, пить невозможно, но вот самогон из нее – что надо! Крепкий такой напиток и практически без запаха сивухи. Угостились сами и друзей угостили. И вот с той самой поры я потерял всякий интерес к коммерции. Не мое это дело, не лежит душа!

- Чего ты, бывает! Первый блин - комом! – не унимался Виктор. – Можно еще что-нибудь предпринять, подумать только надо, как следует.

- Подумать, да еще как следует – это, точно, не помешает!

- Может, самогон гнать и продавать?

- Ты, что, рехнулся? Сесть, что ли хочешь? У нас пока монополию государства на это самое дело не отменили. Еще бы бордель предложил организовать, благо вот этого-то товара – везде хоть отбавляй!

- Насчет борделя не знаю, - совершенно серьезно чесал затылок Виктор, - для этого дела соответствующую хату нуж-

но и контингент. Хотя при желании... Да и прав ты, за задницу тоже могут взять, оглянуться не успеешь! А вот Леночку нашу приголубить я бы не прочь!

- Так в чем же дело? Дерзай!

- Не получается. Не нравлюсь я ей. Она, похоже, на тебя глаз положила, голубь ты наш сизокрылый!

- Брось ты эти разговоры, не до Леночки сейчас.

- Это почему же? Импотенция старческая замучила? Нет импотенции? А чего тогда нос воротишь? Уж больно она девка ядреная, мимо спокойно не пройдешь, так и хочется потискать!

- Тискай, если хочется, только не на работе! Бабы наши смотрят, и всем, видно, хочется. А неутоленные желания, как говорится, – беда! Найди другое место, а то перед людьми стыдно. Особенно – перед посторонними.

- Стыд – не дым, глаза не выест.

- Это – точно! Глаза-то у тебя бесстыжие.

- Ты погляди, праведник! А у тебя, что, другие? – парировал мои претензии озабоченный товарищ. – Прямо образ Аркадия непорочного! Сейчас на божницу посадим и в одно место целовать начнем. Святой ты наш, отче.

- Святой не святой, а правила кое-какие помню. Мама еще внушила.

- Ну-ка, ну-ка?

- Не блуди, где живешь, и не живи, где... Ну, сам понимаешь, не маленький!

- Э, - беспечно отмахивался от меня Виктор, - устарели твои правила, мхом обросли! Проще нужно жить, товарищ, ближе к народу! И народ тебя поймет.

- Точно, поймет! Потом догонит и еще раз поймет.

- Мрачный ты человек. Аркадий! Мрачный и скучный.

Наступивший день не предвещал ничего плохого. Утро пятницы было ясным и тихим. Августовский воздух пропитался сладковатым запахом цветущего табака на многочис-

ленных городских клумбах. Запах этот странным образом смешивался с запахом йода выброшенных на берег прибоем водорослей. Плюс к этому – скипидар сосновой хвои. Получался такой, надо сказать, совершенно необычный коктейль. Но приятный. День обещал быть погожим. Ближе к вечеру мы с Виткой собирались уехать с ночевой порыбачить на Эринтур, а сейчас просто тупо отбывали срок на службе. Нужно было передавать документацию в архив бухгалтерии комбината, а главный бухгалтер куда-то с утра смылся. Весь остальной контингент делать это без непосредственной команды главного отказывался. Приятель мой от скуки, как обычно, пытался в архиве прижать Леночку к стеллажам с этой самой документацией, а та вяло оборонялась, по привычке пытаюсь взывать о помощи ко мне, как к непосредственному начальнику этого охальника:

- Аркадий Викторович!

- Виктор, кончай! – я лениво поднимал глаза от стола с лежащим на нем романом Хемингуэя, не без интереса наблюдая, как пунцовая, взъерошенная Леночка, поправляя на груди кофточку, в очередной раз высказывала из дверей.

Следом появлялся Витка, нахально улыбаясь во весь рот. Я молча грозил ему кулаком, показывая глазами на корпешую за столом пожилую женщину, Валентину Алексеевну, нашего экономиста. Потом возвращался к роману, но вскоре все начиналось сначала. Попискивала Леночка, укоризненно качала головой Валентина Алексеевна, тяжело дышал Витка.

Перед обедом, после того, как я обговорил дела наши грешные с руководством комбината, мы с приятелем отъехали в город, где выпили по рюмке коньяка в кабинете у нашего хорошего знакомого, бывшего прораба и нового начальника СМУ Виталика Полонского, да и разбежались до вечера. А часов в семь вечера меня разбудил телефонный звонок. Проспал – мелькнула первая мысль! Я встал, поднял трубку, предполагая, что звонит Виктор: время было давным-давно отправляться на рыбалку. Но это оказался наш старый

приятель и в прежние времена сослуживец по строительному управлению, а ныне заместитель Полонского, Юрка.

- Ты в курсе, Аркадий?

- Ты о чем? – прохрипел я спросонья.

- Витька умер!

Я на минуту потерял дар речи.

- Чо ты несешь, придурок?! – до меня не сразу дошел смысл сказанного. – Какой Витька?

- Сам – придурок! Какой, какой? Кореш наш разлюбезный, Бенья. Звонила Ленка ваша, сказала, что Витька кровью изшел. Как-как? Молча! У него с год назад, да ты помнишь, как-то из носа кровь текла, долго остановить не могли. Ну и сейчас сосуд, видимо, лопнул. Был бы трезвый, скорую вызвал бы, а так... Жена с дочкой целый день сегодня у сестры гостевали, не углядели. Да ты же в курсе, что у него дома нелады, вот, видимо, и запил мужик с тоски. А когда те вечером домой от сестры-то вернулись, то и обнаружили его на полу в ванной. Вот так-то!

- Да не мог он запить, мы же с ним вечером на рыбалку собирались, с чего ему пить-то? – запротестовал я, до сих пор не вполне понимая, что происходит. - Я его лично перед обедом отдыхать домой отправил до вечера! Не мог он нигде нажраться.

- А я почему знаю. С соседом, говорят, после обеда пил, потом какие-то мужики к нему в гости приходили. Успел, значит. Когда у него кровь-то из носа пошла, он, видно, по двору некоторое время бродил: кругом вся трава в кровище. А потом в ванну пошел, хотел, похоже, умыться. Вот и умылся. Там и нашли остывшего.

Наконец-то до меня дошло, что случилось, и я проснулся окончательно:

- Ни фига себе опохмелился! А мы с ним до обеда, перед тем, как расстаться, у Полонского коньячком поправились. Жив был и здоров, как огурчик. Вот тебе бабка и Юрьев день! Испортил рыбалку, скотина! – услышанное от Юрки никак не укладывалась у меня в голове. - Что делать-то будем?

- Рыбалка отменяется! Давай-ка с утра встретимся в СМУ, насчет похорон обговорим. От его бабы все равно толку не будет, не в себе она. Хоть и грызлись они меж собой, как собаки, а семья – есть семья! Тем более ты после Генкиных похорон все концы в этом деле знаешь. Да и у профкома комбината вашего долбанного деньжат на это дело страши – все-таки их член скончался.

- С деньгами я решу, думаю, с Негубиным по этому поводу проблем не будет. С могилой там и с венками тоже. А вот гробом с оградкой ты займись, вам в СМУ сподручнее.

- Это – без проблем.

- Ну, до завтра.

Я долго сидел на кровати, тупо глядя перед собой в стену, раздавленный этой свалившейся на меня, как гром с ясного неба, новостью. Сознание не могло принять случившегося: как же так? Всего семь часов назад мы вместе с человеком пили коньяк, смеялись над пошлыми анекдотами, перетирали кости начальству, и вот – его уже нет! До меня в тот момент не сразу дошло, что я остался один на этом свете, совсем один, без друзей. Были, конечно, у меня и другие разные приятели, но таких, настоящих, не осталось ни одного. Сколько Витьке лет-то было? Сорок пять. Меньше, чем Генке. Молодой совсем. Меня даже покорибило. Мор какой-то на мужиков напал, не иначе. Стало вообще тоскливо, хоть вой. «Пить надо срочно бросать, а то следом отправишься!» - промелькнула в сознании запоздалая мысль, но тут же растворилась, не оставив следа. А еще через полчаса, придя в себя, я перезвонил Леночке и от нее узнал все подробности случившегося.

- Аркадий Викторович, он, ведь часов около пяти, когда ему плохо совсем стало, видно, пытался жене звонить, но та трубку просто бросила, - всхлипывала в трубку девчонка. – Если бы сразу скорую вызвали, то спасли бы!

Кто бы еще вызвал? Я ничего на это не ответил, и, пожелав Леночке спокойной ночи, отключил телефон. Хотя, какая тут

к черту спокойная ночь? «Надо что-то делать», - вертелось в голове, но дальше этой фразы мысль не простиралась. Мозги шевелились медленно и со скрипом. Четвертая смерть близких людей на моей короткой памяти. Сначала Вовка Ягодкин, прораб из СМП, сгорел заживо. Проснулся ночью, решил перекурить, вышел на кухню, опохмелился, и облил рубашку водкой. А потом уснул, сидя, и бычок-то папиросный на себя и уронил. В реанимации двое суток возились, не спасли. Мучился человек страшно, но хоть с женой успел проститься. Сколько мне тогда лет-то было? Двадцать шесть. Потом Веню Хариля, одноклассника моего и зама по СМУ, рак сожрал, ему еще и тридцати пяти не исполнилось. А теперь вот Генка с Витькой чередом, один за другим. Даже сороковины Генке справить не успели.

Странно, но еще с армии к Витьке накрепко прилипли два прозвища: Швили и Бенья. Я как-то поинтересовался у ребят, откуда?

- У него сестра замужем за грузином, в Кутаиси живет. Поэтому, наверное, и Швили.

- А Бенья?

- Помнишь старый фильм про Комсомольск-на-Амуре. Там еще еврей сосланный в ручье золота намыл, а оно на поверку оказалось пиритом. Бенья Гопман – король подтяжек! Хотел в Америку убежать и подтяжки выпускать. Ан – не получилось! И у Витьки такая же жилка: что-нибудь предпринимать. Толку только маловато. Вот потому, наверное, и Бенья.

Эх, мужики, что же вы наделали?

Много лет спустя, пережив заново все эти потери, я написал стихи, вложив в них все свои чувства к моим безвременно ушедшим товарищам. Ко всем:

Здравствуй друг, давно мы не видались.
Лет прошло немало с той поры,
как с тобою скорбно распрощались
светлые сосновые боры

на высоком берегу песчаном
речки под названием Супра,
где рассветы зябкие встречали
у огня веселого костра.
Эти угли до сих пор чернеют
в выросшей до пояса траве.
Знаешь, только люди так умеют
след свой отпечатать на земле.
Нет давно ни Генки, ни Олега,
что ни говори, сгорели зря.
Ну, а мы еще коптили небо,
даты пролистав календаря.
А сосняк, где в белом мху бруснику
собирали как-то в тех местах
вырубили.
И стоят, поникнув,
три осинки, словно три креста.
Лист, кармином тронутый, колеблет,
скоро оторвется, полетит,
ляжет на землю,
превратится в землю,
молодую поросль возродит.
Жаль, не скоро.
Целые столетья
минут, чтобы снова встретил нас
новый бор, золотокоже светел,
как и тот, в котором ты угас.
Будут наши правнуки седые
в тишине ночной внимать тайге,
где с тобой от юности шальные
ночевали в рубленой избе.
Нет ее уже, сожгли балбесы.
А когда-то первые снега
мы встречали здесь у кромки леса,
на крутых супринских берегах.

Выйдя утром ранним на поляну,
радовались просто, что живем.
Улыбался нам рассвет багряный,
выплывший над старым зимовьем.
Но тебе сейчас немного надо:
мрамора плита,
да рядом с ней
серая, чугунная ограда,
да осколок солнца меж ветвей.
И когда устанет биться сердце,
отсчитав последнюю весну,
я с тобою лягу по соседству
в эту нашу землю и усну.

Похороны Витьки прошли торжественно и чинно, без всяких эксцессов. Пить почему-то после всех этих печальных событий совершенно расхотелось. Двое суток промелькнули, как мгновение, в похоронной суете. На кладбище я был трезв, как стекло, и печален, как подобает приличным людям. Даже умудрился произнести несколько прощальных слов перед тем, как гроб с Витькой опустили в могилу.

На поминках в кафе «Березка» я держался до последнего, но в конце-концов сорвался, нахрюкался и на следующий день проснулся в кровати у счастливой Леночки, чему был искренне удивлен. Подумалось: «Вот она – жизнь! Витька ее больше года добивался, и все впустую. А тут – на тебе! Кушайте на здоровье!». Порхающая по своей квартире Леночка напоила меня крепким чаем с молоком и, проверив, пуст ли подъезд, выпроводила за порог, поцеловав на прощание. Свежий, утренний воздух хлынул в склеившиеся за ночь легкие живительным нектаром. Я несколько раз глубоко вздохнул, сплюнул под ноги, и, решив для себя, что жизнь продолжается, бодрым шагом отправился восвояси.

А еще через пару-тройку дней меня окончательно вышибли с работы на все четыре стороны, правда, с двухме-

сячным окладом в кармане. И тут я понял, что такое быть никому не нужным. Ненужность эта просто разъедала душу, как ржавчина металл. Безработный. Слово-то, какое, безнадежное, да и стыдное для человека, всю сознательную жизнь трудившегося. Семнадцать лет целенаправленной, любимой, между прочим, работы, и – все козе под хвост! Никто тебя не ждет, а что самое противное, никому ты, никоим образом, совершенно не нужен. Ни капельки. Даже оставшимся в живых приятелям. А в другое время отбою бы не было от собутыльников.

Целыми днями я лежал на кровати и бессмысленно смотрел в потолок, не зная к чему приложить голову и руки. Да и делать ничего, как и жить, совершенно не хотелось. После пускай и надоевшей до чертиков повседневности возникшая пустота и неопределенность давили, как могильная плита. Идти, регистрироваться в бюро по трудоустройству было неудобно и просто стыдно: здоровый, неглупый, в общем-то, мужик – безработный. Нонсенс! Нажрал, скажут, морду, а туда же, за пособием! Но жизнь текла по своим новым, не известным ни мне, ни моим оставшимся в живых знакомым, законам, и в один из дней я, пересилив себя, поднялся, побрился и решительно шагнул за дверь...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

... - И куда же делось оборудование? – задумчиво, рассматривая что-то на потолке, спросил следователь.

Я проследил за его взглядом и, не обнаружив на потолке ничего интересного, глубоко и скорбно вздохнул:

- Бог его знает.

Следователя ОБЭП звали Игорь Петрович, был он рыж и конопат до безобразия, а характер имел неторопливый и въедливый. Для непосвященных молодых поясню: ОБЭП – это отдел по борьбе с экономическими преступлениями, пришедший в наше непростое время перестроек на замену пресловутому ОБХСС. А так как социалистическая собственность приказала долго жить, изменилось и название органа, призванного блюсти нашу российскую мораль и охранять от посягательств на государственный бюджет. Вообще-то следователь этот пытался уже посадить меня лет эдак семь назад. Наше строительно-монтажное управление, где я трудился главным инженером, строило тогда холодильник на сто тонн в соседнем поселке. Почти достроили. А тут звонок из треста: нужно объект сдать! Состряпали, короче, акт ввода под давлением трестовского начальства и местного районного руководства. Зачем им этот холодильник так срочно вводить понадобилось, не знаю. Но, видно, для чего-то надо было. А когда через полтора года жареным запахло – все ни при чем оказались, даже те, кто подписи под актом ставили. Раскопал все это спустя столь продолжительный срок как раз этот самый Игорь Петрович. Давно уже все недоделки устранили, и холодильник исправно работал, так нет тебе. Может быть, прижать хотел кого-то, болезный, или бабок срубить? А иначе чего в архивах ковыряться, когда уже все пылью покрылось. Оказалось, что есть в уголовном кодексе такая статья: искажение статистической отчетности. От штрафа в двести рублей до пяти лет отсидки! Не хило! И главное: до срока давности, когда эта самая статья уже не работает, оставалось-то всего пару месяцев. Где он все это, засранец, нашел и раскопал – непонятно...

- Что, вспомнили?

Битый час я объяснял следователю, что как заказчики мы финансировали только часть общестроительных работ по цеху мебельных черновых заготовок, а точнее – отделку, и никакого отношения к приобретению оборудования и его монтажу не имели. Но следователь был упорен, как впившийся клещ:

- А сам цех, откуда взялся?

- Хохлы построили, видимо, за пиломатериал. Да вы у бывшего руководства комбината спросите. Негубин-то, вроде, как еще жив и здоров!

- Когда будет надо – спросим, а пока вы отвечайте. Это ваша подпись на акте государственной комиссии?

- Ну, моя. И что?

- А то, что сегодня оборудование в цеху отсутствует, и куда оно подевалось, никто не знает. А монтировали-то его ваши субподрядчики.

- Вы, Игорь Петрович, меня, кажется, не поняли. Я вам который раз повторяю: цех был сдан, дал первую продукцию, а дальше – дело эксплуатации. При чем здесь строители? Кстати, оборудование монтировали силами специалистов комбината, а никаких не субподрядчиков.

- Я вам не Игорь Петрович, а гражданин следователь, и прошу отвечать по существу.

- А я вам по существу и отвечаю, - на меня стремительно накаtywало раздражение. – К тому же я еще, кажется, не подсудимый, гражданин начальник, и не подследственный!

- Пока еще. Бывший начальник цеха черновых заготовок Елена Васильевна Толмачева ваш работник?

Вон оно что! Этот плюгавый, рыжий хмырь пытается, значит, так повернуть дело. Ни шиша у тебя не выйдет, гражданин следователь.

- Дело в том, молодой человек, - начал закипать я, - извините, гражданин следователь, что на тот момент, когда Елена Васильевна Толмачева работала в должности технолога и

одновременно начальника цеха, из управления капитального строительства она, естественно, уволилась, - как можно спокойнее и язвительнее пояснил я. – На то и приказ соответствующий имеется. Вы в архиве-то пошарьте. А не найдете, я вам со своего экземпляра копию сниму.

Именно с того самого пресловутого суда за недостроенный холодильник я взял себе за привычку сохранять копии всех мало-мало важных бумаг, которые могли пригодиться в дальнейшем.

- Я вам - не молодой человек, - обиделся следователь, которому было примерно, как и мне.

- А я вам – не подследственный, гражданин следователь! И все рассказал, что знаю! – окончательно разозлился я. – Мочи мочало – начинай сначала! Так что ли, Игорь Петрович?

- А в каких отношениях вы состоите с гражданкой Толмачевой? – не унимался следователь.

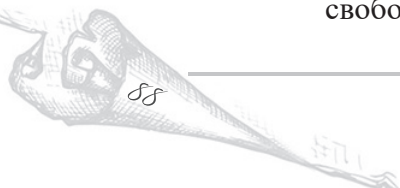
Вот тут у меня аж скулы свело! Скотина наглая! Какое тебе до этого дело? Я наклонился через стол и вполголоса высказал красавцу все, что я о нем думаю. И даже больше. Покрасневшая до цвета кумача физиономия следователя показала, что мои слова дошли у него до самого сердца, а, возможно, и печени. Пока он судорожно глотал воздух открытым ртом, я неторопливо и с достоинством покинул кабинет.

Через пару минут я уже выходил из здания управления внутренних дел с чувством восстановленного душевного равновесия и напутствием, догнавшим меня в коридоре, не отлучаться из города без крайней к тому необходимости. Пошел ты подальше куда, козел драный! Я, конечно, знал, куда делось оборудование, выделенное учредителям безвозмездно, в качестве спонсорской помощи, одной газоперекачивающей компанией, но делиться этими своими знаниями не торопился. Ну, продали мужики оборудование или прибрали куда на другие объекты, и что из того? Не государственное же, подаренное, можно сказать. Зато купили другое и начали выпускать погонаж. Мебель не нужна, а строиться всем нуж-

но. Кому от этого плохо? Люди работают, зарплату получают. Тем более что сам комбинат накрылся медным тазом, а попросту – обанкротился. А что все это немножко незаконно, так, поди, докажи. Сколько времени прошло? Лет пять почти. Архивы все умные люди давно спалили. Пусть попробует что-нибудь найти, лепила! В те не столь отдаленные времена, о которых пытал меня следователь, пропадали объекты и покрупнее, дела варились покруче. Тогда мне самому пришлось продать местным бандюганам один из строящихся цехов мебельной фабрики, чтобы рассчитаться с подрядчиками и со своими работягами. И это, несмотря на то, что долещики, участвующие в строительстве, были против. Особенно директор местного комбината Негубин. Но поскольку, УКС, которым я в тот момент руководил, имел полную юридическую самостоятельность, а инфляция превратила в ничто первоначальные взносы учредителей, я проигнорировал это недовольство. Не обращая внимания на крики директора и обещания, что он меня посадит, я пошёл на эту сделку. И правильно сделал. Во-первых, рассчитался по долгам с подрядчиками, во-вторых, выплатил заработную плату и выходные пособия собственным работникам, а в третьих...

В-третьих, все, что осталось после ликвидации управления капитального строительства: выстроенные цеха, компрессорные, котельные, через пару лет было попросту разграблено и превратилось в руины, как и многие предприятия по всей нашей многострадальной стране. И держать язык за зубами, а в случае необходимости давать обидчикам сдачи, чтобы остаться в живых и на плаву, стало не просто привычкой, а жизненной необходимостью. Тем более, что при власти оказались все те же, только сильно разбавленные люмпенами и жуликами:

Мое больное поколение
наелось праведных основ,
приняв, как светопреставление,
свободу совести и слов.

И словоблудием нас потчуют
сполна паханы и вожди,
и местной выделки, и прочие,
вот только совести – не жди!

Все нити с пошлым прошлым порваны,
листы анкет – белей снегов,
но что-то пишут в дело органы –
никто не знает, для чего?
В госдумовской столовке праздники
отражены в стекле зеркал –
резвятся шальные проказники,
забыв, кто их сюда послал.

А те партийные, кондовые,
презрев грозивший им инсульт,
лелеют мысль почти бредовую
про новый курс и новый культ.

Нам подарили конституцию
для сырых, нищих и старух,
но расцветает проституция
от безработиц и разрух.

Из красных стали мы лиловыми,
но выжившим – не до красы,
а узколобые да новые
топырят пальцы и усы!

Гуляй, избранники фартовые,
опохмелившись поутру!
А Русь опять, как баба вдовая,
стоит и мерзнет на ветру.

Молчание – золото! Особенно в наше непростое, так скажем, время. Фиг вам, товарищ следователь! Я, конечно, знал,

кому крученые ребята из руководства лесокомбината, Сашка Кречет и такие же, как он, смонтированное оборудование загнули и у кого купили новое. Цех, теплый ангар, нигде в балансах не числившийся, потихоньку приватизировали, и стали жить – поживать да добра наживать. Думаю, что и Негубин был в доле. Не мог не быть, директор все же! Не смогли бы они без него так на комбинате хозяйничать! Ну, это их дело. Я-то на всю жизнь запомнил, как в те годы за пару вагонов пиловочника можно было срубить новые «жигули», а пару вагонов с лесом запросто обменять у лесозаготовителей за пару ящиков водки. Да что там пара вагонов, составами воровали, и ничего! Понятно, откуда взялся этот самый злополучный цех черновых заготовок, и почему его как бы не существовало де-юре. А тут, видишь ты, – спохватились! Не, господа следователи, я в этих делах вам не помощник. Себе дороже. Сами с замурытыми мордами сидите, граждане законники, да и раньше-то, при советской власти, на вас клейма было негде ставить. Так и норовили без стыда и совести срубить что-нибудь с клиента. У меня сейчас, вроде, все в порядке, и лишние осложнения мне ни к чему.

Следователя я, как говорил раньше, знал давненько. В ту золотую пору он, кроме всего прочего, прирабатывал и на стороне, решая всяческие скользкие дела и делишки у Паши в банке. Пардон, у Павла Николаевича. Как-то негоже главу администрации района, даже бывшего, Пашей звать. Лет десять, двенадцать назад, когда он районным комсомолом руководил, а я строительной конторой командовал, приходил за милую душу на поклон. Еще бы: Аркадий Викторович, помогите провести мероприятие, денежку дайте! На, Паша, не жалко на доброе дело! Спасибо, Аркадий Викторович! Если нужно людей, там, на субботник – организуем!

А сейчас на кривой кобыле не объедешь, забронзовел. Килограммов на двадцать поправился и галстук надел. Научился, гаденыш, из огня каштаны таскать. Когда только успел?

Ладно бы только крал, а то ведь еще и народ с трибуны да с экрана поучает, как жить. А народ слушает, рот раззявив. Дураки, что там говорить. А, впрочем, кто-то из великих сказал: каждый народ достоин своих правителей. Или что-то в этом роде. Так что жаловаться не на кого: сами выбирали.

Помню, как Паша, будучи еще банкиром, вешал лапшу на уши коллективу в одной районной ремонтно-строительной фирме, когда нужно было скупить, а точнее отнять у работников их акции. Прямо соловьем перед руководством конторы и работягами заливался. И объемы работ, и социальные блага как честный человек и предприниматель гарантировал, и повышение зарплаты, и развитие предприятия. Заслушались соловья, передали акции в управление. А в итоге что? Всего через полтора года объемов не стало, и это в немаленьком по численности и по площади городе! Как будто ремонтировать стало нечего вдруг! Управление залихорадило: налоги платить надо, а не с чего. Наконец, как водится – банкротство, и продажа управления в муниципальную собственность. А кто главой района на этот момент сидит? Правильно, Паша, Павел Николаевич Феофанов! Правда, деньги-то платили бюджетные, а карман, в который они попали, личный, Пашин. Акции предприятия – у него, в банке. Да и цена, надо сказать, за это короткое время возросла немало. Полтора года при такой инфляции! Обидно, конечно, за людей. Да черт с ними! Знали, на что идут, голубчики. Ну, не знали, так догадывались.

А следователя я увидел вторично после холодильника, когда он, естественно, по команде Паши, вызвал меня по телефону в офис банка. И уже в банке, при личной встрече, попытался обвинить меня во всех смертных грехах по поводу надвигающейся кончины того самого акционерного общества «Ремонтник». Так, мол, и так: а почему вы, дорогой товарищ, делали вот это и вот это тоже без разрешения акционеров, то бишь – Паши? И почему не ставили своевременно руководство банка в известность о катастрофическом финансовом положении предприятия? Да вас судить надо, так раз так!

Тут следует пояснить: в «Ремонтник» я попал после того, как три месяца проходил безработным после благополучной ликвидации кухонного УКСа. Попал не без помощи моего хорошего приятеля Коли, бывшего в то время директором этой самой конторы. Акционерное общество, созданное на выданные Чубайсом ваучеры, потихоньку умирало. А умирало потому, что заказов не было. Все заказы под районной эгидой, кто же такие объемы подряда в свободное плавание отпустит. И тут Паша, почуяв, что можно срубить неплохие бабки, а надо отдать должное, нюх на деньги у него был отменный, решил оздоровить экономическое состояние данного предприятия. Он появился в «Ремонтнике», потому что хорошо знал Николая. А тому просто деваться некуда было: гибло предприятие. Под гарантии стабильной зарплаты и некоторых денежных вливаний Пашин холдинг, а вернее, созданная хватистым комсомольцем карманная, дочерняя фирмочка при банке, которым он в это время руководил, получила все имущество в доверенное управление и потихоньку скупила все акции рабочих. Сначала действительно, наступило некоторое облегчение, появилась более-менее стабильная зарплата. Но с уходом Паши из холдинга, после избрания его главой территории, все пошло наперекосяк. Я подозреваю, что не без участия самого Паши. Некогда, видимо, стало заниматься хозяйственными делами. А деньги для других дел срочно понадобились. Правда, государственный служащий, а тем более выбранный народом, предпринимателем по закону быть не мог. Но это по закону. А фактически! Да и, если подумать, на кой черт ему все эти заботы: планы, прибыли, зарплата и т.д., когда сразу можно получить живые деньги и запустить их в оборот. Заработала уже проверенная на необъятных просторах нашей Родины схема банкротства. Пропали строительные объемы, без объяснения причин сняли с работы Николая. Исполняя обязанности начальника, я как-то пытался втолковать новому главе района и его полномочному представителю, оставшемуся на хозяйстве, Сене, что ждет это их

ремонтное управление в обозримом будущем, но бесполезно: схема была уже запущена! Я тоже – не дурак и, немного подождав и потерпев, накатал на имя Пашеньки бумагу с расчетами и выкладками о том, что ждет «Ремонтник» в ближайшей перспективе. Копию, естественно, себе оставил. Пусть подумает. И Паша подумал: на следующий день на подворье базы управления появилась охрана холдинга и поперла нас всех к чертовой бабушке. А руководить холдингом на время работы Паши главой муниципалитета посадили Сенечку, его старого приятеля еще с времен комсомольской молодости. Я же на крыльях надежды опять вылетел на свободу. По наивности начал требовать расчет и качать права, после чего и оказался в банке на приеме у следователя. На прием, памятуя о комсомольских методах моих оппонентов, пришлось явиться во всеоружии: с папкой ксерокопий необходимых в таких случаях документов и диктофоном в кармане. Диктофон я у знакомых ребят в местной редакции одолжил. Неугомонный следователь и начальник охраны банка предъявляли мне одно обвинение за другим, а я выкладывал им на стол то документы, подписанные Пашей, то мои докладные, то какие-то накладные. Наконец, мне все это надоело, я собрал бумаги, демонстративно достал из кармана диктофон, выключил его и сказал ошарашенному видом этого электронного приспособления Игорю Петровичу, что если меня не рассчитают в течение недели, я тоже кое-что предприму. И попросил их пойти куда подальше. Короче, оторвался по полной программе: на каком основании они проводят допрос, или, как мне было сказано – дознание. Не желаете ли, граждане, пообщаться с прокурором, и там объяснить, что здесь такое происходит? Следователь долго глотал воздух, пока до него не дошло, как он крупно обо...ся. С прокурором им общаться не хотелось, а все предъявленные мне претензии куда-то быстренько рассосались. Ровно через день меня рассчитали. А с Пашкой я даже здороваться перестал. Ладно, мент, он никогда добра не помнит, но ты-то, скотина, мне в ручку не один год лизался!

«Ремонтник» Паша, как я уже упоминал, через пару месяцев продал администрации района, то есть фактически самому себе, и втрое дороже первоначальной цены. И теперь эту контору оздоравливают уже другие люди при помощи районного бюджета за счет меня и прочих налогоплательщиков. Да и куда деваться: одна ремонтная фирма на весь город. Забор, и тот починить некому, не говоря уже о более серьезных проблемах.

Я, уже было, забыл эту неприятную историю, а следовательно Игорек, похоже, нет. Ковыряется в старом дерьме с упоением! Затаил поганец прошлую обиду, ну да черт с ним, перебьется! Интересно, сколько же Пашка тогда лично слупил чистога-ном? Мне на безбедную жизнь, наверное, хватило бы? Да чего теперь поминать? Паша давно в столицы перебрался, а у нас его подкаблучник Сеня теперь районом командует...

...Не знаю, отчего все эти прошлые, почти забытые события пришли мне сегодня на ум? Случились они два года спустя после того, как ликвидировали УКС при комбинате. А уже непосредственно после них я вновь начал работать в своем старом управлении, и очередной вызов к следователю меня крайне удивил. Тем более, что большинство фигурантов по этим делам давно разбежались по необъятным просторам нашей необъятной Родины, а кое-кто и кони бросил. Странные выверты у памяти: когда захочешь, ничего не вспомнить, а тут – накатило. Следака в те славные времена нашей молодости и недостроенных холодильников все-таки поперли с работы и даже посадили за взятки на четыре года. Отбарабанив срок, он одно время работал в том же, бывшем Пашином банке охранником, а потом подался в адвокаты...

...После обеда я позвонил Наташке и договорился встретиться вечером, часов в семь, возле магазина:

- Слушай, сегодня пятница все же, прорабский день, пойдем в «Огонек», посидим, потанцуем.

Наташка, моя любимая девушка, трудилась экономистом в банке. Слава Богу, не в Пашкином, а в другом, окружном. Познакомился я с ней давно, лет семь почти прошло. С тех пор, как год назад она переехала на постоянное место жительства в наш городок, мы встречались почти каждый день, что давало повод всем нашим друзьям считать нас женихом и невестой.

- Вы когда, наконец, решитесь? – спрашивал меня Николай, с которым нас не поссорили даже странные Пашкины выкрутасы.- Вроде взрослые люди, не первый раз замужем, а тянете вола за хвост. Вон уже и седина на висках, а все, как мальчик, подпрыгиваешь.

- Как только, так сразу! – отшучивался я.

Если честно, я не торопился расставаться с милой сердцу свободой. Повесить на шею хомут – всегда успеется! Машина и квартира у меня, хоть и плохонькие, имеются. В гости, как говаривал незабвенный Василий Иванович Чапаев, ночь-заполночь – пожалуйста! Но делить ее с кем-то постоянно, особого желания пока не возникало.

История моего знакомства с Наташей началась, когда она еще была студенткой экономического института, что в нашем областном центре, а друзья мои Генка и Витька были еще живы и здоровы. Как-то, в первых числах июня, мы с Генкой сидели у меня, в кабинете главного инженера стройуправления. Сидели, как полагается, с закуской и бутылочкой в полиэтиленовом пакете, прикупленными заранее. Благо – суббота, а на улице настоящее лето. Думали уже свалить куда-нибудь на природу, к речке, когда секретарша доложила, что прилетевшие из столицы области студентки с мандатом областного штаба студенческих строительных отрядов требуют кого-нибудь из руководства.

- Нахальные такие, Аркадий Викторович! – докладывала Светланка Ветрова, секретарь, недавно принятая на работу и оттого особо усердная молоденькая девчонка. – Я говорю,

что рабочий день закончился, а они все равно настаивают, дескать, срочно нужно заключить договора.

- Какие еще договора? – недовольно хмыкнул Геннадий.

- Я не знаю.

- А что, начальника нет? – спросил я.

- Так он еще перед обедом предупредил, что его сегодня больше не будет.

- Вот, блин! – чертыхнулся я. – Нахальные, говоришь!

- Нахальные – это хорошо, работать злее будут, - глубоко-мысленно протянул Геннадий. – А ты, Светлана, все хорошеешь, глянь-ка, скоро кофточка на груди лопнет!

- Да ну вас, Геннадий Дмитриевич, - покраснела секретарша, - вам бы все смеяться!

- Давай их сюда, Светлана! – сказал я. – Куда деваться. И задержи главного бухгалтера – печать может понадобиться.

Секретарь выпорхнула за дверь, а еще через мгновение в кабинет вошли две девчонки, одетые в зеленую униформу стройотрядов, украшенную многочисленными нашивками и шевронами, что указывало на некий их опыт в области строительства светлого будущего. У новичков такого количества регалий просто быть не могло.

- Копейкина Наталья! Командир отряда, – представилась темноволосая, горбоносенькая, энергично пожав мне руку. – А это мой мастер, - кивнула она в сторону светленькой.

- А как мастера зовут? – ухмыльнулся Генка.

- Оксана, - тоненьким голоском ответила девчонка.

- Смелее, Оксана, что вы такая робкая? - начал, было, Генка. - Смелость города берет! – но я прервал его:

- Геннадий Дмитриевич, неси-ка бланки договоров, нечего время терять, а вы, девочки, присаживайтесь.

- У нас все договора подготовлены, нужно только уточнить некоторые детали, - темноволосая открыла папку и протянула бумаги. Я прочитал письмо областного штаба, где было написано, что студенческий отряд «Глория» направляется для работы туда-то и туда-то. А внизу стояла подпись моего хорошего

знакомого Юрченко Анатолия Васильевича, командира областного штаба студенческих строительных отрядов. С областным штабом мы сотрудничали плотно, уже не первый год, так как в летний период отпусков рабочая сила была ох как нужна!

- Как Анатолий Васильевич поживает? – спросил я, но командир отряда не проявила желания продолжить светскую беседу.

- Жив, здоров! – коротко отрезала она. - Так какие объекты вы можете нам предложить?

Следующие полчаса мы обсуждали вопросы производства, проживания, питания и прочие хозяйственные мелочи.

- А штукатурные станции у вас есть? – не зная, что бы еще выпросить для отряда, наседала темноволосая.

«А она – ничего, - подумал я, - и нос горбинкой, и фигурка приятная! А глаза, ишь, как горят!», но тут же отбросил эти мысли, атакованный командиршей.

- Зачем вам станция, вы же сопловать не будете? Вам попросту сопло не удержать! – пытался я охладить её пыл. – Да и шланги ворочать тоже тяжеловато.

- Будем. И еще затирочные машинки нужны.

- Ладно, - махнул я рукой, - пиши им Геннадий и штукатурную станцию, и машинки. Только мужиков у меня для работы на соплах не просите, ремонтника дам, а шланги сами таскать будете.

- Ничего, справимся, правда, Оксана? – Наталья повернулась к молчавшей все это время русоволосой.

Та только согласно кивнула в ответ.

- Ну, что, все? – спросил я у командирши.

- Все, кажется. Еще помогите, пожалуйста, с билетами на самолет. Мы пытались в кассе купить, но их на неделю вперед нет.

- Сезон, - заметил Геннадий.

- Знаем, что сезон. Но вылетать пришлось срочно, в неплановом порядке.

- А что так?

- Должны были в Горноправдинск ехать, где мы прошлый год были, но штаб почему-то поменял предприятие. Так можете, или нет? Завтра бы хотелось улететь.

- Конечно, поможем.

Я позвонил начальнику аэропорта, моему хорошему приятелю, Геннадию Слепову, договорился насчет отправки девочек и вызвал коменданта.

- Давайте я договора подпишу, а ты, Ген, сходи в бухгалтерию, печати поставь.

Генка собрал бумаги девчат и отправился к главбуху. Я включил селектор и спросил Светланку, не появилась ли комендант.

- Я ей позвонила, Аркадий Викторович, сейчас подойдет.

- Когда появиться, пусть девочек в гостиницу поселит до завтра. Завтра они улетают. Шофера сам предупрежу, чтобы в аэропорт отвез, – я повернулся к студенткам. - Ну, что, девочки, приятно было познакомиться. Отдыхайте, по городу пройдитеесь, посмотрите. Правда, поужинать у нас в это время можно только в ресторане, хотя чайник в гостинице есть, а магазин рядом, за углом.

Вошедший в кабинет Генка протянул темноволосой бумаги, и вновь пристал к светленькой:

- А вы, Оксаночка, тоже на экономическом учитесь?

- Нет, она уже строительный заканчивает, - ответила за подругу Наталья.

- Да вы что? – удивился начальник производственного отдела. – Без двух минут инженер уже! И где же работать будете? Может, к нам?

- Меня уже распределили, - ответила светленькая и назвала город на Крайнем Севере.

- Ну, все, девчата, - поднялся я из-за стола. - Гена, авоську прихвати! Пойдемте.

Мы вышли из кабинета в приемную, передали студенток в руки появившейся наконец-то комендантше.

- Завтра машина вас в половине десятого отвезет в аэропорт!

- Спасибо, - на озабоченном лице темноволосой мелькнуло некое подобие улыбки.

- Не за что! Ждем вас в июле.

«А она – ничего, - вновь подумал я, - серьезная только чересчур»...

Июль наступил, как всегда, неожиданно. Сразу установилась невыносимая жара, а тут еще подкинули объемы по ремонтам, пришлось нанимать шабашников и нянчиться со стройотрядами. А их в этом году оказалось целых три, почти сотня человек. Начальник нашей конторы, как и обычно, в июле отбывал в очередной отпуск, оставив всем остальным почетную обязанность горбатиться на стройках социализма, хоть до посинения. Жена моя, ныне, правда, бывшая, Вероника Анатольевна, только зубами скрипела, наблюдая такое количество красивых девочек, одномоментно заполнивших город. Прорабы, как петухи, расправили хвосты, а в воздухе запахло мускусом. Я сам только что приехал из Цхалтубо, куда меня на двадцать дней вместе с женой уpekла отдыхать профсоюзная богиня нашего строительно-монтажного управления Ольга Александровна. Первым делом по прибытию я отправился на работу, доложить о своем благополучном возвращении, и сразу же попал на производственное совещание. В кабинете начальника за длинным столом сидели, главный бухгалтер, начальник отдела труда и заработной платы, профсоюзный лидер и парень с двумя девочками в зелененькой униформе. В парне я узнал Васю Пятакова из Одессы, он приезжал к нам в качестве мастера стройотряда в прошлом году, а в одной из девчонок – ту самую командиршу, что видел весной. Я с трудом вспомнил, как ее зовут. Вторая девочка была мне абсолютно незнакома.

- Добрый день! – я плюхнулся в кресло возле директорского стола и достал «Беломор». – Здорово, Вася!

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – приподнялся со стула Василий. – С приездом.

- Когда прибыли, Аркадий Викторович? – спросил, поздоровавшись со мной за руку, директор.

- Только, что с поезда, Геннадий Викторович!

- Это, как ты уже понял, - начальник кивнул в сторону стола, где сидели студенты, - командиры наших отрядов. Васю ты знаешь, а это Наташа Копейкина и Ксения Корбу. Наташа из нашей области, а Ксения, как и Василий, - из Одессы.

Тут я, наконец, вспомнил, что темноволосую зовут Наташа. Вторая девушка, полноватенькая и голубоглазая, приветливо улыбнулась, когда я вновь поприветствовал всех троих.

- Я завтра – в отпуск, Аркадий, так что давай, за тобой производство и план, конечно!

«План – это хорошо, - подумал я про себя, - но что же ты тогда, старый козел, в самое горячее время на курорт собрался, мог бы и осенью съездить». Однако вслух я заверил директора, что все будет в полном порядке, не впервой, и, извинившись, отправился к себе в кабинет, где меня радостно приветствовала Светланка, стиравшая пыль со стола.

- Что, как начальство за порог, так и пыль в кабинете вытереть некому? – хмыкнул я.

- Да я Вере, комендантше раз двадцать говорила, Аркадий Викторович! А ей некогда все: у нее студенты, крутится, как белка в колесе, устраивает всех.

- Комендант что ли будет пыль вытирать? На этот случай уборщица имеется.

- Заболела Клава.

- Кстати, а куда отряды поселили?

- Женские отряды в старое общежитие ПМК, а парни в недостроенном доме обосновались: застеклили окна, полы настелили и въехали. Топить не нужно, сами видите, какая жара стоит.

- Ты, Светик, как только Вася от начальника выйдет, направь его ко мне.

- А кто это?

- А ты что, не знаешь? Командир мужского отряда.

- А... Знаю, симпатичный такой, с усиками, вот только как зовут – не знала.

- Ладно, топай! – я уселся в кресло и с наслаждением потянулся: все-таки хорошо возвращаться домой!

Начались привычные трудовые будни. На объектах кипела работа, скучать было некогда. Тем более, что с наступлением летнего периода, как обычно, начались перебои с поставками стройматериалов. И вагонов. Почти ежедневно я матерился с трестовскими снабженцами по телефону и жаловался управляющему, Александру Васильевичу:

- Плиты нет, дороги точно в срок не сдадим.

- Я тебе – не сдам! А плитой поможем, не паникуй! Как там у тебя, кстати, на школе дела обстоят?

К первому сентября нужно было сдавать новую школу. И райком уже предупредил, что если этого не произойдет, то с меня просто спустят шкуру, не говоря уже о том, что лишат партбилета. Первый секретарь лично побывал на стройке, и, выслушав мои причитания, обещал все-таки помочь. И, правда, кое-что: линолеум, гвозди, обои даже самолетами из области стали забрасывать. Работа кипела и день и ночь. Даже женщины задерживались сверх положенного времени. Школа городу была ох как нужна! У всех – дети. Ну, как для них не постараться!

Недели две спустя, после того, как начальник отбыл на курорт, мы с Васей топали под вечер по улице Гастелло в сторону недостроенного дома, где квартировал его отряд. С собою ребята, по опыту знающие, как быстро можно решать сложные производственные вопросы, прямо из Одессы привезли канистру спирта. Как говорится, для неофициальных и частных мероприятий. И вот сейчас мы с Васей и направлялись прямо к этой самой канистре, чтобы, значит, расслабиться после трудового дня. Тропинка напрямую шла через территорию строительного участка номер пять, которым командовал Александр Семенович Иванов. Участок был самым

большим в управлении по численности и по стоящим перед ним задачам. Бригады электриков, сантехников и отделочниц доблестно трудились под руководством Иванова, а попросту – Семеныча. А отделка все-таки – самое сложное в строительстве: нужно скрыть все огрехи и брак предыдущих смежников. Дверь в прорабский вагончик стояла распахнутой настежь, что меня насторожило: восемь часов вечера все-таки.

- Слушай, Вася, ты иди, а я тебя догоню, - я легонько подтолкнул приятеля в сторону дома, где квартировал отряд, а сам направился к прорабке.

- А что случилось, Викторыч? – удивленно спросил Василий.

- Иди, иди, я к Семеновичу на минутку забегу.

- Хорошо. Вы только не задерживайтесь, Аркадий Викторович – картошка остынет.

- Давай, давай, я быстро.

Когда я вошел, в вагончике находился, как я и предполагал, крепко поддатый Семеныч. Но к моему глубокому удивлению компанию ему составляли Наталья с Оксаной. На столе, прямо на каком-то старом плакате по технике безопасности, была разложена нехитрая закуска и стояла только что початая бутылка водки, горлышко пустой торчало из урны. Семенович был в своем амплуа: пытался тискать в углу раскрасневшуюся от такого бесцеремонного напора Оксану. Увидев в дверном проеме мою физиономию, Оксана смутилась еще больше, решительно оттолкнула пьяненького ухажера и, пристав, поздоровалась:

- Здравствуйте, Аркадий Викторович!

Наталья, разглядывавшая секунду назад в окне что-то интересное, перевела взгляд на меня, молча, кивнув головой. От этого мимолетного, как выстрел, взгляда в душе у меня почему-то екнуло. Я вдруг неожиданно для себя почувствовал, что рад этой встрече. Будто электрическая искра между нами проскочила. Но Наталья застыла, как будто чего-то испугавшись. А, может, почувствовала то же, что и я? Она снова резко отвернулась, нарочито равнодушно уставившись в окно.

- О, Викторыч! – полез обниматься ко мне набравшийся до самого не хочу Семенович. – Садись, гостем будешь! – он сделал радушный и не совсем твердый жест в сторону стола, и его здорово мотнуло.

- Ты бы закруглялся, Семеныч, завтра ведь на работу! – посоветовал я начальнику участка.

- Садись, Викторыч, чего там! – не унимался он.

Я прошел к столу и сел на свободный стул, бросив осторожный взгляд в сторону Натальи. Она старательно избегала моего взгляда.

- Ты давай, закругляйся, все-таки, - решительно повторил я.

- А чего тут закругляться: выпьем по одной – и конец, нет больше! Давайте, девочки, по последней! Разливай, Оксанка! – шмыгнув носом, заторопил девчонку Семеныч. – А то начальство сердиться будет.

Нос у Семеныча был видный, выделявшийся на лице этой сизой картофелиной и постоянно ободранный. Поскольку в состоянии подпития начальник пятого участка вечно пытался таранить носом то батарею отопления, то косяк двери. А так как выпивал Семеныч достаточно регулярно, нос заживать никак не успевал. Оксана вопросительно взглянула на меня, и я кивнул головой в знак согласия:

- Только по последней, девочкам топать еще через нижний склад леспромхоза, а время уже позднее.

Семенович в управлении был личностью почти легендарной, только он мог оказаться в таких жизненных обстоятельствах, в какие ни один нормальный человек попасть не мог даже нарочно. Поехал кататься на только что купленном мотоцикле в первый раз – и тут же его разбил, хорошо хоть шею себе не сломал. И что характерно, мотоцикл врезался как раз в ту самую кучу песка, что накануне днем Семеныч лично приказал вывалить из самосвала посередине площади возле участка. Куча эта мешала проезду транспорта, и все водители, подвозившие грузы на стройку, втихаря материли

начальника участка. Бог, видимо услышал и на радость во-дилам направил новый «Урал» Семеныча прямо в эту кучу. Хотя, если отбросить мистику, причина была совершенно в другом: не садись поддатым за руль! Ободрал всю морду, что было привычным для окружающих, но кости остались целы. А нос у Семеныча был и так почти всегда ободран, или почти что всегда. Знатный такой, выдающийся нос, прямо, как у Тараса Бульбы..

В другой раз он как-то выпил после работы, пошел домой – и у калитки собственного дома его забирают в вытрезвитель. Правда, это – особая история, и суть ее вот в чем. Один служитель правопорядка повадился на участок: то краски немного нужно, то другого чего. Семенович – человек не жадный, но надо же и совесть иметь! Отказал однажды, а в итоге – вытрезвитель! Дожидались доблестные правоохранители Семеныча прямо у калитки его собственного дома. Не один час, видно, ждали! Хорошо еще, что утром, раненько, сообразив, что пахнет жареным, Семеныч прибежал в контору и доложил мне о том, что с ним произошло накануне. Как правило, сведения из вытрезвителя на следующий же день после случившегося лежали в райкоме партии. И красным карандашом в этих бумагах были подведены фамилии партийных «героев». Этот порядок оповещения о засветившихся в вытрезвителе соблюдался строго и неукоснительно. С пьянством партия вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Не умешь пить – не пей!

Я тут же полетел в райком к инструкторам, чтобы изъять крамолу, но опоздал, так как бумага уже была передана второму секретарю на рассмотрение. Рано приходил на работу Николай Федорович. Что делать? Витя Чаплыгин, инструктор райкома мне и посоветовал:

- А вы его сами по-быстрому накажите, и все дела! Соберите бюро, вклейте выговорешник. А протокол сюда тащите. Лучший способ обороны, сам знаешь, – нападение! А решение первички никто еще не отменял. Так что – поторопись!

Так и поступили. До обеда собрали бюро и вкатили Александру Семеновичу выговор. Без занесения, конечно, побожески. Протокол тут же доставили в районный комитет, и инцидент был исчерпан...

Через полчаса мы закруглились с застольем и пошли проводить девчат до общежития. Далеко все-таки, да еще через нижний склад идти, боязно. Как-никак, а стрелки часов подходили к полуночи. И хотя городок наш был достаточно спокойным местом на земле, отпустить молодых девчонок одних ночью было бы верхом неприличия. Время белых ночей еще не закончилось, и опустевшие улицы проглядывались из конца в конец. Город был тих и спокоен до тех пор, пока Семенович не решил вдруг запеть. Черт его дернул не вовремя проявлять таланты. Тут же забрехали собаки в соседних дворах, и наша компания поспешила свернуть в проулок, подальше от греха, пока не проснулись хозяева. В этот момент откуда-то издалека, почти эхом, до меня донеслось мое имя, и краем глаза в дальнем конце проулка я усек собственную супругу Веронику под ручку с какой-то женщиной. Они явно направлялись в нашу сторону. Решение созрело мгновенно: нечего девчонок подставлять! Я-то прекрасно знал свою супругу, и ничего хорошего от этой нашей нечаянной встречи не ожидал.

- Чешите быстро! – резко скомандовал я начальнику участка и показал ему глазами в сторону летящих к нам по дороге силуэтов.

Пьяный, пьяный, а сообразил Семеныч моментально. Старая школа, что и говорить. Недолго думая, он подхватил опешивших от такой моей наглости, ничего не понимающих девчонок под ручки и резво потащил их по тропе через нижний склад. Ну а я остался в арьергарде, а затем, поймав в объятья и прижав к груди покрепче жену с ее подружкой, я развернул их спиной к нижнему складу, и затащил за ближайший дощатый гараж. Они бились у меня под руками, пытаюсь вырваться, как пойманные караси, но я только плотнее прижимал их к себе. Особенно истерила Вероника:

- Пусти, скотина! Хуже будет!

«А вот хуже-то как раз и не будет, - вертелось у меня в голове, – это вы напрасно, мадам». Наконец, посчитав, что времени прошло достаточно, я выпустил разъяренных фурий. И они, не обращая на меня никакого внимания, бегом унеслись через нижний склад в сторону общежития студентов. И, правда, на кой я им? Взять с меня нечего, что с кобеля возьмешь? А там, впереди, за горизонтом их ожидали субъекты сладостной мести, которых ждала неминуемая и страшная кара. Летите, голуби, летите! Я пошел домой и лег спать. Перед тем, как заснуть, еще минут пять взвешивал в уме: успел ли Семеныч доставить девчат до общаги и смыться? Успел – его счастье! А не успел? Я представил эту картину воочию, хмыкнул про себя и беззаботно провалился в сон.

Уже много позже, спустя годы, когда наши отношения стали совершенно другими, более близкими, Наталья мне рассказывала, как моя незабвенная супруга бегала посередине ночи вокруг общаги и кричала, чтобы вышла та самая стерва в зеленой курточке, которая путается с ее мужем:

- Я красивая женщина, не трогайте моего мужа!

Рядом с женой суетилась подруга. Пришлось Наталье отправить на улицу комиссара отряда, Елену, которая долго и упорно объясняла моей разъяренной половине, что в отряде все давно спят, и в зеленых курточках ходят тоже все, и что муж, о котором так пекутся, никому из них совершенно не нужен.

Утром следующего дня жена попыталась наставить меня на путь истинный, но я не собирался оправдываться. Ну, проводил девчат! Не тащиться же им одним ночью через весь город и нижний склад. Подумаешь, трагедия! Но семейная жизнь, как ни крути, постепенно трещала по швам. Не от этого единичного случая, конечно, а вообще.

На следующий день в конторе работавшая у меня в производственном отделе Людмила, та самая подруга моей жены,

попыталась меня увещевать, что, дескать, так поступать не-гоже. Но я быстро восстановил статус-кво, и как прямой начальник технической службы предприятия, и как мужик:

- А сама-то ты чего от мужа сбежала из теплых краев?

- Ну, Аркадий Викторович, вы скажете тоже! Это совсем другое дело.

- Это как, поперек, что ли?

- Да ну вас, Аркадий Викторович.

Людмила сбежала от мужа из Приднестровья с моим одноклассником и другом детства Веней Харилем, где тот работал главным инженером примерно в такой же строительной шараге, как и наше СМУ. Мы вместе заканчивали один и тот же строительный факультет в далеком городе на Амуре. А потом были призваны в армию, в желдорбат. Я, правда – в четвертый корпус, а Веня – во второй, Харьковский. После демобилизации он там и остался. Дослужился до главного инженера, а Людмила работала инженером в производственном отделе. Веня ко мне притащился подзаработать: надоело в Молдавии потеть за гроши да жевать квашенный перец, решил на севере зад поморозить. И ее за собой притащил. Жене своей, орёлик, конечно, сказал: еду к Аркадию на заработки, во-первых, а во-вторых, соскучился по настоящей работе! Что касается дамы, то тут он, естественно – промолчал. Кстати, супругой Вени была наша с ним одноклассница Лариса. Да что там была? До самой Вениной смерти ею оставалась, хотя он ходок был, куда там! Но женщины наши прощать умеют, потому и плодимся еще.

В то славное время мы как раз запускали вторую очередь деревообрабатывающего комбината, работы и впрямь хватало всем. Пришлось устроить его замом в управление, а подругу опять же – в производственный. Дали им угол в вагончике, стали они жить – поживать и добра наживать. Работать умели, специалистами были неплохими. А личные проблемы? Да тут вокруг, через одного – с личными проблемами. От

них-то в основном сюда, на Север, и драпали. А всякая там романтика, – для сопляков и молодежных газет. Прошло немало времени, казалось, все устаканилось, жизнь наладилась, но не тут-то было! Первым в городке, спустя какое-то время, появился Людкин муж Иван. Как он узнал, где она находится, для меня до сих пор – загадка. Не во всесоюзный же розыск подавал. Скорее всего, от Ларисы и узнал, ну, может быть, не напрямую, а через подружек. Не совсем же у него глаза застило, догадывался, наверное, с кем жена могла уехать. Вероника, которая к тому моменту подружилась с новой симпатией моего приятеля, предоставила кухню нашей квартиры для переговоров между расставшимися супругами. Помню, пришел я домой с работы, сидят голубчики напротив друг друга за столом и молчат. На улице сумерки, а свет и тот не включен. Вероника в комнате телевизор смотрит. Я поглядел на это безобразия и достал бутылку. Выпили с мужиком, поболтали о чем-то несущественном, но разговор не заладился. Я посидел, посидел, и отвалил, спать лег. Да и своей благоверной то же сделать посоветовал, чтобы не мешала людям. До какого времени они на кухне сидели не знаю. Но примирение так и не состоялось, пришлось бывшему мужу убраться назад, в далекую Молдавию. Детей у них не было, подумаешь, разбежались, по большому счету – ерунда! Еще неизвестно, кому повезло больше. Но потом и вовсе случилось то, что и должно было случиться. Кто-то из наших управленческих доброхотов капнул Венькиной жене Ларисе, что он не один в далеких северных краях кует благополучие семьи. Та не замедлила нарисоваться лично! Веня, прознав откуда-то, что жена едет разбираться, тут же быстренько собрался, подписал заявление и смылся в краткосрочный отпуск, в далекий и родной город нашего детства Хабаровск, подальше от греха. Так что первый удар мне пришлось принимать на себя.

- Где Веня? – грозно спросила меня Лариса, спустившись с трапа самолета.

- Здравствуй, Лариса! – изобразив широкую улыбку на

лице, приветствовал я одноклассницу вместо ответа. – С приездом!

- Ты мне, Аркадий, зубы-то не заговаривай! Где он?
- В Хабаровске, – виновато пролепетал я.
- Как так – в Хабаровске?
- Отпуск взял.
- Вот скотина!
- Ты за что это так родного мужа кроешь?
- А то ты не знаешь?
- Понятия не имею, - сделал я наивное лицо.
- Кончай придуриваться, Аркаша, все ты не хуже меня знаешь.

Я предпочел отмолчаться.

- А позвонить ему можно?

- Да я не знаю точно, у кого он остановится. Может, у Витьки Подлесного.

- Звони Витьке. И развод помощи по-быстрому оформить. У вас юрист в конторе есть?

Пришлось звонить. И юрист у нас имелся. Так что дело завертелось. Но тут суду понадобилось заверенное нотариусом согласие мужа на этот самый развод. Что характерно, Венька его махом телеграммой прислал. Молодец! Хотел, видно, чтобы без него все эти неприятности закончились. Согласен, дескать, рассмотреть дело о разводе с гражданкой такой-то без моего присутствия. Я, естественно, крутился, как уж на сковородке, пытаюсь побыстрее выпроводить бывшую одноклассницу назад, к сыну и матери. Но не тут-то было. Лариса, женщина твердая и упорная, вдруг ни с того ни с сего решила дождаться мужа. И дождалась! Хорошо еще, что Людмила проявила мудрость, не попадалась ей все это время на глаза. Но ситуация, я вам скажу, прелюбопытная сложилась. Обе дамы взяли с меня клятвенное заверение, что по приезду Вени я возьму их в аэропорт. Но в дату прилета я объехал город окольными путями, чтобы, не дай Бог, не попасться им на глаза. Надо же дать мужику время на принятие решения. Прибыл, наконец, наш го-

лубчик. Выползает на трап, сияет, как начищенный пятак, зонтик на пальце вертит. Я его у самолета перехватил, доложил, что и как. У Вени даже челюсть от такого сообщения отпала, но куда деваться. Не назад же лететь! Начались переговоры. Все это продолжалось дня три, ну, может быть, четыре. Вени упирался недолго, любовь, конечно, – хорошо, но домашний уют, верная жена и сын – дороже! И скорехонько собравшись, друг юности уволился и убрался с женой восвояси. А Людмила осталась, деваться ей было некуда, а просить у мужа прощения и возвращаться, видимо, не хотелось. Потом сдружилась с моей благоверной. А на текущий момент, не желая остаться одной на старости лет, охмуряла одного вдовца, начальника электро-монтажной конторы. И охмуряла, кажется, весьма успешно. Девушка она была простая, это – по части передка, но вовсе не глупая, понимала, что бальзаковский возраст не за горами и пора замуж устраиваться...

- Вероника Анатольевна – в таком расстройстве, Аркадий Викторович! Она так переживает, - Людмила говорила с придыханием, пытаясь донести до меня весь трагизм свершившегося, но я был тверд.

- Да, ну! И что дальше?

Она пожала плечами, всем своим видом показывая: и дураку ясно, что в такой ситуации нужно предпринимать. Но меня эта ее ненужная участливость только разозлила:

- Короче, так, Люда: ты в мои дела не суешься, а я – в твои! Понятно? У тебя тоже что-то крыльев за спиной не наблюдается, как и у меня. Уяснила. Ну, вот и хорошо. Я же к тебе не лезу в душу и амурные дела. Так что давай соблюдать статус-кво.

Но Людмила, как я узнал позже, своих стараний не оставила.

- А у вас мальчики есть, с которыми вы дружите? – лезла она с ненужными вопросами к девушкам из студотрядов.

- Конечно, есть, Людмила Ивановна! – охотно отвечали студентки, пытаясь отвязаться.

- И вы к ним в гости после отряда поедете?

Конечно. Вот закончим работу, деньги получим и – в Одессу!

- Вот и хорошо! – успокоилась, наконец, Людмила и помчалась успокаивать мою благоверную...

Венька, кстати, через пару лет опять нарисовался в наших краях, и опять, как и в прошлый раз, мне пришлось устраивать его на работу. С Людмилой он уже не контактировал, нашел себе другую. Да и она к тем порам вышла замуж стараниями моей озабоченной половины. Ну, а Венька покрутился, покрутился без семьи, заболел саркомой и уехал назад, к жене, помирать. Кстати, саркому эту самую он на югах и заработал. Вместе с Людкой где-то в санатории загорал – воспалилась родинка на спине... Жалко мужика, совсем молодой ушел, и сорока не было. Но это уже совсем другая история...

Людмилу моя резкость, конечно, обидела, но ненадолго. И правильно: чего против ветра плевать? Начальник всегда прав, а, когда не прав, читай пункт первый! А вот мои отношения с женой все так же стремительно падали к нулю. И причиной, скорее всего, было то, что у нас не было детей, хотя прожили мы вместе больше шести лет. А, может быть, просто любви настоящей не было? Не знаю. Вероника пыталась склеить черепки семейного горшка, но меня все меньше радовало возвращение домой после работы и упреки в черствости и невнимательности. Совесть, конечно, мучила, но поделаться с собой я ничего не мог. И однажды пришлось эвакуироваться прямо через балкон, на клумбу под ним в палисаднике. Хорошо, что квартира наша находилась на втором этаже, и лететь пришлось недолго. Не смог я прорваться через входную дверь, заблокированную разгневанной женой. А и то: не бить же женщину, когда она тебе в глаза метит маникюром. С поцарапанной физиономией на работу ходить не хотелось.

Временно я поселился прямо в конторе, где со двора была оборудована небольшая гостиница. Ну и заявление подал в ЗАГС на развод: детей у нас не было, в суд идти не надо. Через день, два после моего бегства меня вызвал к себе начальник, Геннадий Викторович:

- Аркадий Викторович, ты в курсе, что Вероника Анатольевна в райком партии обратилась?

- Нет. А что ей в райкоме-то понадобилось?

- С жалобой на тебя.

- Да, ну! И что же ее так обеспокоило?

- Моральное состояние твое. На развод, дескать, подал, а сам – кобель, гуляет направо!

- Эх, куда хватила, дура! Сейчас не тридцать седьмой, и мои личные дела – это мои дела! – отрезал я.

- Смотри. Райком так не считает.

- А пусть как хочет, так и считает! – закончил я неприятный разговор, но тут же подумал про себя, что нужно лететь в ЗАГС, поторопить девчат.

- Да, еще. Ты долго в гостинице-то отираться думаешь?

- А что, жалко?

- Не хаами! Зайди к Ольге Александровне в профком, она там кое-что касательно тебя придумать обещала.

Я тут же отправился в профком и через пару дней вселился в отремонтированную однокомнатную квартиру недалеко от управления. Ребята из столярки слепили кое-какую мебель, а Вера, наш бессменный комендант и начальник ЖКО в одном лице, снабдила поношенной красной дорожкой на пол. Конечно, не ахти какое жилье, но все же лучше, чем гостиница...

Давно это все было, кое-какие подробности даже позабылись. У Людмилы уже двое детей подрастают, девочка и мальчик, а моя благоверная замуж вышла. Хэппи-энд, так сказать. А в те далекие времена случился один из самых бурных периодов моей непутевой жизни: закрутилось колесо, заискрило, аж дым пошел! По выходным компанией гоняли на озера с ночевой. Орала песни под гитару. Варили уху на

костре. Романтика! И незаметно так, исподволь, Наталья вошла в мою жизнь. Я стал замечать, что мне, как ни крути, не хватает этой девчонки все больше и больше. И когда отряды, отработав положенные сроки, уехали, я затосковал не на шутку. А через месяц не выдержал, сел в самолет и рванул к ней в гости. Надеяться, что встретят с распростертыми объятиями, не приходилось, но не выгнали. А с женой мы через полгода расстались окончательно...

...Городок наш, бывший флагман лесной промышленности, раскинулся в таежном краю, на берегу живописной бухты, жалко, правда, не южного, а северного моря. Старые, довоенной постройки дома с вросшими в землю окнами первых этажей красноречиво говорили о его почтенном возрасте. Небольшой судоремонтный завод, дышащее на ладан после всех перестроек и переломов лесопильное производство и рудник составляли основу его экономического процветания. Ну, если не считать нефти. Правда, нефтяное начальство сидело в соседнем районе, но за недра платило исправно. Еще в начале семидесятых районное руководство пыталось перетащить нефтяников к себе, но это ему не удалось. А теперь, по этой причине, приходилось получать крохи с нефтяного стола.

Строительством основных объектов города и населенных пунктов района занималось наше строительно-монтажное управление, когда-то самое мощное в лесном министерстве. Но основные платежи в местный и федеральный бюджет осуществлял рудник. Там добывали молибден и еще что-то, что всегда было в цене, как у нас в стране, так и за рубежом. И федеральное руководство зорко следило за тем, чтобы с предприятием все было хорошо. До сих пор его благополучно миновали все кризисы экономики и смены строя. Лихие девяностые легким ветерком пронеслись над рудником, не оставив на теле заметных вмятин и шрамов. Были, конечно, и перебои с зарплатой, и остановки производства, но до бан-

кротства дело никогда не доходило. Прибрать рудник к рукам было вожаделенной мечтой каждого нового руководителя территории, как, впрочем, и наших городских властей. Правда, такой кусок им было не проглотить ни при каком раскладе, но урвать хотя бы что-то, хотелось до невозможности.

Директором рудника был мой старый приятель Стешнев Александр Иванович. Когда в стране начался бардак, он не стал дергаться и бросаться в крайности, как некоторые, и поэтому уцелел. Мало того, потихоньку справился с вакханалией горлопанов-бездельников, которых везде в те времена хватало, сохранил производство. А горлопанов в те времена наплодилось, как комарья в лесу. Придумали какие-то советы трудовых коллективов, как будто слесарь Иван Петрович знал лучше директора, что и как нужно делать для процветания предприятия. Хотя, кроме того, чтобы отстоять ни шатко ни валко смену у станка, а после ее окончания залить вожаделенные сто пятьдесят, этот самый Иван Петрович сроду ничего не предпринимал. А теперь – куда там, во все дырки затычка! Развели бардак на производстве. Кто-то из начальников слетел, кто-то сам ушел, а Стешнев удержался. И что самое главное, не растерял уважения коллектива. Видимо, потому, что не лез так беззастенчиво в карман предприятия, как остальные, и не жил одним днем.

- Знаешь, Аркадий, - информировал он меня, когда скрывался от грозного ока супруги в моей конуре, чтобы принять рюмку-другую успокоительного, - задолбали комиссии! Одна закончится – другая едет! Как с Пашки началось, еще в те годы, когда он правил, так и поехало. Я-то, конечно, понимаю, что против ветра – бесполезно, а руководство всегда право! Но люди-то тут при чем? Работать ведь нормально не дают. Вроде, приплачиваю, как и все, куда тут денешься, да, видно, все мало! Сеня, хрен лысый, обложился говнюками, а им жрать сладко хочется! Одного бы мы его спокойно прокормили, а такую свору – никаких денег не хватит!

- Да посылай их подальше!

- Гадят в карман, мерзавцы! Пишут в инстанции разные, а те и рады. Тоже кушать хотят. Вот поэтому и проверки постоянные.

- А тебе-то что волноваться, у тебя министерство крепкое, не укусишь! Прикроют ребята из столицы. Плюнь, здоровье дороже! В тюрьму один черт не посадят, побоятся. Сами – не святые. Ну, а если что, то Сене и на одно место наступить можно. Это – не Пашка, жидковат!

- Я бы плюнул, но ведь работать не дают, скоты! Одними отписками занимаюсь. Одно радуется, приглашали недавно в Красноярск работать. И производство налажено, и с местными властями полное взаимопонимание. Но баба, зараза, ни в какую.

- Что, согласие уже дал?

- Да нет, подумать обещал.

- И что, надумал?

- Не знаю. Дом, понимаешь, хозяйство, опять же дети с внуками недалеко. Чего тут ехать-то, сел в машину и за день – уже в Финляндии. Да и жалко бросать все, двадцать пять лет как-никак мантулил! Прямо хоть на пенсию досрочно уходи.

- Не ной! А главное – не торопись! На пенсию всегда успеешь.

- Так-то оно так, но доведут ведь другань до инфаркта.

- А ты в депутаты подайся! Мы это дело без проблем организуем. Люди тебя знают, не сомневайся. Депутат – человек неприкасаемый! Народный избранник – он и есть народный избранник, попробуй – тронь! Жизнь спокойнее станет. Оппозиция наша всегда рада обиженных приголубить. А можно и без этой самой оппозиции обойтись. Даже лучше, если без нее. Попахивает от неё дурно: сам знаешь, кто там в этой нашей оппозиции отирается. Человек ты известный, не жлоб, не тащишь все подряд, как другие. Глядишь, и на главу потом выдвинешься, вместо Сени. А?

- Ты что, серьезно? В этот-то гадюшник? Да, ни в жисть!

Это сегодня люди к тебе нормально относятся. А завтра, когда все, что наобещал – не выполнишь? Стыдно станет в глаза народу смотреть. Не тебе же мне рассказывать, зачем в депутаты идут?

- Воровать.

- То-то! А ты – в депутаты!

- Я серьезно! Чего стесняться-то? С волками жить, по-волчьи выть. Так, что ты подумай, осенью выборы.

- Я, Аркадий, хоть и глупый, но не до такой же степени. В депутаты – курам на смех! Кто этих бездельников и болтунов уважает? Ты посмотри, кто там сидит. Нет уж, увольте!

- Стыд – не дым, глаза не выест! Сидят же наши вундеркинды постольку лет уже, кресла протирают, и – ничего! Для нашего народа депутат – тот же начальник. А начальник – он и есть начальник! Царь почти что. Респект и уважение.

- Король голый! Это сегодня старье такое, как мы с тобой, на производстве пашет. Потому что – некому больше! Привыкли люди к такому раскладу дел, потому и уважают пока. А завтра молодые на наше место придут, посмотрят на дела наши грешные. Думаешь, не разберутся, кто чего стоит?

- Когда они еще придут? Мы с тобой к тем порам истлеть успеем.

- Истлеть-то, может, и истлеем, но не хочется, чтобы в сторуны памятника плевались.

- А ты думаешь, что нам памятники поставят?

- Надеюсь.

- А я – нет!

- Ну и дурак!

- Может, ты и прав, дружище.

- Прав, конечно. Вы-то, как в своем управлении поживаете?

- А никак! Костик по обыкновению пьет, а денег на это, как всегда, не хватает. Как, впрочем, и ума эти деньги зарабатывать. Поэтому в основном в кассе, пока тверёзый, отирается, последние крошки подбирает. Зарплату задерживают, если только этот заработок можно зарплатой назвать, а народ по-

малкивает. Ты же знаешь, какой у нас народ терпеливый, до противности. А, может, просто равнодушный?

- А он при всех правителях таким был. Терпел, терпел, а потом – бунт! Как там у Пушкина: бессмысленный и беспощадный. А, впрочем, первый раз что ли? Хотя сейчас демократы наши похитрее стали супротив коммунистов.

- Вот-вот! Это – наша коронка: весь мир до основания разрушим, а потом!

- А потом битые черепки считаем. Ельцин с Гайдаром, конечно, молодцы, что такое сотворили, но икается-то и по сей день. Да и в горле першит, когда трезво подумаешь. Вовремя убрались, а то бы неизвестно, чем дело закончилось. Один Чубайс до сих пор на коне, как непотопляемый миноносец. Молодец! Никакая лихоманка его не берет, при любой власти устроится. А эти, нонешние, все больше пока болтают! Лет пятнадцать уже все о какой-то модернизации говорят. Ну и где она, эта самая модернизация? У меня машины сороковых годов выпуска еще крутятся до сих пор на руднике. Как там, у классиков: времен Очакова и покоренья Крыма! Не можем никак нормальную экономику построить, все на нефти да на другом сырье сидим.

- Ага. Помнишь, у Высоцкого: «Еще мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей!» Кто-то из америкосов не зря Россию обозвал Верхней Вольтой с ракетами. Обидно, но, по сути – верно! Зато по телеку все прекрасно! Аж противно! Подсластят карамельку и в рот суют, чтобы не гавкали!

- А чего ты хотел? Телевизионщики тоже жить хотят: за чем им с государством бодаться?

- Декларируем же везде, что у нас демократия! А еще Черчилль сказал, что нет в управлении государством ничего хуже демократии.

- Лукавишь! Он еще добавил, что и лучше пока ничего не придумали.

- Вот-вот. Поэтому и развал кругом.

- А кто это тебе сказал, Аркаша, что у нас демократия? В стране, где всегда на батюшку-царя надеялись и молились, никакой демократии по определению быть не может. Погоди, через пяток лет об этой самой демократии, как о вырезанном чирье забудут, и вспоминать никто не станет. Молодняк вон уже сейчас оболванивают не хуже, чем нас при социализме. Молодежных движений насоздавали! Наши, не наши! Только работать никто не хочет: все в белые воротнички рвутся, глядя на старших товарищей. Ты что, в родную партию в свое время не верил?

- Не знаю.

- Ну, уж не ври! Верил, да еще как! На заседаниях и совещаниях я что ли вместо тебя выступал? Молчишь. То-то!

- Подумаешь, вспомнил. Тогда все красиво выступали и говорили! И потом, мы ведь при том строе выросли и другого ничего не знали. Ко всему люди привыкают. Помнишь?

Царям, почившим в бозе, и правителям
ошибок не прощаем до сих пор:
пеняем горячо и упоительно
тому, кто нам не может дать отпор,
да новых славим, нами удостоенных.

Своим особым двигаясь путем,
громим и рушим символы истории
в надежде, что иные обретем.

Жаль, нашего не хватит поколения
искоренить холуйство на Руси –
и где висел портрет с небритым Лениным,
сегодня Путин выбритый висит.

- Вот и эти завтра так же красиво будут выступать. Они тоже при другом строе не жили. Что им сегодня в голову вобьют, то они в будущем на пьедестал и поднимут! Они с молодых ногтей ничего другого не видели и знать не знают ста-

раниями нашего доблестного руководства. Я так думаю, что скоро мы и Путина царем-батюшкой назначим, а остальных – боярами! Еще и попросим, чтобы нас от всяких там бунтарей защитили. А эти уже защитить сумеют! Спецназ у нас во все времена – хоть куда!

- Ладно, давай тоску не нагонять! А, может, все же стоит тебе о выборах подумать. Или давай, кого-то подберем. Надоело на этих жуликов смотреть, своих двигать надо.

- Думаешь, те, кто завтра в думу работать придут, ангелы с крылышками? Такими же жуликами станут, а то и еще похлеще. Система – она и есть система!

- Ну, свои – все же свои! Да и придержать особо ретивых, когда слишком зарвутся, будет кому.

- Как же, придержишь!

- Но делать-то что-то нужно! Надоело на все это безобразия паяться, с души воротит!

- Думаешь, меня не воротит? Воротит, да еще как!

Такие не слишком веселые дела творились в нашем околотке, как, впрочем, и во всей державе...

...В семь часов вечера я уже курил возле промтоварного магазина, прозванного в народе «стекляшкой» за свои огромные, сверкающие витрины, бросающие пятна света на небольшую площадь со сквером. И вот по нему-то ко мне стремительно приближалась очаровательное, горбоносое создание, издали приветливо машущее руками.

Любимая,
дыханием твоим
и женским безграничным всетерпеньем
я на земле нетронутым храним
и уцелевшим.
Божеским веленьем
мне подарила жизнь твою любовь
и, опалив расправленные крылья,
всего тебе отдала.

Наша кровь,
соединившись вместе, подарила
природе дорогое существо,
которое уже неотделимо,
как продолжение нас.
Неотвратимо
и наше угасанье,
но его,
рожденное в любви предназначенье,
свершилось.
С колыбельною твоей
И нежной лаской времени теченье
несет его судьбу.
На склоне дней
нам будет суждено еще увидеть
ее ростки.
От вечности устав,
Пойдем с тобой,
что редкие обиды
не погасили
нашего
костра.
Любимая,
кольцо твоих объятий
и невесомый лен твоих волос –
единство неотринутых понятий,
потерь,
находок,
радости
и слез.

Во мне эти строки почему-то начинали звучать всякий раз, когда я видел этот силуэт. Сердце запело, а на душе сразу стало куда как теплее. Наташка. Любимая. Девушка, не останавливаясь, с разбега бросилась мне на шею и повисла, болтая ногами:

- Соскучился, противный? Почему вчера не позвонил. Я, как дура, весь вечер его прождала, все глазонки просмотрела. Даже к Верке не пошла, а у той день рождения был. Скотина ты все-таки, Аркаша!

- Ну, вот, сразу и скотина!

- А как тебя еще называть? Пользуешься слабостью девушки. Другая давно бы тебя к черту послала!

- Да, понимаешь, домой пришел после работы, а тут Иваныч появился, не гнать же его.

- Но позвонить-то мог бы!

Я отстранился, с удовольствием разглядывая свою дорогу и не выпуская ее из объятий. За годы нашего знакомства она повзрослела и стала еще красивее. Складнее, что ли? Или женщины ближе к тридцати все красивее и красивее становятся? Вот только разноцветные глаза, один карий, а другой зеленый, все так же лукаво смотрели в мои глаза. Меня всегда удивляли эти ее разноцветные очи.

- Опять пили!?

- Не без того, конечно, но в меру.

- Знаю я вашу меру – пока не кончится, за уши не оттянешь!

- Ну, не ругайся! – чмокнул я любимую в щеку.

- С вами не ругаться – сопьетесь раньше времени! – Она откинула голову, внимательно разглядывая меня, как будто видела в первый раз. - Почти все друзья на Вокуевке утомонились, а этот все туда же! Забыл, чем Генка с Витькой закончили?

Вокуевкой, по фамилии нашего первого председателя исполкома, непонятно почему, прозвали городское кладбище. А там действительно лежало немало моих друзей и знакомых.

- Чего ты, как с цепи сорвалась, дорогая? – я осторожно поставил девушку на асфальт и еще раз поцеловал. - Неприятности на работе?

- Вот еще! – она поправила мне шарф и беззаботно улыбнулась.

От этой знакомой улыбки у меня на сердце стало вовсе светло и радостно.

- Ну, тогда идем, что ли?

- Куда?

- Как куда, в «Огонек» же собирались, или ты забыла?

- Пошли лучше к Вере и Виктору. У Веры сегодня продолжение бала. Да и надоела мне эта кабацкая обстановка. У Веры хоть люди приличные соберутся, знакомые Виктора Петровича будут из администрации. Может быть, и мой шеф нарисуется.

Тут надо кое-что пояснить. Виктор Петрович Ковалев, руководитель департамента по спорту и молодежной политике, давно ходил в ранге Веркиного ухажера. Даже не ухажера, а жениха. Где она его ухитрилась подцепить, было известно – на танцах. Я их сам там и познакомил. Виктор никак не мог решиться подойти к смазливой девушке, окруженной поклонниками. Пришлось взять инициативу на себя. Но чего ради позже он решил связать с ней свою судьбу, оставалось для меня полнейшей загадкой. На мой взгляд, девушкой она была простоватой для него, хотя и яркой. Таких, как она, кругом пруд пруди! Но, видимо, Виктора девчонка чем-то зацепила, раз он готов был решиться на такой серьезный шаг. Что он готов связать себя с Верой узами Гименея, я сам от него уже не однажды слышал. Работала Вера на судоремонтном, круг ее знакомых ограничивался бывшими одноклассниками да парнями с завода. А тут, на тебе – руководитель департамента! Не хухры-мухры! Вера, глупенькая не глупенькая, а ментально поняла, что при раздаче ей выпала козырная карта и вела свою партию наверняка и напористо. Как я слышал от Наташи, свадьба была уже не за горами. Виктор открыто жил у Веры в квартире, хотя имел свою, двухкомнатную.

- К Вере, так к Вере, - мне действительно было все равно, куда идти, да к тому же там действительно можно было повстречать сильных мира сего, то бишь, административное руководство города и района разных мастей, кроме, разве что головы, Семена Николаевича Раскопаева. Я такие компании не особенно любил, но новости там можно было узнать самые свежие. И старых приятелей, кого по сто лет не видел, повстречать.

А вот Сеня, Семен Николаевич, после того, как угнезвился в служебном кресле главы района, стал почти недосыгаем и неприкасаем для простых смертных. Раньше, когда он служил у Пашки на побегушках, менял бумагу в женских туалетах банка, Сенины манеры были куда демократичнее. В те, не так уж и далекие времена, бывший комсомолец был любезен практически со всеми, а руку для пожатия тянул метров за пять до встречи. Да и куда было пыжиться, любой из одноклассников, а в городе оставалось немало, знал все Сенины плюсы и минусы. А минусов было гораздо больше, чем плюсов. Павел Николаевич, когда убывал на повышение, организовал выборную компанию, дабы Сеня на месте главы районной управы сохранил и приумножил его личные денежки, вложенные в различные районные предприятия. До тех пор, пока их, денежки я имею в виду, не переведут на другие, не менее доходные места. Сеня о сделанном добре не забывал и обрабатывал должок по полной программе. К тому же, надо отдать ему должное хоть в этом, он был примерным семьянином и не любил больших и разношерстных компаний. Поэтому встретить его у Виктора было делом нереальным. Впрочем, гости у Виктора, а сейчас и у Веры тоже, собирались вполне достойные, элита, так сказать. Хотя, по мне, лучше с мужиками где-нибудь на пеньке пображничать. Там хоть следить не надо за тем, что сказал. Все от души, как говорится.

Через четверть часа мы с Натальей подошли к пятиэтажке, где в трехкомнатной квартире, доставшейся ей после смерти родителей, и жила Вера Александровна Сазанова, а попросту – Верка.

- Кто там? – раздалось в динамике домофона.
- Дед Пихто, вот кто! – гаркнул я в микрофон.
- Ты, что ли, Аркадий?
- Нет, президент Буш. Открывай, Вера, Наталья мерзнет.
- Проходите.

Замок лязгнул, открывая нам дверь в подъезд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эдуард Яковлевич Шацман считал себя человеком вполне благополучным. И не зря. Сорок с небольшим отроду, а уже начальник управления капитального строительства приличной территории. Сухопарый, всегда энергичный и целеустремленный, он создавал у собеседника неплохое впечатление при первой же встрече. А ведь начинал здесь же, в районе, всего лишь начальником участка мало кому известного строительного управления какой-то задрипанной, южной экспедиции. И таковым бы и остался, не повстречайся у него на пути бывший управляющий местным банком, а в то время глава широко раскинувшейся северной территории нашей страны, ее рыбных, нефтяных и добывающих предприятий, незабвенный наш Павел Николаевич Феофанов, а попросту Паша. В молодости, как я уже упоминал, комсомольский, районный вожачок, впоследствии директор местного отделения областного банка. А в те славные времена еще и владелец заводов, газет, пароходов. И это – не фигурально выражаясь. Феофанов, видимо, давно приметил активного, ни с кем из начальства не конфликтующего, и всегда предупредительного Шацмана. Чего-чего, а такта и умения вовремя прогнуться у Шацмана хватало. Впрочем, надо признаться, человек он был энергичный, целеустремленный, и ума ему было не занимать. А в городе, сами понимаете, то одно по хозяйству нужно сделать, то другое. Шла подготовка к очередным выборам – в таком деле каждый человек был дорог, особенно такой покладистый и готовый выполнить любые поручения. Вот Паша и привязал Шацмана к себе каким-то образом. Да тот и сам был не против: кому охота до пенсии на вторых ролях отираться. А тут – перспектива! Тем более, что Шацман попросил Пал Николаевича устроить на работу в его собственный банк свою жену Маргариту, экономиста по образованию. Банком же в этот период командовал Пашин холуй Сеня. Жену, конечно, устроили, причислив Шацмана к

стае и сделав его вечным должником.

- Буду обязан, Павел Николаевич, - прижимая руку к груди и склоняясь лысоватой головой, проникновенно говорил Эдуард Яковлевич. - Не подведу!

И надо сказать – не подводил. После выборов посадили его на самое хлебное место – управление капитального строительства, где крутились основные средства федерального и местных бюджетов. Управление проводило аукционы по распределению строительных подрядов, а это тоже стоило немалых денег тем, кто хотел выиграть. Это только в государственных декларациях и болтовне депутатов госдумы считается, что аукцион справедливо решает вопросы распределения объемов между строительными организациями и тем самым исключает коррупцию. А на деле все куда как запутанней и тоньше. Можно найти тысячу причин, чтобы в последний момент претендент на возведение какого либо объекта вылетел из обоймы. Даже если цену на строительство он объявлял ниже всех. Сам не однажды видел. Наплевав на строительный Кодекс, Шацман начал расплачиваться с подрядчиками по факту выполненных работ, а не по утвержденным и прошедшим экспертизу сметам. Подрядчики скрипели, но терпели. С одной стороны, вроде бы, правильно – в проектах полно прорех, которые наделали институты, и чем-то надо затыкать эти дыры. А с другой – экономия, оставшаяся от стоимости объекта, подрядчику не попадала. И после завершения того или иного объекта оседала на счетах управления. А затем через прикормленные фирмы и фирмочки, выступающие по настоянию УКСа субподрядчиками, обналачивалась. Сначала Шацман носил деньги в клюве Паше, а потом, когда главой района стал Сеня, ему. Ну, а те уже переправляли дальше. Себе, конечно, на хлеб с маслом оставалось. Я думаю, что этот конвейер, который заработал еще в девяностые, а может быть, и раньше, начал крутиться быстрее. И это, несмотря на уверения каждого нового правителя России, что как раз его-то аппарат активнее предыдущего борется с этим самым

злом под названием коррупция. Борется денно и ночью.

С тех пор прошло несколько лет, и управляет Пашиным банком уже жена Шацмана, Маргарита Ивановна, а сам он давно и прочно прирос одним местом к креслу большого областного начальника. Иногда, за праздничным столом, Эдуард Яковлевич еще любил вспоминать, как они вместе с женой хлебали киселя по многочисленным стройкам страны. Но вспоминалось это все реже и реже и с каким-то налетом легкого презрения к тому положению, в котором они тогда пребывали. Эдуард Яковлевич прочно закрепился в так называемой «команде» главы районной администрации. Судьба играет человеком, а человек играет на трубе. И гневить выпавшую ему судьбу Эдуард Яковлевич не собирался.

- Ты, Эдуард, смотри, не взбрыкни ненароком, - говаривала ему супруга, - не плюй в колодец, откуда воду пьешь!

Это в тех случаях, когда Шацман в узком кругу особо приближенных к телу людей нет-нет да пытался не то, чтобы по критиковать власть – человек-то он был неглупый и все прекрасно видел – а просто слегка ее пожурить.

- Ну, что ты, дорогая, я же не совсем того, - тут же отвечал забывшийся на минуту муж и продолжал придерживаться той генеральной линии поведения на службе и в быту, которая его никогда не подставляла под огонь какой-либо критики сверху. А на критику снизу Эдуард Яковлевич чихать хотел.

Линия его поведения состояла из двух незыблемых постулатов. Первый – начальство всегда право, и второй – бей своих покрепче, чтобы чужие боялись! Эдуард Яковлевич любил показать свою принципиальность перед людьми особенно от него зависящими, иногда переходя при этом к откровенной грубости и хамству:

- Что вы мне тут плетете! – Орал он на подрядчиков на очередной планерке. - Строите, черте как, а виноватых где-то на стороне ищите! Уберите с объекта этого идиота и переделайте все, как я сказал, а иначе - никакой оплаты!

По этой самой причине мастера и прорабы на многочис-

ленных стройках района Шацмана просто яростно ненавидели. Редко кто из них пытался огрызаться. Тем более, что косяков и недостатков на стройплощадках хватало, чего уж там греха таить.

Абсолютное большинство подрядчиков побаивалось гнева Шацмана, и старалось с ним не связываться. Кто помалкивал и кивал чаще других, ходили у грозного начальника в любимчиках, хуже было тем, кто пытался отстоять свою правоту. Что касается экономической стороны дела, то первым краеугольным камнем будущего благосостояния семьи Эдуарда Яковлевича явились поставки строительных материалов и конструкций через отдел снабжения управления капитального строительства. Что шло вопреки обычным правилам, когда все эти поставки осуществляются непосредственно самими подрядчиками, а экономия от их стоимости уходила в доход строителей. Накось – выкусь! Племянник Эдуарда Яковлевича, лет пять как обосновавшийся в столице нашей Родины, городе-герое Москве, стал основным партнером по налаживанию материально-технического обеспечения строящихся под непосредственным руководством дяди объектов. Дисконт достигал десяти процентов, а годовой объем поставок двухсот миллионов рублей. Пятнадцать, двадцать штук навару – кое-что! И это только на материалах. А экономия по сметам, которая уходила в «свои» фирмы, где благополучно исчезала в известном только Шацману направлении? Были и другие статьи. Конечно, приходилось делиться большей частью с Пашей. А по пришествию на престол Сени, и с этим карасем. Но делиться с начальством – дело святое! Крыша – она и есть крыша, куда без нее, промокнуть можно. Это, как в далекие и лихие девяностые, так и в наше время. Только тогда крышевали откровенные бандюганы, а теперь благообразные и образованные работники всевозможных департаментов и министерств. Для непосвященных поясню, что дисконт – это скидка на товар, покупаемый большими партиями и получаемая от продавца наличными. Без афиширования, естественно, дан-

ной операции, и при некотором завышении стоимости товара. Схема увода бюджетных грошей была проста, как валенок, но действовала безотказно. Поймать жуликов за руку практически невозможно. Тем более, что цены устанавливала столица. Первичный капитал рос, как на дрожжах. Вторым подарком судьбы стали приобретенные за смехотворные деньги еще Пашей двадцати участков земли с недостроенными на них коттеджами в престижной зеленой зоне и в непосредственной близости от столицы. Заметьте, за бюджетные деньги. Да и цели предполагались благородные. Декларировалось, что участки предназначаются для ветеранов и заслуженных людей, не один десяток лет проработавших на Севере, под переселение. Так, по крайней мере, трещали все местные СМИ. Но вскоре цены на землю и недвижимость начали стремительно расти, да так стремительно, что у Паши и его компании от возможных дивидендов начали потеть руки и кружиться головы. Перспективы представлялись самыми радужными. Поэтому о благих намерениях потихоньку забыли и под разными предложениями выделенные людям участки начали отбирать. Кто-то побоялся лишиться насиженного места в администрации и забрал вложенные первоначально деньги, естественно, без поправок на инфляцию. А кто-то, как жена моего приятеля Николая, уперся, и получил компенсацию в виде квартиры в соседнем областном центре. Южнее и теплее. Кто-то согласился на новую квартиру прямо на месте, в городе. Хоть какой, да навар, дети-то растут. Потом Паша продал участки по первоначальной цене и, конечно, неизвестно кому. И деньги в бюджет вернулись, и участки в собственности остались. И, как шептались местные кумушки из белого дома, полноправным хозяином и участков, и недостроенных коттеджей стал кто-то в столице. А фактически, это и дуракам было ясно, — Паша, а точнее, его холдинг. А после ухода Павла Николаевича на повышение, по наследству — Сеня. Номинальный, естественно, хозяин, попросту — смотрящий. Я думаю, что Сене от всей этой хитрой, многоходовой операции достались крохи.

Холуй – он и есть холуй! Чего ему много платить? Да и не в правилах Паши делиться. Вложенные ранее деньги вернули в бюджет, а многократно подорожавшие строения начали доводить до ума сляпанной на скорую руку строительной фирмой, учредителями которой, не знаю, правда, в каких долях, стали наши герои, а директором – племянник Шацмана. И строительством и недвижимостью кому-то нужно управлять, вот и поручили это хлопотное дело милейшему Эдуарду Яковлевичу. Короче, деньги капали и оттуда, и отсюда. Шацман быстро воздвиг в городе собственный двухэтажный дом, купил пару квартир в обеих столицах нашей Родины и пару импортных машин, себе и жене. Не забыл и любовницу свою, Ольгу, начальника отдела собственной Шацмана конторы. Помог купить ей квартиру, новые «Жигули», ну и так, по мелочи баловал. Мужик этой самой Ольги, конечно, догадывался, откуда уши растут, но вида не показывал. Баба – она и есть баба, от нее не убудет, а жить стало легче, жить стало веселее. А Шацман обнаглел вконец, непонятно, как все это жена терпела. Может быть, ничего не знала: донести побаивались, а сама не замечала? Маловероятно. Скорее всего, решила потерпеть, дочерей-то растить нужно и учить. Женщина она была умная и дальновидная. Хотя я бы ни при каком раскладе терпеть такого хамства не стал. Но я-то – мужчина! А кто их этих женщин поймет? Да никто.

- И чего ваш начальник в этой лошади нашел? – спрашивал я работающих у Шацмана в управлении женщин. – Жена, вроде, женщина вполне, а здесь смотреть просто не на что. Орясина, а не баба!

- Ничего ты, Аркадий не понимаешь в колбасных обрезках, - говорила мне Светлана, начальник планового отдела. – Разуй глаза, гляди, как женщина похорошела! Счастливы люди, и – слава Богу! И потом, он что – красавец писанный, твой Шацман? Сам страшный, да и жена у него, если присмотреться, тоже не фонтан! Короче, два сапога – пара. Так что Ольга для нашего Эдика просто подарок судьбы! Да и тебе ли об этом

судить, кобель? Сам-то ни одной юбки не пропустишь.

- Ну ты, Свет, скажешь тоже! Слово-то, какое – кобель! Я – человек во всех отношениях положительный, уже больной и старый. Меня девушки не любят.

- Глаза твои – бесстыжие! Хорошо, что Наталья тебя подобрала, а то бы так и болтался по девкам да по ресторанам, как отрёпыш.

- А че, так плохо выгляжу?

- Плохо не плохо, а пыльца-то золотая осыпалась. Ты на себя давно в зеркало-то глядел?

- Я что, баба что ли? Чего мне перед зеркалами рисоваться? Ладно, черт с ним, с вашим начальником! Пусть любятся-голубятся, нам по барабану! Ты мне лучше скажи, Светик, куда вы с Яковлевичем миллион экономии умыкнули с пожарного депо?

Пожарное депо – новый объект нашего города, сданный накануне государственной комиссии. Так вот: остаток сэкономленных сметных средств, естественно, согласовав с Остроглазом, нашим директором, Шацман перегнал как субподрядчику, своей карманной фирме «Зеленстрой». Никаким боком к строительству данного объекта фирма эта не была причастна, и меня крайне заинтересовала наглость, с какой Яковлевич действовал, уводя средства. Капнуть ведь могут. Мало ли у нас обиженных людей. Куда ОБЭП только смотрит, да и прокуратура тоже? Ну, прокуратура, допустим, смотрит только туда, куда прикажут. А работает только тогда, когда крикнут «фас»!

- А я почему знаю! Вот ты у него и спроси.

- Посадят тебя, Светка, за компанию с твоим начальником! Наглеете, дальше некуда!

- А меня-то за что? Я человек маленький, мое дело бумажки готовить, подписывают их люди посolidнее. А ты бы не болтал лишнего, тебе-то какое дело до всего этого?

- Обидно, Зин, как говаривал Высоцкий! Крадут внаглую, как будто последний день живут! Да и управление собствен-

ное жалко, почти два десятка лет жизни отдал. Ладно бы, хоть зарплату людям достойную платили, а то так – гроши! И те надо по три месяца ждать. А тут последние крошки, можно сказать, со стола тащат.

- Ты же знаешь, Аркадий, каков поп, таков и приход! Что ты, мальчик что ли, не понимаешь? Какое начальство – такие и подчиненные. Вы бы не давали на себе ездить, никто бы и не ездил. А то шепчитесь по-за углами, а прямо возмутиться мощей не хватает!

- Ну, допустим, я не шепчусь, вслух говорю!

- Так пойдя к Сене и возмутись! Вот смеху-то будет. Думаешь, что-то изменится? Выгонят тебя с работы, и все твои правдоискания закончатся!

- Облезут выгонять! Я же не кукла для битья, как в Японии, могу и сдачи дать! Укушу – мало не покажется!

- Не дергайся ты, живи спокойно! Сон крепче будет, ку-сальщик! Мимо главного уже однажды пролетел...

Последней фразой Света напомнила, что год назад, когда наш бывший начальник и мой бывший прораб Коля Остроглаз ушел со своей должности в избирательную команду Сени, я без задней мысли тиснул в местной газете стишки. Про выборы и прочее. А в конце такие строки: «Видимо придется нам, ребята, выбирать Емелю-дурака!» Сению я никоим образом не имел в виду, но народ понял все по-своему и начал ржать. Сеня обиделся до смерти, приняв мои опусы на свой счет. Результатом стало то, что вторично главным инженером родного управления я назначен не был, хотя изначально планировался, и никаких возражений у районного руководства не возникало...

- Ладно, не кипятись, пошел я. Только вспомнишь меня, когда новые хозяева к власти придут. Сколько веревочке ни виться, а конец когда-нибудь да будет!

- Брось ты! Думаешь, новые другими будут? Что-то я крепко сомневаюсь. Ты вокруг-то посмотри, глаза разуй!

- Другими или не другими – не знаю! Но вот крови быв-

шим начальничкам подпортить с удовольствием могут. Тем более, что на кого-то собственные неудачи списывать придется.

- Топай, Аркадий, не мешай работать!
- Вот так вот – всегда! Не любят люди правду.
- Давай, шлепай отсюда, правдоруб!

Я попытался переговорить с Костиком, новым нашим директором, на эту тему, но тот только отмахнулся:

- Чего ты хочешь, Аркадий, со своей правдой? Без объемов остаться в следующем году?

- Куда они без нас денутся?

- Денутся да еще как! Видишь, сколько посторонних на рынке появилось. Не успеешь оглянуться, как на нуле окажешься! Тут, кто больше даст – то и на коне!

- Волков бояться – в лес не ходить! Будем прогибаться, вовсе на шею сядут.

- Тебе что, – больше других надо? Сиди, сопи в две дырочки!

- Ну, как знаешь...

Когда мы с Наташей вошли в квартиру Веры, там уже сидели Эдуард Яковлевич со своей подругой Ольгой, мой приятель Николай с женой и еще несколько знакомых.

- Добрый вечер, господа! Здравствуй, Вер! – я раскланялся с присутствующими и поцеловал руку хозяйке.

- О, Аркаша нарисовался! – обнял меня поднявшийся с дивана Николай. – Сколько лет, сколько зим! Куда пропал-то? А в баню чего по субботам ходить перестал?

- Да дела разные, - попытался оправдаться я перед приятелем.

- Какие дела? Приходи, посидим, о жизни погутаим!

- Ладно, в следующую субботу обязательно подойдем, - не совсем уверенно ответил я.

- Присаживайся, выпьем за хозяйкино здоровье, - про-

должил мой старый друг. - А то пока остальных дождешься, слюной подавиться можно! А ты чего вчера-то на дне рождения не был?

- Да так получилось, - я знал, что Шацман недолго любил независимого Александра Ивановича, и не стал при всех вспоминать, как мы с ним вчера провели вечер. - Привет, Яковлевич! Как жизнь?

- Здравствуй, Аркадий Викторович! - кивнул, не отрывая Эдуард Яковлевич.

Женщины в ожидании застолья уединились в углу комнаты и о чем-то оживленно болтали. Давно, наверное, не виделись, торопились поделиться последними сплетнями. Одна только Ольга не отходила от Шацмана, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Да и то: при живой-то жене с ее мужиком в гости притопала. Не позавидуешь. Наталья тоже отошла к стайке сбившегося в углу слабого пола. Оглядевшись по сторонам, я примостился возле стола на табуретке.

- Яковлевич, ты что мышей не ловишь, наливай! - Николай пододвинул пустые рюмки, обращаясь к Эдуарду Яковлевичу.

Тот безразлично сморщился, всем своим видом показывая, что не станет этого делать.

- Ну и черт с тобой! - Николай приподнялся и сам взял бутылку.

В далекие уже времена, когда я был начальником управления, Николай трудился в нашем СМУ начальником первого участка, а потом начальником подсобного производства. Здесь в конце восьмидесятых он и организовали первый кооператив со своим счетом и балансом. Сам его и возглавил. И хорошо возглавил: работать-то он умел. Зарплата у рабочих подросла, с заданиями управления кооператив справлялся, материалы на участки поступали без перебоев. Что еще нужно? Потом я уехал на повышение в трест. Начальником СМУ выбрали другого: опять вмешался пресловутый совет

трудового коллектива, гореть бы ему в аду! Тому, новому не понравилось, что подсобное хозяйство хорошо живет, при том что управление начало прихрамывать. Жаба заела! Хотя кооператив дисциплинированно отпускал бетон и столярку для управления по фиксированным ценам, а затраты покрывал отпуском материалов на сторону. Вот нового хозяина жадность и одолела. Как же так: цеха в принципе – собственность управления, а прибыль делят другие. Не понял болван, что прибыль надо зарабатывать потом и кровью, а просто так, на дядю, никто работать не будет. Ну и ликвидировали кооператоров. А когда всех снова уравнили, поимели в итоге такой же бардак, что и на основном производстве. Чего, собственно, пуп рвать, если знаешь, что больше, чем остальные не получишь? Потом новое руководство и вовсе одурело: затеяло строительство цеха по выпуску плит перекрытий. Хотя и идиоту ясно, что такое производство рентабельно только при громадных объемах выпуска продукции. Я из треста попытался отговорить их от этой затеи, но, куда там! Все в те времена самостоятельными стали. Короче, загнали громадные деньги за конструкции, оплатили монтаж, и посадили управление в яму, оставив его без оборотных средств. Николай смотрел, смотрел на этот бардак и подался работать к Пашке в «Ремонтник», там как раз начальник был нужен. Это туда к нему я в свое время замом и пришел. А что СМУ? Строительное управление, которому мы отдали не по десяти-ку лет, стремительно покатило вниз. И вместо того, чтобы работать над ошибками и вытаскивать предприятие из долгов, новое руководство занялось обустройством личных дел: строило магазины для родственников, тырило деньги через созданные ими же многочисленные конторы. Короче, набивало карманы, как только могло! Понимало, что долго это не продлится. Тут, обычно молчаливый народ, вдруг взбунтовался: акционеры, как никак! Неудобное начальство переизбрали заново. И, как всегда, – не слишком удачно. Выбирать к тому времени стало не из кого, все умные давно покину-

ли тонущий корабль. Вот и выбрали Остроглаза, бывшего учителя. А сейчас конторой руководил приятель Остроглаза Костик, Константин Сергеевич Куренцов, тоже, когда-то, мой бывший мастер. Все бы ничего, но за воротник закладывал без меры! Николай после того, как Паша убрал его с «Ремонтника», ушел работать к нефтяникам. А нефтяники, сами понимаете, - государство в государстве! Зарплата – что надо! Да и плевать они хотели на любую мышиную возню местных царьков! Нефть и газ – это государственная забота, а не каких-то там глав территорий! В общем, устроился Коля нормально, не жаловался!

Надо сказать, что отношения Николая и Эдуарда Яковлевича были достаточно своеобразными. Не то, чтобы слишком натянутыми, но и не простыми, как у обычных знакомых, или людей, связанных общим делом. Мог Коля обрезать человека, если тот слишком щёки надувал, не стеснялся. Тем более, что Яковлевич никаким Макаром укусить моего приятеля не мог, если бы и захотел. «Лукойл» - своя империя!

Когда Шацман в качестве начальника управления капитального строительства впервые появился на площадке городских канализационных очистных, где я после возвращения в родную контору батрачил начальником участка, Николай трудился у меня субподрядчиком по прокладке сетей. Был в его жизни такой период. В первой половине рабочего дня, перед обедом, мы с ним сидели в прорабке и спокойно курили, когда в нее ворвался еще не знакомый мне в ту пору, чем-то крайне возмущенный и взъерошенный Шацман:

- Кто здесь командует, наконец? Что за безобразия у вас на площадке творятся! – заорал он, даже не представившись.

Шацмана я действительно увидел впервые, а Николай, видимо, знал его еще по экспедиционному управлению. Я, конечно, всякого в своей жизни перевидал, но терпеть подобное хамство на своей территории не желал ни под каким соусом. Какой-то лох будет у меня, на вверенном мне объекте, и в

моей же собственной прорабке, свои порядки устанавливать!

- А ты, собственно, кто такой, парень? Тебя, что здоровать-ся не научили? – оборвал я его, пустив струю дыма в потолок.

У Шацмана прямо-таки, челюсть отвисла, он оторопел, явно не ожидая такой ответной реакции.

- Здорово, Яковлевич! – подал голос Николай, пододвигая табурет. – Садись, в ногах правды нет. А это – начальник участка СМУ, Аркадий Викторович Шевченко, - представил он меня. – Кстати, бывший начальник этого самого СМУ. Садись, садись, чего стоишь?

- Шацман, Эдуард Яковлевич, - буркнул в ответ явно обескураженный таким приемом, начальник УКСа.

- Присаживайтесь, Эдуард Яковлевич, - я решил, что нахалу достаточно, сразу вдрызг ссориться не стоит, и сбавил обороты.

- Неправильно ты себя ведешь, Яковлевич, не по-русски, - начал с едва заметной издевкой Николай, - в гости с пустыми руками не ходят. Надо бы твою новую должность, как говорится, sprysnut'. Проставиться надо бы, Яковлевич! Начальником УКСа не каждый день назначают.

Я только тогда понял, кто передо мной.

- Пыжится Яковлевич! – сказал мне Николай, когда Шацман, с которым мы все-таки побеседовали, отъехал. – Пытается дистанцию блюсти. Ему только шею подставь – тут же усядется!

- Облезет! – отмахнулся я. – Не таких видали.

- Все бы ничего мужик, но хамит частенько. А люди хамства не терпят, обижаются. Он и раньше беспардонным был, а сейчас и вовсе. Начальство, как же!

- Ну, допустим, нам и покрупнее начальство встречалось, и ничего – выжили! Рыжего помнишь?

- А то!

Рыжим мы в свое время прозвали заместителя начальника главка Рощина. Во времена сдачи второй очереди комбината его сослали из столицы на стройплощадку для непосред-

ственного руководства всеми подразделениями и субподрядными организациями. Вот он и гонял нас, как сидоровых коз! По три раза в день планерки устраивал. Работу заканчивали не раньше десяти. Материли зама за глаза, но комбинат-то в срок сдали. А потом, что ни говори, опыт, кое-какой получили – пригодился потом.

К нашему с Николаем великому удивлению в ближайшую же пятницу пара узбеков, местных шашлычников, неожиданно появилась у меня в вагончике. Одетые в белые халаты и колпаки, не хухры-мухры, они накрыли вполне приличную поляну, где мы с Шацманом и познакомились поближе. Нас он поил коньяком, а сам потягивал винцо. Но мы не обиделись, чего там! А позже мы стали почти приятелями. По крайней мере, на планерках голос он на меня не повышал, знал, что получит отпор. Но, вот, отношения его и Коли оставалось настороженными, хотя тому было на Шацмана, грубо говоря, наплевать: работал теперь Николай, как я сказал, у нефтяников, куда Яковлевичу путь был заказан...

- Ну, что, вздрогнем? – поднял рюмку Николай.

- Вы, мужики, совсем обнаглели, - шлепнула его по затылку подошедшая Вера, - в одиночку глушите! Девочки, давайте к столу! А ты что, боишься, что не достанется, алкаш? – повернулась она ко мне. - Что, так невтерпеж? Наталья, возьмика его в шоры! Подождите без закуски пить-то, Витя сейчас горячее принесет.

И действительно, через секунду из дверей кухни появился Петрович с дымящимся блюдом. Виктор Петрович, Веркин почти муж, служил в администрации района по спортивной и молодежной линии. А когда-то мы вместе с ним начинали простыми мастерами на строительстве. Я и с Веркой-то познакомил его на танцах в местном клубе, а то бы он никогда не решился к ней подойти. Вера, яркая, симпатичная блондинка, имела успех у мужской половины города, и за-

воевать ее сердце оказалось делом не простым. Однако Вите это удалось. Вера, разобравшись, что к чему, своего уже не упустила...

Наконец, женщины чинно устроились за столом, а мужчины наполнили бокалы. После выпитых за хозяйку тостов, а потом и за будущих супругов женщины вновь затарахтели о чем-то о своем, а мы с Николаем и Виктором вышли покурить на балкон. Шацман со своей Ольгой нашу компанию явно игнорировал. Да он и не курил.

- Чего новенького в вашей богадельне, Витя? – спросил Николай.

- Прокуратура что-то начала активно рыться. Похоже, под Раскопаева клинья бьют. Чувствуется в народе, что Сеня мандражит: к Паше то и дело летает. Физиономия у нашего вожачка на вид, конечно, приличная такая, этого не отнять. Благообразная даже. Но рога-то торчат, издали видно. Замурзались, короче, ребята по самое не могу, раз следяки зашевелились.

- Это-то точно, в лес не ходи! Только выкрутятся, как обычно! – сплюнул в темноту Николай.

- И подо что конкретно копают, не знаешь? – спросил я.

- Кто-то жалобу накропал о нецелевом расходовании бюджетных средств.

- Ну, так это ерунда! Пожурят маленько и отстанут. Все расходы дума утверждает, а с думы, что взять? Она – орган коллективный! Поднесет Сеня кому надо, и – отстанут!

- Так-то оно так, но думой-то Сеня руководит.

- Номинально. Мало ли кто чем и как сейчас руководит! Вот если бы Сеня овощной базой при социализме руководил, а там тонну картошки сперли! Тогда бы с Сени обязательно спросили: почему у тебя, дорогой товарищ, сторожа спят? И где народное добро? А сейчас...

- Ну, а как там наш Николай Петрович себя чувствует? – спросил у Виктора Николай.

Николай Петрович Остроглаз, в недавнем прошлом, как я

говорил, тоже бывший начальник моего любимого управления, а еще много раньше мой не самый лучший прораб, служил теперь первым замом у главы территории. Активно поработав в избирательном штабе Сени, в качестве награды за доблестный труд он и получил эту хлебную должность. СМУ развалил, пошел разваливать районную экономику. Кроме этого он делать ничего и не умел. Ладно бы еще мог лапшу на уши красиво вешать, как наши столичные говоруны, так нет, косноязычие Остроглаза так и сквозило. Говорить он за много лет не научился, и даже по местному телевидению шпарил по бумажке. Приобрел вполне респектабельный вид: сменил костюмы с засаленными манжетами на вполне приличные. Но вот на людей стал поглядывать свысока, хотя и раньше этот грешок за ним водился. А серьезные вопросы решать и доводить их до ума так и не научился, тяму не хватило.

- А у этого и того хуже, - затянулся сигаретой Виктор, - ему незаконное предпринимательство шьют.

- Это как? – искренне удивился я. – Какой из Остроглаза предприниматель?

- Он, когда перешел в белый дом работать, из учредителей вашей любимой конторы выйти забыл. Жадность, видно, одолела. Передал бы сыну управление долей, или жене, ан – нет. Побоялся, наверное, что родственники кинуть могут. Ну, вот и допрыгался: статья светит!

- Жена у него сейчас новая, вот и побаивается долю передавать. Да и Верка, его бывшая взбухнуть может, по закону – половина ее!

- И этот выкрутиться, не впервой, - заметил Николай, - хотя, конечно, попотеет с испуга.

Минуту помолчав, он выстрелил сигаретой в темноту, и та, прочертив искрами дугу, исчезла, где-то внизу:

- Помнишь, Аркадий, как холодильник на сто тонн для леспромовского управления рабочего снабжения сдавали? Остроглаз тогда еще прорабом у Бени на участке пахал.

- Помню, конечно. Меня за этот холодильник в ОБХСС за-

таскали, а потом в суд. А при чем здесь холодильник?

- Да я к тому, что, когда вас судить пытались, Николай Петрович крепко в штаны наложил!

- Еще бы! Тогда до пяти лет светило! Хотя до сих пор не пойму – за что? Подумаешь, отчитались за ввод раньше времени. Как будто до этого никому не приходилось.

- Вот именно, приходилось. Но раз на раз, как говорится, не приходится! И на старуху бывает проруха! Тогда это все серьезно было, до пяти лет все-таки. А теперь, что за незаконное предпринимательство светит? Ну, штрафанут, и – все! Думаю, что и до штрафа-то не дойдет. Выгонят из кресла, в крайнем случае. Так это не смертельно: назначит Сеня куда-нибудь начальником ЖКХ.

- Хорошие были времена, мужики! – протянул я мечтательно, вспоминая те далекие годы. – Молодость! Следак-то, что все это раскрутил, четыре года потом схлопотал за взятку. Помните? А тогда землю копытами рыл, гаденыш! Предполагаю, что он и тогда хотел бабла срубить, а так зачем бы ему вся эта возня?

- Хе-хе! – Виктор затушил сигарету. – Это в те времена взятка была чем-то серьезным, статья-то расстрельная. А сейчас только дураки не берут.

- Это точно. И все с рук сходит.

- Потому что делиться с кем надо не забывают. А иначе все наши кутузки были бы до краев забиты...

Случай с тем самым холодильником на сто тонн, за который мне потрепали нервы, как я уже вспоминал, произошел с нами на заре нашей молодости. Начальство из главка приказало сдать холодильник, который мы к тем порам строили уже почти два года. А проект был сырой: ни энергоснабжения, ни сброса сточных вод, не говоря уже об отсутствии подводящих сетей водо- и теплоснабжения. Как сдавать? Надо, Федя, надо! Первыми акт подписало тогдашнее районное руководство, а потом взялись за нас. И трест подклю-

чился: дескать, не фордобычте, подписывайте, коли, начальство просит. Куда деваться – пришлось подписывать и мне как генподрядчику, и Остроглазу как производителю работ. Бенья тогда в отпуске был, а то бы и он влип. И все как бы пронесло, к лету следующего года мы объект до ума довели. Начал работать наш холодильник, морозить мясо с рыбой. Но позже выяснилось, что торгаши, которым мы объект передали в эксплуатацию, возьми да и награди себя премиями за ввод. Болванов жадность обуяла, даже не дождались настоящего пуска. А какой-то бухгалтерше – не досталось! Она – жалобу в ОБХСС, вот тут и пошла писать губерния! Довели дело до суда спустя почти два года после сдачи. Чуть-чуть не хватило до окончания срока давности, после которого по такой статье дела не рассматриваются. Власть, как и положено, осталась в стороне. Нам с Остроглазом – до пяти лет за искажение государственной статистической отчетности, а торгашам предъявили хищение. Слава Богу, когда подписывали этот треклятый холодильник, догадался я снять недоосвоенные на нем деньги с другого объекта. А то бы тоже хищение пришили. Короче, состоялся суд. Я на тот момент был районным депутатом, и меня отмазали. Торгашам дали условные сроки, а Остроглазу по минимуму – штраф двести рублей. Пришлось мне ему премию после суда выписать вдвое больше, чтобы не обижался, да и за моральный убыток, так сказать...

- Сейчас за миллионы условный срок дают, а ты какое-то незаконное предпринимательство поминаешь! – продолжил Николай, обращаясь к Виктору.

- Ну, не знаю, не знаю. Но там еще незаконное распределение квартир всплыло, – Виктор выстрелил сигаретой в темноту. - Уголовное дело завели на начальника жилищно-коммунального отдела. Но Коля-то как-никак – председатель жилищной комиссии! Наказать, конечно, не накажут, но осадочек-то у губернатора останется! А самое-то главное –

выборы на носу. Народ-то все видит. Так что Сенечке ох как трудно будет в кресле своем удержаться.

- А вот это действительно посерьезнее, - заметил я. – Пашка Сене не простит, если тот власть профукает! Ему же тогда из района вовсе убраться придется. А кто за хозяйством следить станет?

- Это точно. После этого скандала Сеня запросто может слететь с насеста, если конечно Паша снова без меры денег не ввалит в избирательную компанию.

Накануне, месяца за два до описываемых событий, осудили за хищение четырех миллионов начальника городского жилищно-коммунального хозяйства. За четыре миллиона – дали четыре года условно! Смех на да и только! Попробуй, укради сто рублей или курицу у соседей! Получишь эти же четыре года, но уже натуральной отсидки. На следствии бывший начальник жека оправдывался, что деньги шли на финансирование предыдущей избирательной кампании Раскопаева, но доказать это следствию не удалось. А, может быть, просто, не было сверху команды «фас!». Что данное дело дошло до суда, тоже было маленьким чудом. Видимо, кто-то еще, со стороны, ставил палки в колеса Сениной телеге. Или Паше нагадить хотел.

- Ладно, мужики, пошли в комнату, а то женщины обидятся!

- Постой, Витя, а Шацман-то сейчас как сидит?

- Этот – похитрее и пограмотнее! У него с бумагами все в порядке. Но вот, если Сеня с должности слетит, то и ему при новом боссе несладко станет. Посадить, конечно, не посадят, но под зад коленкой обязательно дадут.

- Кто его знает? Может, он новым хозяевам ко двору придется? Мужик-то он не глупый!

- Маловероятно, - усмехнулся Виктор, - новые придут, своих распорядителей кредитов поставят и смотрящих! За чем рисковать?

- Не волнуйтесь, Яковлевич не из тех людей, кто не устроится, - высказался Николай. – Он при любой власти ананасы кушать будет и рябчиками заедать.

- Не скажи, - протянул Виктор. - Новые бывших не особенно любят. Особенно, когда бывшие много знают.

- Поживем – увидим! - подвел я итог беседе. - Ну, пошли, а то водка прокиснет!

Часов в одиннадцать гости начали расходиться. Первым исчез Шацман со своей Ольгой:

- Аркадий, ты ко мне завтра забеги до обеда, разговор есть. Ближе к десяти, после аппаратной.

- Зайду, Эдуард Яковлевич.

- Собирайся, Аркаша, - заторопила меня уже одетая Наталья. – Спасибо, Верочка за угощение, пойдем мы, поздно уже.

- Забегайте, не забывайте нас! – Вера чмокнула Наталью в щеку. – Виктор, иди, попрощайся, Аркадий с Наташей уходят.

- Ну, давай, до встречи, - протянул мне руку появившийся из комнаты Виктор. – До свидания, Наташа.

- Вы идете? – спросил я появившегося в прихожей Николая.

- Топайте, не ждите нас! Мы с Татьяной такси вызвали.

Николай с женой жили на другом краю города, а нам с Натальей было рядом, каких-то пару кварталов.

Мы вышли на улицу и отправились ко мне домой по тропинке через городской парк. Ночной воздух уже был по-осеннему свеж. Пахло опадающей листвой и грибами, которых пропасть сколько уродилось в этом году. Даже здесь, в городской черте, гуляя по парку, можно было шутя набрать на жарёху красноголовиков, а то и белых. Накануне я случайно нашел крепкий боровичок прямо у забора возле своего дома. И когда он только успел вырасти, а главное – из голого песка и рядом с асфальтом.

Наталья шла молча, о чем-то задумавшись. Я искоса взглянул на нее и неожиданно почувствовал щемящее, обжигающее чувство любви к этой хрупкой, прекрасной женщине. Я остановился, обнял ее за плечи и поцеловал.

- Ты, что, Аркаша? – любимая погладила меня по щеке теплой ладонью. – Счастливая Верка, - задумчиво произнесла она.

- Почему ты так решила?

- А ты что, не заметил, как она светится вся?

- Да нет, не приглядывался.

- Женятся они с Виктором в октябре.

- Да ну! Это она тебе сегодня, что ли сообщила?

- Сегодня. – Наталья вновь замолчала, и я шкурой почувствовал какую-то недосказанность, прямо-таки повисшую в воздухе.

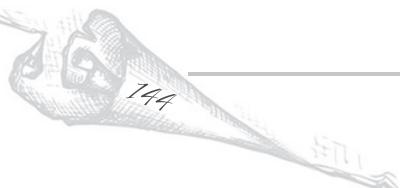
- Ты что, Наташа? – затормошил я Наталью. - Радоваться за подругу надо, а не грустить.

Я попытался сменить минорное настроение своей любимой, всем существом ощущая ее желание получить ответ на невысказанный вслух вопрос.

Она повернула ко мне лицо, и я увидел, как сверкнули в звездном свете дрожащие слезинки в уголках ее глаз. Я, конечно, понимал, что бы хотела услышать от меня моя подруга, но пересилить себя не смог. Да и чего врать, если не готов строить семью. «Потерпи немного»,- подумал я про себя и вместо ответа снова поцеловал Наталью. Она глубоко вздохнула и прижалась ко мне:

- Ладно. Пошли скорее, холодает уже.

«Ну, вот и слава Богу!» - облегченно подумал я. В голове воровато мелькнула подленькая мысль, что надо девушку как-то отвлечь от этой скользкой темы. Я начал трещать о каких-то глупостях, о работе, о будущем отпуске, но нехороший такой осадок на душе все же остался. Бесконечно так продолжаться не могло. Пора было решать наши дальнейшие отношения, застывшие на фазе обожания и ухаживания. Не мальчик ведь, уже под сорок. Да и девушке скоро тридцать, пора своих деток воспитывать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семен Николаевич Раскопаев, а среди народа попросту – Сеня, угнезвился в кресле главы края после ухода Феофанова на повышение. Первое, что он сделал, так это раздал на кормление все хлебные места в администрации города и района своей родне и родне жены. А кто бы поступил по-другому? Тылы да и фланги должны быть прикрыты от неожиданных возможных ударов судьбы. Правда, никто из всей родни, ну, может быть, кроме собственной Сениной жены, особыми умственными и организаторскими способностями не обладал. А вот в умении тащить все, что плохо лежит, родственники были доками. На город был посажен Сенин друг Боря, бывший досаафовец, а первым заместителем Бори – бывший Пашин водитель... Как говаривал незабвенный вождь пролетариата, до сих пор возвышающийся в бронзе над площадью около администрации: и кухарка может управлять государством! Вождь, похоже, погорячился. Что из этого получилось, наши деды, родители, а позже и мы, конечно, узнали и почувствовали на собственной шкуре. Съезды с бесконечными аплодисментами, переходящими в овации, «одобрямс!» с поднятием рук, и «экономика должна быть экономной». Каково? И ничего, кушали, не давились. Хотя смотреть без сострадания на старцев у руля государства было попросту стыдно и жалко. После Сталина, с приходом каждого нового вождя, начиная с Хрущева, ждали перемен, а потом сочиняли про этих же вождей анекдоты. Только над Сталиным в анекдотах не издевались. Не боялись уже, так как при жизни, но и не издевались. На уровне подсознания понимали, что тут особо не посмеешься, скорее плакать надо. А Брежнева в последние годы его правления без перекура полоскали. Особенно за дикцию. Потом пошли один за другим его одногодки. Те, кто помоложе, ждали своей очереди. И это время, наконец-то, настало. Генсеком стал молодой Горбачев. Страна ободрилась,

но начались непонятные перестройки. Дохозяеновались до того, что проспали Восточную Германию и потеряли Прибалтику. Мне до сих пор непонятно, как Горбач ухитрился страну развалить. Или совсем беззубый был, или под дурачка косил? Попробуй-ка Ельцин, скажем, даже при Хруще взбрыкнуть? Гнил бы где-нибудь на Колыме, как миленький! А тут собрались три алкаша в Беловежской Пуще, и – на тебе! А, может, время такое настало, и по-другому быть не могло? История, конечно, рассудит, но видимо, уже после нас:

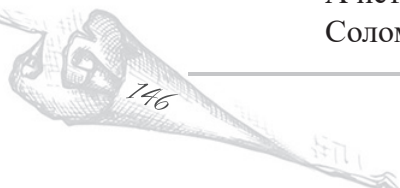
Роковыми страстями влеком –
то в полет за небесною манной,
то по минному полю ползком –
человек непонятный и странный.

Он железом пройдет по земле
и в огне свои страхи утопит,
а потом станет рыться в золе,
им разрушенных догм и утопий.

Натолкнувшись на пласт пустоты,
весь в крови по колено и страхе,
будет слезы ронять на листы,
сочиняемых им монографий.

И наврет обо всем этом так,
что потомки его будут рады
вдруг узнать – им открытый пятак
драгоценней погубленной правды.

Как придумаем – так и живем,
Не внимая Завету с Кораном...
А история прет напролом –
Соломея с главой Иоанна.

Это беспокойное время положило конец коммунистической диктатуре. Хотя я никакой особой диктатуры не ощущал, наоборот, точно знал, что со мною будет завтра. И послезавтра тоже. А вот сегодня – не знаю. К власти пришли демократы. Или, как говорил мой отец, коммунист со времен войны – дерьмократы! И вот что характерно, все более-менее заметные персоналии этих самых демократов – из тех же рядов КПСС! История, к сожалению, повторяется и чаще всего как фарс. Болтать и разглагольствовать научились сразу, работать, засучив рукава, к сожалению – нет! И еще научились воровать беззастенчиво и нагло. Для начала так называемое «золото партии» куда-то припрятали, а потом и за остальное принялись. Припоминая это беспокойное время, я даже маленькую поэму набросал.

Лихие девяностые года.
Инфляция скользила, как торпеда.
И слово окаянное «победа»
воспринималось чаще, как «беда».

Зачем произошел развал страны,
нам наши вожаки не объяснили.
Но столько стало нищих по России
скитаться, сколько не было с войны.

Рубль падал, словно люстра с потолка,
дробился, превращаясь в миллионы,
а нам внушали, крепко удивленным,
что это не надолго, а пока.

Толпа тащила все, что попадет:
от ржавого гвоздя до паровоза.
Одна лишь мысль зудела, как заноза:
где, что и как тебе перепадет?

Я тоже резал провод и сдавал,
и занимался куплей и продажей,
на шкурках норки разорился даже,
но был моложе и не унывал.

Почувствовав, что это ерунда,
с друзьями занялся торговлей лесом,
без устали крутился мелким бесом,
толкая не вагоны – поезда.

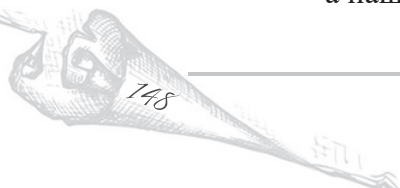
Доску спихнул в Самару бодрцом,
назад – машины близким и знакомым.
А председатель наш райисполкома
был нам надежной крышей и отцом.

Как мы тогда гуляли, Боже мой,
здоровья не жалея, сыто, пьяно!
Я понял, что такое «деревянный»,
он крепко пах сосновою смолой.

Поднялся на аферах кое-кто.
Жена мне часто тыкала про это,
что, в общем-то, обидно для поэта.
Но я купил приличное пальто.

И даже приобрел автомобиль,
«уазик» старый, но вполне исправный.
Но не разбогател, что крайне странно,
хотя не вертопрах и не дебил.

А, впрочем, кто вообще поднялся вверх:
начальство да Гайдары и Чубайсы,
но те вложились в золото и баксы,
а наши деньги вызывали смех.

А ваучеры?
Где теперь они?
Их те же благодетели скупили,
пока мы все топорщились и пили.
Ну, а когда опомнились – нишкни!

Вот и ушел тогда, сгорев в огне,
приятель мой и старый кореш Вася,
он спился от тоски и несогласья
с тем, что происходило по стране.

И потому, что не остановил
никто.
Ну, а жена смоталась в Сочи.
А смерть старуха любит одиночек
да пьющих день и ночь, что было сил.

Не помню, как мы все перенесли
потерю друга.
Был он слишком молод.
Но перестроек ошалевший молот
добил его на краешке земли.

А следом и другой, судьбу кляня,
ушел.
Я сам в живых остался чудом,
и на жену с детьми молиться буду
за то, что, поддерживав, спасли меня.

Мы пережили эти времена
лишь только потому, что были рядом.
Ну, а страна еще лет десять кряду
была нечистой совестью больна.
Правители войну за просто так
затеяли по глупости и пьянке.

Играли нам калеки на тальянках
в подземных переходах за пятак.

И гнали за границу нефть и газ
лихие эмиссары президента,
оправдываясь сложностью момента,
к терпению приговаривая нас.

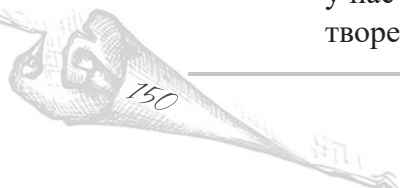
Мол, скоро все изменится, друзья!
И тут же одевали массам шоры.
А сами гнали выручку в оффшоры
и делали, что можно и нельзя.

В итоге, кто богат – разбогател,
а, кто был нищим, стал еще беднее.
Иезуитство сделалось виднее,
кто как бы это спрятать не хотел.

Потом вверху затеяли игру,
сверстали планы на десятилетия.
Кому держать ответ за планы эти?
Проспитесь и поймете поутру.

А дальше – больше.
Клоны расплодив,
меняться стали мальчики на троне,
теперь его уже никто не тронет,
такой вот, понимаешь, креатив.

Где тот Гайдар?
Он – памятник теперь.
А где Чубайс?
Теперь – борец за «нано»,
у нас привычно шарит по карманам,
творец идей тревожных и потерь.

Ну, а воруют так же, прям беда,
бессовестно крадут и торопливо.
И кто при власти, те живут счастливо.
А прочие?
А эти – как всегда!

Но были и страшнее времена,
мы их в глубоком детстве пролистали.
Я помню, как ушел товарищ Сталин,
и как рыдала искренне страна.

И мать моя рыдала.
У отца
иные чувства затаились где-то.
Качался креп на траурных портретах
забрызганного оспою лица.

Потом известный съезд всех расколол,
что многим стало просто высшей мерой,
а мы гурьбой вступали в пионеры
и повзрослев немного – в комсомол.

Конечно, жили проще и скромней,
и были перебои с белым хлебом,
но мы тогда поднялись выше неба
и покорить сумели Енисей.

Когда в Сибири открывали нефть
и не жалели молодые плечи,
представить было трудно бесконечно,
что ждет державу пагубный конец.

Но, глядя на мышиную возню
сегодняшних партийцев многоликих,
я вспоминаю о делах великих
и партбилет свой с орденом храню.

И я живу в расхристанной стране
чиновников, коррупции и лени,
надеясь лишь на смену поколений,
на то, что ты осталась верной мне.

Твоя любовь – послание небес!
Пусть бесконечно длится наше танго.

Боготворю тебя, мой чистый ангел,
моя судьба, мой заповедный лес,
где укрываюсь от житейских бурь,
не в силах победить их в одиночку,
куда я возвращаюсь днем и ночью,
пытаясь скрыть отчаянье и дурь.

Любимая, ты только позови –
я прилечу!
Как жизнь промчалась скоро.
Но дети наши станут нам опорой,
а внуки – средоточием любви.

Все это нас и держит на земле,
спасая от унынья и бессилья.
И сердце обездоленной России
когда-нибудь откроется и мне.

Я верю в эту сказку наяву.
Мы все войдем когда-то в эти двери
и Родину спасем.
Я в это верю!
А веруя, страдаю, но живу!

В те времена я продолжал руководить, но уже не управлением, а производственно-техническим отделом. Люди меня знали еще с тех пор, когда я пришел в это управление ра-

ботать мастером, после чего и началась моя стремительная карьера. Сказать, что меня особо любили – нет! Многих мне приходилось частенько гнуть через колено и воспитывать, когда однажды выпало сесть в директорское кресло. Как видно, по-другому в те веселые времена было нельзя. Но люди зла не помнили, так что работалось мне вполне комфортно. А вот характер мой остался и молча терпеть Сенькину лихую, кадровую политику не было просто никаких сил. Хотя, если подумать, ну какое дело начальнику производственного отдела строительного управления до всех этих высших сфер? Надо сказать, что Паша ушел на повышение, не закончив своего срока, и Сеня сначала просто досиживал год исполняющим обязанности главы. А потом начались выборы. Попросту, мышьяная возня групп и кланов, которых даже в нашем не особенно великом районе хватало. Приятель мой, Вова, местный поэт, подзуживал: напиши, да напиши про весь этот бардак, а то целые книги стишков кропаешь, а на злобу дня – никак! У тебя же хорошо с пародиями! Я и написал сдуру вирши, еще и подписался не псевдонимом, а собственной фамилией. В местной газете, не разобравшись с содержанием, по инерции, напечатали, как постоянного автора. Стихи были написаны в виде басни про выборы в каком-то безымянном колхозе, но народ, когда прочел, все персонажи узнал сразу. Сам того не желая, автор стал героем дня. Электорат ржал, как лошадиный табун. Я, естественно, не упоминал никаких имен, даже намеков не делал, но люди ведь умеют читать и между строк. Так что имевший со мной до этого вполне нормальные отношения Сеня обиделся не на шутку. Я пытался через приближенных донести до него, что стихи эти просто пародия на всю нашу избирательную систему, не более. Но посредственность – она и есть посредственность, ей ничего не докажешь. Тем более, когда она оскорблена.

- Аркадий, ты что, умом тронулся? – сказал мне, уходивший к Сене первым замом Николай Петрович Остроглаз. – Хотели тебя главным инженером на управление поставить,

но после этих твоих фортелей Семен Николаевич и слышать ничего не хочет.

- А с каких это пор глава района назначает руководящих работников частных акционерных обществ? Я-то до сих пор думал, что это дело совета директоров. Что-то я не припоминаю таких прав у местной администрации.

- Ты еще скажи, что мы в Европе живем.

- Это точно, не в Европе! Живем мы Коля в селе Гадюкино и правят у нас, естественно, гады!

- Болван ты, Аркадий, ну зачем тебе нужно было эти стихи печатать? Да еще в канун выборов. Обиделся Семен Николаевич, а я, сам понимаешь, всего лишь его заместитель теперь и просьбы начальства должен исполнять.

- Ну и исполняй, чего ты тут передо мной бисер-то мешь?

- Он мне рекомендовал на главного инженера прораба из дорожного управления, то ли он Сенина родня какая, то ли жена его Сене кем-то приходится, не знаю.

- Вот пусть Костик с ним и няньчится!

- Может, толковый мужик, что ты так сразу!

- А ты что, – даже справки о нем не навел? – удивился я. - С вами и, правда, не соскучишься!

- Не боги горшки обжигают, научится! Молодой, время есть.

- Ну, научится, так научится. Только я за него работать не стану, не надейся.

Николай Петрович стал начальником управления в середине девяностых, когда разбушевавшаяся не на шутку демократия в лице совета трудового коллектива смела выбранного ранее начальника, решив, что свой человек, из низов, так сказать, будет краше и милее. Предыдущее акционерное общество, созданное на базе СМУ, и практически разваленное и разворованное предшественниками Остроглаза, приказало долго жить. Предыдущий начальник со своим ушлым замом Юриком бодро свалили в сторону: один – в

энергонадзор, другой – в казаки. А Коле достались головоешки. Просуществовав каким-то чудом под руководством Николая Петровича еще пару лет, это акционерное чудо однажды, как и полагается, было объявлено банкротом. Но Остроглаз с Костиком, главным инженером, к тому времени уже поднаторели в делах и успели до банкротства переташить имущество и основные фонды в новое, ими же как учредителями созданное предприятие. Для порядка, чтобы народ не роптал и подольше не догадывался, что его в очередной раз обули, в совет директоров ввели пару-тройку работяг. А имущество было немалое: цеха ЖБИ и деревообработки, база с тупиками, не говоря уже о здании конторы и собственном спортзале. Кроме того, гараж с немалым количеством строительной и автомобильной техники. Короче, кто был ничем, тот в одночасье стал всем. Правда, это не все и не сразу поняли. Массы даже не догадывались, что их надежды на лучшую, сытую жизнь частных собственников приказали долго жить. Чтобы рабочие, акционеры предыдущего СМУ, не поднимали в дальнейшем бузу и не разевали рот на имущество, полный пакет акций обанкротившегося предприятия, приходившийся на одного человека, оценили в копейки. В обмен на обесцененные акции начали отпускать особо нетерпеливым стройматериалы, в основном – доску, благо пилорама предприятия пока еще работала исправно. Постепенно в течение двух-трех лет все акции оказались в руках наших голубчиков. Имущество прошлого банкрота стало собственностью новых учредителей. И теперь, даже если бы кто-то и возмутился этим бессовестным грабежом, и попытался восстановить справедливость, крыть было нечем. Акции-то, даже не ликвидных, на руках не осталось. Да и кому, по большому счету, было возмущаться? На производстве остались в основном болтуны, а герои пятилеток давно выветрились. Вот так, путем нехитрых и простых комбинаций, владельцами многомиллионного наследства стройконторы в виде цехов, зданий и техники стали четыре

человека. Поначалу учредителей было шестеро. Вроде, как недремлющие представители трудового коллектива, ну, чтобы толпа спокойнее спала. Чуть позже двоим, на которых сумели как-то надавить, сунули по куску. И, надо полагать, по жирному куску, раз они отказались от своей доли капитала. Осталось четверо. Те работники предприятия, у которых мозги варили, возмущались, конечно, но как-то вяло, в узких компаниях, и, как правило, за углами. Менталитет такой, что ли? А Коля с Костиком в это время строили себе дома и дачи, ну и всей своей родне, разумеется. Да и просто жили на широкую ногу. Что им, крепким ребятам, вся эта возня коллектива? Плевать! И все бы ничего, но вот – беда! После ухода Коли в белый дом, сев в директорское кресло, Костик начал крепко закладывать за воротник. Случалось это с ним и раньше. Правда, будучи главным, он все же пил пореже: побаивался, что могут и попереть. А тут, как с катушек сорвался: контроля-то никакого. Пил Костик циклами, недели по две, а после запоя носился с красной рожей по конторе и орал на подчиненных. К этому все быстро привыкли, как к любимым мозолям, и уже не обращали внимания. Хуже было другое: все свободные финансовые средства предприятия стали беззастенчиво обналичиваться и изыматься из оборота самым наглым образом. Вместо того, чтобы развивать производство, его принудительно толкали в пропасть. Долги поставщикам росли не по дням, а по часам, зарплата вовремя не выплачивалась, налоги тоже. Короче, повели себя ребятишки так, как будто жили последний день. Почему я говорю ребятишки? Хоть Коля и сидел в белом доме, но на совет директоров являлся регулярно, и, я думаю, был в курсе всех проблем. Да и деньги ему отстегивались тоже регулярно. Иначе, Костику бы и дня в директорском кресле не усидеть. Но так, как работали, работать было нельзя. Нависла угроза нового краха. Это начали понимать даже самые тупые. Двое других учредителей, бригадир каменщиков и начальник дорожного участка, делали

вид, что ничего в происходящем не понимают. В ответ на неприятные вопросы сослуживцев строили удивленные глаза. Или действительно не понимали, что попали в нехорошую компанию, шайку воров, обобравших сотоварищей по работе и жизни. Я неоднократно пытался растолковать им ситуацию, предлагая изменить ее коренным образом, но каждый раз натыкался на полнейшее непонимание. А, может быть, ребята на публику играли, под простачков косили? Когда я, чтобы быть в курсе, выяснил потихоньку в бухгалтерии, что все решения о продаже имущества, или передаче в аренду производств подписаны всеми учредителями без исключения, я понял, что ребята все ох как прекрасно понимали! Просто делали наивное лицо при шулерской игре. Я тогда еще подумал, что Коле и Косте, к беспардонным привычкам которых люди привыкли и не представляли их в ином качестве, когда весь этот бардак закончится, будет проще уйти от людского суда, чем этим, своим в доску, друзьям. А что когда-нибудь все это закончится, я ни минуты не сомневался. На что они надеются? На всю жизнь не наворуешь, и еще не факт, что дадут украсть оставшееся. Вдруг придут органы, опишут все однажды, и гуляй. А не опишут, так кто-нибудь из шибко обиженных калеными орешками рассчитается. Живи всю жизнь с оглядкой, вздрагивай от каждого шороха! Один раз работяги Костику уже морду набили. И сколько веревочке ни виться, но конец-то все равно наступит. Тем более, при таком, как бы это помягче выразиться, горе-начальничке, как наш полупьяный Костик. Рыба гниет с головы. Я в который раз убеждаюсь в справедливости народной пословицы...

Сеня Остроглаза ценил. Это ничего, что язык не ворочается, речь простовата, главное верен, аки пес. И Сенины дела блюдет, да и другим в эти дела соваться не дает. А Сеня мыл деньги, где только мог. Ишачил, как на приiske. Ладно бы с головой, но с головой Сеня не дружил с детства. Кое-как

окончив школу, он поработал пару лет в местном леспромохозе, а потом подвизался на ниве комсомольской работы, где и снюхался с Пашкой, бывшим в те времена секретарем райкома комсомола. А далее все, как обычно: партшкола, второй секретарь комсомола, заместитель Феофанова. Правда, после того, как Сеня сел руководить районом, он экстерном окончил какой-то хитрый университет, которых в наше время расплодилось видимо-невидимо. Раньше дипломы просто покупали, а теперь создавали видимость, что учатся, ездили куда-то. Повысив свой интеллектуальный уровень, Сеня раздобыл, полысел, из-за щек не стало видно ушей, а взгляд сделался грозным, как он сам про себя думал – проницательным. Однако друзья-однокашники перемен этих в Сене не оценили, а некоторые даже и крепко поругивали за заносчивость, которая раньше так не выпячивалась. Но, где они и где он! Сеня витал в высших сферах, под облаками, и вместо того, чтобы заниматься кропотливой хозяйственной работой, резал красные ленточки на сдаваемых в эксплуатацию объектах, да выступал на разных, никому не нужных конференциях. Говорить он, правда, научился гладко, не то, что раньше, когда только начинал карьеру комсомольского функционера. Паша Сеню не забывал, приезжал частенько из столиц не то с проверками, не то просто так, погулять, но держал последнего в постоянном напряжении. Иногда даже поколачивал, когда бывший зам, по его мнению, в чем-то накосячил. В странном состоянии души и тела находился наш Сеня.

Обычно напряжен и озабочен,
угодливо подтянут и побрит,
готов сиять улыбкою, короче, –
всех, кто имеет власть, боготворит.

Прогнувшись до земли, слюну пуская,
он радостно взлетает в облака,
когда его за ухом поласкает
холеная хозяйская рука.

А генератором всех Сениных идей и поступков была, конечно же, его жена, женщина энергичная и неглупая. Она его, видимо, любила по-настоящему и поддерживала всегда и везде.

Елена в своё время трудилась в СМУ экономистом, а еще была комсомольским секретарем. Девочка умненькая и симпатичная. Многие под нее клинья били, но особых успехов не имели. Строгая была, правильная. По молодости даже мой приятель Витя, ныне Веркин жених, пытался к ней в постель залезть, но получил полнейшую конфузию, вдобавок с оцарапанной мордой. Правильное воспитание – не подступишься! А потом она, вдруг, возьми да и неожиданно для всех выскочи замуж за Сеню. Чем он ее пленил, непонятно, но факт остается фактом. Что-то нашла хорошего в этом тогда ещё простоватом парне, окружающими не замеченного. Как ни странно, но жили они, на вид такие разные, вполне нормально, растили двух девочек и создавали впечатление вполне благополучной пары. Но – с кем поведешься, от того наберешься. Некоторые изменения коснулись и Елены: появилась этакая легкая бронзоватость. Первая леди района, понимать нужно! Родню ее, невесть откуда появившуюся в наших краях после этого замужества, как я уже говорил, устроили по разным ответственным должностям, где они упорно трудились, набивая закрома собственных амбаров. И черт бы с ними, не обеднеет страна, если бы от их деятельности хоть какая-нибудь польза была! А все в наших районных пенатах катилось по инерции. Производство, какое и было, практически загнулось. Жил район на дотации нефтяников и всяческие субвенции.

- Ты, Аркадий, не умеешь, нос по ветру держать, – рассуждал Остроглаз, – Вот тебе и достается на орехи постоянно. А ведь не глупый ты человек, мог бы стерпеть иногда, промолчать. Ан – нет! Лезешь со своей правдой куда надо и куда не надо.

- Слушай, Николай Петрович, я, конечно, все понимаю, но

прости, не приучен спину прогибать! Поздно перевоспитывать. Да и когда-то все это закончится, не может же народ терпеть бардак вечно.

- Вечно, не вечно, а жить-то сегодня хочется.

- Ну и живи! Боюсь, что только, что всю эту коблу чиновную ненависть людская, как ржа, разъест. Да и тебя тоже за компанию.

- Что-то ты больно мрачно рассуждаешь.

- Да надоело на всю эту мерзость смотреть!

«Не могут же все ваши дела и делишки безнаказанными остаться, Бог не позволит», - это про себя.

- Вот сбросят Сеню, куда тогда пойдешь? Это ты сейчас при кресле человек, а выйдешь из кабинета, кто будешь? Подумай, Коля.

Думать было некогда. Каждый, кто имел маломальскую должность при бюджетном пироге, делал деньги. Торопливо и с придыханием. Кто брал взятки за подпись под документом, кто лепил фиктивные отчеты о расходовании средств, кто придумывал более изощренные схемы увода бабла, финансируя собственные предприятия, временно возглавляемые родственниками. Но все крали с азартом и без стеснения, понимая, что такая лафа рано или поздно может кончиться. Корпоративность, умение вовремя прогнуться, улыбнуться, угодить, или просто залезть в постель к начальнику несли с собой возможность мазать на заработанный кусок хлеба толстый слой масла, а иногда и с вареньем.

Когда-то Остроглаз пришел к нам в управление работать плотником, хотя имел диплом учителя. Когда я его спросил, зачем ему это, он честно ответил, что на зарплату учителя не проживешь. Тут не поспоришь – зарплата учителей была мизерной. Через пару лет я отправил его в Архангельск поступать в наш отраслевой институт. И через три года учебы на заочном факультете он получил диплом строителя. Образование, конечно, не фонтан, но начал мастером, потом прорабом. Поднаторел. И волею судеб, после должности начальника

управления Коля оказался в кресле заместителя руководителя целого района. И сразу стал солидным: на кривой кобыле не подъедешь. Вальяжный такой, куда там! Даже жену сменил, помоложе нашел. Хотя, если разобраться, все мы – не святые. И по мне его предыдущая благоверная была даже интереснее. Но на вкус и цвет товарищей нет. А вот дела родного управления, которое его кормило и пило, Коля забросил, понадеялся на пьяного Костика. Наверное, подумал, что это его нынешнее положение надолго. Портит положение человека. А зря! Ничто не вечно под луной.

Даже в нашей конторе, чего уж греха таить, психология низкопоклонства и нежелания мало-мальски думать постепенно превращала людей из инженеров и экономистов в угодливых клерков и откровенных слуг. Все чиновниками заделались. Инициатива – вещь, конечно, наказуемая. Эту цитату я еще с армии запомнил. Как говаривал наш комбат: чья инициатива – твоя, ну, так и исполняй! Но жить сурком это тоже – через край! Вот и затаилось большинство гавриков по своим кабинетам и норкам, стараясь, лишний раз не высовывать носа и канителя любую бумагу, только бы лишний раз не ставить свою драгоценную подпись. Ответственность, даже самая маленькая, пугала, как темнота ребенка. Меня корёжило от такого климата в родных стенах, но исправить что-либо, было не в моих силах, и должность уже не позволяла. Пытался, конечно. Но слова – они и есть слова, не более. Собака лает – караван идет! Люди боялись потерять работу и оказаться на улице, поэтому делали все, что приказывали вышестоящие и вышележащие, закрывая глаза на явные несуразности приказов и забывая об элементарной совести. Какая там ответственность за дело, главное – угодить! Светка Ветрова, моя бывшая секретарша, а ныне начальник отдела труда и заработной платы СМУ, то ли повзрослев, то ли поумнев, а, может быть, и поглупев, тоже стала неуступчивой, более того, заносчивой. Если раньше ей еще можно

было что-то втолковать, то теперь все добрые советы отвергались сходу. Нос у Светки перестал опускаться ниже линии горизонта, а юбки становились все короче, обнажая ранее прикрытые прелести. По мне – оголилась она поздновато и выглядела смешно.

- Что это со Светкой-то случилось? – спрашивал я своих девчонок из отдела.

- А у вас, что, Аркадий Викторович, глаз что ли нет? – смеялись прелестницы. – Светлана Николаевна теперь большой человек! Вы не заметили разве, что она из кабинета Костика часами не выходит. Всё вопросы какие-то решают. Наверное, как нам бедным зарплату платить вовремя. Правда, сами видите, получается не очень. Кстати, вы знаете, какая у нее теперь зарплата?

- Нет, а что?

- Поболее вашей, однако.

- Зависть, девочки – вещь заразная! Получает женщина за труд и пусть получает.

- Ага! Особенно, когда трудиться, лежа на спине приходится.

- Ну вы, девочки, даете! Я даже краснею!

- При чем тут зависть, Аркадий Викторович? Добралась девушка до тела, вот и торопится дела крутить, себя не забывая.

- Вы уж совсем злы что-то не в меру! Чего на человека зря напраслину возводить.

- Младенец вы, Аркадий Викторович. Сегодня умение вовремя ноги раздвинуть понужнее образования будет. Тем более, когда начальство покладистое, особенно после принятия на грудь. Костика, когда он поддатый, только за ухом почешу, и он – твой. А Светка, она своего не упустит. Это нам с вами, бедным, зарплату задерживают, а они-то ее всегда вовремя получают.

- Ну и ну! Вы меня прямо огорошили, девушки.

- Ничего, вам полезно иногда с высот спуститься, Аркадий

Викторович. А то всё – в делах, или в эмпириях поэтических витеаете!

- Да, дела-то у нас с вами, девки, не ахти какие. Опять фирму банкротить собираются.

- Подумаешь, новую состряпают – не впервой! Нам с вами, какая разница, Аркадий Викторович?

- Обидно! Родное управление... как никак.

- Это оно сто лет назад родным было, а теперь непонятно какой национальности и принадлежности.

Дела в СМУ опять шли не самым лучшим образом. Да и как еще они могут идти, если у тела голова отсутствует.

С Сеней, Семеном Николаевичем, как я уже поминал, отношения у меня были довольно натянутые, можно сказать, никакие.

- Зря ты это стихотворение напечатал, - пеняла мне Наташа. – Сидел бы сейчас в кресле главного инженера и в ус не дул.

- Да я, вроде, и так не лес валяю, в кабинете сижу. И зарплата мне хватает. А если не нравлюсь, можешь топтать своей дорогой, дорогая. Вон их, сколько сейчас, богатых и красивых, до Москвы – не переставишь!

- Чего ты раскипятился, дурачок! Люблю я тебя, вот и беспокоюсь. И кто, кроме меня, о тебе побеспокоится?

- А любишь – так терпи! Ты меняможешь представить у Костика главным? Молчишь. То-то же. Я же его на третий день убил бы!

- А лопнет окончательно ваша фирма, куда пойдешь?

- Она и при мне и без меня лопнет, какая разница. Была бы шея – хомут всегда найдется. Ты что думаешь, я этим кретинам мозги вставить сумею? Вряд ли. Доживем до дела – посмотрим!

Эти бесконечные разговоры о смысле брэнной жизни заканчивались, как обычно, мелкой ссорой, но потом все устаканивалось. Ведь мы любили друг друга. И соседствовать

друг с другом доставляло нам удовольствие, чего уж греха таить. Правда, это с моей точки зрения. А что о наших отношениях думала Наташа – неизвестно. Но я старался в эти счастливые моменты не думать о серьезном, ну его к черту! Рассуждения о семейных ценностях почему-то наводили на меня тоску.

Самой грандиозной аферой, начатой еще Пашкой со товарищи и закончившейся уже при Сенечке, была приватизация самого крупного лесопромышленного предприятия района, Зеленодольского леспромхоза. Начиналась она по отработанной схеме. Сначала потихоньку увели от акционеров основные фонды, потом скупили за бесценок акции, в конце концов, вышвырнули людей на улицу. Я всегда удивлялся, куда наши власти в самых высоких кабинетах смотрят? Да и правоохранные органы, со всякими там прокуратурами? Но потом понял, что все действовавшие на тот момент в стране законы слепили под себя такие же профуры, как и эти, наши местные, доморощенные. Неужели устьужопинские князьки позволили бы себе такие дела, если бы сверху на всю эту возню не смотрели сквозь пальцы? А органы, они всю жизнь и были органами! Дисциплина железная: что голова прикажет, то рука и почешет! А не хочет голова видеть безобразия – у подчиненных глазки тут же закрываются! Короче, угадал желание вышестоящего – цел, не угадал – секвестрировали!

Работники леспромхоза, оставшиеся без работы и зарплаты, бузили, устраивали митинги. Сначала Пашка, а потом и Сеня почти каждодневно выступали перед митингующими, обещая, что жизнь наладится. Пытались соратники как-то успокоить общество, а то жареным пахивало. Да и дяди сверху были не больно довольны начавшимся снизу брожением. Шевелитесь, мол, ребята, делайте что-то, а то и вас спихнем, как не справившихся! И ребята старались изо всех сил.

Первым развалили и разграбили, как я уже вспоминал, комбинат, потом начали рушить леспромхозы. Вскоре от

мощного лесопромышленного комплекса, пожалуй, самого крупного в нашей стране, остались рожки да ножки. Невесть откуда, скорее всего из столиц, появились оборотистые люди с деньгами, и закрутилась карусель. Бывшие наши лесные начальнички не без поддержки сверху создали свои структуры и потихоньку начали распродавать этим самым пришельцам за бесценок имущество поставленных на грань вымирания предприятий. Или нахрапом, не пугаясь никого, переводить активы неизвестно куда. В наглуую! А Сеня что? Вместо того, чтобы остановить беспредел, болтал с трибун о светлом будущем, которое уже не за горами. А чего бы и не поболтать?

- Во, дают! – удивлялся мой приятель Александр Иванович. – И самое главное – никаких сомнений! Стыд – не дым, глаза не выест! Ты смотри, Генка Негубин порядочным, вроде, человеком раньше был. Никто бы и не подумал, что ссучится. А связался с этой сволочью, другим человеком стал. Характер-то, видно, мягковатым оказался. Хотя, если подумать, куда ему деваться? С волками жить – по-волчьи выть!

- Слушай, Сань, а откуда этот хмырь, новый владелец Зеленодольского леспромхоза взялся?

- Батя у него тут лет двадцать назад директором сидел, а потом в лесном главке заместителем. А сейчас подсуетился, надо же куда-то чадо пристраивать.

- Ну, хорошо, отец директорствовал, все было нормально. А этот что? Ладно бы заработало предприятие, а то как упало, так на боку и лежит. Зарплату и ту какими-то отоварками выдают. Люди куда смотрят?

- Куда прикажут, туда и смотрят. Народ у нас, Аркадий, как сам понимаешь, доверчивый и дисциплинированный. Привели уважаемые дяди мальчика на трон, значит так надо! Батя когда-то весьма уважаемым человеком был. Ну вот все рты и пораззявили, лучшей доли дожидаясь. Так и ждут до сих пор. А остальные наши местные пупы, ну, ты знаешь о ком я, с гнильцой внутри оказались. Плесень – она вездесуща!

Запахло падалью, вот и бросились стервятники труп драть! Потому все в одной своре и оказались. Только я думаю так: Бог, он все видит, и каждой сестре по серьгам раздаст. Только ждать, видимо, долго придется.

- Тут ты прав. Пока Бог этим делом займется, все чертополохом зарастет.

- Что-нибудь да останется! Народ у нас терпеливый. Но – до времени. Что до меня, я бы и сейчас не стерпел, за топор взялся! Сел бы, но убил! Это же надо – такие предприятия развалить! И ко мне пытаются подобраться: зудятся у Сени ладошки!

- Скорее не у Сени, а у Пашки. А насчет, поубивать? Сесть всегда успеешь. Не сам, так доброхоты помогут. Так, что, не торопись! Тем более что им тебя укусить никак не получится. Начальство твое высоко сидит, в Москве, если нужно, прикроет.

- Может, прикроет, а может, и нет.

- Прикроет, не бойсь! Москва своего сроду не отдаст!

- Кто его знает? Вот и думаю, как бы там свой какой червь не завелся. А то продадут, оглянуться не успеешь. Какие раньше вокруг леспромхозы были? Гиганты, передовики! И где они?

Не прошло и пары лет, а от бывших флагманов отрасли остались одни обломки и кучи неубранного, съеденного короедами леса на нижних складах. Народ начал бастовать не на шутку, выходить на площадь к белому дому с транспарантами типа: «Кто накормит наших детей?» И вот тут бы властям и подключить прокуратуру, было еще за что зацепиться: многомесячные задержки по заработной плате, уклонение от налогов. Да и разворовать еще не все успели. Но, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет. Сеня сам питался у воря с рук, да и Пашку, которому к этому моменту принадлежала немалая часть имущества упавших на колени предприятий, побаивался. Тот мог и морду при-

народно побить, а при желании и при его нынешнем положении, и с работы попереть. Не даст денег на следующие выборы, и – каюк, приехали! Вместо того чтобы поставить на место зарвавшихся жуликов, Сенечка усердно выступал и выступал перед коллективами на многочисленных собраниях и все обещал и обещал, что вот-вот, завтра, дорогие земляки, станет лучше. Нужно только потерпеть, и потекут молочные реки в кисельных берегах. Но одними обещаниями сыт не будешь, надо что-то и давать электорату, а то, неровен час, спихнут. И для погашения многомиллионных задолженностей, частных, в общем-то, к этому моменту предприятий, запросто использовались средства небогатого районного и городского бюджетов. И ничего, сходило с рук. Короче говоря, налогоплательщики покрывали крупных и мелких мошенников, как и Сенину несостоятельность тоже. У меня от этой беспардонности даже зубы от злости скрипели:

Странное ныне время,
прошлое пало в прах
от перемен иллюзий,
грязи и нищеты.
По переулкам ветром
веет холодный страх.
Что может быть страшнее
втопанной в грязь мечты?

Нищий, вчерашний цезарь –
до неприличья наг,
паперть – его отчизна,
водка – любви глоток.
За равнодушной ленью,
бруствером из бумаг,
прячется, как в засаде,
новой беды каток.

Легионеры власти,
храмы прибрав и веси,
думают: кто им нужен?
Слабый, презренный раб!
Самодовольство силы,
наглой, открытой спеси,
рвущих страну на части
потных и жадных лап!

Где те орлы и львицы
старых былин и сказов
и пониманье долга
перед грядущим где?
Люмпены и пропойцы,
сопли вины размазав,
в полном согласье с властью
тихо бредут в узде.

Бурное половодье
столько подняло мути:
от отупенья впору
пулю послать в висок.
Можно простить, кто верил,
не понимая сути,
и никогда – продавших
истину за кусок!

Чудится свет в окошке,
а приглядишься – пусто:
то ли блазнится спьяну,
то ли приснился сон.
Тем лишь тепло и сухо,
кто замесили густо
в этом котле опару
смутных, глухих времен.

Ныне уже не вспомнить,
с кем и откуда плыли,
да и к каким причалам
толком не знаем плыть.
Плюнешь, приняв утраты,
чувствуя дрожь бессилья,
ну, и напьешься сдуру,
чтоб обо всем забыть.

Вот так вот...

Главный инженер в нашем управлении появился через неделю, после того, как Костик угнезвился в Колином кресле. Сухопарый и высокий парень старательно пыжился, показывая своим грозным видом, какой он умный и требовательный начальник. Видный такой, розовощекий детина под метр девяносто. Но народ на мякине не проведешь. Как говорил Петр, царь наш-батюшка: в ассамблеях по писанному не говорить, дабы дурь каждого видна была. А новый главный не по неписанному говорить не мог, только – по писанному. Да и в стройке разбирался плоховато. Где-то прорабил до этого, да и то, видно, без особого усердия. Решать – ничего не решал, ответственности побаивался, только создавал видимость дела и ненужную суету. Постоянные придирки и угрозы с непонятными, а то и нелепыми указаниями, толкнули массы к эпистолярному творчеству. И в итоге к главному инженеру намертво прилипла язвительная кличка «главнюк». Этот живописный тандем и повел корабль нашего родного управления к светлому будущему. Налаженное с невероятным трудом за несколько лет после анархии перестроек и переломов производство опять начало хромать. Зарплата, которую еще пол года назад платили вовремя, вновь стала задерживаться. Деньги, заработанные коллективом, тратились неизвестно куда, только не на развитие производства. А чаще всего на пропой да благоустройство собственных родовых гнезд. Я

попытался как-то поговорить на эту тему с Остроглазом:

- Совсем распустился Константин, Николай Петрович! Ты бы повлиял на него как-нибудь, а то дела, сам видишь, из рук вон плохо идут. Можем запросто пойти ко дну. Что смотришь? Радоваться нечему, плакать впору!

Тот пообещал, но, видимо, в высоком кабинете за важными делами забыл.

Чтобы как-то обезопасить свое дальнейшее существование на этом тонущем корабле, я, воспользовавшись очередным запоем Костика, подписал с ним контракт, где оговорил твердую зарплату и компенсации в случае досрочного расторжения.

- На кой черт тебе этот контракт? – поинтересовался у меня полупьяный начальник, не разобравшись в сути вопроса. - У тебя же, Аркадий Викторович, и так зарплата приличная! Да и уважают тебя все, - но подпись все-таки поставил.

Светлана Ветрова только поджала губки, увидев этот, вообще-то обычный для всех нормальных предприятий и совершенно незнакомый в нашем, родном, документ. Тем более составил я его, не прибегая к помощи ОТиЗ, а взяв за основу трудовые договоры судоремонтников и приисковых работников Стешнева. А отдел труда и заработной платы у нас в управлении, был почти как НКВД времен Берии, с безграничными возможностями влияния на людей, через их карман.

- На, держи! – протянул я Светке бумагу, предварительно сняв с нее копию. – Кстати, Света, ты в курсе, что такие договоры по новому законодательству обязательны для всех работников?

- Откуда это вы взяли, Аркадий Викторович? – еще больше поджала губы моя бывшая секретарша.

- От верблюда, Света! Трудовой Кодекс надо почитать, хотя бы изредка.

- Вы, Аркадий Викторович, всегда впереди планеты всей! – попыталась съязвить в ответ начальница отдела.

- Смотри, Света, доиграется Костик с зарплатой! Ты ему

хоть подсказывай иногда, чем это грозит. Инспекция по труду доберется – мало не покажется! Да и тебе на орехи достанется.

- А мне-то что? Я свои бумаги вовремя делаю, а дальше пусть бухгалтерия разбирается.

- Гляди, тебе виднее. Только, если Костик ненароком слетит с должности, куда сама-то пойдешь?

- Это вы на что намекаете, Аркадий Викторович? – сразу же набычилась Светлана, но я благоразумно ушел от ответа.

- Да так, ни на что! Гавкнется управление, вот и пойдем по городам и весям все вместе гулять!

- Ну, вы-то устройтесь, не волнуйтесь! У вас кругом друзей полно, чего зря Бога-то гневить.

- Я-то, может, и устраюсь, а работяги куда денутся? Молодым, тем, может быть, и удастся пристроиться на вахтах у нефтянников, а старики, что по тридцать лет на родную шарагу отпахали? А чувство коллектива куда? Костик, тот, в крайнем случае, урлет к себе на родину, в Мордовию, а нам-то здесь жить! Ты об этом не забывай, Светик!

- А вы поменьше за других беспокойтесь, Аркадий Викторович, всем никогда не угодишь!

- Ну-ну! Кстати, как у Кости жена поживает? Давно что-то ее не встречал.

- А я откуда знаю, - тут же насупилась и замкнулась Светлана, почувствовав в моих словах скрытый намек.

- Смотри, Светка, народ обид не прощает! – подковырнул я на прощанье Ветрову и, повернувшись, пошел на голос секретарши, которая позвала меня к главному инженеру на планерку. К «главнюку», то есть.

Главный перед Костиком лебезил: пирог-то уже поделен, и чтобы безбедно жить, нужно уметь перед хозяином прогибаться. Даже, когда Константин Сергеевич просто-напросто крыл его матом, не стесняясь подчиненных, за очередной ляп в делах, «главнюк», как красная девица, потупив взгляд, молчал, изредка тяжело вздыхая и выказывая всем своим видом

полное раскаяние. Жалко было в такой момент на мужика смотреть. Об него ноги вытирают, а он молчит. Я бы такого сроду не стерпел. И Костик, хорошо зная мой характер, никогда не пытался даже повысить голос в мой адрес: стал бы я сносить от бывшего своего мастера такое хамство!

В свое время, когда я сиживал в том же самом кресле, что и «главнюк» сегодня, конторой руководил Светин Геннадий Викторович. Я знал его еще до работы в СМУ, когда он был там начальником участка, а я прорабил в ПМК. Столкнулись мы с ним однажды на нижнем складе леспромхоза, через который я гнал для какой-то производственной надобности бульдозер ДЭТ-250, наш отечественный «катарпиллер». А СМУ в это время там дорогу отсыпало. Ну и сцепились. Кое-как разъехались, а осадочек, видно, на всю жизнь остался. Потом вот вместе работать пришлось. Человек Светин был неглупый и достаточно опытный в строительных делах. Более того, он прекрасно ладил со всеми районными и городскими властями, что для управления было вовсе не маловажно. Но вот простых людей, тех, кто на жизненной лестнице стоял ниже, не ставил ни в грош. Люди для него были навозом, ну, в лучшем случае, средством для достижения каких-то определенных, его собственных целей. Голову он носил, высоко задрав подбородок, на собеседника смотрел сверху вниз, даже если собеседник ростом был выше, а фразы не произносил, а высказывал, как постулаты. А с начальством рангом повыше Геннадий Викторович был куда как сдержаннее и никогда не высказывал даже намеком своего отношения к той, либо к другой персоне. Даже в том случае, если от этой персоны за версту пахло набитым дураком. Поэтому среди городского и районного руководства Светин числился милейшим человеком и крепким руководителем. Зато среди работяг получил прозвище «барин». Обычно на производстве большинство работников общались друг с другом по именам, в крайнем случае, для краткости по отчеству. Любой рабочий мог называть меня Викторовичем, и это воспринималось нормально.

А Геннадия Викторовича никто так просто, по отчеству, звать не решался, язык не поворачивался. Глянет, как рублем ода-рит. Барин – он и есть барин! Несколько раз он и на меня тоже пытался повисить голос в своем кабинете. Хорошо, что хоть без свидетелей, ума-то было побольше, чем у Костика.

- Ты когда с бабами гулять, да водку жрать кончишь? – пытался он воспитывать меня, всегда почему-то с раннего утра и обязательно по понедельникам. – Когда, наконец, нормально вести себя будешь?

Я за собой особой вины не чувствовал, участки работали ритмично, план всегда выполнялся. Да и техника безопасности была на должном уровне. Все остальное, а особенно моя личная жизнь, по моему глубокому убеждению, никого никоим образом не касалось. Даже директора. Поэтому, на все эти попытки Светина надавить на меня, я отвечал адекватно и коротко:

- Да, пошел ты!

До следующего понедельника мы пересекались редко, только в приемной да на планерках, которые он проводил трижды в неделю. В кабинете, во время планерок, Геннадий Викторович курить запрещал, но я назло ему смолил «Беломор», вызывая обильное слюноотделение у более послушных сослуживцев. Начальника, конечно, корежило от такого хамства, но вступать со мной в перебранку на виду у подчиненных он считал ниже своего достоинства. Тем более что я мог запросто и покинуть высокое собрание, если бы он попытался делать мне замечания. Не царь-батюшка, потерпит три раза в неделю! В таком режиме мы с ним вместе проработали несколько лет. Тем более удивительно, что, когда его избрали председателем райисполкома, на свое место партийному руководству района он рекомендовал меня.

- А чему тут удивляться? – говорил позже мой приятель, Александр Иванович. – Тогда кумовство не поощрялось, а сажать какого-нибудь полудурка на одно из градообразующих предприятий – себе дороже! Помнишь, он однажды Зофмана

вместо себя оставил, когда в отпуск ушел, а не тебя? И что из этого получилось? Бардак! Это сейчас все наворовать спешат, пока возможность имеется, поэтому на все хлебные места родню, да приятелей поставить стараются. Временщики, мать их!

- Слушай, Александр Иванович, - спрашивал я его, когда мы в очередной раз посиживали у меня, попивая пиво и наблюдая за ходом очередного матча страны по футболу, - когда этот бардак, наконец, прекратится? Раньше, помню, чуть что, сразу ОБХСС жуликов за глотку хватал, а сейчас – просто кино! Украл три курицы у соседки – получи три года отсидки, а спер из бюджета три миллиона – два года условно дают! Ну, не кино ли?

- Тут, Аркадий, вот в чем дело, - посмеивался в ответ мой приятель. - Это раньше за такие дела расстрел давали, а при Сталине даже без суда и следствия. А теперь у нас – демократия, а по существу полнейший кавардак! Прокуратура – куплена, ОБЭП – спит, пока команды нет, а власти творят, что захочется! Рыба-то, как ты понимаешь, с головы гниет! Поэтому предприятия и выплывают, кто, как сможет, или, скорее всего, кто, как и кому платит. И властям все эти трепыхания электората, вроде тебя – до фантиков! Всем, главное – мошну набить да пожрать сладко! И так до самого верха! – Иваныч указывал пальцем куда-то в потолок. - Да, да, не смотри на меня так! Там тоже живые люди сидят, а не ангелы!

- Зато по телевизору красиво изъясняются!

- Говорить-то у нас умеют, этого не отнять! На что Сеня раньше двух слов связать не мог, а теперь – любо-дорого послушать! Соловьём заливается, комсомолец наш! Ты вот послушай меня. Сейчас все, кому не лень, коммунистов хаот, но при них-то такого беспредела сроду не бывало. И снизу бы сразу достали, да и сверху по головке не погладили! Сразу бы под зад коленкой дали, а то и в тюрягу упекли. И никакие должности, и прочие заслуги не помогли бы! А сейчас! Ну, что это за партия нынче у нас? Одна номенклатура из

бывших. Бонопартики доморощенные да шизофреники типа Жириновского. Хозяйственников приличных нет, все больше замполиты. А главное: «одобрямс»! Одним словом – правящая! Тьфу!

- Ну, это ты зря, и при коммунистах начальнички приворывали.

- Те начальнички – детский сад против нынешних. Да и меньше их было втрое.

Что да, то да...

...Через пару месяцев после ухода Светина в райисполком у нас на предприятии состоялось профсоюзное отчетно-перевыборное собрание. Профсоюзом предприятия уже лет шесть руководила Ольга Александровна Шитикова, бывший начальник отдела труда и зарплаты. Баба она была громогласная и беспардонная, привыкла в отделе ругаться с бригадирами и с начальниками участков, когда закрывали зарплату. Геннадия Викторовича Шитикова на этой выборной должности устраивала вполне, и он ее поддерживал. Работала она, если разобраться, хорошо, но характер имела склочный и злопамятный, а нередко и нахамить могла. Поэтому многим надоела. И вот эти недовольные люди на этом самом профсоюзном собрании и столкнули ее с должности, припомнив и своеобразный дележ квартир, и распределение легковых машин, и детские садики. А все эти вопросы в те далекие времена стояли остро! Машин, например, выделялось на год не больше десятка на все управление из семисот человек. Дефицит. Ну, а жилья с детсадами всегда не хватает. Конечно, для всех хорошим никогда не будешь, но то, что Ольга Александровна всегда плясала под дудку Светина, а не занималась отстаиванием прав трудового коллектива, было, несомненно, и кололо людям глаза.

В этот раз новым председателем профсоюза выбрали снабженца Николая Долматова. Посчитали, что человек, когда-то в прошлом работавший даже директором школы,

будет более внимателен и сдержан с людьми. Ольгу Александровну вернули на старое место работы начальником отдела труда и заработной платы. Женщина тут же, после выборов, собралась в отпуск. Ну понятно, стресс! Перед отпуском она появилась у меня в кабинете и попросила положить в один из многочисленных шкафов, стоящих вдоль стены, на временное хранение папки с какими-то бумагами профкома, мотивируя эту просьбу тем, что передаст дела новому председателю профкома после отпуска. Я был не против, так как шкафы, занимающие всю стену кабинета, стояли полупустыми. Здесь пылились многочисленные, оставшиеся еще от Светина книги и нормативные документы по строительству. Кроме всего прочего имелось даже полное собрание сочинений Ленина, книги Иосифа Сталина, видимо перешедшие по наследству от многочисленных бывших руководителей любимого предприятия. Судя по толстому слою пыли на фолиантах, в них никто не заглядывал годами. Женщина уехала, а я и думать забыл о её бумагах. Но, спустя недели полторы после отъезда Шитиковой, заявился Долматов и доложил, что профком не может работать без текущей документации, без списков очередников и тому подобного.

- Вам, Аркадий Викторович, Ольга Александровна ничего не оставляла?

- Да, что-то вроде оставляла, - ответил я, и было полез доставать эти самые гроссбухи, но тут же почему-то передумал. - Знаешь что, зайди-ка ко мне попозже, постараюсь тебе отыскать списки.

В первой же амбарной книге, которую я извлек из шкафа после ухода Долматова, обнаружили такие записи, от которых у меня глаза полезли на лоб. Бывшая председатель профкома скрупулезно записывала, что и кому было приобретено за счет профсоюзных денег. За Светиным числилось несколько книжных подписок, музыкальный центр и даже кое-какая мебель. Что-то купили заму по снабжению, что-то вышестоящему начальству, короче, полный отчет. «Ну и

ну, - подумал я, - крохоборы! Целое строительное управление под руками, а все равно тащат!» Но, поразмыслив, понял, что в руках у меня оказались очень опасные бумажки. Светин сейчас председатель райисполкома, а здесь в бумагах Ольги Александровны собран чистейшей воды компромат на него. А перед партией у нас все равны: что председатель, что дядя Ваня из бригады! Дяде Ване даже проще, его спускать некуда. Я до поры до времени спрятал папки назад в шкаф, а Долматову сказал, что списков не нашел, пусть дожидается возвращения из отпуска Шитиковой.

Через пару дней, встретившись со Стешневым, я рассказал приятелю о найденных мною бумагах.

- Припрячь эту папочку к себе в сейф, пусть полежит, - посоветовал Иваныч. – Начнет Гена прижимать вдруг не по делу или руки выворачивать, как это у него обычно бывает, вот тут бумажки и пригодятся. Наступи ему на это самое место. Представляешь, если до людей эта информация дойдет, что будет! Тут одним выговором по партийной линии не отделаешься.

- Думаешь.

- А чего тут думать. Запросто можно кресла лишиться. В любую задрипанную газетенку материал слей, и пойдет писать губерния: мало ни кому не покажется. Ни нашим, ни вашим. Так, что спрячь в сейф папочку и храни потихоньку.

Что я и сделал. Но в положенный срок из отпуска появилась Шитикова, и пришла за своим архивом. Бумаги, кроме той злополучной амбарной книги лежали на месте, и она быстро, не проверяя количества, перетаскала их к себе в кабинет. А вечером, уже после работы, когда закончилась планерка и начальники участков разошлись, она с горящими глазами и пунцовым лицом ворвалась ко мне в кабинет:

- Аркадий Викторович, а где еще одна папка?

- Какая еще папка? – прикинулся я придурком.

- Серая такая, - она сделала ладонями резкое движение в воздухе, показывая размер и толщину этой самой папки.

- Понятия не имею, Ольга Александровна, - поднялся я из-за стола, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

– Мне-то она на что? Поищите у себя в бумагах.

- Я уже все и так обыскала. Не могла она никуда деться.

- Ну, не знаю. Я ее здесь не караулил, да и кому они, эти ваши бумаги нужны?

- Ну, хорошо, я еще поищу, - она поджала губы и вышла из кабинета.

Что-то в выражении моего лица, видимо, заставило ее насторожиться и не поверить моему показному спокойствию. И уже на следующий день она появилась в моем кабинете с утра.

- Я вас, Аркадий Викторович, убедительно прошу вернуть папку! - глаза ее метали молнии, но я не больно-то испугался.

- А что там, в папке-то? – начал я с вопроса, вместо того, чтобы объясняться с разгневанной женщиной.

- А вот это не ваше дело! – почти сорвалась она на крик.

- Вы вот что, Ольга Александровна, идите-ка в другое место кричать! – уже не стерпел я. – Если я эту папку даже и найду, то вам ее возвращать не собираюсь. По-моему, у нас есть новый председатель профкома, вот я ему и передам, когда отыщу.

- А это мы еще посмотрим! – взвилась Шитикова и, словно ошпаренная, выскочила из моего кабинета.

Еще через полтора часа мне позвонил лично первый секретарь райкома Владимир Михайлович.

- Я вот что вас беспокою, Аркадий Викторович, ко мне тут ваша Шитикова обратилась.

- Я вас внимательно слушаю, Владимир Михайлович, - мне мгновенно стало понятно, что в дело включилась тяжелая артиллерия.

- Вы бы заехали ко мне через часик, если вам удобно.

- Конечно, Владимир Михайлович.

Через час я, как штык, торчал в кабинете первого.

- Надо Ольге Александровне папочку-то вернуть! – поздравившись, начал секретарь.

- А вы в курсе, Владимир Михайлович, что там, в папочке-то? – я даже не пытался скрывать от первого, что злополучная амбарная книга у меня, по-моему, это было и бесполезно.

- Догадываюсь, - уклончиво ответил первый секретарь. – Но вы все-таки, Аркадий Викторович, папочку-то верните. Ни к чему сейчас все эти перипетии: ни вам они не нужны, ни нам. Не ко времени.

Я даже вспотел, лихорадочно соображая, что в данной ситуации мне светит, а что – нет. Оставлять после такого Шитикову в управлении было равно самоубийству. Это – то же самое, что в тылу держать вооруженных военнопленных. Но и уволить ее было ой как не просто! Муж – в том же райкоме завоорг. И я пошел ва-банк, куда деваться!

- Я понимаю вас, Владимир Михайлович, - продолжил я непростой разговор, стараясь придать голосу спокойный тон. – Папку я, конечно, верну. Но работник такой, как вы сами понимаете, мне в сложившейся, ну, скажем, не совсем адекватной ситуации, совершенно не нужен.

- И что вы предлагаете?

- Пусть приходит с заявлением об увольнении, - отрезал я, ожидая возражений.

- Договорились, - неожиданно легко согласился со мной первый. – До свидания, Аркадий Викторович!

- До свидания, Владимир Михайлович!

Я выскочил из кабинета, перевел дух, и, вызвав машину, полетел к Стешневу в рудоуправление.

Секретарша Иваныча, увидев меня таким взъерошенным, пропустила в кабинет директора без лишних слов. Я вкратце поведал Иванычу о нашем разговоре с первым секретарем райкома.

- Да, дела! – после секундной паузы протянул мой друг. – Придется отдать папочку-то, раз сам первый требует. Не хочет никакой огласки Михалыч, это понятно. Представляешь, если народу нашему председатель исполкома попадет на язык? Вцепится зубами, не оторвать! За такие дела

и самому может из области достаться, это – несомненно. Придется отдать. Против ветра... – сам понимаешь! Это, конечно, не твоя Ольга Александровна к первому ходила, а сам Гена. Почувствовал, что жареным запахло.

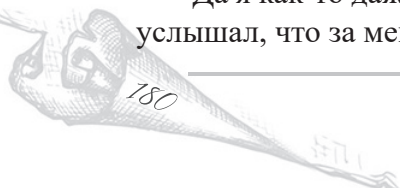
- А я что-то первого не совсем понял. Чего ему это дерьмо прикрывать? Человек-то он, вроде, порядочный. В свое время меня Гена сам им стращал: будешь, дескать, взбрыкивать, оторвет хозяйство без разговоров! Теперь-то, я думаю, – болтал просто, стращал для порядка!

- Что тут непонятного. Первый сам Светина на председателя исполкома рекомендовал, а тут такой облом! Наверху вполне может не понравиться такой поворот дел. Обком партию поганить не даст! Кому охота сор из избы выносить на люди? Так-то! В общем, топай на работу, отдавай папку! Напугал ты Гену крепко, но в данном случае на рожон переть – шею ломаешь! Против партии – все равно, что на велосипеде против танка! Она у нас и направляющая, и руководящая, и легендарная! Коньячку хочешь? – неожиданно поменял тему Иваныч.

От коньяка я отказался и вернулся к себе в управление.

Все мы, конечно, в те времена состояли в КПСС. А по-другому и быть не могло: партия не допустила бы человека к руководству даже самым маленьким производством, не будь он партийным, ну, в крайнем случае, кандидатом в члены. А если это было более-менее крупное предприятие, то и подавно. Принцип этот соблюдался неукоснительно. Партия контролировала все и вся, награждая за успехи и карая за провалы. Я помню, когда неожиданно, по рекомендации заместителя начальника главка товарища Кукина, меня, сопляка, неожиданно назначили главным инженером управления, на второй же день секретарь нашей партийной организации заговорил со мной о вступлении в ряды КПСС.

- Да я как-то даже и не думал об этом, - начал я, но в ответ услышал, что за меня уже все продумали.

- Мы тут подготовили двух рабочих к вступлению, так что все будет в порядке, Аркадий Викторович!

Надо сказать, что соотношение рабочих и всех остальных гнилых интеллигентов, к которым относился и я, в партии соблюдалось неукоснительно. Семьдесят пять процентов рабочих и двадцать пять процентов – прочих. Казалось бы, какая разница – партийный человек, или нет? Но, если говорить честно, то членство в КПСС в немалой мере дисциплинировало. Это я понял позднее, когда мы в городе строили первую крупную кирпичную школу, которую нужно было, во что бы то ни стало сдать к новому учебному году. Светин, как всегда был в летнем отпуске, и на совещания в райком приходилось ходить мне. Так вот, на одном из таких совещаний первый секретарь мне заявил прямо, что вся моя дальнейшая карьера, да и судьба зависят от того, сдадим мы школу к сентябрю, или нет!

- А краска? А линолеум? – начал, было, я.

- Поможем.

И помогли, в этом не откажешь. Даже самолетами материалы возили прямо из областного центра. Пришлось, конечно, попотеть, но школу мы сдали в срок. Короче, в партии я задержался надолго, до самой ее кончины. А ведь все могло быть и по-иному. Если человека изгоняли из рядов, на нем просто ставили крест!

Меня самого дважды пытались исключить из этих самых рядов, не говоря о всевозможных выговорах, когда за дело, а когда и просто так. Я в данном случае вспоминаю о годах горбачевской перестройки, когда на предприятиях появились советы трудовых коллективов, и кухарки попытались вновь править государством, хотя бы на этом уровне. Утомленный бесконечной мышью возней невесть откуда взявшихся в управлении бездельников и горлопанов, я согласился на перевод в областную столицу руководить нашим головным трестом. На последнем собрании трудового коллектива, где мне посчастливилось присутствовать, вместо того чтобы выслушивать очередную лабуду очередного запальчивого оратора,

я спокойно предложил высокому собранию избрать другого руководителя. В связи, так сказать, с моим убытием из города в область. Народ от неожиданности сперва слегка онемел, но, в конце концов проглотил эту новость. Собрание сразу как-то сникло и притихло. На лицах людей появилась растерянность, а у кого-то даже что-то, похожее на обиду. Как у детей, когда у них отбирают любимую игрушку. А я, кретин, сидел и наслаждался про себя. Натё, дескать, выкусите!

Несколько лет спустя, анализируя свой поступок, я пожалел, что поторопился уйти. Надо было потерпеть критику, а я смалодушничал. Может быть, сейчас родная контора не находилась бы в таком плачевном состоянии.

Народ на том собрании безмолвствовал недолго, и, побалагурив, тут же избрал одного из прорабов на должность директора. Адаптироваться к новым реалиям неподготовленное руководство предприятия не сумело. Вследствие чего, доходы резко упали. Затем затеяли бесполезную стройку цеха по выпуску железобетонных плит перекрытий, куда вбухали немереные деньги. А в итоге – вовсе лишились оборотных средств. И все это на фоне открытия собственных магазинов для жен и всяческих производств для родственников, а иногда и прямого, неприкрытого воровства. Я даже себе представить не мог, что работавшие со мной много лет люди способны на такое. Не разглядел в свое время.

- А когда же тебе было разглядеть? – безропотно принимал я позже упреки Николая. – Когда пятки лижут, глаза сами собой закрываются!

- Что, правда что ли?

- А то нет!

И, как ни больно эти слова били по моему самолюбию, он был прав. Через два года такой работы народ наконец-то прозрел. В управлении пришлось избирать нового руководителя, но оказалось, что хрен редьки не слаще. Посадили на трон Остроглаза, да еще с вечно поддатым довеском. И в итоге получили то, что сегодня имели.

Надо сказать, что на трест я согласился идти не только ради повышения по службе, но и привлеченный обещанием скорого получения собственной квартиры в области. Однако обещание, так и оставалось почти год обещанием, а жить пришлось в гостинице. Хорошего мало. На то были свои причины, одной из которых и стали те самые пресловутые трудовые коллективы, не дававшие добро на обменную операцию треста с одним из заводов, сдававших в эксплуатацию жилой дом. В первые же два месяца работы на новой должности я по молодости совершил непростительную ошибку: решил упорядочить структуру управления и лишних людей подсократить. Я-то, конечно, не считал, что это – ошибка, но вот высшее руководство думало иначе. Штат треста состоял из семидесяти пяти единиц, что вызывало естественную негативную реакцию начальников строительно-монтажных управлений и ПМК: чего ради кормить такую ораву бездельников? Беспольных должностей в связи с новыми производственными отношениями действительно хватало, и я, не долго думая, сократил штат конторы до сорока человек. Буря пронеслась над головами, но все живые люди фактически остались на рабочих местах. Сократились штатные единицы на бумаге. За исключением трех-четырех человек. И вот эти трое, как вы догадываетесь, были естественно пенсионерами, заслуженными, уважаемыми людьми, да еще и старыми коммунистами. Первая волна сокращения штатов прошла практически безболезненно, но насторожила оставшихся в живых работников управления треста. А среди них было полно сватов, снох и прочей близкой и дальней родни областных и даже столичных начальников всех рангов. И когда, спустя полгода после первого сокращения, я дал команду плановому отделу подготовить предложения по штатам, в которых должно было остаться только двадцать пять единиц, за меня взялись крепко. И плотно. Собрали экстренное открытое партийное собрание, куда заявили не только все сокращенные старпёры, но и все беспартийные. Вот тут мне и припомнили все мыслимые и немыслимые грехи. Вспомнили,

как я однажды ездил куда-то в соседний город на служебной машине, используя ее тем самым в личных целях. И то, как я грубо и заносчиво отнесся к старым коммунистам, предложив им на одном из очередных партийных собраний перейти в парткомы при ЖКХ по месту жительства, где от них пользы будет больше, чем в тресте. Ну и всякие прочие, более мелкие прегрешения. При разбирательстве оказалось, что за машину я заплатил в бухгалтерию заблаговременно, а обида старых коммунистов заносчивость тянула в лучшем случае только на выговорешник, и тот без занесения. Что, собственно, и было принято собранием. Неудовлетворенные таким ходом дел подчиненные расползлись по норкам, сообщая, что делать дальше. Начальник-то жив остался, а как дальше работать? Оно и понятно: требования станут жестче, чем вчера.

С собрания я вышел раздраженным, но еще более полным уверенности довести до конца начатое дело. Тем более, что за мною стояли начальники строительных подразделений, которых я понимал, потому что сам таким же недавно был. Строительные управления стали к этому моменту самостоятельными хозяйственными единицами, и роль треста становилась все менее значимой и необходимой. Но на следующий день меня почему-то неожиданно вызвали в местный райком, где в орготделе два старичка, дедушка и бабушка, выслушав мою историю, высказали ни с того ни с сего предложение исключить меня из партии. Я не понял и довольно резко напомнил вертлявому заворгу с бегающими глазками, кто, как я догадался, все это, собственно, и затеял, что не в компетенции райкома менять решения первички. Но тот вместо ответа понес какую-то ахинею, а потом и вовсе куда-то быстро смылся. Злой донельзя, я вернулся из райкома в управление треста. Подчиненные, как мыши, попрятались по кабинетам, чтобы не попасться под горячую руку начальника. Сказав секретарше, чтобы ко мне никого не пускали, я решил в одиночестве спокойно обдумать линию своего дальнейшего пове-

дения в сложившейся чрезвычайной ситуации. Через минуту секретарь по селектору сообщила, что меня спрашивал мой хороший приятель, заместитель начальника главка – основного нашего заказчика – Дмитрий Руднев, когда-то трудившийся в нашем благословенном районе директором одного из леспромхозов:

- Позвони, пусть подходит! – коротко ответил я.

Через десять минут появился Руднев.

- Здорово, Аркадий!

- Привет! – протянул я руку. – Присаживайся. Что хотел, Дима?

- Поговорить с тобой хотел.

- О чем?

- О твоём будущем.

И в последующие пять минут он мне живо обрисовал, что меня ждет в дальнейшем:

- Квартира, как ты уже понял, тебе теперь не светит окончательно, и в остальных делах наши доброхоты палки в колеса тоже умеют вставлять. Ты на кой черт в такое смутное время начал народ душить, да еще и сам понимаешь кого?

- Ладно, Дима, перестань, у нас неприкасаемых нет! А трест и так скоро сдохнет, когда управления перестанут деньги отчислять на содержание.

- Дурак ты, Аркадий, сам же знаешь, как против ветра плевать! У тебя же квартира в городе осталась, как я помню?

- Осталась. А что?

- Я бы на твоём месте назад уехал. Что касается работы, не беспокойся. Там как раз новую мебельную фабрику закладывают, зам по капитальному строительству в управление заказчика требуется.

- Хочешь сказать, что погарцевал, пора и честь знать? Ну, уж нет! Я этим живчикам головки-то пооткручиваю, силенок хватит!

- Да не горячись ты! Налей-ка лучше коньячку по рюмочке.

- Давай! Ольга, - позвонил я секретарю, - будь добра, организуй нам с Димой лимончика.

- Так ты подумай все-таки. А завтра перезвони мне, будь другом.

К утру, выспавшись и успокоившись, я решил, что мой приятель абсолютно прав, и плыть против течения, да еще и без весел – абсолютная и несусветная глупость! В райкоме, куда я явился по повестке через пару дней, никто меня уже, естественно, не собирался исключать. Первый секретарь выказал на лице неподдельное удивление, когда я появился в кабинете бюро. Заворг начал что-то бормотать в свое оправдание, хотя было понятно, что первый все знал заранее. Я не стал горлопанить про нарушение партийного устава и этики. Зачем воздух попусту сотрясать? Утвердили при личном моем присутствии выговор первички и отпустили. А еще через пару дней, получив расчет, я уехал назад в родной город.

Второй раз меня исключали уже дома, при работе на строительстве мебельной фабрики. Почему-то райком, не спросив согласия и не сообщив мне ничего, прикрепил меня к партийной организации деревообрабатывающего комбината. Ни сном ни духом не ведая о таком положении дел, на партийные собрания я, естественно, не являлся, взносы не платил, и по прошествии полугода был первичкой комбината из партии благополучно исключен. Тогдашний первый секретарь райкома Василий Иванович вызвал меня к себе:

- Ты в курсе, Аркадий Викторович, что тебя из партии исключили?

От этой новости я на секунду просто опешил.

- С каких таких щей, Василий Иванович?

Первый посвятил меня в суть дела.

- А какого дьявола вы меня к комбинату-то прилепили? Что, ближе к центру парторганизаций не имеется?

- Я, конечно, разберусь, Аркадий, как так получилось, но ты давай определяйся. А лучше всего у себя на предприятии

организацию создайте, что у вас трех коммунистов не наберется?

- Набраться-то наберется! А кто руководить будет?

- Вот ты и руководи.

Я не стал отказываться, и вместо того, чтобы стать исключенным, получил должность секретаря первичной партийной организации. Коммунистов было три человека, и мы уже строили планы, как используем накопившиеся к концу года пятьдесят процентов взносов, остающихся по новому положению в распоряжении организации. То ли на пеньке посидеть, то ли купить что-нибудь полезное? Шахматы, например, или роликовые коньки. Но тут случилась новая революция, страна развалилась, и партия накрылась медным тазом, впрочем, как и все наши взносы...

Дела на руднике у Стешнева обстояли хоть и неважно, но все же лучше, чем у нас в СМУ: выручал госзаказ. Заработную плату там платили регулярно, как в администрациях района и города. И народ был спокойнее и уверенней в своем будущем, чем на других предприятиях. В нашем строительном управлении не платили месяца по три. Люди потихоньку сатанели от злости: кому-то надо было отдавать деньги за обучение детей, кому-то за кредит, а кто не мог просто элементарно рассчитаться с жилищно-коммунальной конторой. Начальство переводило стрелки на заказчиков, те, дескать, не платят за выполненные объемы, а само жировало на деньги от аренды производств и помещений, раньше принадлежавших всему коллективу. Отдельные члены этого самого коллектива грозились вывести Остроглаза с Костиком на чистую воду, потребовать свою долю за сохраненные в загнивающих акциях СМУ, посадить этих аферистов, в конце-концов, но дальше болтовни дело не доходило. Мне на эти телодвижения было в принципе наплевать. Акции родного СМУ у меня отродясь не было. Покинул я его до акционирования. А требовать свою долю за прошлые заслуги было бы попросту смешно.

Я, например, хорошо помнил, как мы со Светиным подсустились однажды в конце семидесятых и увели у геологов половину оставленного без присмотра производственного ангара. Сами геологи куда-то переехали, а ангар бросили. Пока они хватились своего имущества, мы из этого ангара рядом с управлением возвели отличный спортзал. За счет капитального ремонта пристроили бытовые помещения. Светин, который к этому времени перешел работать в райисполком, сам резал ленточку. Из ничего, можно сказать, возник приличный объект соцкультбыта. Люди трудились на его возведении в неурочное время с удовольствием и за минимальную оплату. Еще бы: иметь собственный спортзал с соответствующей всем нормам спортплощадкой! В городе таких солидных сооружений тогда еще было по пальцам пересчитать. А теперь Остроглаз с Костиком предпринимали попытки продать его и за немалые деньги. Ну кому это понравится? Строили – всем миром, а слопать хотят – одни!

Да я, в отличие от некоторых, и понимал, что никто и никогда уже не получит доли от выведенных в совершенно другое, заново созданное предприятие активов бывшего строительно-монтажного управления. Ясно, что не до всех рабочих это доходило. На что надеялись отдельные инженерно-технические работники было совершенно непонятно. От мертвого осла уши вам, господа! Нечего было до всего этого доводить предприятие и сопли развешивать в свое время! Учредителям самим мало!

Противно, конечно, смотреть, как отдельная кучка людей жирует на богатства, накопленные за многие годы всем коллективом, но что делать, такова эта новая жизнь, и не мы ее придумали. Гораздо хуже то, что даже те свободные средства, что удавалось заработать, попросту пропивались. Поэтому народ все меньше работал, и все чаще просто отбывал срок, делая вид, что усердно трудится. Кому охота работать задарма?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Константин Сергеевич Куренцов в восьмидесятые работал мастером на дорожном участке. Будучи хорошим приятелем Николая Петровича, Костик за эти прошедшие годы не только выбился в главные инженеры управления. Он вовремя подсуетился, в числе четырех избранных оказался учредителем нового предприятия и совладельцем всего имущества нашей старой строительной конторы. А имущество, нужно сказать, немалое: завод железобетонных изделий, пилорама со столярным цехом, база снабжения с железнодорожным тупиком. Кроме всего этого, в список имущества входило несколько жилых и общественных зданий и двухэтажная контора со столовой в подвальном помещении. Эту контору мы со Светиным в конце семидесятых построили под видом общежития на сто мест. А до этого сидели в одноэтажной деревянной развалюхе. В те далекие годы построить капитальное здание для аппарата управления можно было только по разрешению министерства. Получить такое разрешение считалось практически невозможным. Вот и находили лазейки, кто какие мог.

Угнездившись на должности главного, Костик изменился до неузнаваемости. Когда-то это был живой, худощавый мальчик, не отличавшийся особыми способностями, но и не выбивавшийся из ряда работавших на стройке после институтов и техникумов парней и девушек. В руководящем кресле Костик раздобрел, лоснящиеся щеки надулись, а лицо приобрело легкий сизоватый оттенок. Может быть, еще и потому, что пил Костик без меры и довольно продолжительными циклами. После запоя, в период просветления, он становился лихорадочно активным, требуя от подчиненных беспрекословного и быстрого исполнения своих не всегда адекватных приказов.

- Я вам покажу кузькину мать, раздолбаи! – брызгал слюной Костик. – Работать, что ли разучились, так я вас научу!

Готовь приказ, - командовал он юристу, - всех лишить при-
работка!

- А основание, Константин Сергеевич, что в приказе-то
писать?

- А на кой, ты тогда к дьяволу, юрист? Вот и думай, что
писать, я тебе за это деньги плачу.

По истечении небольшого срока бурная активность сме-
нялась апатией, апатия требовала для поддержания тонуса
чего-то горячительного, и начинался новый цикл. В эти пе-
риоды приближенные к телу снабженцы озабоченно сновали
с полиэтиленовыми пакетами между магазином через дорогу
и кабинетом Костика. А тот становился из сизого багровым и
брызгал слюной еще пуще.

Характер Константин Сергеевич имел завистливый и
подленький. Если кто-то добивался успеха по службе, ста-
новился чуточку обеспеченнее или даже просто начинал
одеваться лучше, Костика душила жаба. Как же так, не с его
высочайшего волеизъявления человеку стало лучше? Од-
нажды, уже по пришествию меня в управление вторично,
когда мы строили очистные канализационные сооружения
для города, как всегда оказалось, что проект недоработан.
Срочно нужно было кое-что в нем менять. Шацман пред-
ложил мне внести необходимые изменения, подготовить
чертежи и обещал за все это заплатить. Я добросовестно
просидел за чертежной доской все выходные, но посколь-
ку проектировщиком я был фиговым, просчитался в необ-
ходимом количестве железобетонных блоков. Как потом
оказалось, высотные отметки местности были сняты не со-
всем точно. Шацман, доверявший мне, не глядя, подмахнул
проект в производство работ и заплатил миллион, по тем
временам вполне приличные деньги. Миллион мы с моими
приятелями благополучно прогуляли. А когда сооружения
под резервуары были построены, оказалось, что почти пол-
сотни блоков и железобетонных колец канализационных ко-
лодцев – лишние. Экономия, так сказать. Я приказал своему

мастеру Вове сложить их за забором стройки и помалкивать в тряпочку. Объемы запроцентовали по чертежам, деньги получили и все материалы, естественно, списали. Блоки были в наличии, но их как бы и не было вовсе. Я тут же начал искать покупателя, но таковой долго не находился. Прошло несколько месяцев, очистные сооружения сдали, и пришлось перебазировать товар на следующий строительный объект. Вот тут Костик каким-то образом и усек эти перемещения.

- У тебя, Аркадий, что, эти блоки не числятся?

- Числятся, Константин Сергеевич, - соврал я, чтобы главный отвязался и не совал нос, куда не нужно.

- Ладно, я проверю.

«Проверь, проверь», - подумал я и вновь начал лихо-радожно искать покупателя. В конце концов, через каких-то знакомых покупатель нашелся, и пока Костик не очухался, я все блоки загнал по дешевке и вывез с площадки. Вот тут и вылезло гнилое нутро нашего главного инженера. Вскоре, после реализации сэкономленного товара, по какой-то надобности я зашел в кабинет Остроглаза, когда там находился и Костик.

- Здравствуйте, господа начальники!

- Привет, Аркадий Викторович, присаживайся! – кивнул мне Николай Петрович.

- Я вот по какому вопросу, - начал, было, я, но тут в разговор бесцеремонно вмешался Костик.

- А ты знаешь, Николай Петрович, что Шевченко блоков на шесть миллионов продал?

- Не на шесть, а на девять, - пояснил я в ответ на вопросительный взгляд начальника. – А тебе, собственно, какое дело, Константин Сергеевич? – повернулся я к главному. – Блоки запроцентованы, деньги за них оплачены, свои накладные расходы предприятие тоже получило. Вопрос, как я понимаю, на этом исчерпан.

- Нет, ты видишь, что творится, Николай Петрович! –

побурел от негодования Костик. – Они уже решают, куда экономленные строительные материалы девать!

- А что, собственно, творится? – спокойно возразил я. - Экономия по стройке, как предусмотрено правилами о договорах подряда, остается у подрядчика. А потом, я сам эту экономию спроектировал. Так что, извиняйте: табачок врозь.

- А при чем тут договора подряда? – начал заводиться главный инженер. – Ты, вроде, еще на нас работаешь, а не на себя!

- Тебе же Шацман предлагал для здания резервуаров сделать проект, или я ошибаюсь? – подколот я Костика. – Вот бы и сделал. Народу под руками – выше крыши! Но вы ведь его подальше, в проектный институт отправили, Константин Сергеевич. Так что все – по совести! Я же в вашу бухгалтерию и финансы не лезу.

- Еще бы ты и туда лез!

- Ладно, замнем для ясности! – я тоже начал выходить из себя.

Какой-то щенок будет мне указывать, что делать. Когда я уже главным был, вы, Константин Сергеевич, еще сопли кулаком под носом размазывали, да под стол пешком ходили! Или в тот момент вас учительница в классе воспитывала. И в отличие от вас, меня никогда и никто жуликом не считал, потому что из народного кармана не тащил! Так что – перебьетесь!

- Нет, ты смотри, Николай Петрович, как он разговаривает!

Петрович, тот все понял правильно и только посмеялся, переведя все в шутку. А Костик затаил неприязнь: как же так, деньги ушли между пальцев, как вода! Но мне, по сути, на Костика было глубоко наплевать: подумаешь, принц датский, посидит без сладкого, и так все у народа сперли, не обеднеют. Тащат прямо со склада, никого не спрашивая. Не зря собственные дома, как грибы, растут!

- Костик тебе этого не простит, - говорил мне потом Николай, - он же за копейку задавится.

- Да и хрен с ним, переживем!

- Смотри, он человек подленький, не применит в карман наложить при случае.

- Да я все понимаю, Коля. Но если такую шваль, как Костик, бояться, как жить-то? Давай-ка лучше по маленькой, и тему сменим.

Николай Петрович был если и не умнее, то гораздо порядочнее своего главного и таких откровенно наглых по своей сути поступков, как Костик, не совершал. Может быть, воспитание не позволяло: все же учитель бывший. Хотя сам никогда бы не отказался оторвать кусочек побольше от любого пирога. Но это-то еще можно как-то понять: человеку всегда мало – природа! Хотя и у него случались заскоки. Помню, как-то мы строили водоочистные сооружения в самом дальнем захолустье нашего района, в небольшом, тысяч на шесть жителей рабочем поселке. Дела на стройке шли неважно, сдача объекта в срок была под угрозой, и Шацман позвал нас с Николаем Петровичем на экстренное совещание в узком кругу.

- Аркадий, давай-ка садись на объект, организуй дело, а ты, Николай Петрович, помоги ему.

- Это что, ночевать здесь что ли? А текущей работой отдела кто будет заниматься?

- Ну, ночевать – не ночевать, однако потрудиться придется. И в выходные тоже. Что тебе нужно, чтобы объект сдать в срок? Отдел твой, не кривись, подождет месяц, не развалится! Ты, Николай Петрович, не возражаешь, я надеюсь?

Директор, естественно, не возражал: кто платит деньги, тот и музыку заказывает. Я подумал и попросил день, чтобы прикинуть, сколько с меня потребуют работяги за работу в день и в ночь. На следующее утро сообщил Шацману требуемую сумму.

- Короче, так, Аркадий, заканчиваешь объект к двадцатому апреля – получаешь тридцать штук. Договорились?

- Договорились. Только снабжение по моим заявкам про-

шу организовать бесперебойное, - обратился я уже к присутствующему при этом нашем разговоре Остроглазу.

- Организуем, не беспокойся! – ответил Николай Петрович, больше адресуясь к Шацману, чем ко мне.

При моей тогдашней зарплате тридцать тысяч были весьма солидной суммой: почти два моих месячных заработка. Так что отказываться от этого предложения было просто грех. На такие деньги и в Турцию летом можно сгонять, да и так – пригодятся! Короче, засучил рукава и – за работу! Объект мы, в конце концов, сдали в срок, но рассчитываться со мной никто не спешил. Я уже начал терять терпение и собирался идти к Шацману разбираться, когда меня вдруг вызвал к себе Николай Петрович и вручил конверт.

- Это – за очистные, - пояснил он.

Когда я вскрыл конверт, то обнаружил восемнадцать тысяч вместо тридцати. «Опять надули, сволочи!» - подумал я тогда, но поднимать шума не стал. Что толку, поезд уже ушел. Правда, позднее поинтересовался у Шацмана, какую сумму он все-таки заплатил. А тот удивился, и в ответ на мой вопрос подтвердил ранее оговоренную.

- Это ты у Николай Петровича спрашивай, куда он деньги дел, Аркадий! Я все отдал, как договаривались.

- А на кой ты сюда Петровича припутал? – возмутился я.

- Он же ваш начальник, Аркадий. И потом, откуда я мог знать, что так получится.

«Вот, блин, и тут обокрали!» - разозлился я про себя, но разбираться с начальником не пошел. Пусть подавится! Бог с ними, с этими за...цами, вспомним при случае, не последний объект сдаем!

Став начальником, после ухода Остроглаза заместителем к Сене в администрацию, Костик и вовсе оборзел. Большую часть времени он проводил либо в сумеречном тумане запоя, либо в санатории, где поправлял пошатнувшееся здоровье, либо в какой-то школе для руководящих работников, рас-

положенной в Москве. Контора была предоставлена сама себе. И хотя начальники участков в основном были людьми подготовленными и опытными, отсутствие должного общего руководства сказывалось на предприятии не лучшим образом. «Главнюк» был не тем человеком, который бы мог взять ответственность на себя и повести корабль предприятия по бушующим волнам вперед.

- Где Константин Сергеевич? – безуспешно спрашивали у начальницы ЖКХ Веры, частенько исполняющей роль секретаря, работники управления или посетители.

- Скоро будет, - не поднимая головы, отвечала женщина, но ждать можно было долго, а надежда, что Костик сегодня появится на рабочем месте, таяла быстро, как апрельский снег.

Учиться в это время у чиновников и руководителей всякого ранга стало модным. Учились все, кому не лень. Сеня, например, всю жизнь проживший обыкновенным троечником, в течение трех лет стал чуть ли не кандидатом наук. В конце восьмидесятых он, правда, закончил что-то по партийной линии, но считать это высшим образованием можно было с большой натяжкой. Понимая это, вся номенклатура стремилась в вузы, тем более что деньги начали водиться, а купить диплом стало проще пареной репы. Хотя, как говорят в народе, что отцом с матерью не вложено, то образованием не вошьешь! В годы моей незабвенной молодости тоже было модным получить второй диплом или степень. Но для этой цели приходилось поступать в другой институт, учиться, сдавать экзамены. Я тоже однажды пытался поступить на финансовый факультет, не хватало знаний по бухгалтерии, но декан института, в который я поступал, быстро меня остудил:

- Дурью ты маешься, парень! Тут детишки за будущее бьются, мест не хватает, а тебе-то что надо с высшим строительным образованием?

- Как что? Знаний не хватает.

- Так купи книжку по бухгалтерскому учету, почитай, разберись, грамотный, поди.

Я подумал, забрал документы из деканата и вместо сдачи вступительных экзаменов рванул в Ялту, на море. Книжку я потом действительно купил, проштудировал ее, и главный бухгалтер больше никогда не полоскал мне мозги. Кое в чем я начал разбираться вполне профессионально. Вот и Костик понимал, что с багажом трехгодичного института, созданного когда-то министерством, чтобы из техников клепать инженеров, далеко не уедешь. И решил этот багаж пополнить. Хотя с нажитой непосильным трудом славой непорядочного человека ему и с пятью образованиями нигде, кроме нашей конторы, в общем-то, работать не светило. Вот, если переехать в другой город, где тебя не знают? Тогда все эти дипломы могут и пригодиться... Но до этих светлых времен еще и дожить нужно. А при таком активном образе жизни ни одна печень не выдержит.

- Что у вас за начальник такой? – выговаривали мне субподрядчики и люди, волею судеб имевшие с нашим управлением какие-либо дела. – Слово не держит, долги надо клещами вытягивать! Послали бы вы его подальше, что ли?

- Куда его пошлешь? Собственник! Это раньше его бы и дня на должности не держали, поганой метлой вымели. А сейчас, кто с деньгами, тот и прав!

- Вот блин!

- А вы сами дурака-то не валяйте! Первый раз вам что ли лапшу на уши вешают? Дружба и доверие – это, конечно, хорошо. Но как говорится: утром деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья.

- Так с вами скоро никто дел иметь не станет.

- А уже и так никто иметь не хочет.

- Ну, а ты, Аркадий, объяснил бы придурку, куда арба катится, в конце концов! Да и Остроглаз чего ждет? Контора-то и его тоже!

- Думаешь, не пробовал? Пробовал! Бесполезно. Им что в лоб, что по лбу, как об стенку горох. Как еще работяги терпят по три месяца без зарплаты, морду не набьют?

А Костик и Остроглаз, который год играли в откровенную «пирамиду», не хуже широко известного «МММ» господина Мавроди. Средства, которых не хватало на строительство и окончание очередного объекта, тащили с вновь начинаемого. Шацман – не дурак, все это видел и постепенно начал прижимать деньги, выделяя ровно столько, сколько было затрачено ресурсов и усилий. А другие заказчики, с которыми были заключены договора, пока спали. Не расчихали, значит.

- Доиграем, ребята, ох, доиграемся! – несколько раз пытался образумить я Костика, но в ответ получал одно: не лезь не в свое дело!

Пирамида не может строиться бесконечно, все равно когда-нибудь рухнет.

«В конце концов, что тебе больше других надо? Да пошли они все, куда подальше! – говорил я себе. – Ну, хряпнется управление, тебе жарко или холодно станет?» «А люди?» – теребила совесть. Людей действительно было жалко. Столько лет отработали вместе. Люди, хотя и разуверились во всем, но по привычке тащили ляжку. Правда, уже не с таким старанием, как раньше. Да и что тут поделаешь: каждый выбирает свою дорогу. Надо было раньше думать, когда с благими намерениями отдали все свое добро в виде акций выбранным и горячо любимым начальникам. А теперь, что? Теперь поздно: поезд ушел и мигнул огоньками.

Кое-как, но скрипящая телега законодательства в нашем государстве набирала ход. Потихоньку, но все же заработали инспекция по труду и прокуратура. Правда, скромненько так, осторожно. Постоянные задержки заработной платы и жалобы рабочих все-таки сделали свое дело, и однажды Костика вытащили в суд. Никаких особых мер к нему не приняли, а просто оштрафовали да запретили занимать руководящие должности года на два. Другой бы человек одумался и попытался исправить положение, но только не Костик. Он тут же, не без участия, конечно, Остроглаза и двух других учредителей, состряпал новое предприятие, так как действующее

опять находилось на грани банкротства. Вновь созданная фирма существовала только на бумаге, ничего в ней, кроме банковского счета и печати, не было. А зиц-директором посадили начальника подсобного производства, сменившего Николая. Лихо! Но вот все работники, как ни странно, молчком написали заявления на перевод в это новое предприятие. Даже не спросили, зачем с них это потребовали. Как скот, послушно идущий на убой. Так что жизнь управы пошла с чистого листа.

- Куда тебя черт занес? – спрашивал я этого нового, липового директора, которого знал много лет, и которого мне искренне было жалко. – Эти ребята махом подведут тебя под монастырь, оглянуться не успеешь! Тебе что, сидеть охота?

- А мне-то что? – отвечал новоявленный зиц-председатель Фунт. – Я в кабинете не сижу, приказов не раздаю и документы никакие не подписываю.

«Интересно, а как же при таких делах управление, хоть и бумажное, функционирует?» - подумалось мне тогда, и я зашел потихоньку поинтересоваться этим вопросом у девчат в бухгалтерии. Заместитель главного бухгалтера, Маша, моя бывшая тайная симпатия, на мой вопрос вполголоса, оглядываясь по сторонам, сообщила, что право подписи под платежными документами по доверенности нового директора опять передано Костику.

- И что, этот болван подписал такую доверенность? – искренне удивился я.

- Подписал, - пожав плечами, подтвердила женщина.

Ну и ну, это же, каким нужно быть кретином, чтобы так вляпаться! Или заплатили не мерено? Да за любые деньги сидеть за кого-то другого не охота! А, впрочем, черт с ними, пусть живут, как хотят, новые мозги им все равно не вставишь.

Работа в управлении шла ни шатко, ни валко, а как Бог на душу положит. Кто ж за гроши, которые к тому же платят с задержками, работать будет, как положено? Народ потихоньку разбежался, долги росли, а Остроглаз с Костиком то и дело

собирали учредителей, видимо, чтобы подписать очередные документы о продаже имущества или о сдаче помещений в аренду. Простому смертному было неизвестно, что они там решали, а от главного бухгалтера ничего вразумительного было не добиться. Тоже родимый помалкивал в тряпочку, кормился-то от того же пирога. Хотя его можно понять: в наше смутное время цель у человека фактически одна – набить потуже закрома! Кто его знает, может, завтра еще хуже станет. Ворье порождает ворье. А ворон ворону никогда глаз не выклюет.

Уже летом администрация района начала активную подготовку к осенним выборам. А так как имидж Сени за годы его правления заметно поблек, даже обласканные им пенсионеры и те начали роптать. Подправлять образ главы заявился сам Паша, Павел Николаевич Феофанов, наш бывший комсомольский вожачок, а к этому времени известный среди местного народа олигарх. Правда, не такой крутой, как Абрамович, но, надо сказать, и не бедный. Из правительства области его к этому времени благополучно выперли, разобравшись, наконец, с кем имеют дело. К этим порам он, правда, прибрал к рукам несколько заводиков, среди которых и ликероводочный, а, кроме всего прочего, перспективное месторождение нефти где-то на севере, что позволяло ему иметь свободные средства и непосредственным образом влиять на электорат. Лозунг: деньги решают все, в наше время себя оправдывает вполне. Я, конечно, надеюсь, что только пока время на дворе стоит диковатое.

В городе Феофанов появился еще и потому, что имел здесь с незабвенных времен своей предпринимательской молодости собственный банк, а так же много еще чего, что нужно было хранить и лелеять. За всем этим, как смотрящий за воровским общаком, приглядывал преданный Сеня. Потерять контроль над креслом руководителя района означало для Паши, иметь большие убытки. А терять он не привык.

При самом неблагоприятном варианте развития событий придется все распродавать по дешевке и сматывать удочки, пока новые хозяева района не отберут даром.

С Пашкой мы с Александром Ивановичем столкнулись случайно в коридоре администрации, куда нас вызвали на какое-то очередное заседанье. Вообще-то на совещание должен был идти Костик, но он в этот день, как обычно, идти уже никуда не мог.

- Здорово, мужики! – радостно заулыбался, увидев нас, Паша. – Сколько лет, сколько зим!

- Добрый день, Павел Николаевич! – уважительно поздоровался Иваныч, который не любил ни с кем конфликтовать. – Какими судьбами к нам?

Я тоже поздоровался с Пашкой кивком головы, но промолчал: прошлые подянки не располагали к объятьям.

- Да вот, соскучился по родным пенатам!

- Ну и как впечатление?

- Преобразился город, что и говорить. Вон какой спорт-комплекс отгрохали, любо-дорого смотреть! Еще через пару тройку лет не узнать будет города. А помните, что тут пятнадцать лет назад было? – неожиданно произнес, глядя куда-то в пространство, Феофанов.

Мы с Иванычем, переглянувшись, промолчали. С чего это прожженного прагматика Пашу на лирику потянуло? А он, обращаясь уже ко мне, продолжил:

- А ты, Аркадий, стихи-то все пишешь?

- Случается, - осторожно ответил я.

- Может, тебе помочь? Можно и двухтомник выпустить. Ты не стесняйся, если что обращайся!

- Спасибо! – только и оставалось сказать в ответ.

В этот момент к нашей мирно беседующей компании подошел Остроглаз и, коротко поздоровавшись, увел Пашу, как он пояснил, по неотложному делу.

- Ты слышал? – повернулся я к Иванычу, когда они отошли. – Чего это с ним случилось-то?

- Хочет чего-то, - ухмыльнулся мой приятель. – А насчет двухтомника я бы на твоём месте не отказывался. Куй железо, пока горячо! Когда ещё такой случай подвернется?

- Пошел бы он подальше со своей помощью! Сам знаешь, как с Пашкой связываться: не отмоешься потом.

- Ну, в нынешние-то времена можно с этим вопросом и к Сене подкатить. Сам понимаешь, выборы на носу, каждый преданный человек дорог. В крайнем случае – обязанный чем-то. А что для бюджета семьдесят, сто тысяч? Так, пустяк! Вы же с ним вроде как помирились. Не зря же он твоё произведение на белом доме вывесил!

- Интересно, чего он все же хотел?

- Пошли в актовЫй зал, совещание начнется – узнаем.

- Рано ещё, полчаса почти до начала, пошли лучше на улицу перекурим.

Совещание было посвящено ремонту дорог и благоустройству родного города, но все речи ораторов, в конце концов, сводились к теме предстоящих выборов. И почти в каждом выступлении звучал призыв поддержать единственного и самого достойного кандидата: Сенью Раскопаева. Сенья сидел на председательском месте, не изменяя выражения лица и никоим образом не реагируя на иной раз совершенно подхалимские речи своих подчиненных. Рядом с ним за одним столом сидел почему-то и Феофанов. Я слегка толкнул Иваныча локтем, указав глазами на Пашку, но он прижал палец к губам, призывая слушать дальше. А дальше Сенья предоставил слово, как он выразился, бывшему главе района, его старожилу и уважаемому в городе человеку Павлу Николаевичу Феофанову:

- Павел Николаевич расскажет нам о планах его компании по участию в развитии нашей территории в целом и города, в частности.

И Пашка полчаса заливался соловьем о том, какие перспективы ждут нас в недалеком и светлом будущем, если его

компании придут к нам в промышленность и другие сферы деятельности. Концовка его выступления сводилась к тому, что все эти блага ждут нас только в том случае, если бразды правления района останутся в руках глубокоуважаемого Семена Николаевича.

- Семен Николаевич проявил себя на этом посту человеком ответственным и энергичным. При нем район, наконец-то, начал поднимать с колен рухнувшую промышленность. Это видно и по объективным показателям, которые выросли по сравнению с предыдущим годом почти на двадцать процентов!

На этой оптимистической ноте собрание и закончилось. Забыл, правда, Паша сказать, что все эти самые показатели, которые выросли по сравнению с предыдущим годом, составляли менее половины от тех, что были до развала этой самой промышленности. И процентов тридцать от тех, что были до распада Союза. Слукавил наш комсомолец.

- Ты понял? – спросил я Иваныча, когда мы вышли на улицу.

- А чего тут не понять. Ввалит Паша денег в избирательную кампанию, посадит опять на трон Сеню и будет, как и сегодня, потихоньку из района соки сосать!

- Нет, ты слышал: Сеня промышленность поднял! Курам на смех! Непонятно только, относительно чего.

- Относительно нуля, наверное.

- Вот именно.

- Не злорадствуй. Я так думаю, что Паша в чем-то прав.

- Это в чем же?

- А в том. Ну, проиграет Сеня на выборах, что будет?

- Да ничего не будет.

- А вот тут ты не прав. Придет новый человек, приведет за собой новых людей. А людей этих кормить нужно, чтобы служили верно. Смекаешь?

- Ну, это-то понятно. Воровать меньше не станут.

- А раз понятно, то и посапывай в тряпочку. Все равно ничего не изменишь. К этим хоть привыкли, и все их фортеля заранее известны. А новые придут?

- Ну, а вот сейчас ты не прав, Иваныч! Под лежачий камень и вода не течет. Я, конечно, не надеюсь, что такой мелочи, как нам, удастся переломить ситуацию, но пытаться-то надо. Хотя бы для самоуважения. А то ведь иногда выть от бессилия хочется!

- Ну, только если.

В конце девяностых наш район давал промышленной продукции, не считая добычи полезных ископаемых, на восемь миллиардов рублей, в приведенных к нашему времени ценах. А сейчас вместе с рудником Иваныча и поступающими налогами от добычи нефти – от силы что-то около четырех. Бюджет, конечно, рос, но район оставался дотационным и вечно стоял перед центром с протянутой рукой. А при коммунистах гремел на всю страну. Одних героев соцтруда было человек пять. А один бригадир за лесоповал даже вторую звезду получил и бюст на родине.

- Ну, ладно, до встречи! – попрощался со мной Иваныч. – А насчет моего предложения подумай, сходи к Сене.

- Это ты о чем? – не сразу понял я.

- О новой книге, конечно! – усмехнулся Стешнев. – А ты о чем подумал?

В ответ я только махнул рукой и отправился к себе на службу, в родное управление, где доложил помятому и уже похмеленному добротами Костику, что должно выполнить наше управление в борьбе за чистоту и процветание нашего любимого города.

Через пару недель в районе разразился грандиозный скандал. Прокуратура арестовала главу города Бориса Петровича Иванова, а попросту Борю, старого и верного друга Сени, за махинации с квартирами. В вину Боре ставилось неправомерное распределение, а попросту воровство более чем трех десятков квартир. Причем несколько из них он напрямую отдал своей близкой и дальней родне, а одну – бывшей жене, с которой развелся, как только стал мэром. Мода такая пошла:

только мужик в высокое кресло угнездится, сразу заводит новую жену. Молодую, разумеется. Новость эту мне сообщила всезнающая Верка, которую я случайно встретил на улице у хлебного магазина.

- Ты знаешь, что Борю закрыли? – выпалила она, едва поздоровавшись.

- Какого Борю? – не сразу понял я.

- Как какого! Иванова, мэра нашего городского!

Я только рот открыл от удивления:

- Ты-то откуда это узнала, сорока?

- А вот оттуда!

- Виктор, что ли рассказал?

- Да, какая тебе разница, кто да что рассказал. Статью Боре шьют до восьми лет! Да и квартиры назад поотбирают, если, как положено, деньги не заплатят.

Верке с ее языком я не особенно доверял, поэтому подался в администрацию уточнить, что да как. Сведения оказались точными. Светлана, начальник планового отдела Шацмана, подтвердила, что вчера, после обеда следователи обыскали и опечатали Борин кабинет, а его самого пригласили в прокуратуру для разговора, откуда он не вернулся.

- Как они его могли задержать, он же выборное лицо, на родом избран! Неприкосновенность еще никто не отменял.

- Ну, уж не знаю, а вот что дома молодая жена рыдает, это – точно! Только замуж вышла, и – на тебе! Может, депутаты городской Думы дали согласие на задержание, ты же знаешь, что у них там конфронтация постоянная с Борей. Вполне могли лишить неприкосновенности.

Я позвонил на рудник Иванычу, поделиться новостью, но он уже откуда-то все знал.

- Похоже, кранты пришли нашему Сене? – задал я другу вопрос в трубку. – Или ты как думаешь?

- Не телефонный это разговор, Аркадий, вечером поговорим, - бесцеремонно оборвал меня Иваныч. – Давай, пока, а то у меня совещание начинается.

Я было обиделся на приятеля, но, поразмыслив, пришел к выводу, что он прав. Болтовня еще никому ничего хорошего не принесла. Помните плакат сталинских времен, на котором женщина прижимала палец к губам. Не болтай! Враг подслушивает! Дождемся вечера.

А вечером мы с Иванычем пошли в кабак, где имели свой постоянный, маленький, но отдельный кабинетик и немного там посидели.

- Видимо, кто-то кому-то больше заплатил, чем Феофанов, раз Борю прихватили. Крепко подгадили Сене, тем более перед самыми выборами! – высказался мой приятель после первой.

- А чего тут гадать: уши за версту видны! Они же с Лискиным грызутся все последнее время. Я Пашу имею в виду. Не поделили бывшие друганы наворованное, как пауки в банке намертво сцепились.

- Думаешь? А какой интерес у Лискина в наших краях?

- Вот уж не знаю. Хотя, чего тут не знать. Нефть, конечно. Это раньше люди за металл гибли, а теперь за мазут. Кроме Лискина Пашке ножку подставить – некому, уж ты мне поверь.

- Деньги тут сработали немалые, - сказал Александр Иванович, наливая в рюмки, - иначе бы прокуратура вряд ли проявила такую похвальную прыть. Кто-то дал отмашку.

- Ну, это понятно! Поскольку, как ни крути, а вся эта история с квартирами, в конце концов, в первую очередь Сеню подставляет. Это только полный дурак может поверить, что Борис без личного разрешения Сени хоть пальцем пошевелит. Он без Сениного позволения и в туалет-то не отлучался, а тут – квартиры раздавать! Да еще, как выясняется, не один десяток.

- Умный, может, и не поверит. Но, сам понимаешь, подписи Сени на бумагах нет, а на нет – и суда нет! Придется Борису одному на нарах париться за всю братву, как говорится!

- Да не думаю я, что его закроют, - мы снова выпили и

закусили. – Промурыжат, пока выборы не закончатся, и выпустят. За квартиры жильцы, конечно, заплатят, никуда не денутся, а потом все дело на тормозах спустят. Ну, в крайнем случае, условным сроком отделается.

- Скорее всего, ты прав, Аркадий, - отодвинул тарелку Иваныч, - вот только Сене эта пилюля накануне выборов, ох какой горькой покажется! Прямо до задницы прoderет. Не ко времени все это, ох не ко времени! Надо поточнее будет выяснить, кто у Сени в конкурентах может объявиться? Ты случайно не в курсе?

- Да нет.

- Вот и я ума не приложу.

- Ну их всех к черту! – остановил я приятеля. - Андрюша! – крикнул я официанту, выносящему грязную посуду.

- Слушаю вас, Аркадий Викторович, - повернулся официант.

- У тебя там, в зале девиц подходящих нет?

- Как не быть, есть, конечно. Вам каких: в годах, или помоложе?

- Никаких, Андрюша! – вмешался Иваныч. - Дядя пошутит!

Официант усмехнулся, понимающе кивнул головой и вышел.

- Все никак не угомонишься, Аркадий, - укоризненно покачал головой мой друг. – Натальи-то не стыдно?

- Да ладно тебе! Не надо девок, значит не надо!

- Жениться тебе пора, вот что я думаю. Да детишек пару родить, чтобы дурь из головы рассеялась, - назидательно высказался в мой адрес Иваныч. - Пошли-ка по домам, поздно уже. Кстати, что-то я давно Наталью не видел. Здорова ли?

- Она на месяц в Питер уехала, на учебу.

- То-то я гляжу, что ты разгулялся.

- Кончай меня учить. Это тебя жена дома ждет с пирогами, а меня только тараканы!

- Сам виноват!

Мы расплатились и пешком отправились по домам, благо погода располагала к прогулке. Стояло бабье лето, было еще тепло, и на клумбах цвели и благоухали последние цветы, а женщины ходили в летних нарядах, целомудренно обнажающих все, что мужчинам хотелось бы увидеть.

По бульвару наивная юность
за свою судьбою спешит,
не стыдись красоты, распахнулась,
ветер темные кудри ершит.
Созерцаю летящей походки
невесомый, танцующий шаг,
от порхания юбки короткой
замирает внезапно душа.
Усмехаюсь, пытаюсь пристойно
успокоить взывавшую кровь.

Знаю, старость мудра и спокойна,
а, поди ж ты, волнуется вновь.

- Балабол ты все-таки, Аркадий
- Что, стихи не понравились?
- Стихи нормальные, а жениться тебе точно пора. Появится Наталья, обязательно с ней переговорю.
- Вот только этого не надо! – запротестовал я.
- Надо, Федя, надо! – ответил мне словами Шурика из известной комедии Иваныч.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В канун новых выборов главы администрации, а теперь, по новому положению – просто главы района, обострилась подковёрная борьба политических и денежных кланов, и неизвестно какие силы вытолкнули Геннадия Иушина, начальника дорожных строителей, на поверхность, в самую гущу событий. Он еще до выборов неожиданно был назначен заместителем Сени по промышленности, связи и дорожному строительству. Геннадия Константиновича я знал еще с тех лет, когда служил в желдорбате лейтенантом и ухаживал за Вероникой, моей бывшей супругой. Отец у Вероники был завормом в райкоме, большим по тем временам начальником. Он, как и вся местная партийная головка, жил в современном, единственном тогда на весь город многоэтажном, кирпичном доме по улице имени какого-то героя войны. Это сегодня домик кажется убогим, а тогда вызывал неподдельную зависть остальных жителей городка: еще бы, даже канализация не в септик. Отец у Геннадия работал инструктором в районном комитете и жил, естественно, с семьей тут же. Когда я по молодости провожал свою ненаглядную с танцев домой, Генка, как правило, висел на заборе, и первыми словами при встрече с нами у него были:

- Дядя Аркадий, а ты когда отслужишь, фуражку мне свою подаришь?

- Обязательно, Генка, подожди только маленько.

- А сколько это – маленько?

- Четыре месяца, осенью, когда тебе в школу идти, в первый класс.

- А-а... - и после некоторого раздумья: – Ну тогда я дяде Толе не стану говорить, что вы с Вероникой в подъезде целуетесь.

Хороший ребенок: сразу быка за рога брал. Дядя Толя – это Вероникин отец, Анатолий Иванович. Форменную фуражку я осенью, после демобилизации, Генке действи-

тельно подарил. Ну а потом прошло немало лет, мальчик вырос, выучился и стал большим начальником. Кстати, одним из лучших. Наконец-то в стране начали строить дороги, и управление Геннадия числилось одним из самых передовых в дорожном строительстве области. Какой чёрт занес его в белый дом и для чего – осталось неясным. Хотя можно предположить, что, когда после весенних выборов в думу возникшая в противовес Сене оппозиция, а может быть, и местные бандюганы, начали проталкивать своих людей на ключевые места в администрации, Сеня предпочел толкать своих. Правда, почему он посчитал Иушина своим, для меня тоже осталось неясным. Кто такой Сеня, умеющий только в носу пальцем ковырять, и кто такой Геннадий, всю жизнь работающий без продыха, как вол? Что касается нового названия должности главы района, вместо должности главы администрации, так этот кульбит Сеня совершил с помощью еще старого состава думы, изменив предыдущий устав. Теперь глава района избирался из числа депутатов и автоматически становился председателем думы. Ну а на непосредственное руководство хозяйством назначался, глава администрации, а фактически – простой завхоз. Сити-менеджер по современному. Сеня хоть и невеликого ума, но все вылепил, как надо, под себя: теперь деньги бюджета делить будет он, а отвечать и, по сути, если что случится, то и сидеть за возможные финансовые нарушения – другой. Неплохо, а? Осталось только чуть-чуть – удержаться при власти!

Так вот, Геннадий и стал главным доверенным лицом Сени на выборах. А возглавил предвыборный штаб Коля Остроглаз. Только я так думаю, что зря Николай Петрович это сделал. Может быть, просто деваться было некуда? В такое беспоконное время Сеня не самая лучшая партия.

- Слышал, Сеня-то опять пенсионерам продуктовые наборы к празднику города подкатил, - сообщил при встрече мой приятель Иваныч.

- Да, слышал. Чего удивляться: хочет Сеня на кресле остаться, шибко хочет! Да ты и сам понимаешь, если вылетит из начальников, кому он тут, в городе, на фиг нужен? Ему только портфель за Пашей носить, а в остальном – полный нуль. Помнишь, девки в Феофановском банке ржали, когда Сеня рулоны с туалетной бумагой в сортирах пересчитывал. Хотя, если трезво подумать, зачем его менять? Человек поднаторел на должности, обзавелся связями в области и столице да и вообще. Сейчас хоть знаешь, чего от него ожидать. Да и пробиться к нему запросто можно, если приспичит, какой-никакой вопрос решить. А другой на его место придет? Еще неизвестно кто лучше, кто хуже в итоге будет. Только, вот боюсь, что не усидит Сеня. Ребята из думы, те, что в оппозиции, сильно его не уважают, спихнут болезного обязательно. Сейчас уже без конца покусывают да палки в колеса вставляют, а во время выборов – своего не упустят. К тому же еще этот скандал с квартирами не вовремя. Прямо по заказу!

- Да, кое-кого и он в свое время тоже покусал, так, что, пора долги платить. Кое-кто с удовольствием отплатит жигу у него на могиле. Только вот рановато, мне кажется, мы его хороним, вертлявый парнишка, может выжить! Тем более Пашка подпирает и крепко. – Иваныч помолчал секунду и продолжил. - А вот куда он, интересно, подастся, если вдруг не выберут? Здесь ему, конечно, приличной работы не видеть. Да и потом, с главы района – в клерки! Не пойдет ведь!

- Не пойдет! А, что, ты, собственно, за Сеню беспокоишься? Ну, не выберут, так и что? Хаты у него и в столице, и в Питере есть; денег, я думаю, и внукам хватит, так что все в полном ажуре.

- Это только кажется, что человек с деньгами не пропадет. Деньги, если их не пополнять, всегда когда-то кончаются. Да и запросы, надо полагать, у Сени не как у нас. Еще как пропадет. А кроме того: не хлебом единым жив человек, кое-что и для души надо. Власть – она, как наркотик! Знаешь, как болезненно сверху падать? Да что это я тебе об этом расска-

зываю, ты же сам на своей шкуре все испытал, когда с треста слетел. Ходил тогда, как сомнамбула, не в себе! Сегодня Сеня – бог, а завтра? Завтра он – простой человек, среди таких же прочих! За старые грешки платить нужно, и никакой бронированной дверью не прикроешься. Да и жить придется куда как скромнее. А после бутерброда с икрой, трудно с килечки начинать. Так что я думаю, в городе он не останется, уедет. Правда, я думаю, начальство областное пристроит куда-нибудь, да и Пашка друга не бросит.

- Ну, уедет и уедет. А к килечке, ничего, привыкнет. Я думаю, что Ленка у него – баба неглупая, сохранит семейное благополучие.

- Хорошо, если привыкнет. С некоторых золотая пыльца хоть и быстро облетает, но жить-то по-другому уже не умеют. Вот и пыжатася люди, щеки надувают. А потом ломаются, пить начинают, а то и хуже – в петлю лезут!

- Ну, Сене-то жена не позволит раскиснуть, ей силы воли на двоих хватит.

- Это точно! Она и в молодости характер имела. Не зря секретарем комсомольской организации была.

- Вот именно. Помнишь, как она Витьку Ковалева отбрила, когда тот к ней ночью в квартиру полез?

- Помню, как не помнить. Погуляли мы тогда! Давно это было, правда, как будто и не с нами вовсе.

- Да уж!

- Летят годы, ты, вон уже, совсем белый стал, хотя на твоей бывшей блондинистости не так уж и заметно. Женится-то с Натальей, не надумали, наконец?

- А что, пора? По физиономии заметно, что ли? Прыщами покрылся?

- Ты не ерничай! Наталья – девушка серьезная, так что и отношения с ней должны быть серьезными. Ей тоже под тридцать, пора и детишками обзаводиться. А то допрыгаешься, бросит она тебя, баламута. Женщине очаг нужен, а не твоя холостяцкая квартира от случая к случаю.

- Не бросит, если любит.

- Что ты все заладил: любит, любит. Не мальчик уже! Любовь, конечно, дело святое, но в костер этот дровец подбрасывать надо регулярно. Без семьи человек, как лодка без якоря. Любой ветерок куда угодно отгонит, а то и волной захлестнет.

- Что ж это ты тогда у меня в холостяцкой квартире от семьи-то частенько отдыхаешь? Утонуть случайно не боишься?

- Это я не от семьи, это я от себя самого отдыхаю. Моя Вера – человек святой, терпит меня столько лет. Да и куда теперь нам друг от друга деваться? Дети выросли, два внука уже, соответствовать статусу бабушки и дедушки нужно. Так что подумай о моих словах, как бы поздно не оказалось. Будешь потом локти кусать!

- Ладно, подумаю. Может быть, ты и прав, чего сухим листом по свету летать.

С Наташей я не виделся почти месяц, она уехала на учебу, повышать квалификацию. За это время я несколько раз ездил в областной центр, в командировки, а потом все дела, дела, даже соскучиться некогда было. Вернулся я в город из очередной отлучки, когда лето плавно перетекло в осень. Деревья почти оголились. Правда, заморозков еще не было, шли дожди, и раскисшая грязь, расцвеченная яркими мазками опавшей листвы, во дворах и на дорогах надоела до чертиков. Скучное, низкое солнце толком не грело. «Наталья уже приехала, наверное. Нужно срочно заглянуть к дорогой, - подумал я, выползая в очередной раз из вагона поезда, - а то совсем нехорошо получается. Прав Иванович: нельзя так себя вести».

На следующий день, в пятницу, позвонив в банк и выяснив, что Натальи на службе почему-то нет, я подъехал в городскую администрацию не столько по делам, сколько повстречаться с ее лучшей подругой и выяснить, куда запропастилась моя ненаглядная. Работники отдела банка, где труди-

лась Наталья, почему-то не смогли мне толком пояснить, где на данный момент находится их начальница.

- Ой, Аркадий, здравствуй! – жена Николая, моего приятеля и бывшего начальника по «Ремонтнику», аппетитная блондинка Татьяна, улыбнулась мне из-за стола для посетителей, что стоял около приемной. – Проходи, присаживайся! Рассказывай.

- А ты чего тут делаешь? Почему не в кабинете?

- Да, вышла вот, приятельницу дожидаясь.

- Понятно.

Как и моя Наташка в банке, Татьяна уже лет десять работала на должности заместителя начальника управления экономики, только в администрации города. Она и Витькина Верка дружили еще с девичества, с тех самых незабвенных времен нашей бесшабашной молодости. А Наталья прибилась к их компании позднее.

- Рассказывай.

- Чего рассказывать?

- Как поживаешь? Как ваша фирма?

- А что с ней делается! Строим.

- Ты извини, Аркаша, - не уловив немного вопроса, застывшего у меня на лице, сменила тему женщина, - замоталась я совсем, позвонить тебе забыла: сегодня совещание у главы города. В четыре часа. Да и не знала я, что ты из командировки вернулся.

- У какого главы? – не понял я, поскольку ждал совсем других слов.

- Города. У исполняющего обязанности, Сереженьки нашего. Боря-то под следствием, - пояснила Татьяна. – Ты что, забыл? Кстати, ты когда приехал?

- Второй день уже. Ты мне лучше скажи: куда моя дорогая пропала? Звоню, понимаешь, в банк, а там какая-то незнакомая девчушка отвечает. Спрашиваю, где Наталья Алексеевна, а она мне какую-то галиматью порет. Новенькая, видимо. Как это так, не знать, где начальник твой?

- Ой, прости меня! Чего это я все про работу? У Наташи мама заболела. Она в понедельник из Москвы приехала. А во вторник ей сестра позвонила, вот она срочно и уехала, тебя не предупредив. На сотовый звонила перед отъездом, но ты почему-то недоступен был.

- Да он сел у меня. Я впопыхах, когда в область в командировку уехал, зарядное устройство дома забыл. А потом я этот чертов телефон просто элементарно посеял. А может быть, сперли? Надо новый идти покупать.

- Рохля ты, Аркадий, а все оттого, что один! Некому за тобой, дураком, присмотреть. Ты сам ей сейчас позвони откуда-нибудь, волнуется, поди, куда ее мачо пропал.

- Ладно. А у вас с Колей как дела? Он, кстати, где?

- На работе, конечно. А так – все хорошо! Сноха скоро родит мальчика, так что внук у нас будет, Володька папой станет.

- Ну, вы молодцы! Гиганты! Поздравь от меня молодых. А ты откуда знаешь, что мальчика?

- Дурак ты, Аркадий, однако! А УЗИ на что? Ты прямо, как в каменном веке живешь. И молодцы-то не мы, а сын со снохой.

- А вы что, совсем ни при чем? На крестины не забудьте пригласить.

- Не беспокойся, не забудем.

- Ну, я пошёл. Привет Николаю передавай.

- Передам. Так ты не забудь позвонить, волнуется ведь девушка, куда ты делся, месяц почти не видела. И на совещание не опаздывай.

Я попрощался, вышел в коридор и набрал с телефона дежурного охранника коммутатор районного центра соседней области, где проживала мать Натальи и ее сестра с мужем и детьми. Отец у них умер лет пять назад и мать жила одна. С сестрой отношения в последнее время у матери не складывались, и Наталье приходилось частенько решать бытовые и прочие жизненные ситуации своей родительницы. Телефон-

ные гудки в трубке продолжались долго и нудно, пока веселый девичий голос, пробившийся сквозь помехи, не спросил, что мне нужно.

- Девушка, дайте, пожалуйста, Берёзовку.

- Соединяю.

- Берёзовка? Три двенадцать, пожалуйста! Алло, Надежда Павловна, это вы? Здравствуйте!

С матерью Натальи мы виделись пару раз, когда та приезжала навестить дочь.

- Как ваше здоровье, Надежда Павловна?

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! Ничего, уже лучше. А Наташа в гости к подруге пошла, что передать?

- Да ничего особенного. Передайте, что у меня все в порядке и что я вернулся.

- Хорошо, передам. А вы бы лучше сами позвонили по сотовому. Она уже беспокоилась, что вы так долго не звоните.

- Да я телефон в командировке потерял. Так что передайте: пусть не беспокоится. Как только приобрету аппарат, сразу позвоню.

- Передам.

- До свидания, Надежда Павловна.

Я положил трубку. Вот так всегда: хочешь что-то серьезное и важное решить, а ни хрена не получается. Куплю я сотовый, а что толку? Сотовая связь в Натальиной деревне почти не работала. Начинаешь звонить – одни стоны и хрипы! Придется разговор о любви отложить до лучших времен. Да и телефон пропал некстати, надо топать, новый покупать. Я вышел из городской администрации и направился в районную, благо нужно было всего-то площадь перейти. Поднявшись в приемную УКСа, я спросил у секретарши: на месте ли Шацман?

- Будет через полчаса, Аркадий Викторович, присядьте, пожалуйста, подождите!

- Спасибо. Я пока к Иушину поднимусь, бумаги кой-какие подписать надо.

Этажом выше я минут пятнадцать ожидал, пока освободится Геннадий Константинович.

- Проходите! – помощник главы администрации, царивший в приемной, предупредительно распахнул передо мной дверь кабинета.

- Разрешите, Геннадий Константинович?

- Проходи, Аркадий Викторович, проходи!

Сидевший за широким столом заместитель главы кивнул головой в сторону стоящего около стола кресла. С тех давних пор, когда мы с ним впервые познакомились, Геннадий, естественно, изменился до неузнаваемости. Хотя и в детстве он был плотным ребенком, но сейчас несколько даже излишне погрузнел, повзрослел, заматерел и стал вполне солидным молодым человеком. Этаким новый тип современного руководителя.

- Что-то тебя давно не видно было, – заметил мой визави. – Уезжал куда или в отпуске был?

- По командировкам замотался. Мне тут пару бумаг нужно завизировать, Геннадий Константинович. Департамент жилищного строительства требует.

- Делать им нечего, лишнюю беготню людям придумали! – Геннадий подмахнул бумаги и протянул мне. – Как у вас дела в управлении? Жилье-то в этом году сдадите?

За вопросы жилищного строительства в районе первый заместитель главы Геннадий Иушин отвечал лично, так что вопрос не прозвучал для меня неожиданно. Можно было, конечно, ответить, что все в порядке, но я не стал.

- Нет, конечно. Вы же знаете, что нас «Жилище» целый квартал не финансировало. Да и по сданным домам так и не рассчиталось. А когда денег нет и работы – нет! Я уже письма замучился писать заказчику, да что толку! Хотя это не главное. Главное то, что денег на окончание строек не хватает. Сметы тощие, а отстоять удорожание хотя бы по материалам не удастся. А ком этот снежный копится и копится, когда-нибудь придавит!

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Ты для меня прямо-таки открытие делаешь!

- Какое к черту открытие! У меня девочки в отделе еще до заключения договоров подсчитали, что по трем последним домам при таком раскладе дел и заявленной цене за квадратный метр мы будем иметь миллионов двенадцать убытков.

- Ну, ни фиги себе! И что дальше? Ты-то куда смотрел? Почему в колокола не бил?

- Да надоело бить!

- Это не ответ, Аркадий!

- Геннадий Константинович, ты же знаешь нашего вожачка. Он то пьяный, то с похмелья. Когда ему анализом экономики предприятия заниматься? Да и лишний раз рот при начальстве открывать опасается. Откроешь рот – вдруг, объемов не дадут? Хотя, кому они нужны такие объемы, которые убытки несут, я не понимаю. Сейчас только идиоты себе в убыток работают да наши отцы-командиры. Единственное, чего не забывают, так это себя.

- Послушай, Аркадий Викторович, что ты мне тут в жилетку плачешься? Как будто мальчик-первоклассник. Тот – пьяница, этот – бездельник! Когда вы, наконец, своих менеджеров поганой метлой попрете? Или тямю не хватает?

- А никогда. Имуущество у них сейчас в другом предприятии, а в этом только лицензия да люди. Фантом, так сказать. Призрак. Даже очередное банкротство ничего не изменит: состроят новое предприятие, людей переведут и дальше будут работать. Я, конечно, думаю, что этот бардак вечно продолжаться не может, но живем-то мы в реальности. Вот так-то!

- Да... Придется нам самим кончать это безобразие! С меня шкуру за не сдачу жилья в области спустят, а я уж постараюсь с вас спустить.

- А мы-то здесь причем? Мы – люди маленькие. Народ вот только жалко. Сколько лет предприятие гремело в передовиках, и на тебе, на глазах рассыпается! Город-то да и район практически оно и построило.

- А что народ? Народ никуда не денется, объемы-то строительства не падают. Перейдут на другие стройки, в другие предприятия.

- Да это понятно. Но сам понимаешь: коллектив – есть коллектив! Особенно если с людьми лет пятнадцать-двадцать вместе отработал. Разрушить его можно быстро, а вот создать!

- Может быть, ты и прав. Однако, лирика все это! Жизнь заставит, сами уйдут! Да и людям, я думаю, при таком раскладе дел, с куска на кусок перебиваться порядком надоело. Тем более налоги ваша фирма не платит, значит, в конце концов, и пенсии нормальной люди не получают. Как ты им всем все это потом объяснишь?

- Это правильно, конечно, работу они найдут, но все равно обидно. Раньше люди за свой труд ордена получали, а сейчас, блин, зарплату вовремя добиться не могут.

- Жалко, жалко! Такое управление просрали, гаденыши, – махнул рукой, не скрывая досады, Геннадий. - Ладно, Аркадий, иди, а то у меня сейчас совещание очередное, черт бы его побрал, начнется. Ты только о нашем разговоре пока помолчи. Это я – что касается вашего начальства. Понял? Договорились?

- Да, понятно все! До свидания!

- До свидания! Скажи помощнику, пусть люди заходят, если собрались. Кстати, ты не хочешь в предвыборном штабе у Семена Николаевича поработать? А то нам толковых людей не хватает.

- Ну уж нет, уволь! Спасибо, конечно, за приглашение, только я предпочитаю подальше от всех этих политик держаться. Спишь спокойнее, и перед людьми краснеть не приходится.

- Как знаешь. Если надумаешь все-таки, позвони!

Что-то все сегодня меня позвонить просят. К чему бы это?

У Шацмана, пока я был наверху, тоже началась планерка, так что снова пришлось ждать почти полчаса, сидя на стуле

в приемной. От нечего делать я пролистал какой-то журнал, лежавший на столе, рассказал девчужке-секретарше пару не слишком соленых анекдотов о Василии Ивановиче, царство ему небесное, и выпил чашечку вполне приличного кофе. Наконец двери кабинета распахнулись и в приемную вывалились работники УКСа. Я тут же поднялся и вошел в кабинет, не дожидаясь, что кто-нибудь влезет без очереди.

- Привет, Эдуард Яковлевич! Ты хотел меня видеть?

- Присаживайся, Аркадий Викторович. Я вот что тебя искал: отставание от графика на детском садике громадное, ты мне пояснить не можешь, почему? А то я у вашего руководства ничего толком добиться не смог. Вы работать что ли совсем не хотите? Мои сотрудники там вчера были, насчитали на объекте человек пять работяг. А когда мастера спросили, почему людей нет, тот тоже ничего вразумительного ответить не сумел.

- А кто тебе бесплатно работать будет? Да и где людей брать на такую зарплату? Кто в наш гадюшник работать пойдет? Тот, кто никакому приличному предприятию не нужен. Земля-то она слухами полнится, вот никто из спецов и не торопится в управление. И вообще-то это не ко мне вопрос.

- А к кому?

- К начальству нашему, к Костику. Можешь еще у Остроглаза поинтересоваться.

- Так я ваше начальство второй день вычислить не могу. Где ваш Константин Сергеевич пропадает?

- Спросил бы чего-нибудь полегче. Опять водку хлыщет, наверное. А может быть, учиться уехал снова. Он обычно не докладывается мне, так что – извини! Я же тебе советую: спроси у Коли.

- А главный где? – проигнорировал мои последние слова Шацман.

- Этот все по округе гоняет, не любит в конторе сидеть. Да и то: в конторе рабочие поймать могут, неприятные вопросы задать. И вообще, что-то решать надо, бумаги подписывать.

А так, и при делах, вроде бы, и делать ничего не надо. Прогулялся там-сям, и день прошел.

- Ну, вы даете!

- Это не мы даем, а они. Мне тут только что Геннадий Константинович на эту же тему лекцию читал. Только по жилью. Боюсь, что детский сад достраивать будет уже некому.

- Что, неужели все так серьезно? – помрачнел начальник УКСа.

- Да куда уж серьезней. Объемов новых никто не дает, и не даст уже, видно. Сам знаешь, как к нам теперь заказчики относятся. Так что пирамиде, как говорится, пришел конец. Слопали деньги, пора разбежаться!

- Вот это ты меня обрадовал!

- А чего тебе, собственно, волноваться-то? Субподрядчики достроят. Деньги только напрямую плати, а если нам на счет переводить будешь, то ни денег опять, ни работы не увидишь. Обналичат и растащат. Налоги-то, сам знаешь, сто лет уже не платим. Зарплату и ту по исполнительному листу, через профсоюз получаем.

- Слушай, я и не предполагал, что так все плохо у вас. А куда Остроглаз смотрит?

- Так он же – большой начальник сегодня, когда ему смотреть? Хотя на совете директоров, вроде, регулярно бывает. Правда, не знаю, что они там решают, но толку особого не видать.

- Я вижу у тебя тоже настроение не ахти!

- А как бы ты себя чувствовал, когда управление, в котором столько лет отбатрачил, камнем ко дну идет? Сам сматывать-ся думаю, как только контракт закончится. Ладно, пойду я, дел невпроворот. Бывай! – я поднялся и направился к двери.

- Ты сам-то хоть никуда не исчезай. А то с кем вопросы решать?

- Шибко буду нужен, найдешь. Я тут, правда, сотовый в командировке посеял, но сейчас в Телеком сгоняю, новый приобрету. А в управлении телефоны пока работают, не отключили. За неуплату.

- Номер сотового мне или секретарше сообщи.

- Номер старый восстановят.

Я вышел из кабинета Шацмана и на лестничной клетке нос к носу столкнулся с Иванычем. Тот галопом спускался по лестнице с таким видом, будто за ним гналась свора бездомных собак.

- Здорово, Иваныч, ты откуда такой запаренный летишь?

- Привет, Аркадий! – пожал мне протянутую ладонь начальник рудника. – Дай отдышусь.

- Дыши. Что-то мне вид твой не особенно нравится. Ты не заболел часом? Дома-то все в порядке?

- Дома-то, слава Богу, все нормально.

- А что тогда стряслось?

- Пошли на улицу выйдем, покурим – тут ушей слишком много.

- Холодно там, пошли в курилку.

- Так там народ обычно толчётся, не поговоришь.

- Ничего, там рядом в подвале закуток есть, вот там и поговорим.

- Пошли.

- Так что же все-таки случилось? – спросил я Александра Ивановича, когда мы задымили сигаретами в дальнем конце подвала за курительной комнатой.

- Слышал новость?

- Нет. А что?

- Нас тоже акционировать надумали. Были мы государственным унитарным предприятием, а теперь акционерным обществом станем. Правда, с долей государства в пятьдесят один процент.

- Ну и что? Сейчас всех акционируют. Мода такая пошла, и деньги правительству откуда-то брать нужно.

- А то! Был только что у Сени. Вот там и начали они вместе с юристом растолковывать, что мне в этом случае надлежит делать. Понял?

- Почуяло поживу воронье?

- Предложили почти что руку и сердце! Золотые горы наобещали. Но ты же сам понимаешь: этим только пальчик в рот положи – руку до плеча отгрызут!

- Ну, допустим, тебе-то не отгрызут, подавятся.

- Боюсь, что крепко вцепились в контору, шмат больно аппетитный, не выпустят!

- Тогда пой в хоре.

- Сам пой, кобель Вася!

- А тогда и не жалуйся!

- Я к тебе как к другу, а ты!

- Не обижайся! Это я так – от расстройства чувств. Самого только что расстроили.

- Кто это так тебя?

- Да Иушин с Шацманом.

- Ладно, замнем для ясности, разберусь самостоятельно, - Иवानыч заглушил сигарету каблуком. - Только ничего им не отломится, болезным! Мне только еще и не хватало, чтобы с Сеней рядом засветиться! Не хуже меня понимаешь: соловей в неволе не поет. А тем более в такой компании.

- Что ты разволновался-то так, выборы через месяц. Думаю, Сеньке все равно не удержаться, протух наш кречет. Народ – не дурак! Борю ему и квартиры вряд ли простят. И тут никакие подачки пенсионерам не помогут, и никакие пламенные речи.

- А ты думаешь – другие лучше будут?

- Насчет других – не знаю. А Сеню я на твоём месте послал бы куда подальше! Самое время! Не бойсь, хуже не будет!

- Хотелось бы надеяться, но вряд ли. Скупают у моих работяг акции и начнут контору дербанить! Помнишь, как Паша леспромхоз опустил? То-то! А что касается выборов, так до них еще и дожить нужно!

- Брось! Ты что, этих архаровцев напугался? Доживем. Сам знаешь: чтобы быть Богом, им надо быть! И нечего хныкать, старина! Разнюнился тут не по делу! Ты что, действительно думал, что такой жирный кусок, как твой рудник,

кто-то в покое оставит? Или плохо наших козлов изучил?

- Пошел бы ты! Я к тебе – как к умному человеку за советом, а ты выкобениваешься!

- А ты - как девочка? Это к бабе своей в подол плакаться лезь, а у нас не подают! А что касается совета – изволь! Соответствующую работу с коллективом проведи, акции консолидируй в один пакет. Ну, ты сам все лучше меня знаешь.

- Знаю, конечно, не пальцем деланный! Просто поделиться с лучшим другом захотелось.

- Извини за резкость, самого расстроили.

- Вижу. Ладно, хорош собачиться! Проехали. Нам, горячим финским парням, еще подраться не хватало для полного счастья! Ты здорово сейчас занят?

- Да нет. С кем планировал – встретился, а остальное – и подождать может.

- Ну, тогда пошли куда-нибудь, а то у меня от этих всех грешных дел голова раскалывается! Да и душа горит.

- Так в четыре часа у главы города совещание, тебя что, не предупреждали?

- Перебьются и без нас. Ты что, по этому полудурку Сережке, что за Борю сидит, соскучился? Или тебе бывший водитель Сенин что-то интересное сообщить может? Брякни секретарю про совещание, пусть главного отправит. Там же начальство собирают, а не начальников отделов.

Я подумал, что мой приятель совершенно прав. Мы с Иванычем поднялись в гардероб, набросили плащи и бодро подались в сторону, подальше ото всех этих грешных дел.

Надо сказать, что попытки рейдерских захватов рудника Стешнева предпринимались неоднократно, особенно в конце лихих девяностых. Кто тогда за ними стоял, наша правоохранительная система так и не выяснила, скорее всего, просто и не пыталась. Тут себе дороже: копнешь поглубже – вылетишь из кресла. А то и головы лишишься. Поэтому и прокуратура, и милиция расследовать такие дела не торопились: заявления

потерпевших куда-то терялись, свидетели начинали путаться в показаниях, а то и вовсе отказывались их давать. И телега Фемиды, скрипя, могла, то и дело останавливаясь, тащиться годами, не доехав до каких-то определенных результатов. Иваныч неоднократно поднимал вопрос о творившемся беспределе в администрации района. Там тоже вроде бы все понимали и даже давали поручения соответствующим органам, но как-то вяло и невнятно. Шешнев подозревал, что и тут без Пашки не обошлось, но молчал, прямых-то доказательств у него не было.

Не надеясь на ментов, Александр Иванович первым из всех руководителей города организовал на руднике охрану из своих же бывших пенсионеров, разбавив их молодыми, крепкими парнями, вернувшимися из армии. Коллективу он объяснил так: если хотите нормально работать, а не вылететь однажды на улицу, лучше кормить два десятка специально обученных и вооруженных людей. Народ Иваныча понял, и после пары неудачных попыток захвата предприятия, успешно отбитых организованной охраной, нападения прекратились.

Мы с приятелем решили продолжить начатый в администрации разговор на природе. Прикупили спиртного и на машине Шешнева укатили подальше от города, в давно облюбованную нами скалистую бухту ловить крабов. Было как раз время отлива, и черные, лоснящиеся горбы обнажившихся базальтовых рифов торчали из воды, как спины китов. Береговая полоса, покрытая около уреза воды водорослями и всевозможным мусором, резко пахла йодом и гниющими остатками всяческой морской живности. Крабы к этому времени года уже отлиняли и вновь подошли с глубин к берегу. Пока шофер Иваныча Володя занимался сбором сухого плавника для костра, мы с приятелем надели болотники и, соорудив из длинных шестов и кусков предусмотрительно захваченной проволоки миллиметров пяти в диаметре, нечто вроде вилок с загнутыми концами, пошли по мелководью. Через пять ми-

нут Иваныч первым радостно издал победный клич. Он ловко выхватил из воды самодельными крючками приличного коротконогого, зеленовато-сизого, королевского краба.

- На, держи красавца! – он сунул краба в мешок, привязанный у меня к поясу.

Я тронулся дальше и через пару минут, стоя на очередном валуне, разглядел в прозрачной воде под соседним камнем свою добычу, которую тут же выковырял на свежий воздух и отправил следом за трофеем Иваныча в мешок. Через полчаса мешок был почти полон, и мы возвратились на берег, где уже весело горел, постреливая искрами в вечернее небо, разведенный Володей костерок.

- Володя, черпани-ка в ведро воды, - попросил шофера Иваныч.

Надо сказать, что варить крабов лучше всего в морской воде. Можно, конечно, и в пресной, с укропом, как раков, но это будет не то! Мы тут же, не мешкая, пообломали у колючих ракообразных ноги и клешни, сложили их в принесенное Володей ведро с морской водой и повесили его над костром.

- Пошли, покурим что ли! – пригласил меня Александр Иванович в сторону торчащих из песка чуть в стороне и выше по берегу сухих камней. – Володя, ты последи за крабами-то.

- Не беспокойтесь, Александр Иванович, все будет в лучшем виде, - ответил шофер, подкладывая плавник в огонь.

Мы устроились на еще теплых от дневного солнца камнях и закурили.

- Так что ты Сене конкретно ответил? – спросил я друга, продолжая прерванный в администрации разговор.

- Крутился, как ужака, но ничего конкретного не сказал. Сам понимаешь, лишнего болтать не хотелось. А то им только пальчик в рот положи! Все больше кивал, как китайский болванчик.

- Я так понимаю, что выкупить те акции, которые выставят на продажу, денег у Сени, естественно, нет. А вытащить их, я имею в виду деньги, сейчас, перед выборами, из районного

бюджета – смерти подобно! Вся эта идея, ради которой они с тобой разговор затеяли, скорее всего, принадлежит Феофанову. У кого гроши имеются, тот и музыку заказывает.

- Ну, понятно, чьи это уши из кустов торчат!

- Тогда они тебя в покое не оставят, - категорично подвел я итог всему сказанному.

- И черт с ними! – беспечно ответил Иваныч. – Я тут собрание с аппаратом накануне провел, растолковал, что к чему. Пятьдесят один процент акций так и так у родного государства остается. А из оставшейся части, пользуясь первоочередным правом трудового коллектива, мы можем сразу двадцать пять выкупить. Думаю, всем миром потянем. Да и деваться некуда. А двадцать четыре пусть кто угодно берет, все равно решающий голос останется за нами.

- А что сорок девять процентов разделили на два лота?

- Да, наверху так решили. По моей просьбе, кстати. Пошли навстречу, так сказать.

- Я надеюсь, ты это Сене не сказал?

- Почему не сказал, сказал!

- Ну и осёл! Он же все это тут же Паше доложит.

- Ну и что? Все равно, рано или поздно, узнают. Шила в мешке не утаишь! Через неделю проведем общее собрание, примем решение, и пусть Паша со всеми своими амбициями катится к чертовой матери!

- Смелый ты, Иваныч, не по делу, неделю-то эту, сам же говорил, еще как-то прожить надо. Думаешь, они тебя в покое оставят? Не надейся! Ты что, Пашку не знаешь? Сволочь-то он отменная! Особенно, когда большими деньгами пахнет.

- Знаю. Доживем, как-нибудь, не гони пену! И страшнее времена бывали, а ничего, пережили! Пошли-ка лучше выпьем по рюмочке. Крабы уже готовы, Володя зовет!

Мы пошли к костру, рядом с которым шофер успел постелить брезентовый пол. Середину полога украшал кусок полиэтилена, а на нём парили вываленные из ведра конечно-сти выловленных крабов и поблескивали бутылки с водкой и минералкой.

- Разливай, Володя! – бодро скомандовал Иваныч, берясь за нож. – Будем крабов кушать.

Он ножом с треском вскрыл панцирь на клешне.

- На, держи!

Я вдохнул ароматный пар, сглотнул слюну и, вытащив пальцами кусок нежного, розового мяса, засунул его в рот.

- Ну, и как? – спросил Иваныч.

Я только промычал в ответ что-то не членораздельное, показывая другу большой палец и прищуривая от удовольствия глаза.

- То-то же! – Иваныч взялся за другую клешню, предлагая водителю заняться тем же...

Утром я проснулся не в самом лучшем настроении. За окном опять моросило. Зима, собака, где-то задержалась, и этот запоздалый, противный дождь только усиливал тоску. Напяливая непросохшие за ночь ботинки, я матерился про себя: был бы трезвый, сушить бы поставил! Но делать было нечего, да и время подпирало – на работу пора! В контору я зашел в полной решимости кого-нибудь оттянуть под горячую руку, но как назло никто навстречу не попался.

- Чаю! – прохрипел я Галине, входя в кабинет.

- Опять усугубляли, Аркадий Викторович? – сочувственно спросила подчиненная.

- Нет, нектаром питался, Галина Федоровна!

- Оно и видно, что нектаром! Пахнет, правда, навозом. Вы бы резинку, что ли пожевали?

- Ты что, Галина, скрипишь, как рассохшаяся телега! Старая что ли стала? Чаю лучше давай!

- Уже поставила.

- Куда поставила?

- Куда, куда? Кипятиться, конечно.

Я пробурчал вполголоса что-то непечатное. С Галиной Федоровной мне пришлось работать вместе много лет, и я всегда поражался ее сдержанности и терпению. Вторая под-

чиненная, Валентина Алексеевна, была много старше и вечно бурчала что-то по любому поводу, конкретно ни к кому не адресуясь. А выказывать свое недовольство положением дел в конторе и всей окружающей нас жизнью она могла часами. Я, пользуясь положением начальника отдела, посылал ее куда подальше. А вот Галина стоически сносила все это старческое нытье. Хотя иногда и она не выдерживала. Но сегодня Валентины Алексеевны на месте не было по причине отгула.

- И как только вас Наталья Алексеевна терпит? – укоризненно покачала головой Галина.

- Слышь, Галь, давай чаю, а то хуже будет! Помру ведь! – я жалобно посмотрел на женщину.

- Не помрете. Сейчас уже вскипит. Вы на Костика хотите походить? Это только он с утра едва на ногах держится.

- Ну, я-то на ногах пока еще стою.

- Стоите. Пока.

- Вот и не терроризируй нравоучениями! Что ты, как Валентина, скрипишь? И чего это в конторе так тихо, вымерли все, что ли?

- Не знаю. Главнюк что-то с самого утра в коридоре орал, а потом тихо стало.

- А Костик сейчас где?

- Бог его знает! С утра появился, вроде, а позже тоже исчез. Опохмелился скорее всего.

Выпив чаю, я почувствовал себя значительно лучше и даже занялся делами, хотя какие дела у банкротов. Часов около десяти все срочное было закончено, и я решил потихоньку свалить: сидеть в кабинете и бездельничать не было никаких сил. Я обычно в такие моменты пытался сочинять стихи, но сегодня стихи в голову не шли вовсе:

Голова, как серая зола,
падала не раз на плат зари...

Две строчки написал и – кранты! Голова, правда, почти прояснилась, тошнота прошла и захотелось на свежий воз-

дух, тем более что небо прояснилось, и наконец-то выглянуло солнце.

Долгий телефонный звонок окончательно вернул меня в действительность.

- Добрый день, Аркадий Викторович! – услышал я в трубке голос Остроглаза.

- И тебе не болеть, Николай Петрович! – удивился я неожиданному звонку своего бывшего начальника.

- Как дела, как здоровье? – продолжил Остроглаз, окончательно заставив поднапрячься под черепной коробкой мои до этого полусонные мозги: чего это он вдруг о моем здоровье забеспокоился?

- Да все, вроде, нормально, Николай Петрович!

- Вот и хорошо! – бодрым голосом констатировал мой собеседник. – Я вот что тебе звоню...

Следующие десять минут Остроглаз втолковывал мне, что акции рудника Стешнева нельзя распылять, что в одних руках эффективность управления производством будет наивысшей:

- Да ты это и сам понимаешь не хуже меня.

- А я-то тут при чем? – в голосе моем прозвучало такое неподдельное удивление, что Николай на мгновение смолк.

- Ну как это при чем? Вы же со Стешневым друзья закадычные.

- И что?

- Как что? Он разве тебе не рассказывал, что рудник акционируют.

- Рассказывал что-то, - голова моя вновь начала бунтовать, кровь больно стучала в левый висок.

- Так вот, министерство почему-то разделило акции на два лота.

- А я-то тут при чем? – повторил я, как попугай. - Им наверху виднее! – мне порядком надоело поддерживать не совсем понятный и неприятный разговор.

- Да погоди ты! Раскопаев предложил твоему приятелю объединиться, а тот почему-то отказывается.

- А, вон оно, что! – протянул я. Наконец-то до меня дошло, о чем толкует Остроглаз и чего от меня хочет. – Так что ты мне-то звонишь? Звони Иванычу!

- А я думал, что вы друзья близкие, - вкрадчиво продолжил Петрович.

- Ну и что, что друзья? Насколько я знаю, эти акции коллектив приобретает, а не Иваныч.

- Это ты кому рассказываешь, мне что ли? Шешнев все-таки директор, а не пешка какая-то!

- Директор. Но я что-то не пойму все-таки тебя. Ты мне-то чего звонишь?

- А ты поговори с ним, растолкуй, что к чему! Он ведь не маленький – понять должен!

Сквозь затуманенное вчерашним алкоголем сознание я окончательно воспринял, что почём и что к чему. Мы ведь только вчера с моим приятелем беседовали на эту животрепещущую тему. Ишь, и этот подключился!

- Что, Петрович, - высказал я Остроглазу прямо в лоб, - Сене кусок пожирнее отхватить захотелось? Хотя, - я сделал паузу, - что я тут про Сеню-то вспомнил, мелковат он для таких кусков. Паше откусить пирога захотелось! Деньгами, господа, запахло? Хотя у вас и сортиры надворные деньгами пахнут!

- Ну вот, ты и сам все понял, - неожиданно спокойно ответил Николай Петрович на мое неприкрытое хамство.

- Я-то понял, но разговаривать с Иванычем на эту тему не стану, - решительно заявил я.

- Почему?

- Да потому, что друг. И только вчера его мнение на этот счет выслушал.

- А ты ему все-таки расскажи про этот наш с тобой разговор. Лады? А то сам понимаешь, как бы чего не случилось.

Вот после этих слов я начал злиться:

- Слышь, Петрович, если с Иванычем что-то случится, я тебе лично кое-что оторву. Понял? Что не понял? Да петь будешь, прямо как Паваротти!

- Ты чего, Аркадий, разбушевался? Я-то тут пятое колесо в телеге.

- Вот и хреново, что пятое! Я бы на твоём месте вовсе в такие дела не совался. А Иваныча я предупрежу обязательно, не сомневайся! Бывай!

Я бросил трубку и задумался: то ли сейчас позвонить Стешневу, то ли попозже? Решив, что не горит, я оделся и спустился на первый этаж. В голове моей до сих пор звучали слова Остроглаза. Ишь ты, засранцы, засуетились!

Выйдя на крыльцо, я чуть не столкнулся со ступеней раскрасневшуюся Леночку Толмачеву, мою сослуживицу по УКСу, которую я не видел давным-давно. Работала она теперь преподавателем в открывшемся филиале столичного университета, и пути наши, в силу многих причин, никак не пересекались. В первые секунды я ее даже не узнал. Леночка за это время повзрослела и, надо сказать, похорошела. Движения стали уверенней, а глаза смотрели на этот мир открыто, без боязни, как и у всякого пожившего и кое-что повидавшего на этой грешной земле человека. В конце девяностых, после того как наш УКС лопнул и все мы разбежались в разные стороны, она вышла замуж, но неудачно. И, как я слышал, жила теперь одна в оставленной ей мужем однокомнатной квартире на улице Островского. Судачили, что был у нее приятель, но своих связей с ним Лена не афишировала, и кто он и что он, толком никто не знал. Разве что, моя коллега Галина, которая до сих пор поддерживала с ней приятельские отношения. Но делиться своими знаниями с каждым встречным-поперечным в силу своего характера и воспитания, Галина не спешила. Даже со мной. А мне это было уже неинтересно, как, впрочем, и вообще личная жизнь и отношения посторонних людей. Не любопытен я от природы.

- Ой, вы меня чуть не убили, Аркадий Викторович! Здравствуйте! – улыбнулась, поправляя берет, Леночка. - Куда это вы так летите?

- Здравствуй, Лена! – я, наконец, окончательно рассмотрел,

кто передо мной стоит, и обрел дар речи. – Извини, – я сделал паузу, с интересом оглядывая женщину. – А ты что в наших краях забыла?

- Да вот, маме пенсию оформляю. Да с Галей поболтать хотела, давно не виделись.

Я вспомнил, что у нас в конторе на втором этаже расположился негосударственный пенсионный фонд, арендующий пару кабинетов. Надо сказать, что Костик не дремал и потихоньку сдал сторонним организациям большую часть помещений. Официально – за копейки. Ну а сколько приносили в конвертах, один Бог ведает. Пилораму, например, вместе с парой гектаров земли оформили в аренду за пяток тысяч, хотя фактическая рыночная стоимость была в разы выше. Я думаю, раз в десять – двадцать. Впрочем, меня все это теперь волновало мало, а в настоящий момент и вовсе не колыхало.

- Сколько же лет мы с тобой не виделись, Елена Васильевна? – спросил я Леночку.

- Много, Аркадий Викторович! – коротко улыбнулась она одними уголками губ. - Вид у вас что-то грустный, Аркадий Викторович! Не болеете часом?

- Еще как! После вчерашнего, - беспечно ухмыльнулся я в ответ.

Леночка посмотрела на меня с такой неприкрытой жалостью, что мне стало как-то неловко за мою неуместную в таком состоянии веселость.

- А как Наталья Алексеевна поживает?

- Если бы я знал?

В горле у меня пересохло окончательно, до смерти захотелось минералки.

- Как так?

- Она к матери уехала на неделю. А до этого жива-здорова была, даже, вроде, не кашляла.

Я смотрел на Леночку и вспоминал тот далекий день после похорон Виктора. Красивая стала, черт возьми, чего там говорить. Красивая той самой красотой зрелой женщины, ко-

торая убивает мужиков наповал. А она смотрела на меня спокойным, все понимающим взглядом, изредка едва улыбаясь.

- Ладно, пойду я! – я кивнул головой в сторону магазина через дорогу. – Пить хочется, умираю!

- Ну, опять, как всегда, и не поговорили толком, - погрустнела Леночка. - Куда вы так торопитесь, Аркадий Викторович? Подождите, я сейчас на минутку забегу в пенсионный и освобожусь. Поговорим. Хорошо? – она вопросительно посмотрела мне в глаза.

Я кивнул в знак согласия, плохо соображая, что меня только что ангажировали на свидание. Елена вошла в контору, а я перешел улицу и нырнул в магазин. Купив бутылку воды, я с жадностью ее ополовинил и только после этого обрел какую-никакую способность мыслить. Прикинув в уме, что к чему, я, не отходя от кассы, купил бутылку коньяку и пару шоколадок, попросил все это спрятать в пакет и вышел на улицу. Не успел я докурить сигарету, как из дверей управления выпорхнула Елена. Не увидев меня на крыльце, она обеспокоено закрутила головой. Я окликнул ее с другой стороны дороги, и девушка, заметив меня, засияла, призывно махнув рукой:

- Идите сюда, Аркадий Викторович!

Я перешел через дорогу и подошел к Елене.

- Все, я освободилась. Куда пойдём? Может, посидим где, поговорим?

- А куда сейчас пойдешь? Кабаки еще закрыты, а на лавочке сидеть –

холодно. Да и не по возрасту. Пошли в машину, что ли, там хоть печку включить можно.

В машине у меня тоже было холодно, с утра стояла без движения, и несколько минут мы сидели молча, дожидаясь тепла и не зная, с чего начать разговор.

- Как там ваш университет поживает? - наконец я нарушил затянувшееся молчание. – Как директриса ваша, жива?

- Живее всех живых! Что с ней сделается?

- Ох и гримза она у вас! Прямо как наша Валентина Алексеевна. Помню, летом, года четыре назад ремонт вашего здания делали, так она всю печень мне своими придирками проела! То не так, да это не эдак! Все такая же?

- Такая же! – Лена посмотрела на меня, и я понял, что несусветную чушь, а вовсе не то, что хотела услышать от меня женщина. – Ну, а вы-то как поживаете, Аркадий Викторович?

- Вымираем, как мамонты, потихоньку!

Я вкратце рассказал Леночке о делах наших грешных, и даже о том, что собрался свалить из родного предприятия. Она внимательно слушала, глядя мне в глаза и понимающе кивая головой.

- И куда же вы собрались уходить, Аркадий Викторович? – спросила она, когда мое красноречие иссякло.

- Не знаю. Поищем что-нибудь. Была бы шея, как говорится...

- В этом деле торопиться не надо, - тоном учительницы произнесла моя старинная приятельница и снова замолчала.

- Может, ко мне поедем? – осторожно спросил я, проклиная себя за эти слова и опасаясь услышать в ответ возмущенный отказ. - Чего в машине-то париться? Коньячку выпьем по рюмочке, кофе сварим, посидим? Дома все-таки комфортнее.

Елена повернулась и с интересом посмотрела на меня, ничего не отвечая. Я внутренне сжался, но тут же заметил мимолетную тень улыбки на ее лице. Она пожала плечами, всем своим видом показывая, что не знает, что и ответить, а я, долго не раздумывая, включил скорость и тронул машину с места.

- Ну, так как? – повернулся я к Леночке.

- А может, лучше ко мне? – предложила она. – У меня обед сварен, а вам в вашем состоянии подкрепиться не мешает, Аркадий Викторович.

- Ну, давай к тебе! Только я не помню, в каком доме ты живешь. Не напомним?

- Поехали, я покажу.

Через пять минут я высадил Елену у подъезда серой пятиэтажки, а сам отъехал припарковать машину. Еще через десять минут я нажимал на кнопку звонка квартиры номер восемь на втором этаже заплыванной лестничной клетки, стены которой были разрисованы детьми, как когда-то в общественных туалетах. Сейчас во всех подъездах ставят домофоны или еще какие-нибудь хитроумные запоры, чтобы посторонние не гадили, а здесь квартиранты пока не прониклись чувством коллективной обороны, и подъезд во всю использовала вечерами местная молодежь. Я еще раз нажал на кнопку звонка, но дверь осталась закрытой. Стало, как-то нехорошо, в сознание непроизвольно начала закрадываться подленькая мыслишка, что меня надули. Так тебе и надо, старый болван! Ишь, губы раскатал, сладкого захотелось! Но в этот момент дверь открылась, и возникшая в полумраке проема Елена потянула меня за рукав за собой.

- Проходи, - она перешла на «ты». - Извини, я в ванной была, руки мыла, не сразу звонок услышала. Да заходи, не стесняйся! - Леночка уже успела переодеться в яркий, пестрый халатик, едва закрывающий короткими полами круглые, белые колени. - Снимай куртку, давай, я повешу. Проходи. Или боишься?

- Вот ещё.

Я разулся, достал из пакета коньяк с плитками шоколада и прошел в комнату, а Елена упорхнула на кухню, загремев там посудой.

- Ты располагайся, я сейчас! - донеслось из кухни. - Если хочешь, включи телевизор?

Я подошел к балконной двери, выглянул через стекло наружу и увидел кусок пустынной улицы с голыми, корявыми тополями. Солнце вновь исчезло за набежавшими облаками, которые, как и все предыдущие дни, готовы были излиться надоевшей до чертиков влагой. От нечего делать я включил «Панасоник», полистал, лежащий на журнальном столике

какой-то женский журнал, и, поднявшись с дивана, отправился на кухню.

- Ты что? – вопросительно посмотрела на меня, занятая обедом Елена.

- Скучно стало. Давай помогу чем-нибудь!

- Я уже закончила. На, неси, - Лена протянула мне тарелки с нарезанными овощами и хлебом.

Я отнес еду в комнату, оставил все на том же журнальном столике и вновь вернулся на кухню. Лена все еще хлопотала у плиты, на которой что-то кипело в кастрюльке.

- Погоди две минуты. Сейчас сардельки доварятся и пойдём. Борщ будешь?

Но я не стал ждать, а подошел к женщине сзади и обнял ее за плечи. Она на секунду застыла, напряглась, а потом резко повернулась и ее губы оказались напротив моих.

- Что ты? – спросила она почему-то испуганным шепотом, глядя на меня широко открытыми глазами.

Я не стал отвечать, а просто поцеловал ее, чувствуя ответное движение ее губ и как она тяжелеет в моих руках.

- Ну, погоди ты! Дай хоть плиту выключу! – хрипло произнесла она вполголоса, тяжело дыша мне в шею.

Но я уже повернул ручку конфорки и подхватив обмякшее тело на руки, понес Елену в комнату, забывая обо всем на свете...

Через час мы лежали на раскинутом диване под тонкой батистовой простыней и пили коньяк, закусывая шоколадом.

- Давай-ка я сардельки все-таки принесу, а то со вчерашнего быстро опьянеешь!

- А я и так пьяный, - ответил я, повернулся к женщине и крепко прижал ее к себе, пытаясь поцеловать.

- Ох, и охальник же ты, Аркадий! – легонько шлепнула меня по губам Лена и легко выскользнула из-под простыни.

Я все-таки успел хлопнуть ее вслед ладонью по круглой попке.

- Ну-ка, быстро погладь, а то детей не будет!- вернулась она к дивану и мы опять на полчаса провалились в небытие.

- Аркаша, а ты Наталью любишь? – неожиданно спросила Лена, когда мы, отдыхая, лежали рядом, откинувшись на подушки.

- Ну ты даешь, мать! Лежишь с живым мужиком в постели и задаешь такие вопросы!

- А все-таки?

Я помолчал секунду, обдумывая, что же ответить, чтобы не обидеть ее. Ничего не надумав, вновь поцеловал девушку.

- Ну, не хочешь говорить, не говори! Пусти меня, я все-таки поесть соберу, а то у тебя силы кончатся! – она улыбнулась, чмокнула меня в щеку и, набросив на плечи халатик, ушла на кухню.

А я остался лежать и думать, как же так: люблю, вроде, одну, а кувыркаюсь с другой? Правда, угрызения совести в этот момент меня, если честно, не особенно тревожили. Видно, порода така – кобелиная. Я встал с дивана, набросил рубашку и включил телевизор, должны были передавать местные новости. Ленка принесла, наконец, подогретые сардельки, открытую банку шпрот и мы сели, пододвинув журнальный столик к дивану, перекусить.

- Ты все-таки борщ будешь или нет? – вновь спросила она меня. – Свежий, утром варила.

- Спасибо, не хочется!

- Ну и зря! Вон как похудел, ребра торчат! – погладила она меня по плечу.

- Ничего. Были бы кости, а мясо нарастет! Ну что, давай по маленькой? – я плеснул коньяк в хрустальные рюмки. – Сделай, пожалуйста, звук погромче.

«По заведенному уголовному делу предъявлено обвинение главе администрации города», - услышал я последние слова диктора.

- Это он о чем? – спросила Елена, снова присев рядом со мной за столик.

- А ты не слышала? На Борю дело завели.

- На какого Борю? На нашего, что ли? Да ты что! А я ничего и не знаю. А что за дело-то?

- Квартиры незаконно распределяли. Знаешь же, наверно, что по некоторым жилищным программам можно квартиру за десять процентов стоимости получить или даже бесплатно. Не знаешь? Есть такие. Надо только подходить под эту самую программу. Вот и получили у Бори все, кому не лень: и родня, и любовницы, и нужные люди.

- Молодцы! – рассмеялась Елена. - И много распределили?

- Да пару десятков.

- Ох ты!

- Деньжат хапнули прилично. А самое главное – без Сени тут не обошлось! Боря бы и шага без его команды не сделал. А вот отвечать одному пока приходится. Кто крючок под бумагой поставил – тот и в ответе!

- Да... Тут уж точно Семену Николаевичу не позавидуешь! Реклама неважная перед выборами. Да и Бориса Петровича жалко, мужик-то он по сути безобидный.

- Все они безобидные, когда зубами к стенке спят! Что это мы все о делах, да о делах! Пошла она к черту, эта самая политика! Поцелуй-ка меня лучше! – я вновь облапил пытающуюся сопротивляться женщину.

- Ну что ты, Аркаша, как медведь! – она попыталась меня оттолкнуть, но я не ослабил объятий. - Ладно, иди ко мне! – сдалась Елена, понизив голос.

И мы снова забыли о времени и всяких заботах, нужных и ненужных, пустых и наполненных глубоким смыслом. А время продолжило беззвучно и стремительно лететь над нами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром, появившись на работе, я услышал потрясшую меня до глубины души новость: ранен Стешнев Александр Иванович, директор злополучного рудника, который государство решило вдруг акционировать. Тот самый Иваныч, с которым мы накануне своеобразно отметили это событие. Незвестный, как сообщила мне с испуганными глазами Галина, стрелял в него, когда он подъехал к дому после работы и выходил из машины. Первое, что мне пришло на ум, вчерашний наш разговор с Остроглазом. А я, скотина, так Иванычу и не удосужился сообщить об этом. Хотя, он, скорее всего, просто посмеялся бы надо мной. А оно, вишь ты, как вышло!

Я незамедлительно позвонил жене Александра Ивановича:

- Алло! Вера Петровна? Здравствуйте! Это Аркадий. Что случилось с Александром Ивановичем?

- Ой, Аркадий Викторович, я ничего не понимаю! – заплакала в трубку женщина.

Мне с трудом удалось, добился от нее, в каком отделении лежит ее муж, и какое у него состояние. Объяснив Галине, чтобы меня не искали, я немедленно выехал в центральную больницу, куда доставили Иваныча. Добраться до дверей хирургического отделения не составило для меня большого труда: сам не раз лежал в нашей городской больнице. Однажды даже выперли оттуда с треском: подвел один приятель, которому налили рюмку после отбоя. А рюмка оказалась лишней. Как в том анекдоте: мы меру знаем, только, кто ж ее, эту меру, выпить может?

По дороге в хирургическое отделение я выпросил на время у знакомой мне главной сестры халат и смело прошел за стеклянную дверь, где тут же наткнулся на дежурившую за столиком у телефона сестру:

- А вы куда, молодой человек?

- Здравствуйте! Мне, котик, нужно Стешнева Александра Ивановича повидать.

- Да вы что! Немедленно покиньте отделение, обход идет!
- Не кричи, милочка! – я постарался, как можно приветливее улыбнуться девушке, хотя это плохо у меня получилось.
- А в какой он палате находится?

- Какая я вам милочка, немедленно покиньте отделение, а то я заведующего позову! – возмутилась сестричка.

Несмотря на возникшую не совсем приятную ситуацию, я все же решил добиться своего;

- Я вижу, красавица, с тобой каши не сварить. Зови заведующего.

Девчушка нырнула в ближайшую палату за заведующим, а я остался ждать. Заведующим был мой хороший знакомый Леонид Иванович, который когда-то служил медиком в той же самой воинской части, что и я. Правда, на пару лет позднее. Случилось это на заре нашей счастливой юности. Через минуту Леонид решительным шагом вышел из палаты с намерением разобраться с наглецом, но, увидев меня, просто приказал медсестре проводить меня в ординаторскую:

- Подожди, Аркадий, я сейчас, минут через десять...

Я подождал в ординаторской, пока он не освободился.

- Ты по поводу Александра Ивановича? – задал вопрос Ленья, не ожидая от меня ответа. – Сквозное ранение мягких тканей плеча, ничего серьезного. Если, конечно не считать, что наш поганый городок стал походить на Чикаго. Киллеры, понимаешь ты, завелись. Непонятно, кому это надо? Александр Иванович мужик нормальный, не гнилой.

- Я догадываюсь, кому! Кто-то шибко рот разевает на рудник. Да ты и сам понимать должен – деньги на кону немалые!

- Я не понял.

- Акционируют рудник.

- А... Вот теперь все понятно. Но, однако, какая скотина стрелять-то решила?

- Деньги заплати и – нет проблем! Мало что ли всякой мути сейчас по земле бродит. Не об исполнителе думать надо – о заказчике.

- А что, есть предположения?
- Предположения есть, конечно. Как не быть. Повидать-то его можно?

- Ты же знаешь, что посещения после четырех.

- Откуда я знаю. Я что здесь каждый день бываю? Последний раз лет десять назад посещал больничку. А повидать бы надо. При таком раскладе неизвестно, что с тобой через час случится, не то что до четырех.

- Ладно, сиди, я его сейчас сюда позову. Чайник включи, кофейку попей, а то вид у тебя какой-то всклокоченный.

- Зато ты, как слон, спокоен.

- Пора бы уже научиться в руках себя держать. Не мальчик. Ладно, пошел я, а то еще поругаемся.

Минуты через три дверь в ординаторскую распахнулась вновь, и я увидел бледного, но вполне дееспособного и бодрого Ивановича. На нём был больничный, серый, застиранный халат и тапочки на босу ногу.

- Привет! – поднялся я навстречу. – Ну как ты? – я снова попытался изобразить на лице улыбку, но вышло неважно.

- Здорово, Аркадий! Да ничего, терпимо. Видишь, как получилось-то. Ты прямо в корень глядел там, на берегу, насчет того, что эту неделю еще прожить нужно.

- Вижу, что в корень! Расслабились мы, Иваныч, расслабились. Вот и результат. Зашевелилась нечисть! Я же тебе говорил, что нужно язык за зубами держать, особенно насчет своих планов. Да, кстати, ты жене-то позвони, а то она в полном трансе. Я с ней сегодня утром общался по поводу тебя, ничего толком добиться не мог, плачет только!

- Только что звонил.

- Ну и что теперь думаешь делать?

- Не знаю. Непонятно пока все это. Я еще, вроде, никаких телодвижений по поводу рудника не сделал, а тут сразу – на тебе! Непонятно.

- Не сразу. Выборы на носу. А кто со стороны деньги даст, если не подо что? Соображаешь?

- Неужели ты на него думаешь?

- Ты про Сеню? Бери выше. У нашего таракана на такие дела кишка тонка.

- Думаешь, Паша вписался?

- Думаю. Мне вчера Остроглаз звонил по поводу акций, да я тебе не сумел сообщить своевременно, замотался.

Я вспомнил про вчерашний день, но распространяться не стал.

- Да ты что! И чего ему надо было?

- А то ты не знаешь! Хотят голубчики, чтобы ты назад отыграл с акциями. Не наелись, все им мало! Сам понимаешь, если Сеня слетит, то Паше отсюда сворачиваться придется. Со всеми своими причиндалами и холуями. Да и вся остальная кобла никому не нужна станет: какой добрый хозяин этих фраеров на работу возьмет? Только и умеют щеки раздувать да тащить все, что плохо лежит. Кстати, слышал, мера нашего под суд отдают. Вчера с вечера по телевизору передавали.

- Иванова, что ли? Это же – Пашкина и Сенина прихлеба! Боря смолоду без их команды и шагу не ступал. Неужели сдадут мужика?

- Ступать-то не ступал, а в кое-что вступил! – скаламбурил я. - Подписей, видимо, много наставил, вот и будет парится за всех. Я думаю, что это Лисин Паше ножку подставляет, не зря же они все последнее время в области собачились. А вот чего Боря молчит, не пойму? Надеется, что вытащат?

- Много отвалили, видимо. Просто так под суд никто не пойдет, вот и помалкивает. Потаскают, потаскают, да и отстанут. Паша адвоката приличного оплатит, и – порядок! Условно получит, зато с деньгами жить будет. А будет болтать лишнее – до суда не дотянет.

- Карьере-то – каюк! А деньги? Денег, как ты знаешь, на весь век не хватит, тем более что привыкли уже гаврики, жить на широкую ногу. По потребностям и траты.

- Привыкнет, куда деватся. Помнишь, когда ты с треста слетел, тебя тоже корежило не один месяц. А ничего – пережил!

- Ну я-то там особо больших денег и не получал.
- Значит, должность оплакивал! Должность-то она тоже немалые льготы дает и привилегии.
- Ты на что это намекаешь? Хочешь сказать, что я тоже пёр, как эти хлыщи?
- Пёр, не пёр, а кое на что глаза закрывал. Там машинёшку взял бесплатно поездить, там – полкуба раствора, там – пару досок. Другим-то и это было не дано.
- Тогда все так делали, не миллионы же крали!
- А с этого все и началось! Помнишь, как у Евгения Чепурных, ну, у поэта, что из Самары? Ты еще говорил, что спивается он потихоньку от тоски:

«Кудрявое, резвое чудо,
Спеша, семенит по лучу.

- Как звать тебя, мальчик?

- Иуда.

- А хочешь малины?

- Хочу.

Ешь горстью, и смейся беспечно,

И щеки измажь, и чело.

- А денежку хочешь?

- Конечно.

Вот с этого все и пошло».

Ты себе такое представить можешь при Сталине, например? То-то же! Тогда за колосок с поля десятку лагерей давали. Даже детям! А если что посерьезнее, то и к высшей мере. За болтовню простую сесть можно было. А сейчас все эту партию собачат!

- А что толку? Собака лает – караван идет!

- Что правда, то – правда! Только ты подумай, откуда и чьи уши торчат? – Иваныч ткнул пальцем вверх. - Другое дело, что обнаглели власть имущие до безобразия, это – да!

- Ладно, бывай! Что ты мне политинформацию читать вздумал? Выздоравливай, нечего тут валяться!

- Ага, правда глаза колет? Да погоди ты, не ершись! Попробуй-ка лучше через банк разведать, что да как?

- Через Игорьька, что ли, адвоката?

- Я думаю, если кто что-то и знает или догадывается о чем, так это только эта рыбина. Не зря же он кроме Пашкиного банка еще и бандюганов местных обслуживает, по совместительству, так сказать. Милиция все равно ни фиги не решит этих наших проблем, так, для вида потрепыхается и скиснет.

- Ты же знаешь, я с Игорььком не очень. Он же меня тоже, если помнишь, засадить пытался.

- А ты через Натаху свою попробуй. Есть же у нее знакомые в Пашином заведении. Да и Игорек не святой! Наверняка у него в банке бабенка какая-нибудь имеется. Не может не быть при таком количестве красоток на одном квадратном метре. Можно через нее попробовать подобраться. Рискни, попытка – не пытка!

- Можно, конечно, попробовать, - неуверенно произнес я.

- Ладно, топай, сейчас моя дорогая нарисуетя! – закончил разговор Иваныч.

- А что мы все-таки с Сеней делать будем? – спросил я напоследок.

- Ничего. Что мы, бандиты какие-то? Да пока и неизвестно: замешан ли Сеня во всем этом дерьме.

- А Остроглаз? Не зря же он мне названивал.

- А что Остроглаз? Он мог и напрямую от Паши указивку получить. Ты лучше разведкой займись, больше пользы будет.

- Поправляйся. Я попробую. Только Наташки сейчас в городе нет, дня через два-три появится.

- Ну, до встречи.

Я покинул отделение и поехал на службу. После обеда, узнав, видимо, от матери, что я вернулся в город, прямо на работу позвонила Наталья:

- Здравствуй! Ну, как ты там?

- Нормально. Ты знаешь, у нас здесь новостей целый воз, – и я подробно рассказал ей о последних событиях.

- Услышав про Иваныча, Наталья испугалась не на шутку:
- Ты-то сам осторожнее будь. Не дай Бог, что случится!
 - Ни фига мне не делается. Акции у меня нет и заводов тоже. Спи спокойно, дорогой друг.
 - Зато характер с несдержанным языком имеется.
 - Ты сама-то когда появишься? – сменил я тему разговора.
 - В следующий понедельник.
 - На выборы, значит, не попадешь.
 - Без меня ничего не случится, и так пройдут. А ты, похоже, и не соскучился по мне нисколько.
 - Это еще почему?
 - А потому! Все о делах да о делах!
 - Соскучился, еще как. Только, сама понимаешь, в такой ситуации и при таком раскладе дел скучать особенно некогда.
 - Ну-ну.
 - Что, ну-ну? Обиделась, что ли?
 - Обиделась.

Вошедшая в кабинет Галина сообщила, что меня вызывает Костик.

- Ладно, дорогая, до встречи! А то меня начальство вызывает. Целую, – я положил трубку с чувством какой-то досады на самого себя.

Не так нужно разговаривать с любимой девушкой. Но копаться в своих чувствах и ощущениях было некогда, и я пошел к Костику. Морда у Костика была багровой и отекавшей, принимал, видимо, накануне. И немало.

- Аркадий Викторович, - начал он без предисловий, - надо бы письмо быстренько сделать на заказчика. Хватит ему издеваться над нами. Напиши, что если вопрос с удорожанием сметной стоимости не будет решен, то мы к черту бросаем его стройки.

- Так уже писали и не один раз.
- Пиши еще. Что-то делать надо!
- Может, сначала лучше потолковать с Шацманом с глазу на глаз, а потом уже всю эту писанину продолжать?

- А чего с ним толковать, с татаринoм? Бесполезно!
- Он не татарин, он – еврей. При том – узбекский!
- А мне – начхать! Давай, пиши. За час управишься?
- Я-то управлюсь, только, кто печатать будет? Галина в больницу отпросилась, а секретарши я уже неделю не вижу.
- Кадры отпечатают, ты, главное, черновик сочини.
- Через полчаса будет готов.

Я вышел из кабинета начальника и плюнул себе под ноги. Опять пустая работа! Писем этих я уже настрочил Шацману и в фонд жилищного строительства по десятку. А месяц назад послал подробное сообщение в администрацию района. Дескать, решайте граждане руководители, что с заказчиками делать, а то будем выше писать. Мало того, что написанный мною черновик так выхолостили свои же начальнички, что и узнать стало невозможно, так ведь никто и пальцем не пошевелил в районе, чтобы что-то предпринять по этой бумажке. Наплевать Сене на нашу блошиную возню. Жилищный фонд для того и создан, чтобы деньги мыть. Один Шацман – человек более-менее ответственный и вопросы все-таки старается решать. Только я на его месте тоже ничего не стал бы предпринимать. Что толку платить, если дела на стройках не двигаются, а деньги – как вода в песок!

- Чего, Викторович, такой хмурый? – поприветствовал меня Василь Васильевич, начальник снабжения, направляющийся к Костику.

- А чему тут радоваться? – я достал сигарету. – Круто идем на дно.

- Может, еще выплывем?
- Вряд ли.
- Как там Костик? – поинтересовался он.
- С бодага, как всегда!

Я вернулся к себе в кабинет и сел писать письмо. Минут через двадцать оно было готово. Я снес его в отдел кадров, где меня послали куда подальше. В ответ я адресовал кадровичку к Костику:

- Хочешь, чтобы тебе по ушам поехали? Не хочешь? Тогда печатай и не рыпайся! Да не забудь отнести на подпись сразу.

Срочных дел, вроде, больше не предвиделось, и я поехал пообщаться к ребятам на строительный участок: все-таки живое дело.

После обеда, вспомнив наказ Иваныча, я предпринял попытку разведать в банке, с кем кувыркается наш милый Игорек. И мои усилия не пропали даром. Поболтав с девчатами о погоде, о предстоящих в воскресенье выборах, о гитаристах из Екатеринбургa, приезжающих на гастролы в наш город, я многое для себя открыл. Игорь Петрович оказывал заметные знаки внимания Клавдии Ивановне, экономисту из кредитного отдела. А когда я уже собрался уходить, моя старая знакомая Надя шепнула мне на ухо:

- Да спит он с ней, Аркадий! Ты только смотри, не болтай никому! А то еще и до жены его дойдет!

Чего тут болтать: если две бабы о чем-то знают, то это знает весь колхоз. Как до жены еще не дошло до сих пор – удивительно. Довольный своей разведывательной операцией, я вновь направился в больницу проведать Ивановича. В этот раз мне пришлось ждать почти полчаса. У Ивановича в палате с трех часов дня сидел следователь. Когда он, наконец, отвалил, я зашел к приятелю и доложил о своих успехах.

- Молодцом, Викторovich! Дальше этим делом не занимайся, опасно. Я своих людей подключу.

- Да брось ты! Всяких говнюков бояться – в лес не ходить!

- А вдруг и тебя зацепят? И если не в плечо, а в голову твою светлую попадут? Что я тогда Наташке скажу? Кончай, я тебе говорю.

- Не хочешь – как хочешь, - слегка обиделся я.

- Ты не обижайся. Дальше этим моя служба безопасности займется. Тем более что помощь из столицы прибыла. Заместитель начальника главка приехал. Понял?

- Да ты что?

- А то! Там тоже, видимо, обеспокоены. Поэтому охоломи маленько, казак, не гони лошадей!

- Ну, смотри! Тебе виднее. А чего это у тебя Звонарев так долго отирался?

- Владимир Петрович? Допрашивал: может, кого видел или подозреваю.

- Так сказал бы, чего стесняться!

- Он не хуже меня знает, откуда новости родом!

- Ну?

- Палку гну! Доказательств нет, а, значит, и разговоров нет!

- Так это как раз его дело доказательства искать.

- Вот он и ищет.

- Свежо предание...

- Зря ты так! Звонарев – мужик порядочный, что редко в ментовских кругах встречается. А я его лет десять знаю – ни разу не разочаровал.

- Долго тебе еще тут лежать? – перевел я тему разговора.

- Пару дней, наверное.

- А доктор что говорит?

- Лежи, говорит, отдыхай.

В этот момент в дверях палаты появилась Вера Петровна, супруга Ивановича, и я поспешил ретироваться.

Утром следующего дня в коридоре белого дома я столкнулся с Виктором Петровичем. Мой приятель летел куда-то сломя голову.

- Привет, Аркадий, как дела? – торопливо поздоровался он. – Извини, спешу на заседание.

- У меня-то ничего. Слыхал про Ивановича?

- Слышал. Кому только это понадобилось?

- Кому, допустим, ясно, не прикидывайся. Пашке и его камарилье. Не ясно на что эти люди надеются?

- Деньги, Аркаша, все деньги, черт бы их побрал! Люди гибнут за металл! – Виктор попытался отчалить, но я задержал его, прихватив за рукав.

- Не спеши, без тебя не начнут. Раньше тоже без денег не обходились, но такого беспредела никто себе и представить не мог. Какой-никакой, а порядок существовал.

- Когда это – раньше?

- Когда нормальные люди район возглавляли, а не жулики. Не сладко жилось, понятно, но внятность какая-то в политике существовала, и будущее у людей проглядывалось. А сейчас?

- Ты что, по любимой компартии затосковал?

- По дисциплине я затосковал и порядку. Ну кто бы тебя, Витя, при советской власти на должности держать стал, как сегодня держат? Одна, две жалобы населения, ну, максимум три – и гуляй, Вася! А сейчас: мурыжат народ месяцами, и – ничего! Все с рук сходит. Ворон ворону глаз не выклюет, а сорока, как собирала в гнездо все, что блестит, так и будет собирать! Мало того: чтобы любой,дохлый вопрос решить, нужно еще и в лапу сунуть! Не за труд, получается, а за подпись. Должность теперь у нас – не для службы народу, а для кормления. Вот и сидит тут у вас всякая шушера, которая кроме подписи за душой ничего не имеет и не умеет. Да даже и расписываться не хочет, боязно.

- Ну, допустим, не все.

- Не согласен? Тебя я, конечно, из этого списка, Петрович, исключаю. Может, еще пару, тройку человек. А остальные! – я махнул рукой.

- Страна у нас теперь такая, Аркадий, и ничего тут не напишешь. При царе Горохе тоже взятки давали, только это по-другому называлось. Посулами или еще как-то. Так что, ничего нового никто не изобрел. Извини, спешу, люди ждут. Заходи через часок, поболтаем.

- Зайду.

Я заглянул в приемную УКСа, зарегистрировал у секретарши прихваченные с работы письма, поболтал с ней о погоде. Хотел заглянуть к Шацману, но у того набился полный кабинет посетителей. Я решил подойти позднее, а пока двинулся через площадь в городскую администрацию.

Заместителя Бориса на месте не оказалось. Секретарь, крашенная блондинка неопределенного возраста, играла на компьютере, раскладывая пасьянс, и даже мое появление не заставило ее прекратить это занятие.

- Где? – я кивнул в сторону дверей кабинета заместителя.

Блондинка, не отводя глаз от экрана дисплея, пробормотала что-то нечленораздельное, из чего я с трудом понял, она этого не знает. Я начал было закипать от такого хамства, но вовремя вспомнил свое же собственное сочинение:

Не в высоких царят кабинетах
бюрократия, чванство и блажь,
а в приемных культурно одетых
и до нельзя пустых секретарш.

Амазонки, защитницы членов,
тушью веки закрасив и дурь,
охраняют священные стены
от любых посягательств и бурь.

Над бумагой головки склоняют,
положеньем довольны весьма,
а коленки и грудь заменяют
без труда недостаток ума.

Что поделаешь? Слабые боги
нынче – те же, что были вчера,
и нередко красивые ноги
не доводят бедняг до добра.

Так что стоит ли сырых порочить,
на характеры злые грешить?
Сколько раз секретарша захочет,
столько, мелочь, и будешь ходить.

Чего на убогих обижаться? Бесполезно.

- Заходите, Аркадий Викторович! – пропела из открытой двери, когда я шел по коридору, Татьяна, жена Николая, которая трудилась, как я уже припоминал, тут же, в управлении экономики. – Ну как, Наташе звонили?

- Звонил. Но в первый раз дома не застал. С мамашей поговорили и все.

- И где это она пропадала?

- К подругам уходила в гости. А второй раз сама позвонила, сказала, что после выходных приедет.

- Я тут слышала, что вы тоже своих старых подруг не забываете, - неожиданно так, между прочим, перелистывая какие-то бумаги, произнесла Татьяна.

Я насторожился:

- Ты это о чем, Таня?

- Да, говорят, что видели вас с Леночкой позавчера. Или ошиблись? – моя собеседница ехидненько так ухмыльнулась, пытаясь разгадать мою реакцию.

Я постарался придать лицу невозмутимое выражение.

- Ну и что? Повстречались случайно старые сослуживцы в какие-то годы. Подвез девушку, нельзя что ли? Вот народ! Шагу в сторону ступить нельзя, все видит!

- Подвезти, конечно, можно. Только утром ваша машина с улицы Островского выезжала, говорят, - не останавливалась Татьяна.

«Вот, блин, влип!» - мелькнуло в голове, но вслух я произнес, как бы, между прочим, совершенно спокойным тоном:

- Ошиблись, кто говорит, вот и все! Машина у меня на ремонте.

Надо будет мужиков из сервиса предупредить, а то ведь эти бабы и проверить могут запросто! Не аккуратненько как-то, Аркадий Викторович, не аккуратненько!

- Ну-ну! Я бы на вашем месте осторожнее себя вела. Городок наш не такой великий, ничего от людей не скроешь. А если до Наташи дойдет?

- Ну, во-первых, Татьяна, ты на моем месте никогда не окажешься. Ты – женщина во всех отношениях положительная. А во-вторых – нечего мне скрывать! – я постарался придать голосу твердость и уверенность. - Тебе все понятно?

- Конечно, понятно, Аркадий Викторович, - сбавила обороты Татьяна - Что вы так волнуетесь?

- Ну вот и хорошо, - я постарался сменить тему. - Кстати, как Николай поживает?

- А что ему делается. Работает. В выходные с сыном на рыбалку ездили куда-то на острова.

- И как?

- Привезли немного. Больше намаялись. Два дня по речкам сновали, бензину прорву сожгли. Дешевле на рынке рыбу купить. Если посчитать, сколько топлива спалили, то на эти деньги полтонны рыбы купить можно.

- Ничего ты не понимаешь, Татьяна! – я был рад, что женщина забыла о моих приключениях и переключилась на более привычные темы. - Процесс важен, а рыба так, приложение. Главное – отдохнули люди, свежим воздухом подышали, природой полюбовались. Природа, она лечит!

- Я понимаю, что процесс, - женщина вновь с хитроватым прищуром взглянула на меня, и я невольно насторожился.

Но Татьяна продолжила, как ни в чем не бывало:

- Устали, как собаки, намерзлись, но процесс, конечно, важнее.

Я понял, что мои непростые отношения с Еленой с этой минуты будут подвергнуты тщательному изучению и рассмотрены женской половиной населения со всей скрупулезностью. Вот вляпался! Совсем по-пацаньи получилось!

Я быстренько свернулся с разговорами, распрощался с Татьяной и поспешил назад, к Эдуарду Яковлевичу. У того до сих пор заседали, пришлось вновь угнездиться на стуле. Наконец дверь кабинета Шацмана распахнулась и оттуда вывалила толпа народа. Я поздоровался со знакомыми и вошел в кабинет.

- Здравия желаю!

- Заходи, Аркадий Викторович! Добрый день! Хорошо, что пришел, я с тобой посоветоваться хотел.

- О чем?

- Понимаешь, начальство решило повесить на нас строительство муниципального жилья.

- А фонд жилища как же?

- А ему оставят только то, что идет по федеральным программам. Ну и то, что начал раньше, придется достраивать. А все, что заново будет строиться в районе муниципальными властями, на нас повесят. В основном – коммерческое жильё. Я, конечно, не в восторге: вешать-то вешают, а дополнительные штаты не дают. Так, мол, справитесь. Мы, собственно, сами-то жильё строить не будем, просто будем осуществлять общий технический контроль. Сейчас, по новым правилам, строить будут инвесторы, они и заказчики, они и подрядчики.

- Это как?

- А так! Выигрываешь на конкурсе земельный участок и строишь. Сам финансируешь, сам проектируешь, сам строителей набираешь. Ну, естественно, и сам продаешь. По федеральным программам – муниципалитету, остальное – населению.

- Тогда ваши функции непонятны.

- А наши функции будут состоять в том, чтобы к этому жилью подвести коммуникации, дороги построить, ну и прочие объекты жизнеобеспечения. Короче, за нами остается инфраструктура, понял. И, конечно, контроль качества. А то настроят так, что все падать начнет. Отвод земли, естественно тоже за нами.

- А инвесторы кто?

- А все, у кого деньги есть. В том числе и муниципалитеты.

- Странно.

- А что тебе странно?

- Как это такую кормушку, как фонд жилища, из рук выпустить решили?

- Наверху виднее.

- А может, потому и решили, что заворовались вконец. Хвосты зачищают, так сказать! А о чем ты со мной посоветоваться-то хотел?

- Да, понимаешь, как там, на верхах, ни упирались, а без дополнительных людей нам это дело не поднять. Выбил я все-таки пару ставок. Короче, я тебе предлагаю ко мне замом по жилищным вопросам пойти. Ваша фирма, похоже, скоро вовсе загнется, так что решай!

Что и сказать, предложение Шацмана поставило меня в тупик. Хотя я и не считал себя полным дураком и с Шацманом общался на равных, но идти работать в такой серпентарий, как белый дом, особой охоты не наблюдалось. Мне эти напряженные физиономии с дежурными улыбками и заискивающими взглядами и со стороны-то порядком опротивели. Да и закадычными друзьями с Яковлевичем мы тоже никогда не были. А тут – заместителем! Я, конечно, понимал, что через месяц-два придется искать другую работу, куда денешься, но над данным предложением нужно было крепко подумать, о чем я и сообщил Шацману без обиняков.

- Подумай, конечно, время есть. Скорее всего это решится после выборов, но и не затягивай, мне кандидатуру нужно наверху уже сейчас согласовать.

- Так до выборов два дня осталось.

- Вот и думай побыстрее. А чего тебе, собственно, долго думать-то? Жалко старой конторы что ли? Или Костика?

- А ты как считаешь?

- Так сам же говорил, что под откос идете. Ну, подрыгайтесь месяц, другой, а дальше что?

- Не знаю. Людей жалко.

- Не жалей! Люди не пропадут. У кого ум есть – устроятся. Тем более что объемы планируются огромные, значит, строить будем. Был бы поп, а приход найдется. Чего ты о людях беспокоишься. У вас и сейчас половина на калымах кормится.

- Умом все понимаю, а душа болит.

- Сантименты все это, Аркадий, бабьи сопли! Разговор, как ты понимаешь, остается между нами. Думай. Но не затягивай!

- Не маленький. Чего я к тебе заходил-то еще? А, вот что: надо согласовать конструкцию входного козырька, погляди.

- Давай.

- Слушай, а Галину нельзя к тебе тоже пристроить?

- Галину Федоровну?

- Ну да! Жалко женщину, инженер грамотный. Я, конечно, думаю, что она и так не пропадет, но, если есть возможность?

- Ты меня озадачил. Подумать нужно.

- Подумай. Если вдвоем возьмешь, с удовольствием перейду.

- На, - Шацман протянул мне согласованный чертеж козырька, - подходи в понедельник. Заместитель, как ты понимаешь, не один трудиться будет. Технадзор, например, нужен, сметчик. Найдем твоей Галине работу.

Я поднялся из-за стола, попрощался с Шацманом и вышел. Предложение, конечно, лестное, но вот работать в бюджете, среди этих людей, которых презираешь за боязнь сделать лишнее телодвижение? Где уж тут какая-то инициатива и изобретательность! Сидят номер отбывают, да бумажки с места на место перекаладывают. В этих коридорах шаг влево, шаг вправо – почти побег! Не так поклонился – и ты на улице. Перспектива, учитывая мой непростой характер, невеселая. Странно, но Шацман ни словом не упомянул об Александре Ивановиче. Не слышал? Не может быть! Вся деревня об этом гудит. Может быть, не захотел говорить, или действительно о чем-то знает? Ну, если и знает, из него клещами не вытащишь, рыбина еще та! Во мне проснулся Шерлок Холмс, и я во всех малейших отклонениях поведения людей от обычного и обыденного видел некий тайный смысл.

В пятницу Александра Ивановича выписали. Я сам отвез его домой, хотя служебная машина с охранником дождалась

его у порога приемного покоя. Она и сопровождала нас, пока мы ехали к дому Ивановича.

- Пошли, чаю попьем! – пригласил меня приятель. – Что покрепче не предлагаю, поскольку ты за рулем.

- Не, ты же знаешь, твоя Вера Петровна меня не слишком жалуется.

- Потерпит. Поговорить надо.

Мы не успели подняться на крыльцо, а из двери навстречу уже выскочила причитающая жена Ивановича.

- Кончай кудахтать, мать, живой ведь! – обнял жену здоровой рукой мой приятель. – Давай-ка лучше сообрази нам с Аркадием чайку.

Только теперь Вера Петровна заметила меня:

- Что на пороге-то гостя держишь? В дом пошли. Проходите, Аркадий Викторович!

В прихожей я снял пальто и ботинки, и надел предложенные мне супругой Ивановича тапочки.

- Пошли, Аркадий, в гостиную! А ты, мать, чаек-то сваргань ну и пожевать чего-нибудь. А то в нашей больнице все больше кормят кашей на воде, или еще какой-нибудь рыгалавкой. Да и Аркадий, наверное, кушать хочет. Правильно я говорю? Ну-ну, не мотай головой. Мечи, мать, все, что есть в печи. Аркадий – человек холостой, ему всегда есть хочется.

Я начал отнекиваться, но хозяин отправил жену на кухню, а мне указал на кресло:

- Садись. Закуривай, если хочешь.

- Спасибо, пока не хочу, - я знал, как Вера Петровна относится к курению в доме, она и Ивановича выгоняла в коридор, даже зимой. У него там стояла маленькая скамеечка с консервной банкой под окурки.

- Ну, как знаешь. А я вот что тебе хотел сообщить. Потрясли мои ребята Игорька, прямо теплого из постели у Клавдии взяли. Напугали, конечно, женщину и Игорька тоже. Но кое-что полезное узнали. Прижали чуть твоего друга, он и по-

плыл! Сам-то Игорек ни при чем, конечно, мелковат для таких дел, но знает, как оказалось, немало.

- Пашины делишки?

- Пашины. Хотя прямо он так ничего конкретного и не сказал, боится! Исполнителя, божится, никогда не видел, и кто это – слыхом не слыхивал. А вот почему-то случайно знает, что авиабилет до соседнего областного центра Сеня для кого-то наперед просил приобрести.

- Откуда у этого обмылка такие сведения?

- А я почему знаю. Шакалит по старой привычке. Но думаю, что не врет. Он, когда его мои ребята из постели у любовницы вытащили, не знаю, чего больше испугался: того, что убить могут, или того, что жена узнает?

- Жены больше. Она у него здоровая женщина: если приложится, Игорек может и дух испустить.

- Это – точно!

- А милиция что говорит?

- Да погоди ты про милицию. Ты же с Сеней сейчас, вроде, как в приятелях ходишь? Попробуй остороженько спросить его, кому он этот самый билетик заказывал?

- Каким образом ты себе это представляешь? Ну, приду я, спрошу. Он же сразу поймет, откуда ветер дует, не совсем ведь кретин.

- Мои ребята слух по деревне пустят: так, мол, и так, Сеня нехорошими делами занялся, беспредельничает. Народ у нас, как губка, мигом все впитывает. Через пару дней весь город гудеть будет. А ты спроси мимоходом, между прочим, не зря ли болтают люди? Глядишь, и проговориться. Короче, придумай что-нибудь.

- Попробую, конечно, - не слишком уверенный в успехе порученного дела согласился я.

- Вот и ладненько. Я не думаю, что Сеня к этому делу причастен, но зачем-то ведь приобретал и передавал билет, а, значит, человека того видел. Это уже кое-что.

- Потрясите шоферов. Кому еще Сеня поручит билеты приобретать, как не водителям?

- Да мало ли кому. У него полная изба холуёв. А шоферов начини трясти, шум большой получится, волны пойдут, ну ты сам понимаешь. В итоге – фиг на кого выйдешь.

- Может, проще у секретарши потихоньку выспросить?

- Может и проще? Вот и спроси, это по твоей части. Ты же с ней вась-вась всегда, тебе и карты в руки. Мне в этом деле светиться не стоит, я сейчас фигура слишком заметная. Менты вокруг вертятся, беспокоятся. Думают, орелики, что бомба два раза в одну воронку падает. А я так понимаю, что если бы меня хотели прикончить, то и прикончили бы сразу. А так – просто попугали. Вот и надо наверняка узнать, кто это пугать меня вздумал.

- А что толку, если и узнаешь? Тут далеко ходить не надо, Пашкины это дела, сам говорил.

- Если Пашкины, тогда и будем предпринимать что-то. Но знать наверняка надо. Чтобы с Пашей поквитаться больших людей придется подключать, а им аргументы повесомей нужны, чем наша с тобой уверенность. Так что придется повозиться.

- Тут кушать будете или на кухню пройдете? – спросила вошедшая в комнату Вера Петровна.

- Пошли на кухню, чего Веру Петровну загружать, - сказал я.

- Мне совершенно не трудно, Аркадий Викторович.

- На кухню, так на кухню, - поднялся Александр Иванович, - пошли Аркадий, там договорим.

На огромной по меркам наших серийных домов кухне нас ждал наваристый борщ и жареная курица. Есть хотелось и вправду, а Ивановичу после больничного питания тем более, поэтому мы с удовольствием приступили к обеду.

- Добавки не хотите? - спросила Вера Петровна, когда я навернул полную миску борща.

- Что ты, мать, спрашиваешь, - усмехнулся Иваныч, - наливай! Он же такого борща лет сто не ел. Или Наталья иногда кормит?

Я только кивнул головой в ответ и приступил ко второй

миске. Все эти неожиданные события, свалившиеся на наши головы, разбудили во мне волчий аппетит. Смолов кусок курицы на второе и запив все это великолепным компотом, я отвалился на стуле с чувством исполненного долга, тяжело отдуваясь.

- Наелся? – спросил Иваныч, на что я молча кивнул в ответ. – Ну и ладненько. Спасибо тебе, мать! – поблагодарил он жену, убирающую со стола посуду.

- Не за что! Может быть, еще чего хотите?

- Спасибо, Вера Петровна! Накормили так, что сейчас лопну! – поблагодарил я женщину.

- Не лопнете. Посидите, отдохните, и все уляжется. Зато не как в столовой: поел, а через час снова хочется.

- Это точно! – хмыкнул Александр Иванович. – Отдыхай, Аркадий!

- Отдыхать-то особо некогда, дел – по самое не хочу! Конец месяца, выполнение сдавать надо. Спасибо вам за обед, Вера Петровна, я пойду, пора мне.

Иванович вышел за мной в коридор.

- Звони, если что узнаешь.

- Обязательно. Я постараюсь сегодня же секретаршу раскрутить, завтра суббота, где ее ловить родимую? Да и в выходной не получится между дел расспросить. А в воскресенье – выборы, будь они неладны!

- Ну, давай! – Иванович крепко пожал мне руку, и я вышел на улицу.

Сев в машину, я прикинул, куда нужно ехать сначала, и покатыл в контору. Машины Костика у крыльца не наблюдалось, значит, уже убыл опохмеляться болезный. Я поднялся к себе в кабинет, спросил Галину, куда отчалило начальство, а получив неопределенный ответ, вновь вышел из здания. Покурил минут пять на крыльце, прикинул, как мне лучше подкатится к Алене, Сениной секретарше. Решив, что путь к сердцу красавиц лежит через сладкое, я купил в нашем мага-

зине огромную шоколадку и поехал в белый дом. Чего откладывать на потом то, что можно сделать сейчас. Как там у нашего дорогого вождя Владимира Ильича: сегодня еще рано, но завтра уже может быть поздно! Или не так? Забыл.

Алена, симпатичная брюнетка, сидела у Сени в приемной года четыре, а то и больше. Хорошая девчонка, с которой запросто можно было поболтать о том о сем, не обязывая себя ничем, а заодно узнать последние новости из жизни города и района. Характер она имела легкий и радостный, оттого, видимо Сеня и взял ее в секретарши. А может быть, как поговаривали злые языки, ее мама приходилась какой-то дальней родственницей самому Сене, а Сеня родню свою без внимания не оставлял. Хотя, чему тут удивляться, в России так велось испокон века. А наша деревня была хоть и крохотным, но кусочком нашей необъятной и горячо любимой Родины. Сеня с секретаршей вел себя корректно. Никаких там амурных дел. То ли потому что жена работала в этом же здании, и Сеня трусил, то ли с родственниками не хотел иметь неприятностей. А, может быть, потому, что с бабами ему всегда не особенно фартило. Попытался он как-то однажды приглубить приглянувшуюся ему царицу нашей киносети, но получил такой оглушительный отпор, что дошло и до ушей супруги. Елена, женщина строгих правил, Сению построила мгновенно:

- Еще раз услышу – скатертью дорога!

Ну, и больше Сеня не рисковал. Жenu он побаивался и боготворил с тех пор, как впервые познакомился.

- Привет, Алёнушка! – войдя в приемную, я улыбнулся так широко, как только мог.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович, давно вы к нам не появлялись! – приветствовала меня веселыми ямочками на щеках девушка, набирающая что-то на компьютере.

- Да все как-то дела не позволяли.

- Забыли вы нас совсем, Аркадий Викторович! – девушка закончила печатать и откинулась в высоком кресле, пред-

ставив моему взору высокую грудь, туго обтянутую тонким свитером. – Какие у вас успехи в жизни? Не заходите, ничего не рассказываете.

- А вот я и решил исправиться! – я протянул девушке шоколадку, за что получил в ответ благодарный взгляд. – Дела, как сажа бела! Нормально все! Я вот тут новый анекдот узнал, хочешь, расскажу?

- Ой, спасибо за шоколадку, Аркадий Викторович, вы всегда меня балуете! А анекдот приличный?

- Вполне. Вот слушай: «Сидят как-то Василий Иванович и Петька...»

В это время дверь кабинета распахнулась, и в приемной появился сам Семен Николаевич Раскопаев, славный глава нашего района.

- Добрый день, Аркадий Викторович! – поздоровался он.
- Ты ко мне?

- Нет, Семен Николаевич! Просто решил Алену навестить, давно не видел.

- Да и я тебя уже давненько что-то не видал. Как дела в управлении? Как стройки подвигаются?

- Идут потихоньку, - коротко ответил я, решив не нагружать большое начальство заботами нашими.

- Ну, и хорошо! Побежал я, - пожал он мне на прощанье руку, - дела предвыборные, сам понимаешь! Алена, я в дом культуры, на встречу с избирателями.

- Хорошо, Семен Николаевич!

- Счастливо, Семен Николаевич! – произнес я уже во след главе.

«Не просто тебе сейчас, однако, - мелькнуло в голове, - как-то в воскресенье дело повернется?»

- Ну и что дальше, Аркадий Викторович? – дернула меня за рукав секретарша.

- Дальше? Ах, да, ну сидят они и, как обычно, водку пьют...

- Алена, возьми сводку, - в приемную влетела знакомая женщина из планового отдела. – Здравствуйте, Аркадий

Викторович, а Семен Николаевич только что отъехал, я его в вестибюле повстречала.

- Я знаю. Мы с ним уже повидались.

Дверь снова захлопнулась, и я продолжил рассказ:

- Петька и говорит Василию Ивановичу: белые, дескать, окружают. А тот: наливай-ка, Петька, лучше по следующей.

- А потом так напилась, что и белых не видно стало! Точно? Я такой анекдот уже слышала, Аркадий Викторович.

- Вот незадача. Сейчас попробую другой вспомнить. Алена, а кому третьего дня Семен Николаевич билет заказывал, не знаешь случайно?

- А зачем это вам? – насторожилась девушка.

- Говорят, приятель мой из области прилетал, а я его так и не повидал. Хочу проверить, он это был или не он.

- А как у вашего приятеля фамилия? – секретарша вновь включила компьютер, разыскивая там что-то.

- Колесников его фамилия. Алексей.

- Нет, Аркадий Викторович, не он. Здесь какой-то Павлович Петр Васильевич записан.

- Ну и хорошо. А то я уже на товарища обидеться хотел: прилетел и не появился! Нехорошо так-то!

- Хитрец вы, Аркадий Викторович! Вы не меня проведать пришли, а о товарище своем справиться.

- Вот и неправда! Я тебя, Алена, всегда видеть рад. Вон ты какая, цветущая дама, глаз не оторвать!

- Да ну вас, Аркадий Викторович, прямо в краску вогнали! – девушка смущенно начала перебирать предметы на столе.
– Скажете тоже!

- Да ты не обижайся, я же от души. Давай я другой анекдот попробую рассказать, может, этот еще не слышала?

- Аркадий Викторович, а вы что с Натальей Алексеевной расстались что ли? – вместо ответа неожиданно спросила Алена.

- С чего это ты взяла? – внутренне напрягся я.

- Да девчонки наши болтали в столовой.
- А ты эти сплетни не слушай, болтать – не работать!
- Да я тоже не поверила сразу. У вас же Наталья Алексеевна такая красивая женщина, гораздо красивее Елены Васильевны.

- А при чем тут Елена Васильевна? – чертыхнулся я про себя, едва не подавившись слюной.

- Девчата говорили, что вы к ней в гости ходите.

- Врут девчата. А потом, мы же с Еленой Васильевной когда-то вместе работали, чего тут странного, если знакомые люди иногда пересекаются?

- Да ничего. Только вот если до Натальи Алексеевны дойдет, ей не очень приятно будет все это слышать.

- Болтают люди все, что на ум взбредёт, - я отвернулся к окну, пытаясь скрыть смущение, - языки-то без костей!

- На каждый роток не накинешь платок! – рассудительно произнесла секретарша.

- Вот именно! Ну, ладно, Алена, я потопал, до свидания!

- До свидания, Аркадий Викторович! – пропела вслед секретарша.

Да, влип, похоже, соколик! Скоро весь город будет триндеть, что я был в гостях у Елены. А если Наталья действительно узнает? Я представил себе, что тогда будет, и мне стало не по себе. Ладно, авось пронесет! Надо не забыть к мужикам в сервис заскочить. Я постарался выбросить из головы мысли о своем невеселом будущем. Самое главное, что меня сейчас волновало, так это имя и фамилия того человека, которому покупали билет по команде Сени. Павлович Петр Васильевич. Я достал записную книжку и записал эти три слова, чтобы не забыть. Надо к Иванычу заехать, поделиться новостью. По телефону такие вещи не стоит сообщать. А он уж пусть сам решает, что дальше с этим делать. Хотя, может быть и имя, и фамилия этого самого визитера липовые. Сейчас новую ксиву купить проще пареной репы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На выборы главы района местная оппозиция в противовес Сене выдвинула бывшего летуна-вертолетчика Елкина Алексея Петровича. На предыдущих выборах он пролез в депутаты законодательного собрания и поднаторел в болтовне с трибун и телеэкрана, пользуясь определенной популярностью среди местного населения. Хотя представить его в кресле главы района я никак не мог. Болтать – не работать, многие умеют. Но на район-то нужен хозяйственник, а не вертолетчик, у которого в подчинении сроду не было больше пары человек. С Сеней почти два срока мучились, пока он начал соображать что-то в хозяйственной жизни района. Так он до этого, хоть и в комсомоле, но поруководил в свое время. А сейчас электорату предлагалось и вовсе черти что! Выберишь вот такого деятеля и будешь потом без перекура четыре года кашлять! Опять переделы начнутся, новые веяния. А, когда мышинная возня за контроль над денежными потоками идет, добра не жди. Хотя, какой контроль денежных потоков? Основная задача – хапнуть из этих потоков, да побольше!

Вторым, более или менее значимым противником Сени среди десятка выдвиненцев выступал какой-то совершенно мне незнакомый предприниматель из соседнего городка областного подчинения, Рыбак Сергей Викторович. Он подвизался, как я понял, в основном на ниве торговли нефтью и строительстве газопроводов. Правда, как выяснилось, совсем недавно построил в нашем пригороде заводик по деревообработке и производству сборных деревянных домов и под эти будущие конструкции создал небольшую строительную компанию.

- Что это за человек? – спрашивал я Александра Ивановича, но и тот толком ничего не мог прояснить.

Пошустрив среди районных начальников всех мастей, я тоже не выудил никакой ценной информации. Стешнев поинтересовался личностью Рыбака у своих столичных при-

ятелей, и к нашему немалому удивлению оказалось, что за спиной удачливого предпринимателя стоит небезызвестный противник, а в прошлом лучший друг и покровитель Паши Феофанова, Лискин.

- Понятно, - получив такие сведения, сказал Иваныч, - вот, значит, кто будет Сеню выковыривать из кресла!

- Незнакомый нашему народу человек, боюсь, что пенсионеры его не поддержат! Ну, а молодежь, сам знаешь, на выборы не затащишь, - возразил я. - Сеня, он все-таки привычной для нашего болота. Хоть и дурак, да свой!

- Ну, не скажи! Что в избирательной кампании главное? Правильно, деньги! А деньги, видимо, у этого Рыбака есть. Лапши на уши избирателям навешать возможности имеются. А потом, Сеня уже всем порядочно поднадоел, а сейчас еще и эта неприятность с Борей. Не вовремя, совсем не вовремя!

- Да, с квартирами они, конечно, крепко обделались!

- То-то и оно! Так что имеем мы не просто проходную фигуру, а реального претендента на главу района. Не Елкина же, в самом деле, выбирать. Этот Рыбак, крути-не крути, а в хозяйстве разбирается и, по-видимому, неплохо, раз на плаву в наше непростое время держится.

- Опять своих в белый дом потащит.

- А ты, как хотел? Естественно, потащит, не Сениных же лизоблюдов оставлять.

- Это я понимаю, что естественно. Только опять - пока все утрясется, пока всех накормишь... Никакого бюджета не хватит.

- Хватит. На Руси всегда, при всех властях приворовывали, а смотри, не разворовали до сих пор. Стоит!

Предвыборная кампания тем временем набирала обороты. Весь город был оклеен плакатами и плакатиками с обещаниями кандидатов своим избирателям светлой и сытой жизни, как будто в предыдущей кампании им обещали не то же самое. При встречах знакомые задавали друг другу один, но самый популярный в этот период жизни района вопрос: за

кого будешь голосовать? Мне, если честно, было абсолютно наплевать, кто выиграет эту гонку. К Раскопаеву мы все уже привыкли, знали его со всех сторон, и менять шило на мыло, если честно, не хотелось. Опять приноравливайся к новому человеку, и еще неизвестно, как он себя поведет? К тому же Сенина родня уже нахапалась добра по самое горло, и аппетита как бы поумерила. Дома построили, деньжат поднакопили, детей учиться за границу отправили, чего еще человеку нужно для счастья? А новый персонаж притащит за собой новых людей и все начнется изнова.

Месяца два назад, предводитель местной оппозиции, мой хороший знакомый Колышкин Александр Васильевич как-то при встрече предложил мне вступить под их знамена и пойти в депутаты городского собрания:

- По новому закону все полномочия из района перейдут к городу, и нормальные хозяйственники там нам нужны! Давай, Аркадий, выдвигайся, а мы поддержим.

Я пообещал подумать, чтобы не обидеть прямым отказом человека.

- Тебе что делать нечего? – в лоб спросил меня Иваныч, когда я передал ему содержание нашего разговора с Колышкиным. – Ты, прямо, как в том анекдоте: то в партию вступил, то в это самое! Посмотри, кто там сидит, в этой думе городской! Одни убогие, кто в профессии не смог ничего достичь. За четыре года сидения они так народу глаза своей бестолковостью намозолили, что дальше некуда. Тебе только такой компании и не хватало. Ты тоже хочешь уважение людей потерять? Тогда иди, выдвигайся!

- Ладно, чего ты раскипятился! Я же так, просто предположил. Никуда я выдвигаться не буду, тем более от нашей оппозиции.

- Вот и правильно! Эти оппозиционеры против любой власти базлают, лишь бы воздух сотрясать, а толку-то? Хоть бы что-нибудь полезное предложили, а так просто вид делают, что трудятся в поте лица. Вот увидишь, выберут люди друго-

го вместо Сени, они и против него собачиться начнут! А куда им деваться? Иначе – впрягаться и работать нужно! А так, знай себе, горлопань! Борцы, блин, за народное дело! Подалее держись от этой компании, а то тоже замурзаешься!

А предвыборные страсти накалялись. Оппозиция пропагандировала за своего летуна, Рыбак ездил по краю, встречаясь с людьми, а поддержать Сеню в город прибыл сам Феофанов...

Отношение людей к Паше было двоякое. Кто его откровенно ненавидел, а кто и вспоминал с теплотой, получив кусочек от тех благ, что он распределял, будучи хозяином района. Многие, особенно из лесников, помнили, как он приложил руку к развалу одного из лучших по тем временам лесопромышленного предприятия, где трудилось тогда более полутора тысяч рабочих. Действовали его подручные по той же самой схеме, что была опробована на «Ремонтнике». Появился некий предприниматель по фамилии Иванов, поддержанный Пашей, и начал обещать уставшим от бардака на производстве людям золотые горы. Здесь было и переоснащение предприятия новым оборудованием, и налаживание связей по сбыту готовой продукции, и социальные гарантии работникам. Короче, Иванова поставили директором, так как у него, кроме всего прочего, в собственности оказалось почему-то немало акций предприятия. Потом в течение полугода он не без помощи и попустительства, точнее, прямого соучастия Феофанова скупил за бесценок остальные. А еще через пару месяцев лихо обанкротил предприятие. Тысячи людей остались без работы и средств к существованию. Паша проявил тогда недюжинные артистические способности. Выступая по телевизору, с пафосом обрушивался на нового хозяина предприятия, обвиняя его во всех смертных грехах, обещая одновременно обманутым рабочим помощь в расчетах по заработной плате и восстановлении социальной справедливости. Вся эта трепотня тянулась долгими месяцами, а имущество предприятия потихоньку выводилось новым хозяином в

собственность какой-то вновь созданной фирмы. Итог как и везде: предприятие осталось только на бумаге и взять с него стало нечего. Остатки бывшего гиганта индустрии, чтобы расплатиться с рабочими, пришлось уже отсуживать и продавать Сене, так как к этому времени Паша благополучно ушел с района на повышение в область. Возвращенную с трудом контору леспромхоза раздали многочисленным арендаторам, бывшее РММ передали местному жилкомхозу. Но Бог шельму метит. Проклятия оставшихся у разбитого корыта людей дошли, видимо, и до него. Не прошло и полгода, как этот самый Иванов попал в автокатастрофу и погиб. И что самое странное, это была не первая такая смерть. Еще в те времена, когда я благополучно сворачивал деятельность УКСа, а деревообрабатывающий комбинат под руководством Негубина точно так же, как позже леспромхоз, шел ко дну, случилось точно такое же происшествие. Возвращаясь из соседнего городка, погиб в автомашине, не доехав до места километров двенадцать, заместитель Негубина, главный участник распродаж имущества комбината и старинный друг Паши Феофанова Александр Кречет. Погиб молодым, в расцвете сил. Памятник ему на месте гибели отгрохали знатный. Из гранита, метра три высотой. Знай наших! Обе эти смерти чем-то походили друг на друга. Оба деятеля занимались, по-русски говоря, прикарманиванием остатков социалистического имущества, не без покровительства местной власти. Оба любили пожить красиво, оба считали, что всё делается единственно правильно, в полном соответствии с потребностями текущего момента. Да и то – грех не воспользоваться случаем, когда деньги так и плывут в руки. А совесть? Ну, а что совесть? Позудит и перестанет! А, может, ее никогда и не было у этих ребятшек?

Только, я точно знаю, шальные деньги никому и ничего хорошего не приносят. Не знаю, как там у Иванова, а у Кречета его вдовушка тут же пошла в разнос и фактически спилась. Пока деньги водились, всякая шушера вокруг нее

крутилась, а закончились – осталась одна. Дети и те, как подросли, разъехались по городам и весям и не слишком жаловали мать.

- Бог – не фраер, он все видит! – сказал после смерти Иванова Стешнев. – Каждому – свое! Как на воротах Бухенвальда! Помяни мое слово, Паша так же закончит. От старости ему не умереть!

- Ты еще скажи, что разобьется!

- А посмотрим! У меня такое чувство, что если он сам не влетит где-нибудь, так кто-нибудь поможет!

- Не знаю, не знаю, - ответил я тогда приятелю, - он еще и нас с тобой переживет.

- Нас-то, может, и переживет, поскольку моложе. Я, конечно, в мистику не верю, но когда человеческий негатив существует в громадных масштабах да еще и направлен на конкретного человека, где-то эта энергия должна разрядиться! Короче, поживем, увидим.

После банкротства большинства леспромхозов района на их останках с помощью центральных властей создали нечто вроде холдинга. Выделили бюджетные деньги, закупили новое импортное оборудование, начали пилить приличную доску, в сушилках доводить ее до кондиции и отправлять на экспорт. Производство слегка оживилось. Конечно, количество работников в этой сфере резко сократилось, но все же. На безрыбье, как говорится, и рак – рыба! Негубин стал одним из руководителей этого холдинга, привлек в руководство толковых людей из бывших леспромхозов, а Паша Феофанов начал трубить везде о достижениях района в вопросах восстановления лесопромышленного комплекса. Имидж себе поднимал на новом месте, в области. Дескать, смотрите, развалилось старое, но на его руинах возведено новое, современное производство. До прошлых, советских достижений было, конечно же, как до Москвы пешком, но отрасль все-таки начала возрождаться. И тут случилась новая беда. Погиб Негубин и опять – в автокатастрофе. Что характерно: когда

случилось ДТП, в машине было несколько человек, но погиб только он один. Я напомнил про тот наш давнишний разговор о настоящем и будущем Паши Иванычу.

- Чертовщина какая-то! – сказал мой друг в ответ на мое сообщение о происшествии. – Третий случай, и всё люди из нашего города. Чертовщина, да и только!

- Ты же сам говорил, что где-то энергия негатива должна разряжаться. Вот она и разряжается.

- Я тогда просто философствовал, как ты не понимаешь! И потом: Негубин – это не Иванов и не Кречет. Его люди хоть и матюкали, но все больше за мягкотелость, а не за то, что он кого-то обобрал. Хотя к развалу ЛДК он тоже руку вместе с Кречетом приложил.

- Однако помнишь, ты при том нашем разговоре точно заметил, что следующая очередь – Паши! Он один из этой обоймы, что лесников раздербанила, в живых остался.

- Тут и, правда, во всякую ересь поверишь, - почесал затылок мой приятель...

Прибыв из области, Паша развил в районе и городе бурную деятельность по организации поддержки предвыборной кампании Раскопаева. Даже припер с собой продукцию одного из своих новых производств, не то трактор, не то вездеход на громадных колесах диаметром метра в два. Агрегат обрядили, как новогоднюю елку в разноцветные шарик и плакаты, поднимающие своим содержанием падающее реноме Сени. На кабине машины красовалась крупная, яркая надпись «Петрович». И вот эта диковинная техника ездил по поселкам, собирая вокруг себя огромное количество зевак. А сам Феофанов выступал перед собранными руководством муниципальных образований людьми с пламенными речами. В них он обещал незамедлительные и бурные экономические преобразования району, если на посту его главы продолжит работать Семен Николаевич Раскопаев. В зажигательных призывах присутствовали и новые разработки нефтяных ме-

сторождений, недавно открытых в тайге, и желание восстановить в полном объеме деятельность судоремонтного завода, и стремление навести, наконец, порядок в порту. Да и о лесной промышленности не забыл. По телевизору улыбающийся Паша, сидя за одним столом с Раскопаевым, заливался соловьем: какой замечательный человек Семен Николаевич и как всем будет хорошо, если он останется в своем кресле еще на один срок.

А основной противник Сени Рыбак в это же самое время самостоятельно встречался с трудовыми коллективами, еще державшихся на плаву промышленных предприятий района, с учителями и врачами. И агитацию он вел грамотнее. Здесь, на этих встречах, говорилось не о каких-то радужных перспективах, а о предстоящей тяжелой работе по реанимации остановившихся производств и созданию новых рабочих мест. Поднимались вопросы, волнующие людей постоянно: образование детей, жильё, работа правоохранительных органов и здравоохранения.

Бывший вертолетчик, а ныне депутат Елкин, в основном костерил в оппозиционных газетах и листовках Сеню, обещая электорату разогнать всю эту воровскую шайку к чертовой матери! Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем! Знакомые песни, хоть и на новый лад, под новые мелодии. Его соратники и друзья на всех более-менее свободных заборах города писали одно: мы за Елкина! Специалистов по пиару в команде оппозиции было маловато, а, скорее всего, и вовсе не было. На остальных кандидатов пылающие революционеры особого внимания не обращали, и зря!

В день выборов погода выдалась довольно приличная для октября. Было тихо и солнечно. На всех свободных площадках местные кулинары организовали шашлыки и торговые ряды, народ вышел на улицы и выборы состоялись. А куда деваться: раз уж выполз из дома поглазеть на людей, себя показать, отчего же не зайти на свой участок и не проголо-

совать? Удивительно, но в выборах приняло участие больше восьмидесяти процентов избирателей.

- Здравствуйте, господа Стешневы! – возле дымящегося мангала я нос к носу столкнулся со своим другом, держащим под руку супругу Веру Петровну.

Видно было, что Иваныч оклемался окончательно и чувствует себя вполне прилично.

- Привет, Аркадий! А ты что это опять один бродишь, как сыч? Где Наталья-то?

- Не приехала еще. Решил вот шашлычков отведать да воздухом подышать, благо – погода прекрасная! Вы, кстати, проголосовали уже?

- Проголосовали. Ты, мать, постой в очереди, - обратился Стешнев к жене, - а мы с Аркадием отойдем, покурим. Ну, что новенького? – спросил он меня, когда мы отошли в сторону.

- На, держи! – я протянул ему бумажку с именем и фамилией человека, которые разведал у секретарши Сени.

Иваныч прочел ее и сунул в карман.

- Разберемся! – коротко сказал он. – Ты у кого сведения-то раздобыл? У Сени что ли?

- Да у Алены, секретарши его, в белом доме. Гарантии, конечно, никакой, что это тот человек, который нам нужен, но проверить придется.

- Проверим.

- А как у тебя здоровье? Как рука?

- Нормально все, пахать можно.

- Вот и ладненько!

- Пошли что ли! Вон, супруга уже нервничает, головой крутит, шашлыки тащить надо.

- Пошли. Может, за коньячком в магазин слетать?

- Не хочется что-то. Пива лучше возьми.

- Момент, - и я направился к ближайшему лотку.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – раздалось у меня за спиной, когда я с пивом направился к столику, где устроились Иваныч с женой.

Я обернулся и увидел смеющиеся глаза Елены, одетой в шикарный серебристый плащ и такого же цвета длинные, выше колен сапоги.

- Пивком решили побаловаться? – спросила она.

- Да нет. Иваныч шашлыков прикупил, а мне пиво поручил, - смутившись от неожиданной встречи, ответил я и кивнул в сторону столика, где ожидали меня Стешневы. - Запить шашлыки чем-то надо.

Елена понимающе кивнула аккуратно причесанной головкой и промолчала, будто ожидая от меня еще каких-то слов. А я украдкой оглядывался по сторонам, надеясь, что никто нас в этот самый момент не видит. Не хватало мне только лишних разговоров и как раз накануне возвращения Натальи.

- Может, зайдешь вечером? – негромко спросила Елена.

- Не знаю, дел много, - после секундного замешательства ответил я.

- Тогда я пойду! – она глубоко вздохнула и полезла за чем-то в сумочку.

- Я позвоню! – не зная, как быстрее закончить разговор, выдохнул я. – Я пошёл?

- Иди конечно.

- Садись, а то шашлыки стыннут! – указал на свободный стул Иваныч, принимая у меня из рук бутылки с пивом.

- Как Елена Васильевна поживает? – спросила меня Вера Петровна, и я чуть не подавился куском мяса.

- Да ничего, вроде, - пытаюсь быть как можно безмятежнее, ответил я, старательно пережевывая мясо.

- А где она сейчас трудится? – вновь задала вопрос жена Иваныча.

«Вот, блин, въедливая баба!»

- Преподает в университете, - старательно пережёвывая пищу, пробурчал я.

- Народ-то прёт и прёт! – пришел мне на помощь Стешнев, пытаюсь поменять тему разговора. – Повезло с погодой! Ну, как шашлык? – обратился он к жене.

- Да ты дома лучше делаешь, - польстила мужу Вера Петровна. – Жестковат здесь шашлык.

- А ты пивка попей, мягче станет.

- Ты же знаешь, я пива не пью, - ответила приятелю супруга, аккуратно вытирая салфеткой губы.

- Давай я тебе водички куплю или сока.

- Спасибо, не надо!

- Как хочешь, а то мне не трудно.

- Сиди уж, шашлык доедай!

- Уже доел почти.

Пару минут мы жевали молча.

- Привет, Аркадий! Как жизнь? – поздоровался со мной, возникший рядом с нашим столиком, как черт из табакерки, Остроглаз. – Здравствуйте, Александр Иванович! Как ваше здоровье?

- Спасибо, Николай Петрович, сейчас уже лучше. А у вас, как дела?

- Семена Николаевича разыскиваю, говорят, где-то здесь видели. Вам не попадался?

- Нет, не встречали, - не слишком приветливо ответил я. – Может, где в другом месте с народом общается?

- Ну, я тогда побежал, - Остроглаз развернулся и направился в сторону белого дома.

- Лети, голубь, лети! – буркнул я ему вслед.

- Что вы так недобро? – спросила Вера Петровна, заметившая мой язвительный тон.

- Есть причины, Вера Петровна, - ответил я, заканчивая с шашлыком и допивая пиво.

- И немалые, - добавил Стешнев.

Вера Петровна вопросительно посмотрела на мужа.

- Ну, что, пошли, что ли? – пытаюсь окончательно прекратить обсуждение этой темы и не обращая внимания на жену, поднялся из-за стола Иваныч. – Ты куда сейчас, Аркадий? А то давай к нам домой, пображничаем да новостей подождем от избирательной комиссии.

- Спасибо, Иваныч, но я – к себе, не выспался что-то, в сон после мяса клонит. Вечером на футболе будешь?

- Обязательно! А ты что ночью-то делал?

- Да ничего.

- А что тебя тогда на сон тянет?

- Не знаю. Не выспался почему-то.

- Странно, - усмехнулся, хлопнув меня по плечу, Иванович.

- Ничего странного: не выспался и все! – оттолкнул я товарища. - Ладно, давай, до вечера!

- До свидания, Аркадий Викторович! – попрощалась со мной Вера Петровна.

Я действительно направился домой, размундирился и прилег у телевизора на диван. Выпитое пиво сделало веки тяжелыми, и я незаметно для себя заснул. Приснился мне наш городской пляж летом, полный народу, шумный и бестолковый. В толпе мелькали то тут, то там знакомые лица: то Витя Ковалев с Веркой, то почему-то Ольга, подруга Шацмана, то Вера Петровна, что-то выговаривающая Иванычу. И вдруг, неожиданно из толпы вынырнули мне навстречу две знакомые фигуры: Наталья и Елена. Они обе улыбались и тянули ко мне загорелые руки.

- Что, Аркадий, выбрал уже кого из нас? – поставил меня в тупик прямо в лоб вопрос Натальи.

- Да, выбрал, наконец, или нет? – поддержала Наталью Елена. – Пора уже и определиться!

Я попытался что-то пробормотать в ответ, но тут сон неожиданно прервался. Я сразу проснулся и открыл глаза. Резко сбросив ноги с дивана, сел, смахнул ладонью выступивший холодный пот со лба и чертыхнулся: надо же такому привидеться! По местному каналу шли последние новости, но тема выборов в них почему-то не упоминалась вовсе. Видно, плохи дела у Сени! Были бы хороши, во все фанфары давно бы трезвонили. Я посмотрел на часы: половина пятого, пора на футбол. Быстро ополоснув лицо, собрался, наодеколонился

и выбрался на свежий воздух. Еще через двадцать минут я поднимался по трибуне стадиона к нашим с Иванычем привычным местам. В честь выборов билеты на матч не продавали, видимо, власти оплатили из бюджета района затраты по приему команды, прибывшей на матч аж из самой столицы. Дорого, видно, заплатили. Еще бы – ветераны московского «Спартака», не хухры-мухры! В центральной, гостевой ложе трибун восседали Сеня с Феофановым, а с ними еще несколько человек, среди которых я различил Остроглаза и Витьку Ковалева.

- Здорово, Аркадий! – поприветствовал меня как старого знакомого улыбающийся Паша, когда я пробирался по рядам мимо ложи. – Давай к нам, место есть.

- Привет всей честной компании! – как можно веселее ответил я, изобразив на лице нечто вроде улыбки, и помахал приветственно рукой. – Спасибо, Павел Николаевич, за приглашение, но меня вон, Александр Иванович ждет, - я кивнул в сторону приятеля, сидевшего чуть в стороне и на пару рядов ниже.

Заметив мой жест, Иваныч приподнялся в кресле и поклонился находящемуся в ложе начальству.

- Чего они тебе там гутарили? – спросил он меня, когда я плюхнулся в кресло рядом с ним.

- К себе в ложу приглашали.

- Да ты что! Снизошли до простых смертных, значит.

- Ну, я, допустим, не самый простой!

- Ага. Но что-то я тебя не часто в президиумах в последнее время вижу, все как-то на галерке.

- Союзников ищут, мать их! Совсем плохи дела! Да, кстати, ты не знаешь, как выборы-то идут?

- Шестьдесят процентов на шестнадцать часов на участки явилось, так что состоялись.

- А я телевизор сейчас смотрел, никто ни гу-гу!

- Это по нашему каналу тишина, а в областных новостях уже сообщили. Но я думаю, что раньше, чем утром резуль-

таты все равно не объявят. Постараются ребята сделать все возможное и невозможное: ночь впереди!

- Ты что, думаешь, попытаются подтасовать?

- А что, в первый раз что ли?

- Думаю, в этот раз им не обломится: наблюдателей, как нерезанных собак!

- Кто его знает, что у этих мальчиков в запасе имеется, какая карта в рукаве припрятана?

- Ладно, поживем – увидим! Может, оно и к лучшему, если Сеню спихнут?

- Может.

В этот момент на поле появились судьи, и мы прекратили пустой разговор, с интересом наблюдая за происходящим.

В перерыве между таймами к нам подошел Ковалев с десятком пивных банок в полиэтиленовом пакете.

- Ну как вам игра, мужики?

- Да ничего, тянут наши ребята против мастеров на троечку. Плетью обуха не перешибешь!

- Садись, Витя! – указал на свободное сиденье рядом с собой Иваныч. – Ты лучше расскажи, как там себя наше дорожное руководство чувствует?

- Спасибо, Александр Иванович! – поблагодарил Стешнев Ковалев, но садиться не стал. – А руководство? Да что ему сделается! Пива хотите?

- Давай, Витя, - сказал я и щелкнул замком протянутой мне банки.

- Не скажи, момент напряженный! – не унимался Иваныч.

- Ладно, я пошел! – постарался уйти от прямого ответа Виктор. – А то начальство пива жаждалось.

Он начал пробираться по рядам к центральной ложе, а Стешнев повернулся ко мне.

- Не договаривает что-то твой приятель. Не может быть, чтобы Пашка не волновался! Тут такие ставки на кону стоят! И, вообще, его пребывание в экономике района от этих выборов напрямую зависит!

- А что он тебе скажет? В белом доме работать, сам понимаешь, как в тылу врага: чем больше помалкиваешь, тем дольше живешь!

- Это точно! – ухмыльнулся Стешнев. – Потому мы с тобой там и не работаем.

К всеобщему удивлению наша команда сыграла с гостями вничью. Видимо, судьи здорово постарались или просто ребята договорились меж собой: решили не портить людям праздник. После матча мы зашли в «Огонек» отметить успех нашего «Водника», а потом разошлись по домам.

Ранним, туманным утром, наскоро позавтракав любимой яичницей с колбасой, я завел машину и поехал на вокзал, встречать Наташку. Город еще спал. Лишь кое-где в окнах горел свет, и попадались редкие прохожие, спешащие по своим делам. Правда, на привокзальной площади, как всегда, было не припарковаться: народ возвращался из отпусков. Поезд немного опаздывал, и я, зябко поеживаясь от сырости, успел еще выкурить пару сигарет. Наталья вышла из вагона слегка помятая, но радостная, сияющая и повисла у меня на шее:

- А ты чего такой колючий, не брился? – она провела по моей щеке теплой ладонью, разглядывая меня, словно не видела несколько лет.

- Да не успел, перед работой побреюсь.

- Соскучился?

- А ты как думаешь?

Я действительно соскучился по Наташке за этот долгий месяц ее отсутствия в моей бестолковой жизни, соскучился по ее голосу, улыбке, запаху духов и тела, часто снившихся мне. Я был так рад, что даже на какое-то время забыл обо всех возникших в городе пересудах по поводу моего, так скажем, случайного романа с Еленой. Мы странно встретились и странно разойдемся! Но вскоре тревога в душе возникла вновь. Да и как не возникнуть – доложат непременно! Но это – потом!

- Куда поедем, к тебе или ко мне?

- Ко мне, я тебя мамиными домашними припасами попотчую. А то, поди, яичница-то уже надоела порядком?

- Чего она надоест-то? Еда – как еда. Я, кстати, уже покушал.

- Ничего, еще раз позавтракаешь. Заодно и побреешься, а то смотреть страшно: бич и бич! Как вы тут поживаете-то, как выборы прошли?

Я подхватил Натальину сумку и двинулся к машине. Она последовала за мной.

- Насчет выборов, не знаю, результаты пока не объявляли, может, в утренних новостях сообщат. А новости есть кое-какие.

Пока мы ехали к Наталье домой, я вкратце рассказал ей о покушении на Стешнева, и о том, как я ловко выпросил у секретарши Сени имя предполагаемого исполнителя. Она слушала раскрыв рот, испуганно прижимая руки к груди.

- А еще меня Шацман заместителем к себе пригласил.

- Да погоди ты про Шацмана! Как Вера Петровна-то все это пережила?

- Нормально пережила! Ну поохала, конечно, а так – ничего!

- Дурачок ты, Аркаша! Поохала! Вот если бы меня подстрелили, ты бы тоже поохал и все?

- Да ладно, не заводись! Конечно, пережила женщина стресс, но закончилось-то все нормально.

- Слава Богу, что нормально! А то, что ты к Шацману собрался переходить – здорово! Чего тебе в вашей конторе сидеть, ждать пока она совсем не развалится?

- Жалко с людьми расставаться.

- А с кем ты расстаешься, с алкашем Костиком что ли? Работал у подрядчика, теперь заказчиком поработаешь. Организации – те же, люди – те же, куда ты от них денешься? Не в другой же город переезжаешь. Может, хоть зарплату вовремя получать будешь!

Мы подъехали к Наташкиному дому. Достав из багажника

сумку, я, стараясь не топтать, поднялся вслед за ней на второй этаж по спящему еще подъезду. Открыв дверь, мы вошли в квартиру. Наталья тут же, едва скинув пальто, повернулась ко мне, обхватила мою шею руками и, прижавшись всем телом, горячо зашептала на ухо:

- Обними меня покрепче, ну, что же ты! Как я по тебе соскучилась!

Я сбросил башмаки, подхватил легкое тело любимой на руки и унес ее в комнату.

Через час, уже ближе к семи, мы сидели на маленькой кухоньке и пили ароматный кофе со стряпней Наташиной матери.

- Я тебе плотвы вяленой из деревни привезла, - сообщила мне подруга, - настоящей, не то что эта ваша вонючая морская гадость. Потом заберешь, пива с мужиками попьете.

- Спасибо. Давай-ка включим телик, сейчас новости начнутся.

Мы прямо с чашками прошли в комнату и включили телевизор. Как раз в это мгновение на экране появилась заставка местной телестанции. Ровным и спокойным голосом диктор сообщила, что выборы главы края состоялись, на избирательные участки пришли почти семьдесят семь процентов избирателей, подсчет голосов продолжается. Но предварительные результаты выборов так и не озвучила.

- Вот, блин, что-то тут нечисто! – чертыхнулся я. – Обычно к полуночи предварительные результаты сообщают, а тут уже утро и помалкивают в тряпочку. Позвоню-ка я Иванычу.

- Что ты человека в такую рань беспокоить собрался? Спит еще твой Иваныч.

- В семь часов-то!

- А что, он как ты, тоже спозаранку жене спать не дает? Или тоже стихи сочиняет? Да и чего ты так волнуешься? Какая разница, кого выберут: хрен-то редьки не слаще! Думаешь, новый глава лучше Сени будет? Или тебе Сеня милей? Сеня на Феофанова пахал, новый еще на кого-то станет, вот и

вся разница. Помнишь, как Карамзин французским эмигрантам ответил на вопрос: ну, как там в России? Воруют! Вот и эти тем же, в основном, занимаются. А тем, кто выше сидит – несут! А не будешь нести – из обоймы вылетишь! Только свистнешь! Так что, по большому счету, без разницы, кто в белом доме сидеть будет: Сеня, или кто-то еще. Тем более к Сене народ уже привык, знает, чего от него ожидать. Иди-ка лучше брейся, да душ прими, на работу скоро.

Я быстренько принял душ, побрился, и пока Наталья плескалась в ванне, все же позвонил Иванычу:

- Привет, старик! У тебя по выборам никаких новостей?

- Есть, неофициальные, правда, пока.

- Ну так рассказывай, не томи!

- Семьдесят процентов Рыбак получил, пятнадцать Раскопаев, Елкин, что-то около пяти, об остальных и вспоминать нечего.

- Накрылся, значит, Сеня.

- Накрылся.

- А что же по телевизору молчат? Или надеются на что-то?

- А кто нашим телевидением руководит, помнишь? Правильно – Паша с Сеней пока! Так что тогда спрашиваешь? Ждут ребята, влипнуть во что-нибудь боятся. Как на минном поле: сделал шаг не туда, и – привет! В шоке сейчас все Сенины прихлебатели, не знают, что делать и куда податься! Пытались, видимо, что-то сварганить при подсчетах, но не получилось, облом вышел!

- Ну ты меня огорошил! Не знаю, радоваться или плакать? Хотя я и ждал чего-нибудь подобного.

- А тебе то что? Будет Рыбак вместо Раскопаева, что это меняет? Ничего!

- Не знаю, не знаю. Я же к Шацману сегодня собрался сходить с ответом, а там, значит, грядет смена руководства. Может полный отлуп получиться!

- А чего тебе от Яковлевича-то надо? – не понял Стешнев.

- Да, так, есть дела! – решил я не углубляться.

- Не думаю, что новый глава Шацмана менять будет. На месте мужик, вроде бы, да и головастый. Хотя, кто их знает! Ну а сменят его, с другим дела решать будешь!

- С другим может посложнее быть, к этому-то уже привыкли, хоть и горлопан.

- Ну и что? Трагедия что ли? Привыкнете и к другому, не первой! И потом в один день такие дела не решаются.

- Ладно, до встречи!

Пока я дожидался, когда Наталья приведет себя в порядок, тревога вновь поселилась во мне: надо как-то думать, что сказать, если меня моей дорогой заложат. Хотя, по большому счету, никто же меня за ноги не держал. Вон у Юрки, бывшего моего сослуживца, любимая поговорка есть: тебя на бабе поймали, а ты не сознавайся, говори, что случайно спутал! А Юрка в этих делах толк знает. Как-то мне пришлось его в таком же случае выручать. Ночевал он у одной красавицы, а супруге кто-то стукнул. Она с сестрой своей и нагрянула. Сестру под окошками на стражу поставила, чтобы, значит, не сбег любимый, а сама в дверь! Дверь закрытой оказалась. Так она скобой строительной эту самую дверь проковыряла! Представляете! Двери хоть и картонные тогда были, но я, мужик, и то не взялся бы их скобой продырявить. Да и дыра была впечатляющего размера, сам видел, такая, что женщина через неё смогла внутрь проникнуть. А телом Юркина жена была вовсе не худенькой. Юрка, пока она дыру ковыряла, все-таки ухитрился смыться! Проскользнул как-то мимо засад. Пусть, мол, бабы сами разбираются. Прибежал ко мне ни свет ни заря: дверь нужно перевесить из комнаты вместо той, что на площадку выходит! Не хотел, значит, свою любовницу без двери в квартиру оставить, как порядочный человек. Пришлось брать инструмент и топтать, помогать другу, пока люди не проснулись. Куда деваться! С женой он все-таки разошелся, но много позже...

Потом я отвез Наталью на службу, поцеловал на прощание и поехал в контору. Она гудела, как растревоженный улей. Еще бы, результаты выборов, которые стали известны и без

онемевшего телевидения, предполагали скорое возвращение на старое место Остроглаза. Костик, естественно, водворялся в прежнее кресло главного инженера. «Интересно, а куда денут главнюка? - подумал я.

- Галина Федоровна, зайди ко мне, - позвал я Галку, проходя к себе в кабинет. - Тут, знаешь, какое предложение есть, - сказал я ей без всяких предисловий. - Шацман должность в УКСе предлагает. Пойдешь со мной? Зарплата не меньше, а работа практически та же. Да и стабильность, как-никак, белый дом все-таки.

- Да вы что, Аркадий Викторович, уходить надумали?

- А тебе здесь нравится?

- Может быть, Николай Петрович вернется, порядок будет?

- Ты в это сама-то веришь?

- Ну, не знаю.

- Так ты подумай, я же не завтра тебе увольняться предлагаю. Охота тебе в этом курятнике всю жизнь торчать? Там хоть пенсия повыше будет! А у меня контракт как раз кончается, так что держать никто не будет. Да и у тебя тоже, если я верно помню. Думай, я не тороплю.

- Ладно, подумаю. А может быть, вы дочь мою с собой возьмете, Анастасию?

- Вместо тебя, что ли?

- Ну да! У нее вся жизнь впереди, ей это нужнее.

Дочь Галины работала у нас же в отделе и училась заочно на последнем курсе строительного вуза. Девочка хорошая, исполнительная, но опыта – никакого!

- Я с Шацманом насчет тебя разговаривал.

- Вы лучше о Насте переговорите, - вновь попросила женщина.

- Хорошо, - после некоторого раздумья ответил я.

- А Наталья Алексеевна вернулась уже? – внезапно переменяла тему разговора Галина.

- Чего это вы все Натальей Алексеевной интересуетесь? – напрягся я. – Вернулась.

- Ну и слава Богу! – сказала Галина, выходя из кабинета.

Последней фразой она меня крепко озадачила. Я поси-
дел еще немного, поразмыслил о текущем моменте, потом
сходил в приемную. Костика не то с радости, не то с горя
опять на работе не было, а решать любые, даже самые мел-
кие проблемы с главным не было никакой охоты. Парень
он, конечно, для меня абсолютно безобидный, но толку от
него, как от козла молока. Я собрался и поехал в белый дом,
разузнать, что да как. В белом доме стояла необычайная ти-
шина, как на кладбище. Кроме охраны на входе, в коридо-
рах никого не наблюдалось, народ словно вымер. Я постоял
минуту в предбаннике, соображая, куда податься, а затем
направился прямо в плановый отдел к Светлане. К моему
счастью она оказалась на месте.

- Здорово, Свет! Что тут у вас так тихо, мор что ли напал?

- А ты, как думаешь? Мор – не мор, а задумчивость не-
которая в электорате! – рассмеялась она, поздоровавшись.
– Народ ждет, куда его Родина отправит: то ли наградит, то
ли повесит! Начальство-то сменилось. Сейчас головки по-
летят, особенно кудрявые и пустые. Вся Сенина родня на
ушах стоит.

- Ну это-то понятно! А где простой люд пребывает, не при-
ближенный к телу?

- Тоже, на всякий случай, уши поприжал и – в норку!

- Понятно. Ты Иваныча сегодня случайно не видела?

- Был твой Иваныч у Сени с утра зачем-то, но, похоже, уже
к себе на рудник отправился. Наталья-то у тебя приехала?

- Ну, блин! – чертыхнулся я. – Что вы меня все про Ната-
лью пытаете: приехала, не приехала?

- А ты не догадываешься?

- А о чем это я должен догадываться?

- По бабам гулять меньше надо, кобель паршивый!

- Ну ты даешь! Так вот просто обозвать живого человека!

А нервная система как же?

- Тебя еще и дрыном нужно отходить!

- Как это дрыном? Представляешь, по молодому, белому телу и дрыном! Кошмар!

- А вот так! Чтобы сперматозоиды к голове не приливали!

- Фу, как грубо! Я думаю, что сперматозоиды тут ни при чем, тут скорее тестостерон зашкаливает. Видишь, какой я молодой и здоровый!

- Ерничаете все.

- Чего это вы все так моей моралью обеспокоились?

- А как же не беспокоиться! Ты у нас человек заметный, поэт, на тебя люди смотрят. Так что поосторожнее кобелиться надо. А по ночам дома спать, а не у чужих баб подушки протирать! От чужих подушек, сам знаешь, лысины появляются!

- На, видишь – ни намека! – наклонил я голову.

- Еще не вечер, - шлепнула меня по макушке Светлана.

Я разогнулся, нахально улыбаясь:

- Ладно, спасибо за заботу, пошел я, разберусь как-нибудь сам потихоньку.

- Давай, давай, разбирайся!

- Тьфу на тебя, Светка! Злой ты человек.

- Я не злая, я – справедливая!

Слегка расстроенный бесцеремонностью старой приятельницы, я поднялся этажом выше, к Аленке, разузнать, где пребывает старое и новое районное руководство, и кто теперь решает насущные и неотложные вопросы нашей нелегкой жизни. И тут же, на лестнице нос к носу столкнулся с Раскопаевым. Вид Сеня имел совершенно безмятежный и даже веселый.

- Здорово, Аркадий Викторович!

- Здравствуйте, Семен Николаевич! Как дела?

- Все в порядке! – бодро ответил Сеня.

- И куда вы теперь, Семен Николаевич? – бесцеремонно спросил я.

- Извини, Аркадий, спешу, - ушел от ответа бывший глава,

- в следующий раз поболтаем.

Эх, Сеня, Сеня! Знал бы ты, что я еще про тебя сочинил:

Наш странный, вороватый вожачок
(ему в желанье не откажешь, право)
решил на царский трон в короткий срок
взобраться и поцарствовать на славу.

Отчески друзей облобызал,
суля златые горы громогласно,
и с помощью горластых зазывал
народом избран был единогласно.

Взлетев наверх, изрядно нагрешил.
А кто теперь не грешен у кормила?
Тех, кто роптать посмел, - передушил,
в глаза с экрана улыбаясь мило.

Но, как назло, всегда бывает так,
еще с времен Калигул и Неронов –
вдруг соскользнула царская корона,
и обнажила шутовской колпак...

Я посторонился и пропустил Сенью. А потом прошел в приемную. Алена, увидев меня, надула губки.

- Здравствуй, моя радость! – я расцвел улыбкой, но девушка даже бровью не повела. – Ты чего, Алена, сердисься на меня?

- Сержусь, Аркадий Викторович! – девчонка нахмурила брови, открыла какую-то папку и начала усердно перебирать лежащие в ней бумаги.

- А что случилось-то, Алёнушка? – как можно приветливее спросил я, раздосадованный таким приемом.

Алена не ответила, продолжая рыться в папке. Я начал злиться: такая холодная встреча меня совершенно не устраивала. Только что Светка полоскала почем зря, а теперь эта дуется неизвестно на что.

- Ты чего молчишь-то, девица-красавица? Ответствуй! – я придал голосу командирские нотки.

Девчонка еще с секунду поупрямилась и подняла ресницы:

- А то, Аркадий Викторович! Вот вы меня, помните, о билете расспрашивали?

- О каком таком билете? – прикинулся я дурачком непомнящим.

- А о таком, который Семен Николаевич до Москвы заказывал. Вы еще тогда мне сказали, что ваш товарищ должен был прилететь, но потом это оказался другой человек.

- А-а, ты про это! Ну и что?

- А то. Меня вон вчера Павел Николаевич у Семена Николаевича в кабинете расспрашивал, не говорила ли я кому про этого самого товарища, которому билет покупали?

На душе у меня стало зябко. Похоже, что Стешнев что-то предпринял за столь короткий срок со своими друзьями в столице, раз Пашка засуетился. Хотя, при нынешнем раскладе дел Паше пора и успокоиться уже: ловить-то все равно нечего. Но, с другой стороны, оповещен – значит вооружен! Почуял неладное паршивец, закрутился.

- Ну спросили и спросили, - постарался, как можно спокойнее сказать я девчонке. – Чего тут такого-то?

- Отругали меня за длинный язык!

- А ты им что про меня рассказала?

- А как вы думаете, врать мне что ли? Конечно, рассказала.

- Понятно, - почесал я переносицу, поражаясь простодушию секретарши. – Ладно, ты не расстраивайся здорово, все пройдет, как с белых яблонь дым! Ну, поругали и поругали, не в первый же раз!

- Это вам все хихоньки, да хахоньки, Аркадий Викторович, а мне же здесь работать.

- Ты что, Алена, не в курсе? – спросил я.

- Нет. А что?

- Так твоего шефа из кресла уже выковыряли!

- Что вы такое говорите? – подняла на меня вмиг округлившиеся глаза Алёна.

- Ты действительно не в курсе? – пришлось искренне удивиться уже мне. – Проиграл выборы твой шеф! – я повернулся и вышел из приемной, оставив ошалевшую от такой новости дурочку переваривать услышанное.

Надо было срочно звонить Иванычу. Если Паша выяснил, кто интересовался приездом, реакция может последовать незамедлительно. Феофанов – человек мстительный, пораженный не прощает. Да и лишние свидетели ему не нужны: хоть и маленькая заноза, а зудит! Стешнев на удивление спокойно отнесся к моему сообщению:

- Нашли мои ребята того фраера! Фамилия у него, правда, другая оказалась. Ну и поспрошали, как положено.

- Закопали, что ли?

- А тебе это зачем знать? Меньше знаешь – дольше живешь!

- Интересно. Хочу понять: здесь оставаться или слинять от греха подальше?

- Что-то я тебя не узнаю, больно трусливый стал.

- Не по годам уже геройствовать-то! Боюсь, что Пашка может и за меня приняться, проведая, что я тоже в деле. Ресурсов у него хватит на такие дела. Да и тебе жить спокойно не даст. Он же теперь знает, что мы в курсе его мышьиной возни.

- Плевать мне на Пашу! Он свое получит в свое время! А ты, коли так, конечно, поостерегись, пока суд да дело! А то этот засранец может действительно какую-нибудь пакость сотворить. Да что это я тебя учу-то уму-разуму, сам не маленький. Наталья приехала?

- Приехала.

- Вот ты к ней и переберись на время. У нее отделение милиции через дорогу, там сложнее сунуться будет, если что вдруг задумают.

- Да, дела! – протянул я. – Давненько мы в казаков-разбойников не играли.

- Давно. Ты ходи, пока ситуация не разрулится, с ушками на макушке, - посоветовал мне Стешнев.

- А когда она разрулится-то? – задал я бесполезный вопрос.
- Думаю, скоро! – коротко ответил Иваныч и повесил трубку.

Я поехал назад в контору, где пообедал в столовой и уже до вечера никуда не отлучался из кабинета. А перед концом работы позвонил Наталье в банк. Ответила одна из ее сослуживец:

- А Натальи Алексеевны нет! Она домой пораньше отпросилась.

Я извинился и перезвонил Наташке домой, но там никто трубку не поднимал. Не отвечал и сотовый телефон. Куда она пропала, интересно? Смутное беспокойство поселилось у меня где-то в глубине души, но я отогнал его прочь. «Надо пойти в магазин, что-нибудь купить на ужин», - подумал я и тут же принялся исполнять задуманное. Накупив всякого съестного и прихватив к нему бутылку сухого вина, я направился прямо к Наталье. Поднявшись на второй этаж, позвонил в знакомую дверь. Ответом мне была долгая и вязкая тишина. Дверь никак не хотела открываться. Потом я услышал за дверью легкие шаги, и дверь слегка приоткрылась. В образовавшейся темной щели первое, что я увидел, были широко открытые глаза на заплаканном лице Наташи.

- Привет! – начал, было, я, но дверь с грохотом захлопнулась у меня перед носом.

Обескураженный таким неласковым приемом я вновь решительно нажал на кнопку звонка.

- Убирайся! – раздалось из-за двери. – И никогда сюда больше не приходи!

Звуки шагов стихли где-то в глубине квартиры, а я остался стоять на площадке столбом. В первую минуту я даже не понял, что произошло. Но постепенно способность что-то сообщать ко мне все-таки вернулась. Так, значит, Наталья Алексеевна! Я, конечно, понял, что кто-то из доброхотов доложил моей ненаглядной про Елену. Но вот так выставить меня за дверь! Даже не дав оправдаться! В душе у меня зашевелилась

здоровая мужская злость. Постояв с минуту в оцепенении, я круто развернулся и скатился по ступеням вниз, едва не сбив поднимающуюся вверх старушку. Та что-то проскрипела мне вслед, но я уже вылетел на свежий воздух. Отдышавшись, немного успокоился. Ладно, посмотрим, кто первый мириться приползет! Я бросил покупки на заднее сиденье, завел машину и поехал домой. Забросив съестное в холодильник, присел на диван и задумался. Будущее представилось мне серым и безрадостным. Тоска. Я понимал, что виноват, но внутренне пытался как-то оправдаться перед собой. С кем не бывает? Ангелы, и те падают! Даже говорить не захотела!

Сидеть в одиночестве дома оказалось неважноту. По телевизору шла какая-то мура, и я, не выдержав и часа, отправился в «Огонек». Ночной воздух притихших улиц охладил мне горящее лицо. Пахло прелой листвой, морем и приближающейся зимой. В «Огоньке» гремела музыка, обнявшись, качались танцующие пары, звенели бокалы. Официантка тут же нашла мне место в уголке, и, выпив рюмку водки, я, вроде как, успокоился окончательно. А, успокоившись потихоньку начал разглядывать посетителей в зале.

- Здорово, Аркадий! – хлопнул меня неожиданно по плечу мой старый знакомый, начальник такой же, как и наша, строительной фирмы Николай Зарубин. – Чего сидишь один, грустишь? А где твоя ненаглядная?

- Привет! - я приподнялся, старательно придав лицу непринужденный вид, и пожал протянутую руку. – У матери она, не вернулась еще.

- Кончай скучать! Давай-ка собирайся, пошли к нам за стол, а то у нас некомплект, - Николай указал на столик в другом конце зала, где сидели три женщины и один мужчина, в котором я признал Геннадия Иушина.

А и правда, чего я тут кисну в одиночестве? Я с охотой согласился на предложение и быстренько пересел к ним, прихватив с собой спиртное. Тарелки с закуской перенесла официантка. Не умирать же от тоски, в самом деле?

- Добрый вечер, Геннадий Константинович! – поздоровался я с Иушиным.

- Знакомься, Аркадий! – Николай представил мне сидящих за столом женщин. – Это Валентина Петровна, - кивнул он в сторону дамы лет сорока, - это Надя, а это Ксения, - указал он на симпатичную брюнетку, с интересом разглядывающую меня. – Ну а это наш известный писатель и поэт, а по совместительству – великий строитель, Аркадий Викторович Шевченко, - представил он меня, - прошу любить и жаловать!

- Вы действительно поэт? – спросила меня брюнетка, едва заметно картавя.

- Да нет, это Николай Иванович пошутил! – попытался уйти я в сторону от ответа и перевести разговор на другую тему.

Больше всего я ненавидел досужие вопросы о литературном творчестве и литературе вообще. Особенно за пьянкой. Дилетанты считали, что всякий писатель имеет семь пятей во лбу и должен свободно рассуждать на интересующие их темы.

- Скромничаешь, Аркадий Викторович! – вмешался в разговор Иушин. – Поэт он, Ксения, и, кстати, неплохой, - пояснил он брюнетке. – Уж как долго на него Раскопаев зуб точил, а гляди ты, стихи на белом доме вывесил. Признал талант, значит.

- Ой, как интересно! А вы нам что-нибудь почитаете?

- Обязательно почитает, - перебил Ксению Николай, - давайте только сначала выпьем. За знакомство ну и за все хорошее.

Мы выпили, Юра пригласил на танец Надежду, а Николай Валентину Петровну. Хотя танцевать у меня не было особой охоты, пришлось пригласить на танец Ксению, которая глядела на меня взглядом капризного ребенка, которому попытались в чем-то отказать. В танце она прижалась ко мне всем телом, так, что я даже почувствовал некоторую неловкость, но не подал вида.

- Прочтите что-нибудь, - подняла на меня глаза, повисшая на моих плечах женщина.

Пришлось мне в придачу к танцу прочесть ей первое, что пришло мне в голову:

А после нас останется зола,
ее поднимет и развеет ветер,
и я пойму внезапно, что была
любовь твоя единственной на свете.
Кострище лебедою зарастет,
почти исчезнет, как не раз бывало.

Но кто-то вновь огонь здесь разведет,
и станет греться, радуясь привалу,
любить напропалую, без дорог,
спеша, своей судьбы не проворонить
и чувствовать сквозь тонкий свитерок,
как замирает сердце под ладонью,
и бормотать нелепые слова,
их смысла до конца не понимая.
Костер почти погаснет, догорая...

Ну а потом останется зола.

- Ой, как красиво, - восхитилась моя партнерша, - только грустно слишком.

- Жизнь она вообще-то, тоже не слишком веселая штука, - ответил я, придерживая женщину за талию. - Стоит только расслабиться - и кранты!

- Что значит «кранты»?

- Извините, Ксения, это - сленг. Жаргон дурацкий. Конец означает.

- У вас неприятности, да? - снова заглянула мне в глаза женщина. - Что-то случилось?

- Да нет. С чего это вы взяли? - встряхнулся я.

- Не притворяйтесь, у вас же все на лице написано.
- Да? – я напустил простодушное выражение на свою физиономию, но, видимо, это плохо у меня получилось.
- А вы женаты? – совершенно неожиданно спросила меня Ксения.
- Нет, - ответил я, слегка ошарашенный вопросом.
- А я была замужем, вот.
- Поздравляю!
- С чем? – удивилась моя визави. – Мы же разошлись.
- А что случилось? Почему расстались? – безо всякого интереса, больше из вежливости спросил я.
- Да ничего не случилось, - женщина прямо на глазах вдруг поскучилась и погрустнела.

Танец, наконец, закончился, и я отвел даму к столику. Мы просидели в ресторане почти до двенадцати, а потом пошли провожать своих новых приятельниц по домам. Мне, как видно, и предполагалось изначально, выпало проводить Ксению. Жила она не слишком далеко от «Огонька», в частном доме. Я довел девушку до ограды и распрощался, хотя видел, что она была бы не прочь продолжить знакомство поближе. Настроение у меня было не ахти, хотя общение в компании с приятными людьми и приободрило. Я вернулся домой и завалился спать. Утро вечера мудренее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проснулся я поздно, невыспанный, с застрявшей, как заноза, в голове мыслью, что надо что-то предпринять и как-то наладить отношения с Натальей. На часах была уже половина восьмого. Чуть на работу не проспал, черт бы ее побрал! Я быстренько умылся, побрился и побежал в гараж заводить машину.

Не люблю я опаздывать. С армейских еще времен стараюсь приходиться на работу пораньше. Был у меня один неприятный случай в жизни. Трудился я после демобилизации из желдорбата рядовым инженером в строительной лаборатории, в нашем же городе. Не по своей охоте, конечно. Хотел – мастером на участок, а взяли – лаборантом! Просто не было в том строительном управлении, куда я устроился, приличных свободных должностей. А начальником в этой самой лаборатории был один престарелый москвич, давненько работавший по северам. Зарабатывал мужик деньги, а любимая жена, видимо, в столице их тратила. Ну вот и пришлось этому самому начальнику в голову, что я его подсадить решил. Молодой, перспективный, куда там! Накатал он на меня телегу начальнику управления. Так, мол, и так: ни фига не работает товарищ Шевченко, не выполняет своих прямых, предусмотренных штатным расписанием обязанностей. А кроме всего прочего, еще и на работу систематически опаздывает. Последнее меня особенно возмутило: всегда минут на двадцать раньше положенного приходил. Да и работал не хуже других. Все это я и высказал прямо в лицо начальнику управления, когда он меня к себе на ковер вызвал. Ну и пару ласковых про москвича вставил. Чего, думаю, бояться? Подумаешь, уволят: мало что ли в городе других мест, где пригодиться можно. Правда, начальник оказался не совсем дураком, знал, что у него в управлении творится и кто чего стоит. Попенял, конечно, а потом перевел меня быстренько мастером на участок. А через три года

я уже главным инженером в этом же управлении работал. Москвич, правда, к тем порам уже назад домой смотался. Но зля я на него не держал. Слава Богу, что все так случилось. А то кис бы я в этой самой лаборатории еще неизвестно сколько. Но вот опаздывать на работу с тех самых пор никогда себе не позволял, в каком бы состоянии не находился...

Ровно без пяти девять я уже входил в родной производственный отдел.

- Привет, Галина Федоровна!

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – приподняла голову, оторвавшись от компьютера, Галина.

- Чайку не сообразим? – спросил я и пояснил. – Проспал, понимаешь, позавтракать не успел.

- Что так? – улыбнулась моя подчиненная. – А что же Наталья Алексеевна не напоила? Или тоже проспала?

- Тоже, - я не стал вдаваться в подробности и решил помолчать про то, что мы с Натальей поссорились.

- Сейчас вскипятим чаю, один момент! – засуетилась Галина. - Вы бы пока в столовую спустились да пирожков, каких-никаких взяли, что, пустой-то чай пить.

- А и то верно, сбегаю-ка я в столовку!

В коридоре я наткнулся на «главнюка», он был чем-то озадачен и куда-то спешил почти бегом, так что только кивнул в ответ на мое приветствие. Тоже о своем будущем беспокоится товарищ, мелькнуло у меня в голове. Куда теперь без волосатой руки? А если завтра Остроглаз на место вернется? Костику, когда проспится, придется кабинет-то директора освободить и в кабинет главного перебираться. Выпнут тебя, бедолагу, из твоего просторного помещения, куда пойдешь? Мне даже жалко стало мужика.

Я купил в столовой четыре вчерашних пирожка и вместе с тарелкой вернулся в отдел. После того, как я с аппетитом умял эти самые пирожки со свежесваренным чаем, настроение у меня резко поднялось вверх. Жизнь – все же хорошая

штука! И хороша она тем, что не бывает однообразной. Бьет ключом, так сказать...

Сделав кое-какие распоряжения и подготовив для печати несколько писем, я отправился в белый дом к Шацману, пора было устраивать свои дела. В администрации, как и давеча, царило уныние. Все затаились по норкам и готовились к переменам в своей судьбе, а перемены могли быть всякими...

Здороваясь со встреченными знакомыми, я сразу же поднялся в приемную к Шацману.

- У себя? – спросил секретаршу и, получив утвердительный ответ, вошел к Эдуарду Яковлевичу.

Шацман оторвал взгляд от бумаг и приподнялся мне навстречу:

- День добрый, Аркадий Викторович! Проходи, садись! Я через секунду освобожусь. Может, кофе или чаю?

- Да нет, спасибо, только что в конторе пил!

- А может, чего покрепче?

- Благодарю, но я за рулем! Кроме того, ты же знаешь, что на работе я только, когда в очередном отгуле нахожусь, выпиваю.

- Случалось, что и не в отгуле. Помнишь, на водоочистных ты нас с Остроглазом из своей прорабки попер?

- Не, я и тогда, как мне помнится, в отгуле был. У меня приятель старинный из соседней области приезжал. Вот я и решил ему стройку приличную показать, похвастаться, так сказать. А тут вы, понимаешь, прорабку заняли штабную, планерку не вовремя устроили. Мужикам выпить негде. Я и разошелся! Да и чего там, кто старое помянет, тому глаз вон!

- Ну тогда давай ближе к делу. Что надумал? – Шацман отложил свои бумаги.

- Надумать-то надумал, но страшновато что-то. Ты же мой характер знаешь, а тут у вас лавировать надо уметь, прогибаться, а не то сразу на мель сядешь!

- Научишься. А потом, ты же мой зам, чего тебе с другими-то якшаться?

- Ты же тоже не сидишь постоянно в городе, иногда и в командировки отбываешь. Так что якшаться, как ты выразился, все равно рано или поздно придется.

- Ладно, не прибежняйся, справишься! Курировать будешь жилищное строительство. Новый глава, Сергей Викторович, в предвыборной программе обещал решить в два-три года жилищный вопрос, вот и будем решать! Ты же знаешь, что его предприятие сборные деревянные дома выпускает?

- Теперь уже не его будет: он же в государственных служащих сегодня числится.

- Какая разница, у кого оно в собственности будет числиться, сути дела это не меняет.

- А чего это решили деревяшки-то строить? Мы тоже пятнадцать лет назад деревяшки целыми кварталами из бруса рубали, а теперь их уже сносить пора, если по совести.

- Ну, во-первых – быстро, а во-вторых – подешевле! Да и технологии сейчас совершенно другие. Сам же знаешь, какие у нас на окраинах гадюшники сохранились еще со времен комсомольских строек. Один район ПМК чего стоит.

- Это-то понятно. Только два-три года, не слишком ли? Я что-то в наших родных пенатах таких строительных мощностей не наблюдаю. Авантюрой попахивает.

- Со стороны строительные компании призовут. Команда-то у Рыбака вся приезжая, не наша, как я понял. По крайней мере, замов точно менять будет. На прежних местах работы чать есть какие-никакие знакомые. Подтянут своих людишек.

- С этим подтягиванием как бы своих работяг без работы не оставить.

- Не останутся. Как говорится: планов громадье, всем хватит!

- Ну, ну.

- Что-то я тебя Аркадий не узнаю. Давай, бросай этот пессимизм, все будет нормально.

- Ты не знаешь, откуда он?

- Местный, родился здесь.

- Да ты что!

- Местный, местный! В нашем ГПТУ учился когда-то, а потом в соседнем районе работал. Нефтяники его хорошо знают.

- Кстати, Рыбак уже приступил к исполнению?

- Дела друг другу с Семеном Николаевичем передают, но в кабинете главы пока не сидит. Все больше по району катается, с хозяйством знакомится. А официально после церемонии принятия присяги в Думе к обязанностям приступит. И люди новые, как я сказал, около него уже крутятся. Откуда-то со стороны пригласил, или с собой привез. Знаешь, кого хотят главой администрации назначить?

- Кого?

- Игоря Шнитко.

- Да ты что!

- Знаешь такого?

- Еще бы! Когда-то он у нас в районе отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности командовал. Так он же сейчас в столице, кажется, живет? Давненько его в городе не видно было да и жены его Натальи тоже.

- Возвращается в родной город. Они, оказывается, с Рыбаком старинные приятели, то ли в школе вместе учились, то ли еще где пересекались.

- Да уж, не лучший, конечно, выбор. Мелковат паренек и у народа особой любовью не пользуется, мент, как-никак. Игорька многие из наших руководителей помнят и зуб на него имеют. На кой черт ему этот хомут понадобился? Слушай что, сидеть-то ему!

- Есть, видимо, резон.

- Я бы на месте Рыбака прежде чем его ставить на должность, крепко подумал.

- Ладно, не нам это решать! Может, ему так удобнее? Ты же знаешь, что сейчас глава с думой только бюджетные деньги делят да политику делают. А администрация конкретно воплощает все эти решения в жизнь. Но если что не так,

то мальчик для битья в наличии имеется! Поди, плохо? А нравится он народу или нет – это дело второе. Стерпится-слюбится.

- Может быть ты и прав.

- Еще бы. Короче, жду тебя в понедельник. Костик-то не будет против твоего увольнения? Или сейчас у вас уже Остроглаз командует?

- Не, не появился еще.

- Не сладко Петровичу сейчас, не сладко!

- Ничего, перетрется.

- Перетрется, конечно. Ну так как, не будет тебе Костик палки в колеса вставлять?

- А у меня в пятницу как раз контракт заканчивается – куда они денутся!

- Ну тогда, давай! - поднялся из-за стола Шацман. – Решай свои проблемы побыстрее. А мне к новому главе с докладом топать надо. Просят обрисовать положение дел в строительном комплексе края! Так-то вот!

Я попрощался и вышел в приемную. Жизнь делала крутой разворот, и это слегка тревожило. Так, чуть-чуть. В карьере открывались новые горизонты, но путь до них был тернист. Привык я уже к своему сегодняшнему положению: все знакомо, все понятно, все предсказуемо. А тут надо привыкать к новым правилам игры, и к новым людям тоже. Из коридора я заглянул в плановый отдел к Светлане, поделиться новостями.

- Слышала уже, что ты к нам заместителем идешь! – сказала мне она после короткого приветствия.

- Откуда? – искренне удивился я. – Я только что, минуты не прошло, как Шацману согласие дал.

- Земля слухами полнится. Он же тебе предложение еще на той неделе делал? Ну вот сарафанное радио и донесло!

- Вот что-что, а сарафанное радио у нас всегда без помех вещает.

- Не так уж и плохо.

- Так я еще мог и не согласиться!

- Брось ты! Что, с алкашами твоими лучше что ли работать? Не надоели они тебе?

- А вот тут нечего сказать, права ты!

- Еще как права! Наталья-то приехала?

- Приехала!

- Ну и слава Богу! Женились бы вы скорей, а то болтаешься по ресторанам, как отрёпыш! А голова-то уже седеет. Опять в «Огоньке» вчера вечером кувыркался?

- И тут уже успели доложить? Ну, блин, и городок – ни украсть ни покарать!

- Так у нас же деревня маленькая, слухи быстро разносятся. Чему удивляться-то?

- Это точно! На одном краю пукнешь, а на другом уже аукается!

- А ты не пукай, пукальщик! Не мальчик уже, пора думать и посолиднее быть.

- Солиднее, конечно, можно, но ведь тоска, Свет.

- Дурак ты, Аркадий! Вон, мешки уже под глазами, а все туда же! Допрыгаешься, пятаки положить некому будет.

- Чего ты так мрачно-то? Пятаки положить некому! Я еще умирать не собираюсь, я еще попрыгать хочу.

- Попрыгунчик! Бросит тебя Наталья и правильно сделает! – окончательно рассердилась Светлана.

- Не заводись.

- Чеши, давай, от греха подальше!

- Ладно, пошел я.

- Топай, топай. Привет Наталье передавай! – неласково проводила меня Светлана.

Знала бы она, что мы с Наташей в раздрае, плешь бы проела! Да и печень тоже. Точнее, конечно, не в раздрае, а послали меня, куда подальше, как последнего негодяя. Настроение у меня опять упало, но я взял себя в руки: чего сопли распускать, не мальчик действительно! Я вышел на площадь перед белым домом, завел машину и поехал назад в управление писать заявление об уходе.

- Решились все-таки? – встретила меня Галина.
- Решился! А ты-то как?
- Не знаю, Аркадий Викторович, страшновато. Вы лучше про Настю не забудьте.
- Что ты все про Настю беспокоишься? Она – молодая, у нее вся жизнь впереди. Найдет себе место.
- Дочь ведь, о ком еще беспокоиться?
- Ладно, вот устроюсь на новом месте, там и поговорим. Чего тебе здесь гнить? Толку, как я посмотрю, все равно не будет, а сидеть и ждать, когда зарплату дадут или взащей выставят, это не по мне! Ладно бы денег не поступало, а то ведь все, что поступает, прут нагло. Надоело до чертиков собственные же деньги каждый месяц клянчить, как подавание. Да и зарплата там, как ты понимаешь, не в сравнение с нашей. Так что, думай!

Я отнес заявление в приемную, заставив секретаря распечатать в моем втором экземпляре. А то могут потом сказать, что потеряли, такое уже не раз бывало. После этого вернулся к себе в кабинет и позвонил Иванычу:

- Здорово, Стешнев, что делаешь?
- С нашим общим знакомым разговариваю. Догадываешься с кем?
- Нет.
- Я сейчас за тобой свою машину отправлю, подъезжай!
- Так я и на своей приехать могу.
- Оставь. Потом ребята подгонят, куда надо. Поменьше народа будет знать, что ты тут у меня был. Выходи на улицу минут через пять да от конторы своей топай в сторону центра. Тебя Володя по дороге и подберет.
- Лады!

Я прибрал на столе, сказал Галине, что возможно меня уже сегодня не будет, и вышел на улицу. Воздух терпко пах приближающейся зимой. Конец октября. Но солнце еще чуть-чуть пригревало и я подставил лицо под его несмелые лучи. Подъехал джип Иваныча, я сел, поздоровался с водителем,

и мы рванули в сторону рудника. Но на развилке машина поехала почему-то не в управление, а в сторону озера, где у рудника было что-то вроде собственного санатория или дома отдыха. Хороший такой уголок, уютный. Я не стал задавать лишних вопросов, раз везут туда, значит, так надо. Через двадцать минут мы затормозили у металлических ворот ограды, за которыми прогуливался, покуривая, мой приятель. Поздоровавшись со мной еще раз, он отдал какие-то распоряжения водителю, тот, газанув, развернулся и снова умчался в сторону города.

- Пошли! – коротко пригласил меня Иваныч.

- А что это за конспирация такая, а, Иваныч? Прямо, как в кино про шпионов!

Вместо ответа Стешнев молча махнул мне рукой, чтобы я следовал за ним. Мы пошли в сторону кирпичного строения, где располагались котельная, прачечная и прочие вспомогательные помещения. Открыв одну из многочисленных металлических дверей и пройдя небольшим коридором, мы очутились в довольно большом и почти пустом помещении, вроде какого-то склада, с маленькими окнами под самым потолком. В помещении находилось трое незнакомых мне здоровенных мужиков, а еще один с разбитыми губами и синяком под глазом был привязан веревками к стулу, на котором сидел.

- Ну и что? – спросил Иваныч одного из мужиков. – Молчит?

- Заговорил, куда он денется! – усмехнулся в ответ мужик. - Нанял его некто Прохоров, заплатил двадцать тысяч. Убивать не приказывал, заказал только слегка зацепить. Мы своим ребятам позвонили. Этот самый Прохоров возле Феофанова постоянно вьется, что-то вроде адвокатской конторы у него возглавляет.

- Понятно! – посмотрел на меня Стешнев.

- А чего тут не понять, - ответил я. – Это и без присутствующего товарища понятно было, - я кивнул в сторону сидящего на стуле. - На кой черт он тебе понадобился?

- Уточнить и зафиксировать, как говорит мой приятель Петрович! А он-то в этих делах сечет.

Звонарев Владимир Петрович служил старшим следователем нашей районной прокуратуры.

- Куда вы его теперь? – спросил я приятеля, когда мы отошли немного в сторону от столь живописной группы.

- Да никуда, отвезем назад и отпустим. Что мы, бандиты, какие?

- Ну вообще-то смахиваете, - не стал я лукавить.

- С волками жить – по-волчьи выть! Ему самому теперь не резон с Пашкиными гамадрилами встречаться, кому лишние свидетели нужны? Так что ли, земля? – повернулся Стешнев к сидевшему. - Пусть гуляет на все четыре стороны, нужда была руки пачкать. Спасибо, мужики, что потрудились. Я вам ничего не должен?

- Никак нет, Иван Васильевич приказал только доставить и поработать, если нужда будет.

- Показания записали?

- Обижаете, Александр Иванович! Все в лучшем виде, - ответил старший, протягивая кассету.

- Ну тогда еще раз спасибо. Везите этого соколика назад да смотрите, чтобы по дороге концы не отдал, не хочется грех на душу брать! И лишние заботы тоже не нужны.

- Не беспокойтесь, Александр Иванович, доставим в здравии! А где его оставить-то?

- Да где сам захочет. Пошли, Аркадий! – повернулся ко мне Стешнев.

- А кто этот Иван Васильевич? – спросил я, когда мы вышли на свежий воздух, и только тут до меня дошло. – Лискин что ли?

- Да какая разница, кто? – отмахнулся Иваныч. – Я же тебе говорил: меньше знать будешь – дольше проживешь, - он хитро так подмигнул мне. - Пошли-ка лучше в дом, там у меня кое-что припасено. Поговорить надо, что дальше делать и как жить. Похоже, это только первая волна, Паша, мужик настыр-

ный, просто так не остановится. Если бы этим все закончилось, я бы здорово удивился.

- А чего ему теперь суетиться? Власть в районе сменилась, ловить ему здесь, как я понимаю, больше нечего.

- Ну кое-что у него здесь все-таки осталось! Банк, например, земля с нефтью и еще привычка неистребимая – за чужой счет пожить! Пока то-да сё, он постарается свой кусок не упустить, а кто ему на пути встанет уберет, глазом не моргнет. Когда еще новое руководство во все тонкости районного хозяйства вникнет и по настоящему руководить начнет? Тем более, весной выборы городского мэра, а иметь под собой город – это тоже кое-что. Думаю, что Паша такой возможности не упустит.

Мы вошли в добротный, рубленый из приморской сосны дом и поднялись на второй этаж, где находилась гостиная. Воздух в доме был пропитан запахом сосновой смолы с примесью йода. Словно на взморье находишься, не хватает только шума прибоя. Стол был накрыт закусками, среди которых красовалось несколько бутылок с яркими этикетками.

- Присаживайся! – пригласил к столу Иваныч. – Что делать будем, как думаешь? Пока я с акциями вопрос окончательно не утрясу, Пашка меня в покое не оставит. Первый раз попугал, а второй раз и всерьез может укусить! Да и тебя, как много знающего, постарается угомонить! Не зря же он у Сени секретаршу пытал.

- А что делать? Может, таким же макаром Паше хвост прижечь, чтобы неповадно было?

- Оно бы неплохо. Однако, как ты это себе представляешь?

- Ну, не знаю.

- Вот и не болтай! Павел Николаевич все-таки не хмырь какой-то, чтобы его вот так спеленать просто было. Можно и большие неприятности поймать. Короче, для начала, нам ушки на макушке надо торчком держать. Не нанимать же киллеров, в самом деле? Мы же не мафиози какие-то, хотя

при таком раскладе дел поневоле в бандиты запишешься – и спокойнее, да и доходнее!

- Да не дергайся ты до срока! Подождем, посмотрим. Покрутится Паша, глядишь, и успокоится!

- Не знаю, не знаю. Может, ты и прав. Давай, наливай, а то мне от всех этих паскудных дел что-то тошно стало!

Мы выпили и молча закусили. Положение наше действительно стало достаточно шатким, так как Феофанов был, видимо, оповещен о том, что мы все знаем, а значит и опасен. Все эти наши пленки с компроматом для него просто – тьфу! Да и для суда этого маловато.

- Знаешь, лучше бы было, если бы с ним его конкуренты разобрались, у тех быстрее получится. Возьмут Прохорова, адвоката этого самого в оборот, а там, глядишь, и до Паши доберутся. Хотя он, гад ползучий, верткий, может и уйти, как обычно, - после паузы заговорил Иваныч.

- А что, мысль верная! На кой нам самим руки марать? Всё это на грани фола, Фемида у нас слепая, впрочем, как и Фортуна тоже.

- Ты чего намедни-то в ресторане один снова отирался? – спросил Иваныч. – С Натальей что ли поссорился?

Я ничего не стал скрывать от приятеля и все откровенно ему рассказал: и как я к Елене случайно попал, и как мне потом все знакомые бабы в городе нудно морали читали.

- Да, неприятно все это, - покачал головой Стешнев, - но не смертельно! Если у тебя все серьезно с Натальей, походи и повинись, шея не отвалится. А женщины – народ отходчивый! Поплачет и простит! Вообще-то дурак ты, Аркадий, и кобель, правильно бабы говорят! Так что не кобенься и не откладывай в долгий ящик, покупай букет цветов и дуй мириться!

- Погоди ты, Иваныч, еще от сердца не отлегло. Посмотрел бы я на твою морду, если бы тебя твоя дорогая на порог не пустила, послала куда подальше!

- Меня-то всегда пустят, не беспокойся! Ты сначала проживи с человеком столько, сколько мы с моей прожили, лап-

тем киселя похлебай, тогда и ерепениться начинай. Лучше подумай, как твоей Наташке-то обидно! А когда подумаешь, тогда и решишь, что надо делать.

- Ладно, давай-ка лучше еще по одной, а то разговор у нас с тобой какой-то не слишком приятный.

- Еще по одной, так еще по одной! – миролюбиво согласился со мной Иваныч и подставил рюмку.

Мы просидели часов до десяти, обсуждая возможные варианты развития событий.

- Думаешь, Сеня в курсе был, когда в тебя стреляли? – спросил я у Стешнева.

- Не думаю. Каким бы Сеня не был крученным, но не до такой же степени. Думаю, что его Пашка втемную использовал, он ему еще в комсомольские времена не слишком много доверял.

- Я тоже так думаю. Мне его, если хочешь знать, даже жалко сейчас: куда теперь подастся, бедолага?

- Не бойсь, без куска хлеба не оставят! Пристроит куда-нибудь областное начальство, инспектором каким-нибудь или еще кем. Короче, где деньги зарабатывать можно и работать без напряжения. А вот родне его похуже придется, они-то теперь точно новому руководству и на дух не нужны. Своих кормить надо. А трудиться на производстве эта свора никогда не умела. Да и кто их сейчас к себе возьмет? Умереть с голоду не умрут, конечно, но все же!

- Еще бы умерли! Они себе уже нагребли по самые уши: и на хлеб, и на маслице!

- На всю жизнь не наворуешь! Тем более, если хлеб привык кушать белый да еще намазанный сверху красной икрой!

- Придется поскромнее жить!

- Это мы с тобой поскромнее можем, и то не всегда получается! А этим, трудно придется, не позавидуешь! Они все поразвелись, пока в начальниках гарцевали, бабами молодыми обзавелись, а тех лелеять постоянно нужно, подарками одаривать, а то сбегут!

- Сбегут – к старым возвратятся.
- Возвратятся, если примут.
- Ладно, давай что ли собираться, пол-одиннадцатого уже.

Мы вызвали машину и поехали по домам.

- Ключ от машины Володе отдай! – сказал мне Иваныч, когда мы подъехали к моей пятиэтажке. – Они утром тебе с кем-нибудь из шоферов «уазик» к дому подгонят. Ты где его оставил?

- Да на стоянке, возле нашего управления.
- Вот и ладненько, давай ключ!

Они высадили меня возле дома, и Володя, по настоящую Иваныча, несмотря на мои протесты, проводил меня до самой квартиры. Я кое-как разделся и тут же, едва улегся в кровать, провалился в глубокий, без сновидений сон.

Проснулся я утром посвежевший и почему-то в радостном настроении. Но радость, как оказалось в дальнейшем, была преждевременной и совершенно неуместной, если учесть те события, которые произошли в это спокойное осеннее утро. А произошло вот что.

В двадцать минут седьмого, когда я только начал жевать свою любимую яичницу, непрерывно и настойчиво зазвонил дверной звонок. «Кого в такую рань черт несет», - еще успел подумать я и пошел открывать. В дверях стоял Стешнев, выражение его лица показалось мне каким-то странным.

- Что случилось, Иваныч? – спросил я, обеспокоенный таким ранним визитом приятеля. – Проходи. Может, чаю со мною выпьешь?

- Какой к черту чай! – хрипло выдал из себя взъерошенный Иваныч. – Ты знаешь, что произошло?

- А что произошло?

- Собирайся и поехали! – вместо ответа заявил Иваныч. – Милиция ждет!

- Какая к дьяволу милиция? – обалдел я. – Да объясни ты, наконец, толком, что случилось-то?

- А то! Человек мой погиб, вот что!

И Иваныч вкратце поведал, что сегодня утром его шофер Володя, прихватив из гаража одного из напарников, отправился перегнать мою машину от управления к дому. Передав ключи напарнику, он начал разворачиваться, чтобы ехать впереди и показывать дорогу. И вот в этот момент так грохнуло, что в соседнем доме и в нашей конторе вылетело несколько оконных стекол.

- Взлетел на воздух твой «уазик», кабину разворотило – смотреть страшно!

- Вот, блин! – содрогнулся я. – А что с водителем-то?

- Погиб парень! Хорошо, хоть детей нет, и сам сирота, – сжал кулаки Иваныч. – Собирайся, давай, там тебя следователь дожидается.

Я быстро собрался, и мы вышли из дома. Хорошую новость привез мне мой приятель. Значит, и меня Пашка решил пощекотать за кадык! Это значит, не передай я вчера вечером ключи Иванычу, сейчас бы сам с вывернутыми кишками лежал! Ну, блин, и дела

Через пять минут мы были возле управления, где вокруг обгоревших остатков моей машины копошились какие-то люди, видимо, эксперты, а в некотором отдалении стояла толпа зевак, обсуждая произошедшее событие.

- Ладно, я поехал! – сказал мне Иваныч. – Надо вдове сообщить о случившемся и похороны организовывать. Парнишка-то – татарин, до заката по их обычаю похоронить надо. Это привет тебе от Паши, понял! Да и мне, видимо, тоже.

Я попрощался с Иванычем и подошел к следователю.

- Следователь прокуратуры Сидоров, - представился он. - Аркадий Викторович, это ваша машина? – кивнул следователь в сторону обгоревшей груды металла.

- Моя, - подтвердил я.

- Что вы можете пояснить по поводу случившегося?

Я рассказал следователю, что оставил машину на стоянке вчера, еще до обеда, что утром мне ее должны были подогнать к дому водители из гаража Сташнева.

- И часто такое случается? – поинтересовался следователь.
– Я имею в виду перегон машины, - уточнил он.

- Ну, пару-тройку раз было лет за пять.

- Понятно, - пожевал губами следователь. – Я так думаю, что это вас кто-то хотел поджарить.

- Ну, не шофера же. А потом, там мог и вовсе другой человек оказаться.

- Понятно, - вновь протянул прокурор. – Вы после обеда зайдите в прокуратуру, Аркадий Викторович, надо будет показания оформить и подписать.

- Хорошо, – коротко ответил я и направился в управление.

В отделе меня встретила испуганными, широко открытыми глазами уже пришедшая на работу Галина.

- Что случилось, Аркадий Викторович? – почти шепотом спросила она.

- Если бы я знал.

Я прошел к себе в кабинет и уселся за стол. Мысли в голове метались, как напуганные кролики, никак не желая строиться в логические цепи.

- Кто бы это мог такое сотворить? – спросила подошедшая к дверям кабинета Галина.

- Разберемся, Галя, разберемся! – ответил я.

Нужно было хорошенько подумать и желательнее в спокойной обстановке. Неужели это все-таки гад Пашка? Хотя, кому я по большому счету еще нужен. На любимые мозоли, вроде, никому не наступал и к чужим бабам в постели не ползал. Хотя, если учесть, что у Лены бывший мужик в городе живет, все может быть? Да нет, глупость это! Они уже года три не пересекаются, мне же Ленка рассказывала. Только я одного не понял, почему так круто? Подумаешь, выяснил фамилию визитера, фамилия-то могла быть и липовой, что впоследствии и оказалось. Надо что-то предпринимать в ответ, а то вот так, за милую душу угробят, и почему не объяснят! Я еще несколько минут посидел, лихорадочно шевеля мозгами, а потом решительно поднялся и направился к выходу.

- Вы где, если спрашивать будут? – крикнула мне вслед Галина, но я только отмахнулся.

На крыльце столкнулся с входящим в контору Остроглазом.

- Что тут за кипеж, Аркадий? – спросил он. – Это не твоя там часом машина, на стоянке?

- Моя, Петрович!

- Ну и дела, блин! – только и сумел произнести Остроглаз.

Я быстренько проскочил мимо бывшего начальника и уже бывшего заместителя главы и пошел в сторону центра, уже наметив, что предпринять. Надо Сеню потряхнуть заразу, как следует, не может быть, чтобы он ничего не знал. А если даже и не знает, так дружкам своим пусть передаст обязательно, что я не лох и за себя постоять сумею. И потряхнуть нужно так, чтобы поджилки затряслись. Может, с Иванычем сначала посоветоваться? Ладно, сам справлюсь, решил я, у Стешнева и так дел по горло с эти взрывом, мать его! Я представил вдову, которая только утром проводила мужа на работу. Молоденькая девчонка и – на тебе! Не дай Бог никому такое пережить! Войдя в белый дом, я сразу поднялся на третий этаж и направился в приемную к главе. В приемной совершенно незнакомая мне девушка вопросительно подняла на меня глаза:

- Вам кого?

- А где Алена? – вместо ответа спросил я.

- А Алена здесь уже не работает, – ответила, улыбнувшись, новая секретарша. – Так вам кого?

- Не подскажете, где я могу Раскопаева Семен Николаевича разыскать?

- Подскажу. Семен Николаевич на время передачи дел занял кабинет начальника финансового отдела. Но сейчас его там нет, они с главой района выехали по каким-то вопросам в порт и будут не раньше, чем через час.

- Спасибо! Тогда я через час и подойду.

Я спустился этажом ниже и пошел дожидаться приезда начальства в УКС. Машины теперь у меня не было, а бегать пешком туда-сюда себе дороже. Я решил подождать Сеню в

плановом у Шацмана. Там Светлана хоть чаем напоит, а то у меня с утра во рту маковой росинки не было, кроме той недоеденной яичницы. А прошло уже больше трех часов, как Иваныч вытащил меня из дома. Я вспомнил яичницу и сглотнул слюну.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – приветствовала меня Светлана, когда я вошел в кабинет. – Что у вас там в вашей конторе стряслось? Звонила Наталья, сама не своя, про какие-то взрывы говорила!

- Да ты что, звонила, говоришь! Беспокоится, значит.

- А что, не должна беспокоиться почему-то? Вы поссорились что ли? Ну-ка выкладывай все по порядку!

- Так тебе про что выкладывать: про взрыв, или про поссорились мы с Натальей или нет?

- Про все.

- Что-то там, у конторы, действительно взорвалось! Пацаны, наверное, баловались с петардами, - я решил не пугать лишний раз женщину. - А насчет ссор, так я с Натальей Алексеевной не ссорился. Это она меня на порог не пустила почему-то. Ты лучше расскажи, как у вас тут дела при новом-то начальстве?

- Ты мне зубы не заговаривай! Почему-то? Узнала, поди, Наталья от добрых людей про Ленку твою?

- Ну, во-первых, она не моя и в настоящее время вроде бы холостая, а во-вторых, что вы все ко мне с ней цепляетесь? Откуда я знаю, что и про кого такие же, как ты, Наталье доложили! Добрые люди, мать вашу!

- Ты давай не хамай! Умеешь кататься, умеешь и саночки возить! Напакостил, прибирай за собой!

- Слушай, Свет, не учи меня жить! Сам как-нибудь потихоньку разберусь. Налила бы лучше чайку, с утра крошки во рту не было.

- А чего это ты даже и не позавтракал? – поднялась из-за стола Светлана, подозрительно взглянув на меня, и включила чайник.

- Да вот тоже услышал, как ты, про взрывы, ну и полетел сломя голову глядеть, что там, возле нашей конторы приключилось.

- Так что же там произошло?

- Да ничего особенного, - уклонился я от ответа.

Светлана налила мне чаю, достала из шкафа печенье и поставила передо мной на стол. В этот момент дверь приоткрылась и в кабинет заглянула...Наталья. Глаза у нее, когда она увидела меня, слегка округлились.

- Заходи! – пригласила ее Светлана.

- Здравствуйте! – ни к кому конкретно не обращаясь и избегая встречаться со мной взглядом, поздоровалась Наталья.

Она прошла мимо, подошла к подруге и поцеловала ту в щеку:

- Ну, как ты тут?

Светлана с удивлением посмотрела на Наталью. Но потом взглянула на мою покрасневшую физиономию, и поняла, почему подруга так себя ведет. А я, воспользовавшись ее минутным замешательством, постарался поскорее выхлебать остатки чая и как можно быстрее ретироваться в коридор. Не хватало еще объясняться тут, при посторонних...

Высочив в коридор, я наткнулся на Виктора Ковалева, который искренне обрадовался нашей встрече.

- Привет, Аркадий, хорошо, что ты мне попался! – он полез во внутренний карман пиджака.

- Привет! А что случилось-то?

- На, держи! – он протянул мне конверт, в котором оказалось отпечатанное приглашение на свадьбу Виктора и Веры. – В эту пятницу! – пояснил Виктор.

- Спасибо! Поздравляю! Решились, наконец!

- Да, вот решились! Ждем вас с Натальей обязательно, и прошу не опаздывать: ровно в семь!

Я помялся и решил, что Виктора нужно поставить в известность насчет нашего с Натальей конфликта:

- Ты Веру попроси, чтобы она ее еще отдельно пригласила! Пусть позвонит по телефону что ли.

- Догулялся, жеребец! – усмехнулся Виктор. – А чего твою Наталью приглашать, если она у Веры свидетелем будет. Они еще раньше об этот договаривались. Что делать-то думаешь?

- Да образуется, как-нибудь!

- Как-нибудь не образуется, нужно какие-то шаги принимать.

- Вот на свадьбе и будем пытаться! Ты меня извини, я пойду, хочу к Сене попасть по делам.

- Ладно, топай! Да смотри, не опаздывай, в пятницу, ровно в семь! – наказал он мне уже вслед. - Кстати, что за машина у вас около управления взорвалась?

- Моя! – буркнул я и развернулся, оставив оторопевшего товарища стоять с открытым ртом.

Я вновь поднялся на третий этаж, но начальство к этому моменту еще не вернулось. Мне поневоле пришлось побеседовать о жизни с новой секретаршей, которую звали Татьяной, еще минут десять. Через десять минут в дверь приемной вошли Раскопаев и новый глава района Рыбак Сергей Викторович. Плотный такой, почти квадратный мужик с лысоватой головой, одетый в простенькое пальто нараспашку. Ворот рубашки у главы был расстегнут, что создавало полный контраст с одетым с иголки и затянутым в галстук Сеной.

- Никто меня не спрашивал? – спросил новый глава секретаршу, та молча показала глазами в мою сторону.

- Здравствуйте! Вы меня ждете?

- Добрый день! Нет, не вас, а Семена Николаевича!

- Знакомьтесь, Сергей Викторович, - представил меня новому главе Сенья, - это – Шевченко Аркадий Викторович, один из самых опытных строителей нашего района, а кроме того – еще и поэт, несколько книг издал.

- Очень приятно! – протянул мне руку Рыбак. – Подождите несколько минут, я Семена Николаевича долго не задержу, - и они с Раскопаевым зашли в кабинет главы.

Через пару минут Сеня позвал меня за собой. Мы прошли коридором в финотдел.

- Что стряслось, Аркадий, рассказывай!

Я решил, что начинать нужно сразу с существа вопроса, а не бродить вокруг да около:

- Слушай, Семен Николаевич, как это прикажешь понимать?

- Ты о чем, Аркадий Викторович?

- А ты не знаешь? Вы ведь, сволочи, абсолютно невинного человека угробили!

Сеня вытаращил глаза, хлопая ресницами.

- Что, может быть, скажешь, что и о взрыве моей машины ничего не слышал? И как Стешнева подстрелили не знаешь? Или товарищу Павловичу Петру Васильевичу не ты билет до Москвы заказывал? Или у тебя на хозяйстве такой бардак, что ты никакой информацией не владеешь? Или думаешь, что всех хитрее?

- Так это твоя машина рванула?

- Короче, так, Сеня, - я не стал давать ему передышки, - как вы с Пашкой по отношению к нам, так и мы к вам! Окапывайся. Или вали, куда подальше! Да не забывай, что у тебя еще и жена с дочками есть! – поднажал я. - И Паше передай, что он свою задницу в области не спрячет! Козлы! – напоследок выпалил я, вышел в коридор и с треском захлопнул входную дверь.

Пусть подумает. Даже если он, как предполагает Иваныч, и ни при чём, то уж Пашке-то обязательно доложит. А тот засуетится. А когда человек суетится, он ошибки совершает. С этой мыслью я вышел из белого дома и пешком направился к себе в управление.

- Зайдите к Костику, Аркадий Викторович! – сказала мне Галина, как только я появился у себя в отделе. – Он вас тут уже несколько раз спрашивал.

- А на кой я ему понадобился?

- Не знаю.

- Тверёзый, или опять надушенный?
- Вроде бы трезвый. Хотя по нему так сразу и не скажешь. Я вошел в кабинет директора. За столом сидели Костик с Остроглазом, и о чем-то беседовали.
- Разрешите?
- Проходи, Аркадий Викторович, присаживайся! – пригласил меня Костик, указав на свободный стул.
- Не помешал? – спросил я Николая Петровича, усаживаясь на предложенное место.
- Нет, мы уже закончили. Ну что, разобрались органы, кто тебе тачку в хлам превратил?
- Бог с ней, с тачкой, пацана вот жалко! Жена у него вдовой осталась, хорошо, хоть, сирота, матери горя не хлебать!
- Да, - только и протянул в ответ Остроглаз.
- Какие проблемы? – повернулся я к Куренцову.
- Слушай, мне тут твое заявление об уходе принесли, как это понимать?
- Как написано, Константин Сергеевич! Срок подписанного нами контракта закончился, так, что имею полное право гулять, куда захочу!
- Ты, что, увольняешься что ли? – заинтересовался Остроглаз.
- Так точно, Николай Петрович!
- И куда собрался?
- Шацман в УКС заместителем пригласил.
- Шацман? – удивился Костик. – Что, на большие деньги потянуло?
- Не только на деньги, хотя и деньги в наше время не лишние будут. Нормальной работы хочется.
- А чем она у тебя здесь-то ненормальная? – в голосе Костика послышались нотки возмущения. – Не переработался, вроде!
- Конечно, не переработался. Только надоело каждый год писать заявления о переходе в новую фирму. У меня за пятнадцать лет работы записей в трудовой книжке втрое мень-

ше, чем за последние три года! И налоги, как я понимаю, в пенсионный фонд наша контора последние лет пять ни разу не платила, а о пенсии тоже подумать нужно. Пора. Да и за такую зарплату, что мы здесь получаем, кто сегодня работать-то нормально станет?

- Ты бы подумал, Аркадий, – вмешался в разговор Остроглаз, – столько лет в коллективе проработал, не жалко уходить-то?

- Жалко, конечно, Петрович, но что поделаешь!

- Может, повременишь с увольнением-то? Да и с зарплатой все можно решить.

- Спасибо, конечно, но не могу! Я уже Шацману пообещал в понедельник на службу явиться. А потом, куда я уйду? Здесь же в городе работать буду, только в заказчиках.

- Что ты его уговариваешь, Николай Петрович! – возмущенно запыхтел Куренцов. – Хочет человек уходить, пусть уходит!

- Постой, Костя! – осадил Куренцова Остроглаз. – Человек-то уйдет, а кто его работу делать будет?

- У нас незаменимых людей нет! Все равно главного куда-то девать надо!

- Помолчи. Ты, Викторovich, скажи лучше, что конкретно с машиной-то случилось?

- Что, что? Взорвали. Не заметно разве?

- Кому это понадобилось? Ты не догадываешься?

- Сам в раздумьях, - уклонился я от ответа. – Ладно, мужики, мне пора! – поднялся я из-за стола. – В белом доме будете, заходите! – подколот я сладкую парочку. – Чем могу – помогу!

Я вышел из кабинета, подмигнул секретарше и отправился к себе в отдел собирать вещички. Нужно было еще заняться машиной, хорошо, что она у меня застрахована. Сумма, конечно, не слишком великая, но если маленько добавить, на вполне приличную подержанную тачку хватит. Да и к следователю после обеда нужно сходить. Хотя, что я ему скажу? Один черт, менты ничего не раскопают, да им просто и не позволят этого сделать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В четверг я встретился со Стешневым и рассказал ему о нашем разговоре с Сеней.

- Ты зачем гусей лишний раз дразнишь? – рассерженно спросил меня Иваныч.

- Что значит – дразнишь! Делать-то что-то надо! Пусть думают, что мы тоже не лыком шиты и огрызнуться можем.

- Дурак ты, Аркадий! Сеню-то ты, допустим, напугал, а вот Пашу – вряд ли! Он теперь будет момент искать, чтобы и тебя, да и меня заодно обезвредить. Тебя, чтобы лишний раз не болтал, а меня, сам знаешь за что. Понял?

- А ты думаешь, что он на достигнутом остановится?

- Вот тут ты прав! Думаю, что не остановится.

- Ну вот! А то сразу, с порога дураком обозвал.

- Просто ты Пашку своим визитом к Сене поторопить можешь, и у нас времени, чтобы подготовиться, меньше останется. Придется, видимо, подключать большую артиллерию, - озабоченно констатировал Иваныч.

- Опять в столицу обращаться будешь?

- А ты думаешь, что местные вахлаки отсюда Пашу доставят? Тут люди покруче нужны!

- Я тебе говорил, что из своей конторы ушел? – спросил я, меняя тему разговора.

- Нет. Когда? И куда же это ты решил податься?

- Сегодня. Шацман заместителем пригласил.

- Да ты что! Ну и правильно, нечего тебе в вашем болоте гнить. Кстати, Остроглаз, еще назад не вернулся?

- Не знаю, но в конторе уже крутится.

- Вот помани мое слово, они еще с Костиком передерутся, выясняя, кто главнее.

- А чего им особо грызться? Поделят имущество и разбегутся, делов-то на пять копеек!

- Дела... Ты в курсе, что всех замов и начальников отделов Рыбак меняет?

- В курсе. Свою команду набирает, в основном все какие-то варяги, со стороны. Меня Светка из планового просветила.

- Смотри, при таком раскладе и Шацман может не удержаться! Я поначалу думал, что новый-то ограничится ключевыми фигурами, ан нет, решил полностью чистку произвести.

- А чего Шацмана менять, мужик он не глупый, строительство в районе идет нормально. А кому в клювике деньги таскать, так не все ли равно. Таскал Сене, теперь Рыбаку будет, жизнь идет своим чередом и не нам ее переделывать.

- А вот тут не угадаешь. Новая метла всегда по-новому метет. Может и Шацман не ко двору прийтись.

- Поглядим. Нам что? Мы люди на подъем легкие. Назад все равно уже не повернуть: поезд ушел.

- Ну-ну. Ты завтра на свадьбу-то идешь?

- А ты что, не идешь?

- Иду, конечно.

- Ну, и я иду, чего спрашивать-то.

- Тогда давай, до завтра! Смотри, осторожнее вертись по городу, особенно по вечерам.

- Ладно, не каркай, пробьемся как-нибудь!

В пятницу с утра я появился в конторе, где поругался со Светкой Ветровой, потому что та до сих пор не сдала мой расчетный лист в бухгалтерию, а потом направился в страховую компанию. Там мне сказали, что нужно оформить кучу бумаг, чем я и занялся почти до конца дня. Расчет мне в родной конторе, конечно, не выдали, денег в кассе, как обычно не было.

Пора было бежать домой, собираться к Виктору на свадьбу, что я и сделал. Дома я наскоро переоделся в парадно-выходной костюм, побрился, наодеколонился, и, прихватив, купленный еще накануне подарок, выскочил из дома к ожидавшему меня такси. Без пяти семь я вышел у центрального ресторана, где намечалось торжество. В вестибюле толпились ожидающие жениха и невесту, а теперь, после ЗАГСа, уже мужа с женой, гости.

- Привет, Аркадий! - поздоровался со мной Николай. – Ты-сячу лет тебя не видел! Ты где все пропадаешь, глаз не кажешь?

- Да дела все разные, будь они неладны! А как у вас с Татьяной?

- Да все нормально: дети учатся, мы стареем! Слышал от Остроглаза, что ты к Шацману уходишь.

- Ушел уже. Сегодня последний день в родной конторе отработал. Только вот когда бабки положенные получу, не знаю.

- И правильно сделал. Я бы с Костиком и дня не проработал, морду набил, а ты вон сколько лет промучился! А бабки получишь, куда они денутся!

- Хотелось бы побыстрее, машину покупать новую нужно.

- Да, я тебя и не спросил: разобрались органы, кто это такое с твоей машиной сотворил?

- Ты наши органы не знаешь? Они шевелятся, когда деньгами пахнет. Ну сгорела какая-то старая тачка, и дьявол с ней! Правда, человек безвинно погиб, так что придется шевелиться, тут уж никуда не деться.

- Найдут, я думаю. Дело Петровичу передали, а он мужик хваткий!

Владимир Петрович Звонарев, полковник, начальник следственного отдела, имел в народе славу человека решительного и везучего в делах. Может, действительно раскопает?

В этот момент входная дверь распахнулась, заиграл марш Мендельсона, и в помещение вошли новобрачные, сопровождаемые свидетелями. Верка сияла от счастья. В своем до пят белом платье и с аккуратным букетиком цветов в руке она выглядела прямо-таки восхитительно, как и всякая невеста. Добилась-таки своего! Витя в темном костюме с бабочкой, поддерживая свое счастье под локоток, смущенно улыбался. Рядом с невестой, кивая налево и направо в ответ на приветствия, шла моя Наталья в темно-бордовом с блестками платье и почти такого же цвета туфлях. Я украдкой смотрел на нее, пытаясь определить, что в ней изменилось за то время, пока

мы не виделись. Глаза, что ли стали строже? В этот момент Наталья скользнула по мне нарочито безразличным взглядом и что-то сказала невесте на ухо. Та согласно кивнула головкой в фате, не отрывая счастливого взгляда от Виктора. Тамада с официантами вынес поднос с двумя бокалами шампанского, каравай белого хлеба на рушнике, и свадьба началась.

- Поздравляю! – я обнял Виктора, принимающего поздравления от многочисленных друзей. – И тебя, Верочка! – чмокнул я невесту в надушенную щечку.

- Спасибо, Аркаша! – поблагодарила она меня и прижалась щекой к Витькиному плечу.

Среди гостей, рассаживающихся за столы, я к своему удивлению заметил и Елену. Они устроились за столом в другом конце зала вместе с женой Шацмана Маргаритой. Встретившись со мною глазами, Елена едва улыбнулась уголками губ и опять отвернулась к собеседнице. Я угнездился на стуле рядом со Стешневыми, а с другой стороны посадили двух незнакомых дам, видимо, с судоремонтного, где работала Верка. Пришлось заняться их обслуживанием, подливая в бокалы напитки и подавая блюда с закусками. После вальса жениха и невесты начались танцы, и я, по совету многоопытного Иваныча, сразу же пошел приглашать Наталью.

- Разрешите? – поклонился я, приглашая девушку на танец.

Наталья оторвалась от беседы с какой-то женщиной, сидевшей рядом, подняла на меня глаза, и я на секунду похолодел, а ну как откажет! Но она, не меняя спокойного выражения лица, последовала передо мной к середине зала, где уже кружились пары. Первые мгновения, когда мы начали двигаться в такт музыке, я молчал, не зная с чего начать разговор, но потом, почувствовав, что пауза затянулась, все-таки решился:

- Может быть, поговорим?

- О чем? – безразличным тоном ответила вопросом на вопрос Наталья.

- О нас.

- А о нас есть о чем-то говорить? – усмехнулась она. – По моему, ты давно уже все сказал!

- Ты это о чем? – прикинулся я ничего не понимающим ягненком.

- Да все о том же! – Наталья отвернула лицо в сторону, не желая продолжать беседу.

- Послушай, что ты уходишь от разговора? – начал я снова, слегка повысив тон в попытке привлечь ее внимание. – Дай мне хотя бы возможность объясниться!

- Что ты, собственно, голос-то повышаешь? Я тебе кто? Никто. Вот и будь добр, помолчи, иначе...

- А что иначе? – перебил я ее.

- Слушай, ты мне надоел! – оборвала меня Наталья. – Вон, - она показала глазами в сторону стола, где сидели Елена и ее приятельница, - твоя ненаглядная сидит. Вот и топай к ней!

Она неожиданно резко оттолкнула меня и демонстративно отправилась к своему месту. Я остался стоять посередь зала. Хорошо еще, что народ веселился, ничего не замечая, а то бы я сквозь землю от стыда провалился. Простояв столбом несколько мгновений, я, наконец, обрел способность двигаться, резко развернулся и направился к своему месту. Всю эту сцену, произошедшую между мной и Натальей, как я понял, заметил не только Иваныч, наблюдавший за мной. По выражению лица Елены я понял, что она тоже всё видела. В глазах ее сквозило сочувствие. Этого еще не хватало, чтобы бабы меня жалели! Я плюхнулся на стул и сразу потянулся к бутылке.

- Что, – спросил Иваныч, – отлуп дали?

Я молча налил почти полный фужер водки, нужно было как-то успокоить нервы.

- Давай лучше выпьем, Иваныч! За молодых!

Не дожидаясь приятеля, я залпом выпил водку и запил морсом.

- Водкой тут делу не поможешь, - назидательным тоном произнес Стешнев и тоже опрокинул рюмочку. – Не получилось, снова нужно пробовать!

- Это, когда тебя – почти что лицом об асфальт?

- А как ты хотел? Женщину тоже понять можно. Тем более есть повод, - он слегка кивнул головой в сторону Елены. – Что сопли распустил? Не раскисай! Не получилось с первого раза, получится со второго. Пошли лучше выйдем, покурим! Мать, мы с Аркадием покурить выйдем, - предупредил он жену.

Мы поднялись и вышли в вестибюль, где уже курили мужики, а вместе с ними разгоряченный шампанским и танцами жених.

- Поздравляю! – еще раз поздравил я Виктора, пожимая руку. – А невесту где оставил?

- Пошла с Натальей носик припудрить.

- Смотри, а то украдут, - пошутил Иваныч.

- Теперь не украдут! – засмеялся кто-то из кутивших. – Даже если захочешь!

- Это точно! – хохотнул Стешнев. – Мне вон тоже иногда хочется, чтобы мою Веру Петровну украли. Хотя бы на недельку. Только почему-то никто не решается!

- Это у него все еще впереди! – хлопнул я жениха по плечу.

- Ты сначала сам женись, а потом будешь философствовать, - отмахнулся от меня счастливый Витька.

Я потушил сигарету и пошел в туалет. Когда я уже заканчивал мыть руки, в приоткрытую дверь вместе со звуками музыки донеслись обрывки разговора:

- Ты, Копейкина, пробросаешься! Видишь, мужик переживает.

Сразу узнав голос Стешнева, я пододвинулся поближе к двери и осторожно выглянул в щель. Рядом с моим приятелем стояли невеста с Виктором и Наталья.

- Спасибо, Александр Иванович за совет, но я уж как-нибудь сама разберусь.

- Гляди, как бы потом локти кусать не пришлось!

- Да помирятся они, – беспечно махнула рукой Вера.

- Хотелось бы.

- Вы бы лучше, Александр Иванович, другом своим занялись! – вставила фразу раздраженная разговором Наталья.

- Это в каком смысле? – спросил Иваныч.

- Да в самом прямом, воспитательном!

- Ладно, я пошел, – примирительным тоном произнес Стешнев. – Жалко, что не получилось у нас разговора.

- Не расстраивайся, Иваныч, все наладится! – успокоил его Виктор, придвинувшись поближе к Вере.

Мой друг вернулся назад, в компанию курящих, а жених с невестой и Наталья направились в зал. Я подождал в туалете еще с минуту и тоже вышел в вестибюль.

- Ты чего так долго-то? – спросил меня Иваныч. – Я уже думал, что тебя в унитаз смыло!

Мы вернулись к своему столу.

- Пойдемте танцевать, Аркадий Викторович! – потянула меня за рукав полноватая блондинка, о которой я уже знал, что зовут ее Вера, как и невесту, а работает она на судоремонтном бухгалтером.

Пришлось подниматься и идти танцевать. Потом опять пили под тосты тамады и играли в какие-то дурацкие игры, в которых участвовали почти все присутствующие. Примерно через час, подгоняемый настойчивым Иванычем, я опять пошел приглашать Наталью.

- Извините, но я не танцую! – коротко ответила любимая.

Верка, сидящая рядом, испуганно посмотрела на подругу:

- Ты что?

- Устала! – резко ответила Наталья и отвернулась в сторону.

На секунду мне показалось, что у меня от стыда покраснели даже кончики ушей. Я круто развернулся и пошел через зал к выходу.

- Ты куда? – спросил меня Иваныч, танцующий с Верой Петровной, мимо которых я протискивался к дверям.

- Выйду на свежий воздух, покурю! – ответил я, не вдаваясь в подробности.

- Постой, я с тобой! Ты извини меня, Верочка! – повернулся Стешнев к жене. – Нам с Аркадием выйти нужно.

Та понимающе кивнула головой и отправилась назад к столу, а я, сопровождаемый приятелем, опять оказался в вестибюле.

- Чего ты такой красный? – спросил, разглядывая меня, Иваныч.

- Жарко, наверно, - ответил я, уже почти успокоив дыхание и придя в себя.

- Опять, что ли, отбрила девушка?

- Да пошла она подальше, Иваныч! Хватит унижаться! – взорвался я. - Не хочет продолжать отношения, ну и Бог с ней!

- А чего ты, как мальчик, икру мечешь? Так-то оно, конечно, так! Но я думаю, что это не выход! Ты лучше успокойся и не делай никаких поспешных выводов. На трезвую голову подумаешь, может, не все так мрачно. Хорошая девка Наталья, серьезная, тебе как раз такая и нужна. Да и не один год вы уже вместе, притерлись друг к другу. Да, чего я тебя учу, сам все знаешь!

- Здравствуйте, Александр Иванович! – приостановилась рядом с нами, проходившая мимо Елена. – Здравствуйте, Аркадий Викторович! – она взглянула мне прямо в глаза. – А что вы такой мрачный?

- Грибками отравился! – буркнул я не слишком приветливо.

- Здравствуйте, Леночка! – улыбнулся девушке Стешнев. – Прекрасно выглядите! Как поживаете? Как Виктор Иванович с Надеждой Николаевной живут-могут? – поинтересовался он о родителях. – Все еще работают или уже на пенсии? Давненько я их не встречал.

- Спасибо, Александр Иванович! Все нормально. Мама с папой здоровы. Папа пока еще трудится, а мама уже почти как год домовничают. Ну я пойду, не буду вам мешать, - Елена улыбнулась и отошла к ожидающей ее поодаль подруге.

- И за что тебя такие красивые девки любят? – спросил

меня приятель, с удовольствием разглядывая девушек. – Ни рожи, ни кожи у тебя, а так и липнут, как мухи на мед!

- Слово колдовское знаю! «Я и сам парень хват нарасхват, у меня ли не рыжие волосы, вот взять, к примеру, хоть наших девчат, так и липнут, как зернышки к колосу!» – засмеялся я, процитировав старую частушку, и почувствовал, что от души у меня отлегло, а дышаться стало как-то свободнее. – Пошли, выпьем что ли?

- Пошли, - согласился мой приятель, почувствовав перемену в моем настроении. – Смотри только, не наберись и не сотвори еще чего-нибудь, за что потом стыдно будет.

Мы вернулись за стол, и до конца вечера я уже не предпринимал попыток пригласить Наталью. По очереди танцевал то с блондинкой, то с брюнеткой, моими соседками по столу, то и дело непроизвольно встречаясь взглядом с искрящимися весельем, но внимательно за мною следящими, глазами Елены, танцевавшей весь вечер без остановки с разными ухаже-рами. Может, и прав Иваныч, что Наталья мне подходит по всем статьям, но и Ленка девчонка, что надо. Вон как к ней мужики клеятся!

После полуночи свадьба начала стихать, и гости засобирались домой. Меня уже порядочно штормило. Блондинка Вера, с которой я успел подружиться, гирей повисла у меня на руке.

- Пошли ко мне! – шептала она мне на ухо, пока мы ждали своей очереди в гардеробе.

Я соглашался, кивая головой, но тут в дело решительно вмешался Иваныч:

- Давай-ка, собирайся, голубь ты наш, мы тебя домой отвезем!

Мои бессвязные попытки отказаться и попытки блондинки оттащить меня в сторону от Иваныча были решительно пресечены. Через пять минут я уже сидел в машине Стешнева на заднем сиденье рядом с его женой, а еще через десять минут меня высадили у дома.

- Может, тебя до квартиры довести, – спросил Иваныч, - а то еще не дойдешь?

- Проводи, конечно, Саша! – согласилась с мужем Вера Петровна, до этого молча наблюдавшая, как я задом выполняю из машины на улицу.

Морозный воздух хлынул в легкие, и пока мы с Иванычем под ручку шли до подъезда, я слегка протрезвел.

- Ладно, Иваныч, иди в машину! – остановился я у дверей.
- Дальше сам дойду.

- А доберешься?

- Доберусь. Нормально уже все.

- Тогда бывай! – Стешнев повернулся и пошел к машине.

У машины он обернулся, я, помахав ему рукой, открыл скрипучую дверь подъезда. В подъезде было темно, хоть глаз коли. Я нащупал ногой первую ступеньку, и в это мгновение чьи-то теплые ладони сомкнулись у меня на шее. После выпитого реакция у меня была просто никакой, и я остановился, тупо соображая, кто бы это мог быть.

- Кто тут? – откашлявшись, хриплым шепотом спросил я, осяпывая руками прижавшееся ко мне сзади гибкое тело.

- Я это, дурачок!

Ответный шепот, в котором я узнал голос Елены, окончательно меня ошарашил.

- А ты откуда здесь? – опять шепотом, по-дурацки спросил я.

- От верблюда! – тихонько рассмеялась девушка, развернув меня и поцеловав прямо в нос. – Не прогонишь?

- Пошли! – я потянул девушку за собой, второй рукой крепко цепляясь за поручень перил. – Смотри, не упади, а то тут, блин, ничего не видать!

- Сам не упади! Давай-ка я с тобой рядом пойду. Вот так, не торопись, успеем!

Мы благополучно добрались до моей квартиры и открыли дверь. «Будь что будет, - подумал я, постепенно трезвея, и обругал про себя кого-то, сам не знаю кого. – Так вам и надо!»

Утром я не стал будить тихо посапывающую на подушке

Елену. Пусть поспит, все равно суббота. Написав на тетрадном листке записку, я сунул ее под телефон, а сам попил на кухне чаю, и вышел из дома. Было около восьми, но улицы в этот час все еще были пустынными. Выходной. Я поежился от легкого утреннего морозца и направился к себе в управление. Нужно было забрать из кабинета оставшиеся там вещи, а делать это у всех на виду, во время рабочего дня, мне не хотелось. Сторожиха в управлении долго не открывала на звонок, но потом все же впустила меня, недовольно ворча, что нет людям покоя даже в выходной. Я поднялся к себе в кабинет, в котором проработал последние пять лет, сложил бумаги и фотографии из ящиков стола в прихваченную с собой сумку. Туда же сунул и картину, висевшую на стене. Картину эту с незатейливым пейзажем я нарисовал много лет назад. После этого под ворчание недовольной сторожихи я покинул здание, с которым были связаны почти все значимые события моей жизни, и отправился домой. Елена уже проснулась и что-то готовила на кухне, оттуда доносился весьма аппетитный запах. И где она только продукты нашла, холодильник-то я уже неделю не открывал.

- Садись за стол.– Елена чмокнула меня в щеку.

- Выспалась? – спросил я.

- А ты как думаешь? – лукаво улыбнулась она. – Ты куда-то ходил? Садись, кушай, потом расскажешь.

На столе стояли сковорода с шипящей в масле картошкой, салатница с квашеной капустой и отдельно на блюдечке лежали сваренные яйца. В стеклянном чайнике настаивался чай.

- И ты садись, – я принялся за еду. – Ходил к себе в управление, барахло собирал. Я же в понедельник к Шацману выхожу работать.

- Да ты что! А я и не знала. Поздравляю.

- С чем? Я бы сроду из своего управления не ушел, да надоели до чертиков все эти оглоеды. Толку с ними все равно не будет! Остроглаз после отпуска на работу выйдет, пусть сам и разбирается.

- А к Шацману кем?

- Заместителем по строительству жилья. Давай-ка я тебе чаю налью!

- Спасибо!

- Слушай, Ленка! – неожиданно даже для самого себя предложил я. – А выходи-ка за меня замуж. Ты свободна, я тоже мужик холостой, чего нам по одиночке куковать?

Она как-то странно взглянула на меня и ничего не ответила. Мы молча допили чай, Елена отошла к раковине мыть посуду.

- Ну как тебе мое предложение? – озадаченный ее молчанием вновь переспросил я.

- Давай чуть позже об этом поговорим, - ровным голосом предложила Елена. – Подай, пожалуйста, полотенце. Иди лучше телевизор включи, сейчас новости начнутся, а я душ пока приму.

Я ушел в комнату и включил телевизор. Шел разговор о приоритетных программах развития образования и здравоохранения. Что это такое не знали ни ведущий программу журналист, ни отвечающий на его вопросы депутат. Второй год стояла трескотня по всей стране об этих самых приоритетных государственных программах, под которые выделялись огромные средства бюджета и которые в свою очередь бесследно исчезали, как вода в песке. А бесплатных лекарств как не хватало до этого, так и сейчас не хватает, да и зарплата учителей в результате хитрых, иезуитских манипуляций чиновников тоже не стала шибко выше. В больницу противно ходить – кругом очереди. А к узким специалистам – чуть не в драку! Не дай бог серьезно заболеть, полный абзац может приключиться. Я не так давно медицинскую справку в ГАИ оформлял для замены прав и то весь изматерился про себя. Поставили нового главврача, думали, лучше станет. А лучше не стало. На вид интеллигентный, образованный человек, а на поверку оказался простым болтуном. Зарплату, правда, себе в разы поднял, любит, видеть, бабки. Кто у нас главный

герой эпохи? Правильно, демагог! Это еще Василий Макарович Шукшин в своих произведениях весьма тонко подметил. От самого верха языками трещат до самого низа, только никто ничего конкретного делать не хочет. Может быть, такое положение дел всех, от этого самого верха до низа, устраивает? А мы что? Мы молчим.

Нас века приучили молчать,
даже если ведут к эшафоту:
по-пустому в пространство кричать,
как ни кинь, никому не охота.

И пока упражняется власть, –
(ей видней, как обычно, оттуда) –
мы лелеем плебейскую страсть
и молчим в ожидании чуда.

Я переключил канал и наткнулся на местную программу. Местное телевидение было в полной растерянности: никто не знал, что вещать. Гнали всякую лабуду, какие-то пустые и пошленькие сюжеты из жизни района, беседы с домохозяйками на кухнях и новости второй свежести. Проработав под дудку сначала Павла Николаевича Феофанова, а потом Семена Николаевича, руководство телеканала и большинство журналистов, к сожалению, напрочь отвыкли мыслить самостоятельно. А новое руководство района, видимо, еще не успело дать никаких указивок. Поэтому-то на экране и крутили старые записи нейтрального характера. Я вспомнил, как однажды меня попросили поучаствовать в какой-то программе в качестве писателя. Не без колебаний я согласился, и программа прошла. Когда же через пару дней я заехал на телестудию и попросил сделать копию записи на мой диск, так, на память, с меня в бухгалтерии телеканала содрали за эту самую запись больше трех тысяч. Я изумился, но заплатил, так и не поняв, кто же кому должен платить: я за запись, или телестудия за мое выступление? Пользуясь абсолютной

бесконтрольностью со стороны соответствующих органов и покровительством районного руководства, которому оно послушно лизало ручки, теле вещание драло со всех невероятные деньги за рекламу и за все, за что можно было драть. А появились лишние деньги, началось воровство. Пример вышестоящих начальников маячил перед глазами. Кто-то имел возможность спереть побольше, кто-то оставался обделённым. В результате в коллективе возникли склоки и как их следствие – жалобы и подметные письма. Все это позволяло Феофанову, а потом и Раскопаеву держать руководство теле студии за горло: попробуй, выскажись не в струю, тут же вылетишь в свободный полет. И на остальных можно было не обращать внимания, героев среди них не наблюдалось. Ничего, разберется с вами Рыбак, я думаю. Телевидение – вещь серьезная, без присмотра не останется.

Я выключил телевизор.

- Знаешь, а я Борю вчера видела, - вошла в комнату, расчесывая мокрые волосы, Елена.

- Какого Борю? – не понял я.

- Как какого? Бориса Петровича, бывшего главу нашего городского. Иванова.

- Не понял, - удивился я, - он же, вроде, в предварилровке в области сидит, суда дожидается.

- Выпустили под подписку о невыезде. Так что, дома с молодой женой теперь будет суда дожидаться.

Елена прошла в спальню и начала одеваться, а я остался сидеть в кресле, переваривая услышанное.

- Чего молчишь? – донеслось из спальни.

- А чего тут говорить, и так все понятно. Когда нужно было Сеню с места спихнуть, подставили Борю, полагая, что следователи разберутся и примутся за Сеню. Без молчаливого согласия Раскопаева, а то и прямых его команд, Боря и шагу не смог бы ступить, не то что квартиры раздать просто так. А теперь, когда Сени уже нет, кому вся эта возня вместе с Борей нужна? Промурыжат для порядка пару месяцев да и спустят

всё на тормозах. В первый раз что ли? Знаешь, к нам нового мента в УВД командовать прислали, Ковальский, кажется, его фамилия.

- Ну и что?

- Так вот, знаешь, как его девки в банке называют?

- Как?

- «Оно». Что, не поняла? Я тоже сначала не понял, а потом разобрался. Хам и ворюга. Еще и наркоту, говорят, крышует. Ему все эти дела и делишки с нашими властью предержажками, случившиеся до его прихода, совершенно ни к чему. Не колышет его криминальная история района.

- Я не думаю, - вышла в гостиную уже одетая Елена. – Все-таки раструбили на всю ивановскую про эти квартиры. Да и подумай: больше пятидесяти эпизодов незаконного распределения.

- Это еще до него раструбили. И не менты, а прокуратура.

- Все равно, нельзя так человека сразу грязью поливать. Оглядится, разберется!

- Твоими бы устами мед пить! Ты что, куда-то собралась? – я поднялся из кресла.

- Пора мне, Аркадий! Одиннадцать часов почти, а я обещала маме к обеду быть.

Я понял, что снова остаюсь один. Елена вышла в прихожую и начала надевать сапоги.

- Ты мне так и не ответила на мой вопрос, - снова начал я.

- Ты о чем, милый? – Елена сняла с вешалки пальто и подала мне. – Помоги, пожалуйста!

- Как о чем, о моем предложении.

Она погладила меня по щеке, ласково и внимательно поглядела прямо в глаза, но снова ничего не ответила. Отвернувшись к зеркалу, Елена достала из сумочки помаду и начала красить губы.

- Ну и чего ты молчишь?

Елена спрятала помаду в сумочку и вновь повернулась ко мне:

- Дурачок ты, сам не знаешь, что говоришь!

- Почему это дурачок?

- А потому, что жениться без любви – грех и несчастье! А любишь ты Наташку!

- А тогда у нас с тобой что? – попытался возразить я.

Елена едва заметно улыбнулась и поцеловала меня в щеку:

- Одиночество это, Аркаша, одиночество.

Дверь за девушкой закрылась, и я остался стоять столбом, размышляя над ее словами. А ведь она права и еще как.

Почему мне с женщинами не везет? Вон, Иваныч позавидовал, что они ко мне липнут, а толку-то! С Вероникой прожили почти шесть лет. Сказать, что она была плохой женщиной, язык не повернется. И внешностью бог не обидел. Дома всегда порядок, прибрано, приготовлено, чего еще мужику желать? Ан нет! Может быть, у нас не сложилось потому, что детей не было? Скорее всего. Видимо, без детей в доме двоим становится скучно и душно, однообразие заедает. А может быть, дело просто во мне. Все эти шесть лет размеренной жизни прошли без особых потрясений и запоминающихся неординарностью событий. А вот последние полгода запомнились. Стало просто невыносимо возвращаться домой, в однообразие быта, видеть одно и то же лицо, слушать одни и те же новости. Захотелось убежать от этой скукоты. И убегал. Сначала просто посидеть с мужиками после работы где-нибудь на пеньке. А где водка, там и дамы. Начались скандалы и слезы. Долго это продолжаться не могло... Я вернулся в холостую жизнь.

- Бабник ты, Аркадий! – сказала мне в очередной раз Светлана, когда я, однажды, пил у нее в плановом отделе чай.

- А что такое бабник, Свет? – спросил я ее.

- Это, когда у мужика в голове ветер гуляет и никакой ответственности за близкого человека! Нормальные, воспитанные люди к этой ответственности с детства приучены, а некоторые, вроде тебя эгоисты – нет. Вот и носит их ветром от

одного берега к другому. Большинство, все-таки, до свадьбы успокаиваются, а балбесы, вроде тебя, так и мотаются, портят жизнь и себе, и людям. Правда, к старости, когда песок сыпаться начинает, обычно прозревают. Но сколько у женщины должно быть терпения, чтобы тебя до седых волос дотерпеть?

- Ну, ты меня и обрисовала: прямо монстр какой-то!

- А ты и есть монстр! Берись за ум лучше, пятый десяток скоро! А то, пока перебесишься, да набегаешься, останешься у разбитого корыта.

- Не останусь! – легкомысленно отмахнулся я.

- Смотри, не промахайся! Завоешь в одиночку на старости лет-то! Бывает, правда, и хуже, но это к тебе пока не относится.

- Это как?

- А, это когда живет мужик с семьей нормально не один десяток лет, а потом ему сперматозоиды в голову ударяют. Лет в пятьдесят, а то и позже. Дети уже взрослые, жена постарела, вот и тянет на молодых! Вот это, куда как хуже! Человек не понимает, что молодой-то бабе нужен не он, а его положение, или деньги. А когда однажды понимает, начинает метаться взад вперед: то к одной, то к другой. Жалко смотреть! Так что тебе Аркадий пока везет. Не знаю, надолго ли.

Почему мне прямо сейчас вспомнился этот разговор? Я вздохнул, погасил в прихожей свет и пошел в гостиную. Впереди были половина субботы и воскресенье, и куда себя деть я просто не знал. Может быть в «Огонек» опять заглянуть?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В понедельник, ровно в восемь утра, с кожаной папкой под мышкой я шагал по коридору второго этажа в сторону приемной УКСа.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – приподнялась со стула секретарша, протягивая мне ключи от моего нового кабинета.

- Доброе утро, а Эдуард Яковлевич на месте?

- Нет. Его к главе вызвали. Вы, Аркадий Викторович, располагайтесь пока. Если что в кабинет нужно приобрести, вы напишите, я завхозу дам поручение.

- Спасибо.

Я прошел в кабинет заместителя. Оглядев его, я прикинул, что мне надо в первую очередь и набросал список канцелярских принадлежностей. Передав его секретарше, я заглянул в плановый, к Светлане.

- Привет!

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! С выходом вас на новое место службы!

- Спасибо. Что так официально-то?

- Так вы теперь наш начальник непосредственный.

- Подумаешь! Будь проще, Свет, и народ к тебе потянется. Вот так-то! Что тут у вас новенького?

- А ты что, Аркадий, еще ничего не слышал? – понизив голос почти до шепота, спросила Светлана.

- Нет. А что я должен слышать?

- Шацмана-то снимают!

Меня словно ушатом холодной воды окатили. Только этого мне и не хватало! Из своей конторы ушел, а сюда как бы и не пришел, получается! Это же надо так пролететь!

- Ты уверена?

- Говорят, - неопределенно пожала плечами Светлана. – Ты же знаешь, дыма без огня – не бывает! А может быть, просто слухи, я приказа пока не видела.

- Вот это ты меня огорошила, так огорошила! Прямо не знаю, что и делать, - я растерянно почесал затылок.

- Так походи к Шацману да переговори! Выясни, что да как. Может быть, болтовня обычная.

- Может быть, и болтовня. А, скорее всего – правда!

- А если правда, то тут, конечно, решать нужно, стоит ли оставаться. Придет новый человек, тебе с ним работать. Кто его знает, как тогда дела повернутся!

- Это-то понятно.

- Ну так и иди сейчас, сразу, чего время терять?

- Нет его на месте, к главе ушел.

- Тебе сейчас не позавидуешь.

- Да уж! Может быть, сразу манатки собрать да отчалить?

- Некрасиво, не попрощавшись. Что ты – мальчик что ли?

Повстречайся с Шацманом, не дрейфь!

- Да-а! – еще раз протянул я растерянно, не зная, что и предпринять в данном случае. – Ладно, спасибо за информацию, пойду к Виктору схожу, может, он чего новенького поведает.

Я поднялся этажом выше и постучался в кабинет, где, как гласила табличка на двери, располагался начальник департамента спорта и молодежной политики района Ковалев Виктор Петрович, с прошлой пятницы муж Верки.

- Войдите! – раздалось из-за двери.

В кабинете у Виктора царил полнейший бардак, а сам он перебирал бумаги из многочисленных папок, вываленных на стол, откладывая нужные в одну сторону, а другие, комкая, бросал в переполненную мусорную корзину.

- Привет, Петрович! Что тут у тебя за вавилонское столпотворенье? Генеральная уборка?

- Здорово, Аркадий! Присаживайся! – указал мне приятель глазами на свободный от папок стул. – Хуже, Аркадий, концы рублю!

- Не понял!

А что тут понимать. Реорганизуют нас, сливают в один де-

партамент вместе с культурой. Новая метла, понимаешь... И, естественно, директором департамента своего человека ставят.

- И кого?

- Притащили кого-то из соседнего района.

- Мужик?

- Как раз наоборот, женщина! Да ты ее знаешь, Ольга, бывшая спортсменка с ЛДК. С ней еще Кузьмич наш одно время мутил. Давно, правда.

Геннадий Кузьмич, а попросту Генка, работал, как и я, всю свою сознательную жизнь в нашем родном строительно-монтажном управлении, только инструктором по спорту. А поскольку спортзал был одним из немногих мест коротания досуга трудящихся, то Ольгу я, естественно, знал тоже.

- Не понял! Что, посерьезнее не могли найти человека? Насколько я помню, девочка большим умом не отличалась. Да и гулеванила, будь здоров!

- Куда уж серьезнее. Она уже половину личного состава за два дня порешила. А насчет, гулеванила, не гулеванила – не знаю. У нее сейчас – муж, хоть и гражданский. Так вот, перво-наперво, она этого мужа, своим замом и сделала. Понял! Он у нее то ли татарин, то ли азиат какой. Тоже спортсмен и моложе её лет на десять. Молодец баба!

- Да-а! Везде, значит, одно и то же!

- Это ты о чем? – не понял Виктор.

- Да о том же. Что Сеня свою родню и прихлебаев без зазрения совести на хлебные места ставил, что эти. Я-то думал, что Рыбак не такой.

- Ага, золотой!

- А ты-то куда теперь собрался?

- Предложили место заместителя по молодежной политике.

- Согласился?

- А куда деваться! Приличной работы быстро не найдешь, а Вера скоро в декрет уходит, деньги нужны. Поработаю, а там видно будет.

- Слышь, что я к тебе зашел-то. Ты не в курсе, что там с

Шацманом хотят сделать? А то в УКСе какие-то слухи нехорошие ходят, но толком никто ничего не знает.

- В курсе, но не на сто процентов, конечно. Похоже, нового начальника УКСа ставят, а Шацману должность заместителя предлагают.

- Дела. Только Шацман заместителем в собственном УКСе не пойдет, это уж точно! – сказал я скорее себе, чем Виктору.

- А чего ты за него волнуешься? Не пропадет Яковлевич! Он уже при Сене столько нахапал, что ему и на внуков хватит. Квартиры и в Питере есть, и в Москве, а работу найдет, он парень неглупый и верткий.

- Да я и не за него вовсе волнуюсь, а за себя.

- Не понял. А тебе-то что волноваться?

- Так он меня к себе замом пригласил, я сегодня первый день на работу вышел.

- Да ты что! – вытаращил глаза от изумления Виктор. – Поздравляю! Ну ты влип, прямо, как кур в ощиц!

- То-то и оно! Вот и чешу репу, не знаю, что и предпринять: то ли оформляться, то ли ноги делать?

Виктор отложил свои бумаги и потер переносицу.

- Не знаю, что тебе даже и посоветовать!

- Ладно, не забивай голову! – поднялся я. – Решай свои проблемы, а я пойду свои решать.

- С плеча-то не руби. Знаю я тебя, любишь шашкой помахать, как Василий Иванович! Может, все обрзается ещё?

- Может быть.

- Ну, давай! Ни пуха тебе, ни пера! – напутствовал меня вслед Виктор.

- К черту!

Я вновь спустился на второй этаж и отправился в приемную к Шацману.

- Вернулся Эдуард Яковлевич?

Секретарша утвердительно кивнула светловолосой головкой, указав глазами на дверь. Я вошел. Шацман звонил кому-то по телефону. Не прекращая разговора, он жестом

пригласил меня сесть. Несколькоими секундами спустя разговор закончился и Шацман положил трубку.

- Здравствуй, Аркадий Викторович! Пришел?

- Как и договаривались.

- Тогда осваивайся, а ближе к обеду я тебя коллективу представлю.

- Постой, Яковлевич, я тут слышал, что тебя перемещают, нового начальника ставят?

- Откуда такие сведения? – сделал удивленное лицо Шацман.

- Сорока на хвосте притащила.

- Ох уж эти сороки, шагу не ступить, все видят!

- Ты давай, колись, вопрос-то серьезный.

- Если и так, ты-то тут при чем?

- Как это при чем? Я сейчас устроюсь, а через неделю меня новый начальник коленкой под зад пнет! Ты же мой гнусный характер знаешь: если что не по мне, я и врезать могу. Ты сам-то, кстати, остаешься?

- Нет.

- А мне предлагаешь устраиваться. Что-то меня такой поворот дел не слишком удовлетворяет!

- Смотри, тебе виднее. Я тебя взбаламутил сюда прийти, поэтому и предлагаю остаться, пока еще при должности нахожусь. Все равно они для этой работы лучше человека не подберут.

- Лучше, может быть, и не подберут, но нужнее – наверняка.

- Решай сам. Я бы на твоём месте остался, тем более, если деваться некуда. Ты же из СМУ уже уволился?

- Уволился.

- Ну вот и оставайся.

- Нет уж, спасибо! Я в таком случае лучше не буду людей смешить. А то сегодня пришел, завтра ушел, несерьезно все это!

- Но ты же без работы остался!

- Так и ты теперь без работы.

- Мне уже ребята из столицы предложили одну контору возглавить. Здесь же, в городе. Тебя пока пригласить не могу. Устроюсь – милости просим!

- Что за контора?

- Московская фирма жилье в соседнем районе возводить будет. За свои средства, а потом продавать, как сегодня всем и предлагается.

- Понятно. Денег в Москве девать некуда, в провинцию полезли, значит, на отмывку!

- Ну так как: будешь оформляться или нет. А то я сейчас команду кадрам дам!

- Не надо. Я лучше пойду! Нас тоже не в канаве нашли, пристроимся где-нибудь.

Тут вновь затрезвонил телефон, и Шацман поднял трубку. Я молча пожал ему на прощание руку и вышел. Вот тебе и на! Приехали! Зайдя в новый, так и не ставший моим кабинет, я надел пальто, сунул свою папку под мышку и запер за собой дверь. Секретарша изумленно уставилась на меня, когда я возвращал ей ключи. Но пояснять девчонке я ничего не стал, оставив ее шевелить извилинами самостоятельно. А потом зашел к Светлане. У нее сидел и пил чай Николай Зарубин.

- Здорово, Николай! – поздоровался я с ним. – Не придется нам, Светка, вместе поработать! – повернулся я к Светлане.

- Значит, правда?

- Правда! Снимают Шацмана, а на его место варяга из области садят. И правильно: денежные потоки свой человек контролировать должен. Я точно выражаюсь, Николай?

- Не знаю, - протянул Зрубин.

- И куда ты теперь? – спросила Светлана.

- А никуда пока. Отдохнуть от дел наших грешных нужно, оглядеться. Дома посижу, дела и мысли, в порядок приведу.

- О чем вы это, господа? – заинтересовался, до этого не вмешивающийся в наш разговор Зарубин.

- Да, вон, - пояснила Светлана, - Шацман Аркадия к себе замом пригласил, а сам теперь, значит, линяет.

- И что?

- Да ничего! – сказал я. – Все нормально. Идем в свободный полет.

- Аркадий-то из своего управления уволился, - продолжила, не обращая на меня внимания, Светлана, - а тут такое дело!

- Ба, какая беда! - пожал плечами Николай Иванович. - Была бы шея, а хомут всегда найдется! Пошли ко мне, Аркадий, главным инженером. Оклад дам не хуже, чем в СМУ, а дело ты и так знаешь, не в первый раз замужем! – рассмеялся он.

- Спасибо, Николай Иванович! Я подумаю.

- За что спасибо-то? Я же тебя не в кабак приглашаю погулять, а на работу!

- Я подумаю, - вновь уклончиво ответил я. – Отдохнуть надо хотя бы недельки две.

- Так ты отдохни, кто тебя подгоняет! А потом приходи.

- Еще раз спасибо! Ну, давай, Светик, трудись, а я потопал!

- Что, и чаю не попьешь?

- Не хочется.

Я пожал Зарубину протянутую руку и открыл дверь кабинета.

- Наталье привет передавай! – крикнула мне вслед Светлана.

- Если увижу, - ответил я, не оборачиваясь.

Ну вот, не успел трудоустроиться, как вылетел с работы, а не успел вылететь – почти сразу трудоустроился! Странная вещь – случай. Фирма у Николая неплохая, чего там говорить, но я все же решил пока не торопиться с выбором. Нужно действительно дома посидеть, с мыслями собраться, а то все второпях, на скаку! А время-то летит. Мне почему-то пришло на ум старое стихотворение:

Мы уйдем, перемен не заметив,
не успев от запала остыть.
Наплюют в наше славное дети,
постараясь скорее забыть.

Им совсем ни к чему наши «измы»,
непонятные цели рубак –
хорошо, если вспомнят на тризне
и зарюют не так, а в гробах.

И останется прошлым маячить,
из-под снега оттаяв весной,
только ржавая шашка казачья
на подворье, заросшем травой.

Точно: бегаем, носимся, чего-то хотим. А что после нас
останется – не думаем! Время – камни разбрасывать, и время
их собирать! Древние, они, как всегда, правы!

Чтобы зря не терять время, я отправился в страховую ком-
панию выяснить насчет страховки за сгоревшую машину, где
и проторчал почти до обеда. А после обеда позвонил Иванычу.

- Как у тебя дела? – спросил меня вместо ответа на при-
ветствие приятель.

Я рассказал ему про мои утренние встречи.

- Может быть, все и к лучшему! Тебе там, в этом гадюш-
нике, не сработаться, это точно. Там, если не умеешь спину
гнуть и вовремя улыбаться, делать нечего!

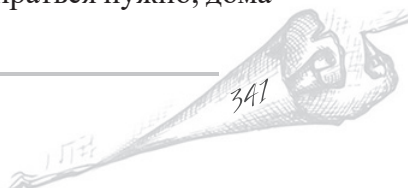
- Вот тут ты, наверное, совершенно прав, дружище!

- Еще как прав! Я бы на твоём месте к Николаю подался.
Фирма у него приличная, и сам он человек порядочный.

- Да, торопиться, вроде, некуда.

- Торопиться, конечно, не надо, но и тянуть с этим делом
тоже не гоже. Тьфу ты, рифмами уже заговорил!

- Ну и ладно, а я займусь прозой. Постираться нужно, дома
прибраться, ну и все такое.

- Давай, занимайся! А ближе к вечеру я тебе позвоню, поедем в профилакторий, обсудим дела наши грешные. Баньку я закажу, чтобы истопили.

До вечера я занимался домашними делами, а часов в пять выскочил из дома купить хлеба в ближайшей булочной, а то утром не с чем будет позавтракать. Возле магазина я нос к носу столкнулся со спешащим куда-то Борей, бывшим мэром нашего любимого города. Вид у него был неважнецкий, но не такой уж и плохой, какой можно было ожидать у человека, помотавшегося по пересылкам.

- Здорово, Борис Петрович! – непринужденно, будто мы не виделись день-два, поздоровался я, широко улыбнувшись. – Давненько тебя не видел. Ну как дела?

- Дела, как сажа бела! – ответил, пожимая мне руку, Боря.

- Давно в городе?

- Да уже неделю как.

- Тебя что, совсем реабилитировали или до суда отпустили.

- Совсем отпустили. Не нашли состава преступления!

- Вот, блин, козлы! – выругался я. – А работы и должности, значит, лишили. Что делать-то собираешься? Судиться не думаешь, чтобы восстановиться? Или это дело бесполезное? Я бы на твоём месте кровь своим бывшим начальничкам попортил.

- Отдохну пока. Отпусков накопилось почти за три года. Да и начальничков моих, как ты знаешь, уже нет, смылились.

- А что: компенсировали вынужденный прогул? Или тоже судиться будешь?

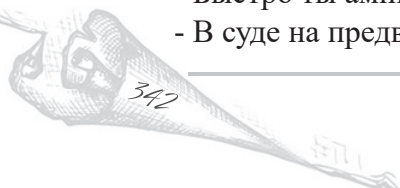
- Зачем судиться, хлопоты лишние. Куда они денутся, Аркадий! Компенсируют.

- Ну да! – подтвердил я, не очень-то веря в порядочность нашей городской власти.

Хотя там Пашин шоферюга сейчас командует, может быть, и заплатит бывшему начальнику.

- Быстро ты амнистировался, - продолжил я.

- В суде на предварительном слушанье адвокат встречный

иск подал, вот и удовлетворили по ходу дела. А так бы еще минимум полгода ждал! – пояснил мне Борис.

- Сам адвоката-то нанимал?

- Да нет, ребята помогли!

«Понятно, - подумал я, - Пашина работа!»

- Ладно, Аркадий, я побежал! – еще раз пожал мне руку Боря. – Рад был тебя видеть.

Ну вот, у человека действительно были большие неприятности и то выпутался. А у тебя что? Так, мелочи быта! Подумаешь, любимая женщина бросила! Ну еще работу потерял. Хотя, неизвестно, потерял или нашел. Я купил хлеба и отправился домой. Часов в семь пришла машина Иваныча и увезла меня в профилакторий рудника.

- Так, говоришь, не вышло у тебя белым воротничком поработать! – подколот меня Иваныч, поддавая ковшиком на раскаленные камни.

- Осторожнее, уши обваришь! – скатился я вниз с полка, где лежал, наслаждаясь жаркими объятьями хорошо протопленной бани. – Предупреждать надо!

- Полезай, полезай назад, ишь, каким нежным стал! А что Шацман? Он теперь куда подастся?

- А что Шацман? Шацман не пропадет, ты же его знаешь. Он уже куда-то нацелился на денежное местечко. Какие-то москвичи решили в нашу Тмутаракань деньги вложить, а, скорее всего, отмыть незаконно добытые. Не знаешь случайно, что за человек на его место пришел?

- Какой-то варяг из области, Егоров Михаил Георгиевич.

- А что он из себя представляет, не в курсе?

- Черт его знает. Работал в какой-то строительной конторе в последнее время. А начинал, как и все, прорабом. Только недолго на прямом производстве побыл, дальше кругом замом предпочитал отираться. Я так думаю, что это человек Лисина. Или самого Рыбака. Сам понимаешь, строительство теперь самое затратное производство, деньги бешеные кру-

тятся, особенно бюджетные, вот и ставят верных людишек следить за потоками. А денег не станет и этого Егорова не станет. Что ему тут у нас попусту отираться? Жену он сюда, как я понял, вести даже, и не планирует, в гостинице поселился. Временщик, одним словом.

- Это-то все понятно! Как и наш новый начальник УВД. В соседней области обкакался, так его вместо того, чтобы коленькой под зад, к нам переместили. Ну вот, скажи мне, почему у нас всегда так?

- Знал, видимо, много, побоялись попросту на улицу вытурить.

- Он там, у соседей, похоже, наркоту крышевал. Теперь у нас вся эта падаль оживится!

- Может, одумался, пахать станет рьяно! – рассмеялся Иваныч.

- Как же, держи карман шире! Кто его сюда пристроил, оплаты потребует. Не с майорской же зарплаты платить! Менты сами говорят: хочешь решить свои вопросы, топай к начальнику. Неси, короче. Слышал, тут предприниматели наши на Гошу Хруща пожаловались в органы: обирает, мол, как в девяностые. А не заплатишь, малолетки окна выставляют, или еще какую пакость сотворят.

- А что, выловить, что ли, проблема?

- Выловить-то – не проблема! Проблема в другом, что с них обкуренных взять? Сейчас, все-таки, не тридцать седьмой; с двенадцати лет не расстреливают.

- И что?

- Ничего. На меченых деньгах Гошу взяли, а толку.

- Что, даже дела не завели?

- Какое там дело! Подержали пару суток в обезьяннике и выпустили втихую. Вот и скажи, куда бедному крестьянину в этой стране податься? Аж тошно становится! Был бы помоложе, плюнул на все и за кордон слинял.

- Да ты, вроде, и сейчас не старый. Только если все за кордон побегут, кто этих гадов душить будет?

- Кого, Иваныч? Тут если за ниточку потянуть, знаешь, куда она тебя приведет? – я поднял глаза к потолку. - То-то же! Вся страна такая. Я тут балладу про наш бардак набросал, хочешь, прочитаю?

- Ну прочти.

- Баллада про жизнь, - торжественно объявил я и начал читать:

Лихие девяностые года.
Инфляция скользила, как торпеда.
И слово окаянное «победа»
воспринималось чаще, как «беда».

Зачем произошел развал страны
нам наши вожаки не объяснили.
Но столько стало нищих по России
скитаться, сколько не было с войны.

Рубль падал, словно люстра с потолка,
дробился, превращаясь в миллионы,
а нам внушали крепко удивленным,
что это не надолго, а пока.

Страна тащила все, что попадет:
от ржавого гвоздя до паровоза.
Одна лишь мысль зудела, как заноза:
где, что и как тебе перепадет?

Я тоже резал провод и сдавал,
и занимался куплей и продажей,
на шкурках норки разорился даже,
но был моложе и не унывал.

Почувствовав, что это ерунда,
с друзьями занялся торговлей лесом,

без устали крутился мелким бесом,
толкая не вагоны, поезда.

Доску спихнул в Самару бодрецом,
назад – машины близким и знакомым.
А председатель наш райисполкома
был нам надежной крышей, и отцом.

Как мы тогда гуляли, Боже мой,
здоровья не жалея, сыто, пьяно!
Я понял, что такое «деревянный»,
он крепко пах сосновою смолой.

Поднялся на аферах кое-кто.
Жена мне часто тыкала про это,
что, в общем-то, обидно для поэта.
Но я купил приличное пальто.

И даже приобрел автомобиль:
«уазик» старый, но вполне исправный.
Но не разбогател, что крайне странно,
хотя не вертопрах и не дебил.

А, впрочем, кто вообще поднялся вверх:
начальство, да Гайдары и Чубайсы,
но те вложились в золото и баксы,
а наши деньги вызывали смех.

А ваучеры?
Где теперь они?
Их те же благодетели скупили,
пока мы все топорщились и пили.
Ну, а когда опомнились – нишкни!

Вот и ушел тогда, сторев в огне,
приятель мой и старый кореш Вася,

он спился от тоски и несогласья
с тем, что происходило по стране.

И, потому, что не остановил
никто.

Ну, а жена смоталась в Сочи.
А смерть старуха любит одиночек,
да пьющих день и ночь, что было сил.

Не помню, как мы все перенесли
потерю друга.

Был он слишком молод.
Но перестроек ошалевший молот
добил его на краешке земли.

А следом и другой, судьбу кляня,
ушел.

Я сам в живых остался чудом,
и на жену с детьми молиться буду
за то, что, поддерживав, спасли меня.

Мы пережили эти времена
лишь только потому, что были рядом.

Ну, а страна еще лет десять кряду
была нечистой совестью больна.

Правители войну за просто так
затеяли по глупости и пьянке.

Играли нам калеки на тальянках
в подземных переходах за пятак.

И гнали за границу нефть и газ
лихие эмиссары президента,
оправдываясь сложностью момента,
к терпенью, приговаривая нас.

Мол, скоро все изменится, друзья!
И тут же одевали массам шоры.
А сами гнали выручку в оффшоры,
и делали, что можно и нельзя.

В итоге, кто богат – разбогател,
а, кто был нищим, стал еще беднее.
Иезуитство сделалось виднее,
кто как бы это спрятать не хотел.

Потом вверху затеяли игру:
сверстали планы на десятилетия.
Кому держать ответ за планы эти?
Проспитесь и поймете поутру.

А дальше – больше.
Клоны расплодив,
меняться стали мальчики на троне,
теперь его уже никто не тронет,
такой вот, понимаешь, креатив.

Где тот Гайдар?
Он – памятник теперь.
А где Чубайс?
Теперь – борец за «нано»,
у нас привычно шарит по карманам,
творец идей тревожных и потерь.

Ну, а воруют так же, прям беда,
бессовестно крадут и торопливо.
И, кто при власти, те живут счастливо.
А прочие?
А эти, как всегда!

Но были и страшнее времена,
мы их в глубоком детстве пролистали.
Я помню, как ушел товарищ Сталин,
и как рыдала искренне страна.

И мать моя рыдала.
У отца
иные чувства затаились где-то.
Качался креп на траурных портретах
забрызганного оспую лица.

Потом известный съезд всех расколол,
что многим стало просто высшей мерой,
а мы гурьбой вступали в пионеры,
и, повзрослев немного – в комсомол.

Конечно, жили проще и скромней,
и были перебои с белым хлебом,
но мы тогда поднялись выше неба
и покорить сумели Енисей.

Когда в Сибири открывали нефть
и не жалели молодые плечи,
представить было трудно бесконечно,
что ждет державу пагубный конец.

Но, глядя на мышиную возню
сегодняшних партийцев многоликих,
я вспоминаю о делах великих
и партбилет свой с орденом храню.

И я живу в расхристанной стране
чиновников, коррупции и лени,
надеясь лишь на смену поколений,
и то, что ты осталась верной мне.

Твоя любовь – послание небес!
Пусть бесконечно длится наше танго.

Боготворю тебя, мой чистый ангел,
моя судьба, мой заповедный лес,
где укрываюсь от житейских бурь,
не в силах победить их в одиночку,
куда я возвращаюсь днем и ночью,
пытаясь скрыть отчаянье и дурь.

Любимая, ты только позови –
я прилечу!
Как жизнь промчалась скоро.
Но дети наши стали нам опорой,
а внук – сосредоточием любви.

Все это нас и держит на земле,
спасая от унынья и бессилья.
И сердце обездоленной России
когда-нибудь откроется и мне.

Я верю в эту сказку наяву.
Мы все войдем когда-то в эти двери
и Родину спасем.
Я в это верю!
А, веруя, страдаю, но живу!

- Всех перебрал. А конец правильный: все перемелется. Я не думаю, что кругом одно ворье, есть и порядочные люди. Не может быть, чтобы не было.

- Есть-то они, конечно, есть. Только вот их что-то не видно, когда нужно. А от этих, что в телевизоре, изжога уже! Я, кстати, Борю сегодня встретил.

- Да ты что! Ну и как он?

- Как, как? Как огурчик выглядит! Получил деньги за все

эти месяцы, что его по каталажкам мытарили, и отпускные в придачу. На юга собирается, отдыхать! Так-то вот!

- А помнишь, я тебе говорил, что как только Сеню спихнут, Борю тут же выпустят! Видишь, я прав оказался!

- Прав, прав! Ну что, заканчивать будем?

- Давай я еще раз поддам, а потом в бассейн.

Минут через двадцать мы сидели в комнате отдыха при бане и пили темное бархатное пиво из холодильника.

- Хорошо! – сказал я умиротворенно, в очередной раз отхлебнув из кружки. – Душа поет!

- Это точно! – подтвердил Иваныч. – Вот так, иной раз на работе дела задолбают, а придешь сюда, пропаришься до костей, и все неприятности на второй план отходят! Ты с Натальей-то помирился?

- Не хочет она мириться.

- Это ты брось: не хочет! Хочет да еще как!

- С чего это ты взял? Я к ней на свадьбе и так, и этак, а она морду воротит! Лицо то есть. А у меня тоже гордость есть!

- Ты что, ей до сих пор так и не позвонил? Дурость у тебя, Аркадий, есть, а не гордость! Это же каким надо быть кретинном – не позвонить? Смотри, уведут девушку, будешь локти кусать!

- Она что – корова, чтобы ее уводить? Уведут – туда ей и дорога! На наш век баб хватит!

- Баб-то хватит, а вот жену приличную найти – это надо чтобы повезло! Да и не каждому в этом деле фартит. Иные, смотришь, всю жизнь не живут, а маются. Сами бы только – черт с ними, да детей жалко!

- Давай, сменим эту тему, а? Ты лучше расскажи: ничего не слышно, кто это так мою машину нашпиговал?

- Занимаются люди. Бойцы-то наверняка Гоши Хруща действовали, а по чьей наводке, ты не хуже моего знаешь.

Гоша Хрущ, местный смотрящий воровской братии, отирался в нашем городе с незапамятных времен, но никогда наши пути не пересекались. Да и зачем ему связываться с

людьми, с которых, кроме головной боли, ничего не получишь. Еще и шею сломать можно, сейчас ведь не девяностые! Вот ларьки и магазинчики он на деньги ставить умел. И то с тихого согласия блюстителей правопорядка. Те глаза на Гошины фортели закрывали и, думаю, не задаром.

- Странно. Не похоже это на Гошу. Чего бы ему с нами связываться? Денег с нас все равно не урвешь. А так просто, за красивые глаза, грыжу себе нажить, кому захочется?

- Я тоже сначала не поверил, но сведения, что мои людишки добыли, я думаю, точные. Имен еще, правда, не знаем, но то, что это Хруща люди сведения верные, можешь не сомневаться.

- Странно.

- Скорее всего, где-то там, наверху наш общий друг Паша с кем-то из больших Гошиных приятелей снюхался. Он и раньше особой чистоплотностью не страдал. С какими приятелями? Которым Гоша общак сколачивает. Бабла, естественно, отвалил: не даром же они в это дело вписались. А Гоша, видимо, должен этому самому кому-то. Вот его в счет долга и подписали Аркашу Шевченко наказать и других постращать заодно. Схема старая, как мир! Сам бы он, естественно, никогда на такое не решился.

- Так, может, поговорить с ним по душам, а?

- Поговорим, отчего не поговорить! Только чуть позже. А то и Гошу укатают в асфальт, не успеет ничего поведать. Нужно к этому делу приступить, когда поосведомленнее будем. Кстати, знаешь, кто сегодня адвокатом у Хруща?

- Нет. А, впрочем, догадываюсь.

- Твой старый знакомый, Игорек!

- Игорь Петрович? Не сдается, старый курилка! И сюда, значит, нанялся, все мало ему! Хотя ты мне, вроде, говорил как-то, что он на бандюганов пашет.

- Еще, как не сдается! Деньги – они же не пахнут! Если припоминаешь, он и на Пашку в свое время пахал с усердием, сейчас его банк обихаживает, так что все срастается!

- Чего тогда мы ждем? Игорек – мужик хлипкий, нажмем ему на одно место, сразу расколется!

- И что? Через два дня его на свалке городской обнаружат! Тут надо что-то придумать поделикатнее, похитрее.

- Ну смотри! А я бы так, не долго думая, взял Игорька в оборот и все бы сразу выяснил!

- А ты думаешь, он много знает? Если о делах Хруща, то – может быть. А в данном случае: ну передал чью-то просьбу позвонить, а может быть и записку, которую даже не читал, и все! Давай-ка лучше мы с тобой чего-нибудь покрепче выпьем?

Мы просидели у Иваныча почти до полуночи, обсуждая наболевшие дела, и просто вспоминая былое. К двенадцати Стешнев заторопился домой:

- Поехали, а то моя Вера Петровна с меня живьем шкуру спустит! Решит еще, что я с тобой по бабам подался!

- Поехали, праведник! Если что, я подтвержу твоё алиби.

- Кому твои подтверждения нужны, правдолюбец ты наш? Собирайся-ка, давай! Подтвердит он, понимаешь!

Мы собрали вещи, сели в машину и поехали в город. Возле моего дома машина притормозила и я, открыв дверцу, вылез на тротуар.

- Ну, ладно, бывай! – пожал я руку приятелю. – Привет передавай Вере Петровне!

- Шагай, крестоносец! – отмахнулся Иваныч. – Проспишься, обязательно Наталье позвони!

Я пробормотал что-то невразумительное в ответ и пошел к дому. Дверь в подъезд открылась с противным скрипом, и крошечная тьма обступила меня. Лампочки, как обычно, были вывернуты все до единой. Выругавшись, я схватился рукой за перила и начал подниматься, осторожно нащупывая ногами ступени. Кое-как добрался до своих дверей. Сунув ключ в замочную скважину, я услышал, нет, скорее даже почувствовал, какое-то движение у себя за спиной, и в следующее мгновение страшная боль пронзила мне череп...

...Через какое время я пришел в себя, не знаю. Белый потолок и краешек окна, вот и все, что я увидел в первое мгновение сквозь мутную, подрагивающую пелену.

- Очнулся! – произнес кто-то голосом очень похожим на голос Натальи, и мне сразу стало легко и спокойно.

Я снова прикрыл глаза и попытался вспомнить, что же со мной произошло. Но кроме того, что накануне мы с Иванычем были у него в бане, ничего на ум не приходило. Голова трещала, а мысли путались. Спустя пару минут перед глазами у меня завертелись разноцветные круги и полосы, и я снова провалился в небытие. Очнувшись снова, первым, что я увидел перед собой, было лицо незнакомой девушки в белой шапочке. Медсестра – с трудом понял я! Значит – больница! Мозги ворочались тяжело и натужно. Девушка, заметив мое шевеление, тут же поднялась со стула и исчезла за дверью, а несколько мгновений спустя в палате появился врач, еще совсем молодой человек в очках на все лицо.

- Отлично, отлично! – забормотал он, взглядываясь мне в глаза. – И как мы себя чувствуем?

Высохшим, едва ворочающимся во рту языком я попытался сказать, что чувствую себя сносно. Но получилось, видимо, плохо.

- Ничего, ничего, не отвечайте! – сказал доктор, довольнo потирая руки, и приказал сестре поставить мне какой-то укол.

Боли от укола я не почувствовал вовсе, а просто уснул и проснулся, когда луч солнца сквозь оконное стекло полоснул меня прямо по глазам. Я отвернулся в сторону. Голова почти не болела. За короткое время с момента пробуждения, я неожиданно для себя понял, что здорово проголодался. Поводив глазами вокруг себя, я увидел на стене в изголовье кровати щиток, а на щитке кнопку звонка, на которую тут же незамедлительно нажал. В палате вновь появилась та самая девушка, что я видел в момент предыдущего просветления. Она подошла вплотную к кровати и с интересом уставилась на меня.

- Сестричка, - просипел я, едва ворочая языком, - а поесть ничего не найдется?

- Конечно, найдется! – обрадовалась она, услышав мой вопрос и поняв, что я оклемался окончательно. – Я сейчас!

Девчонка выскочила за дверь и вскоре появилась с подносом. Как маленького, меня накормили с ложечки манной кашей и дали запить эту размазню стаканом компота. Насытившись, я вновь уснул и проснулся только к вечеру, потому что сильно захотел в туалет. Звать сестричку с судном было стыдно, и я самостоятельно потихоньку сполз с кровати. При этом меня так сильно мотнуло, что стены поплыли перед глазами. Но я удержался за металлическую спинку кровати, и головокружение постепенно исчезло. Туалет был тут же, в палате. «Люксовая палата, - понял я. – Кто-то расстарался!». Когда я уже почти возвратился на свое место, в дверях появился врач.

- Кто вам разрешил вставать? – грозно закричал он. – Сестра, почему больной ходит по палате?

Сестра, шедшая следом, начала что-то говорить в свое оправдание, и я, угнездившись под одеялом, решил прийти ей на помощь.

- Доктор, я себя нормально чувствую!

- Лежите больной, и не разговаривайте! – продолжал кипеть доктор, но кипение это явно стихало. – Покажите язык.

Я покорно показал язык, а потом еще минут десять терпел прослушивание и простукивание моего организма. В конце осмотра доктор хмыкнул и приказал медсестре следить, чтобы я не больше никуда самостоятельно не бегал.

- Сестричка!

- Что больной? Вам же сказали, чтобы вы поменьше разговаривали!

- Сестричка, а как я здесь оказался?

- Не знаю, вы не в мою смену поступили.

- Что со мной, знаешь?

- Открытая рана волосистой части черепа и сильное сотрясение мозга, - как по заученному ответила девчущка.

Я догадался ощупать руками голову, и оказалось, что она плотно забинтована, прямо, как шлем у мотоциклиста. Эге, наконец, вспомнил я, видать, меня тогда, после бани, кто-то здорово приголубил в подъезде. Сколько же прошло времени?

- Сестричка, а давно я здесь прохлаждаюсь?

- Третьи сутки пошли.

Ни фиги себе – третьи сутки!

- Никто за это время не появлялся?

- Почему не появлялся, появлялся! Невеста ваша в первую ночь дежурила, а днем товарищ приходил. Такой солидный, кажется, директор нашего рудника.

- Какая такая невеста? – недоуменно спросил я девушку.

- Вам лучше знать, какая! – фыркнула девушка.

Голова у меня даже от этого короткого разговора снова начала трещать. Кому это понадобилось меня так звезда-нуть? Неужели это продолжение цепи тех же самых событий? Сначала стрельба в Иваныча, потом моя машина. А, если подумать, другого и быть не может, это даже кретину ясно. Не ревнивый же муж меня подкарауливал в подъезде? Я, вроде, давненько такими делами не грешил. А ведь запросто и угробить могли. Может быть, какой-нибудь ревнивый воздыхатель Елены расстарался? Да нет, я сразу же отбросил эту мысль. Голова немного приутихла, и я вновь огляделся. Палата была одноместной, а таких палат в нашей больнице было всего четыре. Это я знал точно: самому пришлось строить и сдавать хирургический корпус. Да и лежать однажды в такой тоже пришлось, может быть, в этой самой. Был какой-то период в жизни, когда работа задолбала до чертиков, и сердце забарахлило мало-мало. Правда, коек тогда стояло две. На соседней, с таким же диагнозом в тот раз распологался директор домостроительного комбината по фамилии Флейшер, человек необщительный и молчаливый. Тоже мотор прихватило. Он скрупулезно выполнял все предписания врача и каждый день сосредоточенно наматывал ходьбой необходимые для укрепления сердечной мышцы километры

по длинному коридору этажа. А по субботам отбывал домой помыться в бане. Я познакомился с пациентом соседней палаты, заместителем директора одной нефтяной компании, и проводил у него в палате все свободное время между обходами. Разговаривали, играли в шахматы, смотрели телевизор. В субботу, когда сосед мой уходил, и больница затихала, мы с новым приятелем распивали коньячок, заботливо доставленный моими снабженцами. Сохранялся он от всевидящего ока персонала в бачке унитаза. Заодно и охлаждался. И все бы хорошо, но однажды в этот самый момент, когда мы с нефтяником смаковали напиток, в палату вполз наш начмед Вова. Хороший такой мужик, крупный и веселый. Он тоже накануне попал в реанимацию с микроинфарктом, но, видимо, к этому времени почти оклемался.

- А мне? – тут же спросил он.

- Ты что, Володя! – запротестовал я. – У тебя же инфаркт! Не дай Бог что случиться!

- Наливай!

Пришлось налить. Потом сосед ушел в свою палату, а я лег спать. Утром, сразу после завтрака, часов в девять в больнице начался переполох. Оказывается, Володя, который выпить был не дурак, после того, как отведал нашего коньячка, по инерции выхлебал весь спирт, имеющийся на тот момент в процедурных кабинетах. Даже шарики спиртовые и те выжал. Дежурные медсестры начмеду, конечно, не помеха. Ну а потом отправился назад в реанимацию, где его утром и обнаружили. Тут же началось следствие: что да откуда? Добрались и до меня. И хотя доказать мою причастность к преступлению рьяному кардиологу не удалось, так как пустую бутылку я еще с вечера опустил в мусоропровод, пришлось в срочном порядке, от греха подальше эвакуироваться, покинуть лечебное учреждение...

Утомленный воспоминаниями, я потихоньку снова задремал. Проснулся, когда сестра принесла обед и разбудила меня. Голова опять стала ясной, самочувствие значительно

улучшилось. Я плотно поел, а сразу же после обеда в палате нарисовался Иваныч.

- О, вижу, что дело идет на поправку! – нарочито бодро начал он прямо с порога, увидев, что я болтаю с улыбающейся сестричкой о жизни. – Видно сокола по полету! Только оклемался, и уже женский пол рядом! – вогнал он девушку в краску, и она, что-то пробормотав в ответ, тут же удалилась.

- Здорово, Иваныч! Рад тебя видеть!

- А я-то как рад! Думал, что хуже будет. Проломили бы тебе череп как следует и проснулся бы ты овощем, вот тогда бы было – да! Видно, крепкая у тебя башка, раз не раскололась, и мозги на месте остались. Хотя, кость, она и есть – кость, чего там стряхивать!

- А ты что думал: меня так просто угробить можно? Кстати, что тут у меня за невеста третьего дня возле бездыханного тела дежурила?

- А ты не догадываешься?

- Да нет! Шарик, ролик в голове маленько плохо ворочаются пока.

- Наталья, конечно!

- Без тебя, Иваныч, тут, конечно, не обошлось!

- Я-то тут при чем? Я только сообщил, что ты готовишься концы отдать и к Богу на свидание отправиться, а остальное все само собой получилось. Скажи спасибо моему шоферу и себе – дураку забывчивому, а то бы мы сейчас не в палате болтали, а на кладбище речи о достоинствах покойного проносили.

- А поподробнее можно.

- Что, запомнил?

- Мысли что-то путаются.

- Так ты же у меня тогда в машине перчатки забыл, когда домой потопал, Володя и пошел следом за тобой, чтобы догнать, значит! И спугнул того фраера, кто тебя по кумполу саданул! А то бы второго удара твоя головка могла и не выдержать! Темно, правда, в подъезде было, ушел гад через

чердак! Петя следом бросился, но где там! Хорошо хоть перчатки, а не шапку забыл.

- Интересно. Кому я так любимый мозоль растревожил?

- А ты подумай, пока лежишь.

- Неужели, опять те же лица? Мне это совсем не нравится. Пора, Иваныч, огрызаться начинать!

- А ты думал, что еще кому-то нужен! Ну, может быть кому из баб для наружного, так сказать, употребления. Невооруженным глазом видно, откуда уши растут! Мне вон давеча даже из министерства кое-кто звонил, рекомендовал продать наш пакет акций. Директором, дескать, как был, Александр Иванович, так и останешься, не волнуйся. Зато инвестиции потекут на развитие рекой! Сволочи все, короче! Видно, и туда Пашка пробрался. Или кто другой? Стервятников во все времена хватало. Приплатил кто-то из интересующихся чиновничкам, не иначе! Деньги, они нашему управленцу-демократу и честь, и совесть, и родину заменяют! А на самом верху, - Иваныч раздраженно ткнул пальцем куда-то в потолок, - сидят и в демократию играют. Все какие-то приоритетные проекты внедряют, мать их! Один десяток лет внедрял, теперь – другой, а результат все тот же: как корячилась страна на нефтяной игле, так и корячится! Все никак собственность переделить не могут и нажраться досыта! Да еще лозунги про патриотизм пытаются толкать! А какой может быть патриотизм, если культуру в стране угробили, литературу тоже, одни шоу на телеэкране. Приличного фильма не увидишь, все убийства сплошные! А язык, как испоганили! Откуда у нас эти министры образования берутся? Как черти из табакерки! Видно, тоже чьи-то родственники. Солженицина, я тут слышал, хотят в обязательную школьную программу ввести. Ну куда это годится! Лагеря они еще никого и ничему хорошему не научили. Знать-то об этом, конечно, нужно, но не с малых же ногтей. Таким макарон только ненависть к прошлому привить можно, а там же ведь не только лагеря остались, много чего хорошего было. Бунина бы

лучше читали, тоже Нобелевский лауреат. Зато, как о любви пишет!

- Что дальше делать-то будем? – перебил я распалившегося товарища.

- А вот поднимешься и решим! Я вот что думаю: зря ты давеча Сеню попугал, видишь, что получилось. Настучал Пашке наш голубчик! А тот, видно, тоже задергался. Быстро среагировали. Сейчас ты прав: действовать нужно, а тебя вон как раскорячило, морды и той не видно!

- Считай, что я уже поднялся. Ну, может, день еще полежу. Предлагал я тебе с Игорька начать, вот и нужно снова к этому моему предложению незамедлительно вернуться.

- Ага! Кто тебя отсюда отпустит? Ты на себя в зеркало посмотри: в гробу и то краше выглядят.

- Фигня, не на свадьбу же!

- Игорек, кстати, уже около органов крутится, чувствует, что могут начать шерстить подопечных. Вынюхивает, что да как.

- Вот и прихвати его там через Петровича. Не отходя от кассы, так сказать.

- Вывернется. Мы, кстати, в милицию насчет тебя пока не заявляли. Зачем лишний шум поднимать? К тому же, сам знаешь, что бесполезно это и даже вредно.

- А больница?

- А что больница? Медикам сказали, что ты с лестницы упал и о ступеньку звезданулся.

- И что, пролезло?

- Поверили. Тем более, что от тебя разило, как от пивной бочки. А я решил, кипеж не поднимать. Менты все равно никого не найдут, а осиное гнездо растревожат раньше времени. Лягут на дно голубчики, ищи ветра в поле. Думаю, сами быстрее разберемся и качественнее. Верно?

- Верно.

- А когда сами разберемся, тогда и Петровича подключим. Если, конечно, кто-нибудь в милицию уже не доложил. Доброхотов постучать – пруд пруди!

- Может ты и прав, - сказал я, подумав. – Давай переждем и потихонечку все разведем.

- Ты лежи тут, выздоравливай. Вид у тебя, надо сказать, аховый! А Игорьком я сам пока займусь. Это даже лучше, что ты как бы ни при чем останешься. На, вот! Я тебе тут кое-чего принес, - он открыл дверцу прикроватной тумбочки и положил туда увесистый полиэтиленовый пакет. – А это, если чувствовать себя получше будешь! - вслед за пакетом в тумбочку последовала плоская бутылка коньяка, извлеченная из внутреннего кармана пиджака. - Для расширения сосудов, так сказать!

- Так, может, прямо сейчас и расширим? – попытался подмигнуть я Иванычу заплывшим глазом.

- Лежи уж лучше! Некогда. Дел по горло. Ты давай, поправляйся и звони. Только звони мне по новому номеру, - он записал номер на листке бумаги, вырванном из записной книжки, и передал мне, - кажется, что мой старый номерок прослушивать начали.

- Да ты что! Даже до этого дошло?

- Точно не знаю, но ощущение такое есть. Ну, бывай! – Стешнев направился к двери. – Да, – он остановился, – Наталью-то прислать?

- Не надо, - коротко ответил я, подумав про себя, что если девушке захочется, она и сама придет, - не стоит!

- Ладно, как знаешь, - Стешнев вышел из палаты, а я, утомленный длинным разговором и обилием новой информации, опять задремал.

Тем более что голова, стерва, снова начала побаливать. Кость-то она, хоть и кость, а болит прямо, как живая. Но отдохнуть мне толком не позволили. В палате нарисовался-таки следователь и полчаса, пока его не выставили за дверь, расспрашивал меня об обстоятельствах случившегося. Кто-то из больничного начальства, чтобы прикрыть зад, на всякий случай в милицию настучал. Я прикинулся дурачком непомнящим и рассказал все, что мог: не видел, не помню, не знаю.

Не совсем трезв, понимаете, был. Следовательно попенял мне на недостаточную откровенность, но я сослался на плохое самочувствие.

- А вы Володю, водителя Стешнева, лучше расспросите. Это он меня на лестнице нашел.

«Фиг ты чего от Володи добьешься», - подумал я про себя, ни минуты не сомневаясь, что наши доблестные органы никогда и никого не найдут, судя по тому, как ищут минёров моей тачки. Гоша Хрущ кроме прочего, промышлял и наркотиками тоже, а раз так, то интересы Гоши и нового начальника УВД совпадали. Поэтому сыскари слишком суетиться не станут: себе дороже.

- К вам посетитель! – сообщила мне медсестра сразу после ужина, и, посторонившись, пропустила в дверь тоненькую женщину в белом, в которой я не сразу признал Елену.

Она подошла к моей кровати и присела на стул, положив на тумбочку пакет с яблоками.

- Здравствуй, Аркадий! – голос у Елены слегка дрогнул, а в глазах блеснули слезинки, которые она торопливо смахнула рукой. – Как ты тут?

- Здравствуй! – бодро ответил я, тронутый таким вниманием. – Что, шибко страшно выгляжу? Ничего, до свадьбы заживет!

- Да уж, не сомневаюсь! – попыталась улыбнуться девушка. – Голова-то болит?

- Сейчас уже нет.

- А что врачи говорят? Долго тебе еще здесь лежать?

- Мало ли чего они говорят. Швы с головы снимут, и смоюсь в тот же миг! Чего тут зря койку пролеживать!

- Ты не торопись, куда тебе торопиться! А вдруг гематома? Хватит инсульт и – все! Будешь потом всю оставшуюся жизнь на коляске ездить и слюни пускать. Кому это нужно? Полежи, отдохни. Кормят-то здесь сейчас хоть нормально?

- Нормально кормят. А днем Иваныч еще целый пакет еды

притащил, да и ты вон не с пустыми руками. Можно и поправиться, если недельки две поваляться.

- Тебе бы не помешало, а то вон как щеки ввалились, одни скулы торчат.

- Зато ты, как всегда, великолепно выглядишь! – польстил я Елене. – Как у тебя-то дела?

- Спасибо за комплимент! А что у меня? У меня все нормально, как обычно. Я вот тут тебе гранатовый сок принесла, - она достала из сумочки пачку сока, - открыть? Он полезный, помогает гемоглобин восстанавливать. Давай налью, а то сипишь, как сам знаешь кто!

- Ну налей! А если insult хватанет, в коляске меня возить будешь? – задал я вопрос и попытался изобразить на своем лице подобие улыбки. – Как в том фильме, помнишь, Хазанова возили? «Маленький герой большого секса» назывался, или как-то так примерно.

- Молчи уж, герой секса!

- Так будешь возить или нет?

- Буду, буду, - Елена открыла сок и начала наливать в стакан.

В этот самый момент дверь в палату, скрипнув, распахнулась и на пороге возникла Наталья. В одной руке у нее был букет цветов, а в другой стеклянный кувшин с водой. Увидев возле моей кровати сидящую Елену, она остановилась, как вкопанная, видимо, не зная, что предпринять. Взгляды девушек пересеклись, и я подумал, что сейчас, в это мгновение произойдет что-то такое, отчего потом всем здесь присутствующим будет стыдно. Но к моему глубокому удивлению ничего не произошло. Елена спокойно поставила стакан на тумбочку, поднялась со стула и едва заметно подрагивающими пальцами застегнула на груди расстегнувшуюся пуговицу халата.

- Здравствуйте, Наталья Алексеевна! – вежливо поздоровалась она и вновь повернулась ко мне. – До свидания, Аркадий Викторович! Выздоровливайте! – выпрямив спину, она прошла мимо стоящей молча Натальи, и прикрыла за собой дверь в палату.

В воздухе повисла такая тишина, что стало слышно, как тикают мои наручные часы, лежащие на тумбочке. Я прокашлялся:

- Проходи, Наташа, присаживайся!

Наталья вышла из охватившего ее от неожиданной встречи с Еленой оцепенения, ни слова не говоря, подошла, поставила на тумбочку кувшин и воткнула туда букет. После этого присев на стул, где только что сидела соперница, внимательно посмотрела мне в глаза.

- Как живешь, Наташа? – спросил я, пытаясь побороть охватившее меня смущение. – Давно не виделись, - в горле у меня совсем пересохло, и голос осел вовсе.

- Давно, - просто сказала девушка и глубоко вздохнула, как после тяжелой и утомительной работы. – На, попей, - она протянула мне стакан с соком, - а то хрипишь, как не знаю кто.

«Почти слово в слово, как Елена»,- подумалось мне. Я принял поданный стакан и жадно сделал пару глотков.

- Яблочка не хочешь? – задал я глупый вопрос, оторвавшись от стакана.

- Нет, не хочу, - едва заметная тень улыбки промелькнула у моей дорогой по лицу, и мне сразу как-то стало легче, хотя напряжение внутри не уходило. – Как ты себя чувствуешь?

Я понял, что она не уйдет, и немного расслабился. Видимо, что-то произошло с девушкой за эти долгие дни нашей вынужденной разлуки, и вместо того, чтобы метать молнии после того, что только что произошло в палате, глаза ее смотрели с сочувствием и, как мне даже показалось, любовью. Я взял ее за руку, и она не отдернула ее.

- Нормально! – ответил я. – Это я тебя слышал, когда первый раз пытался очнуться?

Наталья в ответ молча кивнула головой и свободной рукой поправила напозавашую мне на глаза повязку с головы.

- Спасибо! – сказал я, притянул теплую ладонь к своим запекшимся губам и поцеловал ее.

- За что? – удивилась Наталья и легонько погладила меня по небритой щеке. – Колочий!

Я прижался щекой к ее ладони и счастливо улыбнулся. Душа у меня просто пела, а на сердце стало тепло и светло. Я даже на мгновение забыл про свои болячки и про все те невеселые обстоятельства, которые привели меня сюда, на больничную кровать. Много ли человеку нужно для счастья?

- Давай по рюмочке за мое выздоровление! – неожиданно для самого себя предложил я и полез, было, в тумбочку за бутылкой оставленной мне Иванычем.

- Ты что? – испуганно замахала руками Наталья. - Нельзя тебе! У тебя же сотрясение!

- Чуть-чуть можно! – я разлил грамм по пятьдесят в пластмассовые стаканчики, предусмотрительно положенные моим многоопытным другом в пакет, и предал один Наталье. – Давай за нас! Чтобы все хорошо было. Ну, что ты так смотришь?

- А вдруг кто войдет? – почему-то шепотом ответила она.

- Давай быстрее, пока никто не появился!

Мы выпили, и я плеснул Наталье в опустевший стаканчик, принесенный заботливой Еленой, гранатовый сок. В голове у меня сразу зашумело, а тело охватила слабость. Видно, здорово меня долбанули, раз я с пятидесяти грамм поплыл.

- Что, плохо? – забеспокоилась Наталья, заметив появившуюся на моем лице бледность. – Сестру позвать?

- Не надо, - я откинулся на подушку, вытер выступившую испарину и улыбнулся. – Лучше поцелуй меня!

Наталья наклонилась, и я ощутил своими не совсем послушными губами ее теплые губы с их неповторимым вкусом и ароматом, по которым соскучился до чертиков. На минуту мы забыли обо всем, но тут дверь в палату вновь скрипнула и вошла незнакомая мне дежурная сестра.

- Все, время посещения закончилось, больному пора спать! – бесцеремонно заявила она, раскладывая на тумбочке инструментарий для инъекций.

Наталья резко отпрянула от меня, смутившись от неожиданности, и покраснев:

- Я сейчас, еще одну минуту, можно?

- Можно, - великодушно разрешила сестра и вышла из палаты.

Оставшиеся минуты мы провели молча, глядя друг другу в глаза, и как будто вновь узнавая друг друга. Дверь снова распахнулась и на пороге возникла фигура в белом.

- Ты завтра придешь? – спросил я поднявшуюся со стула Наталью.

- Обязательно! – улыбнулась она и на прощание, наклонившись над изголовьем, решительно, не стесняясь, еще раз поцеловала меня.

И я внезапно понял, что Иваныч был абсолютно прав: такие женщины дарятся судьбой только раз в жизни.

- До завтра!

Но встретиться нам завтра не удалось, обстоятельства не позволили.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Едва я заснул, как меня разбудил непрекращающийся звонок сотового телефона.

- Кто? - спросил я спросонья.

- Жив, значит! – вместо ответа раздалось в трубке.

- Кто это? – я проснулся окончательно, но ответа вновь не последовало.

Вместо этого хриплый, незнакомый голос предупредил меня, что это только начало, и если я буду совать свой любопытный нос куда не следует, то шею обязательно сверну.

- Да пошел ты, фраер тухлый! – вскипел я и выключил телефон.

Сон пропал окончательно. Лежа в темноте с открытыми глазами, я долго размышлял, что же предпринять, а потом, несмотря на позднее время, позвонил Иванычу. Тот к счастью еще не спал.

- Понятно, - сказал он, выслушав мое сообщение о ночном звонке. - Вот что, собирайся-ка, я сейчас за тобой машину пришлю.

- Как ты себе это представляешь? У меня же одежды нет, а из гардероба сейчас ее не возьмешь: ночь на дворе!

- Пальто какое-нибудь я тебе с шофером пришлю, а потом по дороге заскочи к себе домой, переоденься. Опасно тебе в палате оставаться теперь, могут наведать! Чувствую, не придется нам сегодня спать. Пора действовать, а то, похоже, ни тебя, ни меня в покое не оставят. Все понял?

- Чего тут не понять, жду!

Через полчаса вновь раздался телефонный звонок. Звонил Володя, шофер Стешнева:

- Я жду вас на улице, у выхода, Аркадий Викторович!

- Понял.

Я набросил на себя фланелевый больничный халат и потихоньку выбрался из палаты. Стараясь не шуметь, на цыпочках, прокрался по коридору мимо дремавшей у телефона, дежурной

по отделению. Потом спустился по лестнице на первый этаж и осторожно выглянул в вестибюль. Два охранника азартно резались в подкидного дурака. Тут не пройти, понял я и двинулся по коридору в сторону выхода в дворовую часть больничного комплекса, благо, что все пути-дорожки мне были знакомы: сам когда-то строил и сдавал весь этот комплекс. К счастью, дверь была закрыта только изнутри на щеколду и уже через пять минут мы с Володей мчались по ночному городу к моему дому. Дома я переоделся и спустился к машине. Еще через полчаса мы со Стешневым сидели в гостиной профилактория вместе с начальником его охраны, тоже Александром Ивановичем.

- Ну и что будем делать, господа? – после приветствия задал вопрос Стешнев, еще раз выслушав мою новость о ночном звонке.

- Предлагаю взять любую шестерку Хруща, хотя бы Болта, - предложил начальник охраны, - я знаю, где он отирается. - А через него вытащить из дома Игорька. Иначе его никак не достать: осторожным стал, бестия: не откроет просто так! Ну а потом потрясти нашего адвоката. Авось что и вытрясем! Показания нужны и желательно – зафиксированные на видео. Иначе нам к Хрущу не подступиться. Хотя и это, к сожалению, для суда и следствия – вовсе не аргумент!

- А мы себе геморрой не заработаем вот этими самыми аргументами? – осторожно спросил я.

- Можем, и запросто! – подтвердил начальник охраны. – Только я другого пути не вижу, иначе это осиное гнездо не расшевелить! А начнут метаться – нам на руку. Следствие, конечно, в том или ином случае придется подключить на определенном этапе. Звонарев ведь вам приятель, Александр Иванович?

- Приятель, - подтвердил Стешнев.

- Ну вот и хорошо. Просто начать нам самим придется, без особых оснований органы даже ухом не поведут.

- А вот это совершенно точно! – искренне согласился я со словами начальника охраны.

- Как не точно, - подтвердил он. – Даже если мы все, что знаем на сей момент, официально выложим в заявлении, следствию еще нужно санкцию прокурора получить. А я не уверен, что даже Владимир Петрович ее так просто получит. На руках-то у нас по сути ничего нет, кроме каких-то виртуальных угроз.

- А голова моя? – указал я на свои бинты.

- Так вы сами накануне следователю утверждали, что просто на лестнице споткнулись. Или не так?

- Так-то, оно так, но этот аргумент весомее всяких там звонков и угроз будет.

- А я вот совершенно не уверен. Прокурору не шибко понравится, что потерпевший так часто меняет показания.

- Поехали, - согласился с его доводами Иваныч. – Ты чего, Аркадий, таким осторожным вдруг стал? Бери-ка, Саня, пару надежных мужиков и поехали. А ты здесь сиди! – повернулся он ко мне.

- Еще чего! Я с вами.

- Куда тебе с твоей головой больной да и бинтами! Ты же всех демаскируешь, за версту твой перемотанный калган видно!

- Ничего, я шарф поверх повяжу, чтобы не светиться! – я снял шарф с шеи и набросил его на голову.

- Не, не нравится мне все это, - запротестовал Стешнев. – Ты на себя в зеркало посмотри, еле живой ведь!

- Ты за мое здоровье не беспокойся! – возразил я. – И потом, я так решил, и давай завяжем об этом!

- Ну, смотри, хозяин - барин! Действуй, Саша! – приказал Иваныч начальнику охраны. – А мы тут пока чайку попьем.

Еще минут через двадцать мы на двух неприметных шестерках летели по шоссе к известному одному Сане адресу. На окраине города, в нахаловке, возведенной еще в годы послевоенных пятилеток, наши машины с погашенными фарами подъехали по темному, кривому переулку к покосившемуся и вросшему в землю почти до окон дому. Выйдя из машин

и вполголоса посовещавшись, мы подошли к крыльцу и решительно постучались в дощатую дверь. Меньше чем через минуту, словно нас ждали, за дверью послышались шаркающие шаги и недовольное бормотанье.

- Кто там? – раздался из-за двери хриплый женский голос.
– Кого там черт принес в такую пору?

- Открывайте, милиция! – твердым голосом потребовал Саня, и дверь заскрипела ржавыми петлями.

- Какая еще милиция? – за дверью стояла старая бабка в халате и валенках на голых ногах, с полушалком, наброшенным на голову.

- Борис дома? – вместо ответа спросил начальник охраны, небрежно махнув у бабки перед носом красными корочками удостоверения.

- Болт, что ли? – переспросила бабка. – А куда ему деться? Нажрался с вечера и спит!

Вслед за бабкой мы втроем прошли коротким коридором к комнате, оставив двоих дежурить на крыльце и следить за окнами.

- Вы, бабушка, идите-ка к себе! – глухо сказал Стешнев. – Мы теперь сами.

Бабка, ворча себе под нос что-то о проклятых ментах, ушла в соседнюю каморку. Приоткрыв дверь, в слабом свете луны, падающем через окно, мы разглядели стол, уставленный пустыми бутылками из-под пива и водки, и кровать в углу, откуда доносился храп. Подойдя к кровати, Саня потряс спящего на ней за плечо, предварительно пошарив у того под подушкой, и вытащил из-под нее пистолет. Пистолет он аккуратно завернул в носовой платок и спрятал во внутренний карман куртки.

- Просыпайся, Болт, вставать пора!

Небольшого роста мужик, от которого за версту разило перегаром, неожиданно резко отбросил с себя одеяло, повернулся на бок и сунул руку под подушку.

- Спокойно, Болт, не дергайся, нет там твоего шпалера!

Собирайся-ка лучше, дружок! – почти ласково произнес Саня, и бросил мужику вещи, висевшие на спинке стула. – И скажи мне: с каких это пор таким шестеркам, как ты, оружие понадобилось? Пару лет ты уже заработал за незаконное хранение.

- Да я этот пистолет вечером нашел, граждане. Шел по улице и нашел. Хотел утром в милицию сдать, а тут, значит, вы нарисовались.

- Следовательно будешь рассказывать, где ты его нашел. И моли Бога, чтобы на нём крови не было.

- А что случилось, граждане начальники? – нахально спросил окончательно проснувшийся мужичок, натягивая штаны. – Спит человек, никому не мешает, а тут приезжают, будят. Ну на что это похоже, граждане? Похмелиться-то хоть можно?

- Облезешь. Собирайся, поехали, там узнаешь, зачем тебя разбудили.

- Не, я не поеду, пока не опохмелюсь, - начал окончательно наглеть мужичок, почувствовав, что убивать немедленно его никто не собирается.

- Пускай хлебнет, - сказал Стешнев.

- Жри! – пододвинул ему стакан Саня.

- Куда вы меня, граждане начальники? – спросил Болт, опрокинув стакан и крикнув. – В центральную? Адвокату-то позвонить можно? – хихикнул он.

- Перебьешься! – защелкнул у него наручники на запястьях начальник охраны. – Давай топай и не ерепенься!

Мы вывели уже совершенно спокойного и уверенного в себе Болта на улицу и посадили в машину Стешнева на заднее сиденье между мной и Саней, приказав второй машине следовать за нами.

- Закурить можно, граждане начальники? – совсем освоился Болт и завертел головой. – Что-то я вас не знаю, новенькие что ли?

- Старенькие! – коротко ответил с переднего сиденья Стешнев. – А курить потом будешь, когда заслужишь!

- Да я с превеликим нашим удовольствием! - осклабился Болт. – Только вот не знаю, чем я вам могу быть полезен?

- Узнаешь! – вновь коротко сказал Иваныч.

- А куда это мы? – обеспокоено спросил Болт, когда машина свернула в сторону от центра, и он понял, что везут его не в милицию.

- Заткнись! – ткнул его кулаком под бок начальник охраны, и мужичок испуганно съежился, озираясь по сторонам.

- Остановись-ка здесь! – приказал шоферу Стешнев, когда машина выехала за городскую черту.

Петя притормозил, съехав на обочину дороги.

- Жить хочешь? – повернулся мой друг к Болту и в голосе его зазвучал металл.

Умел Иваныч, когда надо, спрашивать. Болт испуганно завращал глазами. До него, наконец, дошло, что взяла его не милиция, а какие-то вовсе незнакомые ему люди. И люди эти были, по всей видимости, настроены не слишком дружелюбно.

- Хочу, - выдавил из себя вконец обкакавшийся Болт.

- Вот и хорошо! – более спокойным, но жестким тоном продолжил Стешнев. – Ты, Боря, не бойся, мы тебя не уьем! Поможешь нам, и мы тебя отпустим. Ну а не сможешь? Иваныч, объясни ему, что с ним может случиться, если он нам не поможет, - обратился он к начальнику охраны.

Тот подхватил мужичонку под микитки и приготовился вытащить его из машины на свежий воздух. Болт испуганно заверещал, почувствовав железную хватку профессионала.

- Ну, так как? – спросил Стешнев, останавливая подчиненного. – Поможешь или нет?

- А что нужно делать-то? – тут же спросил у Стешнева Болт, признав в нем старшего и подтверждая свое желание помочь.

- Сущий пустяк! Вызовешь нам одного человечка из дому и гуляй! Понял?

Понял, как не понять! – ответил Болт, покосившись на

Саню, готового в любую секунду придавит его голыми руками. – А кого вызвать-то?

- Игоря Петровича, адвоката, знаешь?

- А, этого! Знаю, конечно! Вечно он у Гоши отирается, - угодливо пояснил Болт.

- Вот и хорошо. Позвонишь ему в дверь, скажешь, что Хрущ посылочку прислал срочную, и гуляй потом на все четыре стороны. Ясно? Только постарайся сделать так, чтобы он открыл и за посылочкой вышел, а то плохо тебе будет, Боря.

- Да все понятно, гражданин начальник, или как вас величать.

- Помалкивай, хмырь! – снова крепко двинул ему под бок Саня, и Болт, хрюкнув от боли, обиженно замолчал.

- Ну вот и хорошо, - подвел итог беседе Иваныч и Петя вновь завел машину.

Подъехав к дому Игорька, Стешнев и мы с начальником охраны вышли из машины и, посоветовавшись меж собой, решили, что брать адвоката будут Саня со своими ребятами, а нам светиться лишний раз не стоит.

- Пакуйте его потихоньку и везите к нам. Только глаза завяжите, чтобы не понял куда привезли, - сказал Стешнев.

- А этого куда? – спросил начальник охраны, кивнув в сторону машины, где на заднем сиденье дождался своей участи почти совсем протрезвевший от испуга Болт.

- А этого, как Игорька упакуете, за угол да пинка под зад! Мы вас в машине с Аркадием ждем. Шуму только раньше времени не наделайте!

- Видел он нас, вот что плохо.

- Молчать он будет, не резон ему трезвонить. Если Хрущ прознает, что он Игорька нам на блюдечке преподнес, мало парнише не покажется. Так что пусть катится к чертям, на все четыре стороны!

Саня бесцеремонно за шкирку вытащил Болта из машины, снял наручники, и они вчетвером, с ребятами из второй

машины, скрылись в подъезде дома. А мы остались дожидаться в салоне стешневской шестерки, отъехав в тень под деревьями. Хорошо еще, что небо с луной постепенно затягивали плотные облака. Было около трех. Напряжение от ожидания развязки нарастало. Наконец из подъезда вновь бесшумно выскользнули людские силуэты. Двое почти волоком тащили третьего, а третий, в котором я признал Саню, вел перед собой, придерживая за плечо, Болта. Он, слегка отстав от троицы, что-то, видимо, сказал Болту и указал рукой в сторону проулка. Болт тут же торопливой трусцой бросился в указанную ему сторону. Начальник охраны сел за руль второго автомобиля, куда в багажник, словно чемодан, погрузили, как мы уже поняли, спеленатого адвоката, и машина тронулась. Мы на своей последовали за ней.

Когда машины въехали во двор профилактория и остановились у котельной, Иваныч вышел из кабины и о чем-то минут пять говорил с начальником охраны на свежем воздухе. Затем Стешнев снова забрался в машину.

- Поехали, - сказал он Володе, - отвези нас в гостиницу. А ты, можешь ехать домой. Я здесь переночую, и Аркадий Викторович тоже.

- Во сколько подъехать Александр Иванович? – коротко, ничему не удивляясь, спросил водитель, когда мы подрулили к крыльцу темного гостиничного корпуса.

- Я позвоню, - так же коротко ответил ему Стешнев.

Мы прошли в здание и устроились у тлеющего углями к моему немалому удивлению даже в такой поздний час камина, растопленного, видимо, заранее.

- Водку будешь? – спросил меня Иваныч, доставая из бара бутылку «Немирова» и тарелку с какой-то закуской.

- Наливай.

Мы выпили, и мой друг поинтересовался, не хочу ли я спать, но спать совершенно расхотелось. Было интересно, что за инструкции дал Стешнев своему начальнику охраны?

А ничего особенного. Просто попросил все записать на

видео, чтобы потом этот хлыщ ни от чего не отказался. Не убивать же его. А так он у нас на крючке будет и помалкивать в тряпочку, не дурак ведь. А если что, мы эту запись Хрущу предоставим. Он тогда Игорька просто в асфальт закатает.

- А что дальше-то делать будем?

- А дальше – возьмем Гошиных быков, кто так лихо тебя раздолбал, пораспрашиваем, а потом сдадим в ментуру, пусть раскручивают дальше. Доберутся до Хруща по серьезному, и Паша спать спокойно перестанет. А когда человек нервничает и не спит, он, как правило, ошибки допускает. Посмотрим, что нам Игорек напоеет, тогда и решим окончательно, что делать.

- Ну-ну! Только у меня плохая надежда на нашу доблестную милицию. Ее Гоша давно прикормил. Я тут в «Комсомолке» интервью одного депутата Госдумы читал, очень интересное.

- Ну расскажи, если интересное.

- Оказывается, у нас в стране на каждые сто человек населения – мент! В восемь раз больше, чем в США. Вот депутат и предлагает сократить это стадо вдвое. А оставшимся платить раза в три больше, чтобы работали, как следует.

- Думаешь, они работать лучше станут или брать меньше? Держи карман шире!

- Да погоди ты, дай дорассказать! Его корреспондент и спрашивает; так вы, вроде, в думе сидите, вам и карты в руки, почему, дескать, закон такой не принимаете? И что, у нас, министр внутренних дел ничего не видит и предпринять не может? Тогда зачем его держите?

- Ну а депутат что?

- А что депутат? Не под силу это нам, говорит. Только один человек в стране может такую глыбу сдвинуть. Сам понимаешь кто! А нужно ему это – вопрос? Если менты станут работать, как следует, они же всю головку нашу пересягают. Так что эта самая головка очень здорово упираться будет! Да и руководство тоже, боюсь, не лучшим образом

будет выглядеть, если милиция по-настоящему заработает. И грехи списывать тоже не на кого станет и покрывать некому. А кому охота за весь наш бардак отвечать? Вот именно, пусть за него папа римский отвечает!

- Это-то давно известно: у нас вся страна живет не по законам, а по понятиям. И менять надо не законы, а менталитет, а это дело долгое, трудное и кропотливое. Да и неблагодарное. Я тут читал, как Столыпин в свое время ответил на вопрос: будет ли в России гражданственность? И вот что он сказал: сначала нужно сделать гражданина, а потом появится и гражданственность общества. А у нас, как был человек быдлом бесправным, так им и остался. Государство, которое его защищать должно, вместе с жуликами обирает за компанию. Вот обыватель и сидит в своей норке, носа не высовывает. Какой уж тут гражданин? После война патриотизм какой был да и позже тоже? Ты себя вспомни пионером. Хоть и жрать было особо нечего, но всяких америкашек и прочих – ни в грош не ставили! Самыми сильными себя считали. И дух присутствовал. И работали на совесть, коммунизм строили. А сейчас? Вон, оппозиция наша, только и делает, что у америкашек в посольстве отирается, копеечку просит. А это – грамотные люди, политики, в конце-концов! Тьфу, смотреть противно!

- Бойтся народ, не надеется на власть. Хрущ вон предпринимателей потихоньку обирает, ну и что? Присылает всяких наркоманов да шушеру, бьют витрины, а потом приходит какой-нибудь корешок и предлагает крышу. А откажешься платить, еще раз витрину расколотят или предприятие подожгут. Сколько раз уже было. Думаешь, заявлений не писали? Писали да еще сколько! А итог? Дела закрыты за отсутствием состава преступления! Сечешь, какая формулировочка! Это только в нашей доблестной ментуре такие слова придумать могут.

- Значит, подкармливает Повальского Хрущ.

...Тут надо пояснить: Повальский – начальник милиции

нашего благословенного города и района. Где-то, на прошлой службе, он пришелся не ко двору и его перебросили к нам...

- А то! Однажды Хруща прихватили все-таки. Так Повальский всем своим ментам из РОВД строго настрого приказал к нему в камеру никого не пускать и самим не ходить. Ну, чтобы не выкрутился, значит. А ночью сам к нему зачем-то приперся.

- А ты откуда такие подробности знаешь?

- Деревня-то у нас маленькая, просачиваются новости.

- Может, решил допросить?

- Не смей меня! Он что – следователь?

- Ну мало ли за чем пришел к задержанному? Например, условия содержания проверить.

- Вот именно или еще что. Только, когда Хруща отправили в следственный комитет, он почему-то оттуда через неделю вернулся. Это тебя не наводит ни на какие мысли?

- Наводит. Хотя, и так все понятно, - Иваныч снова разлил водку. – Ты не горячись, а то вон весь пятнами пошел.

- А простым людям, что делать? Куда им податься?

- Бороться нужно, Аркадий. Терпение проявлять и настойчивость. Другого пути нет. Или валить из этой грёбаной страны. Только я думаю, что нас там, за кордоном, тоже никто не ждет. Да и по возрасту поздновато уже. Это молодые еще что-то серьезное могут предпринять в своей жизни и приноровиться к новым обстоятельствам. А мы уже – материал отработанный, нам что-либо менять – вредно! Даже климат.

- Что правда – то правда. Хотя, помнишь, при советской власти, многих и в почтенном возрасте из страны выставляли, и ничего – выжили! Вспомни: и Галич, и Солженицын, да и Бродский тоже не мальчиками на тот момент были.

- Сравнил! Ты же не Бродский, а я – не Бунин и даже не академик какой-нибудь.

В этот момент в дверь постучали, и вошел Саня. Он подошел к Иванычу и протянул диск:

- Готово.

- Быстро вы! Ну и как там наш адвокат? – спросил Стешнев, предлагая начальнику охраны присесть за стол. – Кушай, Саша!

- А что адвокат? – Саня сел к столу, спросил разрешения у Иваныча и налил себе рюмку. – Чуть прижали, он и поплыл. Бойцы Гошины действовали, из бригады Веретена. Есть там у него специалисты и по взрывным устройствам, и просто костоломы. Адреса и фамилии вот, - Саня протянул Иванычу лист бумаги. – Я тут выписал для удобства.

- Ну что тогда поднимай свою гвардию! Да по коням! Спать, видимо, вовсе не придется! Болт приятелям проболтаться может сдуру. Могут засуетиться, а если Игорька не вовремя хватятся, разбегутся. Тащим всех сюда для начала, и действуем по той же схеме: все фиксируем на видео.

- А с адвокатом что делать?

- А адвоката утром отвезите домой, на кой черт он нам сдался? А лучше прямо сейчас, все равно в город ехать нужно.

- Ясно! – Саня выпил еще рюмку водки, взял в руки бутерброд и вышел из комнаты.

- Хороший у тебя начальник охраны, - сказал я.

- Толковый парень! И хваткий! Учится, кстати, на строителя в универе. Ладно, пошли-ка, поспим немного, а то мои ребята раньше, чем к утру не управятся. Вид-то у тебя не очень: на мертвяка похож. А нам с тобой нужно головы к утру ясные иметь, прямо-таки младенческие. Придется в прокуратуре показания давать.

- Это еще зачем?

- А куда всю эту свору, за которой мои ребята поехали, девать? Придется их сдавать Петровичу по описи, не топить же в речке. Надежды, что их посадят, правда, никакой, но хвосты-то они поприжмут на какое-то время. Поэтому все нужно сделать чистенько и аккуратненько.

К шести часам все фигуранты по делу были доставлены в профилакторий. А часов в девять Иваныч позвонил своему

приятелю, начальнику следственного отдела, и обо всем рассказал. После этого пришлось срочно ехать в прокуратуру и выслушивать от полковника неприятные вещи.

- Вы что, мужики, умом тронулись? Кто вам позволил самоуправством заниматься? Вас же самих теперь можно смело привлекать!

- Ладно, Петрович, что сделано, то сделано! – произнес в ответ на эту возмущенную тираду Иваныч, протягивая скопированные диски записи допросов Гошиных быков и Игорька. - Оружие, что у этих деятелей отобрали, в дежурную часть сдали, как ты и сказал. Так что задержание за незаконное хранение оружия уже можно оформить. Ну а дальше, все от тебя зависит.

- Хорошо бы, если от меня! Боюсь, что не дадут нам Гошу закрыть, больно много у него покровителей и корешей в нашем долбанном руководстве.

- И в вашем тоже? – удивился я.

- Ну не так и много, пожалуй, - задумавшись на секунду, высказался Стешнев. - Руководство-то области только что сменилось, снюхаться еще не успели. Да и губернатор новый сидит. Ты включай свои каналы и – вперед! Не мне тебя учить.

- Так надо мной и без областного руководства своих непосредственных начальников хватает! Задали вы мне головную боль, господа, не знаю с какого конца и начать. Сейчас такой кипеж поднимется, только успевай поворачиваться!

- А ты начинай с начала, Петрович, и все будет в порядке! – посоветовал Стешнев, прощаясь с полковником. – Пошли, Аркадий, я тебя все-таки отвезу отдыхать да врача приглашу. Сейчас всем Гошиным бандюганам, и Хрущу тоже, не до нас, крепко разворошили мы весь этот муравейник.

- Ладно, топайте! – сказал нам на прощание полковник. – Что-нибудь придумаем. Только не исчезайте совсем! Да не вздумайте снова чего-нибудь затеять! И на связи будьте.

- Не беспокойся, Петрович, не исчезнем.

Иваныч отвез меня назад в профилакторий, а после обеда появился разгневанный врач из районной больницы, которого каким-то образом доставил мой друг. Врач, сердито ворча, осмотрел мою потрепанную голову и сказал, что мне здорово повезло.

- Почему? – спросил я.

- А потому! Когда инсульт треснет, вот тогда узнаете! Это – черте что, сбегать по ночам из больницы с сотрясением мозга!

- Извините, доктор, обстоятельства.

- Какие такие могут быть обстоятельства? Вам что – инвалидная коляска приглянулась?

Я согласился с доктором, что инвалидная коляска меня не украсит. Мне был прописан покой и высказана настоятельная просьба явиться завтра с утра на перевязку и осмотр. Голова у меня снова заболела, поэтому я выпил таблетку из пачки, оставленной доктором, и проспал почти до самой ночи. Разбудил меня вернувшийся Иваныч.

- Ну, как ты тут?

- Уже лучше. А как дела наши грешные?

- Петрович задержание оформил. Пленки наши, сам понимаешь, к делу не пришьешь. Они только так – задницу прикрыть, если что! Оружие – посерьезнее! Эксперты работают, допросы ведут. Старается Петрович, торопится, пока весь муравейник не всполошился. Ты здесь поживи еще пару дней от греха подальше, а там видно будет. Я распорядился продуктов кое-каких прикупить, чтобы ты от голода не помер.

- Мне бы завтра на перевязку сгонять!

- Это я организую. А вот звонить никуда не звони и телефон выключи, понял.

- А как же Петрович? Он же сказал быть на связи. Да и Наталья позвонить бы надо, а то, поди, с ума сходит!

- С Петровичем я договорился, тем более он знает, где тебя искать. Ну а с Натальей мне придется самому встретиться, так что не беспокойся, лежи и поправляйся.

- Ладно, выключу.

- Да не ладно, а выключи! А лучше давай-ка сюда, так вернее будет, - и Стешнев забрал у меня телефон.

- Ты только Наташе сообщить не забудь, а то ведь снова разобидится девушка или что совсем плохое подумает.

- Не забуду! Лежи, отдыхай, а я тоже поехал домой, а то меня моя Вера Петровна выгонит к чертовой матери за то, что дома не ночую! Лежи, выздоравливай.

Я распрощался с другом, прилег и снова уснул, проспав без задних ног до самого утра. Утром я проснулся часов в восемь посвежевшим и совершенно здоровым. Я принял душ, стараясь не замочить повязку на голове, потом позавтракал принесенной охранником яичницей с колбасой и включил местные телевизионные новости. Ничего о наших вчерашних подвигах и аресте пяти человек из шайки Гоши не сообщалось. Диктор рассказывал о программе нового руководства района за три года решить жилищный вопрос территории. Предполагалось использовать как инструмент, для решения данного вопроса, деревянное полносборное домостроение из конструкций недавно запущенного производства, только что обосновавшейся в нашем городе фирмы «Спецмонтаж». Стоимость такого жилья, по словам диктора, должна была быть вдвое дешевле, чем капитального, из кирпича, а сроки строительства втрое короче. «Держите карман шире! – подумалось мне. – Надо еще выяснить, кому эта фирма фактически принадлежит? Поговаривают, что новому главе».

Схема отъема бюджетных денег была ясна и кретину. Хотя наш обыватель иногда и до кретина в своем мировоззрении не дотягивает. Такое жилье гражданам не продашь, а вот под социальные программы сойдет! Конечно, все же лучше, чем балки и бараки, которых по окраинам и в центре сохранилось предостаточно. Правда, лет через двадцать эта же проблема снова возникнет: деревяшки гниют быстро. Но к тем порам кое-кого из фигурантов и в живых не найдешь. А цену подтянуть – пара пустяков! Я выключил телевизор и

от безделья начал решать кроссворды из старых журналов, которые нашел в тумбочке. Часов в десять зашел охранник и сказал, что пришла машина, чтобы отвести меня в больницу на перевязку. Я бодренько собрался и выскочил на улицу. Свежий, морозный воздух хлынул в легкие. Вся земля и кусты вокруг были покрыты нетронутым, белоснежным ковром первого в этом году снега. Настроение резко поднялось. Вот что может сделать с человеком простое природное явление! В душе у меня запело:

Сурово бор насупил брови,
седые космы мха на елях.
Последний луч осенний ловит
лазурь небесной карусели.

Застыли прибереги речки,
зеркальным льдом покрылись плесы.
Холодной шалью лег на плечи
сосновых грив туман белесый.

Поблекнув, выцвели картины,
а лишь вчера еще летели
в потоках теплых паутины
и листья на осинах рдели.

Изменчива природа.
Ныне
в ее чертах – другие грани.
Но не позволит впасть в унынье
костра трепещущее пламя,

друзей веселых шумный гомон,
ухи дымком горчащей запах,
вкус Сашкиного самогона,
короткий сон на хвойных лапах.

А утром чай душистый, крепкий
и горизонта тусклый росчерк,
и свежий ветер гнущий ветки,
всю ночь проспавший, между прочим.

Да что нам, закаленным, ветер –
жизнь превосходна отчего-то.
Собрать улов, проверить сети –
всего на полчаса работы.

И радоваться, как впервые,
почти килограммовой щуке,
да чувствовать, что вдруг заняли
озябшие до боли руки.

Согреть ватин фуфайки волглой,
присев у углей раскаленных.
И догадаться удивленно,
что этот снег уже надолго.

Поздоровавшись с незнакомым мне водителем, я сел в присланную Иванычем машину, и мы тронулись. Через полчаса я уже сидел в процедурном кабинете, где мне сняли повязку и обработали рану.

- Ну, и как там? – спросил я сестру, которая делала мне перевязку.

- Удивительно, но уже почти зажило, через пару-тройку дней можно швы снимать. Я думаю, вам сейчас пластырем рану заклеить, чего вы с такой чалмой на голове ходить будете. Не возражаете?

Я не возражал, меньше будет видно, что мне голову раскроили, а под кепкой или шапкой вовсе не видно. Выйдя из процедурного, я столкнулся с Николаем Ивановичем Зарубиным.

- Привет, Аркадий Викторович! Я тут слышал, что ты в больницу попал. Будто бы тебя кто-то так отделал, что ты

едва жив остался. Правда что ли, или врут, как всегда? Дай-ка я на тебя погляжу. Похоже что, правда! Вон, фингалы еще не сошли, да и вид не особо.

- Врут, конечно, - отмахнулся я. - Поцарапался немного на лестнице, но это так – мелочи! А ты что, заболел?

- Нет. Комиссию надо оформить, техосмотр на носу. Ты, кстати, надумал ко мне работать идти?

- Ну ты прямо сходу быка за рога берешь! Я же сказал, дай подумать! Отдохнуть пару недель хочется, а теперь еще и подлечиться, сам видишь.

- Вижу.

- Подлатаюсь – и сразу к тебе!

- Давай, не подставляйся! Счастливо, я побежал, а то у них тут эта самая комиссия только час во время обеденного перерыва работает.

- И тебе счастливо!

Я подошел к таксофону, висевшему в вестибюле, и позвонил Наталье в банк, нарушив приказ Иваныча. Наверно, с ума сходит девушка, куда ее мужик провалился! Договаривались встретиться еще позавчера, а меня даже и в больнице не оказалось, сбег. Ответила девочка из отдела и сообщила, что Наталья Алексеевна ушла на обед. Я попросил передать, что звонил Аркадий, и что со мной все в порядке. Звонить Наталье на сотовый я не стал, мало ли что. А вдруг прослушивают? Ребята все же ушлые, да и прикормленных оборотней в погонах в нашем РОВД, и не только в РОВД, предостаточно. Водитель отвез меня назад в профилакторий. А вечером появился расстроенный Стешнев:

- Вот сволочи! Выпустили гаденышей!

- Кого? – не сразу понял я.

- Как кого? Всю эту шатию-братию, что мы отловили. Под подписку о невыезде. Несмотря на то, что у них оружие было, я уже не говорю об остальном. Петрович за то время, пока они у него сидели, все-таки из них много чего выкачал. А твой приятель Игорек из кожи вылез, расстарался, чует: если

Хрущ узнает, что он его быков сдал, хана ему будет. Судье, видимо, на лапу дали! И чего этим судьям не хватает? Зарплата, больше, чем у министров, проезд по всей державе бесплатный, даже арестовать и то – нельзя. Один черт, хапают!

- Как же так? – растерянно спросил я. – Нам теперь, по щелям что ли прятаться?

- Ну уж нет! Не могут органы разобраться, сами разберемся! Я своих ребят послал проследить, куда наши голубцы пойдутся после того, как у Хруща на разборке побывают.

- Зачем? Да и Петрович говорил, чтобы не лезли. Подвести его можем.

- Не забивай себе голову. С Петровичем я переговорил, все в порядке. И твоей Наталье позвонил, сказал, чтобы не волновалась.

- Как она? – спросил я, не сообщая Стешневу, что тоже звонил любимой на работу.

- Испугалась девка, когда тебя вечером в больнице не обнаружила! А ты бы не испугался? Спрашивала, что с тобой да где ты? Волнуется!

- Успокоил?

- А как же, успокоил, конечно! Сказал, что ты в санатории отдыхаешь, скоро будешь.

- Дурак ты, Саша, и шутки у тебя дурацкие!

- Да не кипятись! Объяснил я ей, что тебе надо отсидеться дней пять, пока всех этих бандитов, что тебе голову подпортили, не выловят. Чего там только в наших органах думают

- Кончай слюной брызгать!

- Не горюй, Маня! Все будет в мармеладе! – сменил тему Иваныч. - Давай-ка лучше по маленькой с устатку примем. Ты не против?

- Давай! А то от твоего сообщения мозги в раскоряку пошли.

Иваныч сходил на кухню, принес бутылку с закуской, и мы просидели почти два часа, обсуждая сложившееся положение вещей. Не придя к единому мнению, что же, в конце концов,

предпринять, мы расстались, и Стешнев уехал домой, а я лег в постель, думая о том, а не позвонить ли мне Наталье, несмотря на запрет Иваныча. Но потом решил, что делать этого по законам конспирации не следует, и потушил свет.

Через три дня швы у меня сняли, и я сказал Стешневу, что больше не намерен прятаться у него в профилактории:

- Думаю, что они ко мне больше пока не сунутся. Чего мы от них прячемся, как мыши по норкам? Короче, я домой возвращаюсь!

- Смотри, тебе виднее. Но я на твоём месте все-таки куда-то на время смотался бы. А вернее всего за границу, в Турцию там, в Египет. Если денег нет, могу занять.

- Да деньги есть, страховку за машину только нужно получить.

- Получишь и поезжай куда-нибудь.

- Подумаю, - ответил я на предложение товарища, и меня отвезли домой, откуда я сразу позвонил Наталье.

Она обрадовалась, услышав мой голос в трубке:

- Ну, наконец-то! Пропал, а я тут вся переволновалась! Сейчас отпрошусь с работы, к тебе приеду.

- Не торопись, у меня в холодильнике шаром покати, сначала схожу в магазин.

- Сиди дома, я сама все куплю по дороге. Ты же больной!

- Да какой я больной, швы уже сняли. Вот только волосы отрасти не успели.

- Сиди, я тебе говорю, не рыпайся! Понял? Вот и хорошо. Жди меня, я скоро приеду! – Наталья повесила трубку, а я решил навести в квартире маломальский порядок: за неделю моего отсутствия она приобрела довольно неопрятный вид.

За этим занятием меня и застала моя любимая, которая, открыв дверь своим ключом, прямо-таки ворвалась в гостиную, где я вытирал пыль. Бросив авоськи на диван, она повисла у меня на шее, уткнувшись лицом в воротник рубашки. Я нежно обнял девушку и глубоко, полными легкими вдохнул запах ее

волос, чувствуя, как волны нежности накрывают меня с головой. Откинув, наконец, счастливое лицо, она посмотрела мне прямо в глаза:

- Как я по тебе соскучилась, дурак старый, ты не представляешь! Куда ты, противный пропал так неожиданно? Я прямо чуть с ума не сошла!

- Присядем, - вместо ответа сказал я и пересказал Наталье события последних дней, чем привел ее в неопикуемый ужас.

- Так тебя же эти бандиты убить могут!

- Не убьют! – я показал девушке трофейный, еще времен войны, парабеллум, который настойчиво навязал мне Иваныч в качестве оружия для самозащиты. – Если что, я за себя и постоять могу!

- Спрячь этот страх подальше! – еще больше напугалась Наталья. - А то сам вместо бандитов в тюрьму попадешь!

- Ну от тюрьмы и от сумы в нашей державе еще никто призывок не придумал! – улыбнулся я.

- Прекрати смеяться! Дело очень серьезное. Может, тебе лучше действительно уехать на время, пока все не утрясется.

- Вот еще, я что – заяц какой-то: в своем родном городе прятаться от всякой сволочи! – я поцеловал девушку. – Пошли лучше на кухню, сготовим что-нибудь, есть хочется до умопомрачения.

- Ты прямо, как мальчик – никакой серьезности.

- Хватит, Наташка, пойдем на кухню...

Потом мы лежали под простыней, обнявшись, чувствуя проникающее тепло друг друга, и смотрели телевизор. Счастливое, раздумавшееся лицо Натальи с сияющими, широко открытыми глазами, в которое я никак не мог наглядеться, жар молодого женского тела вызывали сладкую истому. И одновременно – ощущение покоя, которого мне так не хватало в последнее время.

- Ты меня любишь? – Наталья приподнялась на локте и посмотрела на меня сверху вниз.

Вместо ответа я притянул ее к себе и поцеловал долгим

и глубоким поцелуем. Она вырвалась, шумно переводя дыханье:

- Ну чего молчишь, противный!

- Люблю, конечно! Больше всех на свете! Иди ко мне! – и мы опять погрузились в опьяняющий головы дурман, где время останавливается, и очнулись, когда за окнами начало смеркаться.

На светящемся в полумраке экране телевизора появились титры местного канала, и диктор объявил программу. Послушаем, подумал я, чего новенького случилось в нашей глубинке. Но ничего интересного в новостях не было. Все та же безликая белиберда. Правда, потом на экране появился глава района Рыбак собственной персоной, и начал рассказывать о своих программах преобразований. Я слушал вполуха, понимая, что очередные программы, как и предыдущие, по сути – больше декларации, чем руководство к действию. Наши клерки любые, даже самые прекрасные начинания, так заволокитят, что потом и не разберешь, чего же, в конце-концов, доблестные предводители хотели выполнить. Всю систему власти надо в стране менять, а если оставить старую, толку не будет никогда. Чтобы спереть один рубль, наши вожачки девять рублей из десяти в унитаз спускают. А при таком раскладе никаких богатств у державы не хватит. Я никогда, в отличие от многих моих друзей, не восхищался Ельциным. Наломал мужик дров! За Крым и вовсе морду набить бы не мешало. Цыкнул бы на хохла, и – все! Это ведь не игрушка, там флот наш стоит. Но то, что он русский, у него не отнимешь. Развернул такую громадину как Россия от социализма к капитализму! А это – не каждому дано! Или, все-таки, раком страну поставил? Тут еще долго разбираться придется. А нынешние, что в Кремле – точно иезуиты! Потихоньку все то, что раньше декларировалось как завоеванные свободы секвестрируют. Вертикаль власти это теперь у нас называется. А порядка в стране как не было, так и нет! Журналиюгам глотки позатыкали, а кто не примолк – постреляли! Ментура,

как, впрочем, и вся власть – насквозь продажные! Бандюганы, как обирали предпринимателей, так и обирают. А все эти, из наших бывших союзных республик? В кланы сбились, попробуй, тронь! Хохлы, и те косятся, сволочи бендеровские. Интересно, когда мы их прикармливать перестанем, что они делать будут? Русскому сейчас в собственной стране страшно, понаехало всякой шушеры. Куда бедному крестьянину податься? При советской власти министр внутренних дел давно бы с кресла слетел. А нынешний сидит, щеки в телевизоре надувает. Шойгу бы, что ли, поставили, порядок навести. У него единственного в МЧС дисциплина железная.

Мне от всех этих мыслей, нахлынувших в голову, даже тошно стало. Я встряхнул головой, отгоняя от себя наваждение. Наталья сладко посапывала у меня на плече, а я лежал и думал уже о приземленном, о том, что пора мне прибиваться к берегу и создавать семью, тем более что вторая половинка лежала рядом, и ее не нужно было искать. Я осторожно вытащил свою руку из-под Натальиной головки, выключил телевизор и тихонечко, чтобы не разбудить ее, вышел на кухню. Не зажигая света, я присел у окна и закурил. Дым тонкой струйкой вытягивало в открытую форточку. На улице шел крупный, хлопьями снег. В голове опять зазвучали стихи:

Под ногами от снега бело –
покрова Богородицы пали.
Накануне полсуток мело,
а сегодня прояснились дали.

Ты послушай, как шепчет сосна,
над тропею нависнув крылато,
что не скоро воскреснет весна
и еще предстоят нам утраты.

На глазах цепенеет тайга:
не увидишь ни зверя, ни птицы,

рядом с солнцем искрится дуга
неподвижных небес колесницы.

Значит, будет покрепче мороз,
что привычно давно и знакомо.

Прячь в меха или варежку нос,
поспешим по прогалине к дому,
где очаг нашей веры горит,
ну а льдинки сомнения тают,
где достанет тепла и любви
нам обоим, моя дорогая.

В этот момент в прихожей зазвонил телефон. Я чертыхнулся про себя: разбудят девушку, и, быстро выскочив в прихожую, поднял трубку.

- Здорово, Аркадий! – звонил Стешнев. – Я тебе сейчас такую новость расскажу, что ты с катушек слетишь! Сядь лучше!

- Слушай, ты чего на ночь глядя пугаешь добрых людей?

- Какая к черту ночь, ты на часы взгляни.

Я посмотрел, стрелки показывали половину девятого. Однако. Хотя на улице уже совсем темно. Правильно говорят: счастливые часов не наблюдают!

- Ладно, пугай! Я слушаю!

- Мне из области только что позвонили.

- И что?

- Пашка погиб!

- Как погиб? – не понял я сразу. – Какой Пашка? Где? Как? – наконец-то до меня дошли слова Иваныча, и я понял о ком идет речь.

- Разбился на машине! Возвращался откуда-то домой, гнал, видимо, и вылетел на встречную. А по встречной самосвал со щебнем. Водитель попытался уклониться, слетел с дороги и прямо в столб. Но от Пашкиного «крузака» не увернулся. Вот так!

- Что, подушки не сработали?

- Дьявол их знает.

- А точно погиб?

- Точно.

- Это надо же! Бог, видно, не фраер – все видит!

- Ну, не знаю. Угомонился, значит, наш Паша Феофанов. Мне даже жалко его стало, когда узнал. Хотя так, может лучше, прости меня Господи! Можешь теперь жить, не оглядываясь. Теперь Гоше Хрущу не перед кем отчитываться и деньги возвращать некому. Так что спи спокойно, дорогой друг! Бдительности, конечно, не теряй, мало ли что! Надо будет с Хрущом попозже встретиться, утрясти наши дела, а то мои парни сгоряча одного из твоих обидчиков уже успели наказать.

- Как? – испуганно спросил я, представив себе, что одного из бандюганов устранили физически, а это пахло крупными разборками не только с Хрущом, но и с ментами.

- Не бойсь, никакого криминала! Сработали мужики чисто, комар носа не подточит! Как там Наталья себя чувствует?

- Нормально она себя чувствует.

- Ну это-то понятно! – хохотнул в трубку мой друг. – Странно было бы, если бы ты по-другому ответил. Потому и время попутал. Или есть проблемы со здоровьем? – подковырнул меня Иваныч.

- У самого у тебя – проблемы!

- Ладно, не кипятись! Бывай, до завтра!

- И тебе не хворать!

Я осторожно повесил трубку на рычаг и вернулся на кухню. Чтобы успокоить метавшиеся в черепной коробке мысли, растревоженные сообщением Стешнева, неторопливо выкурил еще одну сигарету и отправился назад в спальню. Только я улегся на кровать, как Наталья зашевелилась и, повернувшись на бок, обняла меня:

- Ты что, не спишь? – она потянулась всем телом, прижавшись ко мне, и поцеловала в щеку. – Холодный! Опять курить ходил? Не продохнуть от табачища. Сколько времени?

- Девять уже, - я нащупал пульт и снова включил телевизор.

Спать расхотелось совершенно, и я начал рассказывать Наталье все, о чем только что услышал по телефону от Стешнева.

- Да ты что! – изумилась она, когда услышала, что Паша, как и все его бывшие приятели, закончил свой земной путь на автомобильной трассе. – Это судьба! Если на роду написано, никуда от этого не денешься! А все равно жалко человека, молодой ведь еще!

- Жалко? А меня не жалко? Это ведь по его наводке мне башку раскроили да и машину сожгли тоже!

- Но ты жив остался, а он вон как! Дети-то у него есть?

- Двое. Ты за них не беспокойся. Пашка столько успел нахапать с комсомольских времен, что и правнукам хватит!

- Так-то оно – так! Но детям без отца плохо.

- Я думаю, они его и так не слишком часто видели.

- Часто – не часто, а все же! Представь, что наш ребенок без матери остался или без отца!

- Какой еще такой ребенок? – переспросил я, повернулся набок и прижал любимую к груди.

- Какой, какой? Обыкновенный!

Она подставила теплые, припухшие губы для поцелуя и обмякла. Больше мы к теме Феофанова в этот вечер не возвращались.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром мы с Натальей встали рано, не только потому что как следует выспались, а еще и потому, что ей надо было к восьми на работу. Пока я кипятил чайник она приняла душ и успела одеться. Свежая и сияющая, благоухающая каким-то заграничным парфюмом моя любимая появилась на кухне, когда я уже заканчивал накрывать на стол.

- Садись, дорогая, завтракать будем!

- У тебя какие планы на сегодня? – спросила Наталья, намазывая масло на кусочек хлеба.

- Не знаю еще точно. Нужно деньги за машину наконец-то попробовать получить да поискать взамен что-нибудь: без колес – прямо беда!

- Не бегай только долго, тебе еще лежать нужно! Голова не болит?

- Ничего у меня не болит, кроме души.

- Еще про совесть вспомни, - вставила Наталья и отхлебнула из чашки.

- А при чем тут совесть? – насторожился я, чуя в словах любимой подвох.

- Не забивай голову, - сменила тему Наталья. – Не носись по городу, отдыхай.

- Не буду.

- Что, не буду?

- Носиться не буду.

Наталья ушла первой, а я, помыв чашки и протерев стол, побрился, погладил брюки и тоже стал собираться. Торопиться мне было абсолютно некуда, страховая компания работала с девяти. Дома было тепло, а на улице мела настоящая метель, снег заносил тротуары и газоны, наметая высокие заструги. Я постоял у окна, посмотрел на непогоду, а потом достал записную книжку и набросал:

Небеса разверзлись.
Белый снег
лег на землю сонную неслышно.
Побелели волосы и крыши,
стих в остывшем доме детский смех.

Тут уже совсем не до стихов:
север отогнал большое лето,
в нашем парке до нога раздетом
стихли трели птичьих голосов.

Надо что-то делать.
Разожгу
берестой березовую печку,
за водой схожу на нашу речку,
чай из самовара предложу.

За чугунной дверцею огонь
сполохами гулко заиграет,
прошлые грехи мне отпуская,
ты протянешь теплую ладонь.

Я прижмусь колючею щекой,
сердца стук родного ощущая,
улыбнешься, отогнав печали,
тихо спросишь: что ты, дорогой?

И в твоих, любимая, глазах,
полных ожиданием ответа,
я увижу отраженье света,
как на потемневших образах.

Я перечитал написанное, кое-что поправил и пошел одеваться. Когда я выскочил из подъезда в снегопад, мне пришлось втянуть голову в воротник и нырнуть в этот снег, как

в воду. Добежав до автобусной остановки и дождавшись очередной маршрутки, я через пятнадцать минут добрался до центра города. Уладив дела со страховщиками и получив от них сведения, что деньги мне были переведены на сберкнижку еще позавчера, до обеда, я отправился на наш авторынок, выбирать себе новую машину. Снег к этому времени прекратился, выглянуло солнце. С карнизов закапало. Часа два я крутился между рядами автомобилей, выставленных на продажу, выслушивая продавцов, расхваливающих достоинства их железных коней, и мнения, отирающихся здесь же многочисленных зевак, пока не выбрал вполне приличную японку представительского класса, правда, праворукую. На леворукую у меня просто не было денег. Договорившись с продавцом, чтобы тот подождал часок, я полетел в сберкассу, снял деньги и еще через час получил все полагающиеся на машину документы и ключи. Довольный приобретением, я сел в «Тойоту» и поехал к белому дому. Хотелось разузнать, что у нас в районе произошло за эти дни новенького, а место, где это можно было сделать быстрее и проще, находилось именно тут. Припарковавшись, я вошел в здание, кивнул знакомому охраннику сидевшему за стойкой, и поднялся на второй этаж в УКС. Уксовские девчата сидели в плановом у Светланы и пили, как обычно в это послеобеденное время, чай. Раздельное питание, понимаешь! Бабы, конечно, дурели от желания похудеть и стать красивее. И ритуал этот за много лет, что мне пришлось здесь бывать, ни разу не нарушался. Молодость, конечно, похудением не вернешь, но говорить об этом с дамами не рекомендуется. Мне, например, нравятся нормальные женщины, а не эти с подиумов, у которых ключицы из-под декольте торчат, как у скелетов.

- Здорово, девушки! О чем чай гоняем?

- О, Аркадий! – подняла на меня удивленные глаза Светлана. – А сказали, что ты в больнице лежишь, дескать, чуть не убили тебя!

- Вот именно, что чуть! Видишь, - я снял кепку и показал пластырь на макушке. – Нас, армейцев такой мелочью не возьмешь! Кость – она и есть кость, чему тут болеть, как говаривал наш комбат! Чаю лучше налейте гостю!

Мне пододвинули чашку с чаем, и я присел к столу.

- Ну а что у нас тут новенького за это время, пока я отсутствовал, произошло? Как новое руководство, с делами справляется? Да вы, кстати, слышали, что Пашка Феофанов разбился, царство ему небесное?

- Конечно, слышали, все только об этом и трещат. Жалко Пашу, молодой совсем ведь! Недавно тридцать шесть исполнилось.

- Кречет моложе был, и Негубин – не старик тоже.

- Это надо же, как их всех подметает! Прямо наваждение какое-то, будто мор напал!

- Прибирает Господь сырых своих, - вставила Галина из техотдела.

- Да-а, - глубокомысленно протянул я, соглашаясь. – Бог – не фраер, он все видит!

- Кончай бога вспоминать всеуе, а то язык отсохнет! – шлепнула меня по губам соседка. – Не богохульствуй!

- Не отсохнет, - отмахнулся я.

К вере я относился своеобразно. Еще в молодые годы мне было интересно читать и Ренана, и Веру Панову, узнавать что-то новое из жизни Христа, или Мухаммеда. Но читал-то я не для того, чтобы проникнуться величием описанных событий, а просто так, чтобы быть в курсе. По сути, я – прожженный агностик. Для непосвященных – расшифрую: агностик – это такой тип, который в Бога не верит, но допускает его существование, и от этого ему лучше, естественно, не становится. Что поделать – пионерское детство, комсомольская юность и партийная зрелость! Я даже стихи на эту тему давным-давно написал:

Я с детства был смел и истов.
А мужество пионера
быть истинным атеистом,
гонителем всякой веры.

И, глядя, как пилигримы
крестились на храмы, каясь,
мы с песней шагали мимо,
над верою насмехаясь.

А годы борьбы и стычек
упрямо вперед спешили,
но я не менял привычек,
которые мне внушили.

На вике с чертополохом.
конечно, и мы гадали,
но, что хорошо, что плохо,
по сути, не понимали.

И даже приняв, как данность.
писания смысл святого,
я чувствую в церкви странно,
неловко себя такого.

Тем более, пилигримов,
старушек и дряхлых дедов
сейчас заменили мнимо
крещеные разных ведомств.

Чихая на все законы
и разворовав Рассею,
усердные бьют поклоны
вчерашние фарисеи,
и заповеди приемля,

не в душах, а только всеу,
несчастную нашу землю
покруче Орды мордуют.

Меж прошлым и верой мостик
ни шире не стал, ни уже:
я чаще всего – агностик,
а, может быть, что и хуже.
И даже стихи слагая,
блаженный, в какой-то мере,
я Бога предполагаю,
но, вряд ли, от сердца верю.

Так и не простив Иуду
и новых иуд, поверьте,
не ведаю, кем я буду,
в день собственной, скажем, смерти.

- А что у нас нового случилось? – задумалась Светлана.
- Шацман ушел в какую-то столичную инвестиционную компанию, ты уже знаешь!
- Еще бы! Он мне сам перед уходом докладывал.
- Теперь у нас новый начальник, Михаил Григорьевич Егоров.
- Тоже слышал. Кстати, он откуда?
- Из Тюмени, вроде бы! Вполне приятный такой мужчина и в делах опытный. По крайней мере, на первый взгляд так кажется!
- Издалека его на север-то занесло!
- А что такого? Тебя сюда не таким же ветром задуло?
- Меня-то в армию призвали, а то бы я о нашей деревне и слыхом не слыхивал, - отмахнулся я. - Один приехал или с семейством?
- Пока один, кажется.
- Чего это у вас все кажется, да вроде бы? Раз один – зна-

чит, не надолго! И чем это вам Шацман не угодил? Пока в кресле сидел вы в нем души не чаяли.

- А то ты не знаешь. Хамоват наш Эдуард Яковлевич иногда до безобразия. Начальники строительных управлений вздохнули с облегчением, когда он ушел.

- Ну и дураки, это же все – для дела! И потом неизвестно, как еще этот новый товарищ себя поведет? А в остальном: как себя поставишь – так к тебе и относиться будут! На меня Шацман голос не повышал.

- Еще бы! На тебя повесишь! Ты такой же бешеный, особенно если с похмелья.

- И когда не выплущу! А чего тогда жаловаться?

- Дела можно и по-другому решать. А Михаил Григорьевич семью, видимо, позже привезет. И что ты еще хочешь знать такого, чего мы не знаем? Ну не присмотрелись пока толком к новому человеку, времени не хватило. А Шацман перед уходом, в последний день, как с цепи сорвался! На прощание, так сказать!

- Это-то понятно, зацепило человека! Столько лет верой и правдой служил и – на тебе! Вышибли и не извинились! А выше этажом, кстати, что творится? Какие там перемены?

- А у них там перестройка сплошная! Сеня отделов наплодил, а этот объединять их начал в какие-то управления. Хотя какая разница? Народу еще больше станет, как всегда, а места в здании уже и сейчас не хватает. Кое-кого уже по городу разбросали на свободные площади. Кто это все-таки тебя? – поинтересовалась Светлана, указывая глазами на мою макушку.

- Нашлись радетели, – я допил чай и поднялся. – Не знаешь, куда Витю Ковалева перевели?

- Так их еще неделю назад вместе с культурой и молодежью слили и в бывшую вторую школу посадили. Департамент создали. Там он теперь, кем вот только – не знаю.

- Заместителем, - припомнил я нашу последнюю с Виктором встречу.

- При нынешнем раскладе дел совсем неплохо. Многих по разным гадюшникам за ненадобностью рассовали.

- Туда им и дорога, воздух чище будет!

- Злой ты, Аркадий, как кобель цепной! Людей жалеть надо, а тебе бы их всё гнобить.

- Так это людей! А клерки у меня людьми не числятся.

- Да ну тебя!

- А кто теперь у Рыбака замом по социалке?

- А чего тебе социалка-то понадобилась?

- Знать хочу, у кого деньги на новые книжки просить.

- Так Ольга, спортсменка ваша из СМУ. Ну, помнишь, с ней еще Кузьмич в молодости кувырчался.

- Не может быть!

- Еще как может!

- Мне Витька Ковалев говорил, что ее на департамент посадили.

- Уже повысили. Чем-то она, видимо, Рыбаку приглянулась. А ты ее что, хорошо знаешь?

- Знаю. Только она в СМУ не работала, на ЛДК физруком трудилась. Но девка норовистая, себя еще покажет!

- Уже показывает, только треск стоит! Все свое ведомство перешерстила!

- И правильно! А то в вашем болоте все плесенью пропахло. Чай сейчас пить кое-кому будет некогда и спать придется стоя, - подковырнул я собеседниц.

- А нам-то что, у нас своя епархия.

- Ну, своя, так своя, - миролюбиво согласился я. - Ладно, спасибо за чай, - поднялся я, перевернув вверх дном чашку на блюдце.

- Ты к Николаю Ивановичу-то работать идешь? – неожиданно спросила Светлана.

- Пойду, скорее всего! – ответил я уже от дверей.

- Вот и правильно! – услышал я вслед, выходя в коридор.

Покинув белый дом, я завел машину и поехал по адресу,

что мне указала Светлана, в бывшую школу номер два. Слегка поплутав там по лестницам и коридорам, я едва отыскал вновь созданный департамент молодежной политики на втором этаже. В помещениях царил полный раскардаш. Наспех расставленные в комнатах столы были завалены кучами всевозможных папок. Таблички на кабинеты не повесили, и я с трудом отыскал своего приятеля.

- О, привет Аркадий! – обрадовался мне наш главный районный спортсмен. – Ты как нас отыскал?

- Да дали люди адресок!

- Слышал, у тебя неприятности. Или болтают?

- Было дело под Полтавой, - я показал приятелю пластырь на макушке.

- И кто это? – поинтересовался Виктор Петрович.

- Разбираемся.

- Вот, гады! – возмутился Виктор. – Так и убить человека можно! Этого дела так просто оставлять нельзя. Если помощь нужна, какая – без вопросов!

- Да не нужна мне помощь, спасибо! Маховик правосудия, как по телеку глаголят, уже закрутился. Не знаю только, будет ли толк? Сам знаешь, как наши органы работают. Но и мы с Иванычем тоже не дремлем, кое-что предпринимаем. Так что все в порядке.

- Ну, смотри, тебе виднее. Если что – зовите на помощь!

- Обязательно. Кем ты здесь теперь числишься?

- А кем был тем и остался! Я же тебе говорил, вроде – замом. Только теперь, я не в отделе, а в управлении при департаменте.

- Зарплату-то хоть не урезали?

- Да нет, вроде, ту же оставили! Присаживайся, чего стоишь, - он указал на свободный от бумаг стул. – Как Наталья поживает? Жениться еще не надумали?

- Как только – так сразу!

- Тебе бы все позубоскалить! Седой вон уже весь, как сивый мерин, а все похохатываешь. Что Иваныч, здоров?

- Нормально все! А насчет женитьбы, если честно, как-то не думал. Да и Наталья молчит.

- Ну ты даешь! Ему девушка об этом еще и говорить должна! Обнаглел ты, Аркадий!

- Что вы меня все учите? Вон и Иваныч тоже: женись да женись!

- И правильно. Тебе уже сколько? Сорок.

- Почти. Ну и что?

- А то. Еще лет пять и без потомства останешься! И Наталья уже тридцать скоро, пора своих, а не только чужих детей нянчить.

- Ладно, не шибутись, разберемся!

- Разбирайся, да долго не затягивай! А то бросит тебя твоя Наташка и правильно сделает.

- Не бросит.

- Ну-ну, надейся! Слышал, что у районного главы глава администрации новый объявился? Тьфу ты, прости меня за тавтологию! Менеджер теперь называется. А у того тоже зам новый по промышленности, строительству и связи.

- Я и главу-то нового толком не знаю, а ты меня про менеджера спрашиваешь.

- А я и забыл, что ты не интересуешься всей этой мышинной возней. Не упади только, когда скажу.

- Ладно, не тяни!

- Наш бывший борец с расхитителями государственной собственности. Ну? Вспомнил?

- Это Игорь Шнитко, что ли?

- Ну, да. Он теперь и есть – глава администрации.

- А я об этом уже слышал от кого-то. Он, вроде, из района года два назад в столицу уезжал. Вернулся что ли?

- Вернулся. Рыбак его откуда-то знает, вот и призвал на должность, послужить Отечеству.

- Понятно. И кто у Игоря замом теперь?

- Некто Бирюков Николай Матвеевич.

- И чем же он знаменит? Молодой?

- Молодой и наглый. Но самое главное – какой-то бывший подчиненный Лисина! Ты понял? Или где-то около него отирался. Так что соображай, куда мы теперь поплывем.

- А чего тут не понять. Рыбака-то кто финансировал, когда выборы шли. Теперь деньги возвращать надо. Так что смотрящий всегда свой нужен! У них же все, как у воров, по той же схеме.

- Это ты правильно заметил.

- Еще бы не правильно. Воруете, сволочи, и не морщитесь! Прокуратуры на вас нет!

- Ты всех-то под одну гребенку не стриги, - поджал губы мой приятель.

- Ну, ты еще обидься! Или правда глаза колет? – захохотал я, заметив, как нахмурился Виктор.

- Да пошел ты подальше!

- Не кипятись! Я же тебя не имел в виду, - дружелюбно хлопнул я товарища по плечу. - Какие еще телодвижения произошли за это время в нашем околотке? Давай, что ли, кофе сварим?

- Да, вроде, пока ничего особенного больше не произошло. Ты лучше поподробнее расскажи: чего это у тебя с головой-то? – спросил Виктор и полез в стол, доставать кофеварку.

- Бандитская пуля, – отшутился я. – А ты ничего не слышал об этом? – я ткнул пальцем в пластырь.

- Да нет! Неделю в командировке был, а приехал, рта не дали открыть – переезжать приказали. Замотались мы тут с этими переездами!

- И Наталья Вере ничего не сообщала?

- Так Вера к матери уехала. Я в командировку, она – на родину.

- Ты слышал, кстати, что Паша на машине разбился?

- Какой Паша?

- Ну ты даешь, парень! Какой Паша!? Феофанов, естественно.

- Да ты что! Живой хоть? – вытаращил глаза мой собеседник.

- Да нет! Не повезло приятелю нашему.

- Ты погляди, как их всех, кто причастен к дереву и лесопилкам, косит! И главное, все бьются на транспорте. Мистика прямо какая-то!

- Я так думаю, что Пашку скорее всего убрали, он многим поперек дороги встал. Не может быть так много совпадений: сначала Сашка, потом Негубин, следом еще один, а вот теперь – Паша!

- Считаешь, что всем помогли?

- Не всем, некоторым!

- Кречет-то с гулянки возвращался, с дач, пьяный был. Не думаю, что тогда кто-то кого-то убирать пытался. Гнал машину и поворот там крутой был.

- А Негубин? Он в рот этого зелья не брал никогда. Ну, может, на праздник рюмочку, а за рулем – господи упаси! Возможно, конечно, и несчастный случай, но тогда действительно поверишь, что Бог шельму метит.

- Кто его знает? С Пашей в данном случае никакие версии отбрасывать нельзя. Следствие покажет в конце-концов!

- Какое к черту следствие! Ты же знаешь, как у нас: в силе человек – его уважают, а помер – тут же забыли. Нет человека – нет проблем! Помнить нужно высказывания дорогих вождей. Нужны нашим ментам лишние головные боли. Теперь его предприятия кто-то к рукам приберет, я даже знаю кто!

- Ну это-то – секрет полишинеля! Борьба и единство противоположностей! Как там, у Гоголя: поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем!

- А ведь когда-то дружили, не разлей вода!

- Деньги кого хочешь, испортят.

- Теперь, значит, нас другие дяди доить будут!

- А что поделаешь? Вся страна такая: от самого верха, до самого низа! Ты что думаешь, там, наверху ангелы сидят? Это они только болтают красиво: борьба с коррупцией, борьба с коррупцией! А хоть одного засранца посадили? Зарабава за бесплатные лекарства бабушки по всей стране нашей

необъятной лет пять костерили, и что? А ничего! Как разворовывали бюджет, так и разворовывают. Посредников-то кто крышует? – Витька ткнул пальцем куда-то вверх. – Вот именно: все те же. Догадайся с первого раза, почему счетная палата помалкивала? Правильно, команды не было. Сняли дядю, наконец, и что? Посадили послом в Украину. Пусть сидит, в носу ковыряет. А в отрасли ничего и не изменилось. Таковую же профуру, королеву фармацевтики рулить посадили. Чувствуешь: у нее на фабриках, значит, таблетки выпускают, и она же за их удешевление должна бороться. Кино и только! Кто же такую кормушку прикроет! Так, мелкую сошку гребут, а кто всем этим заправляет, как сидели у кормила, так и сидят. Даже законы и те под себя клепают, чтобы после отставки не сесть!

- Чего это ты, господин чиновник, так раскипятился? Тебе это по должности не положено. Услышат, мигом с гнезда слетишь. Политику партии и правительства одобрять нужно и пропагандировать среди масс, ясно?

- Ясно. Кофе-то будем пить?

- Будем, конечно. Наливай! Сахар-то у тебя есть?

- Есть. Час назад в магазине купил.

- Слушай, ты ненароком про нового начальника УКСа районного ничего не знаешь?

- Как не знать, знаю. Поинтересовался, когда Шацмана так лихо столкнули. Работал в основном в разных строительных конторах, но на прямом производстве почти и не был. В последнее время в главке у нефтяников сидел начальником производственного отдела. Давай я тебе все-таки кофе налью, а то соловья баснями не кормят. – Петрович, отодвинув бумаги, поставил на стол две кружки. – Сахар бери.

- А чего его тогда сюда перетащили? – я взял стакан и бросил туда белый кубик. - У нефтяников зарплата не хилая. У Шацмана хоть голова светлая была и опыт строительный, какой-никакой! Хам, правда, несусветный, но сказать, что дурак, язык не повернется.

- Ты, Аркаша, будто вчера родился! Тебе ли рассказывать, что такое строительство? Это – капитальные вложения! При чем львиная доля – бюджеты всех уровней! И зарыть разворованных государственных денег, а по сути тех самых налогов, что все мы платим, в это самое строительство можно не меряно! Это ты и сам об этом не хуже меня знаешь. А раз так, то и соображай! У Рыбака своя строительная фирма имеется и рассчитываться с покровителями нужно. Так что свой человек на этом месте нужен! Где он, правда, этого самого Михаила Григорьевича откопал, не знаю. Может, кто повыше сидит, посоветовал.

- Неужели опять все с начала начинать придется? Надоела эта вечная борьба до чертиков.

- А ты как думал? И вечный бой – покой нам только снится! Ваши конторы, что у Остроглаза, что у Зарубина Коли, что строят? Коммерческое жилье в основном на деньги будущих жильцов, да соцкультбыт еще. А у Рыбака его деревяшки куда пойдут? Под социальные программы: ну там, переселение убогих, кто приобрести ничего приличного не в состоянии, под фенол, да под ветхость. А здесь деньги – уже федеральные, значит, практически неистощимые, а при уме и – бесконтрольные! Рыбак вот по телевизору это самое деревянное домостроение как рекламирует! Что и телевизор не смотришь? Ну так слушай. Заявил, что стоить квадратный метр будет почти в два раза дешевле, чем в кирпичных домах. Помяни мое слово, когда первые деревянные через год сдавать начнут, стоить они будут почти столько же, сколько ваши, капитальные. Поди, плохо?

- Ну для этого и существуют всякие инспекции, типа комитета по ценообразованию и счетной палаты. Да и деньги пойдут не напрямую, а через программы соцкультбыта. А программы, они все же центром непосредственно контролируются.

- Ха-ха! Не смейся меня. Свезут туда, в этот самый центр энное количество миллионов, и любая ценовая экспертиза тебе докажет, что дешевле строить никак не получается!

- Ладно, чего зря языками молоть, поживем, увидим!
Устраивайся тут пока, а я поехал.

- Куда торопишься, кофе-то допей.

- Нет, поеду!

- Наташе привет передавай!

- Спасибо, передам.

Я вышел от Виктора, сел в свою новую машину и поехал на другой конец города, где располагалось строительное управление Николая Ивановича Зарубина «Морстрой». Пора было прибиваться к какому-нибудь берегу и начинать зарабатывать на жизнь.

- Хорошо, что наконец-то решился! – приветствовал меня Зарубин. – А то, по правде говоря, один я зашился. Принимай дела, знакомься с коллективом и – вперед! Сегодня и приступай.

- Давай с понедельника, Николай Иванович, а то я еще не совсем оклемался.

- С понедельника, так с понедельника! – почему-то легко согласился Бирюков.

Я пошел, посмотрел свой новый кабинет, что услужливо открыла мне секретарша, затем прошелся по отделам. Многих работников я знал давно и прекрасно: строительных управлений в городе было не так много. Потратив на все это еще около часа, я почувствовал, что прилично устал, а много-страдальная голова моя снова сделалась чугунной. Поэтому я распрощался с новыми коллегами, вновь забрался в машину и отправился домой.

Вечером позвонил Стешнев и пригласил на рыбалку:

- Поехали завтра, воздухом подышим, суббота все-таки! Мужики говорят, что треска пошла, на голый крючок берет! Да и поговорим там спокойно, никто тревожить не будет.

- Давай съездим. Сто лет на рыбалке не был.

- Ну, вот и хорошо! Тогда я к тебе часов в шесть утра заеду, смотри не проспи!

- Слушай, я же машину купил, «Тойоту». Может, двумя поедем?

- Да, зачем? Что мы в моей не поместимся? А потом, для чего тебе за руль садиться: не выпить, не закусить. Так, что приготовь вещички, снасти, и будильник не забудь завести. Слышал, ты к Коле Зарубину главным пошел.

- Откуда слышал?

- Да, встретил его тут случайно.

- Иду, со следующей недели.

- Вот и хорошо, Николай – мужик с головой и без заскоков, с ним работать можно!

- Я знаю. Да и с Колей мы знакомы лет уже почти с десяток.

- Ладно, до завтра! Смотри, не просп.

Наталья к нашей затее отнеслась без энтузиазма. Куда ты, дескать, больной собрался?

- Какой я, Наташа, больной! Подумаешь, голова заклеена. Так под шапкой не видно. И, потом, свежим воздухом подышать еще никому не вредило. А в остальном я совершенно здоров! Как бык, – я притянул к себе любимую.

- Отпусти, оглашенный! – отбилась от меня Наталья. – Ужинать лучше пошли, я картошки нажарила, как ты любишь. Ладно уж, езжай! Одевайся только потеплее, зима все-таки. Не хватало еще простуду подхватить ко всем твоим болячкам в придачу.

- Не продаст! – я поцеловал ее и отправился следом на кухню.

Хорошо все-таки, когда в доме есть женщина, да еще любимая.

Утром в шесть, по звонку Стешнева, я выскочил на улицу и забрался к нему в машину. Наталья спала так сладко, что даже не пошевелилась, пока я собирался.

- Здорово, мужики! Куда поедем?

- К Камням, Аркадий Викторович! – ответил мне водитель. - Там, говорят, лучше всего берет.

Мы с полчаса колесили по заснеженной ночью дороге, мимо покрытых инеем, корявых от морозов и ветров берез, пока не выехали к берегу залива, накрытого льдом. Я всегда благоговел перед морем, еще с тех пор, когда учился в институте. И когда судьба меня забросила в Аян под Магаданом, я окончательно влюбился в эти беспокойные воды северных морских просторов:

Море.

Сколы, тающие, льдин.

Я брожу по берегу один,
к птичьему прислушиваясь крику,
к шепоту недремлющей волны,
к этой соразмерности строгой,
с сотворенья освященной Богом,
где не наблюдается безликой,
не несущей жизни тишины.

Яркие и блеклые цвета –
на палитре водного листа.
Синий – с белым и небесно-синий,
подмывая охру берегов,
пишут непривычную картину:
бурый – пополам с ультрамарином,
тени отраженных легких линий,
радужные отблески кругов.

Звук и цвет.

Движение воды.

Никакого признака беды.

Море убаюкивает душу,
грозное величие тая.

И как ни крути, а это – норма,
мировосприятье, аксиома:
попросту замри, смотри и слушай,
постигая сущность бытия.

Все мы – капли призрачных глубин.
Мир своеобразен, но един,
время изменить его не властно.
С бесконечным – неуместен торг.
В поднебесье тают облака,
пережив мгновенья и века –
перья лебедей.
И не напрасно
в сердце переполненном – восторг!

Мы тогда строили в одной бухте так называемый укреп пункт правительственной линии связи с золотыми прииска-ми. Это – пара двухквартирных рубленых домов, котельная на дровах и само здание узла связи. Механизации никакой, все приходилось делать вручную: и бетон месить, и гальку с берега моря возить, и поднимать этот самый бетон в опалубку. Надо сказать, что стены котельной почему-то строили из бутобетона, наверное, чтобы не сгорела. Работали часов по двенадцать в день. Пальцы на руках по утрам не гнулись, приходилось разминать их минут десять перед тем, как встать. Хорошие были времена – молодость! Полдня в субботу был выходной, ловили лосося в бухте, прямо напротив палаток, кипятили чай и наблюдали, как любопытные нерпы крутят собачьими головами, пытаясь разобраться, что это там, на берегу делается? А потом, перед сном, пели песни под гитару, или смотрели кино. Руководство строительного управления прислало кинопроектор, чтобы мужики, значит, от бескультурья и отсутствия женщин умом не тронулись. Кинофильм, правда, был один. Как сейчас помню – «Белый рояль». Паллад Бюль-бюль-оглы пел, а мы наслаждались! Смотрели этот бедный фильм и так, и задом наперед. А, все равно хорошо! Вспоминать приятно.

Мне помнится соленый ветер твой,
пожатье рук мозолистых и строгих.

Я уезжал.
Накатистый прибой
ворочал гальку берегов отлогих.
Кричали чайки над твоей водой
и кедры низкорослые шумели,
пытаясь удержать,
но не сумели.
Я уезжал.
За пенною чертой
Осталось все, чем ты меня пленила:
голубизна задумчивых озер,
кипящих речек бешеная сила,
слиянье неба с морем,
синих гор
торжественная строгость караула,
покрытый лесом сумрачный увал.
Я уезжал.
Прибрежных рифов скулы
лоснились черным лаком.
Срезы скал –
свидетели крылатого базара
молчали.
Исчезающих минут
прощания с друзьями не хватало,
последних слов.
Палаточный уют
за кромкою песчаной косогора
сигналил дымом прокопченных труб.
Седой закат пылал немым укором.
Я уезжал из детства.
Сердца стук
неугомонно и красноречиво
соединял, что стало дорогим,
с тем будущим, еще неразличимым,
неясным,
но уже почти моим.

Мы здесь росли стремительно и смело,
приобретая мужество в делах,
неся любви нетронутую веру
в своих поступках,
мыслях
и словах.
В сыром брезенте временного быта
хранили мы содружества тепло,
вторичный смысл стихов почти забытых
и откровений хрупкое стекло.
Былинная,
непознанная сила
купели ледяной твоей воды
нас окрестила и заговорила
от равнодушья,
лени
и беды.
Но время однозначно.
Только память
далеких, юных дней тревожит кровь
и вызывает грусть –
уже не рая.
Я уезжал.
И возвратился вновь.

Я всегда с ностальгией вспоминаю это время. А друзья рассыпались по свету, как бисер, не соберешь. Сейчас и половины не осталось...

Кое-где у берега, а то и прямо на кромке льда, горели костры самых нетерпеливых рыбаков. Решив, что до рассвета на тонкий лед соваться ни к чему, можно запросто искупаться, мы достали припасы, собранные еще с вечера заботливыми женщинами, и позавтракали, выпив по рюмке за удачу.

Сколько тебе Зарубин жалованья положил? – спросил Иваныч.

- Да нормально! Почти вдвое больше, чем у Костика с Остроглазом. И платят у него без задержки. Имеет человек голову на плечах, что ни говори, не все себе в карман ташит, что-то и людям остается! А предприятие, не в пример нашему, развивается потихоньку.

- Ладно, не жалей! Что ни делается, все – к лучшему! Наталья довольна?

- А то!

- Вы когда свои отношения-то узаконите, или опять де-вушке голову морочить собрался?

- Ну ты даешь, Иваныч: морочить! Грубо и обидно! У нас все – по любви и обоюдному согласию.

- А тебе и надо – грубо и зримо, как говаривал наш поэт-горлопан! Понятно, что по согласию. Но ты долго-то не тяни, а то некрасиво получается. Мечешься от бабы к бабе, как сперматозоид бешеный.

- Что вы меня все воспитываете и воспитываете? Ты воспитываешь, Витька воспитывает, Светлана – и та воспитывает!

- Ага, значит, не я один тебе это талдычу! Умные люди все видят и все понимают, слава Богу.

- Полно доброхотов, что и говорить! Как будто у меня самого мозгов нет!

- Мозги, конечно, есть, а вот насчет ума – сомневаюсь. Ты все-таки подумай, что тебе народ советует. Ладно, давай сворачиваться! Володя, собирайся и поезжай! А нам пора топтать, вон уже горизонт светиться начинает.

На западе, в кромешной тьме действительно проявилась гряда прибрежных скал, прозванных в народе Камнями, и абсолютно прямая линия розовеющего над морем горизонта. Погода обещала быть ясной и безветренной. Водителя Стешнев отпустил в город, у того приезжала в гости теща, которую нужно было встретить с поезда.

Машина уехала, а мы собрали выгруженные на снег снасти, припасы и прочее в алюминиевые ящики с полозьями.

Ящики эти, изготовленные умельцами на нашем судоремонтном, служили местным рыбакам и транспортным средством для улова, и креслом при долгом ожидании у лунки. Набросив лямки на плечи, мы с приятелем двинулись по тонкому, зеркальному льду в направлении на север. Пройдя с полкилометра, Иваныч по каким-то одному ему понятным признакам выбрал место. Мы расположились и начали бурить лунки. Лед оказался на удивление довольно прочным, сантиметров в двадцать, морозов-то особых в этом году еще не было. Но лед по осени всегда прочнее и надежнее весеннего. Минут через двадцать работы с буром я прилично упрел. Стало так жарко, что даже скинул с себя куртку.

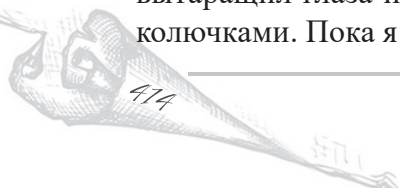
- Хорош! – остановился Иваныч, буривший неподалеку. – А то вспотеем, а потом просквозит на ветерке. Ты куртку-то одень, неровен час – простынешь.

- Ничего не случится, - ответил я, но, подумав, куртку все же одел.

Иваныч достал из ящика удочку для подледного лова, на леске которой была привязана небольшая блесна. Насадив на блесну кусок мороженого минтая, он опустил снасть под лед. Я последовал его примеру, только у меня на леске была привязана крупная мормышка, с ноготь большого пальца, и кусок минтая, что я насадил на крючок, был куда как меньше. Не успел Иваныч несколько раз поддернуть леску, как хлыстик его удочки дернулся и согнулся дугой.

- Подсекай! – заорал я, и в этот момент дернулся кивок моей собственной снасти.

Я немного опустил удочку, ослабив леску, чтобы рыба могла заглотать наживку поглубже, и плавно подсек. На конце лески, где-то в глубине заходила, сопротивляясь, попавшаяся на крючок рыба. Перебирая руками леску, я наконец-то вытащил на свет божий довольно приличного, граммов на триста морского ерша, который, попав на лед, вытаращил глаза и растопырил во все стороны плавники с колючками. Пока я суетился со своей трехсотграммовой ме-

лочью, Иваныч вытащил на лед серебристую треску весом килограмма в два. Я завистливо посмотрел на его улов.

- Везет тебе, Иванович!

- А ты не завидуй! – откликнулся он, пряча добычу в свой ящик. – Снасть лучше смени, не поленись! Глядишь, и тебе подфартит! Иди сюда, присаживайся поближе, вон лунка свободная. Здесь склон на дне и глубина побольше, чем у тебя.

Рыбалка – моя страсть, что зимняя, что летняя. Еще в детстве отец частенько брал меня с собой на рыбалку. Ездили, как обычно, большой компанией с сослуживцами отца, летчиками его эскадрильи. Первые воспоминания относят меня к тем временам, когда я жил с родителями в Приамурье, недалеко от Благовещенска. Рано утром, еще затемно, мы часа полтора ехали по лесостепи до небольшого, метров сто на двести озера, поросшего по берегам редким тальником. Разводили костер, мужики садились выпивать, а мы, пацаны, слушали, открыв рты, рыбацкие байки бывалых людей. Когда первые лучи солнца вспыхивали над горизонтом, расходились по берегу вокруг озера. Отец привязывал мне к леске два поводка с крючками и насаживал жирных червяков.

- Забрасывай поближе к траве, - говорил он.

Я забрасывал, и не успевал даже оглядеться, как поплавок дергался и резко уходил под воду.

- Тащи! – кричал отец.

Я тащил леску вверх, и на берегу бились, вылетевшие из воды, два довольно крупных желто-серебристых гальяна.

- Молодец! – хвалил меня отец.

Давно это было, но ощущение безграничного счастья и любви ко всему, что меня тогда окружало, живет во мне до сих пор. Отца уже нет, ушел года как три, и похоронен у себя на родине, в Забайкалье, где жил последние годы после смерти матери. Скучно стало одному, вот и подался в родные края, на Шилку, где обреталась его немногочисленная

родня и мать, моя бабушка Мария. Ко мне на север не поехал: нечего, мол, делать. Вот когда обзаведешься семьей да внуками, тогда и подумаю. Ездил я к нему на могилу пару раз: далеко, через всю страну нужно лететь, а потом еще и на поезде полсуток добираться. Похоронили его там, где он и мечтал. Высоко на гольце расположилось кладбище, а внизу – река, на другом берегу глубокая, заросшая темным хвойником падь. Красиво.

Рывкнув зверем, застыла машина.
Над гольцом в синеве облака.
По откосу тропа на вершину,
а внизу, между падей река.

Здравствуй, папа!
Давно я здесь не был.
Закурю, хоть лет пять не курил.
В Забайкалье бездонное небо,
все такое же, как ты любил.

Летом Шилка все так же ленива,
но весной, сбросив панцирь из льда,
скалы рвет.
Я мальчишкой сопливым
в первом классе приехал сюда.

Забывал на реке о науке
и визжал от испуга, когда
поднимали отцовские руки
над урезом, где билась вода.

Ночи сеяли звезды в затоне,
тлел, мерцая, костер у ключа,
точно так, как у бабушки в доме,
под иконой мерцала свеча.

Мы ловили у берега раков,
запекали в огне, а потом
ели красные шейки со вкусом,
запивая парным молоком.

В понизовье сплавлились с тобой,
мимо плыли отроги и села,
на прижимах под берег крутой
гнал ты плот, молодой и веселый.

И глазами небесной лазури
ты глядел на роскошества лета,
в междуречье казачьей Даурьи,
где туманом одеты рассветы.

Звездный купол тебе был открыт
самодельным стеклом телескопа,
как Лаплас, на меня был сердит,
если я что-то, где-то прохлопал.

А сейчас на гольце между гор
я стою у чугунной решетки
и смотрю на бескрайний простор
горизонтом очерченный четко.

Воздух свеж на скалистом столпе,
запах травный пронзительно тонок.
Я с тобою, как прежде, ребенок,
потерявшийся где-то в толпе.

Орденов твоих не оторвать
от гранитной плиты за оградой.
Мы с тобою увидеться рады,
жаль, не можем теперь поболтать.

Вечер летний от зноя устал,
солнце где-то за лесом укрылось,
ты когда-то лежать здесь мечтал,
и мечта твоя, кажется, сбылась.

Слава Богу, что ты не один,
рядом те, кто осилил эпоху,
кто в строю боевом до седин,
до конца, до последнего вздоха.

Широко Забайкалье твое,
и прекрасно, как в детстве, не скрою,
вам вечерняя птица поет
в тишине, поминая героев.

Ну а мне бы успеть привести
внуков-правнуков выросших к деду,
и наглядно до них донести
смысл великого слова «Победа»!

До свиданья, отец, не грусти!
Я в свои возвращаюсь пенаты,
что не часто бываю, прости,
перед совестью не виноват я.

Ты сейчас между звезд, в тишине
созерцаешь небесную ниву.
Там, конечно, безумно красиво,
как и в нашем краю по весне.

Не хватает мне отца теперь. Почему-то его я вспоминаю чаще, чем мать, хотя ей я обязан и любовью к чтению с самых ранних лет, и тягой к занятиям спортом, и ко многому еще хорошему в этой жизни. Я и стихи-то писать начал с ее молчаливого одобрения моих детских опытов. Но отец – чем-то

ближе мне, видимо, мужской солидарностью, что ли? Или потому, что чем дольше я живу, тем больше становлюсь на него похож? Может быть. Короче, гены...

Я перешел на соседнюю лунку, сменил удочку и опустил свою блесну. Глубина и правда была метров на восемь больше.

- О чем хотел поговорить-то, Иваныч? – обратился я к товарищу, но в этот момент у Стешнева снова дернулась удочка, и через минуту на льду забились вторая треска. – Ты в детстве, Иваныч, этого самого не ел? – с завистью подколот я приятеля, поскольку моя удочка никаких признаков жизни не подавала. – Так о чем ты поговорить-то хотел?

- Ел и еще как! – отозвался довольный везунчик, снимая с блесны рыбину. – Ты почаще снасть-то дергай, не волюнь! А поговорить я хотел вот о чем. Как-то нам надо разруливать наши проблемы с Хрущом, он на нас зуб точит, а это не есть хорошо!

- Откуда он узнал-то, что это именно мы его ребят трясли?

- Откуда, откуда! Народу больно много было в проблему вовлечено. Помнишь, я тебе говорил, что одного костолома Гошиного наказали?

- Помню, конечно. Ты мне сказал, что потом в подробности посветишь.

- Точно. Когда из ментовки остальных жлобов выпускали, мои парни как раз еще одного гаврика отловили. Что с ним делать? Вот и придумали шутники, мать их: упаковали его в его же собственную машину, подогнали к даче Хруща да там и оставили. А на грудь картонку повесили с надписью «От друзей».

- Да... Несладко пареньку, я думаю, пришлось.

- Вот тогда, похоже, его люди наших ребят и срисовали. А дальше – дело техники.

- Зря они так демаскировались. Не доглядел твой Саня.

- Он уже свое сполна получил. Только сделанного-то не исправить. Может, накто никого и не срисовал, а просто на

Игорька надавили, он и раскололся. Хотя не думаю, что он такой дурак. Хрущ таких проколов сроду не прощал. Если бы Игорька раскололи, он бы сейчас на дне залива с куском бетона в ногах плавал.

- И что ты предлагаешь?

- Хотел с тобой посоветоваться, ты же, вроде, тоже как в деле. Тут два пути: либо сверху Гошу придавить, либо снизу поджарить!

- Поясни, что-то я не понял.

- Ну сверху, это через самое высокое руководство. Оно у нас сейчас новое и дел со всякой шушерой пока не имеет. По-сылаем информацию о делишках Гоши и прочих, связанных с ним лиц во все необходимые инстанции и ждем реакции начальства. Думаю, она будет правильной, кому охота, чтобы его имя с именами бандюганов да бывших, обгадившихся начальников мешали. Ну и прессу, соответственно, подключаем, лучше центральную, наши газетчики могут и побояться.

- А снизу поджарить что ты имел в виду?

- Снизу это по-простому! Берем силами приданных нам батальонов Хруща за жабры и поджариваем на медленном огне. Тут уже не до сантиментов: кто кого!

Я помолчал, переваривая услышанное. Опять, значит, война! Да еще и на грани права: можно и самому в тюрьму загнать!

- Слушай, а если сделать похитрее! – предложил я Стешневу. – Первую часть плана оставляем, а во вторую вносим некоторые поправки.

- Излагай, Аркаша! Я всегда говорил, что голова у тебя светлая, хотя и не к тому туловищу, особенно нижней частью последнего, приделана!

- Попрошу без оскорблений! Дожидаемся шумихи в прессе, а сами тихонечко подключаем твоего приятеля Петровича!

- Это как? Петрович без приказа в это самое дерьмо никогда не сунется!

- Сунется, если почувствует, что сверху будут довольны и если снизу мы ему дополнительно поможем. На кой нам открытая война, в ней можно и шею сломать, и на нары загреметь под старость лет! Потихоньку занимаемся сбором необходимой информации и держим под контролем телодвижения Гоши.

- Думаешь, он такой лох, что ничего не заметит?

- Нужно постараться.

- Я вот что думаю. Общественный резонанс и газетную шумиху я возьму на себя. А ты попробуй действовать через адвоката, Игорька нашего дорогого. Прощупай его. И если он до сих пор в глазах Гоши чист, можно на этом сыграть: прижать за разглашение тайны, так сказать. Я, конечно, постараюсь организовать наблюдение за Хрущом, но думаю, что из этого мало, что получится. Тем более что пока крыша у него не протекает.

- Ты начальника УВД имеешь в виду, Повальского?

- А то.

Я достал из пачки сигарету и прикурил. Не успел я докурить, как у меня клюнуло. Немного повозившись, я тоже вытащил треску килограмма на полтора. Солнце к этому часу поднялось над горизонтом уже довольно высоко и осветило сверкающую ледяную равнину, покрытую, сколько можно было видеть, разбросанными черными точками фигурок рыбаков.

- Воздух-то какой! – глубоко наполнив легкие и резко выдохнув, заметил Иваныч. – Пить, прямо, можно!

- Да уж, - глубокомысленно изрек я. – Помнишь, как-то на нашей речке мы щуку килограмма на четыре вытянули бреднем. Тогда еще Витька с нами был и Николай, и Семеныч, и Бенья.

- А то, - ответил мне коротко Иваныч, вытаскивая очередную треску. – Одни ушли совсем, а многие – далече!

- Хорошо было! – продолжил я. – Осень, холодно уже, а – хорошо! Хочешь, я тебе стихи о той рыбалке прочитаю?

- Читай, а я пока чай вскипячу, перекусить уже хочется.
- Ну тогда слушай:

Струится масляно вода.
Сырой брезент энцефалитки.
Туман над речкою.
Сюда
мы добрались едва.
Пожитки
уже уложены.
Костер
стреляет искрами в межзвездье.
Затихший к ночи мшистый бор
воспоминаниями грезит.
Над котелком клубится пар,
и пахнет свежеею ухоею.
В который раз мы здесь с тобою,
мой старый друг?
Добавим жар,
чтоб был комфортнее ночлег,
а то ледок хрустит меж кочек.
В ту нашу осень первый снег
упал такой же звездной ночью.
И угли давешних костров
весна и лето не отмьли.
Давай помянем всех, кто были
когда-то с нами.
Будь здоров!
Когда-то нас сидело всех
здесь человек, пожалуй, «надцать».
Дым сигарет,
приколы,
смех
не позволял душе сломаться.
Где все они?

Кто не дожил
до этой осени безлистой,
кто раньше голову сложил,
кто от тоски зеленой спился.
А мы тихонько небосвод
еще коптим в подлунном мире.
И даже тренькаем на лире,
когда охота нападет.
А в общем – прошлое не тронь,
грех,
жили мы совсем не худо.
Давай-ка, вымою посуду,
а ты подбрось дровец в огонь.
Багровый лист осин дрожит,
мерцаньем иней лег на полог.
Строптивя жизнь
и путь был долог.
Ну, по последней,
для души,
за всех оставшихся ребят,
за тех, кто после нас и после.
Уходит призрачная осень.
Как звезды яростно горят!

- Вполне прилично! – похвалил Иваныч.

- Моветон вы, товарищ Стешнев! – буркнул я в ответ, ожидая более эмоциональной реакции приятеля. – Гениальные, можно считать, стихи!

- Ишь ты, обиделся! – хмыкнул Иваныч, снимая с газовой плитки и разливая чай. – Давай, присаживайся, почаёвничаем, Гомер ты наш.

До того часа, как прийти машине, мы наворочали столько рыбы, что после погрузки задние амортизаторы внедорожника заметно просели.

- Куда рыбу-то девать будем? – спросил я у Стешнева.

- А Володе отдадим!

- Куда она мне, Александр Иванович? – попытался протестовать водитель. – На жареху возьму, конечно, а вы ее вон сколько натаскали.

- Приятелям раздашь! Свежая рыбка все-таки, не из магазина!

Я оставил себе пару рыбин, а остальное, как и Иваныч, сгрузил Володе в багажник. Довольные проведенным днем мы расстались возле моего дома.

- Ты только не тяни с Игорьком, Аркадий! – сказал мне на прощание Иваныч. – А то опять неприятности могут начаться.

- Завтра и займусь, - заверил я друга.

Натали дома не оказалось и я, бросив пойманную рыбу в раковину на кухне, разобрал вещи. Потом принял горячий душ и отправился в гостиную смотреть телевизор. Смотреть было особенно нечего. По одним каналам гнали идиотские, бесконечные сериалы, по другим – детективы. Сморенный усталостью я незаметно для себя уснул. Проснулся я от шума у входной двери. Открыв глаза, я посмотрел на циферблат: прошло около полутора часов. В комнату влетела раскрасневшаяся с мороза Наталья. Я тут же вновь притворился спящим. Присев ко мне на краешек дивана, она наклонилась и тихонько поцеловала меня в лоб. Я не пошевелился. Наталья глубоко вздохнула, уже было собираясь вставать. И тут я неожиданно схватил ее за плечи, притянул к себе, и начал беспорядочно целовать в нос, губы, глаза.

- Ой! - подставляя лицо для поцелуев, запричитала она, прижимаясь ко мне всем телом, - Дурачок, напугал ведь!

- Ты где была? – строго спросил я, стараясь выглядеть рассерженным. – Тут, понимаешь, мужчина в пещеру с добычей вернулся, а дома ветер гуляет!

- А что, еще и поймали что-нибудь? – задала вопрос любящая.

- Пойди на кухню, посмотри!

Наталья, чмокнув меня в щеку, высвободилась из объятий и выпорхнула на кухню.

- Какая рыба красивая! – донеслось до меня. – А что мы с ней делать будем?

Я поднялся и тоже отправился на кухню.

- Что делать? А что хочешь! Можно пожарить. Хочешь жареной рыбы?

- Хочу! – Наталья потерлась щекой о мое плечо.

- Так где ты была?

- У Веры. Она сегодня утром от матери вернулась ну и позвонила мне после обеда.

- Как там Виктор поживает? – спросил я, принимаясь чистить треску. – Чего нового?

- А Виктора не было. Он где-то у себя в гараже с машиной возился.

- Что Вера рассказывает?

- Рассказывала, как у матери жила. Через три месяца рожать будет, - в голосе Натальи я уловил нотки какой-то грустной зависти. – Счастливая! – на несколько секунд в воздухе повисло молчание. – Ну, а вы-то со Стешневым, как порыбачили? Рассказывай.

Я рассказал обо всем, что было на рыбалке, и о нашем с Иванычем разговоре, чем вызвал неподдельное волнение подруги:

- Снова вы в неприятности со своим Иванычем лезете!

- А ты хочешь, чтобы все вокруг в белых перчатках ходили. Боюсь, что так с нашими делами грешными не получится.

- Да ничего я не хочу! – она подошла и прижалась ко мне, зарывшись носом в воротник халата. – Боюсь я за тебя, вот и все! Покоя хочу. Поговорили бы с Гошей сначала просто так, может быть все и утряслось...

Потом мы жарили рыбу, стараясь выполнять все так, как было написано в толстой, потертой поваренной книге, принесенной однажды в мой дом Натальей. Книгу эту ей подарила бабушка, и она очень дорожила этим подарком.

А когда ужин был готов, мы долго сидели за столом, запивая треску сухим вином, которое по дороге домой купила Наталья. Суббота заканчивалась. На душе у меня было светло и спокойно. С работой я определился, это главное. А остальное как-нибудь рассосется.

Утром в воскресенье я проснулся рано, и начал обдумывать, как мне половчее подступиться к адвокату. Ничего толкового не придумав, решил просто позднее позвонить ему и назначить встречу где-нибудь в городе. Чего тянуть вола за хвост? Надавим, сам поплывет! Главное, было бы, за что Хруща зацепить. Открытая война смахивает на авантюру и предполагает жертвы. С этой мыслью я потихоньку поднялся и отправился на кухню кипятить чайник.

Но позвонить Игорьку в силу ряда причин и занятости мне в течение недели так и не удалось. Я вышел на работу в новый коллектив, где, хотя и знал многих, но все же пришлось некоторое время притираться к установленным порядкам и правилам. А уже в следующую субботу в областной и нескольких столичных газетах одновременно появились статьи о нашем благословенном районе. Здесь было и об увеличении количества преступлений, связанных с наркотиками, и о неспособности милиции справиться с этой проблемой, и о том, что криминал давно проник во все структуры власти района и чувствует себя в полнейшей безопасности, ворочая нажитыми на грабеже предприятий и наркотрафике миллионами. Имен чинов и чиновников не называлось, но имеющие место события были изложены умело и точно. Все эти разрозненные факты, которые были известны почти каждому мало-мальски соображающему жителю города и района, в статьях складывалась в довольно мрачную картину. Как и предполагал Стешнев, новым районным властям это не понравилось. Рыбаком была дана отмашка контролирующим органам начать процесс разбирательств. Делами милиции и прочих ведомств, упомянутых в прессе, занялись прокуратура и служба

собственной безопасности, а из центра зачастили комиссии проверяющих. Нашему новому главе даже пришлось выступить по телевизору, чтобы как-то утихомирить возникшее в народе некоторое волнение. Оживилась и оппозиция, даже пару жидких митингов, не замеченных электоратом, провела. Стешнев меня торопил, и я все-таки повстречался со своим старым, если так можно выразиться, приятелем, адвокатом. Встретились мы с ним на лавочке в центральном парке, у заснеженного фонтана. Он был напуган до смерти. С одной стороны, ему грозил кирдык за то, что нам сдал в прошлый раз бойцов Гоши, а с другой, серьезно зашевелилась прокуратура, а сидеть вместе с Гошей в местах не столь отдаленных, в планы Игорька не входило. Поэтому я узнал для себя много нового, и мы, в конце концов, договорились, что любые действия Хруща, которые он вздумает предпринять, будут мне известны раньше, чем его костоломам-бригадирам.

- Только, Игорь Петрович, не вздумай юлить! Будешь и нашим, и вашим информацию плавить, кончишь плохо! Я бы на твоём месте жену с детьми отправил бы куда. И вот еще что! Звонить мне будешь вот по этому телефону, – я протянул адвокату, переданный мне Стешневым простенький мобильник. – Если что почуешь неладное, уничтожь!

- Не маленький, соображаю! – отозвался мрачный Игорек. – Я вот одного не понимаю: вам-то, Аркадий Викторович, зачем во все эти дела нос совать? У вас ни фабрик, ни заводов, ни пароходов. Поэтому для определенных кругов вы сегодня – человек совершенно неинтересный. Вам сейчас ни мстить, ни гадить некому, - намекнул он на трагический конец Пашки.

- Должником не люблю быть, но и другим долги не спускаю! А Хрущ мне задолжал мало-мало, - я указал на заклеенную макушку, - придется платить по счетам.

- Вы бы тоже Наталью Алексеевну куда-нибудь отправили на время, пока все не уgomонится! – посоветовал Игорек. - Сами понимаете, по большому счету, война начинается! А в войне бывают и убитые! – горько усмехнулся Игорь Петрович.

- Ты о себе лучше позаботься, а мы как-нибудь со всем этим дерьмом сами разберемся. Так ты говоришь, дачка есть у Хруща в Павловске.

- Есть. Только она на его тетку оформлена.

- А самому-то там бывать приходилось?

- Пришлось пару раз. Вел там Хрущ какие-то переговоры с азиатами. Думаю, по интересующим вас вопросам.

- Ну, спасибо за информацию. Бывай. Береги себя.

Разговор этот оставил на душе неприятный осадок. Действительно, если начнется заваруха, то первые, кто пострадает от всего этого, будут самые близкие нам люди. Как человека проще всего заставить отказаться делать то либо это? Похитить его жену с детьми – и вся недолгая. Я поделился своими мыслями со Стешневым, и он согласился со мной, что ситуация действительно серьезная.

- Я свою благоверную к сыну в гости, пожалуй, отправлю, в Питер, они там сейчас. А ты что-то с Натальей решай. Не дай Бог, как говорится!

- Вот именно! Надо что-то думать!

Вечером я осторожно затеял разговор на эту тему с Натальей, но она ничего и слышать не захотела о каком-то отъезде:

- Во-первых, я только что из отпуска, а во-вторых, ну куда я тебя здесь одного оставлю в такой момент!

- Это не шутки, Наташа! – пытался я образумить подругу.

- Я понимаю, что не шутки, но никуда не поеду!

Я понял, что уговаривать мою упрямую девчонку бесполезно, характер у нее упертый, а иногда довольно-таки твердый.

- Тогда возьми вот это! – я слазил на антресоли и достал газовый пистолет, приобретенный мною несколько лет назад по случаю у одного бомжа и заряженный патронами с перцовой смесью. – Пользоваться умешь?

- Откуда это у тебя? – спросила удивленная Наталья.

- К отцу однажды ездил, ну и приобрел у одного алкаша.

У того буксы в тот момент горели, так что задешево купил.

- И что я с ним делать буду?

- Ну это сама решишь, если ситуация какая возникнет. Можно просто в воздух, в конце концов, выстрелить, пугнуть. А лучше в морду. На пару минут вырубить может.

- Нет уж, уволь! Мне еще только стрельбы не хватало!

- Давай, Наташа, не ссориться! Если хочешь, чтобы я не рассердился, бери и не упирайся! Мало ли что! Положи в сумочку, он легкий, много места не займет, а мне спокойнее будет!

Я все-таки уговорил любимую взять эту немецкую пукалку, хотя и понимал, что такое оружие вовсе не панацея от возможных ударов судьбы. Профессионалов им не испугаешь, но чем черт не шутит: глядишь – пригодится! Мы договорились, что Наталья постарается не находиться на улице в одиночестве, особенно по вечерам.

- С работы я тебя встречать буду, ну а так – избегай глухих дворов и подворотен. И будь настороже! Хорошо? И всякие предложения о любых встречах согласовывай предварительно со мной. Даже если эти предложения поступят от друзей. Ты поняла?

- Не беспокойся, я за себя постоять сумею! – она поцеловала меня в щеку и улыбнулась.

Но беспокойство меня так и не покинуло.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В понедельник, утром, распрощавшись возле банка с Натшей, я отправился на работу. Весь день пролетел, как одна минута: в знакомстве с новыми людьми и объектами предприятия. Управление Зарубина «Морстрой» возводило несколько жилых и общественных зданий в нашем городе. Главным объектом был, конечно, крытый бассейн с шестью дорожками и второй ванной для маленьких детей. В городе лет тридцать назад был уже построен небольшой плавательный бассейн рядом с городской школой номер один. Здесь учили детей плавать, а также занимались городские спортивные секции. В бассейне имелось всего три дорожки по двадцать пять метров, но ребята наши стараниями тренеров неплохо выглядели даже на всероссийских соревнованиях. За тридцать лет эксплуатации бассейн обветшал и стал опасен для эксплуатации. Его и закрыли по причине ветхости. Детишкам пришлось ездить для тренировок в бассейн соседнего городка. Поэтому строительство нового бассейна находилось под пристальным вниманием как районных, так и областных властей. Началось оно месяца два назад, еще при Сене, а теперь его почти еженедельно посещал сам Рыбак, либо глава его администрации, не считая спортивных функционеров всех мастей, включая и моего друга Виктора. Объект был большой и интересный с точки зрения инженерных решений. Жаль только, что проект, как всегда, сделали какие-то лохи, поэтому и недочетов в нем, даже при первом рассмотрении, было хоть отбавляй.

- Вот, Аркадий, тебе и карты в руки! – сказал мне Зарубин, когда я нелестно высказался в адрес проектировщиков.

- Это же надо, Николай Иванович, на первом этаже стена нарисована, а под ней в подвале пустота!

- Пиши письмо заказчику, пусть в институт обращается!

- Да брось ты! Так мы с тобой их решения месяцами ждать будем. Самим надо что-то придумывать. Строить-то сейчас

нужно, а не через месяц! Через месяц морозы ударят, будем опять зубами землю грызть.

Вся Россия почему-то копала котлованы и канавы исключительно зимой. Я, строитель со стажем, много лет бился над этой загадкой, но так и не пришел к однозначному выводу. Неужели нельзя спланировать начало строительства объекта и начало его финансирования так, чтобы фундамент был возведен летом? Но, как нарочно, все стройки начинались в конце года, и экскаваторы приступали грызть грунт зубьями ковшей только тогда, когда он превращался в неприступную скалу. Мистика какая-то! Я даже как-то в нашей районке стихи на эту животрепещущую тему опубликовал:

Есть такая странная забава:
первый снег ложится на Руси,
роем котлованы и канавы,
не жалея техники и сил.

На ресницах стынут злые слезы,
и замерзших рук не отогреть,
но чем крепче зимние морозы,
тем желанней нам земная твердь.

Это никого не удивляет,
даже веселит: ну, что – зима?!
Нам всегда чего-то не хватает:
то погоды летней, то ума.

Дурь в крови да в голове мякина –
главный признак нынешних элит.
Руки обломать бы той скотине,
что бездарно правит и рулит.

Народ, конечно, посмеялся, но воз-то – и ныне там! Ничего все наши партии и правительства с этой проблемой на протяжении почти ста лет поделать не могут...

Я подумал и поступил так, как мне предложил Зарубин. Подготовив письмо и схему предлагаемого фундамента, а также примерную смету затрат, на следующий день отправился в УКС. Узнав у новой секретарши, что Егоров до десяти на аппаратном совещании у главы администрации, и поэтому у меня есть полчаса свободного времени, я зашел в плановый, к Светлане.

- Привет, Светик, как дела?

- Твоими молитвами, Аркаша! – вместо приветствия прозвнесла моя подружка, занятая составлением какой-то бумаги.

- Что у вас тут новенького? Как новый начальник себя чувствует? Какими свежими ветрами повеяло в затхлой атмосфере ваших душных кабинетов?

Светлана закончила писать и подняла голову.

- Нормально все, Аркаша, нормально! Наш новый начальник – воспитанный человек, на женщин не орет, по крайней мере.

- Ну-ну.

- А, что, ну-ну?

- Да, слышал намерении, ваш главный инженер от вас в город заместителем главы по строительству подался. С чего бы это?

- А я откуда знаю. Может, в городе медом намазано, или зарплату выше крыши пообещали!

- Да нет, не поэтому. Доложили мне, что его ваше новое руководство так прижало, даже права подписи лишило. Кому охота просто марионеткой сидеть, китайским болванчиком?

- И кто это тебе доложил, интересно?

- Есть люди! – я не стал вдаваться в подробности.

- Чаю хочешь? – сменила тему разговора Светлана.

- Давай! Мне еще вашего начальника минут пятнадцать ждать, - ответил я, взглянув на часы.

Женщина налила в чашки чаю и достала из тумбочки сахар с корзинкой печенья.

- Садись поближе. Как у Наташи дела?
- Да нормально все, работает.
- Вы когда жениться-то думаете? – спросила Светлана, глядя на меня. – Смотри, приглашение не замыль!

В этот момент позвонил телефон, и я не успел ничего ответить. Звонила секретарша, и Светлана сообщила мне, что появился Егоров. Я поднялся, внутренне радуясь, что можно уйти от прямого ответа на вопрос.

- Спасибо за чай! Потом забегу, допью.

Отставив недопитую чашку, я напрямик направился в кабинет к начальнику УКСа. После взаимного приветствия представился:

- Шевченко Аркадий Викторович, главный инженер «Мор-строя».

- Михаил Григорьевич, - протянул руку Егоров. – Присаживайтесь, Аркадий Викторович. Чем могу быть полезен?

- Я к вам по поводу некоторых технических вопросов, связанных со строительством нового бассейна.

- Ну что же, давайте письма, рассмотрим.

- Да я думал предварительно обговорить все с вами.

- А у производителей были?

Это не Шацман, сразу понял я. Он бы меня в производственный отдел никогда не отправил. Что я меньше сопливых девчонок в строительстве разбираюсь? Но вслух ответил:

- Нет. Я думал, что мы эти вопросы с вами сможем решить.

- Лучше все-таки подготовьте письма, а мы их рассмотрим. Кстати, а как у вас дела на бассейне обстоят?

Сообразив, что дальше продолжать разговор бесполезно, я коротко поведал новому начальнику, что делается на объекте, и поспешил распрощаться. Да, это точно – не Шацман! С тем мы все решали быстро и окончательно, а бумаги оформляли только в случаях крайней необходимости, когда требовались дополнительные финансовые средства или вмешательство проектного института. Вот тут и подумаешь что важнее: культура воспитания, или светлая голова?

- Крыса канцелярская ваш Михаил Григорьевич, - заявил я Светлане, вернувшись допить свой, еще не остывший чай.

- Это еще почему? – удивилась она.

- Бумажки потребовал вместо того, чтобы вопросы решать.

- Бумажки тоже нужны. Это вы с Шацманом любили шашкой помахать, а Егоров порядок любит.

- Поэтому вам кабинетов и не хватает. Сокращают, сокращают, а людей все больше и больше. Насадил бездельников бумажки перебирать, а толку-то?

- Ты чего завелся?

- А ничего, надоело на весь этот офисный планктон смотреть! Завыть от тоски хочется! Молчали бы лучше и не лезли в дела приличных людей. Послал, понимаешь, меня в производственный. Чего я там не видел? С кем это, интересно, я там дела решать буду, не подскажешь?

- Не кипятись.

- Да я и не кипячусь. Просто думаю, если и остальные заезжие начальнички, которых Рыбак под эту крышу собрал, тоже такие же, далеко мы не уедем. Сеня – какой-никакой, а бюрократом его назвать – язык не повернется: к мнению профессионалов всегда прислушивался. Да и вопросы решал сразу, без проволочек. А если эти в бумагах утонут, то району нашему – кранты! Может, специально все это делается? Может, так тырить удобнее! Кто во всей этой бумажной карусели разберется, а? Прав я, или нет? Чего молчишь? Ладно, можешь не отвечать, пошел писать бумаги для согласования.

Спустя неделю, у меня состоялся интересный разговор с начальником управления Николаем Ивановичем.

- Знаешь, Аркадий Викторович, сколько с меня этот хлыщ залетный за новый детсад в районе ПМК, потребовал?

Я сначала не понял, о ком это он.

- Я про зама нового главы администрации, которого Рыбак из области притащил, - пояснил Николай Иванович. –

Не понял? Ну насчет тендера на этот самый детский садик, что на будущей неделе проводят.

Накануне администрация объявила о проведении открытых тендеров, то есть торгов, на право участвовать в строительстве нескольких детских садиков на территории района. Финансирование объектов шло из федерального бюджета, а, значит, деньги поступали строго по согласованному графику. Поэтому такие объекты были лакомыми кусками для любой строительной конторы. Что финансировалось из местного бюджета, вечно было не обеспечено достаточными средствами. Платежи задерживались систематически. Поэтому чтобы сохранить рабочие места местных строителей и не допустить до федерального пирога заезжих варягов, детские сады были негласно поделены нашей администрацией между своими предприятиями. Один из них, возводимых в городе, был обещан Зарубину.

- Ты о Бирюкове? Как это потребовал? Я что-то не понял.

- О Бирючке-боровичке! Вызывает меня вчера под вечер к себе в кабинет и, не краснея, прямо в лоб: положите, Николай Иванович, дорогой, десять миллионов наличными, а иначе садика вам не достанется.

- Да ты что? – я вытаращил глаза от удивления.

И при прежних наших правителях строительство было кормушкой, с него всегда тащили. Но тащили-то просто экономии по сметам, частенько созданную искусственно еще на стадии проектирования. Об экономии этой подрядчики знали изначально и переводили денежки на созданные подставные фирмы безропотно. Да и документально все это выглядело более-менее законно. А тут на тебе: возьми и выложи десять миллионов ни за что, ни про что. Да еще наличными.

- Вот тебе и что. Мы еще и документации по объекту не видели, а тут – плати! Оборзели вконец, ни стыда, ни совести!

- Это ты у кого стыд-то искать собрался, Коля? Смешно. А у других ребят как, не интересовался? – спросил я.

- Поинтересовался потихоньку – то же самое. Вот я и хочу с тобой посоветоваться, что делать?

- А что тут думать: топай в ОБЭП, лепите куклу с деньгами мечеными, и полетит этот молодой, да ранний в места не столь отдаленные. Первый раз что ли. Помнишь Зофмана.

- Это который у вас в СМУ замом у Светина трудился?

- Он самый. Но только не тогда, когда он в СМУ работал, а позднее, когда в заказчики ушел.

- И что?

- Начал с прорабов бабки требовать за подписи в бумагах. Те – ко мне, а я – в ОБХСС. Так, мол, и так, ребята! Кстати, Игорь Шнитко, адвокат наш, тогда как раз в том самом отделе по борьбе с хищениями и трудился.

- Прихватили что ли Зофмана? Не слышал. Он же давненько, еще в начале девяностых, в Израиль смотался. Вроде, процветает в целости и сохранности.

- Не в Израиль, а в Германию. Не вышло у нас тогда. Деньги пометили, вручили прорабу, а Зофман, гаденыш, на встречу не явился. Может, почуял что-то, а, скорее всего, кто-то предупредил. Может, даже и Игорек – у того совести хватит, если еще и доплатят.

- А ты думаешь, сейчас не предупредят?

- Не знаю, - неуверенно ответил я. – Повальский однозначно предупредит. Ему тоже крыша местных верхов не помещает, у самого рыльце в пуху. А тем более сейчас, когда в газетах такую шумиху о работе его отдела подняли. Но есть там и непродажные ребята, надо только через осведомленных людей поинтересоваться.

Говоря последнюю фразу, я имел ввиду Иваныча и его друга из прокуратуры.

- А еще лучше ФСБ подключить. Они ментуру не слишком жалуют. Хотя, эти – уже тоже не КГБ.

- Ну прихватим мы этого сопляка, а дальше что? Думаешь, после этого детский садик нам отдадут? Я крепко

сомневаюсь. Да и не думаю, что это его единоличная инициатива. Наверняка за всем этим сам Рыбак стоит.

- А ты думал, что этот сопляк сам на такое решится? Как же! Но Бог его знает, кто за ним стоит? Наглый мальчик, ничего не скажешь!

- Я и не думал, знаю, откуда ветер дует. Рыбак – точно в курсе, поэтому с тобой и советуюсь, что делать. Против ветра плевать, сам понимаешь!

- Тогда надо после тендера это все проворачивать, когда уже поздно будет что-либо менять. Соглашайся заплатить после получения аванса. А пока мы этот садик строим, наше новое руководство района спокойно может почить в бозе. При таких повадках у власти долго не удержаться!

- Дурно это все пахнет, ох дурно! Приличных людей от всего этого дерьма, если рассказать, своротит! А нам-то дальше здесь жить, как ни крути. Подумать надо.

Я промолчал, чувствуя правоту в словах Зарубина.

- И куда мы работяг девать будем, если без объемов и без перспективы останемся? – продолжил он.

- Ну тогда плати, - посоветовал я Николаю. – Только не сразу и не все. Мало ли что поменяться может. А десяток миллионов со ста восьмидесяти накроить не проблема. А, насчет Бирюкова, ты меня прямо огорошил. Ничего себе, начальнички наши новые! Мы все старых костерили, а они этим и в подметки не годятся. Сеня, так тот против нынешних просто ангел небесный. Не так прост этот Рыбак, как изначально показался. Надо бы с его биографией поплотнее познакомиться. Он случайно не сидел? Ты заметил, взгляд у него всегда такой настороженный, исподлобья. Совершенно непонятно, о чем человек думает, когда с тобой разговаривает. Я сначала думал: побаивается мужик что-нибудь лишнее ляпнуть, и в неловком положении оказаться, а тут, видимо, что-то другое.

- Вот и я подозреваю, что Бирючок этот не сам такой наглый объявился, а кто-то его сюда послал. А Рыбак то ли от-

казаться не смог от кандидатуры, то ли сам в доле. Темны промыслы твои Господи!

- Не может, конечно, быть, чтобы у главы за спиной втихая такое свинство происходило! Наверняка он в курсе. И в доле, естественно.

- Я тоже так думаю. Игорь, я главу администрации имею в виду, тот может и не при делах, а Рыбак-то точно в курсе проблем. Хотя Игорь тоже – еще та рыбина! Ну а Рыбаку с центром работать нужно и Лисину отстегивать за поддержку, а для этого денежки требуются и немалые, черт бы побрал эту страну и ее порядки! Ну ты скажи, что за страна у нас такая? Одно и то же, что при царе Горохе, что при социализме, что при капитализме. Только тогда это посулами называлось, взятками, а теперь – откатами.

- Это мы так с коррупцией боремся.

- Точно.

Я снова промолчал, не зная, что дальше и посоветовать начальнику. Не предлагать же ему послать все к черту и рвануть за кордон, меня, не скрою, иногда такие мысли посещали. Особенно, когда помоложе был. Злость душила оттого, что творится вокруг. Но когда повзрослел, остыл, понял смысл поговорки: где родился, там и пригодился. Кому мы там за кордоном нужны? Там своих бедолаг хватает и сумасшедших. А вот в творчестве моем эти самые мысли отразились.

Вроде мы не изгой:
есть отцовский погост,
материнское поле,
где трава в полный рост,
наши реки и доли,
по утрам соловьи,
неудачи футбола
и удачи в любви.

Есть друзья и подруги,
и родной коллектив,

ордена за заслуги,
седины креатив,
тупорылый начальник,
впрочем, он есть везде,
принц смешной и печальный
на далекой звезде.

В общем, странное дело:
все, казалось бы, есть,
но до слез надоело
продавать свою честь,
прогибаться красиво,
заходя в кабинет,
улыбаться спесивым
грубиянам в ответ.

Для того, чтобы сына
где-то взяли на кошт,
взятку сунуть скотине,
что к вершителям вхож,
а оттопчешь прожженным
прохиндеям мозоль,
прослывешь прокаженным
и – на выход, изволь!

Ну а будешь смиренным
под любым подлецом
со спиной согбенной
и послушным лицом,
может быть, не повесят,
не пристрелят вдогон –
отнесут под оркестрик
на руках в пантеон.

Были, правда, мыслишки,
ну совсем, как в кино,
смыться к черту!

Но слишком
далеко и давно.
Пообтерлись манжеты,
обтрепались штаны,
мы теперь лишь поэты
разоренной страны.

Душит старая жаба:
почему не сбежал?
Жил, как фраер, сейчас бы,
над убогими ржал.
Посошок напоследок
все равно, что вода...

Не еврей – но уеду!
Знать бы только – куда.

Зарубин глубоко вздохнул и, махнув рукою, отпустил меня. Вечером я поведал обо всем Иванычу, с которым мы встретились в управлении рудника, куда я приехал навестить товарища. Он несколько не удивился моим словам.

- А тебе Коля не рассказывал, как нас Егоров у себя на-медни собирал?

- Какой Егоров, начальник УКСа? Нет, не рассказывал. А кого это – вас?

- Да почти всех местных руководителей более-менее крупных предприятий.

- А вы-то ему на что?

- А на то! Ты наш образцово-показательный пионерлагерь «Окунево» знаешь.

- Это в сторону Ейска? Ну был пару раз, купался даже как-то в озере. Давно, правда.

- Обветшал он с тех пор и здорово. Вот Рыбак и решил привести его в нормальное состояние, чтобы, значит, даже зимой мог работать. Ну там старичков на отдых собирать, спортсменов.

- Дело хорошее.

- Дело-то хорошее, кто бы спорил. Только Егоров без обиняков потребовал с нас по миллиону на ремонт этого самого лагеря. Дескать, ребята, надо! Не постеснялся, кстати, сказать, что это просьба главы. Хотите – давайте, ребята, хотите – нет дело добровольное! Только, сам понимаешь, откажешься, как дальше с белым домом работать? Понял? То-то же. А в остальном, как я понимаю, все в порядке! У нас же все вокруг с коррупцией усиленно борются! По телеку чуть не круглые сутки об этом надрываются. Я так думаю, пока за все эти откаты и поборы расстреливать не начнут, толку не будет. Да и тогда это все не сразу искоренишь. Как воровали – так и будут воровать! В крови это у нас, на генном, так сказать, уровне.

- Ну и что, заплатил ты?

- Я-то? Нет. Но мне проще: я – госпредприятие! А остальным? Заплатили, наверное, как миленькие. Дал им Егоров какие-то расписки, филькины грамоты. Дескать, вернут средства, но позднее. Только, думаю, денег этих нашим мужикам не видать, как своих ушей. Так-то вот.

- Да-а, - протянул я. – Как дальше при таком раскладе жить-то будем? За державу обидно.

- Ладно, хватит об этом! Давай-ка вернемся к делам нашим многотрудным. Нашел я дачу Гоши в Павловске.

- Да ты что!

- Нашел. Пошарили там мои ребята потихоньку, отыскали.

- Как это вам удалось?

- Да мужичок, приставленный эти самые дачи охранять, на рюмку слаб. Вот этим и воспользовались. Накачали беднягу так, что он дня два головы поднять не мог.

- Ну и нашли что-нибудь?

- Нашли тайничок за гаражом, но пустой. Крепко так замаскированный, едва отыскали.

- А что толку, если пустой.

- Я думаю, что не долго он пустым будет.

- Откуда такая уверенность?

- От верблюда. Кое-что у Игорька твоего разузнать удалось, кое-что мои ребята накопили. Да и Петрович в своей прокуратуре не дремлет. Короче, есть сведения, что на следующей неделе придет партия товара из Средней Азии.

- Героин?

- А дьявол его знает! Может, еще какая хрень.

- Предлагаешь Хруща с поличным прихватить?

- Я думаю, что лучше этим делом самому Петровичу заняться. Наркотики – это серьезно! Деньги большие крутятся, да и люди серьезные. Кровь может пролиться. А нам это надо? Наше дело помочь, так сказать, органам ненавязчиво. Посмотреть за Гошей потихоньку, быков его попасть, а когда нужно, Петровича известить.

- А самим ходить оглядываться?

- И оглядываться тоже. А вот с Гошей нам личную беседу провести все-таки придется. Так, для профилактики. Я доворюсь когда, тебе позвоню.

Вечером я отправился встречать Наталью с работы, решив, что так мне будет спокойнее. По дороге домой мы зашли в магазин, купили кое-какие продукты и бутылку сухого вина. В подъезде было, как обычно, темно. Я остановил Наталью на нижней площадке и прижал палец к ее губам, прислушиваясь. Стояла мертвая тишина, и только этажом выше из-за чьей-то двери доносились приглушенные звуки работающего телевизора. Я достал из кобуры под мышкой подаренный мне Иванычем парабеллум, неслышно взвел курок и двинулся вверх по лестнице. Наталья последовала за мной. Где-то наверху распахнулась дверь, и свет, падающий из нее, осветил пустые лестничные пролеты. Я торопливо спрятал пистолет.

- Здравствуйте! – поздоровался с нами мальчишка-сосед, спускающийся сверху.

На поводке он вел своего пса. Мы поздоровались с пар-

нишкой и посторонились, пропуская их с четвероногим приятелем. Еще через мгновение мы были дома.

- Ты что, Аркадий, так и ходишь с этой страстью по улицам? – спросила Наташа, намекая на парабеллум.

- Да нет, это я тебя встречать его прихватил.

- Не делай такого больше никогда! – категорично заявила мне моя любимая, вешая пальто в шкаф.

- Почему? – недоуменно спросил я. – Мало ли что.

- А потому. Вдруг милиция остановит, что тогда? Посадят за милую душу! Тем более что вы с Иванычем многим, как я поняла, дорогу перешли, и любимые мозоли отдавили. Никак не угомонитесь, вояки!

- Ладно, не ругайся, - я чмокнул Наташу в нос, - не буду!

Действительно, а она, ведь, права! Можно ни за что, ни про что залететь за незаконное хранение.

- Иди, телевизор включай, скоро новости, - Наталья подтолкнула меня в сторону гостиной, - а я на кухню. Винегрет сделать?

- Давай, - я прошел в комнату и щелкнул пультом.

Время было без двадцати семь и по телевизору крутили очередной сериал. Я помог Наташе накрыть журнальный столик у дивана, откупорил вино и наполнил фужеры. Наташа принесла из кухни разогретые котлеты, хлеб, и присела рядом со мной. В это время начались местные новости. Диктор возвестил с пафосом:

- Глава района Рыбак Сергей Викторович и администрация уделяют огромное внимание решению проблем повышения качества жизни населения наших городов и поселков!

- Во-во, повышают! - я чокнулся с девушкой и отхлебнул из фужера. – Помнишь, как Рыбак выступал, когда только на трон сел?

- О чем?

- Да о стоимости деревянного домостроения. Говорил, что она будет вдвое меньше, чем в кирпичных домах. А в итоге уже и сейчас, едва строить начали, цена почти сравнялась

со стоимостью капитального жилья. А кому охота за те же деньги сгореть в одночасье. Тем более в эти двухэтажки всех бичей, чьи курятники сносят, переселяют. Некоторые унитаз и тот впервые в жизни видят. Сожгут – и не поморщатся!

- Что уж ты так преувеличиваешь!

- Я преувеличиваю? Мне приятель из «Жилища», Михаил Николаевич, такого нарасказал! Я, конечно, понимаю, что сборное жилье строить быстрее и легче, но баланс коммерческого и социального жилья соблюдать все-таки нужно. А то настроим опять леспромхозовских околотков.

- Если качество нормальное, почему бы и деревянное не строить. Я даже слышала, что панели эти самые не горят.

- Да ты что? Сказки все это, мадам, для дурачков!

- А даже и горят! Люди вон, вообще в балках и бараках еще с прошлого века живут. А что касается цены, так ты сам говорил, что завод, выпускающий эти самые дома, Рыбаку и принадлежит.

- Действительно! – хмыкнул я и допил вино.

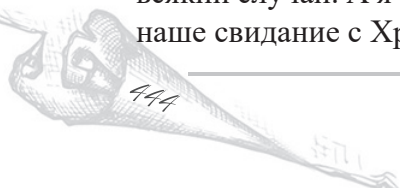
В это время происходящее на экране, привлекло мое внимание. Показывали сюжет, как в центральном парке гуляющие вечером старушки наткнулись на труп мужчины. Диктор просил всех телезрителей взглянуть на фотографию убитого и сообщить куда следует, если что-либо кому известно. Лицо убитого было изуродовано выстрелом, но я сразу же признал в нем Болта, того самого, которого мы таскали со Стешневым к Игорьку. Я тут же достал сотовый, вышел в коридор и позвонил Иванычу:

- Известия смотрел?

- Нет. А что там такого интересного?

Я вкратце поведал приятелю о сюжете, увиденном на экране.

- Это не есть хорошо, - вывел резюме Александр Иванович. – Где-то просочилась информация. Не сам же Болт расстрепался. Хотя и мог по пьянке. Ты бы Игорьку позвонил на всякий случай. А я со своей стороны постараюсь приблизить наше свидание с Хрущом.

Я тут же по совету друга позвонил Игорьку: надо предупредить болезного, человек все же. Адвокат по мобильнику не отвечал. Вместо ответа я услышал приятный женский голос, который сообщил мне, что телефон вызываемого абонента выключен. Я позвонил на домашний, но результат остался тем же. С мрачными мыслями в голове я возвратился в комнату.

Моя любимая смотрела на меня с легким испугом. Я улыбнулся в ответ на ее вопросительный взгляд и поцеловал.

- Все нормально.

- Я вижу. Что случилось-то?

- Да ничего не случилось, - я решил не посвящать девушку в свои проблемы, чего лишний раз человека тревожить.

Но она не успокоилась.

- Давай, рассказывай! Я же вижу, как ты отреагировал на этого убитого из парка.

- Знакомый один, - сделал по возможности спокойное лицо, ответил я Наташе. – Недавно видел живым и здоровым, а тут!

- То-то ты сразу сорвался по телефону звонить.

- Ну а как же! Наш общий с Александром Ивановичем приятель, вот я и сообщил.

- Не хочешь рассказывать и не надо! – девушка обиженно надула губки, но я начал тормозить ее, пока она не улыбнулась.

Мы продолжили ужин, разговаривая о том о сём. Наталья поведала мне новости, услышанные за день, а я рассказал ей о том, что творится у меня на работе. Позднее, когда она уже спала у меня на плече, я никак не мог заснуть, тяжело переворачивая мысли обо всем произошедшем за последнее время. Не придя ни к каким логическим выводам и заключениям: что необходимо предпринять в возникшей ситуации, я все же забылся в тревожном сне и проснулся утром с тяжелой головой. Только горячий, едва терпимый душ вернул мне прежнее расположение духа и способность мыслить.

Спустя два дня мне позвонил на работу Стешнев и сообщил, что договорился о встрече с Хрущом.

- В восемь вечера, в «Огоньке».

- А другого места не нашлось? Там же народу знакомого полно. Потом будут нас с тобой склонять, что мы с бандюганами якшаемся.

- На каждый роток не накинешь платок. Предлагал я другие места, но он не согласился. Да и нам там безопаснее. Короче, завтра в восемь, в «Огоньке». Ты другану своему дозвонился?

- Нет. Телефон отключен.

- Может, смотался куда, раз жареным запахло?

- Может.

- Ладно. Я своих парней попрошу разузнать. Бывай! Не опаздывай!

В четверг, проводив Наталью домой, я подъехал к ресторану без четверти восемь. Девушка моя пыталась выяснить, куда я направляюсь, но я проявил твердость духа, сообщив ей только, что у меня неотложные дела:

- По работе.

- Знаю я твою работу. Опять за свое принимаешься!

- Прекрати, Наташа! Мне по поводу последних событий с Иванычем встретиться надо.

- Понятно, - смягчилась моя дорогая. – Оденься потеплее, мороз на улице. И не задерживайся надолго, а то я волноваться буду.

- Я тебе перезвоню, как только дела закончу, не беспокойся!

Войдя в ресторан, я прошел в зал, где обнаружил своего приятеля за столиком в углу. На столе стоял запотевший графинчик с водкой и две нетронутые тарелки с мясной нарезкой, из чего я понял, что мой друг приземлился здесь совсем недавно.

- Здорово, Иваныч! – я пожал протянутую руку и оглянулся по сторонам.

В зале за разными столиками сидело человек десять-двенадцать, не более. То ли было еще слишком рано для нашей публики, то ли день был такой, не питейный.

- Присаживайся. Знаешь, кого я сейчас встретил? – спросил Штешневу, и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Друга твоего, Шацмана.

- Эдуарда Яковлевича?

- Его самого. Возле центрального гастронома навстречу попался вместе с женой.

- Ну и как он?

- Хорошо выглядит, вид не заморенный. Работает у москвичей, что Северный микрорайон строить начали, директором службы заказчика. О тебе спрашивал, приглашал заходить. Кстати, твоя Галина у него сейчас трудится.

- Ушла, значит, из нашего родного предприятия. Кто же сейчас на Остроглаза пашет?

- Да кто, уважающий себя, туда пойдет?

- Добрый вечер! – раздался знакомый женский голос.

Я поднял голову, около столика стояла моя старая знакомая, черноволосая Ксения. Я умоляюще взглянул на Иваннычу, не сообразив сразу, как мне поступить в данном случае.

- Добрый вечер! – привстал Штешневу. – Прошу нас извинить, мадам, но сейчас у нас с Аркадием Викторовичем важная деловая встреча. Поэтому, к моему глубочайшему сожалению, я вас и не приглашаю к нам за столик. Аркадий, проводи женщину. Мы не долго, мадам, через полчаса мой приятель освободится, и составит вам компанию.

- Ой, что вы, извините, если я вам помешала! – смутилась женщина.

- Давай, Аркадий, поухаживай за дамой! – подтолкнул меня Иваннычу, и я пошел усаживать Ксению с подругой за свободный столик в дальнем конце зала.

Едва я успел возвратиться, как в дверях появился Хрущ в сопровождении двоих бритоголовых, крепких юнцов. Он огляделся, увидев нас с Иваннычем, что-то сказал

телохранителям. Те уселись за свободный столик около дверей, а Гоша направился к нам.

- Добрый вечер, господа! – поздоровался он и вальяжно расположился напротив нас.

Я с интересом разглядывал хранителя местного воровского общака. Мне, конечно, приходилось и до этого пересекаться с Хрущом, но как-то мимоходом, а сейчас представился случай изучить этот персонаж поподробнее. Одет был Гоша в модный, дорогой костюм. Аккуратно повязанный галстук на белоснежной рубашке и приличные запонки в манжетах дополняли образ. Интеллигент, да и только! Портил этот респектабельный вид только громадный, в полкило весом золотой перстень на среднем пальце правой руки, настороженность зверя, спрятанная в глубине глаз. Насколько я был информирован о подобном типе людей, смотрящий выполнял функции председателя определенного вида банка, куда стекалась установленная часть средств от рэкета, спекуляции, торговли наркотиками и других подобных источников. Почему Гоша, по нашим сведениям, сам решил заняться наркобизнесом, было совершенно непонятно? Жадность что ли обуяла или безнаказанность? Ведь, по сути дела, занимаясь наркотиками, он, так или иначе, ставил под угрозу капитал воровского сообщества. Ну хорошо, что сегодня у руля Пovalьский, а если его завтра уберут?

- Здравствуйте, Георгий Васильевич! - кивнул в ответ на Гошино приветствие Стешнев. – Знакомьтесь, это – Аркадий Викторович, - представил он меня. - Кофе будете или что покрепче?

- Сто пятьдесят коньку! – бросил небрежно Хрущ, угодливо подлетевшему официанту. – Только в фужер. И лимон.

- Может быть, и нам заказать коньячку? – спросил меня Иванныч.

- Спасибо, давай лучше водки.

Официант мухой доставил и коньяк, и лимон.

- О чем вы хотели со мной побеседовать, граждане

начальники? – не откладывая дела в долгий ящик, задал вопрос Хрущ.

- О делах наших неотложных, Георгий Васильевич, - ухмыльнулся Стешнев. – Вы пейте коньяк-то, а потом и поговорим.

- А поподробнее, - набылчился, обидевшийся на тон моего приятеля Хрущ, отодвинув от себя фужер. – Некогда мне здесь с вами коньяки распивать, господа хорошие. Я вас слушаю и покороче, пожалуйста.

- Покороче, так покороче, - сделался серьезным Александр Иванович.

В последующие пять минут Стешнев изложил все наши претензии, мимоходом намекнув Хрущу, что не понаслышке знает и о его делах, касающихся наркоты:

- Вот и посудите, господин Хрущ, нужна вам эта война или нет. Тех, кому вы, как я понимаю, отработывали заказ, уже нет, а прочие далече.

- А с чего вы взяли, что это мои люди вас гнобили? – Хрущ оглянулся в сторону стола, где сидели его отморозки.

Там, мирно беседуя с ними, сидело трое крепких парней спортивного телосложения. По растерянному виду телохранителей, Гоша понял, что в данный момент защиты ему дожидаться неоткуда. Ай да Иваныч! Все предусмотрел.

- Ну мы ведь тоже не лыком шиты, господин Хрущ. Так, может, все-таки выпьем? – Стешнев указал глазами на рюмку Гоши, но тот только мотнул головой.

- Короче, Георгий Васильевич, - вмешался я, пытаюсь подвести эту трудную и напряженную беседу к логическому завершению, - или мы договариваемся и мирно расходимся, забыв друг друга, или...

- Что «или»? – взъерошился Хрущ.

- Погоди, Аркадий! – остановил меня Стешнев. – Что ты давишь на собеседника? Мы же пришли договариваться, а не драться. Правда, господин Хрущ? Никому не нужна война: ни вам, ни нам. Дружить всегда сподручнее.

- Не о чем мне с вами договариваться, господа хорошие, - Хрущ взял со стола фужер и выпил залпом, не поморщившись. - Вы что-то путаете, и не там ищите решение своих проблем, - он пососал дольку лимона и встал.

- Значит, не договорились, - с сожалением произнес Александр Иванович, - а жаль! Я бы на вашем месте не торопился с выводами, Георгий Васильевич.

- А я, мужик, в твоих советах не нуждаюсь, - Хрущ повернулся и пошел к выходу.

Стешнев кивнул в ответ на вопросительный взгляд одного из парней, сидящих за столом с Гошиными телохранителями, и те отпустили последних. Вся троица скрылась за входными дверями. Со стороны все происходящее могло показаться случайной встречей старых знакомых. Посидели, побеседовали, выпили по рюмке и разошлись.

- Нехорошо получилось, - вздохнул Иваныч, разливая водку, - не договорились.

- А ты что изначально думал, что договоримся?

- Не особенно. Но надежда все-таки была. Зачем этому дураку лишние хлопоты, я не понимаю. Или не знаю чего-то. Предположить, конечно, можно, почему он такой уверенный.

- Это ты о чем?

- Похоже Повальский крышует его и плотно. И, видимо, долю немалую имеет с дохода. Потому Гоша себя так раскованно и чувствует. А в другом случае он бы так не хорохорился. Но, думаю, что сейчас Хрущу нет никакого резона с нами воевать, и некоторый запас времени у нас все же имеется.

- Что будем делать-то? - спросил я.

- Придется переходить к варианту номер два, - Стешнев чокнулся со мной, и мы выпили. - И Петровича, конечно, подключать: дела тут серьезные намечаются. К тому же неизвестно, кому мы на любимую мозоль можем наступить.

- Пробьемся, - беспечно отмахнулся я.

- Пробиться-то пробьемся, только вот с какими потерями. А то будешь дальше жить с продырявленной шкурой или за

чугунной оградкой. Ладно, давай закругляться. Или ты останешься? – он вопросительно взглянул на меня. – Та брюнетка вон как на тебя смотрит.

- Не лезь под шкуру, Иваныч. Я – домой!

- Ну вот и хорошо.

Через полчаса, я уже лежал на диване у себя дома и слушал Наташу. Она рассказывала мне, что мы с ней будем готовить на стремительно приближающиеся новогодние праздники. Я с удовольствием слушал ее и согласно кивал головой. Кроме всего прочего мне не задавали неудобных вопросов, на которые я не хотел бы отвечать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новый год наступил, как всегда, неожиданно. Только тридцатого я сподобился съездить в местный лесхоз за елкой, и то после настойчивых просьб моей ненаглядной. Тридцать первое было нерабочим днем, и мы с Натальей весь день занимались всяческими, на мой взгляд, бесполезными делами. За окном двадцать первый век, чего торчат у плиты, если все можно купить в магазине уже нарезанным и расфасованным. Но Наталья была непреклонна:

- Нечего этими суррогатами травиться. Не развалишься. Давай-ка лучше почисти картошку.

Часов в семь вечера мы прилегли отдохнуть, а уже в десять сидели за накрытым праздничным столом и смотрели телевизор. Еще накануне мы договорились, что Новый год встретим дома, а к часу пойдем на центральную площадь смотреть праздничный салют.

- Ну а после можно зайти к Вере, если ты не возражаешь?

- А чего возражать? Я с удовольствием.

Действительно, чего сидеть всю ночь вдвоем, в гостях-то веселее. Тем более что у Витьки, как сообщила Наташа, будет и мой старинный друг Николай с супругой. Под бой курантов мы выпили по бокалу шампанского, и сложили в пакет спиртное, закуску и собрались на площадь. Мороз был слабенький, и весь город выполз на улицу. На площади было не протолкнуться. Разгоряченные, улыбающиеся лица, крики и визг скатывающихся с громадной ледяной горки смельчаков, и, наконец, после приветствия Рыбака, вышедшего на сцену поздравлять народ, салют. Каким-то чудом мы отыскали в этой толпе Виктора с Верой.

- С Новым годом! С новым счастьем!

Девчата расцеловались, а мы с Виктором, несмотря на их протесты, выпили граммов по пятьдесят. Беременность Веры уже была заметно даже под широким пальто.

- Когда? – спросил я у Веры.

- В марте, - засмушалась она, прижимаясь щекой к плечу мужа.

- Имя-то уже придумали?

- Какое имя? – легонько хлопнула меня по затылку Наташа. – Нельзя имя придумывать, человек-то еще не родился.

- А какая разница: родился или не родился, - возразил я, но вновь получил по затылку.

- Кончай, Наталья, а то все мозги Аркадию стрясеешь! Пойдемте-ка лучше к нам, а то Николай с Татьяной вот-вот подойти могут, - засмеялся счастливый Петрович.

- Действительно, пошли, - Вера подхватила Наталью под руку, и они двинулись в сторону бульвара.

Мы с Виктором последовали за ними. Минут через десять вся честная компания ввалилась в тепло Витькиной квартиры, а еще через десять минут за столом вместе с нами сидели и Николай с Татьяной. Выпили за наступивший Новый год, потом потанцевали, а потом девчата отправились на кухню кипятить чай, а мы с мужиками вышли на балкон.

- Ну, Аркадий, рассказывай! – затянулся сигаретой, пуская дым в небо, Николай.

- А чего рассказывать?

- Как чего, вы же войну, вроде, с Хрущем затеяли?

- Точно, я тоже слышал, - подтвердил Виктор.

- Какую такую еще войну? А ты откуда слышал эту ерунду? – спросил я, напирая на Петровича.

- Ба, конспиратор! – засмеялся Николай. – Тоже мне нашел секрет Полишинеля. У нас город что – без глаз и ушей. Вы же ведь даже стрелку с Хрущем забивали...

- Вот что точно, то – точно: сарафанное радио у нас без перебоев работает, - я погасил окурочок. – Ну раз вы так много знаете, чего вам тогда еще рассказывать.

- Кончай, Аркадий! Мы же понимаем, что это не шутки. Может, помощь какая нужна?

- Не нужно никакой помощи, - отрезал я. - Вы себе головную боль заработать хотите? Да и семьям тоже. Мы с

Иванычем как-нибудь сами справимся. Да, похоже, и так все рассосалось, раз голова до сих пор цела.

- А мы что тебе, не друзья, что ли? – обиделся Николай. – А голову в любой момент снова раскроить могут.

- Да друзья, друзья! – я примирительно обнял его за плечи. – Только действительно не надо ничего делать. Да и помалкивайте об этом, Бога ради, в тряпочку, а то, моя Наталья узнает, кипешь будет до неба, бабские сопли. А мне это надо?

- А ты, что, ей ничего не рассказываешь?

- А зачем человека лишний раз напрягать? Мужское это дело, не женское.

- Может ты и прав, - задумчиво произнес Виктор. – Женщина семейный очаг беречь должна, а воевать – мужчина!

- Так-то оно так, - заметил Николай, - только война у нас сейчас идет какая-то непонятная. Неизвестно, кто враг, а кто – друг.

- Да, - согласился Виктор, - сейчас, как на минном поле живем. Не знаешь, куда ногу поставить.

- А ведь кто бы мне рассказал лет пятнадцать назад о таком, что у нас в стране твориться.

- Тогда какой ни какой, но порядок был, - Николай сплюнул вниз. – Это сейчас все какую-то вертикаль власти строят, никак построить не могут.

- Ага. Чтобы снизу вверх бабки гнать, как на лифте! – Виктор открыл балконную дверь и шагнул в комнату. – Пошли, мужики, я уже озяб.

- Садитесь скорее за стол, мужчины, чай стынет! – пригласила нас к столу Татьяна.

С кухни вернулись с тортом и конфетами Вера и Наталья. Я присел рядом с Наташей и обнял ее за плечи. Она повернулась ко мне и улыбнулась:

- Ты что?

В этот момент я почувствовал щемящую, непередаваемую нежность к этой, такой хрупкой женщине, что невольно и неожиданно для самого себя поднес ее ладонь к своим губам

и поцеловал. Жест этот не укрылся от внимательных глаз Татьяны, разливающей чай:

- Аркадий!

- Что? – очнулся я.

- Вот хочу тебя спросить на правах старой знакомой: ты когда прекратишь Наталье голову морочить? Или она тебя игнорирует, как мужчину?

И хотя сказано это было в шутовском тоне, я внутренне непроизвольно насторожился.

- Действительно, ребята, когда вы, наконец, свои отношения узаконите? – спросила Вера. - Детей вам уже давно пора своих иметь. Ты вон, Аркаша, уже седеешь, а все, как сухой лист в одиночку над землей кружишься.

- А в апреле и поженимся! – неожиданно для самого себя выпалил я и посмотрел на Наташу. – Правда, Наташа?

Она, как-то странно наклонив голову, взглянула на меня, и отвернулась, уткнувшись в чашку.

- Ты это серьезно? – встрепнулся Виктор. – Ну, наконец-то, а то я думал, что вы никогда уже на это не решитесь. Давайте-ка по этому поводу по маленькой! Это же надо, наш старый ловелас женится!

- Ой, Наташка, как я за тебя рада! – бросилась обнимать подругу Вера.

- А с чего это вы взяли, что я за него замуж пойду? – неожиданно для всех твердым голосом произнесла Наталья. - Меня кто-нибудь об этом спросил?

- Не понял! – Николай задержал у губ поднятую рюмку. - А ну объяснись, дорогая, ты это о чем? О своем, о девичьем? – он попытался перевести все в шутку.

Я широко открытыми глазами смотрел на свою любимую и не совсем понимал все происходящее. Что я не так сделал и чем обидел девушку?

- Давайте-ка выпьем, господа, а то водка стынет! – нарочито бодрым голосом произнес Виктор, пытаясь нарушить повисшую в комнате тишину.

До меня, наконец, дошло, что мне попросту отказали, как сопливному, самонадеянному мальчишке. Наталья поднялась и вышла из комнаты. Вера бросилась за ней.

- Да, - произнесла Татьяна. – Ты, Аркаша, похоже, даже не предупредил свою будущую благоверную о том, что у вас свадьба состоится. Или я ошибаюсь?

- А об этом еще и предупреждать нужно? – как можно беззаботнее ответил я и чокнулся с Витькой.

- Дурак ты, Аркадий! – подвела итог сказанному Татьяна.

- А почему сразу – дурак?

- А потому что! Нормальные люди сначала делают предложение и получают согласие, а потом уже и трубят на весь свет! – безапелляционно заявила Татьяна. – Обидел девушку. Она тебе кукла что ли?

- Да какое еще такое предложение? Разве она меня первый день знает!

- Вот то-то и оно, что не первый!

В это время в коридоре хлопнула входная дверь, и через минуту в комнате появилась Вера. Все вопросительно посмотрели на нее.

- Ушла! – коротко сообщила Витькина жена.

Только этого мне и не хватало.

- Догоняй! – посоветовал Николай. – А то как Новый год встретишь, так его и проживёшь!

Но тут меня заело.

- Что я пацан, что ли? Подумаешь, обиделась! Я ее оскорбил чем-то?

- Ну, может, и не оскорбил, - миролюбиво начал Виктор, - а все же!

- Что все же? Ну не хочет замуж и Бог с ней! Было бы предложение сделано.

- И вот скажи, есть у тебя после этого ум? – набросилась на меня Вера. – Давай, собирайся и догоняй!

Я попытался упираться, но подталкиваемый приятелями и их женами сдался и покинул гостеприимный стол. Одев-

шись, выскочил на улицу. По пути к дому мне навстречу то и дело попадались веселые парочки, но Наталью я так и не догнал. Дома ее тоже не оказалось. Я позвонил ей, аппарат равнодушным голосом сообщил мне, что телефон вызываемого абонента выключен. Куда она подевалась в три часа ночи? Я перезвонил Виктору, он сообщил мне, что Наталья в их доме больше не появлялась. Вот тут я заволновался по-настоящему. Накинув пальто и шапку, я вновь выскочил на улицу и понесся по веселящемуся новогоднему городу к дому Натальи. Взлетев на третий этаж, торопливо позвонил. Не уловив никакого движения за дверью, я вновь нажал на кнопку и долго не отпускал ее. Наконец послышались тихие шаги, и дверь распахнулась. На пороге стояла Наташа, на щеках у нее виднелись следы высохших к этому времени слез. Она подняла голову и вопросительно взглянула на меня. Я стоял и молча. Она слегка посторонилась, как бы предлагая мне войти. Я шагнул к ней навстречу и обнял, зарыв нос в девичьи волосы. Они пахли жасмином или еще чем-то, но как всегда знакомо и волнующе. Я сжал ее лицо в своих ладонях и начал лихорадочно целовать, бормоча что-то бессвязное:

- Ты меня так напугала! Где ты была? Я чуть с ума не сошел!

Наталья откинула голову, посмотрела мне в глаза, глубоко вздохнула и неожиданно для меня улыбнулась. Вот и пойми этих женщин; то они плачут, то смеются!

- Раздевайся! Пошли чай пить, - она погладила меня по щеке и скрылась в дверном проеме, ведущем на кухню.

Позже мы пили крепкий чай с малиновым вареньем. Я попытался вновь вернуться к теме нашей предстоящей свадьбы, но девушка снова выказала нежелание касаться этого вопроса:

- Давай сегодня не будем об этом!

Я благоразумно сменил тему разговора.

Недели через три, обедая в белом доме, я встретил в столовке Виктора.

- Привет, Петрович! – окликнул я его. - Иди сюда, присаживайся.

- Здорово, Аркадий! – ответил обрадованный встречей Ковалев, устраиваясь за столом. – Как у тебя дела, как Наталья?

- Нормально все, тружусь, и у Натальи все хорошо. А как у Веры дела?

- Пацан уже ногами толкается, на волю просится! – он довольно улыбнулся.

- Поздравляю. Ну а как тут, в верхах, дела обстоят?

- Задолбали наше руководство комиссии. Ты слышал, - он понизил голос, – на начальника милиции уголовное дело открыли?

- Да ты что?

- А то! Шьют ему связи с криминалом.

- А ты чего это шепотом-то?

- Информация, сам понимаешь, неофициальная.

- Первый раз что ли. Сколько на этого Повальского писали, а толку? Сколько всяких проверок было? Посуетятся для вида, пузыри попускают и спустят на тормозах потихоньку. Кому все эти неприятности нужны – области? Как открыли дело, так же и закроют. Еще и неизвестно: открыли ли? Сам же говоришь, что информация неофициальная.

- А вот тут ты и неправ. Слышал о назначении нового представителя президента по нашему округу?

- Слышал, конечно. И что?

- А то. Он в свое время, когда в Приморье работал, краевого начальника УВД, с которым когда-то в одном ведомстве служил, с треском с должности попер! Все газеты тогда об этом трезвонили. Не вспомнил?

- Нет.

- Формулировочку, конечно, нейтральную придумали: в связи с переходом на другую работу. А по сути за взятки турнули.

- Ну и что дальше?

- А дальше больше: теперь снимают, по слухам, нашего нынешнего областного городского! До весны оставили, а там – на пенсию! пожалели старика, дали возможность выслугу отработать. Теперь понимаешь?

- Что понимаешь?

- Не тупи! Я думаю, что все просто, как валенок.

Теперь и мне стало все предельно ясно. Лишился, значит, наш Повальский покровителя.

- Ну, Витя, ты меня порадовал! Если под нашим красавцем кресло зашаталось, то и Хрущу тут недолго гарцевать осталось.

- Это точно. Неизвестно, правда, кого еще на замену пришлют, а то – может получиться, что хрен редьки не слаще. Но вот Гоше точно – не сладко придется!

- Ты все-таки признайся: у кого эти новости раздобыл?

- Не сомневайся, источник надежный.

Мы доели обед, распрощались, и я пошел звонить Иванычу насчет услышанных новостей. Тот к моему немалому удивлению уже был в курсе.

- До уголовки, конечно, не доведут, а места лишить могут. Или переведут куда подальше. А вот то, что Хрущ без крыши остается, хорошо очень. Без батяни мы его враз успокоим, не успеет оглянуться. Только до той поры придется тоже пожить с оглядкой. Да нам не привыкать!

- Ладно, Иваныч, бывай! Да, кстати, в субботу приглашаю тебя с Верой Петровной в «Огонек».

- Это по какому такому поводу? Хотя, погоди, сам догадаюсь. Неужели, свершилось?

- Ты это про что?

- Про Наташу, конечно, про что еще! Неужто, согласилась?

- А ты сомневался? В субботу решили что-то вроде помолвки отпраздновать, так что ждем.

- Буду, обязательно буду.

- К семи жду! И с Верой Петровной.

- Вера к сыну в Питер погостить уехала. Ну ладно, до встречи! Рад я за вас с Натальей! Обязательно приду.

Неделю назад я сделал Наталье официальное предложение. Памятуя о новогоднем конфузе, я решил подготовиться к этому ответственному шагу основательно. Купил цветы, шампанское, накрыл стол и после работы привез Наталью к себе домой.

- А в честь чего праздник? – спросила она, войдя в комнату. – У тебя день рождения, вроде, летом.

В ответ я опустил перед ней на колени и произнес заранее подготовленную витиеватую фразу, сводившуюся к тому, что я люблю ее и прошу стать моей женой. От неожиданности она на секунду остолбенела, а потом тихо опустилась на диван. Я ждал ответа, а она молчала. Наконец, как будто очнувшись, она глубоко вздохнула, протянула руку и погладила меня по щеке. Я накрыл ее ладонь своей ладонью и вопросительно взглянул любимой в глаза. Слова стали ненужными, а на душе запели соловьи. Я не был так счастлив давно. Даже про все наши дела с Иванычем и про Хруща забыл. Сердце пело, как птички на весеннем солнцепеке. Свадьбу наметили на апрель. Я, было, заартачился: чего, дескать, так долго ждать, но Наташа твердо стояла на своем:

- Куда спешить?

Тогда я уговорил ее отметить это наше решение с друзьями в «Огоньке».

- Пусть с нами порадуются.

Она согласилась.

Еще одно событие произошло накануне. Заместитель главы администрации района по соц вопросам решила создать общественный совет под патронажем самого главы территории.

- Сам понимаешь, демократия! – пояснил по телефону Виктор. – Связь с народом, так сказать. Рыбак наш новые формы общения с электоратом ищет. Хотя выборы еще не скоро, но готовиться к ним нужно уже сегодня.

- А я-то тут при чем?

- А мне пришлось по долгу службы при этом знаменательном событии присутствовать, вот я и рекомендовал тебя в этот самый совет. Дескать, Аркадий Викторович человек в народе известный, писатель, как-никак, и в районе много лет. Вот тебя как представителя районных строителей и приглашают.

- А я тебя просил об этом? На кой мне эта грыжа нужна? Сам бы и шел в этот самый совет!

- Не могу, чиновников там не будет по положению. Да ты не кипячись попусту, сходи на организационное собрание, послушай, может, изменишь свое мнение?

Я сообщил об этом предложении своему начальнику управления.

- А что, вовсе неплохо! – загорелся Николай. – Возле большого начальства крутиться придется, а это информация. Да и кое-какие вопросы без лишнего официоза решать можно будет. Иди, не сомневайся!

- Ну не знаю. Да и время, чтобы в этом совете работать, понадобится, а его и так не хватает.

- Брось, Аркадий! Я не думаю, что там как тягловой лошади пахать придется. Ты сходи, послушай, что да как, а там и решишь. Но я бы посоветовал не отказываться. Когда приглашают-то?

- В среду.

- Ты подумай: будешь возле главы крутиться, ни одна гнида тебя не тронет, побоится. Посоветуйся со своим другом Иванычем, он тебе то же самое скажет, зуб даю.

Я сообщил все другу и выслушал его мнение.

- А прав твой Зарубин! Во-первых, член совета при главе – это кое-что, а во-вторых, информация из первых рук и самая свежая. А при умении и кое на что повлиять можно в нашем околотке. Иди, не сомневайся.

В среду я и еще несколько человек из города и поселков района собрались в кабинете у Ольги, теперь заместителя по социальным вопросам. Я не видел Ольгу лет десять с

благословенной поры юности. Постарела дама, появились глубокие складки возле губ, но характер остался прежним: жестким и спортивным.

- Я вас собрала, чтобы сообщить о решении Сергея Викторовича создать совет общественности при главе района. Давайте сначала познакомимся.

Она представила всех собравшихся. В основном это были председатели общественных организаций города и поселков района, кроме, пожалуй, меня и моей старой знакомой, любимого лечащего врача Снегиревой Нины Ивановны.

- Вы какими судьбами здесь, Нина Ивановна? – спросил я ее вполголоса, еще до того, как началось собрание.

- Да вот, предложило руководство клиники поучаствовать. А вы, Аркадий Викторович как сюда попали?

- И сам толком не знаю. Друг Витя Ковалев подсуетился. Не знаю, что и решать?

- Поживем, увидим, - мудро высказалась в ответ Нина Ивановна.

В ходе собрания выяснилось, чем будет заниматься совет и каковы его цели.

- Это и работа с ветеранами и молодежью, и проведение праздничных мероприятий, ну и рассмотрение всех насущных вопросов, волнующих наше население, - доложила Ольга. – Я имею в виду промышленность, строительство, культуру. Поэтому в нашем совете представители всех профессий, а кроме всего прочего и самые уважаемые люди района. Кому, как не вам, знать всё.

- А запрашивать какие-то данные от предприятий можно будет, или придется только слухами пользоваться? – не удержался я от вопроса.

- Я думаю, можно, - ответила зам главы. – Но лучше все же делать это через отделы администрации.

- Тогда нам какие-то документы иметь нужно, - не унялся я, а то ведь не поверит никто, если вдруг кому-то и где-то неловкий вопрос задашь...

На первом заседании совета Рыбак лично всем членам торжественно вручил красные корочки, украшенные печатью районной администрации.

- Ну вот, - рассматривая мой новый документ, высказался Александр Иванович, - теперь можно к любому директору ногой дверь открывать. Да и Пovalьского можно к вам на ковер вытащить при желании. Рассмотреть, так сказать, итоги работы УВД за предыдущий период. Хорошие корки!

- Не думаю, что это финансовой деятельности предприятий касается. Кто тебе такие секреты откроет?

- А я и не про финансы. Мало ли вопросов в районе?

На этом, первом заседании совета, я внимательнее рассмотрел нашего нового главу. В первый раз он показался мне таким бритоголовым бойцом из уличных бригад девяностых: широкая фигура борца, гладкая, как бильярдный шар голова на мощной, короткой шее, и расстегнутый ворот рубашки. Последнее меня особенно удивило, так как дресскод при Сене в белом доме выполнялся неукоснительно. Правда, и президенты встречаются без галстуков, но, как правило, не на работе, а в приватной, так сказать, обстановке. А вот взгляд Сергея Викторовича, которым он смотрел на собеседника, мне, как и тогда, не понравился. Ускользящий такой, холодный, даже когда Рыбак улыбался. На это странное выражение глаз, которые старались не смотреть в глаза визави, еще раньше обратила внимание Наталья. Она встречалась с Рыбаком, когда тот посещал их банк.

- У зеков такие глаза, - заявила она, - а я на них насмотрелась в своей деревне.

- Показалось тебе, наверное, - отмахнулся я.

- А ты присмотришься.

Вот теперь я присмотрелся, понимая, что моя дорогая, как всегда, права. И чего я сомневался. Поселок, где росла Наталья, и существовал только потому, что возник вместе с лагерными зонами еще в далекие тридцатые годы прошлого века. Да и дедушка ее с бабушкой познакомились там же,

когда тянули свой срок, как враги народа. Насмотрелась она на определенный контингент людей досыта и могла распознать таких даже в самой пестрой толпе...

А в целом, как ни странно, наш новый глава мне понравился. Говорил он хоть и косноязычно, но убедительно, и не о чем-то там отвлеченном, как любил Сеня, а о конкретных делах и задачах, стоящих перед советом:

- Я хочу услышать от вас все, что волнует наше население. Если эти вопросы на местах не решаются, прошу ко мне без стеснения и в любое время. А вас как людей опытных и уважаемых в районе прошу все, что мы здесь будем обсуждать и решать, доводить до людей из первых рук, как говорится. Чтобы политика руководства района была прозрачна и понятна каждому жителю. Задачи перед нами стоят громадные, и самая сложная из них – жилищная.

Здесь я был полностью согласен с Рыбаком. Жилье в последние годы в районе строилось из рук вон плохо. До сих пор были живы микрорайоны из полуразвалившихся вагончиков времен нашей комсомольской молодости. Да и деревянные рубленые дома, больше похожие на бараки, построенные еще первопроходцами, до сих пор не развалились, доживая свой век.

- Будем строить. Сносить и строить! – подвел итог нашей первой встречи глава района.

Эти простые слова, как оказалось позднее, каждый из нас понимал по-своему.

В субботу всей честной компанией, кроме отсутствующей Веры Петровны, мы встретились в «Огоньке».

- Разрешите мне, как старшему, - поднялся из-за стола Александр Иванович, по этому случаю надевший парадный, с орденами костюм. – Все мы не первый год знаем наших общих друзей Аркадия и Наташу. Поэтому от вашего имени я имею честь поздравить их, может быть, с самым ответственным в жизни решением стать мужем и женой.

Долго и нелегко шли они к этому событию и вот, наконец, оно свершилось. Наташа, я понимаю, что тебе предстоят нелегкие годы жизни и борьбы под одной крышей с моим другом. Но, зная твой характер, я верю, что ты сумеешь провести в целостности и сохранности корабль вашей молодой семьи через все пороги и перекаты реки под названием жизнь. А заодно сделаешь из этого, скажем так, непростого субъекта, достойного человека.

- Ну, ты и даешь Иваныч! – прервал я друга. - Это как понимать? Я что – недостойный член общества?

- А вот так и понимай! – отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, Александр Иванович, а Наталья дернула меня за рукав, предлагая заткнуться. – Так что, Наташа, желаю тебе терпения, и женского счастья. Да сиди ты, не дергайся, Аркадий. А тебе я пожелаю благоразумия, и моли Бога, чтобы тебя эта святая женщина когда-нибудь не разлюбила. Счастья вам и согласия! И детишек кучу!

Мой друг поднял бокал, предлагая все присутствующим присоединиться к нему.

- Горько! – громко объявил он, выпив залпом.

- Горько! – подхватили гости.

Мы с Натальей поднялись со стульев, и я нежно поцеловал ее в теплые, пахнущие клубникой губы.

- Спасибо, Иваныч, что похвалил! – сказал я Стешневу, когда мы вновь уселись за стол.

- Правильно сказал Иваныч, чего ты ершишься, Аркаша! – перебил меня Николай. – Меняй характер, теперь ты человек почти женатый, значит, должен стать солидным и уравновешенным.

- Да не терроризируйте вы жениха! – пришел ко мне на помощь Петрович. – Женятся, дети пойдут, вся шелуха сама собой и так осыплется.

- Дай-то Бог, - засмеялся Стешнев. – А то мне кажется, что Аркадия никакие катаклизмы не изменят. Ты как, Наташа, веришь, что он станет серьезным и благоразумным?

- Не очень, Александр Иванович! Но я его и такого люблю!
- Вот так тебе! – горделиво произнес я в адрес товарища и вновь поцеловал Наташу.

К Наталье с поздравлениями подошли девчата, а мы отправились в вестибюль покурить. Вечер прошел чинно и без происшествий. А утром мы с Натальей поехали к ее матери сообщить о нашем решении пожениться. На личной встрече настояла моя дорогая, пояснив, что телефонный звонок для этого дела не совсем подходит, с чем я и согласился.

По возвращению я с головой окунулся в работу. Объект, плавательный бассейн, был не только интересным, но и сил отнимал много. Приходилось на ходу решать технические вопросы, которые по незнанию или лени запороли проектировщики. Что интересно, с каждым годом проекты, с которыми мне приходится работать, становятся все хуже и хуже. То ли старые кадры в институтах и бюро повымерли напрочь, то ли молодые в проектировщики идут совсем без мозгов? Может быть, я все слишком мрачно себе представляю.

- Не бойсь, - ответил мне как-то Николай, в ответ на мои стенания, когда мы с ним по какому-то поводу сидели за рюмочкой винца. – Свято место пусто не бывает! Научится молодежь, куда деваться! Сам вот потихоньку и научишь. Ну а то, что преподают в этих самых вузах никудашно, ты, конечно, прав. Помнишь, в какие-то года все бросились социологов да юристов плодить, а в инженерные вузы недобор был? Вот и икается нам теперь. Куда те социологи подевались, не знаю. Хотя, нет, знаю! В таких же, как наш белый дом, конторах сидят, в носу ковыряют.

- Я и говорю: штаны протирают! Помнишь, когда-то вся власть района в одном здании помещалась? Еще и свободные кабинеты оставались. А что теперь? Расползлась эта самая власть по городу, как саркома, места уже в белом доме не хватает. Сидят девочки человек по двадцать в кабинете и

сплетничают. Рекреации и те перегородками разгородили, да столов наставили.

- Кончай, скрипеть, старче! Давай-ка лучше выпьем...

А жизнь шла своим чередом. Предсвадебные заботы отодвинули тревоги и случившиеся события последнего времени на задний план. После нашего разговора с Хрущом прошло немало времени, и к моему немалому удивлению, никаких катаклизмов не случилось. Никто за нами с Иванычем не охотился, никаких телодвижений в наш адрес не совершал. Я, конечно, был в курсе, что Иваныч не прекратил наблюдения за осиным гнездом нашего оппонента, но сам как-то отошел от этих дел в сторону, не до них стало. Приходилось, конечно, быть настороже да и Наталью все время оберегать от неосмотрительных прогулок по вечерам. В остальном наша жизнь шла в обычном русле. Воздух пах весной, а к полудню с крыш кое-где уже и капало. В конце марта у Виктора и Веры родился мальчик, которого назвали Денисом.

- Будете крестными? – предложил нам с Натальей Виктор, но я благоразумно отказался:

- Извини, друг, но у меня с верой не совсем простые отношения. А как без веры крестным быть?

- А что у тебя с верой такого? – удивился приятель.

Вместо ответа я прочел ему три старых четверостишья:

Не брани не нашедших
облегчения там,
где бессмертный, как вечность,
возвышается Храм.

Не кори за усталость
тех, чей дух утомлен –
это все, что осталось
от недобрых времен.

Путь к святому порогу,
к золотым куполам,
к светлой Вере и Богу
каждый выберет сам.

Крестным Дениса согласился стать Николай, и через две недели мы окрестили новорожденного в нашем стареньком рубленном храме.

- Черт бы этого Игорька подрал! – с порога начал Зарубин, входя ко мне в кабинет.

- Какого Игорька? – я оторвал голову от бумаг.

- Какого, какого! Директора фонда нашего!

Я понял, что речь идет о директоре муниципального жилищного фонда Игоре Николаевиче Подгорном.

- И чем это он тебе так не угодил? – я отложил ручку и поднялся со стула, пытаясь выпрямить затекшую спину. – Веселый мужик, к тому же не зловредный.

- Ага, особенно когда зубами к стенке спит, - раздраженно бросил Зарубин. – Ты знаешь, сколько его драный фонд нам должен?

- И сколько?

- Двадцать шесть миллионов уже. И что самое главное, рассчитывать не торопится, все завтраками кормит. Да и не только нас одних. Чую, опять пирамиду строят. Опять придется кредит в банке брать, а то зарплату работягам платить нечем.

- А, может, ему просто морду набить? – предложил я. – Глядишь, и расплатится!

- Похоже, ему все уже готовы ее набить, - ответил мне начальник, открывая форточку и закуривая. – Идешь людям навстречу и – на тебе! На кой чёрт мы эти дома на Радужной заканчивать взялись? Пусть бы сами ковырялись!

Я вспомнил эпопею с двумя пятиэтажками, о которых напомнил Зарубин. Строить их начинала компания из соседнего

города, невесть каким путем выигравшая этот подряд. Одно здание довели до третьего этажа, другое до четвертого. После этого пыл строителей угас, и они исчезли со строительной площадки. Заурядный случай, ничего необычного. Ну обанкротилась фирма, с кем не бывает? Странное началось позже. Игорек предложил Зарубину закончить строительство, тот согласился и отправил меня в фонд принимать документацию. У меня волосы встали дыбом, когда я узнал, что из сметной стоимости домов в сто двадцать миллионов освоено сто шестнадцать. На четыре оставшихся миллиона в лучшем случае можно выполнить благоустройство, но никак не поднять еще три этажа, кровлю и закончить отделку. При беглом подсчете выходило, что миллионов шестьдесят благополучно исчезли в неизвестном направлении, а точнее, на счетах этой самой обанкротившейся фирмы. А это, как ни крути, а почти пятьдесят процентов средств! Куда смотрели работники технадзора нашего доблестного фонда? Когда я спросил об этом начальника производственного отдела, моего хорошего знакомого Михаила, тот только пожал плечами.

- Не ко мне вопрос, - он указал глазами на кабинет Игорька. - Хозяин – барин! Договор так составлен был: платим аванс пятьдесят процентов, а по выполнению – остальные пятьдесят.

- Ну, ничего себе, круто! А чего нам так не платите?

- Вопрос, Аркадий, не ко мне.

Я доложил Зарубину о положении дел, и тот отправился в фонд лично для переговоров. Вернувшись, он пояснил мне, что придется ужиматься, и договорную цену объекта делать такой, чтобы только убытков не было.

- А на кой это тебе? – спросил я.

- На кой, на кой? Не возьмемся доделывать, новых домов не дадут. Так что придется достраивать эти халупы!

- Интересно, а сколько лет Игорьку дадут за эти шестьдесят миллионов? Может, не надо торопиться, придет другой, с ним и решать будем.

- А с чего ты взял, что другой будет?

- А ты что, иначе мыслишь? Вот так вот просто и соскользнут? Сперли наглým образом шестьдесят штук, и ты считаешь, что после этого Игорек усидит? Он что – слепой, не видел, за что и кому платит? Да и договор какой-то идиотский подписали. Нам всего тридцать процентов аванса дают, и тот во время строительства гасят. А тут – пятьдесят! Все белыми нитками шито.

- Прокуратура провела проверку и установила, что все законно. И договор законен, оказывается. Наложили, как полагается, арест на имущество должника.

- А имущества – только авторучки да съемный офис, который никогда фирме и не принадлежал! Я прав? – усмехнулся я в ответ на эти слова. – Чего-то я не понимаю, как так законно? Есть же общие правила.

- Так договор составлен был. Выполняют пятьдесят процентов объемов, получают остальную сумму авансом, и после этого сдают объект. Фонд имеет право любой договор подписать, а чтобы Игорька отстранить от дел, да еще и посадить, необходимо умысел в его действиях усмотреть.

- Я что-то не понял. А мы-то тогда почему сейчас вообще без аванса работаем?

- Чего ты мне этот вопрос задаешь? Спроси у главы района, может быть, он тебе ответит. Ты же с ним теперь чаще моего видишься.

- Глава-то здесь при чем?

- Вот и узнаешь. Я так понимаю, что тут без Рыбака не обошлось, - сказал мне тогда Зарубин. - Игорек без начальства и шагу не ступит, а чтобы увести такие деньги в одиночку, это вряд ли. Ты, что, не замечал ни разу, как он в кабинет к Рыбаку вползает, спину прогнув?

Разговор этот состоялся почти полгода назад и вот итог: мы заканчиваем стройку, а фонд деньги, как не платил вовремя, так и не платит. И хоть бы хны!

- Давай людей снимем с объекта, пусть думает Игорь Николаевич, как квартальный план по жилью выполнять. И куда он деньги профукал, если ему даже этот мизер платить нечем? Жители-то по ипотеке платят исправно, область по программам – тоже.

- А «Строймонтаж»? Забыл что ли?

- А чего «Строймонтаж», больше чем выполнил, не считаешь.

- Это – конечно. Только не забывай, что после Радужной некая пирамидка все-таки образовалась. Деньги – они из воздуха не берутся, а экономить наши начальнички не умеют. Зря что ли машины новые покупают, да дома строят. Думаешь, это все на их зарплату слепить можно? Держи карман шире!

- Ну, этим-то сейчас кого удивишь? Если у министра зарплата тысяч шестьдесят, откуда он, например, миллиардером стал? Лет триста трудился без продыха, да еще и не ел в придachu?

- Ладно, закончим этот пустой разговор. Людей нам снимать некуда, да и зима к тому же. Будем деньги выколачивать!

- Может, в арбитраж подать?

- Не знаю. Против ветра плевать – себе дороже! А, впрочем, напиши претензию в адрес фонда, может, поможет?

Зарубин хлопнул меня по плечу и вышел из кабинета. В коридоре раздался его зычный голос, отдающий команду бухгалтерии об оформлении очередного кредита.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Конец апреля выдался на редкость теплым. Снег как-то в одночасье почти сошел и белел местами только в лесу, с северной стороны пригорков. Солнце пригревало почти полетному, а воздух был напитан запахами сосновой смолы, йода и еще чего-то непередаваемого, весеннего. За день до свадьбы мне позвонил Стешнев и сообщил, что нас приглашает к себе Звонарев.

- К десяти подскочи в прокуратуру.

- А не знаешь, зачем он нас вызывает?

- Не знаю. Но если бы что серьезное, Владимир Петрович предупредил бы, ты же его знаешь.

Ровно в десять я был у прокуратуры. Иваныч подъехал спустя минуту. Мы поднялись на второй этаж и постучались в кабинет Звонарева.

- Входите, - раздалось из-за двери.

С дивана, стоящего у стены, поднялся незнакомый человек в строгом темном костюме.

- Иван Иванович! – представил нам незнакомца Звонарев. – Я вот вас для чего вызвал. Хотя... может быть, Иван Иванович вам лучше все расскажет?

В следующие двадцать минут новый наш знакомый, оказавшийся следователем из области по вопросам оборота и сбыта наркотических веществ, поведал нам, что благодаря длительной работе правоохранительных органов, а также нашей непосредственной помощи раскрыта и почти в полном составе арестована группа наркодельцов, орудовавшая на территории области.

- В том числе задержан и небезызвестный вам Георгий Хрущев. У него на даче изъяли почти сорок килограммов героина.

- Так что все ваши мытарства, граждане детективы, закончились, - подвел итог рассказу Владимир Петрович. – Единственное, о чем я вас попрошу, господа, держать язык за зубами. Как в интересах следствия, так и в своих соб-

ственных. Потому что, если просочится информация о ваших ночных художествах, неприятности будут не только у преступников, а у всех. И заканчивайте свою розыскную деятельность. Понятно?

- Как не понять, - поднялся со стула Стешнев.

- Ну тогда до встречи, - протянул руку Звонарев. – Если что нужно – звоните.

- Владимир Петрович, - я задержал его ладонь в своей, - приглашаю вас завтра на нашу с Натальей свадьбу. Не откажите. И супругу вашу тоже приглашаю.

- Поздравляю, Аркадий Викторович! От всей души поздравляю! – затряс мне руку следователь.

- И, правда, Петрович! – поддержал меня Стешнев. – У Аркадия торжество такое, грех не отметить. И Иван Иваныча с собой бери, чего человеку в командировке вечером в гостинице сидеть?

- Спасибо за приглашение, - улыбнулся коллега Звонарева. – Примите мои поздравления! Только, к сожалению, быть у вас на свадьбе не могу, сегодня же выезжаю в область, начальство требует.

- Жаль, - ответил я из вежливости, не особенно сожалея об этом отказе.

Мы вышли из прокуратуры на свежий воздух.

- Весна! – зажмурился Александр Иванович, подставляя лицо под лучи припекающего не на шутку солнца.

В стороне, около мусорных баков, две сороки схватились за половину засохшего батона. От их возни батон подпрыгивал в пыли, как мячик, а птицы, стрекоча, наскакивали друг на друга, только перья летели.

- Прямо как наши начальники бюджетный пирог делят, - кивнул в сторону сорок Стешнев, доставая сигареты.

- Это точно.

- Помнишь у Сладкова: «Сорока воровка деток кормила. Яичко украла – этому дала. А этому не дала: больше украсть не вышло.»

- Для деток они уже натащили, сейчас для внуков тащат, а то и для правнуков. Столько уже сперли, что не сожрать. Что за страна у нас такая, Иваныч? Ведь чем больше о коррупции трещат, тем больше прут!

- Время в державе нашей, Аркадий, такое наступило: сезон суетливой сороки, если можно так сказать. Есть возможность туесок набить, вот и воруют, пользуясь любой прорехой в законе, а то и чихая на него.

- «А судьи кто?»

- Вот именно.

В это время к галдящей паре пернатых подлетела третья птица и резво схватив оставшийся без присмотра кусок батона рванула в сторону парка. Две другие сороки тут же прекратили схватку и с громкими криками бросились вслед воровке.

- Ты глянь-ка, вор у вора украл, - усмехнулся Иваныч.

- А у нас что, не так, - заметил я. – Зазевался, завод сопрут, не то что кусок хлеба.

- Да и черт бы с ним, этим заводом, если бы он работал и дальше как положено. А то ведь разрежут на металлолом и продадут по дешёвке. За примерами далеко ходить не нужно.

- Гляди-ка, взяли все-таки Хруща, и крыша не помогла. Поди, и начальнику милиции каюк пришел?

- А, Бог его знает. Может, и пришел? С должности, наверное, снимут и переведут куда-нибудь. Глядишь, еще и с повышением. Ты же знаешь: ворон ворону глаз не выклюет! Хотя, сейчас бывают случаи, что и выклёвывают. Думаешь, в области о местных художествах не знали? Знали, конечно, но никого не трогали, потому как в клювике исправно носили. Это кто-то повыше вмешался и дал команду закончить эту бодягу. Телевизор исправно смотришь? А что там президент говорит об искоренении коррупции? То-то же!

- Говорят-то много, а вот, много ли толку?

- Что говорят – уже хорошо!

- А если всё-таки Гоша запоет и Повальского сдаст?

- Не запоет. Он же знает, что и до зоны не доедет, ежели

что. Так что молчать будет наш Гоша, как рыба, и все на себя возьмет. А, глядишь, через пару, тройку лет и выйдет по какой-нибудь амнистии, это у нас запросто делается, были бы гроши.

- Бог с ним, с Гошей! Главное нас в покое оставят, а то я уже оглядываться устал.

- Гоша – это мелочь, по сравнению с Октябрьской революцией. Я чувствую, что всех нас и по всей стране скоро посерьезнее люди трясти будут. И крепко трясти, как липки. Все красиво жить хотят за чужой счет, мать их!

- Только работать по настоящему некому, - сплюнул я под ноги.

Стешнев улыбнулся и энергично махнул рукой, как будто отбрасывая от себя весь накопившийся негатив:

- Кончай ты всю эту демагогию, Аркадий! Топай, давай к невесте, заждалась, поди? У тебя же свадьба завтра!

Мы попрощались, и я полетел домой. Дел действительно было невпроворот. Мы даже кольца еще с Натальей не успели купить. А насчет борьбы с коррупцией я имел собственное мнение и даже сочинил на эту тему песенку чиновника среднего звена:

На душе беспокойно и гадко,
будто нежить целует врасос.
Я сегодня ворую украдкой,
завтра буду хватать в полный рост.

Брать посул – это в русской породе,
где нельзя – извернемся угрём.
Хлеб жуем и не голые, вроде,
но болеем, когда не берем.

За спиною коллеги толкуют,
что совсем без стыда, ну и пусть.
У хозяина тоже воруют,
но, как правило, мелкая гнусь.

Ну а Русь наша не обеднеет:
есть в ней уголь, и газ, и металл,
так что вертимся, кто как умеет,
превращаясь в жулье и кидал.

Возмущаетесь, снова-здорово,
наплевать, как на прыщик в носу.
Но посмотрит начальник сурово –
ноги в руки и тут же несусу.

А уж он! – но об этом ни слова,
рот откроешь, считай, что каюк!
Не касайся священной коровы,
прогибайся за то, что не бьют.

Поскользнешься случайно – покайся,
или вынесут: сбрендил с ума!
Есть в России две главных напасти,
две подруги: сума и тюрьма.

А наедешь на главного папу,
тут уже без базара – кранты!
В лучшем случае сплавят этапом
нарезать под Тагилом болты.

Так что выучи правила эти
и не трогай без повода каст.
А страна тебя сразу заметит,
и отметит, и должность продаст.

Свадьба состоялась как ей и было положено. Наталья была хороша в наряде невесты, принимая поздравления от подруг и знакомых, глаза ее лучились счастьем, а улыбка не сходила с губ. Я тоже старался улыбаться и держаться достойно, хотя мне до чертиков жал правый ботинок, купленный на-

кануне, и я мечтал о том времени, когда мы все усядемся за стол и я скину его. Но торжественность момента обязывала быть сдержанным и по возможности приветливым, что я, собственно, и делал.

- Поздравляю вас, ребята! – обнял нас Стешнев. – Я так за вас рад!

- Спасибо, Александр Иванович! - улыбнулась ему Наталья. – А вы почему опять один?

- Так Вера Петровна в Питере, - пояснил я.

- Вчера нарисовалась. Сейчас моя благоверная подъедет. Задержалась в парикмахерской. А я, как вы знаете, опаздывать не люблю, так что вперед поехал. Вон и Виктор с Верой плывут, - Иваныч указал глазами на входную дверь.

От двери в нашу сторону чинно вышагивала чета Ковалевых. Подруги кинулись друг другу в объятия и тут же защебетали, а Петрович поочередно пожал нам со Стешневым руки.

- Поздравляю тебя, Аркадий!

- Спасибо, Витя! Как малыш? Вы с кем его оставили.

- Соседку попросили. Сразу предупреждаю: мы ненадолго.

- Ну часик-то посидите, я надеюсь?

- Без вопросов. Можно и два.

- Вот и отлично! Давайте я вас, мужики, с тещей познакомлю, - я указал глазами на ряд кресел, в одном из которых скромно сидела, разглядывая гостей, Наташина мама.

Отец Натальи на свадьбу не приехал. Он считал, мягко говоря, что выходить за человека, который старше тебя на десять лет, да еще и не в первый раз женат, большая глупость. Ну а мать так поступить, конечно, не могла – дочь все же.

Мы пересекли фойе:

- Александр Иванович и Виктор Петрович! – поочередно представил я своих друзей. – А это Наташина мама, Надежда Павловна!

- Очень приятно! – Иваныч подхватил поднявшуюся из кресла женщину под локоть. – Пойдемте с нами, Надежда Павловна, чего вы тут одна сучаете? – и он решительно

увлек ее в сторону стоящих поодаль Натальи и Веры. – Кончайте, девочки, еще наговоритесь! Мама скучает в одиночестве, а они тут собой, понимаешь, заняты.

- Ну, что вы, Александр Иванович, и не скучаю я вовсе! – попыталась возразить смущенная таким напором Надежда Павловна, но Стешнев был непреклонен:

- Постоите с нами, будем вместе гостей встречать! Кстати, вон моя благоверная прибыла, сейчас я вас и познакомлю. Вера, иди к нам! – позвал он жену.

Через полчаса почти все собрались, и тамада пригласил гостей за стол. Нам с Натальей пришлось по ходу дела кусать каравай, пить шампанское и бить об пол бокалы. Потом все присутствующие угнездились по стульям, и свадьба двинулась по накатанным рельсам.

- Горько! – кричали подвыпившие гости, а Надежда Павловна, глядя на нас, утирала кончиком платка повлажневшие глаза.

- Ты меня любишь? – приблизив губы к моему уху, почему-то шепотом спросила Наташа.

- Конечно, родная! – я поцеловал любимую.

- И я тебя!

К полночи, когда почти все гости разошлись, мы со Стешневыми пошли провожать Наташину маму в гостиницу, где мы ей накануне сняли номер, так как спать у меня было просто не на чем, а в квартире Наташи устроились ее иногородние подруги. Потом Стешневы проводили нас до дому, где мы и расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

- Завтра в обед к нам, - напомнила друзьям Наталья. – В два часа, и прошу не опаздывать! Вера Петровна, приходите обязательно! Ковалевы с маленьким придут, посмотрите на карапуза!

Так и закончилась наша свадьба, мы с Натальей Копейкиной стали мужем и женой. Правда, теперь она была уже не Копейкина, а – Шевченко.

В мае администрация собрала всех районных строителей на совещание у начальника УКСа. Надо сказать, что к этому времени Михаил Григорьевич Егоров благополучно отбыл в область, не проработав на должности и трех месяцев. Видимо, понял, что среди наших жуликов ему ловить нечего. А сидеть в провинции ради работы как таковой – кому это нужно? Я подколот свою приятельницу Светлану:

- Помнишь, я тебе говорил, что шеф ваш новый долго здесь не пробудет, потому он и жену сюда не привез.

- Радуйся, радуйся! Неизвестно, кого еще назначат, и как бы о Егорове жалеть, еще не пришлось!

- А чего о нем жалеть? Он особо стройками не занимался, все больше Рыбаку в клюве дань носил. Похоже ему крохи перепадали, потому и сбежал в область. Но, надо отдать должное, в дела наши грешные не особенно лез, за что ему сердечное – гран мерси!

- Зато теперь Бирюков проводить планерки будет – не обрадуетесь!

- Откуда ты знаешь?

- Слышала, - неопределенно ответила Светлана.

- А вот этого обрубка наглого я не переношу на дух: вор до мозга костей! Молодой – да ранний! В глаза посмотришь, а там вместо зрачков – доллары!

- А сейчас они почти все такие, – подвела итог нашей беседе Светлана.

Начальником УКСа был назначен Геннадий Зиновьевич Тихоходов, которого я знал лет эдак пятнадцать, еще со времен комсомольской молодости. Мужик он был неплохой, простой в обращении и адекватный. А познакомил нас когда-то Николай, приятель мой дорогой. Где он с ним пересекся, не совсем понятно, так как жил и работал Геннадий Зиновьевич в другом городе нашего района. А город этот был областного подчинения, потому что в нем располагалось крупное подразделение Газпрома, и в жизни района участвовал крайне опосредованно. И району напрямую не подчинялся.

В свое время нам как-то даже пришлось участвовать с Тихоходовым, и еще вместе с рядом других организаций, в создании коммерческого банка, выступив учредителями. Рискнули, думали разбогатеть. Как вы понимаете, доходов от этого самого банка мы так и не дождались, а сам банк, просуществовав, правда, больше двух лет, благополучно развалился. Слава Богу, что мне удалось вернуть хотя бы учредительный взнос, а то, как бы я перед своим тогдашним начальством в лице Негубина отчитывался, даже и не знаю. После этого мы с Тихоходовым практически не пересекались. Где его нашел Рыбак, осталось для меня тайной.

- Так ведь одно из подразделений Рыбака и сейчас на «Трансгаз» пашет не первый год, капремонт трубопроводов ведет, - пояснил мне Николай, когда я его спросил: откуда Рыбак знает Тихоходова. – Ну, а Зиновьевич, да ты и сам в курсе, жильем много лет занимается.

- Вот почему у вас Егорову-то не пожилось, - подколот я потом Светлану. – Рыбак потихоньку своих людей на ключевые места в администрации садит. Обидели, понимаешь, воспитанного человека?

- Начальству виднее! – коротко ответила начальник планового отдела, не желая вдаваться в подробности.

Даже если она что-то и знала о причинах таких неожиданных разменов, добиться от нее мне ничего не удалось.

Зарубин на очередное совещание не пошел, а отправил меня:

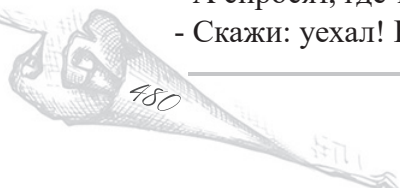
- Опять деньги вымогать будут, - буркнул он, передавая мне телефонограмму с вызовом. – Надоели до чертиков!

- А мне-то что там прикажешь делать? – недоуменно спросил я начальника.

- А с тебя взятки гладки, ты же финансами не распоряжаешься! Посидишь, послушаешь. Кому-то все-таки идти надо, субординация как-никак!

- А спросят, где ты?

- Скажи: уехал! В область.

- А причина?

- Теща заболела! – хохотнул Зарубин. – Придумай что-нибудь.

К моему удивлению, правда, я тут же вспомнил слова Светланы, на совещании у Тихоходова присутствовал и Бирюков, заместитель главы администрации, хотя в повестке дня были обозначены чисто строительные вопросы. Права была Светка. Об этом молодом, но ушедшем человеке, прибывшим к нам из области, я к этому времени разведать уже немало. К нему среди строителей и сотрудников белого дома почему-то прилипло непонятное прозвище Мамонтенок. То ли потому, что был он маленького роста и плотного телосложения, то ли потому, что на его лице с маленькими, пяточками, глазами нельзя было прочесть никаких, обычно волнующих человека эмоций, как на замороженном ископаемом.

- Наглый, как танк! – как-то отозвался о нем Зарубин. – Собрали нас тут по пионерскому лагерю. Ну, да, по тому самому! Так мало того, что работаем там по ремонту бесплатно. Гоните, говорит, по двести тысяч наличманом, господа строители! Дескать, не на что ветеранам войны отдохнуть. Я прикинул, что за эти деньги можно всех наших ветеранов и в Турцию отдыхать отправить, не то что к нам на озеро.

Совещание начал Тихоходов. Обозначив перспективы строителей на ближайшие два года, он попытался разложить объекты и разделить предполагаемые деньги между участниками процесса:

- Думаю, что вы не хуже меня знаете положение дел в жилищном фонде. Задолженность по подрядчикам достигла довольно больших сумм. Но строить жилье нужно, это вы понимаете тоже не хуже меня. Проведя анализ, администрация решила разделить объекты, строящиеся за счет денег областного бюджета и федерального так, чтобы каждое из управлений имело в своем портфеле объемов строительно-монтажных работ миллионов по двести, двести пятьдесят на год. Ну и поддерживать за счет этих средств жилье.

Начальники управлений переглянулись между собой.

- Это каким образом, Геннадий Зиновьевич, мы эти объекты получим? – задал вопрос Юрий Иванович, начальник «Северстроя». – Конкурсы-то сейчас электронные, так что любой желающий выиграть может.

- А не лучше ли Игоря Николаевича пригласить да послушать, когда и как он планирует рассчитаться с подрядчиками? – вставил я.

- УКС не может воздействовать на финансовую политику фонда, - начал было Тихоходов, но я снова перебил его:

- Так рядом с вами представитель администрации сидит, ему и карты в руки. Администрация-то как-никак – учредитель «Жилища». Или я ошибаюсь? – обратился я но уже к Мамонтенку.

- Мы обязательно рассмотрим этот вопрос, но в другой раз, - ответил Бирюков, не меня брезгливого выражения лица.

- Когда этот раз только настанет? – проворчал начальник «Северстроя», ни к кому конкретно не обращаясь. – Аркадий прав: нужно Игорька заставить отчитаться и рассказать, как он эту пирамиду финансовую разбирать собирается, источники доходов показать, сроки определить. А так мы всю жизнь будем плакать, что у нас средств на жилье нет. Кое-кто, кстати, вовремя денежки получает.

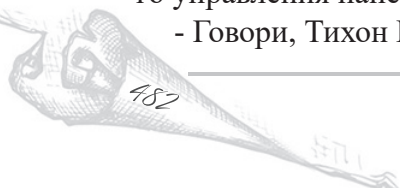
Намек был направлен в адрес начальника управления сборного домостроения, фактическим хозяином которого являлся, как и завода по выпуску конструкций, сам Рыбак. Тут уже в ход разговора решительно вмешался Бирюков:

- Господа, я же сказал, что мы послушаем Игоря Николаевича позже. А сейчас у нас на рассмотрении несколько иной вопрос. Давайте – по существу! Предлагаю высказаться Геннадию Зиновьевичу.

- А я уже все сказал, - решил не углубляться Тихоходов.

- Можно я? – поднял руку Максимов, начальник того самого управления панельного домостроения.

- Говори, Тихон Викторович! – разрешил Бирюков.

- Я думаю, что при всех раскладах предложение Геннадия Зиновьевича имеет целесообразность. Думаю, что наше управление могло бы выступить гарантом принятых решений.

Я увидел неподдельный интерес в глазах Юрия Ивановича.

- Это, каким таким гарантом? – задал он вопрос в лоб. – Ты, Максимов, кого тут собственно представляешь? – он ткнул пальцем вверх, намекая на Рыбака. – Если папу, то так и скажи. А, может, бандюганов местных? Гарант, понимаешь! Только думаю, что папа и сам гарантом выступить может, без посредников сопливых.

- Господа строители, давайте успокоимся, - попытался остановить уже почти повздоривших начальников управлений Тихоходов.

Только тут до меня дошла вся подоплека возникшего между собеседниками непонимания, и я тоже полез в бутылку:

- У нас что, опять лихие девяностые? Может, тебе еще и бабки отчислять за эту самую гарантию? А пузо не лопнет? Мужики, вы поняли, что тут творится? Максимов у нас теперь гарантом будет. Смех да и только! Без гарантов жили до сих пор и сейчас проживем.

- Господа, не нужно понимать все так фигурально! – вновь вмешался в разговор Мамонтенок. - Оговорился Тихон Викторович, с кем не бывает? Гарантии никто никакой дать не может. Но по поводу проведения конкурсов могу сказать, что администрация приложит все силы, чтобы не допустить на наш рынок чужаков. В первую очередь мы будем отстаивать интересы наших управлений и их коллективов. Вот тут мы сделали кое-какие наметки, прошу рассмотреть и через неделю дать свои предложения. Геннадий Зиновьевич, раздай письма начальникам управлений.

- Нет, ты понял! – пихнул я в бок Юрия Ивановича, когда мы вышли в приемную. – Нам еще только гарантов не хватало.

- Да, - только и протянул он в ответ.

Вернувшись в управление, я доложил Зарубину суть состоявшейся у Тихоходова планерки.

- Ну и Рыбак, ну и молодец! – только и покачал головой Николай. – Мало того, что он и так все свободные средства фонда, грубо говоря, себе в карман кладет, так мы еще за это ему через его клеветов и приплачивать должны!

- Тебе, Коля, не кажется, что нужно этого Мамонтенка подставить, засранца?

- Каким образом?

- Да, ментам попробовать сдать.

- А толку-то? Другого пришлют. Да думаю, что менты в это дело и не сунутся: себе дороже. И потом, при чем тут Бирюков? Он – человек маленький. Ну, приставили областные дяди за Рыбаком приглядывать, вот и приглядывает, чтобы тот лишнего из оброка себе не оставил. В нашей державе ничего не изменишь, пока смертную казнь снова не введешь, и расстрелы без суда и следствия, как в войну. Сталин нужен, а захочешь ли ты Сталина снова? Молчишь. То-то же! Ладно, не расстраивайся, пробьемся! Я так думаю: рассосется постепенно проблема, не зря же Путин снова говорит об усилении борьбы с коррупцией.

- Говорить-то говорит, да вот делает мало. Ты посмотри кто в правительстве сидит, смотреть тошно!

Я рассказал обо всем услышанном Стешневу, но тот только рассмеялся в ответ:

- Ты, Аркадий, как будто только что на свет народился. Всегда так было, при всех вождах! Ну, может быть, не так заметно и нагло.

- Злость берет, Иваныч!

- Побереги здоровье. Не твою же собственность мытарят. Зарплату получаешь вовремя? То-то же! А чего еще надо? Мужики платят, потому что деваться им некуда. А не станут платить, кердык управлениям придет! Сам помнишь, как «Ремонтник» Паша приватизировал: оставил без объемов и обанкротил. Да, кстати, и тебе под зад коленкой приложился мимоходом. Так что против ветра, как говорится, бесполезно, а где-то и вредно.

- Хрен с ним, с Пашей, его уже Бог наказал!
- Не богохульствуй, а то боженька язык отрежет!
- Нет, ты представляешь, какие здесь деньжищи крутятся?
- Это ты насчет чего?
- Насчет отката. Пятнадцать процентов с объекта – не хило, а! Это, если бассейн стоит двести миллионов, тридцать миллионов отвалить надо. А их еще и обналечить где-то нужно, что тоже денег стоит, - не унимался я. – Во прут, не стесняются!
- А ты еще все объемы по району посчитай! Только смотри, не усердствуй, а то голова закружится. А, в общем-то, удивляться тут нечему: в нашей державе, чтобы нормально жить, нужно платить, особенно вышестоящему. Помнишь, разговоры шли, что Рыбака с чемоданом денег по дороге в область правоохранители прихватили.
- Помню, и что?
- А то! Во-первых, разговоры так разговорами и остались, а во-вторых, ты думаешь, кому он деньги вез? То-то же! Ты свои деньги в чемодане возишь? В лучшем случае пятерку тысяч в кармане, не более, а остальное на карточке. А в таких делах наличман нужен, его не проконтролируешь. Так что успокойся, дорогой, нам всего этого не изменить.
- И как все это мужики терпят, не пойму? По моему характеру – я бы не выдержал, сорвался!
- Значит, не так уж и плохо живут, раз платят. Ты думаешь, что последнее отдадут?
- Не последнее, конечно, но все же.
- Брось, не хватало бы на жизнь – не платили бы. Да и за чем дойную корову на мясо пускать. Кто тогда кормить наше руководство будет?
- А я бы не платил, вот хоть убей!
- Потому, Аркаша, ты и не директор. У тебя талант к другому есть, поэтому – не суетись! Пиши себе стихи, а Рыбак еще и денег на издание отвалит, соображает ведь, что культуру поддерживать надо. Модно это теперь.

- Куда только страна катится?

- А куда ей катиться с таким руководством? Туда и катится. Думаешь, на самом верху телевизор не смотрят и газет не читают? Глаза им застило? Как же! Все они и обо всё прекрасно знают. Да, видно, ничего не могут сделать или не хотят, что тоже не исключается. Хотя пытаются кое-что, кое-где предпринять, даже сажают кое-кого, но все это – мышинная возня и стрельба по воробьям из рогатки! Меня вон тоже достали уже.

- А что такое?

- На пенсию гонят, засиделся, говорят.

- Прямо так и говорят?

- Ну не так, конечно, культурней. Но смысл-то вполне понятен. Кому-то не дают покоя наши акции. Видно, придется уходить, а то еще и посадят на старости лет. Надоело, Аркаша, с ветряными мельницами сражаться. С саркомой можно только оперативным методом справиться, а я уже для демонстраций и революций стар.

- Брось кокетничать! Какой ты старый.

- Какой-никакой, а уже в годах. Что я, как Колышкин, буду у белого дома с транспарантами стоять что ли?

Предводитель всех недовольных, представляющих оппозицию новому руководству района, Александр Васильевич Колышкин, был человеком во всех отношениях интересным. Мало того, что его энергии хватило бы на десятерых, он был еще и «писателем». Писал он много и во все инстанции, начиная с областных властей и кончая самим президентом. Писал не без успеха, так как время от времени в районе появлялась очередная комиссия с проверкой. Страсть к письму впиталась в него, видимо, с молоком матери. Когда он появился в нашем районе, закончив службу в армии, его взяли на работу электриком в аэропорт. Не проработав там и месяца, он, видимо от тоски так накушался горькой, что домой его транспортировали в бесчувственном состоянии. Начальник

аэропорта решил, что пора избавляться от такого работника, но воспротивился профсоюз: как же – афганец, боевой офицер. С кем не бывает? Оставили. И тут проявилась у Саши эта самая страсть к писательству. Он незамедлительно накатал вышестоящему руководству анонимку, где подробно указал на все ошибки и недочеты своего гонителя. Короче, как мне потом рассказывал сам начальник аэропорта, жизнь у него началась веселая: что ни месяц – то проверка.

- Кое-как избавился я от него, Аркадий. Хорошо, что подвернулось место в редакции местной газеты, и зарплата там была повыше, чем у меня. Когда он туда перешел я десять раз перекрестился. Гнилой человек, да и с головой у него не все в порядке. Держись от него подальше.

Я и держался, хотя Александр Васильевич не раз приглашал меня пополнить ряды передовых членов общества и партии «Справедливая Россия», в которой он на тот, текущий момент состоял. Хотя активным оппозиционером он был и при Феофанове, и при Раскопаеве. Паша даже ухитрился упечь его на некоторое время в каталажку, но потом решил все же выпустить, так как такие люди без страха и упрека, как Колышкин, всегда нужны под рукой, мало ли что. Пригодятся, особенно если их подкормить с руки. Работать они не могут, а кушать хотят, потому при должном умении хозяина становятся весьма полезными во всякого рода скользких делишках. Вот и после избрания Рыбака Александр Васильевич организовал активную компанию по обличению власти в коррупции, мздоимству и прочих грехах, что, собственно, как ни крути, имело место. Революционного вида бабушки и более молодые экзальтированные особы не раз стояли с плакатами у белого дома, скандируя свои требования. Александра Васильевича власти не то чтобы боялись, но все же опасались, как чесотки...

- Можно и постоять, если толк будет, - возразил я приятелю.

- Где ты у этих болтунов толк видел? Они только орать могут. А работать за них дядя будет, они к этому не

приспособлены! Колышкина ты и сам не хуже меня знаешь: все вокруг плохие, только он хороший. Но на больную голову чего обижаться? Его же, как он рассказывал, в Афгане контузило, а это не шутка. Так что я на него в любом случае походить не собираюсь, мне это совершенно ни к чему.

- Ты, главное, не торопись уходить-то. Мало ли еще что может измениться, глядишь – и все наладится!

- А я и не тороплюсь. Только сомневаюсь, что у нас в державе что-то может быстро наладиться.

Лето пришло внезапно, с грозowymi дождями и изнурительным зноем, что не редкость в наших северных краях. Сосны в борах выстрелили на кончиках веток бледно-зелеными, нежными побегамии, готовясь, как и вся природа, к продолжению рода. Прошлогодний урожай шишек уже лежал на земле, и каким-то из них, если повезет, предстояло стать новыми деревьями на этих песчаных гривах. А у нас с Натальей за окном кухни, на березе, поселилась пара беспокойных, весело посвистывающих птиц. Они суетились целый день, то куда-то улетая, то возвращаясь назад. То ли достраивали свое жилище, то ли выкармливали уже вылупившихся птенцов. По утрам мы с Наташей, сидя на кухне, пили чай и через открытую форточку слушали их шумную, веселую возню.

- Видишь, как стараются, - кивая в сторону окна, говорила мне Наташа, - все – для дома, все – для семьи! А какие красивые! Грудка – белая, а спинка – бежевая. Я таких раньше и не видела.

- Я тоже. Свиристели какие-нибудь или еще что-то.

- Может быть. Как все-таки разумно создана природа: все в ней держится на любви. Вот и птички эти суетятся ради своего потомства, потому жизнь и продолжается.

- Чего это тебя дорогая на философию потянуло? – я обнял любимую за плечи. – А у нас что, жизнь закончилась? Да и дети куда от нас не денутся. Я правильно мыслю?

Наталья потянулась ко мне и поцеловала.

- Беги, давай, брейся, а то на работу опоздаем, мыслитель ты мой!

Я заводил машину, по дороге завозил Наталью в банк и ехал по строительным участкам управления. Проверив на объектах что и как, обычно к девяти, пол десятому возвращался в офис, чтобы доложить директору о текущих проблемах и обстановке. Иногда, если этого требовали дела, ехал прямо к заказчику. Зарубин попросил меня тревожить заказчиков почаще, чтобы шевелились быстрее.

- А то я гляжу, в УКСе все спят, никто работать не хочет. Да и Игорек задолбал своими «завтра». Дом почти год, как сдали, а до сих пор пятнадцать миллионов должен.

- Это точно, - соглашался я с директором. - При Шацмане такого бардака, как сейчас, не было. А Тихоходову, похоже, все до лампочки! Я ему уже не раз говорил: выгони пару бездельников, остальные, может быть, работать станут.

- А он?

- Смеется.

- И правильно делает. Здоровье – дороже!

- Может, ты и прав? А насчет Игорька, я же тебе говорил: нужно в арбитраж подавать. Вот помяни мое слово, крикнет этот самый фонд однажды, и останемся мы с носом. Не может эта пирамида стоять вечно, все равно когда-нибудь обвалится.

- Я и сам чувствую, но ссориться не хочется. Тем более, он две шестиэтажные блок секции по улице Калинина нам отдает. Одну даже как собственное жильё строить.

- Как это?

- Землю в субаренду передает. Сами будем строить и сами квартиры продавать.

- Вот это дело. Может, хоть в этом случае с деньгами все нормально будет. А то всякие схемы оплаты придумывают, а как не платили вовремя, так и не платят. Я бы вообще на твоём месте к Рыбаку сходил, участки под строительство

попросил. Проект-то и самим заказать не сложно. Вот тогда все вопросы по оплате отпадут: строй себе да строй!

- Нести нужно.

- Это еще кому?

- Кому, кому? Папе, конечно! Ты думаешь, что в департаменте имущества что-то без папы решат? Держи карман шире!

Вот тут я и вспомнил, высказанную Рыбаком на заседании общественного совета мысль: сносить и строить! Далеко глядел глава наш, и куда нужно!

- А, куда деваться? – почесал я затылок. - Но, может быть, лучше отнести раз, чем годами без нормальных денег сидеть?

- Может быть, - задумчиво ответил мне Зарубин.

При Рыбаке штат сотрудников администрации раздули так, что ни Сене, ни тем более Пашке и не снилось. Я уже не говорю о временах развитого и не развитого социализма. В те далекие годы райком партии и райисполком первоначально ютились в маленьком двухэтажном здании, где впоследствии организовали дом-интернат для детей коренных народов. Все остальные властные структуры типа спортсменов, районо и прочих были разбросаны по городу в приспособленных помещениях. Когда в середине семидесятых доблестное наше СМУ сдало новое административное здание, все они в нем поместились. Четвертый этаж, где находился зал заседаний, и вовсе пустовал. Кроме всего прочего, как было модно в те времена, за кабинетами высшего руководства еще находились комнаты отдыха, а зал бюро использовался по назначению не чаще раза – двух в месяц. Короче, было свободно и просторно. После того, как советская власть приказала долго жить, аппарат района стал стремительно разрастаться, как раковая опухоль в теле больного человека. Сначала были перестроены и заняты под кабинеты все пустующие помещения. Потом стеклянными перегородками отгородили коридорные рекреации, где тоже посадили каких-то аппаратчиков. Позже

принялись за четвертый этаж: все разгородили многочисленными перегородками. Не тронули только зал заседаний, где волей-неволей приходилось собирать заседания думы и прочие собрания общественных организаций и комиссий. Белый дом стал походить на улей, набитый пчелами. По коридорам и лестницам с какими-то бумагами в руках и деловым видом сновали вчерашние школьницы и студентки, которые были никому не нужны на производстве. Да и кто бы их туда взял? Работников с таким образованием, полученном здесь же, в городе, в филиалах всяческих вузов, расплодившихся в последнее время, как сморчки на упавшем, гнилом стволе березы, брать на производство было бы попросту преступно. Вот и отирались теперь в белом доме не умеющие обращаться с людьми клерки. На этом, кстати, дело не закончилось. Места стало не хватать снова, и те же спортсмены, культура, просвещение вновь начали отпочковываться от основной массы служащих и переезжать из белого дома в отдельные здания и помещения. Ну, прямо – чума! И конца-края этому – не видать. Что, впрочем, наблюдается и по всей стране в целом. С подачи Москвы на местах временами проводятся чистки и сокращения аппарата управленцев, но их от этого становится почему-то только больше. А при Рыбаке, кроме прочих, появились еще какие-то пресс-центры, всевозможные помощники и советники. Короче, бездельников хватает...

Я вошел в приемную Тихоходова и поздоровался с секретаршей:

- Геннадий Зиновьевич у себя?
- У него начальник ПСД.
- Елена Михайловна?
- Да.

Я не стал дожидаться и, несмотря на протесты секретарши, открыл дверь в кабинет.

- Можно?
- Проходи, Аркадий, мы уже закончили.

Я поздоровался и присел на стул. Из-за стола выпорхнула начальник проектно-сметного отдела Елена Михайловна Ключко, и, едва кивнув мне, не поднимая глаз, выскочила за дверь.

- Чего это она, не в духе что ли? – спросил я Тихоходова.

- Да ее тут твой начальник наемни приголубил.

- Это как?

- Я подробностей не знаю, но бабы в отделах меж собой шепчутся. Если хочешь, у них узнавай.

- Ладно, попозже выясним.

Я подписал у Тихоходова несколько согласований и поднялся, собираясь уходить.

- Постой, Аркадий! Зарубин у тебя на месте?

- Да с утра, вроде, на месте был.

- Я что-то ему никак дозвониться не могу. Ты передай ему, что папа, - он ткнул пальцем вверх, - просил тысяч двести на хоккейную команду нашу. Нужно спортсменам помочь.

- Вы уже с Рыбаком заколебали всех своими просьбами: то бабушкам дай на отдых двести тысяч, то спортсменам, то еще кому. Батюшка наш и тот из кабинета директора не вылезает. Управления-то ведь не резиновые.

- А ты-то что возмущаешься, твои что ли деньги?

- Да и мои тоже. Я зря на стройке горбачусь, грязь топчу? На жилье материалы купить не на что – Игорек не платит, а на остальных объектах вы обираете. Кстати, Николай просил узнать, когда вы десять миллионов вернете, что в долг брали со спортивного комплекса? Нам за металл платить надо.

Не знаю, как согласился Зарубин, но месяца четыре назад он по просьбе Рыбака подписал два договора беспроцентного займа: с фондом Игорька и со «Спецмонтажем». Проект на спорткомплекс в то время был еще не закончен, а средства из областного бюджета уже поступили. Как же, пятьдесят миллионов и лежат! Это – просто безобразие какое-то! Сам Бог велел их покрутить! Занятые деньги должны были вернуть еще в апреле, но так и не вернули, чего,

впрочем, и следовало ожидать. Зарубин уехал на две недели в отпуск и я, не долго думая, настроил претензию Игорьку с предупреждением подать на него в арбитражный суд за невозврат денег. И копию договора о займе приложил. Получив мое письмо, тот долго брызгал слюной в телефонную трубку, угрожая в ответ разорвать подписанные контракты на строительство жилья.

- Попробуй! – спокойно ответил я Подгорному, прекрасно понимая, что разорвать подписанные контракты не такое простое дело.

Нужно было иметь довольно веские причины, чтобы их расторгнуть. А тут Игорек еще и денег за выполненные работы не платит. Пусть пробует, если сил хватит. Через неделю деньги в сумме двенадцати миллионов вернулись на нас счет. Правда, задолженность по сданным домам Игорек так и не вернул, хотя я и ее указал в претензии. Но это уже и не мое дело, пусть Зарубин с «Жилища» долг вышибает. Что касается долга со стороны «Спецмонтаж», я писать не решился. Фактически «Спецмонтаж» - карманная фирма Рыбака, и соваться со свиным рылом в калачный ряд не стоило. Не то чтобы я боялся чего-то, но мог запросто подставить Зарубина. А сейчас со своими двумястами тысячами Тихоходов вывел меня из себя. Я Зарубину который месяц предлагаю новый экскаватор купить, а он мне твердит, что денег нет. А тут опять: выложи да отдай!

- Чего молчишь, Геннадий Зиновьевич?

- А чего говорить? Я у вас этих денег не брал.

- Там на договоре третья подпись твоя стоит, ты об этом не забывай! Да вы с Ключко еще и ухитрились прямо со своего счета деньги Максимову перевести, минуя нас. Допрыгаетесь однажды.

- Не кипятись, Аркадий! Что ты на меня взелся, я человек маленький, подневольный, сам понимаешь.

- Да пошли вы все подальше, люди подневольные! – я решительно направился к выходу.

- Ты Зарубину все-таки передай эту просьбу, - бросил мне вслед Тихоходов.

Окончательно я пришел в себя уже в коридоре. А чего я собственно нервы себе мотаю? Прав Тихоходов. Пусть Зарубин сам решает: платить ему, или не платить. Его деньги, в конце концов! Я постоял секунду, размышляя, что мне делать дальше и куда податься. А потом открыл дверь планового: нужно зайти к Светлане, выяснить, чего это на меня Ленка косится?

- Здорово, красавицы! – в кабинете кроме Светланы сидела еще одна девушка, юрист управления.

- Ба, кто нас навестил! Здорово, оглоед! – искренне обрадовалась мне Светлана. - Чего это тебя так давно не видно было? Как Наталья?

- Дела все, дела! – ответил я, легкомысленно покрутив пальцем в воздухе и усаживаясь на свободный стул. – Чайком не угостите? А с Натальей все в порядке.

- Зина, включи, пожалуйста, чайник! – попросила напарницу Светлана. – Давай, рассказывай, как у вас в семействе дела обстоят? Детьми-то скоро обзаведетесь?

- Мы что, реактивные что ли? – я решил отшутиться и продолжил, подражая грузинскому акценту. – Орел, понимаешь, в неволе не размножается!

- Тьфу на тебя, орел оципаный! Голова уже седая, а все ума не набрался. Наливай, вон, лучше чаю. Наталья работает там же, или ушла?

- Там же работает. Все у нас хорошо, - удовлетворил я любопытство женщины, - живем, работаем, даже в кино ходим.

- Ну и славненько! Сахар возьми в шкафу.

- Спасибо, я лучше без сахара, а то во рту пересохло после беседы с вашим начальником.

- Что так?

Я передал содержание нашего разговора с Тихоходовым.

- Я не видела такого договора, - вмешалась в нашу беседу юрист. – Не может такого быть, десять миллионов все-таки.

- Вы не видели, а я его собственноручно держал, - парировал я. – Я Зарубину советовал сразу в арбитраж подать, а он все не хочет ссориться с вашим ворьем, надеется, что у них совесть проснется.

- Каким, таким нашим? Оно такое же наше, как и ваше, - парировала мне Светлана.

- Да нет – ваше! У нас люд работный, ему воровать некогда!

- Опять ты за свое!

- Ага, мы все о своём – о девичьем!

- Циник ты, Аркадий!

Я не стал переубеждать ее, так как искренне считал, что раз я не работаю во властных структурах, то и ко всему этому бардаку, что творится здесь, никакого отношения не имею. Хотя, если подумать, концепция довольно шаткая.

- Ты мне, Свет, лучше скажи, чего это на меня Ключко скалится? Я ей вроде на хвост не наступал?

- Зато ей Зарубин твой нахамил по полной!

- Чего это он ей такого сказал, что она и на меня разозлилась?

И Светлана поведала мне, что после очередных торгов, мой непосредственный начальник высказал Ленке в лицо все, что о ней думает. А думал он о ней не слишком хорошо. Дело в том, что после смерти мужа, та через некоторое время сошлась с нашим конкурентом, предпринимателем, который тоже занимался строительством. Ну и, естественно, нахально, пользуясь своим служебным положением, способствовала тому, чтобы последний все выгодные контракты выигрывал. Вот Зарубин и не выдержал. Я, конечно, не одобрял его за те слова, что он высказал Ключко, мужчина все же, но, по сути, был с Николаем согласен. Нечего бабе в мужские дела соваться!

- Хам твой Зарубин! – негодовала Светлана. – Разве можно так женщину называть?

- А по-человечески он прав, – возразил я ей. – Спишь с

мужиком, ну, и спи на здоровье, а личные отношения со служебными – не путай!

- А ты бы что, родному человеку не поспособствовал?

- Я бы нет! Ты же меня Света знаешь.

- Все равно так хамить – нельзя!

- А вот тут я с тобой полностью и целиком согласен! – подвел я итог всему сказанному. – Эмоции нужно держать в узде. Ладно, спасибо за чай девочки, я пошел!

- Передавай привет Наташе! – долетело до меня, когда я уже бодро подпрыгивал по коридору к выходу.

На лестничной клетке я нос к носу столкнулся с Колышкиным.

- Здорово, Аркадий! Как дела?

- Да вашими молитвами, Александр Васильевич!

- Не надумал еще к нам?

- А вы где сейчас? – решил я подколоть оппозиционера, так как уже от кого-то слышал, что Колышкин недавно переключился из справедливороссов в коммунисты.

- А ты что, не знаешь? Я теперь у губернатора советником работаю. Рыбака контролирую.

- Ну и как?

- Нормально. Так что, если какие трудности будут, заходи, поможем! Я теперь на третьем этаже сижу, рядом с приемной.

- Что, и кабинет выделили?

- Пусть бы только попробовали не выделить!

- Тут мне кто-то сказал, что вы с Елкиным в коммунисты подались, Александр Васильевич. Или ошибается народ? Или я что-то недопонял?

- Недопонял, – недовольно буркнул Колышкин. – Это Елкин в коммунисты перешел, а мы там же остались. Теперь, думаю, сами, без всяких перекрашенных, поправлять наше районное руководство будем. А то оно совсем распоясалось, руководство-то! Заходи, короче, если что! А если есть что печатать, то мы и денег на издание поможем выбить! Ты стихи-то писать не бросил?

- Кропаю потихоньку. Спасибо, Александр Васильевич, непременно зайду!

Колышкин повернулся ко мне спиной и начал подниматься наверх. В это время кто-то хлопнул меня по плечу. Я оглянулся и увидел Виктора, с которым не встречался уже давненько.

- Привет! Сколько лет, сколько зим!

- Привет, Петрович!

- Ты о чем тут с этим клоуном разговаривал? А то иду, гляжу, наш Аркаша с Колышкиным беседует. Чего, думаю, ему от оппозиции вдруг понадобилось? Может, в революционеры записаться хочешь?

- Зря ты так Петрович о советнике губернатора отзываешься.

- Уже нахвастал? Мы тут все в шоке, ничего не понимаем. Ну, во-первых, с какого перепугу губернатор этого типа советником своим назначил, а во-вторых, какого рожна Рыбак ему кабинет рядом со своим выделил? На первый вопрос я, конечно, не отвечу, но вот второй! Мог бы посадить этого советника куда подальше, чтобы под ногами не путался.

- На первый-то я тебе попробую ответить. Кто у нас с тобой Колышкин? Правильно – писатель! Он где ни трудился, везде писал. Ты не помнишь? Сколько крови наш герой власти попортил, особенно на выборах? То-то! Да и без выборов тоже. Припомни прошлогодние митинги и пикеты? Дурь, конечно, но шум-то идет! Губернатору все это нужно? Не нужно – никому эта мышинная возня не нужна. Вот и приблизили к телу, чтобы притих. Ты думаешь, на что он недавно новый дом приобрел и машину? Правильно, приплачивали все, с кем его судьба не пересекала, чтобы этот горлопан не доставал. А сейчас Рыбак еще и с радостью будет приплачивать. Погоди, Саша Колышкин еще у Рыбака замом сядет и зарплату приличную получать будет. Так что терпите, теперь он вам всем салазки загнет!

- Облезет.

- А вот тут ты, Петрович, ошибаешься: писать послания

наш Александр Васильевич умеет. Помяни мое слово: оглянуться не успеете, как он в область первую телегу настроит.

- Неужели губернатор не видит, с кем дело имеет.

- Видит, конечно, не дурак! Но ему так удобнее, да и, в конце-концов, о том, что в районе творится, первым знать будет. Он ведь Рыбака не слишком привечает, знает из какой табакерки этот чёрт выпрыгнул. А теперь в районе «око государево» бдеть станет, если что – сразу доложит! Так что загнет вам Васильевич салазки, не сомневайся!

- Дурдом, да и только!

- А ты что, не заметил, у нас вся страна – дурдом!

- Как не заметил, заметил, конечно. Но ты же сам постоянно талдычишь: где родился – там и пригодился!

- А, потому и талдычу, что – точно! Нам солнца не надо – нам Родина светит, нам хлеба не надо – работу давай!

- Чего это с тобой?

- Так, нервы успокаиваю. Как Вера, как сын?

- Все хорошо: сын растёт, а Вера по дому хлопочет. Собираемся в конце августа в отпуск слетать.

- И куда?

- Да, в Турцию, как обычно. Там в это время как раз уже не жарко.

- А мальчика на кого оставите?

- С собой возьмем, куда ж его денешь.

- Так он же маленький совсем.

- В августе уже полгода будет, так что – нормально. И меньше возят. Пусть на солнышке погрееется, а то у нас тут шибко не позагораешь.

- А разве таким маленьким загорать можно?

- Тебе можно, а ему, почему нельзя?

По лестнице с какими-то бумагами спускалась Светлана.

- Света, - обратился я к ней, - мы тут с Виктором поспорили: может шестимесячный ребенок загорать, или нет?

- Делать вам нечего, я гляжу. Конечно, нет! А чего это вас такой вопрос заинтересовал?

- Да вон, Ковалевы в конце августа в Туретчину собираются, и сына с собой берут.

- И правильно делают, - Светлана растолкала нас и продолжила свой путь. – Вера разберется, что с ребенком делать, не забивайте себе голову, мужики. Кстати, Вере привет!

- Передам, - буркнул Витька в спину женщине. – Учат, понимаешь, все.

- Не скрипи, радуйся жизни! – я хлопнул приятеля по плечу. – Давай, я побежал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я сидел в приемном отделении нашей районной больницы и ждал. Ждал я Наташу, которая совершенно неожиданно для меня попала сюда. Увезли ее прямо с работы, и я узнал об этом только к концу дня, когда вернулся из соседнего поселка, где мы строили школу.

В первую минуту я был так ошарашен этим сообщением, что даже остолбенел, и у меня засосало под ложечкой от нехорошего предчувствия. Я прыгнул в машину и стремглав полетел в районную больницу, где узнал, что моя жена лежит в гинекологии. Вот так я, в конце-концов, оказался в приемном покое этого отделения, где в настоящий момент ожидал заведующую, Гирс Маргариту Александровну. Наконец эта худошавая, стремительная женщина, которую знало почти все местное население, так как через ее руки за многие годы прошли почти все новорожденные нашего города и района тоже, возникла передо мной. Именно возникла, так как я даже не заметил, когда она появилась из распахнувшихся дверей. Маргарита Александровна не ходила, а летала, едва касаясь ногами земли, несмотря на свой, по моим меркам, достаточно солидный возраст. Я поднялся ей навстречу.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! Давайте присядем, - она указала на скамейку, стоящую возле стены. - Да не волнуйтесь вы так! А то я сейчас у сестры попрошу для вас наштатеря.

- Не нужно наштатеря, Маргарита Александровна. Что с ней?

- Ничего особенного, никакой опасности, небольшой токсикоз. Полежит у нас недельку и еще краше станет.

- Откуда токсикоз? Может, отравилась?

Маргарита посмотрела на меня, как смотрит учительница на бестолкового ученика и улыбнулась:

- А вы не в курсе, Аркадий Викторович?

Я не сразу понял сути вопроса и тупо уставился на главного гинеколога.

- Беременна ваша супруга, второй месяц пошел. Так что поздравляю вас, Аркадий Викторович!

До меня не сразу дошел смысл сказанного, и я сидел молча, открыв рот, даже не догадываясь поблагодарить женщину за такое известие. Придя в себя, я с трудом сплотил воздух и вновь обрел способность соображать.

- Не волнуйтесь, езжайте домой, а завтра после четырех приходите, - продолжила заведующая отделением.

- А можно ее сегодня увидеть?

- Нет. Она сейчас спит после капельницы, не нужно ее тревожить, - Гирс поднялась со скамьи. – Приходите завтра, Аркадий Викторович.

Белый халат ее вспорхнул крыльями ангела и стремительно исчез за дверью приемного отделения. Я вышел на улицу, достал сигарету и чиркнул спичкой. До меня постепенно доходил смысл случившегося, но смятение чувств по-прежнему не давало сосредоточиться. Я не знал, радоваться мне или плакать, так все было неожиданно. Я и вдруг – отец! Подумать только! Дурацкая улыбка утвердилась у меня на лице, заставляя понимающе улыбаться в ответ всех, кто появлялся на крыльце. Наконец, я окончательно пришел в себя, решив, что все, что ни делается – к лучшему! Захотелось поделиться с кем-то услышанной от Гирс новостью, но я удержался: куда торопиться, вот будет месяцев пять, тогда и оповестим общественность. Я завел машину и позвонил Зарубину:

- Николай Иванович, ты мне на завтра отгул дай!

- А что случилось, Аркадий?

- Ничего не случилось, - ответил я в трубку, хотя меня распирало желание тут же сообщить начальнику о моей нечаянной радости, - дела кое-какие нужно по дому сделать.

Для себя я решил уже завтра же сгонять в область, и купить все, что положено для младенца: ну там пеленки, ползунки всякие.

- Ну, раз нужно, так нужно, договорились. Как там, кстати, дела на школе?

- Все в порядке, Иваныч, первый этаж штукатурить заканчивают, - я выключил телефон и стал соображать, кому бы позвонить, чтобы уточнить, что и где покупать.

Я решил, что лучше всего позвонить Стешневу: он человек опытный, а если что, то и у Веры Петровны уточнить можно.

- А для чего это тебе? – выслушав мою не совсем связную речь, спросил Иваныч.

Я попытался что-то проблеботать в ответ, не желая раскрывать карт приятелю, но Александр Иванович, почувствовав, что я не договариваю, повторил вопрос. Пришлось рассказать ему обо всем.

- Аркадий, ты – гигант! Это дело надо отметить. Давай, дуй к нам, тут все и обсудим.

- Неудобно как-то. Да и не пятница сегодня, а четверг, Вере Петровне не понравится.

- Ей всегда не нравится, так, что, не бери в голову! По такому случаю и Вера Петровна примет, никуда не денется! Давай, подъезжай!

Через четверть часа, прихватив в магазине бутылку коньяка и бутылку шампанского, я постучался в дверь Стешневых.

- Проходи, папаша! – приветствовал меня Иваныч, забирая бутылки. – Снимай обувь и топай в гостиную, я сейчас.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! - поздоровалась со мной появившаяся в дверях кухни Вера Петровна и широко улыбнулась. – Поздравляю вас!

- Спасибо.

- Спасибом сыт не будешь! – вмешался Стешнев. – Мечи, мать, все, что есть из печи, будем новоявленного папашу кормить.

Мы просидели за столом часа два, во время которых я узнал, что покупать пока ничего не нужно, так как даже коляску нужно приобретать по цвету.

- У вас кто будет: мальчик или девочка? – спросила Вера

Петровна, на что я только неопределенно пожал плечами. – Если мальчик, то нужно покупать голубое, а если девочка – розовое. Правда, рано еще покупать. Вы лучше не торопитесь, Аркадий Викторович. Наталья Алексеевна из больницы выйдет, тогда и решите, что нужно и сколько.

- Слушай старших, они тебе плохого не посоветуют, - подержал супругу Стешнев.

На следующий день я вместо поездки в область вышел на работу, решив, что старшие товарищи совершенно правы, и торопиться мне совершенно ни к чему.

- Ты же, вроде, отгул взял? – удивился Зарубин.

Я поведал ему о моей радости, попросив особо не распространяться до поры. Но через полчаса о беременности моей жены знала уже вся контора, и пришлось незамедлительно проставиться. Не дожидаясь четырех часов, я позвонил Наталье на сотовый в больницу. Вместо нее ответила какая-то незнакомая женщина, сообщив, что Наталья в процедурном, и спросив, кто звонит.

- Муж, - ответил я. – А откуда у вас Наташин телефон?

Женщина пояснила, что телефон моя любимая оставила на кровати, а я в свою очередь попросил ее, чтобы она передала Наталье о моем звонке. Через час я услышал в трубке дорогой моему сердцу голос:

- Как ты там, не соскучился?

- Соскучился. А ты-то как себя чувствуешь?

- Нормально.

- А ребенок как?

- Какой ребенок, дурачок? Всего – шесть недель, он еще такой крошечный, как фасолинка.

- А чего ты мне ничего не сказала?

- Да я и сама еще сомневалась, поэтому и не сказала. Так что не обижайся на меня.

- Я и не обижаюсь.

- Ну, вот и хорошо. Как у тебя-то дела?

- Да у меня все нормально, с работы тебе звоню.

- Ты вот что, Аркаша! Поедешь сюда, захвати мой халат. И кружку с чайной ложечкой, а то тут с посудой – дефицит.

- А что тебе покушать привезти?

- Ничего не нужно, все тут есть. Да я что-то и не очень кушать хочу. Ну, если хочешь, яблок привези, только немного, и водички без газа. Ладно, Аркаша, закругляться нужно, доктор пришел.

- Я тебя целую, милая!

- И я тебя!

Разговор прервался, и я вполне счастливый отправился по каким-то делам в УКС. Меня так и распирало желание поделиться своей радостью еще с кем-нибудь. Что я незамедлительно и сделал, зайдя к Светлане в плановый.

- Наконец-то! – высказалась моя приятельница. – Молодец, Наталья! Кончились твои дни золотые, гулеван.

- Зря ты на меня грессишь, Света! Я теперь человек женатый, значит, порядочный.

- Горбатого могила исправит! Ну, да ничего, не поспишь ночами, позанимаешься с ребенком – дурь быстро слетит! Поздравляю тебя, Аркадий Викторович, сердечно! Береги жену, ей теперь покой нужен и внимание. И баб своих стороной обходи, не тревожь Наталью!

- Да ну тебя, Свет! Ты – как всегда! Я к тебе со всей душой, а ты мне – нотации читать!

- Не нотации, а наставления. Давай, топай, мне начальству нужно срочно одну бумагу предоставить.

- А Тихоходов на месте?

- Откуда я знаю. С утра на месте был.

Покинув плановый, я зашел в приемную, поздоровался с секретаршей

и распахнул дверь в кабинет начальника.

- Можно.

- Заходи, Аркадий Викторович.

Клочко быстро собрала бумаги со стола, и, что-то буркнув

мне в качестве приветствия, проскочила мимо, прикрыв за собой дверь.

- Чего она на меня-то зубатится, Зиновьевич? Ну, послал ее Николай куда подальше – я-то тут при чем?

- Ну вас всех в задницу, сами меж собой разбирайтесь! Ты чего ко мне.

- Помогай.

- В чем помогай?

- Надо с Игорька как-то оставшиеся от сданного в прошлом году дома деньги выбить. Сам знаешь, на спорткомплекс опять средства закончились, цемент и то купить не на что, а этот фраер двенадцать штук уже почти как год должен.

- Он вам так и не заплатил ни рубля? Ему же на позапрошлой неделе миллионов тридцать перечислили.

- Ты под идиота-то не коси! Конечно, не заплатил! Полгода уже тянет. Помогай выколачивать гроши, а то встанет спорткомплекс! А народ разбежится – не соберешь!

- А я-то как их с него выбью? Я же не член совета директоров «Жилища».

- Так папа – член! – я ткнул пальцем вверх, намекая на Рыбака. – По данным разведки Игорек шестьдесят миллионов из области получил. Сходи, порадей. Когда мы своих денег дождемся? А металл и цемент уже сегодня нужны.

- Ладно, схожу, порадею. Ты мне лучше поведай, решил твой Зарубин с деньгами, что папа просит, или нет?

- Я ему твою просьбу передал, а насчет того, что он решил – не в курсе. Ты бы ему сам позвонил лучше. А если долги из Игорька выколотим, я тебе лично гарантирую решение вопроса по хоккеистам.

- Я же сказал, что схожу к Рыбаку.

- Ну и ладненько, я дальше полетел.

- Постой, я тут от девчонок своих слышал, что у тебя прибавление в семье намечается. Правда?

- А то! – я расплылся в улыбке.

- Ну тогда поздравляю! – Тихоходов вышел из-за стола и долго тряс мне руку.

- Спасибо, Зиновьевич! Ты, если у тебя появятся какие-нибудь новости, перезвони мне, договорились?

- Переговорю с Рыбаком, перезвоню.

В коридоре я наткнулся на помятого советника губернатора. Видно попил человек накануне.

- Здорово, Саша! Как жизнь?

- Привет, Аркадий! Ты что не заходишь?

- Да дела все какие-то, некогда.

- Ты заходи, погутарим. Кофе поьем. Или ты чай предпочитаешь? Так у меня и чай имеется приличный. Если помощь какая нужна – помогу. Заходи. Тихоходов, кстати, у себя?

- У себя. Дуй скорей, а то он наверх к папе на свидание собрался.

Вот привязался оппозиционер долбанный! Заходи, да заходи! Чего у тебя не видел? Не хватало еще с Колышкиным дела иметь, порядочные люди потом руки не подадут, подумал я, и отправился к Виктору, управление которого вновь перетащили в белый дом, поделиться своей радостью. Приятель мой тут же позвонил Вере, а потом передал трубку мне, и Вера долго наставляла меня по телефону, как аккуратно и терпеливо мне теперь нужно вести себя с беременной женщиной. Во время всего разговора я, как китайский болванчик, послушно кивал головой и агукал в ответ, понимая, что лучше с Верой не спорить.

- Ох и зануда у тебя баба, Витя! – вернул я телефон Ковалеву, когда фонтан красноречия его супруги иссяк.

- Сам ты зануда! – слегка обиделся Виктор. – Человек тебе добра желает, а ты – зануда!

- Ладно, не обижайся! – я изобразил на своем лице искреннее раскаяние. – Ты лучше расскажи мне, что у вас тут новенького в чистилище?

- А ничего. Если не считать слухов, что Игорек Подгорный собрался из «Жилища» линять.

- Да ты что!
- Якобы на его место Костомарова пророчат.
- Это которого Костомарова?
- Ну зама по экономике из «Спецмонтажа», Николая Ильича. Ты же его должен знать.
- Знаю, неплохой мужик, по крайней мере, грамотный. А куда Игорек собрался драпать, в область?
- А черт его разберет. Может, все это просто болтовня. Слухи – сам понимаешь.
- Дыма без огня не бывает. То, что Костомарова ставят, это – понятно! Рыбак своих людей на хлебные места продвигает. А, может, все-таки решил разгрести эти Авгиевы конюшни, пока их прокуратура не прихлопнула, или сами не развалились?
- Еще бы – не понимать! «Жилище» - золотая жила, оно для этого и создавалось по большому счету, чтобы деньги отшелушивать.
- Надо к ним в контору завернуть, разузнать, что почему? Ну, ладно, бывай, я дальше побежал.
- Вы с Наташей, когда она из больницы выйдет, в гости к нам приходите, сто лет не встречались! – донеслось мне вслед. – Денис так вырос, не узнаете!
- Теперь мне стало окончательно ясно, что при таком раскладе дел наша фирма запросто может лишиться тех денег, что нам задолжало «Жилище». Кто их знает, возьмут и обанкротят фирму, ну, значит, чтобы с нуля начать! А вы, ребята, подтирайте сопли и закатывайте рукава – работать надо! Я сел в машину и помчался к себе в управление, чтобы сообщить все, что узнал, Зарубину, но тот ничуть не удивился, выслушав меня.
- Подгорный давно собирался уходить.
- В любом случае, Николай, бабки нужно срочно выколачивать, а то могут и не вернуть. Мало ли что: затеют какую-нибудь реорганизацию, ищи потом концы.
- Вот тут ты прав, - согласился со мной начальник.

- Я после четырех исчезну?
- Жену навещать пойдешь?
- Надо повидаться и кое-что отвести.
- Привет передавай.
- Обязательно.

Ровно в четыре я уже сидел в приемном покое и ожидал свою ненаглядную. Она появилась в линялом, когда-то, видимо, голубом больничном халатике, и я поднялся ей навстречу. Лицо Наташи мне показалось слегка бледным. Обняв её за плечи, я ощутил такой прилив чувств, что даже страшно стало. Как я только мог до сих пор жить без нее? Расцеловав любимую, я поинтересовался, как она себя чувствует.

- Все нормально, Аркаша!

- А почему такая бледная?

- Я? Сплю целый день от безделья, вот потому и бледная, - улыбнулась мне в ответ жена, и я снова поцеловал ее, чувствуя, как меня переполняет нежность к этой женщине. – Со-скупился? Или скучать некогда? – она обхватила мою голову теплыми ладонями и заглянула в глаза. – Опять, поди, с Иванычем пьете?

- Вчера маленько приняли. Но все культурно. Вера Петровна ужином накормила. Кстати, она тебе привет передавала.

- Правильно тебе сказала Вера Петровна: ничего пока покупать не нужно! Вот выйду, тогда и займемся покупками.

- А когда ты выйдешь?

- Гирс сказала, что, если анализы будут нормальными, то послезавтра выпишет. Ты дома-то что кушаешь?

- Утром, как обычно, а в обед я в столовке перекусил.

- Хочешь опять гастрит заработать. Сходи немедленно в магазин, купи мяса, и суп какой-нибудь свари. Ты меня понял? – Наталья грозно свела брови, но я вновь прижался своей щекой к ее щеке.

- Я тебя люблю! – шепнул я дорогой на ухо.

Наталья откинулась, взглянула мне в глаза и, не стыдясь посетителей, поцеловала прямо в губы, обдав знакомым и дорогим запахом с примесью ароматов больницы.

- Ты мне халат принес?

- Конечно, - я указал на пакет, стоящий рядом на стуле, - там еще яблоки и сок.

Через час после свидания я уже варил дома гороховый суп по рецепту, Натальи. Чего питаться в столовой, если после обеда, через полчаса снова есть хочется. А уже поздно вечером, лежа в кровати, я записывал в блокнот при свете ночника:

Жизнь и смерть повязаны навеки,
но грустить о прошлом не с руки,
на земле останутся, как вехи,
бесконечной жизни родники.

Бьют они то ласково, то звонко,
не приемля мертвой тишины,
голосом восторженным ребенка,
шепотом волнующим жены.

Бьют водой живую неустанно,
наполняя смыслом день и ночь,
в ней когда-то сын омоет раны
и младенца искупает дочь.

Напоят водою этой жито,
чтобы накормить и обогреть.
Влагою хрустальною омыта
твердость веры и земная твердь.

До краев полны небесной сини,
ветра и полуденной тиши
малые сокровища России,
вечные творения души.

И когда зажгутся свечи в Храме
перед искупительным концом,
родников серебряное пламя
обожжет прохладною лицо...

Моя работа в общественном совете, куда я попал не так давно, давала мне возможность встречаться с самыми разными людьми не только районной администрации, но и поселков. А это позволяло быть в курсе жизни всей территории. И, как оказалось при ближайшем рассмотрении, жизнь эта радужной не была. Леспромхозы, при которых и были созданы когда-то все населенные пункты, благополучно сдохли в конце девяностых, а мелкие частные предприятия, возникшие на их руинах, конечно же, не смогли обеспечить работой все высвободившиеся кадры. Особенную тревогу вызывало положение молодежи. Не имея работы и других полезных занятий, она пускалась во все тяжкие. В глубинке процветало пьянство и наркомания. Делались, конечно, робкие попытки вовлечь молодежь в общественную жизнь района, чтобы отвлечь его от пагубных привычек, но основной вопрос дня – безработица, тянул за собой всё остальное.

Руководил работой совета лично Рыбак. Заседания, как правило, начинались с обзора хозяйственного состояния района. Из докладов выходило, что все у нас идет поступательно и по плану. Не знаю, как в других областях экономики, но в жилищном строительстве заботами администрации в районе явно росла этакая аккуратненькая финансовая пирамидка, которая в один прекрасный момент могла обрушиться. Дома, конечно, строились и сдавались, а вот финансовое положение отрасли вызывало тревогу. «Жилище» задолжало почти всем строительным управлениям территории, и деньги исчислялись сотнями миллионов. Хотя, населению на все эти заморочки, по большому счету, было наплевать. Что человеку нужно? Жилье. А жилье – вот оно, пощупать можно! А если

у вас, господа, какие финансовые проблемы имеются, так это – ваши проблемы.

В первые месяцы воцарения Рыбака на престол речь его была довольно косноязычной, частенько мелькали словечки типа «пацаны» или «не канают», что говорило о «богатом» прошлом нашего главы и круге людей, с которыми он общался. Но теперь, спустя почти год, говорить он научился и довольно гладко:

- В этом году нашим строителям необходимо сдать пятьдесят пять тысяч квадратных метров жилья, чтобы в следующем, безусловно, участвовать во всех жилищных программах области. Мы наконец-то должны снести последние ветхие балки в заводском поселке да и покончить с развалинами в центре города.

Члены совета, в основном старухи пенсионерки, прямо-таки млели от таких речей. Многие понятия не имели о тех подводных течениях, которые бушевали под спокойной, на первый взгляд, поверхностью отраслевых рек. Больше другого людей волновали вопросы здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, в которых все нормальные жители разбирались не понаслышке. А вот на производство, основу всего и вся на этой земле, внимания не обращали. Я старался помалкивать на таких собраниях о наших проблемах, тем более что регулярно ставил их на совещаниях у Тихоходова и знал: все эти претензии непременно доходят до Рыбака. Чего людям голову морочить темами, в которых они не смыслят. И к тому же, как я понимал, совет по существу был органом политическим, а не хозяйственным.

- Чего вы там решаете? – частенько спрашивали меня приятели.

- Разное, - уклончиво отвечал я. – Вот на прошлом заседании заслушивали нашего нового главного врача.

- Ну и как?

- Говорит красиво, не отнимешь. А остальное, вы и так лучше меня знаете.

В больнице у нас царил полнейший бардак. Впрочем, как и во всех медицинских учреждениях страны, особенно после развала Союза и провозглашения высшим руководством страны неких реформ в области здравоохранения. Записаться на прием к врачу стало проблемой. Мне как-то понадобилось попасть к онкологу, так пришлось отстоять очередь с четырех часов ночи, чтобы получить талон. А потом еще два дня отсидеть под дверью его кабинета, чтобы попасть на прием. Чуть с бабами в конце второго дня не подрался, чтобы в кабинет попасть. За ручку двери часа полтора, не отрываясь, держался. Хорошо, что у меня все обошлось тогда, грубо говоря, простым прыщиком, а что делать действительно больным людям? Помирать молча, что они и делали. Да, что там говорить! Многие мои знакомые и друзья-одногодки к этому времени уже лежали на Вокуевке, городском погосте. Конечно, не только медицина была в этом повинна, но все же.

Кроме совета Рыбак активно продвигал и другие общественные инициативы. Так, был создан молодежный парламент – прообраз будущего руководства района. Я, конечно, не против того, чтобы молодежь была вовлечена в общественную жизнь, все какая-никакая – польза. Но когда все эти молодые люди постепенно расселись по стульям многочисленных комитетов и департаментов в белом доме, мне стало грустно.

- Вот скажи мне, Витя, что получится из человека на руководящей должности, где-нибудь на предприятии, если он не имеет понятия о тех вопросах, за которые отвечает? – спрашивал я Ковалева.

- Что ты мне такие дурацкие загадки задаешь? Кто здравомыслящий его руководить назначит?

- А в органы управления районом назначить, значит, можно?

- Ты это о чем?

- Да я о пацанах, которых наш папа на службу набирает.

- И правильно делает! Посидят на должностях, поднато-

реют в делах, глядишь, что-нибудь из них и получится. Тем более все учатся в институтах и колледжах.

- Не смеши меня, Витя! Что такой человек мне, например, в моих служебных делах посоветовать может?

- А зачем ему тебе что-то советовать? Он руководить посажен, а не советовать.

- Во-во! От чего плясали, к тому и вернулись! Ткачиха может руководить государством. А теперь, значит, вчерашний школьник, пороху на производстве не нюхавший! Что из этого получилось, мы уже проходили. Помнишь, как при советской власти кадры подбирали. Может быть, поэтому и меньше бардака было.

- Ты еще про царя Гороха вспомни!

Я попытался как-то начать разговор на эту тему с Иванычем, но мой друг остановил меня:

- Не мечи бисер перед свиньями, Аркадий! Ничего ты в этой системе не изменишь. Сейчас главное – это преданность клану, а не знание дела. Ты не видишь, что в руководстве страны происходит? То же самое.

- Достало уже это все до печенок!

- А достало, так чего ждешь? Нищему собраться – только подпоясаться! Вон сколько народу уже за бугром обосновалось.

- А ты что же? Меня учишь, а сам?

- Ну, во-первых, я уже старый, кому я там нужен? А, вторых, Аркадий, я придерживаюсь старых принципов. Родина у нас - одна! И менять ее на что-то не собираюсь.

- Я тоже уже не мальчик, тех же принципов придерживаюсь. Да и вожачки наши тоже, я так думаю. Кто им там за бугром так бесцеремонно себя вести позволит? Вон Березовский сбежал в Англию, и что? Только в карман России гадить и может! Да и кто бы его там держал, если бы не гадил? Давно бы выдали. У тебя хоть дети там.

- Так они почти дома, в Финляндии. Два часа на машине от Питера.

- И то ладно, что рядом! Европа – она девка злая, ухо остро держать нужно! Англосаксы, они и есть – англосаксы, всегда, во все времена готовы за счет России пожить.

- Ну, положим, некоторые там себя вполне комфортно чувствуют. Абрамович например. А дети – у них своя жизнь, поздно теперь вмешиваться.

- Приплачивает Рома кому нужно, а то бы тоже давно в кутузке парился, как Ходорковский.

- Ходорковский, допустим, тоже приплачивал. Главное, не суется наш Рома в кремлевские дела, вот и живет! А деньги и из Газпрома взять можно, никто и не заметит. Пара, тройка миллиардов – мелочь по сравнению с мировой революцией. Так что ничего у нас не изменится, Аркадий, не скрипи зубами! Живи спокойно. У тебя – семья, сын скоро родится.

- С чего ты взял, что сын?

- Ну дочь! Чем хуже? Забирай Наталью из больницы и дуйте куда-нибудь отдыхать.

- Некогда сейчас, на работе запарка.

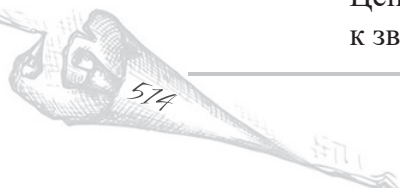
- Плюнь! Там всегда запарка. Здоровье – дороже!

В пятницу я забрал Наталью из больницы, а в субботу мы решили сгонять на Озеро. Погода стояла отменная, полетному солнечная и жаркая. Дорога не заняла и часа. Каждый раз, когда я приезжал сюда, я не уставал восхищаться красотами этого места. Даже стихи как-то сочинил:

Знаешь, давай помолчим –
вслушайся в звуки природы.
Отсвет небесной парчи
лег на озерные воды.

В эти минуты острей
чувствуешь раннюю осень.

Цепкие пальцы корней
к звездам взметнувшихся сосен

тонут на кромке песка,
в зелени трав и соцветий.

Как отшалившие дети
волны стихают, устав.

Щука ударит хвостом,
птица встряхнется понуро –
так погружается в сон
вязкая гладь Эринтура,
лунной дорожкой дрожа,
не предвещающая ненастья.

И замирает душа
от ощущения счастья.

Эринтур – с языка местных аборигенов – «поющее озеро». Вокруг него стояли вековые сосновые боры, а дно было песчаным и чистым. В первый раз я попал на Эринтур в начале семидесятых, когда и дороги-то к нему по существу не было. Расстояние семьдесят километров ползти пришлось на вездеходе ГАЗ-72 часа четыре по болотам, на которые была просто наброшена гать из стволов деревьев, даже не присыпанная песком. Пейзаж дополняли корявые стволы низкорослых сосен, торчащих прямо из болотных кочек. Но мы в те времена были совсем юны. И даже такая дорога в предвкушении встречи с прекрасным нас не утомляла. Озеро, как и сейчас, появлялось совершенно неожиданно, сначала синей полоской между стволов сосен, а потом на спуске с гривы – всей своей ширию, которая простиралась до горизонта. От неё захватывало дух. Ощущение бескрайности этих просторов тогда просто ошеломило меня, и в первый раз я почувствовал неброскую, но величавую красоту этого таежного края. Вырос я на Дальнем Востоке, и, когда приехал сюда по армейскому призыву строить железную дорогу, природа мне совершенно не понравилась: болота да кривые сосенки на них. Сосна угнетенная, как пояснили мне

люди, знающие толк в ботанике. Дальневосточная тайга была ярче, разнообразней, как восточный базар против нашей барахолки, где торгуют потертыми и выцветшими вещами. Правда, таких светлых и чистых сосняков на беломошниках мне раньше тоже видеть не приходилось. А еще и море рядом. Ну, что море – почти такое же, как Охотское: по большей части во все времена года холодное и суровое.

Щук в те времена водилось в озере в несчетном количестве, что ни заход с бреднем, то штук семь, восемь. Это сейчас, когда леса вокруг озера выхлестали ретивые лесозаготовители, оставив только тонкую, километровую полосу около воды, оно обмелело и обезрыбило. А тогда! Я помню, как из Новосибирска приехал отец Бени, моего безвременно ушедшего друга, и мы его привезли сюда. Пожилой человек, повидавший всякого, был напрочь сражен увиденным. А посмотреть было на что. В длину озеро было километров семь, а из дальнего его конца, куда можно было добраться только на моторной лодке, вытекала небольшая речка под названием Ах. Она протекала через каскад небольших заболоченных озер и попадала в следующее большое озеро Рангетур. В самой речке ловились прекрасные, граммов по четыреста, окуни, а около истока белели на глади воды нежные цветы кувшинок. Желтая кубышка процветала на всех известных нам водоемах района, а вот лилию мы увидели впервые здесь, на Эринтуре.

- Зачем вам юга, ребята? – сказал нам Витькин отец. – У вас здесь такой курорт, почище всяких Анап будет.

И даже сейчас, потеряв своё прежнее великолепие, Озеро было самым желанным местом отдыха жителей города и поселков. Тем более что какую-никакую дорогу к этому времени лесники сюда проложили. А нефтяники даже кое-какие участки заасфальтировали, что бы подъезжать к скважинам. Жалко, что друзья мои уже этого не увидят, скосила их костлявая до срока.

В моих ночных раздумьях иногда
моих друзей забывшиеся лица

приходят чередою сквозь года,
чтобы душою воссоединиться.

Как будто нас никто не разлучал –
здесь и ушедшие давно,
и те, кто живы.
Зов верности –
покинутый причал
собрал ладьи на бирюзе залива.

Морщины чертят лица –
знак беды,
рубец потерь,
порез приобретений.
В их многогранности хитросплетений
угадываешь вечности следы.

Упорное,
негаснущее племя –
вперед, себя на прочность проверяя.
Все меньше вас –
бескомпромиссно время.
Теряем все,
теряем все,
теряем.

Теряем, это – точно! Наталья мне как-то сказала, что я живу за всех за них, и нечего Господа гневить.

- Ты бы поберег здоровье, Аркадий, да пил поменьше!
Один остался из всей компании.

- Так уж и один!

- Это пока...

Берег озера был совершенно пустынен – мы приехали первыми. Выгрузив из машины поклажу, я занялся сучьями для костра, а Наташа расстелила одеяло на песке, подставив белые плечи под лучи пригревающего светила. Дул легкий

ветерок, загоняя надоедливых комаров и мошку в кусты, поэтому загорать можно было вполне комфортно. Дрова в этих чистых лесах найти было непросто, все подобрали неугомонные отдыхающие. Лежали на земле сваленные ветром стволы сосен, но уже без сучьев. Я потратил не меньше получаса, чтобы собрать охапки две годных для костра обломков и щепок, и тоже прилег отдохнуть рядом с любимой.

- Красота! – произнесла Наташа, приподнявшись на локте и посмотрев из-под ладони на искрящуюся рябью гладь воды. - Помнишь, как мы на том берегу кувшинки собирали?

- Конечно, помню, - я потянулся и поцеловал Наташку. – Правда, давненько это было.

- А как будто вчера.

Наталья вспомнила тот случай, когда она еще студенткой работала в нашем управлении командиром отряда. У меня в те далекие времена был знакомый егерь, проживавший здесь же, на кордоне вместе с женой. Он и повез нас утром ловить окуней в ту самую речушку Ах, вытекающую из озера. Вот там, в заливе, мы впервые и увидели качающиеся на воде белоснежные чашки лилий. Я даже и не думал, что они растут на Севере. Мы тогда нарвали целый букет и привезли в ведре с водой в поселок, вызвав восторг девчонок из стройотряда...

Я вновь поцеловал жену:

- Ты как себя чувствуешь?

- Нормально, - улыбнулась Наталья. – Давно так хорошо не было. Послушай, какая тишина.

Я прислушался. Действительно, было удивительно тихо. Слышен был только редкий плеск накатывающейся волны у кустов. Обычно издалека, с другого берега доносились звуки работы тяжелых машин нефтяников, объезжающих кусты, да рев редких лесовозов. А сегодня почему-то стояла тишина.

- Это ненадолго, - я вновь откинулся на одеяло. – Не успеешь оглянуться, как люди подъедут. Может быть, чаю вскипятим?

- А давай! – встрепенулась Наташа. – Ты есть хочешь?

- Можно.

Пока я занимался костром, на берег начали прибывать новые компании. Кое-кто здоровался с нами, так как город наш был не слишком велик и почти все жители либо знали друг друга, либо где-то и когда-то друг друга встречали. Дети шумно плескались на мелководье, а на берегу, где пляж был пошире, уже начали играть в волейбол. Чайник вскоре вскипел, и мы с Наташей приступили к еде. Закончив завтрак, мы собрали посуду, и я отошел подальше от пляжа, чтобы ее ополоснуть. Не торопясь, я тщательно перемыл тарелки и чашки с песком и сложил все в полиэтиленовый пакет. А поднявшись с корточек, я увидел прямо перед собой одетую в шорты и открытую маечку Елену, которая с улыбкой смотрела на меня. Сквозь тонкую ткань майки нахально, не скрываясь, торчали розовые соски. Аппетитная такая девушка. Я почему-то смутился и застыл, как пень, не зная, что сказать.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – улыбнулась Елена.

- Привет! – не слишком дружелюбно ответил я, злясь на себя и за неожиданное смущение, и за то, что взгляд мой произвольно возвращался к этим, торчащим из под маечки, соскам.

- Я слышала, вас поздравить можно?

- Это с чем?

- Наталья Алексеевна беременна или я ошибаюсь?

- А тебе, откуда это известно?

- Деревня-то у нас маленькая, Аркадий Викторович, ничего не скроешь.

Я стоял и беспокожно переминался с ноги на ногу, думая только о том, чтобы здесь неожиданно не появилась Наталья и не застала нас вдвоем.

- А кто будет: мальчик или девочка?

- Понятия не имею.

- Как так? – удивилась Елена. – А разве вы УЗИ не проходили.

- Не проходили, - ответил я и обошел девушку стороной, всем своим видом показывая, что разговор окончен. – Ты прости, мне идти надо.

- До свидания, Аркадий Викторович! – донеслось мне вслед.

«Вот черт! – запоздало мелькнуло у меня в голове. – Не хватает только Наталье ее увидеть! Весь отдых – козе под хвост!»

Наталья лежала на прежнем месте, нежась под лучами солнца, и листала какой-то женский журнал.

- Помыл? – она приподняла голову и улыбнулась мне.

- Помыл, - облегченно ответил я, плюхаясь рядом.

- Может, искупаемся? – спросила Наташа.

- А давай! – я поднялся и потащил к воде надутую еще по приезду резиновую лодку. – Пошли покатаемся, за речку сплаваем.

Я усадил Наталью в лодку и потащил ее по воде за шнурок в сторону мыса. Вода была такой мелкой, что резиновое днище лодки то и дело задевало песок. Метров через сто мы попали в старицу втекающей в озеро речки.

- Помнишь, я тебе рассказывал, как мы здесь щуку ловили! Вот в этой самой старице.

- Это когда Вдовенко щуке хребет переломить пытался?

- Ага.

Давно, еще лет пять назад, мы с мужиками ездили сюда, бродить с бреднем и вытащили щуку килограммов на десять. Самым старшим по возрасту был Женя Вдовенко, поэт и просто хороший человек. Он-то и взялся укротить разбушевавшегося на берегу щуку.

- Я ей сейчас хребет сломаю! – объявил он, безуспешно пытаясь схватить прыгающую по глинистому береговому откосу рыбину.

Щука не желала быть с переломанным хребтом и так двинула Женю в грудь, что тот сбрыкал в прибрежную глину, только пятки сверкнули.

- Держи! – заорал Ковалев, бросаясь на щуку всем телом. – Хрен старый, чуть не упустил!

Щуку мы, конечно, уgomонили, а потом, когда возвратились

к месту стоянки, долго смеялись, вспоминая, как взлетел в воздух вверх тормашками наш товарищ...

Здесь, в старице, оказывается, тоже росли кувшинки, и я набрал Наташе целую охапку. Это сейчас я уже знаю, что когда в озере начинают разрастаться кувшинки, оно превращается в болото. И то, что это естественный процесс природы, тоже знаю. Но, когда смотришь на мрамор лепестков, белого, с непередаваемыми оттенками цвета, об этом не думаешь.

- А я Елену встретила, - неожиданно сообщила мне жена и странно как-то взглянула на меня.

- Какую Елену? – прикинулся я.

- Твою, твою, какую еще.

- Какую еще мою?

- Сам знаешь.

Я понял, что дальше валять Ваньку не стоит.

- И где же ты ее встретила?

- Здесь, где же еще. Полчаса назад.

- Ну и что? Ты зачем мне это сообщаем?

- Просто так. Думала, тебя это заинтересует.

- А с чего это меня должно заинтересовать?

Что за сволочной характер у мужиков: нет бы сказать, что тоже видел свою бывшую подругу, подумаешь, какие дела! Нет, нужно изворачиваться, врать. Хотя, если подумать, скрывать-то было что. Я вспомнил торчащие Ленкины соски, и отвернулся от Натальи, чтобы скрыть возникшее на моем лице смущение.

- Ну что, поплыли назад? – спросил я Наташу, и она, молча кивнув мне, откинулась на резиновый борт.

Больше мы к этой теме не возвращались, но до конца дня я боялся даже посмотреть в ту сторону, где веселилась шумная компания, с которой Елена приехала. А вот какой-то нехороший осадок на душе остался, будто я в чем-то обманул свою дорогую и любимую.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Осень, как и зима, пролетели стремительно, а в марте у нас с Наташей родился сын. Совершенно спокойный ребенок, в отличие от Дениса Ковалевых. Зря меня Витька пугал бессонными ночами, ежедневной стиркой и прочим – мальчик почти не плакал и не капризничал, только открывал рот, когда хотел есть. И, как всякий нормальный ребенок, подавал голос, чтобы сменили мокрые пеленки. Я, шутки ради, дожидаясь, пока не подойдет Наталья, пытался совать ему в рот пустышку, но он выплевывал ее и чмокал розовым беззубым ртом, ища грудь. Наталья ругалась:

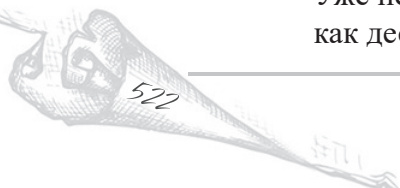
- Чего ребенка мучаешь, ирод! Видишь, мальчик кушать хочет. Ну иди ко мне, мой маленький, мама тебя сейчас накормит.

Сына мы назвали Виктором в честь моего отца, чему он был, конечно, несказанно рад, хотя, когда я ему об этом сообщил по телефону, даже не подал виду.

- Виктор Аркадьевич, значит, - только и произнес в трубку.

Но я-то знал своего отца, чтобы даже на расстоянии почувствовать его радость. Немногословный, человеком он был добрым, а главное – справедливым. Мама у нас умерла рано: с молодых лет болела неизлечимой болезнью крови, и чувства мои к отцу были что ли более глубокими, чем к ней. Хотя, о чем тут говорить. Мать – есть мать, и ее никто не заменит. Тем более что все те редкие достоинства, которые во мне имелись, были заложены именно ей. Страсть к чтению, например. Человеком она была строгим, но справедливым, такой и осталась в моей памяти. Когда у меня остался только отец, я всегда и почти безошибочно ощущал его настроение на любом расстоянии. Любил я своего папку, бывшего военного летчика, и всегда, когда получалось, писал о нем стихи:

Уже не такая осанка,
как десять тому или пять,

и старую шапку-ушанку
упрямо не хочешь менять.

При встречах – от радости светел,
обидчив до слез, как малыш,
любой непорядок заметив,
на жизнь сокрушенно ворчишь.

Не радуют больше застолья,
все чаще – один да один.
Пронзительно жалко, до боли,
твоих поредевших седин.

Привычно меня поучаешь,
с укором прищутив глаза.
Мгновеньями годы мелькают
и нет поворота назад.

И я, постарев, но не слишком,
открыл для себя, наконец,
что вечно останусь мальчишкой,
пока ты на свете, отец.

Наталья занималась сыном, а на меня свалились заботы по дому. Пришлось, и готовить, и стирать, и заниматься уборкой. Но, что странно, все это не доставляло мне особых хлопот, а мыть посуду даже нравилось. Видимо, жила где-то в подсознании любовь полоскаться в воде. Может быть, в предыдущей жизни я был выдрой или енотом. Но вот мыть полы... Не просто не любил, а ненавидел. Не знаю, почему. Протирать пыль с мебели, или пылесосить квартиру мне не доставляло труда, но вот мытье полов требовало немалых моральных усилий. Может быть, потому что этим занятием мне пришлось заниматься с глубокого детства, поскольку мама у нас частенько лежала в больнице, а отец отсутствовал

на службе. Поэтому уборка по дому лежала на мне. И когда я драил в нашей квартире пол, мои друзья гоняли по улице, играя в футбол, или убегали рыбачить на ближайший водоем. С тех пор я ненавижу это занятие, хотя и приходится им заниматься.

- Не пойму, что тебе в этом не нравится? – говорила мне Наташа, отбирая тряпку. – Плинтуса нужно тоже мыть, а не только сам пол. Иди с сыном посиди, я сама домою. А еще лучше – сходите, погуляйте.

Гулять с мальчиком я полюбил с самого начала. Берешь ребенка, одеваешь, кладешь в коляску и – вперед! Пока бродишь по тротуарам, кучу знакомых повстречаешь, все новости узнаешь. А еще я люблю купать сына, и он тоже любит это дело. Я набираю воду в ванночку, стелю простынку и опускаю туда белое, нежное тельце. Сын смешно шевелит ножками и ручками, щеря от удовольствия розовые десны. А по пятницам, правда не каждый раз, Наталья отпускает меня после работы, на несколько часов, пообщаться с приятелями. В качестве поощрения за примерное поведение в течение недели, если можно так выразиться. Надо сказать, что со всеми этими домашними заботами встречаться мне с друзьями приходится довольно редко. Но что тут поделать – семья есть семья.

Последний раз мы собрались вместе, всей компанией, когда нашему сыну Виктору исполнилось два месяца. Стоял май, ветреный и холодный. Хотя, чего хулить погоду, в отдельные годы мы ухитрились загорать уже и в Первомайские праздники. А на День Победы мог выпасть снег по колено. Но, как пишет Эльдар Рязанов: у природы нет плохой погоды!

Собрались мы у Иваныча на фазенде, в профилактории, так как любимый ресторан наш закрылся на ремонт. Да и по ресторанам я ходить опасался, ни к чему это, можно на неприятности нарваться запросто. Как потом с Натальей объясняться?

- Что-то редко мы встречаться стали, други мои, - Иваныч резал колбасу, раскладывая ее на тарелку, - нехорошо это.

Я в это время расставлял рюмки, Виктор щелкал пультом, беспрерывно переключая каналы.

- Кончай балду гонять, Петрович! – появился на пороге гостиной с кастрюлей дымящейся картошки Николай. – Разлей лучше. Чего ты там, в этом телевизоре, не видел?

- Сейчас новости начаться должны.

- А на кой они тебе, Витя? – спросил я, разливая водку по рюмкам, так и не дождавшись Ковалева. – Одно и то же талдычат: как у нас все хорошо, как здорово – Рыбака пиарят. Ты же среди этих новостей целый день на работе крутишься. Не надоело?

- А ты что хотел, чтобы тебя пиарили? – Иваныч отложил нож и уселся за стол. – Вот будешь главой района, тогда и про тебя на всех углах сплетничать будут. Все готово, господа, давайте выпьем, водка стынет.

- Ничего я не хотел. Просто надоело слушать, какой у нас Рыбак хороший и правильный, и как мы всяческие программы осваиваем героически.

- А разве нет? – вмешался в разговор Ковалев. – Как ни крути, а почти все программы, что в области имеются, у нас работают.

- Ага. Ты бы лучше помолчал. А то мы не знаем, как они работают. Давайте лучше выпьем, - перебил Виктора Николай. – Иваныч, за тобой тост.

- Давайте, мужики, выпьем за то, чтобы эта встреча была не последней, - поднял рюмку Стешнев. – Чтобы дети росли здоровыми и радовали родителей. Быть добру!

Мы чокнулись и выпили.

- Берите, мужики, капустку, - пододвинул тарелку на середину стола Иваныч, - знатная капустка, Вера Петровна третьего дня квасила.

- Ты лучше скажи, Александр Иванович, как у тебя на руднике дела? – спросил Николай, хрустя капустой. – Акции еще не отобрали?

- А чего их отбирать, - ответил вместо друга я, знавший

положение дел на предприятии Стешнева от него же - работы их сами отдали.

- Как так? – удивился Николай.

- А вот так, - помрачнев, подтвердил Стешнев.

- Ну так расскажи. А то я так понимаю, что у нас только Аркадий в курсе дел.

- Нечего особенно рассказывать, сам знаешь, как это делается. У тебя в «Ремонтнике» точно так же было. Только там Феофанов постарался, а у меня москвичи. Народу сунули леденец, он и обрадовался, распродал бумаги по дешевке. А то жди какие-то дивиденды, и будут ли они еще?

- Так ты теперь на птичьих правах сидишь?

- А что мне: будут доставать, написал заявление и – на пенсию! Чего пролетариату терять, кроме своих цепей? Пока нужен, видимо, вот и держат, а найдут замену – быстро под зад пинком, чтобы воздух не портил. В министерстве сейчас все больше молодые сидят, борзые, для них прошлые заслуги – пшик!

- Потише вы! – перебил говорящих Виктор. – Не слышно ничего.

По телевизору ведущий рассказывал, что район занял второе место по области в части освоения денег на капитальный ремонт старого жилья, и что в следующем году администрация района рассчитывает освоить еще большие суммы вложений.

- Вот, Аркадий, ты все на белый дом тянешь, - усмехнулся Стешнев. – А ведь не все так и плохо. Правда, Виктор?

- Ты лучше мне об этом не напоминай. Ремонтировали мы прошлой осенью два дома на Железнодорожной, - ответил я вместо Ковалева. – Рыбак и тут спереть ухитрился. Хоть на проектировании – да спер! Отдал делать проекты своей карманной фирме из Угорска. А баба там сидит без мозгов. Ей только сортиры проектировать. Такое фуффло настряпали, смотреть противно! Водосточных труб и тех вполонину против нормы поставили, а деньги этой самой проектировщице

по полной заплатили. Благо, экспертизы на капитальный ремонт не нужно.

- Чего ты все злишься, Аркадий? – разлил по рюмкам Виктор. – Тебе-то что?

- А то. Людям вода с крыши на окна льется, водосточек не хватает, а нам, как подрядчикам, жалобы приходится выслушивать да отписываться заказчику. Все всё понимают, только делать ничего не хотят. Мы в этом году за этот самый капремонт и браться не будем: навару – ноль, а маяты столько, что грыжу заработать можно. Особенно на смене внутренних сетей: с каждой бабкой воевать приходится. Кто пускает в квартиру, а кто упирается.

- А чего ты с каждой бабкой-то воюешь, есть же товарищества жильцов?

- На бумаге-то они есть. Состряпали по-быстрому, чтобы в программу попасть, а фактически ничего эти товарищества не решают. Передали все полномочия управляющей компании, а она у нас пока одна в городе, и вы знаете, как работает.

- Кончайте вы про работу! – возмутился Николай. – Мы что здесь про работу говорить собрались?

- Вот это ты правильно, Коля, сказал, - поддержал его Иваныч. – Что мы все о работе да о работе? Давайте лучше – о бабах! – хохотнул он. – Наливай, Виктор, не филонь! Как у тебя, Аркадий, сын растет?

- А что ему сделается, растет не по дням, а по часам. Уже семь килограммов тянет.

- А у тебя, Виктор?

- А у меня уже ходит вовсю, успевай только поворачивайся, чтобы чего не стащил на себя со стола или не залез, куда не надо.

- Вот давайте за них и выпьем, - поднял рюмку Иваныч, - может, им в лучшие времена жить получится.

- Времена не выбирают, в них живут и умирают! – философски изрек Николай. - Чего там еще по телеку рассказали? – повернулся он к Виктору.

- Про спортивный комплекс, что Аркадий строит.

- Да, кстати, ты бы рассказал, Аркадий, про комплекс-то, что в него входит? А то весь город трещит про стройку, а что там строится, никто толком не знает.

- Ничего там еще не строится, только ноль закладываем. Нужно конструкции заказывать, а для этого деньги нужны.

- Так вам же область сто миллионов перевела, – вмешался Виктор, - я сам от Тихоходова слышал.

- Перевести-то перевела, но, где они – никто не знает. Тот же Тихоходов говорит, что казначейство не разблокировало средства, а по какой причине – молчит. Но я догадываюсь, в чём причина.

- А в чем? – задал вопрос Виктор.

- Гоняют где-нибудь эти самые бабки, в первый раз что ли? – усмехнулся Николай.

- Ты не прав, Коля, - Виктор, наконец-то, выключил телевизор, - бюджетные деньги гонять – себе дороже: капнет кто-нибудь в область, мало не покажется!

- Рассказывай. А то у меня жена не в финоргане работает, еще как гоняют. И кто капнет, ты что ли?

- Кончайте спорить! Продолжай, Аркадий, что там все-таки на этом комплексе будет? – прервал спорщиков Шешнев.

- Ледовая арена, универсальный спортивный зал на три волейбольных площадки, тренажерные залы, ну и бытовки всякие с раздевалками и душевыми. Еще буфет есть и две ВИП ложи.

- Ну одна, допустим, для Рыбака, а другая-то для кого?

- Не знаю, проект такой.

- Значит, если все нормально будет, еще и в хоккей поиграем, - заключил Иваныч. – Помнишь, как в СМУ когда-то молодые с ветеранами резались? Тебе еще Володька, твой шофер, в нос клюшкой въехал? Николай, ты же тоже тогда играл?

- Конечно. Знатный был матч.

- Хорошее было время, - мечтательно протянул я. - На коньках по сто лет не стояли, а играть – играли. У меня тогда ноги уже отказывали, а тут – Володька навстречу летит такой же. Я отвернуть не могу, и он – тоже, да еще клюшку перед собой выставил. Я и врезался в нее носом.

- Зато потом, после матча знатно посидели, – заметил Николай.

- Ну это – дело святое, как водится!

- Давайте, ребята, Кузьмича помянем. Если бы не он, не было бы у нас таких мероприятий. Хороший был человек.

- Его всё ваша председатель профкома на дочке своей женить хотела, - вспомнил Виктор.

- Ольга Александровна, что ли?

- Она самая.

- Кузьмич – не такой лох, чтобы на Ленке жениться! – вмешался в разговор Николай. – Но от ЗАГСа он тогда точно – едва ушел! Мертвая хватка была у Ольги Александровны.

- Ничего, справились, - вспомнил я про себя события давно минувших дней.

- Кончайте трепаться! Рюмка – не микрофон! – вмешался Иваныч. Давайте, за Кузьмича! Пусть земля ему пухом будет.

Мы встали, и молча, не чокаясь, выпили.

- Кстати, Аркадий, - Стешнев вновь взялся за бутылку. - Я тут вчера Игорька в магазине встретил.

- Подгорного, что ли?

- Да нет. Рыжего.

- Адвоката?

- Его самого. Вид опять вполне вальяжный. В нашей адвокатской конторе, оказывается, ошивается.

- Да ты что! А я думал, что он навсегда пропал. Не узнал, где его черти носили?

- Не говорит, опасается, видимо, что Хрущ когда-нибудь может вернуться, и опять скрываться придется.

- А этот, где теперь, не знаешь?

- Нет. Как начало ему новое руководство РОВД хвост

прижимать, так и исчез. А сейчас у нас в городе уже новый положенец сидит, татарин какой-то.

- Это вы о ком? – спросил Николай. – Вы с Хрущем дела, что ли какие имели?

- А ты что, не помнишь, как Аркадий в больничке валялся?

- А-а, так вы еще о том случае! А я-то думаю, на кой им положенцы какие-то понадобились. Но, как говорится, раз Хруща сменили, значит, это кому-нибудь нужно! Наши, отечественные бандюганы всегда власть подкармливали.

- Кстати, никто не знает, где сейчас Шацман отирается? Сто лет его не встречал, – спросил я.

- Э, да ты, видно, заработался, дорогой! – отозвался Николай. – Шацман уже давно в Москву слинял.

- Да ты что?

- А ты ничего не слышал? Странно. Ну что он у москвичей начальником УКСа по строительству жилого комплекса в Угорске работал, надеюсь, знаешь.

- Ну это я не хуже твоего знаю: у него в соседнем подъезде офис располагается, рядом с нашим.

- Нет его уже там.

- Странно, а я как-то и не заметил.

- Смылилась фирма, – подтвердил Стешнев. – Отмыли ребята деньги и растворились.

- Во-во! – Николай откинулся в кресле. – А Яковлевича с собой забрали.

Я припомнил, что давненько не видел Сашу, инженера ПТО в этом самом УКСе, с которым раньше пересекался по службе.

- Яковлевич нигде не пропадет, он мужик головастый. Жалко, что его Рыбак скушал. Тихоходов ему и в подметки не годится.

- Это ты в самую точку попал! – отозвался Николай. – Хоть и орал, зараза, а дело знал. А сейчас весь УКС, в полном составе номер отбывает, а решать вопросы некому. Привыкли, что за них дядя думать будет. Я намерен Тихоходову все в

лицо высказал: гони, говорю, своих работничков взашей, новых ищи.

- А он что? – спросил Виктор.

- А он ржет и только! Я-то его понимаю, чем больше дураков вокруг, тем меньше вероятность, что тебя подсидят. Да и связываться не хочет, ты же его характер знаешь.

В комнате на минуту повисло молчание, каждый размышлял про себя, переваривая услышанное.

- Ну что, мужики, по последней? – предложил я.

- Давайте закружаться, - поднялся первым Виктор, - а то меня Вера Александровна с потрохами съест.

Я поднялся следом:

- Спасибо, Иваныч, за приют!

- Вы что, так рано, - завозмутился Николай, - еще только половина девятого!

- Извините, ребята, не могу! – твердо заявил Витька, я поддержал приятеля.

- Пускай едут, - сказал Стешнев, - их жены и дети дома ждут! А мы с тобой, Николай, еще посидим, верно? У нас с тобой малых детей нет, Коля, поэтому нам и можно. Ребята, скажите водиле, чтобы вас домой отвез. Он в гараже ждет.

- Спасибо, Иваныч!

Мы распрощались с друзьями и покинули это гостеприимное место, где так приятно посидели. Дома меня ждали Наташа и сын, и огорчать их мне не хотелось.

Наступило лето, работа на стройках кипела. На школе во всю шла отделка помещений, а на спортивном комплексе монтаж конструкций. Я целый день, как волчок, крутился на объектах, даже пообедать толком времени не хватало.

- Ты посмотри на себя, на кого стал похож! – корила меня супруга. – Кожа да кости – смотреть страшно!

- Были бы кости – мясо нарастет! - смеялся я.

Общественная жизнь тоже была ключом: приближалась осень, а с нею выборы городского главы и депутатского

корпуса нашего славного населенного пункта. Освобождались хлебные места, и борьба предстояла нешуточная. Областные власти требовали от Рыбака безоговорочной победы единороссов, но кто мог это гарантировать. После того, как Колышкин из оппозиционеров вылез в советники губернатора, его пути круто разошлись с путями бывших единомышленников. До этого он ел Рыбака поедом за малейшие просчеты в работе, писал телеги куда нужно и не нужно, а тут вдруг воспылал любовью:

- Мы тут с Сергеем Викторовичем подумали!.. – или: - Рыбак во всем разберется, он человек с головой!

Когда-то я написал пару строф и обозначил их посвящением: лизоблюду, подразумевая собирательный образ клерка из нашего белого дома, да и не из нашего тоже. И сейчас, глядя на Колышкина, так и подмывало продекламировать:

Обычно напряжен и озабочен,
угодливо подтянут и побрит,
готов сиять улыбкою, короче,
всех, кто имеет власть, боготворит.

Прогнувшись до земли, слюну пуская,
он радостно взлетает в облака,
когда его за ухом поласкает
холеная хозяйская рука.

Говорить с ним на тему чего-то неладного в управлении районом или пытаться напомнить о его вчерашних собственных взглядах на ту или иную социальную проблему было бесполезно. Все напрочь забыл! Еще бы: дочь на работу пристроили, самому платили не меньше чем заму главы администрации, отдыхать – и то в санаторий отправляли! И самое странное: на вопрос: с чего это общественнику такие льготы, сам Рыбак вместо ответа советовал не лезть не в свое дело. Не иначе как иметь Колышкина под рукой было приказано

сверху. А то натворит еще чего-нибудь! Стешнев, глядя на всю эту странную возню, высказался категорично и определенно:

- Плесень! Это, знаешь, когда продукт испорчен, сколько его ни обрезай и не положи, плесень внутри всегда остается, хоть ее и не видно. Губернатор, конечно, понимает, что такое Александр Васильевич, но приставил его к Рыбаку, а тому, и деваться некуда. Будет теперь Колышкин строчить по каждому поводу, не сомневайтесь, для того и посажен. А в остальном ты же его знаешь. Главный лозунг: где бы ни работать, лишь бы не работать! Не зря же он за время своей, так называемой карьеры, и дом двухэтажный построить успел, и машина у него не самая плохонькая. Это тебе пахать нужно, чтобы семью кормить, а Саше это ни к чему. Его язык да авторучка кормят.

Андрей Павлович Елкин, депутат городского совета и бывший друг Колышкина по борьбе с властью, тот публично и вовсе не лестно отозвался о своем соратнике:

- Проститутка!

Надо думать, он имел в виду известное высказывание Ильича. Хотя надо отметить, что и сам Елкин как-то незаметно, тихонько из справедливороссов перекрестился в коммунисты, что тоже не красило его в глазах населения. Весь этот мышинный галопчик за власть меня сильно смешил, было интересно наблюдать, что из всего этого получится.

Так называемая партия власти во главе с Рыбаком выдвинула на город молодого и амбициозного заместителя начальника счетной палаты. Парень он был неглупый и вполне мог тянуть нелегкую лямку градоначальника. К тому же человеком он был коммуникабельным, а в дележе бюджетных денег замечен не был. Хорошая кандидатура на главу. Правда, при таком окружении я бы не удивился, что через пару лет градоначальства мы бы его могли и не узнать. Портит власть человека! Мой друг Витя был от него в восторге:

- Саша – тот самый товарищ, кто сумеет навести в нашем курятнике порядок!

- А чем Елкин-то хуже? – возражал я, пытаюсь вывести Ковалева из равновесия. – Депутатом был, членом областной общественной палаты был. К тому же всякую власть критиковал и не раз. Помнишь, какие митинги у белого дома собирал? Вот пусть и поработает главой, покажет, как дела вести нужно.

- Ты чего, Аркадий, смеешься что ли? – возмущался Витька. – У него же не все дома. Работать – это тебе не глотку на митингах рвать! Да и какой из него хозяйственник? Так – пшик!

- А твой Саша – хозяйственник? Кроме бумажек, что в счетной палате перебирает, тоже ничего не видел. А город – это предприятие и не маленькое, здесь опыт иметь нужно.

- Будто у твоего Елкина какой-то опыт имеется! – кипел Ковалев. - Ты же знаешь, он бывший вертолетчик на пенсии. Его и на пенсию-то отправили, потому что надоел всем сослуживцам хуже горькой редьки. К тому же теперь всем видно, что он цветной: сначала за одну партию теперь за другую! Кто больше платит, тот музыку и заказывает!

- Зато Саша твой – человек Рыбака, а к главе районному у народа тоже много претензий. Особенно по деревням, что он так усердно по поселкам лепит, да и по другим вопросам. Боюсь, пролетит ваш кандидат на выборах, как фанера над Парижем. Народ – он говорит одно, а делает другое!

- Не пролетит. Молодежь подключим к агитации, спортсменов.

- Зря вы, мужики, спорите, - оборвал нас как-то Иваныч. – Народ у нас непредсказуем: может любую фортель, особенно власти назло, выкинуть! Вы же видите, что по телевизору показывают: то одного за казнокрадство схватили, то другого, не успевают сюжеты менять. А вот чтобы кого-то посадили да на приличный срок, да с конфискацией, что-то не слышно. И эта стрельба следственного комитета и прокуратуры по воробьям большинству народа не нравится. Так что

не гадайте, как девицы, на ромашке, все равно не угадаете.

Я спросил Наташу, что она обо всем этом думает.

- Ничего я об этом не думаю. Хороший человек Саша, зря он только в это грязное дело полез.

- А куда ему деваться? Рыбаку Елкин на городе не нужен! К тому же тот сейчас с коммунистами скорешился, а это уже – дело политическое! Знаешь ведь, как на такие вопросы в области смотрят. Даже если в поганом городке коммуняки верх возьмут, это же – плевок в лицо губернатору! Я, конечно, понимаю, что Елкин специально в эту партию полез, чтобы беспспорно кандидатом стать и залог не платить, но все равно. Хотя по мне, что один, что другой – особого толку не будет! Тут не вертолетчик и не белый воротничок нужен, а нормальный мужик, хозяйственник.

- Где сейчас хозяйственников-то возьмешь? Кто работает, тот и так зарабатывает, и в это болото ни за какие коврижки не полезет. Тебе же тоже предлагали этот пост в свое время, чего ты отказался? Пойди лучше налеп ванночку, Витеньку мыть пора.

- Права ты мать, к чему нам все эти предвыборные страсти. Пойдем, сын, мыться, - на этом разговор о политике и закончился.

Дела наши семейные шли хорошо: сын подрастал, уже стал потихоньку сидеть и гугукать, пытаюсь сказать что-то свое. Еще полгода, и надо будет искать няньку или частный детский садик. Наталья не раз намекала, что не прочь снова выйти на работу.

- И чего тебе дома не сидится? – пытался я ее урезонить. – Успеешь еще наработаться. А мальцу материнское внимание сейчас особенно нужно.

- Ишь ты, какой заботливый. Ты бы сам взял да посидел дома с месяц хотя бы, посмотрела бы я на тебя.

- Ну что ты, дорогая, так возмущаешься? Подрастет Витька еще чуть-чуть, тогда и думать будем, что дальше делать. Ты же понимаешь, что он еще слишком маленький.

- Да понимаю я все! Просто по людям соскучилась, по работе. А то и вижу только тех, кого на улице изредка встречу, когда с Виктором гуляем.

- Ну давай, к маме съездим в деревню. Думаю, Николай мне недельку-другую в счет отпуска даст.

- Ой и правда, поехали! – обрадовалась Наталья, целуя меня. – Как хорошо ты это придумал. Давай в субботу и поедем.

На следующий день я договорился с Зарубиным, что свожу жену с сыном на пару недель к теще.

- Захандрила моя благоверная, надоело дома сидеть. И я ее, Николай, понимаю.

- Да чего там, свози, конечно. Молочка свежего попьете, зелени огородной пожуете. Ничего здесь за две недели не случится.

Вечером я купил билеты на самолет, и сообщил Наташе, что согласовал наш отпуск с руководством. Она расцвела от такой приятной новости и стала выглядеть совершенно счастливой. Несмотря на то, что до субботы было еще три дня, тут же достала и начала собирать чемодан, несмотря на мои возражения, что делать это еще слишком рано.

- А вдруг что-нибудь забудем.

- И забудем, так что? Купим.

- Тебе все хихоньки, да хаханьки, - отмахнулась от меня, как от назойливой мухи жена, - лучше не мешай!

Я понял, что объяснять преждевременность сборов возбужденной женщине бесполезно, и пошел заниматься с сыном, который в это время с нескрываемым интересом наблюдал за перепалкой родителей из своей кровати.

- Ну, и как тебе наша мама, сынок? – спросил я его, поднимая на руки. – Совсем умом тронулась от радости.

- Не смей так говорить при ребенке! – рассердилась Наталья. – Он все уже понимает. Идите лучше на кухню, кашу сварите, Витеньке кушать пора.

- Вот так всегда, - пояснил я сыну. – Критика нами не принимается.

- Идите, идите, критики вы мои, - махнула рукой Наташа, и мы с сыном удалились на кухню, варить эту самую кашу.

Два дня прошли в обычном ритме: дом – работа, работа – дом. Без особых потрясений. Если не считать встречи с Колышкиным у Тихоходова, к которому я зашел в четверг по делам. Поздоровавшись с секретаршей, я, несмотря на ее робкие попытки протеста, открыл дверь в кабинет начальника УКСа. В кабинете кроме Тихоходова за столом с чашкой чая сидел наш Александр Васильевич, а пересекаться с этим персонажем у меня не было никакой охоты. Я хотел было ретироваться, но Тихоходов уже заметил меня и прямо засиял. Даже поднялся и из-за стола и навстречу вышел.

- Здравствуй, Аркадий Викторович, дорогой! Проходи.

Я пожал протянутую руку и сел напротив Колышкина.

- Здорово, Аркадий! Давненько тебя не видел. Что ко мне-то не заходишь, обещал ведь? – обратился ко мне многоуважаемый Александр Васильевич.

- Да дела все разные, не пришлось как-то. А ты где теперь сидишь-то? У вас ведь здесь на этажах снова какие-то пертурбации: куда не поднимись – везде перестройка! Кабинетов опять не хватает что ли?

- Напротив кабинета Рыбака. Мы сейчас с ним на четвертый этаж перебрались, - не без гордости заявил Колышкин. – Если меня вдруг не будет, секретаршу спроси, она всегда в курсе.

- Ты чего зашел-то? – обращаясь ко мне, вмешался Тихоходов, явно пытаясь прекратить этот наш с Колышкиным светский разговор.

- Ладно, мужики, я пойду, покурю, а вы тут пока переговорите, – поднялся Колышкин, направляясь к двери. – Ты, Геннадий Зиновьевич, дождись меня, а то я еще не закончил.

Дверь в приемную захлопнулась, и Тихоходов шумно выдохнул.

- Задолбал, понимаешь, минут сорок мозги всякой гали-матьей пудрил. Давай скорей, Аркадий, а то опять вернется.

- Ну ты даешь. Зиновьевич, послал бы его куда подальше, и вся недолга. Ты опасаясь его что ли?

- Советник губернатора все-таки, неудобно как-то. Да и Рыбак просил его не трогать.

- Брось ты! Бисер перед свиньями метать – себе дороже! Как был наш Саша придурком, так и остался! Чего это его наш папа при себе в холуях держит? Выделил бы где-нибудь кабинет подальше от белого дома, и забыл. Город большой, места много.

- Ему виднее. Давай скорее, чего у тебя?

Мы в течение пяти минут решили все вопросы, что были у меня к начальнику УКСа.

- Я полетел, - сорвался с места Тихоходов, как только мы закончили, - а то Сашок вот-вот вернется! Ты уж извини, Аркадий!

- Да ничего, - я поднялся со стула и вышел вслед за начальником УКСа в приемную, откуда он тут же испарился.

- Донимает вас Александр Васильевич? – спросил я с интересом наблюдавшую за бегством своего шефа секретаршу.

- Не то слово, - махнула рукой девушка, - иногда по часу никто войти не может.

В этот момент появился Кольшкин. Не дожидаясь, когда секретарь сообщит ему, что Тихоходов ушел, я поторопился смыться. Не светило мне с Сашей о высоких материях болтать: скучно, да и времени много отнимает. А чтобы советник не нагнал меня по коридору, я шмыгнул в плановый отдел к Светлане.

- Здравствуйте девушки!

- Ты что, Аркадий, такой взъерошенный, будто за тобой черти гонятся? – первое, что спросила меня моя подруга.

- Тихо! – я прижал палец к губам, прислушиваясь к звукам в коридоре.

Но в коридоре все было тихо. Видимо, Кольшкин отправился к себе наверх. Ну и, слава Богу!

- И давно вас Саша терроризирует? – вместо ответа на вопрос спросил я.

- А ты что – от него бежишь, что ли? – усмехнулась, разобравшись в ситуации, Светлана. – Он же твой приятель, вроде.

- С чего ты взяла?

- Так вы частенько вдвоем стоите о чем-то разговариваете или на крыльце курите.

- Покурить-то с ним еще можно, но вот галиматью его слушать охоты нет. Прямо Остап Бендер! Мы – Николай Второй!

- А то он раньше не такой же был, когда на площади горланил!

- Тогда он все-таки оппозиционером был, против власти выступал. Народу интересно было наблюдать, как эта самая власть на протесты отреагирует. А сейчас он в вашем клане людей смешит.

- В каком еще таком клане?

- Ну как в каком – в чиновьечьем.

- Сам ты чиновник! Мы – специалисты, а чиновники – это которые в администрации сидят.

- Так и УКС, вроде, при администрации. Или у вас тут тоже свои красные и зеленые имеются, а батька Махно всем заправляет? Так, что ли? Ладно, завяжем для ясности. Как живете-можете, господа специалисты?

- Да, ничего живем нормально, чего и тебе желаем. Ты расскажи-ка лучше, как сын растет?

- А что ему сделается? Растет себе и растет.

С полчаса я отвечал на расспросы девчат, они напоили меня чаем с конфетами. Пополнив свой череп последней информацией о жизни белого дома, я благополучно вернулся в управление, где меня дожидался начальник. По выражению его лица я понял, что он сейчас сообщит мне пренеприятнейшее, как писал Николай Васильевич Гоголь, известие. Так и оказалось.

- Извини, Аркадий, но в понедельник надо быть на заводе у смежников, подписать акт контрольной сборки фермы.

Завод, готовивший фермы для спортивного комплекса, находился в соседней области, куда надо было ехать поездом почти целые сутки. А это значило, что выезжать нужно в воскресенье.

- Я же билеты купил на субботу, Николай! Что я жене-то теперь скажу? Она уже и чемоданы собрала.

- Извини. Аркадий! Но ты сам знаешь, что послать больше некого. А посмотреть нужно, тем более что акт подписывать все равно придется. Не хотелось бы этого делать вслепую. Я бы сам поехал, но нас Рыбак зачем-то собирает в понедельник. Опять деньги просить будет на общественное, так сказать, благо.

- Вот, блин! – совсем расстроился я, но делать было нечего.

Объезжая, как обычно к концу смены строительные участки, я не только решил ряд текущих вопросов, но и получил приглашение на день рождения от одного из прорабов.

- Приходите, Аркадий Викторович, все наши будут.

- Не знаю, не знаю. У меня жена в субботу уезжает, провожать нужно будет. Да и неудобно одному.

- Так ведь самолет в шесть, а мы к семи собираемся. Так что успеете проводить Наталью Алексеевну. Чего вам вечером дома скучать?

- В командировку, Коля, собраться нужно. Уезжаю в воскресенье на завод по поводу ферм.

- Сто раз собраться успеете, поезд-то в шесть вечера и на следующий день.

- Ладно, постараюсь, - ответил я, чтобы не обидеть парня.

Чего заранее загадывать, нужно было еще придумать, как объяснить Наталье создавшееся положение дел. Я представил, что мне придется выслушать вечером, и даже пожегил. Но все на самом деле оказалось не таким страшным.

- Я так и знала! – махнула рукой Наташа. – У нас всегда всё не как у людей.

- Ну ничего особенного, - пытался оправдаться я, подбра-

сывая на руках Виктора, который громко и счастливо заливался смехом, - я вас провожу, а уже в понедельник вечером на электричке подъеду. А иначе я только во вторник вернусь, чего вам тут сидеть, меня дожидаться. Да и мама нас уже в субботу ждет, встречать будет.

- Ладно, - окончательно смирилась жена, - пойдемте ужинать, мужчины.

Она улыбнулась, и у меня отлегло от сердца.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Суббота пролетела в сборах и суете. Я дважды гонял в магазин и аптеку, так как целый день Наталья обнаруживала, что в дорогу не хватает той или иной нужной вещи.

- Доешь суп, он в холодильнике стоит, - наказывала она мне уже в аэропорту, на регистрации. – И выброси все, что может испортиться, особенно свою любимую колбасу. Да, и не забудь перекрыть газ перед отъездом.

- Все сделаю, как надо, - успокаивал я жену. – Давайте лучше поцелуемся, а то вон уже посадку объявили. – Позвони, как долетите! – крикнул я вслед, когда они с сыном уже прошли досмотр.

Я вышел из здания аэровокзала и глубоко вздохнул настоянный на сосновой смоле воздух. На душе было немного грустно, я уже отвык быть один за недолгий срок своей семейной жизни. Лишь бы они долетели нормально, а все остальное – ерунда! Через четверть часа я уже входил в нашу опустевшую квартиру. От нечего делать включил телевизор и тут вспомнил, что меня приглашали на день рождения. Была половина седьмого, и я, кажется, не опаздывал. Идти с пустыми руками было неприлично – и я стал думать, что можно подарить молодому человеку двадцати шести лет. Вспомнил, что у меня есть великолепный охотничий нож, привезенный из Испании одним моим приятелем. Я вообще люблю красивое холодное оружие, и, когда хожу в лес, обязательно цепляю к поясу нож. Для солидности и так, на всякий случай. Хотя прекрасно понимаю, что если встретиться, например, с косолапым, нужно молча и потихонечку ретироваться, а иначе никакой нож не поможет. А других опасных животных в нашей местной тайге не водится. Ну, может быть, россомаха, но та людных мест сторонится. Отдавать нож было немножко жалко, но я подумал, что семейный человек может и обойтись без холодного оружия, а вот молодому парню оно будет в самый раз. Без пяти семь я

вызвал такси, а уже в пять минут восьмого заходил в ресторан. Новый ресторан открылся в городе недавно, но уже пользовался у жителей определенным успехом. Называлось заведение для наших мест странно: «Вавилон». Может быть, хозяин увлекался историей древнего мира, а может быть, потому что здесь частенько любили гулять местные этнические диаспоры бывшего СССР, которые давно укоренились в нашей торговле и сфере обслуживания. Вывеска «Vavilon» на ресторане была написана по английски. Если имелся в виду исторический враг Рима, то писать нужно было «Babilon». С исторической наукой у хозяина кабака было не очень. Поднявшись на второй этаж, я к своему немалому удивлению обнаружил довольно вместительный зал со стенами, украшенными лепными барельефами на тему мифов почему-то древней Греции. «При чем здесь Вавилон и Древняя Греция?» - подумал я. В этот момент ко мне подскочил именинник и потащил в дальний угол зала, где длинный стол человек на двадцать уже был заполнен гостями.

- Давай к нам, Аркадий! – в конце стола я увидел Зарубина с супругой. – Жену проводил?

- Здравствуйте! – я опустился на стул рядом с начальником.

- Проводил. Уже долетели, наверное, скоро звонить будет.

- Здорово пилила?

- Нет, на удивление. Привыкла.

- Ну, давай, наливай, а то мы уже по одной за именинника намахнули.

- Аркадий Викторович, ваш тост, - объявила Настёна, инженер из производственного, сидевшая рядом.

Я поднялся, гудевший стол смолк.

- Что пожелать тебе Николай. Во-первых, конечно, здоровья, так как без здоровья в нашей профессии никак нельзя. Во-вторых, чтобы девчата любили без просыпа. А остальное – остальное приложится! За здоровье именинника, господа!

Стол вновь зашумел, зазвенело стекло рюмок и бокалов.

- Ну и прими от меня этот скромный подарок, - я подошел

к Николаю и вручил пакет с ножом. – Будешь в лес ходить за грибами. Да и так, пригодится, сталь хорошая, толедская.

- Спасибо, Аркадий Викторович! – растроганно поблагодарил именинник, рассматривая подарок, а я вернулся за стол и принялся за закуску.

Кормить дома меня было некому, и привередничать не приходилось. В этот момент зазвонил сотовый. Звонила Наташа.

- Ну, как вы долетели? Мама встретила?

- Все нормально, Аркаша. Мама встретила, договорилась с соседом насчет машины. Сейчас уже домой поедем, в поселок.

- Вот и прекрасно! А я вечером в понедельник подъеду. Поезд где-то около десяти приходит?

- В десять пятнадцать.

- Вы меня не встречайте, я сам до дома доберусь.

- Я тебя обязательно встречу, если Витенька к этому времени уснет. Или с мамой его оставлю. Ты, кстати, ужинал?

- Да. Я тут к Николаю на день рождения попал.

- К какому такому Николаю?

- К Иванову, прорабу нашему.

- И где же вы празднуете?

- В «Вавилоне».

- Вот, значит, как! Только жена за порог, муж сразу по ресторанам!

- Ну чего ты. Здесь одни сослуживцы. Вон. Даже Зарубин с женой пришел.

- А что же мне не сказал?

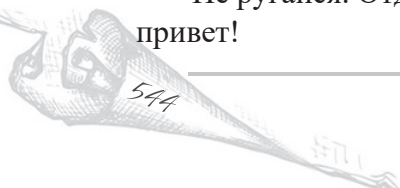
- Закрутился, забыл с вашим отъездом.

- Ладно, смотри не напейся, а то как завтра в командировку поедешь с больной-то головой.

- Так поезд только вечером.

- А ты и рад!

- Не ругайся. Отдыхайте спокойно, я по вам скучаю. Маме привет!

- Мы по тебе тоже. Смотри, осторожно там, голову береги, а то она у тебя и так травмирована. Попроси Зарубина, чтобы он тебя домой на машине подбросил.

- Нормальная у меня голова, - начал было я, но Наталья оборвала меня:

- Обязательно попроси Зарубина, чтобы подвез. Я тебе каску скоро куплю по гостям ходить!

- Какую еще каску?

- Мотоциклетную. Чтобы, значит, головка в безопасности была.

- Все шутишь!

- Шучу. Ладно, не напивайся здорово. Мы тебя целуем!

- Спасибо. И я вас целую!

Я выключил телефон, достал сигареты и закурил. В этот момент входная дверь распахнулась, пропуская внутрь шумную компанию, в основном состоящую из женщин. Я отошел в сторону, отвернулся и стал смотреть сквозь стекло витража на догорающую на западе вечернюю зарю. Солнце уже зашло за горизонт, оставив на висящих низко облаках багровые мазки света.

- Здравствуйте, Аркадий Викторович! – раздалось у меня за спиной.

Я повернулся и увидел прямо перед собой нарядно одетую и открыто улыбающуюся Елену Васильевну Толмачеву.

- Как поживаете, Аркадий Викторович? Как Наталья Алексеевна, как сын?

- Спасибо, все живы – здоровы, - ответил я, почувствовав себя не совсем в своей тарелке в сложившейся ситуации.

- Какими судьбами в столь неподходящем для семейного человека месте? Или вы вместе с семьёй здесь?

- Нет. Мы здесь трудовым коллективом день рождения коллеги отмечаем. А тебя каким ветром занесло в эту башню многоязычную?

- А мы десятилетие предприятия празднуем. Извините, я пойду, а то меня девочки заждались.

Елена, соединившись с остальными членами компании, исчезла за дверью зала. Я не видел ее с тех пор, как она навещала меня в больнице, когда мне раскроили череп бойцы Хруща. Или нет, чего я вру! Я же ее на Озере еще встречал, правда, накоротке. Сейчас она мне показалась такой же привлекательной, как и раньше, когда наши отношения были ближе. «Нечего на чужих женщин пялиться», - приказал я себе, окончательно разозлившись на собственную слабость, и тоже отправился к столу.

- Супруга звонила? – спросил Зарубин. – Как долетели?

- Нормально, - коротко ответил я.

В этот момент поднялся очередной тостующий, и начальник подлил мне в рюмку водки:

- Давай, Аркадий, за Николая, ну и за успех родного предприятия! Будем!

Мы чокнулись и выпили. На душе полегчало. Наталья, слава Богу, добралась нормально, в командировку нужно было только завтра вечером. Никакие нерешенные задачи не омрачали текущего по накатанному вечера.

- Аркадий Викторович, пойдёте танцевать! – решительно потянула меня за рукав в круг танцующих Настёна. – Нечего скучать!

- Давай, давай, Аркадий, иди, разомнись, нечего киснуть! – подтолкнул меня Зарубин.

Часам к девяти ресторан разгулялся, стало шумно, музыка гремела все громче и задорнее. Стало трудно расслышать собеседника, а в ответ приходилось почти кричать. После очередного возлияния я в компании мужчин вышел на свежий воздух покурить.

- Погода, какая, загляденье! – пуская дым в небо, протянул Зарубин. – Даже листик не шелохнется.

- Середина лета, - рассудительно высказался виновник торжества Николай. – Сейчас окунь клевать начинает. Ребята ездили на Камни, неплохо поймали.

- А на озерах как, не слышал? – спросил я.

- Не, - ответил прораб, - не слышал. Да и на озера далеко больно. Отмотаешь километры, а клёва может и не быть. А у Камней не клюет – сел в машину и через двадцать минут дома. Не люблю я на озера ездить.

- А я люблю, - вмешался в разговор Зарубин. – Там, конечно, терпение иметь нужно, но иной раз такой сазан попасться может, загляденье! Мужики килограммов до десяти вытаскивали.

- Ну ты и загнул, шеф, - рассмеялся я, - где это ты сазана в наших водоемах и в наших краях на десять кило встречал. У нас все-таки не Средняя Азия, а Север.

- Я тебе точно говорю, - закипятился Зарубин, – я сам килограмма на четыре вытаскивал!

- Четыре килограмма – не десять.

- Господа, не надо спорить! – именинник погасил окурок. – Пошли за стол.

- А и правда, чего это мы, как пацаны! – согласился Зарубин. – Пошли, Николай! Аркадий, догоняй!

- Сейчас докурю, семь секунд.

Компания скрылась за стеклянными дверями, я в последний раз затянулся, и в это время кто-то тронул меня за рукав.

- Сигаретой не угостите, молодой человек? – я узнал этот голос сразу.

Елена с улыбкой смотрела на меня.

- С каких это пор, Елена Васильевна, вы закурили?

- Да вот попробовала как-то, а теперь потягивает иногда. Особенно, когда выпью. Так вы угостите меня сигареткой, Аркадий Викторович, или нет?

- Разумеется, - я полез в карман, доставая пачку «Винстона». – У меня только такие, вы уж извините.

Я чиркнул зажигалкой, Елена прикурила.

- А чего это мы с вами на «вы», Аркадий Викторович? Как-то это не по-товарищески. Не находите?

Я замаялся, буркнув в ответ что-то нечленораздельное.

- Ну так как, может, перейдем на «ты» - или будем по-прежнему «выкать»?

- Можно и на «ты».

- Почти год прошел, - ни к кому не обращаясь, произнесла Елена, - даже страшно становится, как быстро летит время. Как там Александр Иванович себя чувствует?

Я понял, о чем хотела мне напомнить моя бывшая подруга, но вида постарался не подавать.

- Не знаю, если честно. Мы с ним давненько не виделись.

- Дела?

- Семья. Ребенок маленький, помогать некому, так что самим крутиться приходится.

- Семья – это святое!

- Я слышал, ты замуж собралась. Или уже вышла?

- Да ты что! Обманули тебя, Аркадий Викторович, невесть что болтают люди.

- Неужели. А мне кто-то, не припоминаю, правда, кто, даже жениха показывал. Кажется, он адвокатом служит.

- А это, наверно, о моем приятеле болтают. Леша его зовут. Так мы с ним еще со школьной скамьи знакомы, даже когда-то чувства романтические друг к другу питали. Правда, было это классе в седьмом. Первая любовь, так сказать.

- Первая любовь не ржавеет.

- Да ну! Это только в сказках! Ты сам-то чего с первой женой жить не остался? То-то же.

Я не нашелся, что ответить, и в этот момент входная дверь распахнулась, и на пороге возник Николай.

- Аркадий Викторович, пойдёмте за стол, все вас ждут. Зарубин с супругой уходить собрались, а вас нет и нет.

- Я сейчас. Извини, Лена, но мне нужно идти.

- Может быть, позже поговорим?

- Может быть.

Я повернулся и пошел вслед за Николаем. Нехорошо так оставлять женщину одну, но я чувствовал, что затягивать эта встреча, все может пойти не так, как бы хотелось. Все эти воспоминания до добра не доводят. К столу мы подошли вовремя: Зарубин стоял с наполненной рюмкой и что-то говорил.

- А вот и наш именинник! Я тут тебя без тебя, Коля, поздравил, не обижаешься?

- Да что вы, Николай Иванович, какие обиды!

- Давайте тогда выпьем.

Народ поддержал тост и дружно чокнулся.

- Мы, Аркадий, домой. Ты извини нас, Николай, но жена устала, давление, понимаешь. Так ты с нами?

В этот момент я должен был ответить «да», но то ли выпитая водка, то ли сволочной характер делать все наоборот заставили меня поступить иначе. А может быть, потому что я по рождению – «близнец». А у «близнецов», как говорила моя мама, а ей лучше видно, всегда на один вопрос сто ответов. И это несмотря на мой недавний разговор с женой, которая настоятельно рекомендовала мне ехать домой с Зарубиными.

- Я, пожалуй, еще посижу.

- Вот это правильно, Аркадий Викторович! – обрадовался именинник. – Вы не беспокойтесь, Николай Иванович, мы Аркадия Викторовича доставим домой в самом лучшем виде!

- Ну, смотри. Лида, - обратился Зарубин к жене, - пошли, машина ждет. Бывайте, мужики!

- Я вас провожу, Николай Иванович! – поднялся именинник, но Зарубин остановил его.

- Не надо. Коля, мы сами.

Зарубины ушли, а застолье наше продолжилось. Кто-то предложил тост за дам. Все снова налили и выпили стоя. Потом зазвучала музыка, но танцевать, несмотря на уговоры Настюхи, я больше не пошел. Ко мне подсел наш подвыпивший механик и предложил принять еще. Я подумал и согласился, а что еще делать холостяку, хоть и временному.

- Мы с тобой, Викторович, старые волки! – разглагольствовал нетрезвый коллега. – Нас с тобой такой дозой не свалишь.

Я соглашался, хотя в голове моей уже начинало слегка штормить. Кто-то из соседней, шумной и громогласной компании объявил через оркестр дамский танец. Мы с механиком снова налили, и в этот момент я услышал из-за спины:

- Разрешите вас пригласить!

Я обернулся и увидел Елену. На секунду замешкавшись, я все же поднялся и повел даму под ручку в центр зала, где уже танцевало несколько пар. Мы закружились в общей массе, танцующих под звуки знакомого танго. «Есть в графском парке чудный пруд, там лилии цветут», - выводил приятным баритоном гитарист. Этот самый «чудный пруд» напомнил мне о том далеком времени, когда я был гораздо моложе, а голову мою занимали лишь две мысли: где выпить и кого прижать в углу. Любимая песня механика Гаврилова! Я ее еще в нашем незабвенном «Огоньке» всегда оркестру заказывал. Бережно ведя свою даму в танце, я из-за шума не сразу слышал сказанное мне на ухо:

- Прижми меня крепче, Аркаша!

Меня аж в жар бросило. Показалось, что я ослышался, чтобы убедиться, что я не ошибся, пришлось откинуться слегка назад и взглянуть Елене в глаза. А они сияли той самой бездонной голубизной, знакомой мне давным-давно, и в которой немудрено было запросто утонуть. Она смотрела на меня, не мигая, а в уголках ее губ затаилась та самая лукавая улыбка, так меня беспокоившая.

- Что ты сказала? – на всякий случай переспросил я, наклоняясь к ее уху, но она прижалась ко мне всем своим гибким телом, отчего голова у меня и вовсе поплыла.

Я прямо-таки почувствовал, что щеки мои стали пунцовыми, а спина под пиджаком взмокла. Не хватало еще, чтобы другие заметили. Я украдкой оглянулся, но все вокруг танцевали, занятые самими собой. Я попытался как-то деликатно освободиться от этих жарких объятий, и Елена, видимо, почувствовав мое движение, вопросительно взглянула на меня. И сразу все поняла. Она тут же резко отстранилась, пошучивала, и конец танца мы провели в каком-то странном, возникшем, словно из воздуха, напряжении. Как только музыка смолкла, Елена мгновенно убрала свою руку с моего плеча, не глядя мне в глаза, коротко поблагодарила за танец и быстро

отправилась к своему столу. Я даже не успел, как положено, проводить ее до места. Пока я шел к своему месту, мысленно материл себя за хамство по отношению к не совсем чужой мне женщине. Не мог дотанцевать, как положено, скотина! Обидел ни за что, ни про что человека. Механик сидел задумчивый и грустный, невесело размышляя, наверное, о приближающейся пенсии.

- Что скучаешь, Ильич? Давай-ка лучше встряхнемся!

- Вот тут ты совершенно прав, Викторovich, - встрепенулся, услышав мое предложение, механик. – Встряхнуться, ой, как надо!

Я налил себе почти половину фужера водки. Состояние у меня было препротивнейшее, как будто я напакостил и скрыл это.

- Будем! – коротко произнес я, чокнулся с Ильичом и залпом выпил.

Водка прошла, словно вода, не обжигая, и я сразу почувствовал себя гораздо легче. Мир вокруг стал добрее, покрывшись неким флером, приглушившим яркий свет, льющийся из светильников над головой.

- Ты давай закусывай, Викторovich! – пододвинул мне блюдо с мясным ассорти механик.

- Нормально, Ильич! – я нацепил на вилку и отправил в рот кусок буженины. – Не бойсь, прорвемся!

После непродолжительной паузы оркестр вновь заиграл и молодежь потянулась к центру зала. Чувствуя в голове некоторое кружение, я поднялся и направился к выходу, на свежий воздух. Постояв на улице минут пять, почувствовал себя гораздо лучше и вновь вернулся в зал. Оркестр только-только начал заново «черный пруд, где лилии цветут», и я неожиданно для самого себя пошел через зал к столику, где с подругами сидела Елена.

- Разрешите?

Она молча поднялась и пошла со мной. Мы стали двигаться в такт мелодии, и тут я уже безо всяких просьб крепко

прижал к себе женщину. Прижал довольно плотно, на что она, несмотря на мои опасения, не рассердилась, а невозмутимо продолжила танец. Выпитое вновь начало туманить голову, и в один из моментов меня основательно качнуло.

- Ты бы не пил больше, Аркаша! – просто и даже с какой-то печалью в голосе сказала Елена.

- Все будет нормально, Леночка! – заверил я ее. – Как давно мы с тобой вот так не танцевали.

- Ты что забыл, и двадцати минут не прошло! – засмеялась она.

- Я не о сегодняшнем дне.

- Ну если не о сегодняшнем, то – да!

Танец закончился, и я проводил Елену до места.

- Не пей больше! – успела она шепнуть мне на прощание.

Веселье за нашим столом начало стихать, а мне почему-то до чертиков захотелось напиться. Тоска какая-то накатила. Недолго думая, я вновь саданул почти полный фужер и тихонько, по-английски, чтобы никто не заметил, выбрался из-за стола. На улице я присел на скамеечку в сквере перед рестораном, достал сигарету и закурил. Ночь стояла теплая, и темная. Среди нависших ветвей тополя мерцали, как на новогодней елке, огоньки высоких звезд. Я откинулся на спинку скамейки и начал разглядывать знакомые созвездия. Кое-какие я вспомнил и нашел, а вот Малую Медведицу, ну никак не смог обнаружить. Знал, что начинается она от кончика ручки Большого Ковша, а вот не мог, хоть убей, найти. Глаза что ли начали подводить?

Разглядывая звездный небосклон, я, видимо, на какое-то время отключился, так как очнулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

- Просыпайтесь, Аркадий Викторович! – раздалось откуда-то издалека. – Поднимайтесь, домой идти надо!

Голос сразу показался мне знакомым, и, с трудом раскрыв слипающиеся веки, я увидел перед собой встревоженное лицо Елены.

- Ну, наконец-то, - облегченно выдохнула она, - я уже думала, что не добужусь тебя. Поднимайся, поднимайся!

- Где я?

- В сквере, где же еще. Я же говорила тебе, что больше не пей!

- Да я, вроде, особо и не злоупотреблял.

Я с трудом поднялся, обретая равновесие. Меня опять здорово мотнуло. Так что пришлось опереться женщине на плечо.

- Видишь, как тебя разморило, - подхватила она меня, не давая завалиться. - Да ты, я гляжу, совсем идти не можешь.

- Ничего, я сейчас, - попытался я шагнуть вперед, но меня вновь шатнуло.

- Так дело не пойдет! - решительно заявила Елена, вновь усаживая меня на скамейку. - Я сейчас такси вызову! Жена, небось, с ума сходит, куда муж пропал!

- А они с Витенькой уехали к маме, - пролепетал я неизвестно для чего, - так что меня и не ждет никто вовсе.

В этот момент все у меня перед глазами вновь завертелось, закрутилось, и последнее, что я запомнил, перед тем, как вновь отрубиться, было лицо Елены, которая испуганно смотрела на меня. Очнулся, когда она вытаскивала меня из такси. Я не сопротивлялся и покорно, как заводная кукла, следовал туда, куда меня вели. «Мне же домой надо», - единственная трезвая мысль промелькнула в моем затуманенном сознании, но тут же, не задерживаясь, исчезла. Еще промелькнуло, как с меня стягивали рубашку и брюки, затем пришло ощущение прохлады накрахмаленных простыней и жаркого женского тела, заставляющее трепетать сердце. А потом я уснул.

Проснулся внезапно. За оконным стеклом только-только начало светать. В горле пересохло, язык не ворочался, меня слегка мутило. Пить надо меньше, подумал я, и начал вспоминать, что же было вчера. А вчера мы праздновали день рождения Николая. И где это я нахожусь? Серый полумрак царил в незнакомой мне комнате. То, что это не моя спальня,

я понял сразу. Еще я понял, что не один. Ровное, легкое дыхание касалось моего плеча. Я напряженно начал вспоминать, что еще со мной приключилось накануне, и через пару минут все вспомнил. Ну не все, конечно, но суть произошедшего мне стала вполне очевидна. «Только этого нам и не хватало», - мелькнуло запоздалое раскаяние. Нужно срочно сматываться, пока не проснулись соседи. Я тихонько, чтобы не разбудить спящую Елену, выбрался из кровати, и первым делом отправился искать кухню. Выпив пол-литра воды из графина, обнаруженного на кухонном столе, я вновь обрел четкость мысли: «Вот дурак, так дурак! Нашла свинья грязи! Не дай Бог Наталья узнает!» От этой мысли мне даже дурно стало. Стараясь не шуметь, я натянул на себя измятую одежду. Заглянув в комнату, я, наклонившись над Еленой, не уловил ответного движения, но мне все-таки показалось, что она не спит. Подождав секунду, я понял, что ошибся, и на цыпочках направился к входной двери. Так даже лучше: ни к чему все эти прощания. В прихожей я нашарил свои туфли и, аккуратненько так, чтобы не производить никаких лишних звуков, прикрыл за собой входную дверь. Хорошо, что еще только начиналось воскресенье, и люди спокойно спали. «Не до грибков, Петька, не до грибков», - вспомнил я известный анекдот про Василия Ивановича и рванул домой прямо через парк, стараясь выбирать тропинки, заросшие погуше.

Вечером я сел на поезд, забрался на вторую полку, и, засыпая, постарался выбросить из головы напрочь все, что произошло со мной в минувшую субботу. Следующим днем я побывал на заводе металлоконструкций, подписал акт приемки контрольной сборки фермы и отбыл в положенный мне по приказу отпуск.

В город мы с семьей возвратились, когда предвыборная борьба за кресло мэра и депутатов в городском собрании набирала полные обороты. И первым, кто мне напомнил об этом, был господин Коляшкин, на которого я нарвался возле

входа в администрацию. Он стоял и курил около крыльца в полном одиночестве, увидев меня, тут же оживился, изобразив на лице радушие:

- Здорово, Аркадий! Чего это тебя давно не видно было?

- В отпуск ездил, к теще.

- А, отпуск – это дело хорошее! Ты к нам в предвыборный штаб не надумал еще пойти поработать?

- В какой предвыборный штаб? – не сразу вспомнил я наш с Колышкиным предыдущий разговор.

- Как в какой? В предвыборный штаб Александра Пилюгина, конечно. Не Елкина же нам выбирать.

- Нет, не хочу! – отрезал я.

- Это еще почему? – искренне удивился Саша. – Ваш председатель общественного совета сразу согласился, а поддержка общественности, сам понимаешь, – великое дело!

- Вот и пусть поддерживает, а я человек аполитичный. Чем дальше в стороне от этих дел держишься, тем дышится свободней.

- Елкина что ли поддерживать будешь?

- Никого я поддерживать не собираюсь, ни того, ни другого. Поживем до выборов – увидим. А, собственно, чем тебе Елкин не нравится? Вы же, вроде, раньше не разлей вода были? – подколот я Колышкина, но тот, видимо, не понял и продолжал гнуть свое.

- Пилюгина Сергей Викторович сам лично на праймеризе партийному активу представлял.

- Рыбак, что ли?

- Конечно, а кто же еще.

- Ну так чего ты тогда суетишься? Раз сам Рыбак кандидата представляет, значит, дело в шляпе! Моя скромная персона вряд ли чем может быть полезна в данном случае.

- А вот тут ты не прав! – с запалом продолжил Колышкин. – На выборах каждый человек на вес золота, а ты все-таки авторитет в определенных кругах имеешь, писатель, человек в районе известный.

- Так это в определенных кругах. Я думаю, что даже и без них, без этих самых кругов, выборы состоятся.

- Здорово, мужики! – поздоровался с нами подошедший начальник УКСа.

- Здравия желаю, Геннадий Зиновьевич! А я к тебе как раз, - обрадовался я возможности, избавиться от порядком уже надоевшего собеседника.

- Так ты подумай все-таки, Аркадий! – не унимался Кольшкин.

- Я подумаю.

Мы с Тихоходовым поднялись на крыльцо и вошли в здание.

- О чем это тебя Сашок подумать просил?

- Да ну его! Прицепился, как банный лист, в предвыборный штаб к Пилюгину вербовал.

- А ты что?

- А я его пытался культурно послать куда подальше, да он, видимо, не понял.

- Вот это – правильно! Нам, производственникам, некогда политикой заниматься, нам строить нужно. Ты действительно ко мне или просто сказал, чтобы от советника скрыться?

- Я – в производственный.

- Ну тогда ладно, я побежал, у нас аппаратная.

- Бывай.

Я прошел по коридору в производственный отдел, где девочки скоренько скачали мне на флешку необходимые чертежи. Потом я поднялся на четвертый этаж навестить Виктора. Рядом с приемной Рыбака на одном из кабинетов красовалась новая табличка, на которой золочеными буквами было начертано: «Советник губернатора Кольшкин Александр Васильевич». Однако! Должность-то общественная, можно было и подальше от власти разместить, поближе к народу. Скромность – она украшает. Этими своими мыслями я и поделился с приятелем.

- Рыбаку виднее, - коротко ответил он.

- А мне все-таки непонятно, зачем стукача рядом с собой размещать?

- Ты что, не помнишь, чей выкормыш наш Саша. Правильно, Паши Феофанова, нашего бывшего районного головы, мир его праху. А Паша под кем ходил? Под Лискиным. Построй дальше логическую цепь.

- Рыбак тоже человек Лискина, а своих надо беречь, я так понимаю!

- Правильно понимаешь.

- Но губернатор-то из Москвы ставлен, ему интересы местных царьков блюсти должность не позволяет. Он что – не знает подковерной возни вокруг себя. Лискин уже протолкнул пару своих людей в областную думу, это и невооруженным взглядом видно. Маркин там всю дорогу мутит воду. А уж они-то постараются в нужный момент ножку подставить.

- Знает, конечно. И что из себя Колышкин представляет – тоже знает. Но, если оповещен, значит, вооружен. А Сашок оповещать любит. Ты же знаешь, что губернатор Рыбака не переносит.

- Только не пойму, чем тот ему насолил, и что мешает Рыбака сковырнуть.

- А за что его сковырнешь? Показатели по району приличные, а Рыбака, как ни крути, народ выбрал. Вот если будут реальные факты какие, тогда и посмотрим. А потом, может, Рыбак и сам, когда круто жареным запахнет, уйдет. Кому нужен лишний скандал? Да никому. А Колышкин из усердия фактов наковыряет и доложит. Потому и сидит советником.

- Тут ты прав: Саша, он – и нашим, и вашим, лишь бы приплачивали! А вот то, что Рыбак добровольно уйти может, я сильно сомневаюсь. Не такой он человек, да и место больно сладкое.

- Ты что зашел-то? Говори, а то у меня в десять совещание у Шнитко.

- Я тебя на день рождения пригласить зашел. Забыл что ли, что у меня в пятницу день рождения. Так вот в субботу вместе с Верой прошу к нам в гости.

- Не забыл, конечно. Не дожدهшься. Придем, естественно!

- Вот и чудненько! Как там, кстати, Игорь поживает? – спросил я у Виктора, имея в виду главу нашей доблестной администрации.

- А что ему сделается.

- Если что и случится в нашем околотке, так ему первому и достанется. Рыбак бюджет делит, а исполняет-то его Шнитко, и подписи ставит Шнитко.

- Ну и пусть ставит. Раньше сядет – раньше выйдет! Ладно, пора мне, опаздываю.

- Беги. Не забудь только, в субботу, к двум.

Я вышел из Витькиного кабинета и направился по своим делам. Если бы я только знал, что последняя моя фраза о Шнитко будет пророческой, я бы не поверил.

В пятницу, ближе к обеду, мне позвонил Стешнев и поздравил с днем рождения.

- Будь здоров, Аркадий, и не кашляй!

- Подходи, Иваныч, завтра к нам, посидим, пображничаем! Только свои будут.

- Прости, Аркаша, не смогу. У нас сегодня сын прилетает из Финляндии со снохой и внуками. Сам понимаешь, куда мы с Верой от них. Так что прости великодушно. Попозже отметим.

- А, может, на неделе на рыбалку сгоняем? Ушицы сварим. Я Николая с Витькой сблатую, а ты сына с собой бери. Подышим природой, заодно и отметим.

- Хорошая мысль, если только погода не подведет.

- Какая погода, лето ведь, не размокнем. Палатки с собой возьмем, навес соорудим, если что. Давай в среду, на пару дней. Я у Зарубина отпрошусь, Николай – сам себе хозяин, а Виктор отгулы возьмет. У них в белом доме модно отгулы брать, неизвестно, правда, за что.

- Будем считать, что договорились.

- Ну тогда бывай! Я ближе к среде перезвоню.

- Давай, до вторника!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Погода в среду не подвела, и в половине пятого двумя машинами мы, загрузив снасти и припасы, отправились на таежную речку Сонь в семидесяти километрах от города. Сына Иваныча, Володю, я даже сразу и не признал, так как помнил его голенастым, худеньким подростком. А сейчас передо мной стоял, улыбаясь, крепкий, розовощекий мужчина.

- Вон ты какой вырос, - только и осталось мне развести руками.

- А вы, дядя Аркадий, совсем не изменились.

- А что ему сделается, - усмехнулся Иваныч. - Разве что седины стало побольше. Но седина мужчину только красит.

- Красит, красит, - вмешался в разговор Николай. - Кончайте болтать, ехать пора. На речке успеете наговорится. Нам еще часа полтора пилить. Опоздаем, весь клев провороним!

Я поехал на машине Стешнева, следом тронулись на джипе Николай и Виктор. По дороге я успел расспросить Володю о его житье-бытье в Финляндии.

- Работаю в фирме менеджером. Живем в доме, правда, не в собственном, фирма платит за аренду.

- А на родину не тянет?

- Не тянет, дядя Аркадий.

- Да и то, правда, чего тут у нас делать. Нервы только мотать. Как был бардак, так и остался!

- А когда у нас бардака не было, Аркадий? – спросил Иваныч. – И при царе его хватало, и при советской власти, и при Ельцине, и сейчас полно. Но живем, вроде, не голодаем да и не голые ходим.

- Насчет тряпок – это ты прав. А вот насчет еды? Импортную дрянь в основном едим, ту, что Европа из запасников нам шлет. Сами они такого жрать не станут. Подтверди, Володя! При советской власти ели не так сладко, зато свое, экологически чистое. Ну и из казны не так нагло тащили. А кого ловили, расправлялись жестко, чтобы другим неповадно было.

- У нас за воровство не сажают, за другое головки открывают.

- Самое главное, дядя Аркадий, там перспективу жизненную видишь, - вернулся в разговор Владимир. – И правила игры не меняются, как у нас, чуть не каждый год.

- Вот тут ты совершенно прав, Володя! Что точно – то точно! Не успеют наши предприниматели к одним правилам привыкнуть, так нет – на тебе новые, чтобы не скучал!

- Работает Дума! – усмехнулся Стешнев. – За всех думает. Правда, одним местом.

- Да там и кроме Думы инициативных людей хватает. Ты посмотри их декларации: откуда столько миллионеров взялось? Прямо, как на дрожжах растут капиталы. Это только мы, дураки, пашем за копейки.

- Не плачься! На хлеб хватает и даже на масло, так что – не скули!

- Да я и не плачусь. Обидно только, что сопляки, на производстве пороха не понюхавшие, в два, а то и в три раза больше тебя на столичных паркетах огребают. Что это за политика такая, черт бы ее побрал?

- Опора режиму! Попробуй её, эту опору, не прокормить. Представляешь, что может в Москве начаться? В Кремле не дураки сидят, понимают, что можно, а что нельзя. Сначала бюджетников накормить нужно, чтобы не скрипели, а остальные и так с голода не помрут. Кто умеет работать, тот всегда выживет.

- Выжить-то выживет. Ты обратил внимание, кого у нас теперь чаще всего награждают? Приближенных к телу да артистов. А вот работяг что-то почти не видно. А ведь они, а не эта богемная тусовка, всю Россию кормят. Да, и не клерки. Вот ты, Володя, если не секрет, сколько в своей фирме зарабатываешь?

- Нормально. Три тысячи евро оклад, ну и бонусы.

- А бонусы, поди, не меньше оклада?

- Бывают и больше.

- Видал, Иваныч! А у меня прораб тысяч тридцать, тридцать пять получает безо всяких там бонусов. И это на севере. А в столице почему-то под сотню.

- Так плати своим больше, что мешает?

- А ты не знаешь. Пятнадцать процентов Рыбаку отстегни, миллион туда, миллион сюда – с чего платить-то? И в столице жилье, знаешь же, сколько стоит. Отсюда и деньги совершенно другие крутятся. Если у нас цены поднять, кто его купит?

- А вы не платите пятнадцать процентов, вот и средства появятся.

- Скажи об этом Зарубину, думаешь, послушается? Вряд ли. Сожрут ведь, не подавятся. Бандиты – они и есть бандиты!

- Скопом надо, всем сразу, тогда и не сожрут.

- Твои бы фантазии, Иваныч, да в жизнь! У нас каждый сам за себя, потому и дерут, как липок!

- Вот и худо, что каждый за себя.

- Да и потом при таких порядках – как не платить? – продолжил я. – Тут один наш строительный начальник в Москву с областной делегацией ездил по поводу денег. Н, ты же знаешь, кто у нас новый перинатальный центр строит? Так он рассказывает, как были на приеме у министра экономики. Тот без зазрения совести поинтересовался, какие у нас откаты на строительстве берут. Ты понял? И это – министр экономического развития страны! Куда катимся, господа?

Машину подбросило на ухабе так, что она чиркнула днищем по песку, а мы с Володей чуть не пробили головами крышу салона.

- Иваныч, - взмолился я, - вези поаккуратнее, а то уже все бока болят!

- Ничего, поболят и пройдут. Скорость больше – кочек меньше! Светает уже, а нам еще километров десять мантулить.

Остальную часть дороги ехали молча: ухаб на ухабе не располагал к беседе. После дождей, выпавших в этом районе, дорогу раздолбили лесовозы, вывозившие лес с немногочисленных, сохранившихся чудом делян. Иваныч усердно

крутил руль, стараясь выбрать места поровнее, но это у него плохо получалось. Поневоле пришлось помалкивать, крепко стиснув зубы, чтобы не прикусить язык.

Наконец, натужно взыв в последней луже, машина выскочила на поросший травой пригорок и остановилась. Следом подъехали Виктор с Николаем.

- Ну что, все живы? – спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, вышедший из машины Иваныч.

- Да, вроде, не развалились, - ответил Николай, выгружая на траву палатки и резиновые лодки. – Вы давайте, пошевеливайтесь резвее, а то без ухи останемся.

Солнце уже окрасило вершины сосен в нежный оранжевый цвет. Легкий туман стелился над травой, скатываясь вниз, к реке, которая шевелилась в низине, как живая, маслянисто поблескивая стеклом воды на перекате. Кромки заросших мелким кустарником берегов едва угадывались в этом сгущавшемся прямо над водой тумане.

- Володя и Аркадий – за вами лодки! – распорядился Степанов. – Николай, бери сети, а я все остальное. А ты, Виктор, сложи барахло пока что в одну кучу, поставим сети, потом разберемся.

Мы с Володей спустили лодки на берег и начали усердно работать насосами. Через четверть часа все было готово. В одну из лодок погрузились Иваныч с Володей, во вторую Николай с Виктором, бодро работая веслами, они через минуту исчезли за поворотом реки. В полукилометре отсюда река имела великолепные, довольно глубокие и широкие старицы, оставленные к лету капризным руслом, в которых и было решено установить сети. Я поднялся наверх, отыскал в вещах свой старенький спиннинг и вернулся к реке. Туман сгустился так, что противоположный берег не просматривался вовсе, хотя до него было не более двадцати метров. При первом же забросе я перестарался и посадил блесну на кусты у противоположного берега. Пришлось заново готовить снасть. На этот раз я решил сменить тактику и начал бросать

блесну вдоль своего берега, тут хоть что-то было видно. Минут десять я крутил катушку, рискованно проводя блесну около торчащих из воды коряг, пока мои труды, наконец, не были вознаграждены. При одной из проводок почти у самого берега я почувствовал удар, и еще через мгновение небольшая шурогайка граммов на семьсот прыгала на песке у моих ног. «Лиха беда начало», - решил я и продолжил свои упражнения. В течение часа я ухитрился вытащить еще штук пять небольших щучек. А еще через полчаса туман начал редеть, и из-за вершин елей на противоположном берегу брызнули веселые, солнечные лучи. Сразу стало теплее. Остатки тумана снесло течением, и на поверхности воды появились круги от играющей рыбы. За мысом послышались голоса, а вскоре показались и наши лодки.

- Ну как, господа? – спросил я приятелей, когда они вытащили плавсредства на берег.

- Ничего, будет рыба, - ответил мне Володя, бросая подальше от берега, на траву сетчатый садок, в котором поблескивало килограмма два средней величины карасей и крупных сорожек.

Я с интересом наклонился над уловом:

- С почином вас, мужики!

- Да ты тут тоже, я смотрю, время даром не терял, - отозвался Стешнев, рассматривая содержимое моего ведра.

- Что там у него? – спросил Николай.

- Щучки, и неплохие. Сейчас организуем костерок и пожарим. Володя, а ты сковороду прихватил?

- Обижаешь, отец, а то как же! Она в ящике с посудой.

- Что-то запарился я с этой греблей! – Виктор присел на корягу, выброшенную течением на берег, и достал пачку сигарет.

Вообще-то он не курил, но когда вот так, как сегодня, выбирался на природу, мог иногда себе это позволить. Я присел рядом, вытащил у него из пачки сигарету и тоже с наслаждением затянулся.

За рекой песчаный срез берегового откоса круто поднялся метров на пятнадцать выше уреза воды, а вершина холма была покрыта густым, темным ельником с редкими вкраплениями березок. Слева река исчезала за пологим мысом, поросшим бузиной и тальником, резко поворачивая на юг, а справа текла на запад, сколько видел глаз, пока не растворялась в зеленом пологе тайги. На этом зеленом фоне резко выделялись медно-красные мазки осин. От всего открывшегося вида веяло величием и вечностью.

- Красота!

Но тут наше созерцание красот природы прервал голос Николая:

- Кончайте баклуши бить, рыбу почистите лучше!

Он поднялся по косогору, прихватив с собой топор, и отправился в сосняк за дровами. Володя двинул за ним, а мы с Виктором пошли к воде чистить рыбу. Солнце к этому времени поднялось уже высоко и начало пригревать довольно основательно. Погода обещала быть безоблачной и тихой. Закончив наше занятие, мы сложили рыбу в ведро и принялись за картошку. Метрах в десяти от машин Иваныч запалил костерок, вколотил в землю две рогульки и повесил на сохранившуюся здесь с прошлых сезонов березовую перекладину закопченный алюминиевый чайник. Через пять минут он уже заворчал, плюясь из носика кипятком и побрякивая крышкой. Мы с Виктором отыскали в траве пару досок, сохранившихся от когда-то стоявшего здесь же стола, подкатали пару бревен и соорудили нечто, на чем можно было посидеть нашей небольшой компании. Между досок постелили брезентовый полог, на который выложили привезенную с собой снедь.

- Кончайте, ребята! – крикнул Стешнев сыну и Николаю, которые натаскали из леса к кострищу уже довольно приличную кучу толщиной с руку сучьев.

Виктор спустился к реке, зачерпнул котелком воды, и повесил его над огнем. Вскоре вода закипела, и я опустил туда

нарезанный картофель и рыбу. Стешнев, порывшись в коробке с посудой, отыскал на дне чугунную сковороду.

- Сейчас шуки нажарим.

- Мужики, а не выпить ли нам за удачу? – предложил Николай.

- Потерпишь, - коротко обрезал Стешнев, наливая в сковороду подсолнечного масла и ставя ее на угли с краешка костра. – Не можете десять минут потерпеть?

- А чего? Закусь есть, вон Виктор целую банку квашеной капусты захватил. Кто солил-то?

- Кто, кто? Я конечно! Ну и Вера помогала.

- Я тебе сказал, потерпишь! – сердито повторил Иваныч.

К этому времени я уже снял с ухи пену и опустил туда лук со специями. От сковороды потянуло таким запахом, что я невольно сглотнул слюну. Прошло еще минут пять в полном молчании. Слышно было только щебечущих в вершинах к этому часу проснувшихся птиц да далекое эхо нефтяного промысла. Наконец, я снял уху с огня и накрыл ее крышкой, чтобы допрела. А Иваныч выложил со сковороды обжаренные, дымящиеся куски пойманных мною щук на большое блюдо.

- Вот теперь можно и садиться, - удовлетворенно подытожил Иваныч, поставив блюдо на середину расстеленного брезента.

Я выставил уху рядом, и мы все расселись вокруг на доски. Виктор начал разливать уху, а Николай достал из своего рюкзака вместительную, литра на полтора флягу.

- На, открывай! – протянул ему бутылку водки Стешнев. – Володя, раздай-ка рюмки.

Сын Иваныча выдал всем в руки металлические рюмки, подаренные когда-то Стешневу нами же в наборе для пикников.

- Чего не разливаешь? – спросил Иваныч, видя, как Николай отложил бутылку, не распечатывая.

Тот хитро улыбнулся и булькнул флягой:

- Может, коньячку?

- Чего это у тебя коньяк-то во фляжке? – подозрительно покосился на приятеля Виктор.

- А он его сам делает! – рассмеялся я, догадавшись, что за напиток приволок с собой мой приятель. – В бане.

- Сам ты в бане делаешь! – не обиделся Николай. - У меня чистейший первач на зверобое! Ну что, будет кто, или водку распечатывать?

- Ладно, давай попробуем! – согласился Иваныч, протягивая рюмку. – Посмотрим, что у тебя за коньяк.

- Самый что ни на есть настоящий, - отозвался Николай, разливая жидкость по рюмкам.

Все дружно выпили. Самогон действительно оказался на удивление чистым, без специфического запаха и коричневым на цвет, видимо от зверобоя и чего-то еще.

- Ничего! – смакуя напиток, произнес Иваныч. – Знатное варево, ничего не скажешь. Чего ты туда насовал?

- Зверобой, немного дубовой коры и мускатного ореха, - похвастался Николай. – А получается лучше коньяка.

- А где ты дубовой коры-то взял? – поинтересовался Виктор. – У нас здесь дуб сроду, вроде, не рос.

- А аптека на что?

- Ладно, ценители, давайте лучше уху хлебать! – прервал приятелей Стешнев. – Еще по одной и до ужина – хорош! Нужно лагерь обустроить, палатки установить. Да и сети проверить. А то не смотрите, что погода разгулялась, может и дождь к вечеру собраться.

- Типун тебе на язык, Иваныч! – перебил я старшего товарища. – Николай, наливай еще по рюмке под щуку.

Уха оказалась удачной: все в меру. А жареная рыба так и таяла на языке.

- Самое то, - высказался Володя, с удовольствием поедая очередной кусок щурогайки. – А главное – костей нет. Не то что в карасях.

- Это – потому что молодь, - пояснил Володе Николай. – А будь она килограмма на четыре, поковырял бы косточки,

особенно из горбушки. Но по мне – караси вкуснее, пусть и костлявее! А вяленые под пиво – цены нет!

- У меня сослуживец с супругой в Китай отдыхать ездили, так там у карасей местных вовсе мелких костей нет, - заметил Виктор, доливая еще ухи.

- Так это – искусственные, - отмахнулся Николай. – Они там с голодухи в своих лужах чего только не вывели. А вот у нас в озерах карась – чистый мед! Ты по телевизору программу про то, что мы едим вместо рыбы, видел? Не видел? А я вот видел. В болото комбикорм валят, а там ее кишит! Не помню, как называется? Пангасиус, кажется? А потом: голову долой, шкуру содрали, и, пожалуйста, тебе – мороженое филе трески! Ты в магазине семгу покупаешь?

- Покупаю. А ты что – нет?

- И я покупаю, - махнул рукой Николай. – Только и ее норвежцы уже давным-давно в садках выращивают. А что в садке можно вырастить? Правильно – дерьмо!

- Вот тут ты, братан, прав, - поддержал я товарища. – Мы, когда в студотрядах на путине пахали, поели свежей горбуши да и кеты тоже. Так вот она на сковородке, как магазинная, не разваливается, и вкус совершенно другой. Я все удивляюсь, чего это мы семгу и форель в Европе покупаем, будто у нас своей нет?

- А, потому и покупаем, что к дерьму привыкли! Ее, кроме нас, никто в Европе не берет, вредной считают.

- Зато у нас деликатесом.

- А вы где это на путине были, дядя Аркадий? – поинтересовался Володя.

- В Николаевске-на-Амуре, в студенческие еще годы. Я же помню, сколько лосося можно было поймать, да не разрешали, потому что рыбзаводы с переработкой не справлялись. А теперь икру в магазине берешь, и такая ересь попадается – есть невозможно! А самое главное – на банку посмотришь, где изготовили, и диву даешься! С каких это пор в Москве горбуша стала водиться?

- Из мороженой рыбы икру достают и солят, - вставил Иваныч. - А свежую, дальневосточную, в Японию прут, там ближе и выгоднее.

- У нас теперь, как и везде, впереди всего выгода! - сплюнул в сторону Николай. - С молодых ногтей дети усваивают. Поэтому не только приличной рыбы, а и мяса не стало. Суп варишь - есть невозможно, мясом даже и не пахнет.

- А по мне лучше нашей жареной сорожки ничего нет! - вмешался в разговор Виктор. - Карась, конечно, тоже ничего, но сорожка все же лучше!

- Ладно, мужики, кончай трепаться, солнце уже в гору поднялось. Володя, давай-ка бери посуду и к реке. Да и вы тоже не валяйтесь! - скомандовал Стешнев.

Я поднялся и пошел помогать Володе мыть посуду, Николай со Стешневым отправились за лапником под днища палаток, а Виктор приступил к разбору привезенной поклажи. Солнце начало пригревать так, что пришлось сбросить с плеч брезентовые куртки. Ветра почти не было, и вода реки тягуче, как мед, струилась по перекату, завивая кольца лишь у торчащих из воды коряг. То тут, то там по воде расходились круги от играющей на солнце рыбы. Мы быстренько закончили с посудой и поднялись наверх. Одна палатка уже была установлена, а у другой возились Иваныч и Виктор. Николай перебирал удочки.

- Ну что, господа, может, порыбачим? - предложил я.

- Порыбачим, порыбачим! - отозвался Николай. - Володя, на, держи! - он протянул молодому человеку стеклопластиковое удилище. - Черви вон там, в ведерке.

Я нашел свои снасти, подхватил сетчатый садок и подался за поворот реки, где течение было потише, а глубина побольше. Не зря же говорят, что человек любит, где лучше, а рыба - где глубже.

- Володя, не отставай! - позвал я с собой нашего молодого компаньона.

Мы устроились под косогором у омутка и забросили удочки.

Гнуса практически не было: видимо, первые утренние заморозки прибили его. За полчаса надергали по десятку приличных чебаков, а Володя даже вытащил подъязка граммов на четыреста. Потом к нам присоединился Виктор, а меня позвал Стешнев:

- Поехали, Аркадий, сети проверим.

Уходить не хотелось, но пришлось.

- А где Николай? – спросил я Иваныча.

- Спит Коля, я его решил не будить. Поехали, сами справимся как-нибудь. Вернемся, тогда разбудим, пусть рыбой занимается.

Я сел за весла, Иваныч оттолкнул лодку и тоже устроился на сиденье передо мной. Несколько взмахов веслами и место, где мы разбили наш лагерь, скрылось за поворотом реки. Плыть пришлось вдоль самого берега, так что нависшие ветки тальника то и дело задевали лодку. Посередине течение было сильнее, а шли мы против него. Минут через пятнадцать свернули в боковую протоку, куда указал Иваныч, и увидели поплавки первой сетки. Некоторые из них утонули вовсе, а кое-какие подпрыгивали на неподвижной поверхности воды, распуская по ней круги.

- Есть рыба! – глаза у Иваныча загорелись азартом. – Давай, гребь к той тычке!

Я развернул лодку задом и подгреб туда, куда указал Иваныч.

- Давай потихоньку, вдоль сети!

Я начал осторожно, чтобы не наехать на сеть, править одним веслом, уложив второе на борт, а Иваныч поднимать и освобождать тонь от попавшейся в ячеи рыбы. В основном это была щучка килограмма по полтора – два, а у края сети воткнулась пара приличных окуней.

- Ты смотри, ни одного язя! – удивленно заметил Иваныч, складывая рыбу в мешок.

- А с чего он тут будет, когда щуки полно: разогнала по кустам.

- Может быть, - согласился Иваныч.

Я привязал лодку к колу, за который была закреплена сеть, и достал сигареты:

- Перекурим?

- Кури, - отозвался Иваныч, - торопиться некуда, успеем.

Я с наслаждением затянулся, разглядывая заросшие лесом почти до самой воды берега.

- Слушай, Аркадий! – начал вдруг Стешнев. – А я решил уехать.

- Куда уехать? – не понял я.

- Куда, куда! Совсем уехать.

- Как совсем? – снова не понял я.

- Поближе к сыну, в Питер. А дальше – видно будет.

Я помолчал, ничего не ответив, переваривая услышанное, а он продолжил:

- Надоела мне вся эта возня!

- Какая возня-то?

- Слышал о планах повальной приватизации, что по стране вожди наши провозгласили? Ну так наш рудник тоже в эти планы попал.

- А тебе-то что? Работай, как работал. Куда это тебя на старости лет понесло? Да и климат в нашем возрасте менять уже вредно.

- Не хочу, Аркадий! До сих пор все же какая-то самостоятельность была, а теперь придется работать на дядю. Ты это уже с девяностых проходишь, привык, может быть, а я не хочу. Да и свои, местные крысы, тоже порядком надоели: сосут и сосут!

- Так, может, теперь как раз сосать-то и перестанут? Владелец-то, поди, из столиц будет, а у них особо не напросишься.

- Во, во! Придется вертеться, как говорится, и нашим и вашим. А я так не умею.

- Да брось ты! Чего тебе в этом Санкт-Петербурге делать? Сыро и слякотно, да и друзей нет. Помрешь ведь от скуки.

- Не помру, внуки не дадут. Жена вон целыми днями скучит: поехали да поехали! Вот так-то, Аркадий!

- Ну, ты меня ошарашил! А где жить-то там собираешься? Не у сына же в однокомнатной квартире?

- Пока в однокомнатной проживем. А дальше? Володя подобрал на побережье залива домик, купим, отремонтируем и станем жить.

- А на что жить-то собираешься? Работу там вряд ли найдешь в твоём возрасте и вообще.

- А пенсия на что? Да и есть у нас кое-какие накопления. Акции завода продам, дом наш здешний – на старость хватит! Ты только пока мужикам ничего не говори, а то вдруг не получится еще ничего.

- Как хочешь. А я бы наоборот, с ними поговорил, не совсем чужие люди, глядишь, чего и посоветуют.

- Ладно, я подумаю, - Иваныч ополоснул руки от присохшей рыбьей чешуи. – Ну что, поплыли?

-Поплыли.

Я отвязал лодку, и мы двинулись дальше. В течение часа проверили остальные сети, и мешок у нас заметно пополнился. Попались и язи, правда, не особенно крупные, чуть больше килограмма. Назад по течению плыть было куда приятней. Я бросил весла и развалился на носу лодки. Через полчаса мы причалили к знакомому берегу. Солнце начало клониться к западу, и тень от косогоора прикрыла реку почти на всю её ширину.

- Ну и как улов? – спросил встретивший нас Николай с чашкой чая в руках.

- Смотри сам, - я стряхнул мешок с плеча на траву.

- О, и щучки приличные попались! А окуни-то – красавцы, какие! А я выспался, как сурок. - Он поставил чашку на пенек, раскинул руки и с хрустом потянулся.

- Ты давай-ка, орел, рыбой займись, присоли! – посоветовал ему Стешнев. – Тем более что выспался. А то не дотянет рыба до утра, проквасится.

- Это мы – сей момент! – не споря, согласился Николай.

- А где мужики? - спросил я.

- Да там же, на берегу, где им еще быть, - ответил Николай, принимаясь за рыбу. – Удят.

Вечером, когда уже совсем стемнело, мы вновь все вместе собрались у костра. Стешнев опять отличился, нажарил рыбы, но на этот раз не только щуки, но и плотвы. Уху варить не стали, надоела. А Колька к тому же закоптил попавшихся в сети окуней в самодельной коптилке, прямо на углях. Дождь так и не собрался, и над лесом повис мерцающий звездный купол. Правда, стало примораживать, но это даже и лучше – комары и мошки исчезли вовсе. И у огня было вполне комфортно.

- Ну что, господа, за удачный улов! – провозгласил первый тост Иваныч.

- И за Николиных окуней! – подхватил Виктор.

- А помнишь, Николай, как мы на Эринтур однажды коптильню привезли? – спросил я, откинувшись на подложенную сбоку куртку.

- Это когда мы еще с Виктором и Генкой ездили?

- Ну да. Тогда еще Васильевич, директор нашей мебельной конторы с нами был.

- Помню, конечно. Хорошая коптильня, здоровая, в два яруса. Можно было сразу штук двадцать щук засунуть. Правда, тяжелая, зараза! Мы потом ее, чтобы не тащить назад, оставили в ямке на берегу под соснами с запиской: пользуйтесь люди, только не ломайте.

- Точно. Только, когда в следующий раз приехали ее и все не оказалось, сперли. Кому она только понадобилась?

- А самое главное, что весила она, эта самая коптильня, килограммов сто, не меньше. Мы, когда ее повезли, вчетвером едва в машину загрузили. На Васильевича «Волге» даже рессоры просели.

- А чего, такая тяжелая-то? – спросил Стешнев.

- Да мужики ее из тройки сварили, - ответил я, имея в

виду трехмиллиметровый стальной лист, - другого металла не нашли.

- Вещь капитальная была, - подтвердил Николай. – Такая сроду не прогорит.

Володя встал и подбросил в костер пару веток. Искры взвились в небо, а пламя поднялось так, что осветило всю поляну до самого леса. Я вспомнил, что вот так же, лет десять назад, мы сидели компанией у огня и хохотали над каждой рассказанной байкой. Только компания у нас была в два раза больше, и место было другое. Там, у небольшой таежной речки, лесники оставили рубленую избу, бывшую контору мастера, не разобрав ее, как обычно, и не перетащив на новое место. В избе осталась настоящая кирпичная печь, и даже пара вполне пригодных для ночлега металлических кроватей. Только стекло в маленьком окошке разбили какие-то засранцы. Окошко мы затянули полиэтиленовой пленкой, а печь подтопили, так как стояла поздняя осень. По ночам к этой поре уже крепко примораживало, а воздух всюду пахивал снегом. Я тогда точно так же сидел и смотрел на освещенную огнем поляну. Четыре рубиновых отблеска, словно угольки, выпавшие из костра, то и дело вспыхивали у ближайших кустов. Оказалось, что два лисенка с интересом наблюдали за нами из-за бугорка, пока их маманя отсутствовала по каким-то своим причинам. Видимо, нора была где-то рядом. Прикормили их люди, бросая остатки еды у зимовья. Когда утром я первым проснулся и вышел из духоты на свежий воздух, вся поляна была белой от выпавшего ночью первого в том году снега. А утка, которую еще накануне, когда мы добирались сюда, в озере у дороги подстрелил Генка и которую мы опрометчиво оставили около избушки, пропала, утащили ее проворные щенки.

Все, что с нами было, будет без:
от забот житейских убегаю,
ждет меня, я точно это знаю,
над моей рекой осенний лес.

Хлеб нарежу,
разогрею чай,
за окном уже почти светает.
Ночь в кармине горизонта тает:
значит, уезжаю,
не скучай!
К вечеру доеду,
сотни две
отмотав таежных километров.
Сяду возле берега в траве,
грудь, подставив ласковому ветру.
Осень,
бабье лето,
листьев лёт,
на рябинах розовые грозди,
где-то дятел забивает гвозди,
да паук ловушку-сеть плетет.
На воде,
из-под прикрытых век
вижу,
поплавок слегка запрыгал,
в общем-то, приехал не за рыбой,
и пора устраивать ночлег.
Мелочь – в котелок,
набрал воды
из ключа под елью на опушке,
пол подмел в расхристанной избушке,
заготовил дров.
Туды- сюды:
незаметно время пролетело,
даже снасти не успел собрать,
за стеклом разбитым потемнело,
вызвездило,
стало холодать.
Полушубком застелил кровать.

Под уху вечернего улова
выпил залпом шкалик горькой.
Словом,
дверь прикрыл и завалился спать.

...Исцеляет душу тишина.
Поутру, открыв глаза, услышу,
как под полом шебуршатся мыши,
и скрипит за стенкою сосна.
Растоплю буржуйку, как смогу,
выйду на крыльцо от счастья пьяный:
первый снег ложится на поляну
на твоём высоком берегу.
Первый снег, он чист и невесом,
как цветок на подвенечном платье,
вексель, не предъявленный к оплате,
звон струны, звучащей в унисон.
Разгорится жаркое смольё,
заискрится, как в кузнечном горне.
Занавеской тюлевой задернет
снег, летящий с неба, зимовьё,
странное убежище моё.

Как давно это было.

- Аркадий, ты что, спишь? – очнулся я от вопроса Иванныча.
– Слушай! Я тут наемдни знаешь, какую картину наблюдал?
- Какую?

- Иду мимо нашего доблестного РОВД, а там рядом, в скверике, пара голубков сидит на скамеечке и мирно так беседует. Одного-то я сразу узнал – начальник наш новый, подполковник, а второго не сразу...

- Интересно, и кто же был этот второй? – спросил Виктор.
– А, впрочем, мало ли с кем мог наш главный мент разговаривать. Ты что, Иванныч, частным сыском решил заняться в свободное от работы время?

- Не мельтеши, - отмахнулся от Ковалева Иваныч.

- Ну тогда говори, не тяни!

- А вот ни в жизнь не догадаетесь, кто был вторым.

- Ладно, правда, не тяни kota за хвост! Кто? – спросил Николай.

- Пригляделся я, а это – Гоша Хрущ. Прилично так одет, в шляпе.

- Да ты что? А я думал он в бегах, или сидит где-нибудь на кичмане? – удивился я.

- Как видишь, здравствует, и даже снова в наших краях появился. И даже с начальником милиции встречается. Так-то вот!

- Чудеса в решете да и только, - я достал уголек из костра и прикурил. – Это что же, Иваныч, все возвращается на круги своя?

- А и не знаю, что ответить. Но раз такое случилось, значит, это кому-нибудь нужно.

- Кому, кому? Да ясно кому! – сплюнул в костер Николай. – Рыбак давно с ворьём снюхался. Думаете, они, эти самые рэкетеры, смогли бы мзду с предпринимателей собирать, если бы им менты не позволили? А раз позволили, значит, свою долю имеют. А раз имеют, то и наверх несут.

- Не может Сергей Викторович с этим контингентом никаких дел иметь! – возмутился Виктор. – Зачем это главе района?

- Денег никогда много не бывает! – философски парировал Николай. – Курочка по зернышку клюет. Откаты от строителей дело, конечно, верное, но и эти копейки пригодятся. Да к тому же торгаши рыпаться поменьше будут. Кому станет охота снова на площади бодаться, того быстренько угомонят. Дойдет до областных верхов о революциях в отдельно взятых населенных пунктах, и кресла можно запросто лишиться за политическую близорукость. А так – вот тебе и рычаги управления. Ты же знаешь, что у нас теперь основополагающий лозунг, такой же как и прежде: народ и партия – едины!

- Да ну тебя! При Рыбаке хоть дисциплина появилась.

- Вот, вот! – не унимался Николай. – Рыпнулся – вылетел из колоды! Вот и сидят сопляки да девочки субтильные по кабинетам, не рыпаются. Но и не работают. На себя маломальскую ответственность взять – да ты что! А пенсионерам и вовсе лучше носа не высовывать, тут же под зад пинка получишь! И зачем рисковать, проще же ни фигу не делать. И вся страна такая, - он снова смачно сплюнул в костер, выражая этим действием полнейшее презрение ко всем, приближенным к власти.

- А сам что, не такой? – начал кипятиться Виктор. – Что же ты тогда Паше Феофанову не один год зад лизал? А тот – вор известный. Чего же ты тогда ему в глаза правду-матку не резал?

- Чего?! – взвился Николай.

- А ну, живо прекратите! – вмешался Иваныч. – Не хватало еще, чтобы вы подрались тут, горячие финские парни! Быстро успокоились, кому говорю! – рывкнул он.

Николай, ворча, угнезвился на свое место.

- Слушай, Иваныч, - спросил я Стешнева, - это что же, все сначала? Я Хруща имею в виду.

- Не думаю. Времени много прошло, и исторические задачи, как говорит наш президент, поменялись. Но уши все равно на макушке держи, так, на всякий случай

- Ты вот скажи лучше, Иваныч, когда у нас весь этот бардак кончится? – задал вопрос Николай.

- Ты о чем?

- Да все о том же! Когда у нас воры, как и положено, будут в тюрьме сидеть, а нормальные люди, не оглядываясь, ходить вечерами по улице?

- А никогда.

- Ну ты и успокоил.

- Жаль, только жить в эту пору прекрасную, уж не придется ни мне, ни тебе! – продекламировал я классика.

Все у костра на минуту притихли, видимо переваривая

последнее умозаключение Иваныча и стихи Некрасова. Слышно было только потрескивание углей и негромкое шипение чайника.

- Помнишь, Аркадий, я тебе о плесени рассказывал, - прервал нависшее молчание Стешнев.

- Поясни, - отозвался Николай.

- Плесень вездесуща и неистребима. В нормальных условиях она никак не проявляется, но споры ее живут и здравствуют. И так может долго продолжаться, лет сто, а то и тысячу. Но только стоит появиться подходящим условиям: ну, там – влажность, температура, они тут же прорастают. Что мы делаем, когда открываем банку с бабушкиным вареньем и видим на его поверхности плесень? Снимаем этот налет, а варенье едим. Но нити мицелия, не видимые глазу, уже поразили весь продукт. А мы, знай себе, трескаем варенье и травимся.

- Это ты насчет борьбы с коррупцией? – вставил Виктор.

- И насчет этого тоже. У нас сегодня вся страна поражена плесенью: от самого захудалого поссовета до Кремля. А борьба с этой самой плесенью, как всегда, напоказ. Срезали кусочек, прихватили какого-нибудь докторишку с мелким подношением, и трубим на всю державу! Как же – победили коррупцию! А, когда из бюджета прут миллиардами, этого никто не видит. А если и появляются такие факты, то виноватых, как правило, нет. Хоть одного из приближенных к телу осудили? Ты, Витя, что, не знаешь, что у вас вся головка в карман себе прет?

- Не знаю, - отмахнулся Ковалев. – Не пойман – не вор, как говорится! Если бы вскрылись факты, наверное, приняли бы меры.

- Да ты прямо, как младенец. Я тебе этих фактов сейчас полсотни нарисую.

- Прокурорская проверка в администрации недавно была – ничего не обнаружили.

- Это потому, что команды «фас» не было. А будет команда, сядет наш топ-менеджер за милую душу. Да и Рыбаку не

сладко придется. Так я – о плесени. Еще в Библии упоминается о «язве проказы в доме». Так вот, зараженные плесенью камни хозяева, согласно Закону Бога, должны были выломать из стен жилища и вынести за город в «нечистое место». А, если «язва» появлялась вновь, весь дом объявлялся нечистым, и тогда его сносили под корень. Да и у нас в старину избу, зараженную черным домовым грибком, немедленно сжигали, чтобы не заразить всю деревню.

- Как я тебя понял, Иваныч, - вмешался Николай, - действовать нужно только по Пушкину: бунт, кровавый и бессмысленный. Иначе никого и ни чем не проймешь!

- Может быть, не знаю. Бунт – он тоже не всегда полезен, а чаще – вреден. Но то, что плесень эта нашу страну разъедает, видно невооруженным взглядом.

- Плесень тоже разная бывает, и даже полезная, - вставил я. – Едим же мы заплесневелые сыры.

- Бывает, но малая часть. А остальная – в основном опасна. Сейчас даже определили, что ее отдельные виды рак вызывают. А спорыней еще древние ассирийцы врагов травили. Так что, не все так просто, Аркадий.

- Хорош о грустном, мужики, - я вытащил сигареты и закурил. – Ничего мы с вами не сделаем, только настроение себе испортим. Вон Володя уже заскучал от наших разговоров.

- Да я ничего, - Володя поднялся и бросил в угасающий костёр пару хворостин.

Искры взлетели в небо.

- Давайте-ка я вам лучше стихи почитаю.

- Ну почитай, послушаем, - отозвался на мое предложение Иваныч, - классик ты наш!

Я задумался на секунду начал читать:

У потерявших совесть нет лица.
Заветы предков преданы забвению.
Апостольские строки откровений
не трогают остывшие сердца.

Власть равнодушна в сытости чинуш,
и недоступна ближнему в гордыне,
и, что там за окном творится ныне,
не задевает очерстневших душ.

А по стране ползет ночная тень
и множит сталагмиты минаретов,
но тем, кто должен призывать к ответу,
не то что делать – даже думать лень.

Мне больно видеть Родину такой:
стоит у пересохшего колодца,
шарахаясь любого инородца,
горбатую старухою с клюкой.

А издавна, еще под игом орд
князя свои дружины собирали,
и шли на бой, хоругви поднимая
и образа святые за народ.

И побеждали.
Даже вопреки.
В кровавых сечах были мы едины.
Пути Гоподни неисповедимы,
но и России в рабство не с руки.

И позже, в те безумные века
погромов, революций и пожарищ,
когда мы имя доброе «товарищ»
распяли в казематах ВЧК,
решив, что изуверствовать пора,
и алтари, разрушив повсеместно,
нас высекли иуды-перекресты
под крики громогласные «ура».

Но и тогда она была права,
прикрывшая нас платом Богоматерь,
и мы вставали, проявив характер,
не тратя бесполезные слова.

Болтун кремлевский грозно хмурит брови:
мол, нас давно приблизили века!

Но для того ли не жалела крови
казацкая ватага Ермака,
чтобы клочки Кучумовой орды,
что разбежались по лесам и весям,
опять набравшись наглости и спеси,
сошлись под стены матушки-Москвы?

Его словам пустым с тревогой внемлю,
мы пядь за пядью рубежи сдаем.
Чужие люди топчут нашу землю,
боченясь и наглея с каждым днем.

И в сердце обескровленной Отчизны,
в виду ее святых монастырей
потомки Чингисхана правят тризны,
а мы все с толерантностью своей.

Проснись! – кричу стране – Открой глаза!
Перелистай истории примеры!
Ужели третий Рим и нашу веру
осилят рамадан и ураза?

И для того ли брали мы Казань,
и на седом Кавказе шли под пули,
чтобы холуи в наши уши дули
бесовскую, бессовестную дрянь?

Верните нашу совесть, господа,
и всех героев русских помяните,
да меньше о своей утробе мните,
и так все сперли.
Дальше-то куда?

Восстаньте князь Владимир Мономах
и Глеб с Борисом!
Заступите поле!
И, может быть, тогда не будет боле
разброда и шатания в умах.

- Seriously! – оценил после некоторого молчания Стешнев. – Толерантности у нас действительно – через край!

- А по-моему, ты маленько перехватил, Аркадий, - заметил Виктор, - дружбу народов у нас еще никто не отменял.

- Как же! – саркастически хмыкнул Николай. – Поэтому мы в Чечне столько этого самого народу и положили!

- Там террористы против нас воевали.

- Ага! А остальные – примкнувшие, в том числе и малые дети, - Николай сплюнул прямо в угли.

- Да я не о национализме написал, а о том, что все должно быть в меру, не только в жизни, но и особенно в вопросах веры. У меня вон прораб два раза женат, и оба раза – на татарках, хотя сам коренной русак. От обеих по девочке имеет и вполне счастлив. Да ради Бога, живите и радуйтесь! У меня у самого кого только в роду нет: и поляки, и хохлы, и русские! А бабушка по отцу и вовсе – бурятских кровей. Но пришлые-то нынче, чего со своим уставом к нам лезут? Не продохнуть ведь скоро станет от азиатов. Слышали о волнениях в Москве по поводу строительства новой соборной мечети? Не слышали? Так вот там их уже четыре. А кто-то из пришлых начал пятую пробивать. Им даже место под строительство отвели. Понимаю, что не задаром! Задаром в столице не пукнешь, не то что место под стройку выбьешь.

Но народ зашумел. И правильно. Москва ведь – не Казань и не Грозный.

- Прав ты, Аркадий! – заметил после возникшей паузы Иваныч. – Безобразно наши вожди национальную политику ведут, шарахаются из стороны в сторону! Не зря по стране всяких скинхедов и прочей сволочи наплодилось! А о патриотизме молодежи я и вообще уже молчу.

- Вот это – точно! – Виктор пододвинул выкатившийся из костра сук в огонь. – Не дай Бог – война!

- Зря ты так о молодежи, папа! Да и вы, дядя Витя, тоже. Молодежь она ведь разная, - отозвался Володя.

- Да я не тебя имел в виду, - ответил Стешнев.

- Кончайте вы про политику! – вмешался в разговор Николай. – Тоску наводите своими речами. Давайте лучше – про баб что ли.

- А вот это – можно:

На улице ветер мокрый
фонарную жечь качает,
в задрапированных окнах
тенью – лица овал.
Странности встреч коротких,
колкости фраз случайных –
все отразилось в стеклах
старых твоих зеркал.
Ветрены,
как погода,
как суета блудливы
лживые откровенья –
от пустоты ключи.
Полночь –
пора ухода
с шёпотом торопливым,
и невзначай ступенью
не заскрипи в ночи.

Краденые мгновенья
жадных свиданий этих
не опьяняет разве
двойственность темноты?
Скоро предаст забвенью
мокрый, осенний ветер
тайну непрочной связи –
знаем и я,
и ты.

- Во, это тебе ближе по теме! – усмехнулся Виктор. – Вся глубина вопроса исследована, так сказать!

- А, то!

- Давайте-ка, мужики, по последней и спать! – встрепенулся задумавшийся о чем-то Иваныч. – Час ночи почти, а в пять – подъем! Проспим клев.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Выборы преподнесли-таки сюрприз. Несмотря на то, что плакатами и плакатиками, призывающими население города голосовать за Александра Пилюгина, были оклеены все заборы и двери подъездов, победил коммунист Елкин. И это был удар по Рыбаку, первый звоночек, так сказать. Я понимаю состояние губернатора, когда правящая партия «едросов» обгадилась не только в нашем городе, а еще и в целом ряде районов области. Как я и говорил Витьке, громоотводом в данном, конкретном случае послужил Игорек Шнитко, поскольку он являлся не только главой администрации района, а еще и председателем отделения «Единой России», но и председателем предвыборного штаба Пилюгина. Короче, вызвали Игорька на ковер в область, а вернулся он уже никем. Говорят, что при разговоре с губернатором ему даже плохо стало. Хотя, если подумать, ну что такое должность? Жив остался и в тюрьму не засунули – радуйся! А могли дать команду прокуратуре придушить насмерть, да, видно, пожалел губернатор нашего Игорька.

- Что я тебе говорил! – заявил я через пару недель при встрече с Витькой. – Командует в районе Рыбак, а грехи отмывает глава администрации. Игорь-то еще на месте?

- Уехал.
- Куда?
- Назад, в столицу.
- И Наташку с собой забрал?
- Да нет, с новой женой отбыл.

Мода у наших начальников такая: как только повышение получил – тут же жену меняет! Даже Остроглаз, и тот от этой моды не ушел. Седина в бороду – бес в ребро! Прыгают на старости лет, пока возможность есть, и стимуляторы помогают, будто последний день живут. А что случись – назад просятся! Я вот только сейчас понял, что шило на мыло менять – только время терять! Поздновато, конечно, понял, но что делать.

Дома у меня все хорошо, даже страшно становится. Я постарался напрочь забыть тот вечер в ресторане, когда неожиданно вновь очутился у Ленки в постели. Никто, видимо, не засек меня тогда, и я был готов Богу свечку в церкви поставить за то, что он меня уберег от худших вариантов развития событий. Самому себе я поклялся, что со мной никогда больше такого не повторится. Такие бы мысли, да Богу в уши!

- Что нового на работе? – спрашивала меня Наташа, баюкая в кроватке сына. – Сижу дома, ничего не знаю. Да и в районе что делается?

- На работе как обычно: дома жилые сдавать нужно, а денег, чтобы их достроить, в фонде, естественно, нет. Вернее, деньги-то от области получили, только отдали «Спецмонтажу», а остальным, как понимаешь, не досталось. Задолбал всех Рыбак своей фирмой карманной.

- Не злись! Все равно ничего не изменишь. Ну выкинут Рыбака – другой придет, такой же. Не сомневайся.

- Да я и не сомневаюсь. Надоело просто все. Никак нормально работать не научимся при любой власти и в любые времена. Короче – обычная беда: дураки и дороги! И этим все сказано.

- Ну а в районе что?

- Да ничего особенного. Нового главу администрации назначили, правда.

- Да ты что! И кого же?

- Сыропятого, помощника Игорькова.

- Так он же никогда и ничем не руководил! Всю сознательную жизнь по конторам отирался.

- Зато местный, абориген, так сказать. И высшее образование имеется. А коренных жителей у нас стало модно продвигать в руководство. Да и раньше, еще при советской власти, то же самое было. Даже квота негласная существовала, сколько националов в той или иной структуре быть должно.

- А что еще?

- А остальное – все то же! Правда, Рыбак тут влип в неприятную историю.

- Что такое?

- Да подрался в кабаке.

- Не может быть!

- Видимо, может. День рождения дочки у себя на заимке справлял, а потом его какой-то черт в кабак понес.

- В Вавилон?

- Да нет, в Угорске.

- И что?

- Ментов вызывали, протокол составили, но думаю – выкрутится.

- А с кем подрался-то?

- Да, как я понял, с хозяином этого самого заведения.

- Ничего себе. Какой теперь шум поднимется! А, если до губернатора дойдет? Он ведь Рыбака-то не слишком жалует.

- Зато деньги, как и все, любит. Свезет Рыбак в область миллионов надцать, и все затихнет.

- Но, если протокол составили, сводка не только по области прошла.

- А не в области кто знает, что из себя Рыбак представляет? То-то же! Так что, не беспокойся, сольют это дело потихоньку.

- У нас все возможно.

- Вот именно. Смотри, спит уже Виктор, пошли и мы потихоньку.

- Пошли.

Строительство спорткомплекса шло строго по графику. Сдавать объект по плану должны были в следующем году, но Зарубин подписался у Рыбака сдать комплекс в текущем, если полностью будут выделены деньги.

- Как, осилим? – спросил он меня после разговора с главой.

- Тяжеловато! – покачал я головой. – Рабочей силы можем не найти такого количества. Лето – все заняты! Но, в принципе,

постараться можно. Только тогда вперед паровоза надо благоустройство штурмовать.

- Вот и действуй. А я деньгами займусь.

И что вы думаете? Деньги на окончание строительства Рыбак из области выбил, но из всех оставшихся для окончания объекта семидесяти восьми миллионов нам перепало только двадцать. А при таком раскладе стройку залихорадило.

- И где деньги, Зин? – спрашивал я своего директора.

- Известно где, - мрачно отвечал Зарубин. – Был с Тихиходовым у зама по финансам, у Сазоновой.

- И что?

- А ничего. Зарплату из тех денег бюджетникам заплатили.

- Так ведь это – целевые федеральные деньги! Конкретно – под объект!

- Чихать они на это хотели! Дал Рыбак команду – и заплатили.

- Ну и ну! И что предпринимать будешь?

- А что тут предпримешь?

- Я бы в контрольно-ревизионное управление, в область позвонил.

- А толку? Ну приедет комиссия, проведет проверку, снимет эту дуру с должности. Во-первых, сколько это тянуться будет, а во-вторых – Рыбаку от этого ни жарко ни холодно: он письменных распоряжений не давал. И потом: финансовое управление находится в структуре администрации, а командует администрацией теперь Сыропятов. Понял?

- Да куда уж не понять!

- Ладно, поеду в «Жилище», может, выбью какую копейку.

Зима наступила незаметно. К началу ноября стало примораживать, а к седьмому снег накрыл землю окончательно. Благоустройство на спорткомплексе мы выполнить все же успели: хоть и с опозданием, да и деньги управлению потихонечку вернули. В гости к нам приехала Наташина мама. Оставив нашего мальчика на попечение тещи, в одну из суб-

бот мы с женой выехали на природу. Вернее, порыбачить на одну из многочисленных таежных речек, где у нас было свое, любимое место. Час пути на машине, и мы уже вдыхали морозный, лесной воздух, пропитанный запахом хвои, на высоком берегу речушки, шириной всего-то метров десять. Речка еще не замерзла и лениво текла между белых берегов, местами покрытая тонким ледком, особенно там, где не было течения. Я размотал Наташе одну из удочек и насадил на крючки червей.

- Вон, видишь омуток на той стороне? Вот туда и забрасывай.

- А ты куда собрался?

- А я вон там, возле бревна, на зимнюю удочку попробую окушков поудить.

Окушки действительно облюбовали место у коряжника, и я довольно быстро, в течение получаса, наловил штук двадцать. Наталья к этому времени вытащила с десятков довольно крупных чебаков. Погода, с утра хмурая, к этому времени разгулялась. Солнце поднялось выше сосен и начало пригревать не на шутку. Иней на стволах сосен и снежок под ногами начал подтаивать. Я даже куртку снял.

- Может, чаю попьем? – спросил я жену. – Одиннадцать скоро.

- Давай, доставай термос, - ответила довольная окружающей ее благодатью Наталья, не выпуская удочки из рук. – Я сейчас еще одну вытащу – и попьем!

- Не жадничай! На уху и на жареху уже поймали. Я тут пока окуней ловил, одно свое старое стихотворение вспомнил про рыбалку. Хочешь, прочитаю?

- Конечно.

- Тогда слушай:

По тропе над берегом из леса
на широкий плес реки сойду.
Выберу со знаньем дела место,
где коряжник скрючился во льду.

Лунку пробурю.
Приткнусь на пайву.
Закурю.
Какая благодать!
Снег искрится, возле сосен тает
на крутых пригорках.
Тут клевать
начинает.
Плавно подсекаю,
чувствую, забился, загулял
окунь под корягой.
Выбираю
леску, лишь бы, черт, не оборвал.
Ошалев, топорщит жабры окунь,
красавец, грамм триста будет, чать.
В небе ослепительная просинь,
воздух пахнет хвоей.
Припекать
начинает солнце.
Разжигаю
костерок, завариваю чай,
режу сало, водку разливаю:
перекур, ребята, налетай!
Посидим, поговорим немножко
об улове.
Тишина вокруг.
Шустрые синицы тянут крошки,
не пугаясь, прямо из-под рук.
Умиротворенный и счастливый,
подстелив шубейку на меху,
знай, таскаю ершиков сопливых,
ладно, пригодятся на уху.
Да и много ль надо человеку
отдохнуть от дома и забот,
ведь природа самый лучший лекарь
от любых болезней и невзгод.

Уезжаем к вечеру.
А дома
расскажу, какой сорвался язь,
и жена с улыбкою знакомой
покивает, про себя смеясь.

- Это точно, прихвастнуть вы, мужики, все умеете!
- А что не привозил я яззей разве?
- Привозил, привозил! Но чаще ершей да окушков.
- Так из них уха всего вкуснее!
- Иди, садись, чай пей, добытчик ты мой! Дай я тебя поцелую.

Счастье переполняло нас в такие минуты. Может быть, первозданная природа так благотворно действовала на нас, а может быть, просто человеческая любовь? Скорее всего. Чем дольше мы с Натальей были вместе, тем дороже она становилась для меня. Да и сын наш, Витька, – такой замечательный кроха, что и словами не передать. Семья – она и есть семья! К своим сорока годам я, наконец-то, это понял.

А перед самым Новым Годом мне на работу позвонил Иваныч:

- Слушай, у тебя теща еще не уехала?
- Нет.
- Ну тогда бери Наталью, и вечером, к семи будьте у нас.
- А что случилось-то?
- Вот вечером и расскажу. Так что – быть обязательно! Я и ребят наших с женами пригласил, и Виктора, и Николая. Прошу не опаздывать! – и Стешнев, не дожидаясь моего ответа, положил трубку.

Заинтригованные таким внезапным предложением, вечером мы вместе с женой отправились к Стешневым. Там нас уже ждали Виктор с Верой и Николай с Татьяной.

- Садитесь, гости дорогие! – пригласила к столу хозяйка, Вера Петровна.

- Ну что, друзья, - поднялся Александр Иванович, держа в руке рюмку, - мы собрались с вами по печальному поводу нашего с Верой Петровной отъезда.

- Как? – у меня чуть стопка из рук не выпала.

- Пришло время, - махнул свободной рукой Иваныч. – Давайте-ка лучше выпьем! Без лишних слов и стенаний.

Вера Петровна смахнула платочком внезапно набежавшую слезу, а Наталья, сидевшая рядом, погладила ее по плечу:

- Ну что вы, Вера Петровна, не расстраивайтесь так!

- Как же, Наташенька, столько ведь лет в этих краях прожили. Половина друзей наших здесь на погосте лежит.

- Не плачь, мать, все образуется! – сурово прервал жену Стешнев. – Не на каторгу едешь, а к сыну поближе и внуку. Так что не гневи Бога! Да и не завтра мы уезжаем, - пояснил он, - дела еще кой-какие порешать нужно. Дом, кстати, мужики, никому не нужен? Отдам по дешевке для своих.

Новость эта расстроила всех. И, когда мы возвращались с Натальей домой пешком, так как погода была великолепной, всю дорогу говорили об отъезде Стешневых.

- Один из самых порядочных людей в нашем районе – Александр Иванович, - пригорюнившись, сокрушалась Наталья. – И того сожрали!

- Ну сожрать-то Иваныча, скажем, не получилось! Просто надоело человеку с ветряными мельницами и нашими кретинами сражаться, да и возраст уже пенсионный, устает, поди, воевать. В этой стране всегда приличных людей гнобили. Во все века. Ты вспомни: сколько по тайге забытых погостов разбросано. И ты сама в таком же поселке лагерном выросла. Правда, нет худа без добра! Не было бы у тебя на родине лагеря и спецпереселенцев, не встретила бы твоя мама отца. Ну и ты, естественно, не родилась бы. Вот так! – попытался я подвести итог нашей беседе.

- А при чем тут лагерь? – возразила Наталья. У меня ни отец, ни мать сроду не сидели.

- А бабушка с дедушкой у тебя кто были? То-то же! Бывшие зеки.

- Приличные люди они, во-первых, были! Приличные и воспитанные. Да и у тебя дед тоже на Соловках срок отбывал.

- Так это за то, что он поляк был, иностранец, так сказать. Мне мать рассказывала, что когда началась война и немцы подошли к Калинин, почти весь город эвакуировали. А они, дед, бабушка и мама, – остались. Дед слесарем на ткацкой фабрике работал, бабушка там же – ткачихой. Остались, чтобы как-то за фабрикой присмотреть. А директор, пользуясь моментом, потащил что-то с предприятия, нажиться решил, гаденыш. Дед не дал, воспротивился. А когда наши вернулись в город, Калинин-то и оставляли всего на пару месяцев, директор, не долго думая, наката на деда телегу: мол, иностранец, с немцами снюхался! А дед, хоть и прожил к тем порам в России уже лет двадцать, а то и больше, гражданства так и не оформил. Да и чего оформлять, до революции половина Польши Россией была. Ну тут органы сразу подсуетились, и вкатали деду десятку, как немецкому шпиону. Вот и дышал Антон Яковлевич полезным морским воздухом на Соловках двенадцать лет. Я помню, когда он вернулся, мне лет семь было. Что-то у него с вестибулярным аппаратом за эти годы случилось: идет, идет, и вдруг вперед наклоняется и падать начинает. Носом ударится, кровь бежит, а все равно хохочет! Может, меня пугать не хотел. Бабка ругается: куда опять старый черт подался, сидел бы на завалинке, а не шатался по улице!

- Моего родного деда расстреляли в тридцать восьмом. С этим дедом, Сергеем Васильевичем, бабушка в лагере познакомилась, а когда освободились, вместе жить стали.

- А мать где была, когда бабушка сидела?

- Её тетки воспитывали до пятьдесят третьего года.

Некоторое время мы шли молча, думая каждый о своем.

- Да, - наконец нарушил я молчание, - крутые времена были! Перелопатило нашу державу до самого основания. А все равно старики с ностальгией те времена поминают.

- Молодые были, а молодым – все в жизни прекрасно, где бы и как бы ты не жил.

Уезжали Стешневы уже в марте, когда кое-где, на южных склонах сосновых грив, на солнцепеке, появились первые, робкие проталины с вытаявшей из-под снега порыжевшей прошлогодней травой. Мы с друзьями, стояли на перроне у купейного вагона поезда, отбывавшего в столицу, и молчали, так как все, что можно было сказать по этому поводу, уже было сказано. У ног Виктора и Веры крутился волчком их сын, который к этому времени уже крепко стоял на ножках. А наш Витька спал в коляске. Ходить он тоже научился, но пока слабо.

- Ладно, друзья, идите уже, - сказал, стоящий одной ногой на подножке, Иваныч. – Долгие проводы – лишние слезы! Да и не в последний раз видимся. Летом обязательно приеду, на рыбалку сгоняем!

Но мы все-таки дождались, пока поезд тронется, и еще долго махали вслед уходящему составу. В душе на какое-то время поселилась грусть. Но жизнь не стоит на месте – повседневные дела и заботы постепенно, но неизбежно эту грусть рассеяли.

Наступило новое лето. По городу носило тополиный пух и аллергии мучились удушьем. Слава Богу, через день выпадали осадки, и пух этот бурными потоками уносило по кюветам к морю. Лето обещало стать грибным, тем более что в прошлом году стояла засуха, и грибов не было вовсе.

Алексей Петрович Елкин, а попросту, для своих – Леха, угнездившись в кресле градоначальника, первое что сделал, разругался с депутатским корпусом. Большим умом Бог бывшего вертолетчика не наградил, дипломатическими способностями – тоже. Рыбаку, тому, например, в гибкости не откажешь, а Леха пер со своими амбициями напролом. Сначала он решил забрать все полномочия, переданные

предшественником району, назад, в город. Зачем ему понадобились лишние заботы, исполнять которые у города не было ни сил, ни денег, ни возможностей, непонятно. Да и людей, которые могли нести это бремя, тоже не было. В результате начали стремительно рушиться дороги, которые толком не ремонтировались, и пылить тополя, которые никто не стриг. Обычно возникшие ямки на дорогах летом заделывались асфальтом, а тут их, странное дело, начали заделывать кирпичными брусками. Машины на ямах прыгали и добивали асфальт, а в дождь кирпичи вылетали из ям, покрывая битым камнем дороги. Из областной программы капитального ремонта жилья город со свистом вылетел, потому что Леха своевременно никак не смог договориться с депутатским корпусом по поводу годового бюджета. Его подписание тянулось месяцев пять, и область при таком раскладе дел денег ни на одну программу не выделила.

Председатель общественного совета, будучи еще и депутатом городской Думы, когда вспоминал своего бывшего приятеля, аж слюной давился:

- Чего делает, гад! И куда только район смотрит! Он же город зимой заморозит!

На что я ему отвечал:

- Не заморозит. Он, говорят, все же кое-какие полномочия назад в район передал, в том числе и содержание котельных с сетями. А вообще-то стоило бы заморозить, чтобы люди поняли, кого выбрали. Помнишь, кто-то из великих сказал: каждый народ достоин своих правителей!

- Так он не только со своими депутатами грызется, он и с районом отношения окончательно испортил. Рыбак его на дух не переносит!

- Да все тут понятно: дорвался человек до власти, которой никогда не имел, вот и фордыбачит! На вертолете что: пара подчиненных, а тут целый штат! Хозяин города как-никак! И зарплата вполне приличная, я уже не говорю об остальном.

- Дофордыбачит! Вылетит из кресла, сожрут его люди.

- А вот это – сложно. Вы же сами под себя законы клепаете. А по вашим законам, снять с работы выбранного прямым народным волеизъявлением человека ох как сложно! Так что, придется вам Леху до конца срока терпеть!

- Да уже никакого терпежу не осталось.

- Так, вы ему недоверие выскажите и снимите с работы! Признайте работу главы неудовлетворительной.

- Даже с неудовлетворительной работой два года ждать нужно. Да он еще и в суде оспаривать решения Думы может, а это – тоже время.

- Ну когда-то начинать нужно, а то под лежащий камень вода не течет! Молодец вертолетчик, задал вам работу, чтобы не скучали!

- Тебе бы все хихоньки да хахоньки, а тут голова раскалывается: не знаешь, что и предпринять. А знаешь, какую он зарплату получает?

- Ну и какую же?

- Под двести тысяч в месяц.

- Не хило! Так сами, поди, и назначили. Так что Лехе уходить не с руки, он еще посидит, кровь вам попортит! Я бы тоже от такой зарплаты не отказался, за пять-то лет состояние сколотить можно. А если еще и приворовывать, тем более – возможностей хоть отбавляй.

- Это да! – мрачно подтвердил председатель.

Меня и правда, мало волновали все эти городские страдания. Прав был Иваныч: неблагодарное дело – народу служить! Держись подальше от всей этой своры яйцеголовых, товарищ, и будет вам счастье:

С давних пор повелось в Отечестве,
что ни пастырь, то шут гороховый,
при высоких чинах и отчестве.
Не понять: хорошо ли, плохо ли?
Шевелятся мозги под черепом,
но все без толку, словно пьяные.

Неизвестно, к какому берегу
правят лодкою окаянные!

И ползут во власть, как на подиум,
политические юродивые.

В настоящем, все те немногие,
в ряд значимых персон попавшие,
ощетинились секретаршами,
вертухаями и убогими.
Будто скалы в горах отвесные:
ступишь в сторону шаг – и сверзишься!
А пока доберешься к лестнице,
даже в Господе разuverишься.

Предводители – люди умные,
неприступны, как дьяки думные.

В выступлениях – всё цитатами,
а подумаешь – к бесу катятся.
Но рожденные вороватыми
никогда уже не покаются.
В гневе праведном пену гонят,
если их против шерсти гладят,
и, как правило, долго помнят,
да потом очень долго гадают.

И понятие чести, словом,
недоступно яйцеголовым!

До последней главы известны нам
все их подвиги и отличия,
до оскомины речи пресные
и деяния неприличные.

Но опять выбираем, калики,
тех же самых себе правителей,
и садятся на троны карлики,
обнаглевшие потребители.

Словно книги, давно прочтенные,
эти самые, облечённые.

В конторе нашей все шло как обычно: не слишком хорошо, но и не слишком плохо. Как ни странно, строительство спорткомплекса, несмотря на все трудности финансирования и погодные катаклизмы текущего сезона, близилось к своему завершению. Николай Зарубин по привычке бранил власть за ее ненасытный аппетит к халявным деньгам:

- Чувствую, Викторovich, загубят эти мерзопакостники строителей, не успеем оглянуться. Вцепились, как бульдоги в ляжку и тянут, тянут, все им мало. То на пионерлагерь тянули, то на хоккейную команду, то просто так отстегивать приходится. А сейчас, видишь ты, верой озаботились, храм строить взялись.

- Так у нас, вроде, церковь от государства отделена. Чего ради мы в это дело ввязываемся? Да и Рыбаку эта грыжа зачем?

- Модно теперь. Телевизор смотришь? Так вот там все, кому ни лень, лбы крестят и поклоны бьют. Вчера еще попов и близко к себе не подпускали, а сейчас чуть не взасос лобызаются, как Брежнев с Хонекером. Вон график прислали по выделению кранов на стройку, в благотворительном, так сказать, порядке.

- А ты не давай.

- Попробуй, не дай! Завтра в карман нагадят.

- А тогда не плачься, плати. Кстати, мужики поговаривают, что объемы в «Жилище» кончаются. Последний квартал шестизэтажек Рыбак своей конторе передал, а нам – фигу! А со следующего года областная программа

по переселению из ветхого жилья заканчивается, что делать-то будем? Надо участки под застройку искать и самим жилью строить. И проектировать самим. Что мы хуже «Жилища», что ли? Хватит с этим долбанным фондом нянькаться!

- А где ты эти участки под застройку возьмешь? Я сунулся, было, в фонд имущества, а мне там в ответ: к папе идти надо, без него ничего не решается! Понял?

- Во, значит и здесь Рыбак присосался! Этого и следовало ожидать, какой кретин от такого куска откажется? Земля, она и в Африке – земля! Только другого пути у нас нет, спорткомплекс тоже скоро закончится. Так что бери конверт потолще и топай к папе!

- Придется, видимо. А то хоть контору закрывай!

- Можно, конечно, и у соседей объемы поискать.

- Ты Угорск имеешь в виду.

- Ну да. Недалеко, всего-то двадцать верст и ехать по асфальту. В областных центрах и столицах объекты и подальше разбросаны, а ничего – строят.

- Надо подумать.

- А чего думать? Думай, не думай – объемы искать надо, а то лопнем, как мыльный пузырь.

- Это точно!

Деньги за сданное жилью нам так до сих пор и не заплатили, и, куда они исчезли, никто внятно объяснить не желал. Хотя с деньгами умному человеку все было понятно, не зря же тот самый квартал жилых домов, возводимых «Спецмонтажем», поднимался довольно шустро.

- Что будем с четвертым домом делать: сдавать, или не сдавать? – чесал затылок Зарубин.

- Сдавать нужно, и – срочно!

- Так на налоги влетим!

- Сдавать нужно и в арбитраж по оплате иск подавать! И налоги туда же воткнуть. Других вариантов нет. Ты, сам не видишь, что не сегодня - завтра «Жилище» это наше

обанкротится. Кто в очереди первым будет, еще что-то получит, а остальные, боюсь, пролетят.

- Ну тогда садись на объект, готовь к сдаче.

- А деньги где? Обои срочно нужны, линолеум, плитка.

- Пойду к Тихомирову просить. Должна же у них совесть, наконец, проснуться.

- Сомневаюсь насчет совести. Как бы наоборот не получилось, с самого последние кальсоны не сняли! А впрочем, сходи, вдруг да выгорит. Башка трещит от всех этих дел.

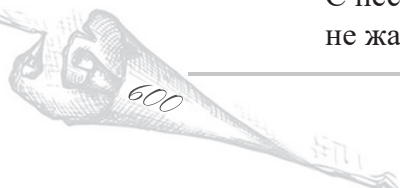
Отдых приходил только дома, когда мы собирались всей семьей, я, сын, Наталья, и забывали обо всех катаклизмах нашей корявой эпохи развивающегося капитализма. Телевизор старались включать пореже и смотреть то, что нравилось. Остальная говорильня только раздражала. А ранним утром, часов в пять, я тихонько поднимался, стараясь не разбудить Наталью, уходил на кухню и писал. В это время никто не мешал думать, сочинялось легко и свободно. Писал я обо всем, но больше всего о том, что тревожило, не давало покоя:

Век двадцатый почивал на лаврах
с лозунгами: выше и быстрее!
Заглушали звонкие литавры
стоны площадей и лагерей.

Катаклизмы века непогоды
строили в шеренги, как конвой,
яркие и проклятые годы,
пропитые весело страной.

Нас швыряло в гущу перестроек,
переломов и пустых шумих
время лакированных героев,
всемирно признанных ткачих.

С песнями сражались и рожали,
не жалея крови и людей –

рухнули, распались миражами
карточные домики идей.

Из собачьей, преданной породы,
сызмальства отведавшей плетей,
ждали с нетерпением свободы,
если не для нас, то для детей.

Выпало,
свершилось,
прозвучало
то, что оставалось за стеной,
только жаль, что лодку раскачало,
захлестнуло мутною волной.

Вроде, даже на ноги привстали,
распрямясь согбенною спиной,
но застряло все, о чем мечтали,
между нищетой и сединой.

Вот и тлеет, словно головешки
нами разожженного костра,
угольки рассыпаны, как вешки –
память не дожившим до утра.

Остальные тянут лотерею,
веря, что сорвут солидный куш,
а Россия рядышком хиреет
под рукой ворующих чинуш.

Кто-то в играх голову заложит,
было бы за что – и в этом суть!
Жаль, что это будет много позже,
где-то после нас,
когда-нибудь.

Там в углу непаханого поля,
где пылит последняя верста,
ожидает наши души воля –
воля у могильного креста.

Мрачновато? Зато по сути – верно! Терпелив наш народ. Помню, отец мой то Хрущева ругал за кукурузу, то Брежнева за БАМ, а в итоге, к старости, только в компартию, которой они руководили, и верил. Хотя, какая разница, компартия или еще какая, партия? Кто власть захватил, тот и на коне. Но с отцом на эту тему я старался никогда не спорить: зачем лишний раз обижать старика? Нравится ему Зюганов, ну и Бог с ним! Чем он хуже Медведева, например? Тот вообще болтун несусветный, а ничего, в премьерях ходит.

Ну а потом поднималось солнце, сосед, каждое утро поливающий цветы на клумбах, начинал брякать ведрами, дом просыпался. Я закрывал черновики, поднимался и шел будить Наталью. Начинался новый день.

ЭПИЛОГ

Прошло почти семь лет. Снова наступила осень. И сегодня мы с Натальей ведем нашего сына Виктора в первый класс. Он не на шутку строг и подтянут, а его волнение от предстоящей встречи с незнакомым и пока слегка пугающим миром передается и нам. Букет осенних цветов крепко зажат в маленьком кулачке теперь уже почти взрослого человека. Интересный такой человек, любознательный. И веселый, в отличие от меня нынешнего. Хотя по молодости я тоже был веселым, даже чересчур. Не зря девушки меня уважали. Тьфу ты! Пора забывать юношескую блажь, семейный человек все же.

Держа меня за руку, по еще не просохшему от ночного дождя тротуару шагает трехлетняя наша с Натальей дочь, Ольга. Два огромных белых банта, вплетенные в тоненькие косички, придают торжественность текущему моменту. Я смотрю на нее искоса и спрашиваю себя: на кого же она похожа? Мать темноволосая, смугловатая, яркая такая женщина, а дочь русая, светлокожая, хотя и с румянцем, хрупкая, как тростинка. Да и глаза у нее – светло-серые, в отличие от моих – голубых. А у Натальи они и вовсе разные: один – карий, а другой - зеленый. Я и высказался, помню, однажды в своем стиле, дескать: ни в мать, ни в отца! Конечно, с любовью к родному человечку:

А дочка на мать непохожа:
волнистая, русая прядь,
румяная, белая кожа,
и даже в поступках – не мать.

Смотрю на ребенка –
не слабый
характер, и в голосе медь,
черты ее теток и бабок
пытаюсь в лице разглядеть

Девчонка привязана к дому,
как в юности я – егоза,
и неуловимо-знакома
смешинка в лукавых глазах,
в обиде – как бабушка Поля,
губу поджигает слегка,
а, если делами довольна –
порхает, светла и легка.

Знакомые признаки что ли,
открыв, с интересом гляжу,
и что-то родное до боли
в любимых чертах нахожу.

На что, в ответ получил незамедлительно:

- А ты посмотри повнимательнее – вылитый папаша!
Повадки-то – все твои! И губы – тоже! Да и овал лица. А
уж про горбыли на ногах – и говорить нечего: типичные бур-
ятские ноги, не перепутаешь! Как только девочка туфли на
каблуках носить будет?

Подъем на ногах у меня действительно высокий, и у
отца такой же был. Как он говорил: чтобы нога из стремени
не соскальзывала. И у Виктора – такой же. Наше, родовое,
забайкальское. Для спорта полезно: пружинит стопа. Вон
сын вышагивает: почти подпрыгивает. Я вспоминаю: с тех
пор, как сын в первый раз встал на ножки, он практически
всегда не ходил, а бегал. Ведешь его в детский сад, а он
впереди летит по тротуару, подскакивает, как мячик, ни на
минуту не останавливается. Не успеешь калитку открыть
– шмыг, и пропал! Живой мальчишка, трудно ему будет
на первых порах в школе, усидчивости явно не хватит. Ну
да ничего – привыкнет! Вспоминаю: иногда решим с му-
жиками как-нибудь после работы выпить, а Виктора нуж-
но из детсада забирать – мать на работе еще. Приходит-
ся с собой брать. Приедем куда-нибудь на пенек – нужно

парнишку чем-то отвлечь, чтобы не видел, как дяди горькую употребляют:

- Гляди, Вить, вон заяц в бор побежал! – это его лучший друг Юрка, мой заместитель, на уши лапшу вешает.

- Где?

- Да вон же, прямо!

Тут же рванет, не оборачиваясь, за зайцем. Верит Юрке безоговорочно. И то – у того же мотоцикл есть, и он на нем гайки разные крутить позволяет. Я однажды наблюдал такую картину из кухонного окна: возятся они с Юркой у мотоцикла, что-то смазывают, а тут Юркина жена вышла. И давай что-то моему заму внушать, и не шуточно, с жестикуляцией. А мой ребенок смотрел, смотрел, потом набрал горсть песку да по глазам ей. Не тронь, дескать, друга! А потом по проулку от неё удирал. Круга два бодрячком на-вернул, как только сил хватило?

Ну а мы, пока малец, значит, отсутствует, по рюмочке примем. А дальше сидим, свежими огурцами закусываем. Возвращается.

- Ну что, поймал?

- Не, убежал.

- Тогда присаживайся, огурец кушай.

А вечером мать спрашивает:

- Где с отцом были?

- В лесу. Я чуть зайца не поймал. Не веришь? Правда, живого!

- В лесу, значит.

- Ага.

- А что еще делали?

- Огурцы ели.

- Какие огурцы?

- Зеленые.

- Понятно.

Как не понять, все и без слов ясно! Но не обижаться же за это на ребенка. Он-то по простоте душевной и малоопытно-

сти пока еще наивно верит, что мы в лес воздухом подышать приезжаем, и огурцы покушать, не более...

А вот сегодня он идет в школу, а это уже серьезно. Я вижу, как волнуется Наталья, то и дело поправляя на сыне то курточку, то ранец. А я шагаю во главе своей семьи и улыбаюсь, стараясь сдержать нахлынувшие эмоции. Я просто горд и счастлив. И безмерно их люблю.

Что же еще произошло интересного за эти семь лет? Много разного. Только воровать власть имущие меньше не стали и врать народу в глаза. Не разучились. Порой мне кажется, что это не кончится никогда. Ну, по крайней мере, при нашей жизни – точно.

Наше бывшее строительно-монтажное управление развалилось окончательно и навсегда. Народ разбежался, осознав, наконец, что в этой шарашке приличному человеку делать нечего. Остроглаз, вылетев после ухода Сени с поста заместителя, ушел в свободный полет. Работать на производстве он разучился, просидев года три в кресле чиновника. Да, по сути, и не умел никогда. Я вот думаю, чего он в учителях не остался? Работают же люди, не жалуется, а некоторые даже гордятся профессией. Я вот вспоминаю свою классную руководительницу: если бы не она, писал бы я стихи? Вряд ли! Заметила женщина в мальчике искру Божью. А Остроглаз? За длинным рублем подался, не захотел нести подрастающему поколению знания. Избрали работяги дядю на пост, не подумав, вот и получили итог: разбился корабль. А вот продать остатки имущества когда-то могучей конторы и сдать производственную базу в наем – успел! Вместе с Костиком – естественно. В том числе и спортзал, что мы возвели вместе со Светиным силами энтузиастов управления и за счет собственных средств на капитальный ремонт. Да, правда, не все пока продали, оставили в собственности здание управления, заняв там по кабинету. Остальные помещения раздали

всевозможным шарагам, отстегивающим за аренду, подразумеваю, наличными. В бухгалтерию – копейки, остальное – в конвертах! Схема отработанная. Я бы еще сомневался в этом, но уж больно хорошо знаю обоих голубчиков. Следит за порядком в конторе и содержанием ее в надлежащем виде по-прежнему один и тот же комендант Вера, что когда-то селила мою жену Наталью в нашу гостиницу в те далекие, дорогие нашей памяти годы. И сантехник Николай, обитающий в каморке подвала, все тот же.

Рожа у Костика такая же, багровая, и не сделалась бледнее, так как пить он не прекращал никогда. Другой человек давно бы от цирроза печени загнулся, а этому – хоть бы хны! Здоровье – что надо!

На жизнь, бывшим начальничкам, видимо, хватает, раз катаются на вполне приличных импортных машинах представительского класса. Мой друг Николай одно время работал на бывшем смусовском заводе ЖБИ, который Остроглаз и Костик и сделали основным источником своего благополучия, сдав его в аренду дорожникам. Из убыточного он стал вполне прибыльным, что, впрочем, и должно было случиться. Где вы видели убыточное предприятие по выпуску железобетона с полным законченным производственным циклом? Только у кретинов.

- В конце каждого месяца за мздой тащатся, - рассказывал мне Николай, имея ввиду Костика и Остроглаза.

- А между собой как, ладят?

- А черт их знает! На людях, вроде, не лаются. Я тут Верку, коменданта нашего встретил, расспросил.

- Ну и?

- В конторе их почти не бывает, только в бухгалтерию за бабками таскаются. Столовую в подвале закрыли.

- Да ты что?

Надо сказать, что столовая СМУ считалась одним из лучших предприятий общепита в городе. Кормили там дешево и вкусно. Поэтому регулярно и приезжали туда обедать

работники половины предприятий нашего города. А арендовала помещение столовой и кормила народ ее заведующая, Надежда, работавшая когда-то еще в столовой ПМК-2, где мы трудились мастерами стройучастков.

- Заломили с нее эти два обмылка такую аренду, что пришлось прикрыться.

- И что там теперь?

- А ничего. Попытался кто-то кафе открыть, но что-то быстро свернулся. Сам знаешь: жадность фраеров губит!

Виталика Полонского, бывшего начальника нашей строительной конторы, доедает рак. Не повезло человеку. Но если послушать мою жену, то все не просто так:

- Они же с Юркой, атаманом нашим, первыми начали СМУ грабить! Вот и доедает их ненависть людская! У Юрки – диабет, ослеп почти напрочь, еще и с головой не совсем в порядке: два микроинсульта.

- Ну ты прям, как провидица какая-то.

- Провидица – не провидица, а знаю. И Остроглаза с Костином тоже кара Господня не минует! Такие же бессовестные!

- Ты чего, в Бога верить начала, комсомолка моя гутаперчивая?

- В Бога я верить не начала, а знаю, что говорю!

Я не метафизик, но, может быть, ненависть, как и всякое человеческое чувство, может материализоваться? Кто его знает? Говорят же, что души не исчезают, а переходят в некую иную энергетическую сущность. Болтаю, черт те что! Годы, видно, своё берут. Иначе, что бы это я на старости лет во всякую чушь верить стал?

Шацман, покрутившись и там и сям, окончательно угнезвился в Москве, в какой-то нефтяной фирме. Дочери повзрослели, уехали учиться, а потом и замуж повыходили. Одна даже где-то за границей живет: то ли в Италии, то ли в Испании. Жена его Маргарита, прожив после его увольнения

из УКСа, а затем и отъезда, в нашем городе еще года три, дождалась, когда он достроит дом в Подмоскovie, продала их старый в пригороде, уволилась и уехала к мужу уже на постоянное место жительства. Пару раз появлялась, правда, по каким-то делам, Наталья с ней встречалась.

- Ну и как там наш Яковлевич поживает? – спрашивал я супругу после очередной встречи с Маргаритой.

- Работает и день, и ночь! В Москве пахать нужно – не провинция! На одну дорогу до работы часа два уходит. Маргарита говорит, что домой только к ночи появляется.

- Ну для столицы это – нормально! Это у нас тут красота – вышел из дому, два шага шагнул и уже – на службе! Я недавно его подружку видел. Какую, какую? Ту самую. Она из УКСа ушла, не знаю, где и трудится теперь.

- В Пашином банке. Я до сих пор не понимаю, как ее Маргарита терпела?

- Мудрая женщина! Понимала, что все пройдет, как с белых яблонь дым. Яковлевич – мужик восточный, ему одной бабы мало!

- Всем вам мало! Я бы тебя сразу убила, паразита!

- Правда что ли?

- А ты как думаешь?

Я вообще-то на эту тему не думал, но предполагаю, что не сладко мне было бы в такой ситуации. Убить меня, может быть, и не убили бы, но все же!

Иваныч купил дом под Павловском – двадцать минут на машине от Санкт-Петербурга. Регулярно ездит к сыну в Финляндию рыбачить на озерах. И почти каждое лето приезжает к нам, в родной город. Как он говорит, глотнуть воздух отечества.

- Плоховато там, Аркадий, без друзей-то. Скучно и то-скливо.

- Так заведи.

- Возраст уже не тот.

- Брось. Вон какой справный стал, как работу бросил: любо-дорого смотреть! Морщины разгладились и вообще.

- Скажешь тоже. Вы-то тут как?

- А что мы? У нас все как обычно: сын учится, дочь подрастает. Вечерами вожу ее на танцы, мать записала. Будет теперь в ансамбле плясать, натанцовывать.

- Балериной, значит, станет.

- Да нет. Ансамбль-то народного танца. Правда, приличный, лауреат всевозможных конкурсов.

- Ну и хорошо, пусть танцует, девчонке это особенно нужно. А Витя как учится?

- Нормально, без троек.

- Спортом-то занимается?

- А то? Еще и в музыкальную школу ходит, в класс аккордеона. Помнишь, там мой однополчанин, тоже Иваныч, преподает. Вместе в одном батальоне в молодости служили.

- Я помню, как твой отец играл. Без нот, на слух, а заслушаешься! Талант – он и есть талант! Так что внук в деда, видимо, пошел. Ты-то пишешь еще или бросил?

- Пишу. Временами. Иногда по полгода ручку не беру. А иногда, как бес вселится, ночи напролет строчу!

- Ну так прочитай что-нибудь новенькое.

- А стоит ли?

- Стоит, стоит. Что ты, как красна девица, ломаешься!

- Ну тогда слушай:

Третий день не смолкает журчанье в лотках,
да дурацкие мысли, что жизнь коротка,
состоянье неясной тревоги,
ожиданье от жизни ударов, когда
клочья пены и мусор выносит вода
из кювета на кромку дороги.

Как томительно тянется время, и нет
к переменам приятным надёжных примет,
впереди – беспросветно и серо.

Лишь мечтаю, что вновь заалееет восток,
и любой, даже самый нелепый намёк,
торопясь, принимаю на веру.

Дождь внезапно закончится, и окоем
над лесами и хлябями вспыхнет огнем.
И как будто знакомый прохожий,
отпечатав на мокром асфальте следы,
отражается радугой в каплях воды
летний день, ни на что не похожий.

- Вполне прилично. Зря ты, Аркадий, на Бога грессишь:
есть еще порох в пороховницах!

- Спасибо.

- А что еще в городе новенького?

- Хрущ куда-то пропал, года два уже как. Напрочь прова-
лился. Может, за границу свалил – сейчас это модно, может, и
в живых уже нет. Сам знаешь, что при такой нервной работе,
как у него, долго не живут.

- Я гляжу у вас начальник РОВД опять новый.

- А их сейчас подолгу на одном месте не держат, чтобы
ракушками не обрастали. Помнишь, как раньше, в армии:
звание новое и должность получил – собирай чемодан и – на
новое место службы! Мы с отцом так всю страну объехали:
от Украины, до Дальнего Востока. И правильно делали: если
человек долго на одном месте сидит, он поневоле кумовьями
окруженным становится. А отсюда – и все беды.

- А Рыбак?

- А что Рыбак? Ворует потихоньку. Второй срок сидит на
должности главы. После первого думали, что слетит с крес-
ла, а тут как раз правила игры поменялись.

- Это как?

- А теперь главу депутаты районной думы из своих рядов,
так сказать, выдвигают. Вот Рыбак и подсуетился вовремя:
прикоммил наш самый отдаленный в районе поселок, людям

в уши надул, что они скоро, как при коммунизме жить станут, и избрался от захолустья депутатом. А дальше проще: десяток депутатов и уговорить можно. А кого не уговоришь, тому бабла сунь! Вот и сидит снова. Правда, если раньше тырил миллионами, то теперь – сотнями миллионов.

- Тут ты меня, допустим, не удивил. Сейчас все, кто только может, тащит. Особенно из бюджета. Я удивляюсь: как у нас до сих пор бюджета хватает! Велика Россия, что и говорить! Сколь ни воруют, а все никак разворовать не могут! Ты в отпуск в этом году не собираешься?

- В октябре. Если, правда, теща с Виктором остаться согласится, учебу-то в школе не бросишь.

- А куда?

- Не решили еще.

- Так приезжайте к нам, у нас дом большой, места всем хватит. Сгоняем к сыну в Финляндию. Визы в Питере – не проблема! Знаешь, какая там рыбалка шикарная да и природа тоже.

- Ну, природа, допустим, такая же, как и у нас – северная. А рыбалка и у нас – не хуже.

- Ну не скажи! А чистота-то в лесу какая! Ни бумажки, ни пакета полиэтиленового не встретишь, я уж не говорю о бутылках. А у нас вроде в самый глухой угол заберешься, и на тебе – свалка! Я поначалу даже удивлялся: зачем мусор так далеко везти надо?

- Мы легких путей не ищем.

- Это точно! Так ты подумай.

- Ладно, подумаем. Долго еще тут гостить будешь? Может, за грибами на юг сгоняем, к Озеру, говорят, белые пошли.

- Я с удовольствием. А когда?

- Да хоть завтра.

- Кстати, а Игорь сейчас где?

- Который: адвокат, или глава администрации?

- Да, и тот и другой?

- Один опять в белом доме проявился, то ли замом каким, то ли помощником у Рыбака.

- Так его, вроде, выперли? Я же помню: у него с губернатором какие-то нелады случились.

- И немалые! Чуть не посадили!

- И как он тут опять оказался?

- Рыбак подтянул. Не знаю, чем уж он ему так приглянулся? Кто-то же сказал, что бывших кегебешников не бывает, ну и бывших обехаэсесников – тоже! Сучья порода.

- Несет, видимо, исправно.

- Наверное.

- Ну а второй?

- А второго не видать и не слышать! В нашей адвокатской конторе, вроде бы, пашет. Я тут как-то, заходил туда по делу, но не встретил. Говорят, его сроду на рабочем месте не застаешь, все в бегах! Ноги волка кормят.

- Жив, значит, курилка!

- А что ему сделается? Такого за жабры сразу не возьмешь. Скользкий, как угорь.

Мой старый друг Виктор Петрович Ковалев с Верой перебрались в областной центр, построили в пригороде дом, и живут - поживают, добра наживают! Мы с Натальей и детьми были у них пару раз. Хорошо живут, просторно! Почему Виктор покинул север? Надоело, как он сказал, под дураками и жуликами работать: вечная кадровая чехарда, да и сесть ни за что, ни про что можно. Подставят, глазом моргнуть не успеешь.

- Они, значит, карманы набивают, а ты – подписи ставь! Прокурор долго разбираться не будет. Тем более что и прокурор из одной с ними волчьей стаи!

В области у Витьки полно родни, которую кормить приходится, так что скучать особенно некогда. Я ему как-то сказал: а на хрена? А он мне в ответ: а куда их девать, убогих? Да и то, правда, родню ведь не выбирают. Вера частенько звонит Наталье, поэтому мы всегда в курсе событий, происходящих в семье Ковалевых. У них так же, как и у нас родилась

девочка, которую назвали Татьяной. Витька вполне счастлив и даже раздобыл прилично, на что ему вечно пеняет жена. Ну да это – мелочи!

Николай с Татьяной живут в городе. Татьяна работает все там же, в городской администрации, а Коля крутит какие-то дела, то в одном, то в другом предприятии. Но зарабатывает, как видно, прилично, раз недавно купил себе «ландкрузер» последней модели. Мы с женой и детьми пару раз в месяц ходим к ним в баню, а в общем-то – просто пообщаться! Посидеть за столом, поговорить, пива попить после парной. Человек не может без общения, а работа и дом его потребности полностью никогда не удовлетворяют. Николай всегда в курсе последних событий нашей волости:

- Знаешь, что Рыбака снова прокуратура таскает?

- А на фиг мне это знать? Первый раз что ли? Выкрутится. Тем более, есть на кого стрелки перевести.

- Теперь не слишком-то переведешь. До выборов-то всего год остался.

- И что?

- А то! Теперь, говорят, руководить районом глава администрации будет, а не глава думы. А там подписи ставить надо, и отвечать за эти подписи, естественно. А Рыбак этого не умеет и не хочет. Что он, дурак? Так что, скорее всего, распрощаемся мы с болезным!

- Такого же посадят! Или еще хуже.

- Не нравится, так сам садись!

- На кой это мне нужно? Биографию испортить?

Жена моя бывшая, Вероника, вышла замуж и уехала в Клин. Уехала, как только они с мужем удочерили девочку, оставленную в роддоме, чтобы, значит, никто случайно не проговорился, что дочь – не родная. И правильно сделали, одобряю я такой поступок! Но, вот, похоже, Веронике с новым мужем долго не пожилось, разбежались. Мне об этом

сообщила ее лучшая подруга Людмила, та самая, которая приехала когда-то в наши края вместе с моим другом Веней, и с которой я случайно встретился в магазине.

- А зачем ты мне об этом сообщаешь, Люда?
- Ну, как же, интересно все-таки, Аркадий Викторович.
- А ты что с ней созваниваешься?
- Да почти через день по скайпу общаемся.
- Ну, тогда привет передавай!
- Непременно.

У Людмилы теперь тоже двое детей: мальчик и девочка, или наоборот, не помню. Устроилась жизнь у женщины. Веня, покойник, не к ночи сказано, баламут был порядочный! С ним у Людмилы все равно ничего толкового не получилось бы. Жаль друга, что умер таким молодым, но слов-то из песни не вычеркнешь!

Семеныч умер совсем недавно. В последнее время легендарный смусовский начальник участка работал у нефтяников мастером по капитальному ремонту на комплектовочной базе. База расположена за железной дорогой, через которую и ходил на работу Александр Семенович. Ну и познакомился каким-то образом с дамой, работником этой самой дороги. Зашел как-то в гости, да не вовремя! Короче, проломили Семенычу висок кружкой. И проломили удачно, выжил. А вот пить бросил: выпьет рюмку – дуреет сразу!

- И чего тебе раньше башку-то не пробили! – это жена ему. – Жили бы, как люди. А то всю жизнь пропил.

Правда, умер Семеныч не от пробитого виска, а от рака легких, так как курить не бросил до смерти. А курил он страшно: по три пачки на день! На кладбище мы с мужиками долго стояли у его свежей могилы, и молчали: хороший был все же человек, Александр Семенович, безобидный.

Мне с помощью друзей-строителей удалось издать стихотворный сборник под названием «Причастие» в местном

издательстве. Сборник я посвятил Наталье, и почти все стихи в нем о моих теплых чувствах к этой замечательной, мною бесконечно любимой женщине. А открывается книжка вот этим стихотворением:

Ливень отшумел.
Тайга в испарине.
Дрожь воды неторопливых рек.
Как же быстро мы с тобой состарились,
завершая беспощадный век.

Годы те, как повести, писались
на страницах беспокойных дней,
мы смеялись, плакали, влюблялись,
поднимали наших сыновей.

Злые ветры перемен шумели,
над страной истерзанной глумясь.
Как-то мы вдвоем с тобой сумели,
сохранить семью и нашу связь.

И тебе в ту непростую пору,
знаю, трудно было и не раз.
Принимаю их немым укором
все твои морщинки возле глаз.

Милая, единственная, свет мой,
лишь благодаря тебе, поверь,
жизнь моя была, во-первых, светлой,
во-вторых, имела смысл и цель.

Молодые, сильные, шальные,
мы неслись по лезвию веков,
вскоре дети поднялись на крылья,
полетели выше облаков.

Я не знал, по сути, доли лучшей,
говорю от сердца, без прикрас,
до сих пор благодарю тот случай,
что однажды познакомил нас.

Жаль, что наша жизнь так быстротечна,
но ее по-прежнему любя,
я за то лишь ставлю Богу свечи,
что он создал вечную тебя.

Дети наша радость и наша единственная надежда в этой
непростой, порой ненавистной нам, но все же интересной и
счастливой жизни. Дети связывают нас такими узами и узла-
ми, которые ни один ЗАГС не обеспечит. А это значит, что
у нас есть будущее и за него стоит побороться. Слава Богу,
войны нет, но жить-то приходится почти как на войне. И каз-
нокрадов я как ненавидел, так и ненавижу. Никак не могу
смириться. Видимо, воспитание, спасибо родителям, не по-
зволяет. Жена говорит:

- Брось, не трать нервы! Они не восстанавливаются!
А я не могу.

...и все же нас не унесло
холодным ветром равнодушья
в тупик глухой,
где нет ни музыки, ни слов,
желанья петь, уменья слушать,
лишь только вой.

Где боль чужая – просто зуд,
неизлечимая зараза,
а совесть – прах,
где по понятиям живут,
где осуждают по приказу
и сеют страх.

Но мы добьемся перемен,
преодолев души надлом,
мы можем.
И Русь поднимется с колен,
а я твержу судьбе назло:
«И всё же...»

А сезон суетливой сороки продолжается, набирает силу. Прозвучавшая в каком-то телевизионном интервью из уст нынешнего, кстати, довольно ироничного президента цитата о мздоимцах, когда-то высказанная Петру Великому его вельможей: «А с кем будете править, государь, когда всех переведем?», не придает оптимизма. Это значит, что воры, как правили нами, так и будут править. Это значит, что за украденные миллиарды наказанием может стать домашний арест со всеми удобствами. Это значит, что министр обороны, отвечающий за безопасность страны, запросто может распродать всю армию. Это значит, что нам еще долго придется жить в стране откатов, послушных прокуроров и слепых судей. А что нам остается? Да ничего! Нам остается жить!

А, может, и впрямь мы, как те, что в Кремле:
просучили совесть, до сладкого падки,
отцовской казны прокутили остатки
и нечего плакать по Русской земле.

Как страшно и больно умом понимать,
что некуда лодке сегодня причалить.
А, может быть, все еще только вначале?
Как знать, дорогая Россия, как знать?

Как знать?

июль 2002 г. - сентябрь 2014 г.

Озеро

ПРОЛОГ

Наша жизнь, как озеро, вода его никогда не бывает неподвижной, мёртвой. Даже в минуты полного штиля, нет-нет да подёрнет широкую гладь едва заметная дрожь. Что уж говорить о тех мгновениях, когда весёлый ветерок, походя, разгоняет волну, с брызгами накатывая её на берег и без устали раскачивая прибрежные заросли ивняка. Озеро никогда не бывает одним и тем же даже в течение суток, не говоря уже о более долгих периодах. Это особенно заметно, когда возвращаешься на его берега не раз и не два, а многократно, перелистывая уже не годы, а десятилетия. Изначально, чистые, не поросшие никакой растительностью широкие его заливы со временем начинают заливаться, появляются первые островки лопухов желтой кубышки. Островки эти с каждым годом становятся шире и шире, завоёвывая пространство, и вот уже почти вся поверхность воды накрыта зелёным ковром топорщащихся под ветром листьев. Приехав в очередной раз, ты с искренним удивлением и внезапным замиранием сердца замечаешь, что на свободных от кубышки участках глади в утренних лучах солнца то тут, то там раскрываются во всей своей красе и неповторимости мраморные, ослепительно белые цветы озёрной кувшинки, никогда ранее здесь не встречавшейся. Капли утренней росы на лепестках переливаются всеми лучами радуги, как ограненные бриллианты. Но как раз они, эти великолепные цветы, как ни странно, являются первыми предвестниками старения озера. Пройдёт еще очень много лет, может быть столетий, и озеро окончательно зарастет, превратившись в болото. Отмирая, растения будут падать на дно, превращаться в торф, и неумолимо сжимать остатки водной поверхности до небольших оконеч, отражающих проплывающие в высоком, голубом небе над ними белые облака.

Наконец и оконца исчезнут. И когда-нибудь живущие в этих местах люди пройдут по бывшему озеру пешком, отыскивая среди хилых, искривлённых стволов низкорослых, угнетённых сосёнок и поросших травой кочек клюкву и морошку, и не задумываясь над тем, что тут было в незапамятные времена. Озеро умерло, но подарило этой земле новый пейзаж, своеобразный и неповторимый, естественным образом вписавшийся в ландшафт. И кедрачи по его бывшим берегам, поднявшиеся на месте когда-то стоявших здесь сосновых боров, будут одаривать все живое своим целебным орехом. Жизнь продолжается – на то она и жизнь.

ДЕСЯТОЕ ИЮЛЯ

Середина лета. По песчаной колее, накатанной в беломошнике, грузовик выскочил на гриву, и сразу же между сосен сверкнула в глаза отраженным небом голубая гладь озера. Еще несколько поворотов вниз по пологому склону и мы – на берегу. Бескрайний, во всю ширь горизонта голубой разлив слегка тронутой мелкой рябью воды ошеломляет своими размерами и вызывает в глубине души безотчетный восторг. Если до противоположного берега всего-то километра три, то самый дальний, западный конец теряется в лёгкой дымке нагретого солнцем воздуха, сливаясь с такого же цвета небом. Желтокожие, истекающие янтарной живицей столетние сосны вокруг утоптанной людьми и машинами площадки, куда нас вывела грунтовка, повидали всякого и от человека, и от природы. У этой вот ствол надломился оттого, что люди нещадно тесали его на смольё в течение долгих лет, не удосужившись, а скорее поленившись засветло собрать достаточное количество сушняка для костра. А другие лежат с вывернутыми из жёлтого песка, раскоряченными вверх корнями, даже хвоя в кронах не успела осыпаться: не выдержали ударов ураганного ветра, нет-нет, да и возникающего над озером, всегда внезапно и грозно. Мне уже приходилось видеть это явление: вроде обыкновенный, солнечный день, не предвещающий ничего

необычного. И вдруг над озером появляется небольшое облачко, легонькое такое, безобидное, которое, сделав несколько кругов над водой, превращается в черную, клубящуюся грозовую тучу. Туча тяжелеет, ширится, и вот уже закрывает собой добрую половину неба. Затем вся эта тьма бросается в вашу сторону, заставляя невольно замереть сердце, и внезапно срывается на землю стеной рычащего ливня с молниями и раскатами грома. Сосны гнутся под яростными порывами взбунтовавшейся атмосферы и некоторые сдаются, падают. Находиться на берегу в это время, мягко сказать, не безопасно. Но, что самое странное, уже через полчаса небо светлеет, ветер и взъерошенные им волны стихают, и ничто не напоминает о только что пронёсшемся урагане, ну разве что сверкающие в лучах солнца капли воды, дрожащие на ветвях и листьях нависшего над водой кустарника.

- С прибытием, господи! – потягивается, выбираясь из кабины «трумана», старенького ЗИЛ-157, и разминая затекшую за дорогу спину, Евгений Федорович, самый старший из нашей компании.

Ему уже шестьдесят с хвостиком и для всех нас, в основном сорокалетних, он – древний аксакал, вызывающий почтение. Отставной военный в чине подполковника, да к тому же известный поэт, член Союза писателей, а по сути – простой, открытый человек, всегда готовый выслушать, помочь, пойти навстречу другому. Я его ни разу за нашу многолетнюю дружбу не видел угрюмым, раздражённым, чем-то недовольным. Всегда – ровный, взвешенный, немногословный, короче – настоящий мужик, без истерики и капризов. Чувствуется, что долгая, многочасовая езда по бездорожью его изрядно утомила. Дорога до озера и вправду никудышная: кое-где грунтовая, кое-где с колеёй из бетонных плит, а за Кондой верст пять просто гать из хлыстов, уложенная через болота. От поселка всего-то километров семьдесят, а ехать приходится часа четыре, а иногда и больше. Тряска невероятная: все бока в синяках. Но ожидание очередной встре-

чи с озером, предстоящая рыбалка, уха с дымком у костра с лихвой перекрывает все эти временные неудобства. Помяная крепким словом дорогу, мы спускаемся из кузова на грешную землю и с удовольствием топчемся по ней, ощупывая ногами и разминая затекшие члены.

- Хорошо! – шурится, раскинув руки и повернувшись лицом в сторону солнечного диска, Валера, старый мой приятель и сослуживец по армии.

Длинный, худой, с проседью в волосах, он – неумоимый источник всяческих сомнительных затей и предложений. Жаль, что большинство их заканчивается в лучшем случае ничем. Но Валера никогда не унывает: и чего унывать, когда жизнь так прекрасна.

- Хорошо-то – хорошо, только тряско очень! – грузно приседает, придерживаясь за колесо, Василий Дмитриевич, начальник производственного отдела нашего предприятия. – И чего этот Арантур так далеко?

- Был бы близко, тут бы делать нечего, было, - рассудительно замечает Генка, он же – Кузьмич, многолетний спортивный инструктор нашего строительного управления. – Всё бы загадили, да и рыбы не стало бы. Вон молодяк вокруг Светлого всю природу изнахратил, негде приличному человеку пристроиться.

Озеро Светлое – ближайший водоем, где любит отдыхать молодежь поселка, если конечно не считать карьера на его северной окраине у станции со звучным названием Соболиная. И конечно река Конда. Но глинистая, жёлтая вода карьера не идет ни в какое сравнение с почти кристально прозрачной водой Светлого. Только вот убирать за собой останки пикников люди наши, к сожалению так и не научились. Ну а в Конде особо не искупаешься. Таёжная река – она не для купаний.

- Комсомол не шевелится! – вступает в разговор Евгений Федорович. – Молодежь, её организовать надо и учить.

- Ага, организуешь! – с сарказмом отзываюсь я. – Сам зна-

ешь, Федорович, как народ по этому поводу говорит: что отцом не вложено, то образованием не вобьёшь!

- Это-то конечно! – вздохнув, соглашается он. – Сань, а где у нас бредень? – это уже к водителю.

- В мешке из-под сахара, там, - отзывается Саша Рочев, невысокий, коренастый парень с неисчезающей улыбкой на губах, указывая на кузов.

Шура Балашов выбрасывает из кузова мешок и спускается на землю следом. Евгений Федорович вытаскивает из мешка кудель бредня и, растянув его на песке, начинает крепить грузила из тракторных башмаков. Я помогаю ему.

- Видишь, какую я мотню связал! – хвастается аксакал. – Не меньше месяца зимой провозился!

- Ты – гигант, Федорович! Из такой ни одна рыбина не уйдёт.

Мотня у бредня и вправду получилась знатная: метров семь в длину, никак не меньше. К тому времени, как мы заканчиваем с грузилами и поплавками, Балашов приносит из леса два тонких ствола очищенных от веток и сучков молодых берёзок.

- Подойдут? – спрашивает он.

- Конечно, подойдут, - деловито осматривает палки Василий Дмитриевич. – Мужики, кто со мной заводить пойдёт?

Тащить дальний, заводной конец бредня всегда тяжелее, чем береговой: вода почти по грудь, а то и шею. Сам то и дело всплываешь, а нужно еще и вперед двигаться. Тут без помощника, а то и двух, никак не справиться. Тем более что бредень сделан из двух двадцатиметровых сеток плюс связанная Федоровичем мотня: почти полсотни метров.

- Семён, прихвати мешок под рыбу! – обращается ко мне Дмитриевич. – Федорович, будешь рыбу складывать, - поворачивается он к ветерану.

- Не, я поброжу, - возражает аксакал.

- Куда тебе, - Шурик поднимает привязанную к крылу палку. – Берись лучше за мотню, заноси. Да у мотни потом не

булькайся, топай на сушу, а то всю рыбу распугаешь!. Семён, тебе береговая, Кузьмич, помогай! А ты, Сань, займись котром и дровами! Погнали, мужики!

Мы стаскиваем невод в теплую, как парное молоко, нагретую за день солнцем воду озера, Федорович расправляет мотню, и мы начинаем брести вдоль берега в сторону впадающей в залив речки Окунёвки. По большому счёту это даже не речка, а просто ручей, вытекающий откуда-то из ближайшего болота. Бредем метров сто, стараясь, чтобы дальний конец обгонял береговой. Сегодня нам повезло: овод и прочая мухота почти отсутствуют, так, редкие экземпляры. А иной раз просто отбиться невозможно: руки, когда забредаешь, заняты, единственное спасение – то и дело нырять с головой под воду, чтобы отогнать кровососов. В такие периоды из машины на берег выходишь и сразу попадаешь в жужжащую, воющую, живую тучу, что носится вокруг, норovia ужалить. Но сегодня овода, да и мошки тоже почему-то практически нет. Красота!

- Заворачивай! – кричу я Васе, обнаружив между соснами более-менее чистый, не заросший кустарником кусочек берега.

Они вместе с Валерой и Шурой быстро, как только могут, подтягивают свой конец к нашему. Я берусь за нижние тетивы и, прижав к дну мелководья, начинаю выбирать.

- Плотнее прижимай, а то уйдёт рыба, - прыгает за спиной возбужденный Федорович. – Гляньте, кажется, щука попалась! – он указывает на воду в районе центрального поплавка из большого куска пенопласта, обозначающего расположение мотни.

Вода в этом месте то и дело вскипает бурунами. Есть рыба! Я усердно продолжаю выбирать нижние тетивы, а парни аккуратно раскладывают крылья бредня по обе стороны от меня. Наконец нижний край кошеля оказывается на берегу. В неводе бьются мелкие окуни с чебаками и три, четыре небольших, килограмма по полтора шук. Одна, правда,

побольше других. Её радостно хватает под жабры Евгений Федорович и отбрасывает подальше от берега.

- Килограмма четыре, не меньше! – радостно провозглашает он.

- Ну, ты Федорович перехватил! – хмыкает Валера. – От силы – килограмма два.

- Сам ты – два килограмма! – возмущенно возражает аксакал. – У меня глаз – ватерпас! Жалко, что безмена нет.

- Ага, и глаза с кулаки, не меньше! – ржёт уже без стеснения Андреевич. – Ты, Федорович – настоящий рыбак, как положено!

- Хорошо, трепаться! Собирайте улов, мужики!

Мы быстро складываем прыгающую рыбу в мешок и садимся тут же на поваленный ствол сосны перекурить.

- Федорович, давай папиросы! – командует Василий Дмитриевич нашему аксакалу, ставшему на время траления бредня хранителем спичек и курева.

Мы сидим, смотрим на заходящее солнце и задумчиво пускаем дым, отгоняя одиноких, попискивающих комаров.

- На уху есть, да и с лихвой - подводит итог мероприятию Кузьмич. – Ещё бродить будем?

- А зачем? – лениво отвечает Валера. – Проквасим рыбу, ночи совсем тёплые. На уху, сам говоришь, хватает, а утром потаскаем по той стороне, за Еной, чтобы успеть свежую домой, довести. Там старика глубокая, щука должна быть, да и окунь приличный.

- Невод собирать? – спрашиваю я.

Вопрос праздный: ни на этом, ни на противоположном берегу никаких признаков людей.

- Пусть лежит, что с ним станется, - поднимается Василий Дмитриевич, - пошли уху варить, солнце скоро сядет.

Мы поднимаемся следом и движемся в сторону машины. Там уже дымит костерок с урчащим чайником, подвешенным над огнём. Саня с интересом заглядывает в мешок и одобрительно хмыкает. Через час импровизированный стол

из брезентового полотнища накрыт и уха готова. Василий Дмитриевич несет к столу шашлыки из щуки по-хантыйски. Рецепт их приготовления рассказал нам однажды бывший наш коллега Николай Гармаш, командующий сейчас строительным управлением под Нефтьюганском:

- Чистишь щуку, нарезаешь кусками, а затем изнутри ломтя подрезаешь ребра у хребта с одной стороны, чтобы, значит, распластался ломоть. Потом присаливаешь и складываешь куда-нибудь, можно прямо на пенёк. Берёшь ивовые прутья, снимаешь кору и строгаешь шампуры, а рыба в это время солится. Дальше нанизываешь куски на прутыки, пропуская их между мясом и шкурой, и – на угли. Пальчики оближешь!

Короткая суэта, возникшая при разливе ухи по площадкам и разборе шашлыков, вскоре прекращается: каждый, как может, устраивается на куске брезента, расстеленного рядом с костром.

- За улов! – поднимает эмалированную кружку оживший и раскрасневшийся Евгений Федорович.

- За удачный улов! – поддерживаю я его.

Водка обжигает горло, но наваристая уха тут же нейтрализует её. Мы дружно хлебаем юшку, заедая кусками щуки, дымящимися в большом эмалированном блюде, прихваченном Саней из дому. Хозяйственный парень, я бы даже не догадался этого сделать. Ну, а шашлыки – и вовсе объеденье!

Солнце к этому часу уже скатилось за горизонт, окрасив алым нижнюю кромку облаков на западе. Ветер стих, озеро успокоилось. Едва слышно плещется об оголённые корни сосен набегающая волна. Кричит какая-то птица, не успокоившаяся до сих пор. Кедровка, наверно. Костер почти погас, редкие, трепетные языки бездымного пламени вспыхивают над углями. Валера подбрасывает сухую ветвь, и огонь оживает снова.

- Что там опять Саша у тебя в конторе начудил? – обращаешь к Шурику спрашивает Валера.

Разговор у костра, как водится, всегда начинается с политики, а заканчивается женщинами. Саша, Александр Васильевич Лифанов, наш новый, недавно избранный глава района из бывших комсомольских функционеров. А Шура командует ремонтно-строительной конторой ранее приписанной к городскому коммунальному хозяйству, а ныне приватизированной коллективом.

- А чего начудил? Ничего не начудил.

- Ты рассказывай, все же в поселке знают, что у вас там какое-то собрание было. Чего темнишь? – завожу я приятеля.

- Саша там народу светлое будущее наобещал взамен акций, - вступает в разговор всезнающий Василий Дмитриевич.

- Ну и что? – ершится Шура. – Акциями сыт не будешь. А так и объёмы, и зарплата – всё вырисовывается!

- Ты чего, Сашу не знаешь? Он запросто так и чихать не станет, хитрая рыбина! Помнишь, как он тебя с сапропелем кинул? – спокойно отвечает Василий Дмитриевич.

Шура в ответ только хмурит брови и сопит. С сапропелем этим самым случилась следующая история. Есть в нашем районе озеро Щучье, ничем до тех пор не знаменитое. Водится там мелкая щука-травянка, а вокруг в борах несметное количество белых грибов. Но этим у нас никого не удивить, кругом такое. А потом обнаружилось, что под водой, на дне этого самого озера лежит шестиметровый слой сапропеля, прекрасного удобрения для огородов и полей. Шура с подачи Лифанова занялся изысканиями вместе с каким-то институтом, анализами там всякими. Оказалось, что сапропель – самый, что ни на есть хороший. Лифанов подкинул денег, купили понтон и оборудование для гидронамыва. На берегу нагребли песчаные валы для чеков и начали добывать плодородный ил. Воодушевлённый Шура с пафосом рассказывал нам, как завалит сапропелем, вместо редкого у нас навоза, жителей района. Предприятие сулило и деньги, и перспективы. Я даже тогда сам съездил на Щучье, набрал пару мешков обезвоженного ила на пробу. Оставалось только организовать

транспортные перевозки и сбыт. И в этот момент, как собственник всего имущества, Саша неожиданно уволил Шуру, поставив над всем хозяйством своего брата. Брат у Саши никакой, нигде от него толку нет, да к тому же алкаш. В результате: ни хозяйства, ни сапропеля! Понтон с гидронасосом утащили в посёлок и он ещё несколько лет валялся, ржавея, на базе того самого управления, где Шура был начальником. А на берегу озера остались, как напоминание о грандиозных планах, песчаные валы да скелеты вагончиков для рабочих. Впрочем, уже вскоре кто-то из предприимчивых жителей посёлка стащил их на металлолом.

- Это точно, - подтверждает слова Дмитриевича Валера. – Саша – он кручёный! Кинет – не поморщится! Это раньше он приглаженный и напомаженный ходил с протянутой рукой: дайте комсомолу, дяденьки начальники, на мероприятия, на то, на сё! А теперь к нему на кривой кобыле не подъедешь, гордый стал.

- Чего это вы так про Сашу? – вмешивается в разговор наш аксакал. – По-моему – вполне нормальный глава района!

- Это ты Фёдорович его защищаешь, потому что он тебе двухтомник выпустить пообещал, - ссориться с поэтом я не хочу, но и соглашаться тоже. – Изменился Саша, как главой стал. Раньше приворовывал, теперь хватает, не стесняется. Погоди, он и тебя ближе к выборам подпряжёт. Не тот человек Васильевич, чтобы просто так благотворительностью заниматься. А, Впрочем, тебе виднее.

- При чём тут двухтомник? – обижается аксакал. – Совершенно ни при чём!

- Та уж и ни при чём, Фёдорыч? – лезет под шкуру поэту Валера, и тот окончательно расстраивается.

Глава и взаправду пообещал Евгению Федоровичу помочь средствами в издании двухтомника стихов. Подозреваю, что не бескорыстно. Это я на своей шкуре испытал. В своё время Саша был первым секретарем райкома комсомола и частенько ошивался у меня в кабинете. Комсомолу

были нужны деньги. А, вот, когда дорвался до власти, стало понятно, с кем имеешь дело. Короче, я его не особенно жаловал.

- Что вы в политику полезли, горячие финские парни? – разливает ещё по одной Кузьмич. – Ещё подеритесь! Всё равно ничего не измените. Давайте лучше про дам!

- Ты, Семён, не прав! – кипятится Евгений Фёдорович, не слушая Кузьмича. – Хороший он человек! Вере вон квартиру выделил!

- А куда бы он делся? – лениво отзывается Вася. – Жену у тебя сюда всё-таки директором дома культуры из самой Тюмени пригласили, не хухры-мухры! И то ты в малосемейке нашей почти год отирался.

- Да и квартирку он вам выделил так себе, - добавляю я. – В щитовик поселил, не в капитальный!

«Дурак, - думаю про себя, - чего я человеку настроение порчу».

- Кончайте, мужики! – перебивает нас Кузьмич. – Хватит Фёдоровича обижать! Водка уже тёплой стала.

Мы выпиваем и некоторое время молчим. Не знаю почему. Тему разговора сломали своими дразгами. Жизнь сегодня такая, что особенно и не разберёшь. Но вора, как ни крути, за версту видно. Тишина повисает над кострищем. Аксакал наш обиделся, насупился, но вскоре отходит. Долго быть в плохом настроении он не умеет.

- А приличную мы щучку вытащили! – неожиданно произносит он.

- Вполне, - с облегчением отзывается Валера.

Все рады, что предыдущая тема исчерпана, и с воодушевлением начинают разговаривать снова, но уже о другом.

- Завтра за Еньей побродим, - говорит Шура, - там и покрупнее экземпляры зацепить можно, если постараться.

- А помнишь, мы в прошлом году по той стороне, около кордона бродили? – вспоминаю я.

- Ещё бы! Там в лопухах окуни по килограмму попадались!

Даже карася одного выцепить исхитрились! Медный такой, горбушка почти чёрная.

- Откуда здесь караси? – удивляется наш шофёр Саня. – Дно – сплошной песок, а карасю ил нужен.

- Сапропель, - уточняю я, и все мы дружно хохочем.

- Из старицы весной половодьем вымыло, - поясняет Вася. – А так их здесь конечно отродясь не водилось. Вода проточная, речек полно. А карась стоячую воду любит, чтобы ила полметра на дне, не меньше.

Я про себя вспоминаю, как в конце июня мы летали вертолётом на Гавриловские озёра за карасём. Произошло это случайно. Наш главбух, заядлый рыбак и охотник, неожиданно сделал мне это интересное предложение.

- Дня на два слетаем? Сейчас шиповник цветёт, карась из ила поднялся. Мы прошлый год почти тонну в Советский привезли.

Тонна – это впечатляло. Я загорелся, но – конец квартала, трест отчёты квартальные потребует, а в конторе ни начальника, ни главбуха. Можно и по ушам схлопотать.

- Успеем к двадцать девятому. Ничего не случится.

И я согласился. На следующий день, утром ловчая команда собралась в аэропорту, человек шесть. Без спешки погрузились в МИ-8 и полетели. Летели недолго, минут тридцать. Это, если прикинуть по скорости, километров восемьдесят, девяносто. Сквозь стекло иллюминатора внизу виднелось несколько крупных, километра по три, четыре шириной водоёмов. Вокруг, сколько охватывал взор, простирались бесконечные болота Сибирской низменности. Берегов у озёр практически не было, так: узкая полоска кустарниковой поросли. Но командир вертолёта сразу нашел береговой пригорок достаточных размеров и завис над ним у самой земли. Мы побросали на землю наш груз и десантировались сами, а вертолет тут же набрал высоту и исчез.

- На Тюмень потянул, - посмотрев ему вслед, произнес председатель нашего поссовета, прилетевший с нами. –

Давайте разбирать барахло и сети пора ставить. Вы с пацанами, Семен, палатки ставьте, и чай кипятите, а мы с Ермолаичем сетями займемся.

В течение двадцати минут они с главбухом надули лодку и спустили ее на воду, а еще через пять – погрузили сети и отплыли. Мы, как нам было приказано, установили две палатки, соорудили кострище, ну и всё прочее. Я подошел к кромке воды и присел на корягу покурить. Лодка едва виднелась на озёрной глади. Вода в озере, нагретая солнцем, кишела живностью. Я с интересом наблюдал, как хищные личинки стрекозы сновали вверх вниз, хватая жвалами зазевавшихся личинок комаров. Забросив удочку, я попытался что-то выловить, но бесполезно, не клевало. Зато в течение этого часа мне посчастливилось посмотреть, как немного в стороне от нашего лагеря, у камышей, росомаха ловко охотилась на утят. Утки плавали вдоль камышей со своими выводками, а черная ловчачка незаметная в зарослях травы лапой ловко выхватывала отстающих. «Ну и ну! – подумалось тогда. – Кипит жизнь, все друг друга кушают. Прямо, как у людей». Спустя ещё час подгребли председатель с главбухом и привезли штук пять приличных таких, килограмма по полтора, бронзовых с чернотой по хребту карасей.

- Пока ставили, в первую сеть залетели, - пояснил председатель поссовета.

Потом мы варили уху, травили анекдоты, короче занимались тем, чем занимаются все компании мужиков на природе, в отрыве от дома. И всё бы ничего, даже надоевшие комары, рождающиеся прямо рядом с нами в теплой воде, но случилось непредвиденное: на второй день вертолет за нами не прилетел, и на утро третьего его прибытия не случилось. Вот тут я затосковал: приближалось первое июля, конец полугодия и отчёты. Оказалось, что на озеро нас забросил попутный вертолёт из Тюмени, а забрать должны были свои, облетающие буровые. Но небо было чистым, и только вдали, почти у горизонта утром крутилась чья-то винтокрылая машина, но до

нас так и не дотянула. Мы свернули палатки и угрюмо сидели на узлах, ожидая: заберут нас, или придется ночевать снова. В садке плескались пойманные караси, не тонна, конечно, но тоже килограммов сто пятьдесят. И вот, когда наше ожидание уже было на исходе, откуда-то из-за болота, как чёрт из табакерки, выпрыгнул вертолёт и завис над поляной. Дверь распахнулась, и высунувшийся из нее бортмеханик заорал, чтобы мы грузились, а то всего час до закрытия аэропорта. Погрузились мгновенно, а еще через полчаса приземлились в Советском. Каково же было моё удивление, когда на вертолётной площадке нас встретила куча людей, и все – с пакетами. Так что домой я привёз трех карасей, правда, отборных, килограмма по два. Позже выяснилось, почему нас не забрали вовремя. Тот, кто знал, где мы находимся, ушел в отгул и загулял. И ребята нас искали по всем озерам, но безуспешно. Слава Богу, что всё закончилось благополучно, и начальство в тресте не хватило нас с главбухом...

- Ну, что, господа, еще по одной и спать будем укладывать-ся, - предлагаю я. – Двенадцать доходит.

Валера с Кузьмичём устраиваются в кузове, Саня у себя в кабине, остальные на брезенте около огня. В костре беззвучно шают два берёзовых ствола, легкий дымок поднимается вверх. Лёжа на спине, я смотрю на мерцающие звёзды и думаю: как все-таки прекрасно, что мы с друзьями сегодня здесь вместе. Комары куда-то пропали вовсе. Тишина такая, что слышно, как в кузове похрапывает спящий Валера. Я вспоминаю, как впервые попал сюда с женой: случайно познакомился с егерем, который жил на кордоне со своей половиной. Попасть на кордон тогда можно было только водой, на моторной лодке. Но зато там, где из озера вытекала другая речка со странным названием Ах, я впервые в наших местах увидел белые кувшинки, водяные лилии, поразившие меня своей необыкновенной, чистой, почти хрустальной красотой. Мы с женой тогда привезли несколько бутонов домой, и поместили их в наполненный водой таз.

И каждое утро кувшинки раскрывали нам на радость свои белоснежные корзиночки, сворачивая их к ночи.

А задолго до этого, когда еще и дороги-то к озеру не было, так направление, мы как-то добрались сюда развесёлой компанией на вездеходе. Молодые были, бедовые: всё нипочем. Причем, не только парни, но и девчата. Приехали, короче, наловили рыбки, погуляли, покувыркались, переночевали, ну и ждём, когда назад заберут. День заканчивается – нет вездехода, как потом узнали – сломался. Веселье как-то поутихло, тоскливо стало, даже природа не радуется. И то, до ближайшего поселка километров семьдесят. Делать нечего, пришлось снова устраиваться на ночлег. Поужинали чем осталось, и улеглись, прижавшись, друг к другу поплотнее. И казалось бы ситуация аховая, тем более завтра на работу выходить и вообще, но молодость – есть молодость. Слово за слово, «хи-хи» да «ха-ха», и вовсе весело стало. Да и чего грустить в двадцать пять: звезды мерцают, вода плещется где-то в темноте, девчата горячие, как угли из костра. Дьявол с ним, с вездеходом, выберемся как-нибудь! А утром, как обычно водится, проездом откуда-то из таёжных глубин на костерок заскочили геологи на вахтовке. Подфартило: подбросили до самого Комсомольского. Так что даже на работу не опоздали. Потом со смехом вспоминали приключение...

Глаза постепенно смыкает усталость длинного, насыщенного событиями дня. Легкий плеск береговой волны убаюкивает меня.

Я просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо.

- Хорош дрыхнуть! Пол пятого скоро, - Вася отходит от меня и начинает заниматься костром. – Поднимай архаровцев! – он кивает головой в сторону машины.

Солнце уже взошло и косо освещает неподвижную гладь озера с ползущими над ней прозрачными змеями тумана. День обещает быть ясным и жарким.

- Подъём! – кричу я во всё горло и иду к воде ополоснуть лицо.

Вода на удивление всё такая же тёплая, градусов двадцать пять, не меньше. Освежившись, я возвращаюсь к костру, где уже собралась вся компания.

- Ты где был? – спрашивает меня Валера, протягивая эмалированную кружку с дымящимся чаем.

- Умывался.

- А зачем? – удивляется заспанный Федорович. – Сейчас бродить начнём, отмоемся от всех грехов.

Я не отвечаю, прихлёбывая чай и откусывая от куска хлеба со щедро наложенной сверху и уже разогретой Василием Дмитриевичем тушенкой. Быстро позавтракав и прихватив на берегу бредень, мы всей компанией устремляемся через русло впадающей в озеро речки Ёныи. Русло реки, прорезавшее дно озера, даже далеко от устья – довольно глубокое с отрезвляющей холодной водой. Оно и понятно: речка течёт через болота и подпитывается ключами, когда ей нагреться. Я иду следом за Васей, местами вода доходит мне выше подбородка. Ну, а Федоровичу с его ростом и вовсе приходится плыть. Ещё немного и мы выбираемся на мелководье. За рекой, отделенная от русла поросшей кустарником и хилыми деревцами сушей тянется довольно широкая, изогнутая серпом старица. Мы растягиваем бредень и начинаем тонить с горловины. Сразу, с первого захода попадаетея штук семь приличных щук. Саня с Федоровичем торопливо складывают их в один из захваченных с собой мешков.

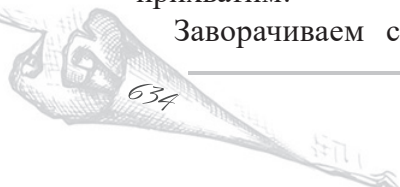
- Нормально! – возбужденно выдыхает аксакал, продвигаясь с мешком вдоль по берегу.

- Главное – не шумите! – вполголоса предупреждает Дмитриевич и для верности показывает кулак. – Распугаем рыбу!

Мы бредём почти по шею в теплой воде старицы, старательно прижимая нижнюю тетиву бредня к заиленному дну. Чертыается Шурик, наткнувшись на затопленную корягу.

- Бери к берегу! – командует он Васе. – А то корягу в тонь прихватим!

Заворачиваем сеть к глинистому участку берега, не

заросшего тальником, и в этот момент в мотне что-то булькает и ворочается, да так, что отдаётся в руках.

- Тащите скорее! – орет Вася, что было силы, разрезая воду грудью по направлению к берегу.

Шурик старательно помогает и вот уже через мгновение они у береговой черты. Вода ручьями стекает с наброшенных на тело футболок. Мотня у бредня дергается, чувствуется, что попалась крупная добыча. Выбираем сеть, в кошеле вместе с парой крупных окуней действительно шевелится громадная щука килограммов на восемь, десять. Шура подхватывает её под жабры и не без труда отбрасывает подальше от берега. Федорович, как папуас, отплясывает вокруг щуки непонятный ритуальный танец. Та изгибается дугой и подпрыгивает, скатываясь по направлению к воде.

- Держи! – кричу я, и Федорович грудью накрывает пытающуюся улизнуть добычу.

По-мальчишески худощавый, подсохший и невесомый, он сам едва превосходит её по размеру.

- Сейчас я её! – пыхтит аксакал. – Сейчас я ей хребет сломаю!

Он пытается проделать то, что обещал, но щука вновь сгибается колесом, а разогнувшись, бьёт Федоровича хвостом в грудь, да так, что только пятки мелькают в воздухе. В дело решительно вмешивается Шура. Он бьёт рыбину по голове поднятой тут же из травы палкой и запихивает притихшую щуку в мешок.

Ну, ты Федорович даешь! – восхищается он. – Хребет сломаю! Как бы она тебе самому хребет не сломала! Живой? – он помогает аксакалу подняться.

Аксакал вдруг начинает заразительно смеяться и все вокруг улыбаются тоже. Солнце поднимается выше, а с ним и настроение. Через час мы переплываем устье Ении назад и возвращаемся к машине. Два мешка отборных щук и окуней – наша скромная добыча. Завтракаем, собираемся и грузимся в машину. Пора домой, где ждут семьи и обыденные дела.

Да и рыба долго терпеть при такой погоде не будет. Колеса под натужный рёв двигателя режут рыхлый песок пляжа и выползают на укатанную дорогу. Стволы сосен янтарно желты под лучами утреннего светила. Несколько поворотов и голубая гладь исчезает из вида. До следующей встречи.

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

Осень уже вступила в свои права. Иван-чай, до этого окрашивающий густым фиолетовым цветом расчищенные от тайги коридоры магистральных газопроводов, начинает пушить, разбрасывая созревшие семена. Живучее растение: даже на свежей куче песка из карьера, на которой никакое другое растение сразу не приживается, растёт и прекрасно себя чувствует. По кромкам коридоров, просматриваемых на километры, пламенеют факелами кроны осин и жёлтыми мазками на фоне темно-зелёных хвойников выделяются отдельно стоящие берёзы. Природа в самой поре своей зрелости. Мы едем нашей старой, дружной компанией за брусничкой, а заодно, и поохотиться, и порыбачить. Едем в низовья речки Супры, а это – больше девяноста километров. Наш старенький, повидавший всякого ЗИЛ-157, в просторечии «труман», гремя бортами, подпрыгивает на выступающих из песка бревнах настеленных когда-то лесозаготовителями лежнёвок.

- Все внутренности скоро выпадут! – стонет, держась обеими руками за доску скамейки, Валера. – Хорошо им там, в кабине, - это уже о Василии Дмитриевиче и Балашове, который за рулём.

- Хорошо там, где нас нет, - философски отзываюсь я, пытаясь как-то смягчить удары пляшущей скамьи по истерзанному заду. – До первого моста доберёмся, разомнёмся.

- До первого моста ещё дожить надо, - жалобно вторит Валере Евгений Федорович.

Ему ещё в поселке предложили садиться в кабину, но он наотрез отказался, поэтому в кабине устроился Вася. Сажать

его в кузов на дощатую скамейку – себе дорожке: тряхнёт на кочке – треснет доска, сто двадцать килограммов как-никак.

- Доживём! – ухмыляется Юрка Любушкин, прораб третьего участка. – Лез бы ты в кабину, Федорович, хочешь, постучу, чтобы остановились?

- Не надо. Жарко там, да и тесно.

Погода и правда – замечательная, тепло и солнечно, как обычно бывает только в начале сентября.

- Ну, не хочешь, как хочешь.

Юрка, полноватый, но крепкий парень, мой ровесник, неутомимый балагур и хохмач. Про таких говорят: с гвоздём в одном известном месте! Месяца два назад прислали нам бригаду девчонок штукатуров из Коми, только что окончивших училище. Едва Любушкин их узрел, как тут же уговорил после работы ехать отдыхать на Конду, что километрах в двадцати пяти от поселка. Напел им о таежных красотах, о реке, ну и о романтике у костра естественно. Забыл только про мошку рассказать. И меня с собой позвал. Я, было, начал отказываться:

- Куда с такими малолетками, еще увидит кто? Пойдет молоть губерния, не отмоешься!

А он мне:

- Не дрейфь, Семён, замаскируемся, мама родная не признает!

И замаскировал. Полтора десятка малолеток – в кузов, а мне и себе платки бабьи повязать на голову выдал, когда мы в кабине устроились.

- Повязывай, не кочевряжься! Гарантию даю, что никто не узнает. А ты, Сань, не останавливайся нигде, даже если кто просить будет.

Сашка, наш бессменный водитель, ухмыльнулся молча, но ничего не возразил. Так и поехали. Костер на речке, конечно, разожгли, а ночевать пришлось в соломе: хорошо кто-то для скотины на берегу стожок сметал. Только там и можно было укрыться от жалящих нещадно насекомых.

Повезло кровососам: столько молодой крови и даром! А ночью, когда я задремал, эти малолетки мне всю физиономию сажей раскрасили. А Юрка потешается:

- Ты, - ржёт, - теперь на папуаса похож. Тебе даже платок повязывать не нужно и так никто не узнает.

Я уже только дома с мылом до конца эту сажу отмыл. А мужики из управления, кто наш отъезд заметил, потом спрашивали у водителя, что это за дам он в кабине вез.

- Девчат из бригады, - отбивался от особо настойчивых Саня, но ему не очень-то верили.

- Какие девчата? С тобой две бабы лет по сорок, не меньше в кабине сидели.

Но Саша свое дело твердо знал, и начальство подводить не собирался...

Машину так подкинуло на очередном ухабе, что я чуть язык не откусил. Валера похлопал по крыше кабины. Машина притормозила, из окна со стороны водителя высунулся Шура.

- Чего случилось?

- Ты какого дьявола гонишь, как угорелый?

- Что, невтерпеж уже? Мы ещё и полпути не проехали. Километров через пять – мост, там и перекурим. Там, на Супре, хоть физиономию ополоснуть можно.

- Ладно, езжай, помни только, что не дрова везёшь.

- Да помню! Только асфальта тут никогда не наблюдалось. Терпите, соколики!

Шура с треском захлопнул дверь кабины, машина вновь хрипло взревела и тронулась. Мимо тянулись многокилометровые вырубка с огромными кучами толстых с руку сосновых сучьев, тут и там возвышающимися между пней. Уже зарастающие жиденьким березняком пустоши уходили за горизонт и казались бесконечными. Удобная вещь эти самые сучья, сложенные после лесоповала: дрова для костра заготавливать не надо: бери и пользуйся. И бегать далеко не нужно. Наконец, после очередного поворота за ивняком блесну-

ла полоска воды. Супра́. Машина остановилась возле ещё не совсем развалившегося деревянного моста, возведенного лет десять назад лесниками. За мостом дорога круто поднималась вверх по высокому, песчаному косоугору, на вершине которого и всём противоположном берегу реки простирался бор из высоченных, мачтовых сосен. Мы спустились на землю, разминая затёкшие и болящие от синяков чресла.

- Ну, что, мужики, живы? – из кабины спустился на землю, присоединяясь к нам, Василий Дмитриевич.

- Тебя бы на те доски! – буркнул я в ответ.

- Мне нельзя. Под моими ста двадцатью килограммами ваши скамейки долго не выдержат.

- В другой раз из пятидесятки изладим, - хмыкнул Юрка. – Давайте что ли грамм по сто, а то ещё километров сорок пылить.

- Тридцать, - уточнил Валера.

- Главное, чтобы егеря переходы через ручьи не разворотили, - вместо ответа на предложение, заявил Шура. – Вот переберемся через них, тогда и примем. А то, может, пахать придётся, гать настилать.

- Ты, Юра, что-то там о ста граммах говорил? – подал голос Федорович. – Я тут вспомнил Солоухина Володю. Он из простой магазинной водки божественный напиток готовил.

- А, кто это?

- Ну, ты Юрка – темнота! – вмешался я. – Солоухин Владимир Алексеевич, писатель, известный, между прочим.

- Не знаю, не читал. А ты его, Федорович, откуда знаешь? Знаком, что ли?

- Приходилось встречаться. Прекрасный писатель, да и поэт тоже. Настоящий русский мужик. Так я о водке. Он в простую бутылку сорокоградусной клал два резанных на дольки зубчика чеснока и в шкафчик ставил недельки на две.

- И что?

- А через две недели доставал и угощал. Своеобразный напиток! – Федорович мечтательно прикрыл глаза и сглотнул.

После этих слов, произнесённых с такой неприкрытой любовью к предмету разговора, даже у меня рот наполнился слюной.

- Сомневаюсь я, - заспорил Юрка, - что чесночная настойка может кого-то удивить своим вкусом.

- А ты попробуй! – посоветовал Федорович.

- А ты сам-то пробовал?

- Пробовал.

- Ну и что?

- Не получилась.

- Ну вот, я же говорил, - отмахнулся рукой Юрка.

- У меня бутылка больше трёх дней не выстаивалась, - невозмутимо продолжил аксакал, под общий смех. – А за две недели должно получиться, ты не сомневайся. Так что там, насчёт ста грамм?

- Водички попей, Федорович. Доедем, там и выпьем. На лучше сигаретку, покури, - я протянул ему пачку. – А то еще и пахать придётся, чтобы добраться.

Впереди нас ожидали пересекающие дорогу водосбросы окружающих болот, с переходами из брёвен, увязанных проволокой. Построили их, когда отсюда активно вытаскивал лес наш доблестный леспромхоз. Ну, а как скосил весь, дорогу забросили. Чтобы в данной местности не шустрили ретивые охотники особенно из числа нефтяников, за которыми не уследить, егеря просто ворошили брёвна переходов гусеницами «тегетешек», и тогда обычным транспортом в низовья Супры так просто не проехать. А места здесь богатейшие, что ягодой, что рыбой, что дичью.

- Ну, что, отдохнули? – минут через десять спросил Шура. – Поехали, что ли, а то и так не раньше шести доберёмся. А вы, мужики, по сторонам посматривайте, может быть, косачи, а то и глухарь подвернётся. Юшку на ужин неплохо бы сварганить.

- Не бойсь, не пропустим! – отозвался Валера, с кряхтением забираясь в кузов.

С собой он захватил нигде не зарегистрированную мелкашку, которую невесть откуда добыл. Мелкашка была почти бесшумно, что давало ей некоторое преимущество при охоте на боровую дичь перед куда более громкой гладкостволкой. Мы трогаемся вновь. Сразу за косогором пересекаем речку со странным названием Тюльтя. Небольшая речушка с высокими берегами крутится между грив и богата отменным ельцом. В другое время обязательно закинули бы удочки, но сейчас некогда, надо ехать. За Тюльтёй потянулись сплошные клюквенные болота, с редкими, кривыми недомерками-соснами на кочках. Нам крупно повезло: бревенчатые переходы были вполне проходимы, кто-то до нас привел их в надлежащее состояние. Машина не без труда, но преодолевала возникающие преграды. Ближе к цели нашего похода дорога стала чуть ровнее, а настроение улучшилось. Вскоре, на сухарине, стоящей впереди у самой дороги, глазастый Валера разглядел сидящего одиноко глухаря. Он требовательно постучал ладонью по кабине.

- Тихонько давай! – вполголоса скомандовал он Балашову, расчехляя «тозовку». – А вы пригнитесь пониже и не дергайтесь! – это уже нам.

Вообще-то охотиться с машины запрещено, так как птица её не боится, не чувствует она опасности от ревушего железного зверя, или считает, что всегда успеет улететь. Вот и пользуются отдельные личности данным обстоятельством. Но в нашем случае это даже не охота, а добыча пропитания на ужин. И хотя совесть скребет где-то в глубине души, Валере мы не мешаем и послушно опускаемся пониже, чтобы нас не было видно из-за кабины. Машина, урча, потихоньку движется по дороге в сторону сухары. Наконец, она останавливается и Бурьянов стреляет. Звук выстрела похож на хлопок ладонями, птица, так ничего и не поняв, задев сухие ветки, падает в болотную траву.

- Есть! – орет во все горло Валерка и, бросив мелкашку, спрыгивает через борт на землю.

Еще через пару минут он уже у машины горделиво показывает всем глухаря килограмма в четыре весом, черного с подпалинами и яркими красными серьгами.

- Попадешься, Андреевич, отберут у тебя винтовку, да ещё и оштрафуют, - менторским тоном высказывается Василий Дмитриевич.

- Не попадусь! – беспечно отмахивается Бурьянов. – К тому же это глухарь, а не копылуха. Так что я на численность дичи не повлиял особо.

- Это ты охотинспектору рассказывать будешь, - подкалываю я его.

- Чего на Андрееича напали? – заступается за Валеру Юрка. – Он нам ужин добыл, а вы его собачите! Особо принципиальные и совестливые будут вечером тушёнку жрать! Хороший экземпляр! – он поднимает глухаря за крылья, и сразу становится видно какая это матёрая птица: размах почти метр.

- А вон там, на болоте, видите! – указывает рукой в сторону запада наш поэт.

Метрах в ста, на островке посередине болота на куртине берез с уже почти осыпавшейся пожелтевшей листвой устроилось на отдых штук двадцать черных, как смоль, косачей. Они занимаются своими делами, не обращая никакого внимания ни на машину, стоящую посередине дороги, ни на людей, копошащихся около неё.

- Отсюда не достать, - с сожалением в голосе произносит Валера. – А если и попадешь, без собаки между кочек не отыскать. Спланирует в сторону, и – поминай, как звали!

- Ладно, хорош, разглагольствовать! – командует Шура. – Поехали дальше, а то мы так и к ночи не доберёмся.

Но уже через полчаса лихо подъезжаем к следующему деревянному мосту через Супру и пересекаем ее снова, перебираясь на правый берег. Еще пять километров вдоль реки по вполне приличной укатанной песчаной дороге, и мы – на высоком, крутом берегу. Приехали. Почерневшая, рубленая

избушка, бывшее пристанище мастера участка химводосочки зияет черным проёмом выбитого окна.

- И сюда засранцы добрались! – неодобрительно отзывается о побывавших здесь до нас любителях природы Шура и сплевывает под ноги. – Семён, доставай плёнку, будем окно стеклить.

Я достаю из рюкзака кусок толстой полиэтиленовой плёнки, предусмотрительно захваченной нами из посёлка, и мы принимаемся с Шурой затягивать ею проем. Через пятнадцать минут всё закончено. Василий Дмитриевич с Юркой уже размотали и забросили удочки прямо под откосом. Остальные разгружают вещи и перетаскивают их в избушку. Аксакал, быстро изладив берёзовый веник, подметает пол. Я проверяю небольшую кирпичную печку с чугунной плитой, к счастью не разрушенную вандалами, и убеждаюсь, что она вполне пригодна для своего прямого назначения.

- Кончай пылить, Федорович! – в избушку вваливается Шура с охапкой колотых дров.

- Не в свинарнике же спать! – огрызается аксакал.

- А ты где, Саша, таких гарных дров раздобыл? – вмешиваюсь я.

- Мир не без добрых людей! Тут рядом сарай разрушенный, а в нём кубометра три поленьев. От химарей, видно, еще остались.

- Удивительно, как их до сих пор ушлые ребята не использовали, - удивляюсь я и принимаюсь растапливать печку.

- Проглядели, - отзывается Шура.

К моему удивлению тяга у печи вполне приличная и уже через минуту она разгорается, потрескивая и играя языками пламени за неплотно прикрытой дверцей.

- Пошли, посмотрим, что там наши рыбаки наловили? – предлагает Шура, и мы все вместе отправляемся на берег.

Солнце уже опустилось и почти спряталось за вершинами сосен на западе. Гнуса нет совсем, видимо прибило первыми заморозками. Наши рыбаки успели наловить десятка три

окушков с чебаками, и мы решаем, что нам готовить на ужин: похлёбку из глухаря, или уху?

- Давайте уху! – предлагает Валера, которому неохота возиться с глухарем.

- А на кой ты тогда птицу подстрелил? – просто так спрашиваю я, заранее уверенный, каким будет ответ.

- Завтра с утра сварим. Будет день и будет пища!

- А не протухнет за ночь? – беспокоится Федорович.

- Не протухнет! – успокаивает его Валера. – Ночи уже прохладные.

Вечером, подготовив ночлег, сидим у огня костра отдыхаем. Уха с дымком необыкновенно вкусна, но, скорее, потому что устали и проголодались. Какая уха из мелочи, так – юшка. Начинает холодать. Звездное небо над нами затягивает непроницаемой дымкой с севера. А на востоке, за лесом мерцает колеблющийся сполох: факела на нефтяных кустах Северной Даниловки. Где-то за ними наше любимое Озеро. Кажется рукой подать, а попробуй-ка проберись напрямую: болота не пустят.

- Ну, что, еще по одной и на боковую, - предлагает Василий Дмитриевич.

- Похоже, погода может подгадить, - поглядывая вверх, замечает Андреевич, имея в виду предстоящий сбор ягод.

- Не каркай! – лениво отзывается Юрка, удобно расположившийся у костра на сколоченном щите из досок, раздобытом неизвестно где. – Быть добру, мужики! – он лихо опрокидывает кружку с водкой.

Остальные следуют за ним. Воцаряется минутная тишина. Слышно, как в кронах уже начинает шуметь ветер, погода, видимо, действительно портится.

- Пошли в зимовье, - предлагает Федорович и поднимается первым. – Юра, собирай закуску. Холодно зато что-то становится.

Дружно поднимаемся и перемещаемся в избушку. Здесь тепло, почти жарко от натопленной печи. Зажигаем свечи,

язычки пламени освещают низкое помещение. В зимовье сохранилось две металлические кровати с панцирными сетками, небольшой стол и даже табурет. Юрка, не теряя времени, растягивается на одной из кроватей.

- Чур, я здесь!

Я бесцеремонно стягиваю его на пол.

- Здесь Федорович отдыхать будет. Старших уважать нужно.

- Так вторая же есть.

- А на второй пусть Дмитриевич спит. С ним рядом спать невозможно: от храпа сносит. Валера, стели брезент вдоль стены, сейчас спальные разложим, и прекрасный диван получится. Сухо, тепло, что ещё усталому человеку нужно?

- А помнишь, Семен, как мы здесь летом со студентками отдыхали? – заводит разговор Юрка.

- А то.

- Вы с Любушкиным и Валериком все отряды за лето успели огулять, - хмыкает Васильевич, имея в виду девчат из студенческих строительных отрядов, работавших на объектах управления.

- Хорошее было лето! – мечтательно тянет Валера. – И девочки – что надо: умницы, красавицы, комсомолки!

- То-то Семён теперь чуть не каждую неделю в Тюмень ужинать летает, так командирша приглянулась. Тебе жена ещё хозяйство не оторвала? – разливает водку Вася.

- Справлюсь, как-нибудь!

- А он в хоккейной ракушке теперь спит! – ржет во все лёгкие Юрка. – Чтобы, значит, детородные функции не утратить! Это вон Андреевичу баба сразу по приезду из отпуска скандал устроила и по мордасам надавала. Подтверди, Валера.

- Это когда? – возмущается Андреевич. – Поскалилась малость, и – всё! Да и плевать я на неё хотел! У самой рыльце в пушку, - сплёвывает он прямо на пол.

- О жене цезаря – только хорошее, или ничего! – нравоучи-

тельно изрекает раскрасневшийся от выпитого Фёдорович. – Женщина, как ни крути, всегда права!

- Ну, это ты перехватил, - возражаю я.

- Ничего не перехватил. Я вон на Галине после двух очередных второй раз женился, и не жалею. Дурак был, когда разводился.

Надо сказать, что аксакал был женат четыре раза, причём на его нынешней супруге в первый и последний раз.

- А не надо было девчат домой в униформе стройотрядовской таскать, за версту всему посёлку видно! – замечает Юрка в адрес Валеры. – Я же предупреждал, что кто-нибудь обязательно наступит.

- Ух, какой ты умный одним местом! – я принимаю протянутую Василием Дмитриевичем кружку и кусок хлеба с колбасой. – Со своими делами разберись, Казанова!

Дела у Юрки, что ни на есть заплетённые: бегаёт к одной нашей управленческой красавице, а жена следом погони с обходами устраивает. Я ему советовал: разойдись и живи спокойно. Но что-то, видимо, не получается, раз всю эту санту-барбару и юркины кости который год поселковые бабы перемывают с удовольствием. И есть что перемывать. Как-то в воскресенье рано утром, когда я досматривал десятый сон, раздался осторожный стук в дверь моей квартиры. Я взглянул на часы; половина пятого! Понося про себя неизвестного, что прервал мои яркие, эротические видения, я двинулся открывать дверь. Каково же было моё удивление, когда за дверью, на лестничной площадке я увидел круглую Юркину физиономию.

- Какого рожна? – прохрипел я, вкладывая в короткую фразу все те чувства и эмоции, что бурлили во мне. – Ты на часы смотрел?

- Слушай, - вместо того, чтобы ответить на мой вполне законный вопрос, вполголоса завёл Юрка, - у тебя инструмент есть? Дверь навесить надо.

- Какую дверь? – не понял я, окончательно просыпаясь.

- Какую, какую... Не мою же, - он назвал известное мне имя хозяйки двери.

- А что с ней случилось?

- Потом расскажу, - перешёл на шёпот мой ранний визави, - навесить надо, вот и все. Так есть у тебя инструмент, или нет?

- Есть, конечно, - и я пошел одеваться.

По дороге к дому, где жила Юркина симпатия, он и поведал мне историю, над которой потом не один раз по поводу и без ржали знакомые мужики:

- Заявилась, значит, моя благоверная часа в три и не одна, а с Ангелиной.

Ангелина – жена младшего Юркиного брата, работающего крановщиком в нашем же строительном управлении.

- Ну, и?

- Что, ну и? Нашла где-то скобу строительную и давай дверь долбать. Я хотел было через окно эвакуироваться, а там внизу Ангелина со штaketиной вдоль забора, как часовой ходит.

Я представил комизм ситуации и поневоле зашёлся безудержным смехом, да так, что инструмент из рук на землю выпустил.

- Ты чего ржёшь? – обиделся Юрка, поднимая сумку. – С тобой такого не бывало?

- Со мной – нет, - я едва перевел дыхание. – Ну, а дальше-то что?

- А что дальше? Продолбала Ольга дверь: сам знаешь, что там под ДВП, труха одна, брусочки.

- Ну?

- Ну и пролезла в квартиру.

- А ты?

- Смотался, пока она разборки начала устраивать.

- Молодец! – я изо всех сил старался сдержаться, чтобы не расхохотаться вновь, тем более что мы вошли в подъезд, и действовать нужно было тихо.

Стараясь не шуметь, поднялись на второй этаж. В двери

квартиры Юркиной знакомой зияла дыра сантиметров пятидесяти в диаметре. Я прямо-таки восхитился такой женской работоспособностью, это же надо! Но Юрка моего восхищения не поддержал:

- Давай из спальни дверь по-быстрому перекинем, пока соседи не проснулись снова. Орали уже ночью.

Дверь мы, конечно, перевесили, а история эта украсила народный фольклор поселка...

- Я тут по этому поводу один старый анекдот вспомнил, - солидно вступает в разговор Федорович.

- Рассказывай! – передаёт кружку нашему аксакалу Юрка, пытаюсь переменить им же начатую тему.

- Дело было в войну, - продолжает аксакал. – Доносит Берия Сталину, что Рокоссовский завел себе женщину, походную жену, так сказать. Командующий фронтом, товарищ Сталин, у людей на глазах, непорядок. Что, дескать, делать будем, Иосиф Виссарионович?

- Ну и что ему Сталин ответил? – спрашивает Валера.

- А Сталин ходил около стола, дым из трубки попускал, и говорит: завидовать будем, товарищ Берия!

- Это ты к чему, Федорович? – ставит на стол опустевшую посуду и закусывает Вася.

- А к тому, что завидовать надо, раз у человека на всё сил хватает. Когда за пятьдесят перевалит, поздно будет шашкой махать.

- Вот это ты правильно выразился! – одобрительно произносит Валера.

- Еще бы неправильно, - вступает Юрка, намекая на преклонный возраст аксакала.

Я помалкиваю, а сам вспоминаю конец августа уходящего года. Выезжающие студотряды устроили прощальный вечер в столовой школы, где они квартировали. Накрыли столы, прибывшее из Одессы зональное начальство произнесло первый тост, все выпили. Казалось, всё покатилося, как обычно. Я тоже попросил тишины, чтобы сказать ответную

речь и поблагодарить ребят за ударный труд. И в этот момент в дверях столовой возникла моя ненаглядная жена Елена Анатольевна. Надо сказать, что отношения мои с ней к этому времени вовсе разладились, и гулял я без оглядки. Представьте картину: при полном молчании оцепеневшего зала она шагает прямо ко мне и без подготовки отвешивает смачную такую пощёчину. Я обалдел, да и окружающие тоже. Картина достойная кисти Рафаэля! Я даже в кошмарном сне не мог предположить такого хода событий. Пятьдесят человек смотрят, открыв рот, на это действие, ничего не понимают и просто молчат. Сколько длилось это молчание, не припомню, но видимо не долго: сработала ответная реакция, где-то на уровне подсознания. Я сунул руку в карман брюк и извлёк оттуда смятый рублёвик:

- Держи сдачу!

Круто вышло! Елена ну никак не могла ожидать такого поворота. Ничего не придумав в ответ, она резко развернулась и, исполнив каблуками туфель чёткую дробь по плиточному полу, скрылась в тех же дверях, откуда появилась. Зал начал потихоньку оживать, а у меня уши огнём жгло от стыда. Командиры отрядов поняли мое настроение и накрыли отдельный стол в спортзале. Там я и продолжил этот вечер. Вот с тех пор мы с женой по большому счёту и не контактируем, так, проживаем вместе. Но думаю, что недолго это неестественное состояние продлится. Тем более что я действительно почти через неделю гоняю в Тюмень, не только в командировки по делам управления, но и в гости к той самой студентке, к которой испытал этим летом высокое, хотя пока и чисто платоническое чувство. А, впрочем, какие такие платонические чувства могут быть к молодой женщине у здорового тридцатилетнего мужика? Вот уж это точно – неестественное, можно сказать, болезненное состояние!

- Споём, что ли? – предлагает Валера. – Семён, бери гитару. Я поднимаюсь и иду к машине за инструментом. Гитару

мы берем с собой всегда: во-первых – музыка, а во-вторых – отдых для души. На улице уже не просто свежо, а холодно-ва-то. Возвратившись, я, поёживаясь, присаживаюсь у горячей печурки на перевернутое ведро:

- Что петь будем?

- А давай, «Лыжи у печки стоят»!

Я перебираю струны, проверяя строй, и начинаю петь. Парни подхватывают знакомый мотив, и сгустившаяся темнота ночи за окном как будто отступает, прячется за ближайшими соснами. Потом мы снова выпиваем и снова поем, вспоминая всех известных нам бардов. Вася уже храпит, что было силы, на своей панцирной сетке, прогнув её чуть не до полу. Подбросив дров в топку, я тоже устраиваюсь на спальнике под бесконечную болтовню Юрки: травить старые анекдоты его хобби. Под них и засыпаю.

Просыпаюсь от холода, заползшего под спальник, которым укрыт вместо одеяла. В избушке свежо: выдуло тепло за ночь. Слепое оконце едва различимо на темном фоне стены. Рядом со мной свернулся в калачик Валера, натянув куртку на голову. Я поднимаюсь, стараясь никого не потревожить, и пытаюсь разжечь потухшую печь. Наконец береста, положенная на сохранившиеся под золой тлеющие угли, разгорается, вспыхнув яркими язычками пламени. Подкладывая несколько щепок, а когда они занимают, кладу пару поленьев. Огонь за прикрытой дверцей начинает гудеть и от неё тянет теплом, согревая озябший организм. Хочется курить. Открываю дверь на улицу, выхожу и обмираю. Под ясным, звёздным небом, светлеющим на востоке, земля вокруг избушки – белым бела. Вот он – первый снег этой осени. Он чист и невесом, как платье невесты, его хочется потрогать, и я набираю в горсть холодный, тающий на ладони пух. Через пару часов снег, конечно, исчезнет под лучами солнца, как не раз бывало, но восторг от этой встречи останется надолго. Мы – северные жители и зиму любим не меньше лета. Подымив, я возвращаюсь в зимовье и сую снежок за

шиворот уже проснувшись Юрке. Тот взвизгивает, пытаюсь вытряхнуть снег из-под рубахи, и крепко выражается в мой адрес.

- Подъем! – кричу я во всю глотку и подбрасываю новую порцию дров в печурку. – Хорош спать, мужики, зима пришла!

- Какая к дьяволу зима? – спрашивает сиплым от храпа голосом Василий Дмитриевич и приподнимается на локте, нещадно скрипя заржавевшими пружинами кровати. – Чего орёшь? Тронулся что ли?

- Выгляни за дверь, сам увидишь.

Мужики постепенно просыпаются, наполняя согревшееся помещение гомоном.

- Рановато что-то снег нынче, - рассматривая что-то через мутную плёнку в окне, произносит Евгений Федорович, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Значит, зима будет теплой, - отзывается Валера. – Давайте завтракать, да ягоду пора ехать собирать.

- Ты её что, из-под снега будешь выкапывать, - бурчит Василий Дмитриевич.

- Да ты чай допить не успеешь, как от этого снега ничего не останется. Смотри, как солнце светит.

Небо и впрямь синее прозрачной чистотой, а восходящее светило слепит глаза, обещая день не хуже вчерашнего, а, может быть, и лучше.

- Вот, блин, глухарь пропал! – сообщает возвратившийся с улицы Юрка.

- Мыши съели, - смеётся Шура. – Говорил я тебе, что птицу прибрать нужно, а ты – ни фиги с ней не случится! Вот и поели шурпы. Следы-то хоть какие-нибудь есть?

- Собачьи, вроде? – неуверенно произносит Юрка.

- Откуда здесь собаки? – удивляюсь я.

- Лиса это, - уверенно произносит Валера, и все принимают этот ответ, как данность, так как настоящей охотой никто, кроме нашего приятеля, всерьёз не занимается.

Потом мы пьём чай и потихоньку собираемся. Машина отвозит нас к геодезическому знаку, что километра полтора от избушки, около дороги, где поблизости, как уверяет Валера, расположено место, на котором брусники не меряно. Выгрузившись, мы продираемся сквозь кустарник и оказываемся в бору на невысокой песчаной гриве саблей уходящей в болото. Белый ягельник между сосен густо обсыпан спелой, почти черной ягодой, едва припорошенной тающим на глазах снежком. Её здесь столько, что даже ступать страшно. Дмитриевич торопливо достает комбайн и, не раздумывая, бросается на это богатство. Жаден Вася до ягоды. Но если разобраться: у него родни по городам и весям полно, всех обеспечить нужно. Соревноваться с ним бесполезно, но здесь этой брусники столько, что всем, как говорится, по самое не хочу, хватит. Солнце пригревает, торопиться некуда, впереди целый день. Да и жизнь тоже.

СПУСТЯ ГОД

Ранняя осень. Полет паутин. Тишина. Солнце светит не жарко, как в июле, а ласково и нежно, не обжигая кожи на щеках и не ослепляя неистовым полуденным светом. Обмелевшая, полусонная речка со странным названием *Нава* наполнена рыжей водой из подпитывающих её болот. Мы с приятелями только что прибыли сюда, на травянистый взлобок берега, и разгружаем из багажника «уазика» привезенную с собой поклажу. Компания та же, как и всегда, нет, правда, Кузьмича и аксакала. У Кузьмича какие-то соревнования, а Федорович приболел – возраст, на рыбалку теперь он ездит редко. Шурик укатил на родину, в Вологду, а иначе был бы с нами. Старое пепелище костра, размытое дождями, и воткнутые возле него прокопченные берёзовые рогульки говорят о том, что место у реки обжито давно и основательно. Чуть ниже по склону, над водой склонилась кряжистая, однобокая сосна, ствол которой со стороны берега чуть не на половину затёсан топорами. Тесали смолье для розжига и много лет.

Зимой без него костёр развести проблематично. Ну, разве что дров сухих с собой из дому привезёшь. Раны от топоров уже затянуло желто-коричневыми потёками засохшей живицы, и удивительно лишь то, что ветер и мороз до сих пор не сумели уронить в воду покалеченное дерево.

- Палатку ставить будем? – спрашивает Александр Семёныч, разворачивая брезентовое полотнище.

- А стоит ли? – Василий Дмитриевич смотрит из-под руки на выцветший, светло-голубой небосклон. – Погода – что надо! Дождя, похоже, не будет. Расстелем брезент на лапнике и ляжем.

Василий Дмитриевич – старый таёжник. Когда он собирает бруснику или клюкву, угнаться за ним невозможно, даже сто двадцать килограммов живого веса – не помеха. Это же касается и грибов. До грибов он особенно жаден: лезет за каждым экземпляром в такой чапыжник, куда, с первого взгляда, и пробраться-то невозможно.

- Я за лапником, - берёт топор Валера и зовет меня за собой.

Расстелив принесенный лапник, мы с Семёнычем быстро организовываем спальное место, подтаскиваем к костру пару поваленных стволов, и, перекинув между ними найденные тут же доски, устраиваем вполне приличный стол. Валера, управившись с лапником, успевает к этому времени натаскать сухих сучьев с вырубка за дорогой. Хорошо, что лесники после валки складывают их в кучи: далеко бегать не надо. Он показывает мне хотя и переросший, но ещё крепкий белый, найденный в песке, прямо у дороги.

- Утром грибницу сварим.

- До утра его черви слопают.

- Не слопают. Я его сейчас почищу и в пакет сложу, - он отправляется вниз по склону к реке.

Вскоре возвращается.

- Ещё пару возле самой воды нашёл.

- Ну, что, господа, - спрашивает Дмитриевич, - рыбу-то удить будем, или как?

- Конечно, - отзывается Семёныч, к этому времени уже разобравший снасти. – Из чего уху-то варить?

- Вот именно? Давайте, двигайте! А я пройдуся, ягоду поищу, - говорит Василий Дмитриевич.

- Охота тебе?

- Охота, не охота, а так хоть с утра знать будем, куда топтать.

- Чего топтать-то, машина под задом, - рассудительно замечает Семёныч, привязывая леску к найденному тут же удилицу. – Пошли, что ли?

Мы с Валерой присоединяемся к Семёновичу и шагаем вдоль берега вниз по течению метров сто. Здесь река, ускоряясь, делает зигзагообразный изгиб, после которого начинается широкий, спокойный плёс. Берега плёса заросли молодым березняком и кустарником. В прибрежных заводях, где потише, поверхность воды покрыта листьями и соцветьями желтой кубышки.

- Здесь окунь обязательно есть! - словно пытаюсь убедить всех, а в первую очередь себя, говорит Семёныч, насаживая на крючок жирного, «на язя», червяка.

- Это мы сейчас посмотрим, - Валера тоже распускает удочку и лезет в банку за наживкой.

Я присаживаюсь на порыжевшую траву чуть выше по склону и наблюдаю за происходящим действием. Слишком рано для нормального клёва. Солнце пригревает правую щеку, по небу катятся легкие, полупрозрачные облака, взглядевшись в очертания которых, можно представить что угодно: от экзотического животного до карикатурного человеческого лица. Гнус и комар не тревожат вовсе: прибило утренниками. Сплошной релакс. Семёныч забрасывает за лопухи, подальше, к чистой воде, а Валера в оконце, образовавшееся среди лоснящихся на солнце, восковых листьев кубышки. Глубина здесь небольшая, метра полтора, а то и меньше, и маловероятно, что есть приличная рыба. Ну, может быть шурагайка какая, затаившаяся в ожидании добычи

среди водной растительности. Но щука на червяка вряд ли клюнет, да и другим не позволит. Для того она и щука, чтобы карася стеречь. Зимой такое бывает, а летом – почти никогда. Правда случилось однажды, но совсем на другой реке: забросил я удочку в омут и сразу же клюнуло. Щука килограмма на полтора схватила наживку на лету, даже грузило не достигло дна. Вытащить её, конечно, не удалось, снасть не та, но разговоров и эмоций хватило на целую неделю. Но подобное случается раз в жизни, не чаще.

В это время поплавок у Семёныча дергается и заметно подается в сторону.

- Подсекай, - шипит Валера, - уйдет!

- Не уйдет, - отмахивается Саша, - не мешай!

Он дожидается, когда поплавок в очередной раз ныряет под воду, и подсекает. На конце лески трепещет махонький окушок, размером чуть больше мизинца. Я издаю что-то вроде короткого хрюканья.

- Крупняк! – подкалывает приятеля Валера.

- Ты сначала поймай, а потом критиковать будешь! – бурчит Семёныч, бросая окунька в ведро, наполовину наполненное водой из реки. – Для навару сгодится, - он достает из пачки «беломорину», чиркает спичкой и с удовольствием затягивается.

Я откидываюсь на спину, подкладываю руки под голову и прикрываю глаза. Приятно вот так полежать на природе, когда отступают повседневные дела, семья и прочие заботы, а в голове, не обременённой постоянным решением жизненных и всяческих производственных задач, лёгкость и полнейший пофигизм. Вон Бенья, рад, поди, что из дому свалил. В последнее время что-то не ладится у него с женой. Дочь выросла, уехала учиться, в доме одни, чего ещё надо? Живи и радуйся. Хотя и раньше, если припомнить, по молодости, она ему частенько шею по делу и не по делу мылила. Да, я забыл сказать, что Беней у нас в компании зовут Валеру, приклеилось прозвище еще с армии. А ещё – Швили. Неизвестно, правда,

почему. То ли потому что сестра замужем за грузином, то ли потому что в армии Валера командовал складами с тушёшкой. А, как правило, на таких складах в войсках всегда работают бойцы из наших южных республик. Да и не только в войсках. Вот потому наверно и – Швили.

Кстати, у меня за год тоже произошли некоторые перемены в жизни. Во-первых, мы расстались с женой. Естественно со скандалами, за что я и схлопотал выговор в райкоме. Ну, а во-вторых, я решил жениться. С какого рожна вы спросите? Сам толком не пойму. Любовь... И невеста – та самая командирша стройотряда, что работал у нас в прошлом году. Сказали бы раньше – не поверил!

- Ура! – вопит Валера, и я приподнимаюсь на локте, чтобы посмотреть что случилось. – Во какой! – приплясывает на берегу наш счастливый товарищ, показывая со всех сторон зажатого пальцами под жабры окуня граммов на двести.

- Это да! – весомо подтверждаю я значимость пойманного экземпляра. – Таких бы – с десятков, и вполне приличная уха состоится!

- Какой десяток? – протестует Валера. – И пяти хватит! – он осторожно опускает окуня в ведро и тот, брызгаясь, крутится вдоль стенок, взбаламутив и без того рыжую воду.

Солнце к этому времени потихоньку начинает клониться к западу. Пора уже и удить, а то, как известно, ночью рыба не ловится. Правда, насколько я знаю, например налимов только ночью и ловят. Но вот, есть ли здесь налимы, никто не знает. Размышляя на эту тему, я поднимаюсь и двигаюсь за поворот, к быстрине. Привязав на полудонку грузило потяжелее, чтобы не сносило, забрасываю снасть под крутой противоположный берег и сажусь на поваленный ствол. Легкий ветерок ласково треплет волосы на голове, чуть в стороне, на одинокой, с раздвоенной кроной сосне дятел прыгает вокруг ствола, выбивая дробные трели, а прямо рядом со мной, в раскидистом и корявом прибрежном кусте шумно делит что-то меж собой стайка желтобоких синиц-гаечек. Не проходит

и пары минут, как поплавок резко ныряет под воду. Я тяну, и на берегу, подпрыгивая и блестя серебристыми боками, бьётся в траве приличный такой чебак, тараша красноватые глаза. Я зажимаю его в ладони и несу за поворот к ведру с окунями.

- Ну, как тут у вас? – спрашиваю я друзей, показывая выловленную рыбу.

- Десятка полтора надёргали, - сообщает Семеныч. – А ты где это такого красавца вытащил?

- За поворотом, на изгибе. Чебак, видно, на струе стоит. Пойдемте, может, белой для разнообразия наловим, а то скоро смеркаться начнёт.

В следующие полчаса мы быстрехонько ловим ещё десятка два белорыбицы и довольные собой отправляемся к месту ночлега. Возле «уазика», раскинувшись на брезенте, сладко спит Василий Дмитриевич. Рядом стоит початая бутылка из наших запасов.

- Молодец Дмитриевич, - резюмирует не без сарказма Валера, - своего не упустит! Вставай, Вася, петушок пропел давно!

- Пусть человек отдыхает. – Семёныч начинает возиться с костром. – Ты бы лучше рыбу пошёл, почистил.

- А и правда, пошли, - я беру миску, накладываю в нее картошки и отправляюсь к воде чистить.

Ворча, Валера следует за мной с рыбой:

- Вот так всегда: кто-то отдыхает, а кто-то пашет.

- Не ворчи! Смотри, как рыба играет.

На спокойной глади темнеющей воды тут и там возникают круги. Стайки малька на мелководье иной раз почти взлетают над поверхностью: мелкая щука или окунь гоняет. Есть в реке рыба, несмотря на низкую воду. Была бы сковорода, можно было бы чебачка и пожарить. Но на нет и суда – нет! Будем уху готовить.

- Сети бы поставить, - мечтательно произносит Валера, вспарывая еще живых окуней.

Зачем? До дому все равно не довезешь: за день протухнет

рыба. Пошли лучше уху варить, а то скоро совсем темно станет.

Мы поднимаемся наверх к уже весело потрескивающему костру. Семёныч на импровизированном столе режет сало и лук. Вася уже проснулся и встречает нас у стола, заглядывая к Бене в ведро.

- Ты смотри, наловили! А я думал, что в этой луже ничего нет: вода, вон какая рыжая.

- Рыжая, не рыжая, а при умении всегда наловить можно! – горделиво отвечает Валера. – Ты ягоду-то нашёл, или так, проболтался?

- А то. Нашёл, конечно! Метров пятьсот отсюда, на вырубе. Мелковата брусника, но много. У болота крупнее должна быть, но до болота я не дошёл: далековато.

- Кончайте трепаться! – Семёныч уже повесил на перекладину котелок, наполненный привезенной с собой в канистре чистой питьевой водой из посёлка. – Давайте лучше за будущую уху граммов по сто!

Мы садимся к столу, Вася разливает по кружкам оставшуюся влагу из начатой бутылки. Закусываем салом. За столом на некоторое время воцаряется молчание. Слышно только, как далеко на западе, за соснами, там, где уже становятся различимыми сполохи факелов, шумит работающая техника нефтяников и бряцает железо.

- Хорошо! – нарушает покой Вася. – Может, повторим?

- Давайте хоть ухи дождёмся, - встает из-за стола Валера, - вода уже кипит.

Бегая вокруг костра, он осторожно опускает в котелок картошку и рыбу и, сняв поднявшуюся пену, возвращается к столу.

- Я тут заметил одну особенность, - неожиданно замечает он.

- Какую? – спрашиваю я.

- С какой стороны к костру не подходи – дым всё равно в глаза лезет. Хоть забегайся вокруг!

- Философ! – хмыкает Вася. – Это он тебя, Бенья, любит! Ты главное внимания не обращай. Вон, Семёныч, ближе всех к костру сидит, а не возмущается и не морщится даже.

- А чего возмущаться? Дым – он и есть дым, - Александр Семёнович поворачивается к столу. – А может, и правда повторим? Минут двадцать, как минимум, ждать.

- Давно пора! – радуется Василий и достает из рюкзака вторую бутылку.

Потом мы хлебаем уху и разговариваем о том, о сём. Бенья, как обычно, вспоминает дни службы и смешные случаи тех лет. Мы все дружно смеёмся, так как многие персонажи рассказов нам хорошо знакомы: кто-то, как мы с Валерой, служили с ними вместе, а кто-то из героев и до сих пор живет в нашем небольшом поселке. Многие после службы остались в этом таёжном краю: кто ради романтики, кто ради заработка, а кто так и не смог вовремя выбраться на большую землю, создав семью и нарожав детей. Куда теперь с семейством рыпаться. Тем более что работы хватает, жильё строиться, да и поезд, на котором можно съездить в отпуск, если приспичило, тоже ходит регулярно. Семёныч по большей части молчит, хотя и ему есть о чем вспомнить. Он старожил этих мест, и, еще когда мы учились в своих городах, начал осваивать бескрайнюю хантыйскую глубинку. Тогда кроме вагончиков и сосен вокруг здесь ничего не было, не то, что сейчас: пятиэтажками уже никого не удивишь. Но Семёныч – не любитель болтать. Я встаю, подбрасываю сухих сушьев в огонь, и искры россыпью взлетают в темное, высокое небо. Попавший в ноздри дым пахнет смолой, скипидаром, горчит на нёбе, но позже возникает странное сладковатое послевкусие, как после хорошего чая. Воздух вокруг нас напоен запахами хвои, болотного багульника и речной воды, и дымок от прогорающих углей, придает всему этому жилой, почти домашний уют и аромат. Мы пьем чай, добавив в него плодов растущего здесь же над водой шиповника и листьев брусники вместе с ягодой.

- Хорошо! – снова высказывается, ни к кому конкретно не обращаясь, глядя на пляшущий огонь, Вася.

- Что хорошо, то – хорошо! – подтверждает Валера. – Кстати, как новую твою работницу зовут?

- Какую работницу? – поворачивается Василий Дмитриевич.

- Ну, как какую? Рыженькую. Ну, ту, что на сметы посадили.

- А тебе зачем?

- Как зачем? Работников производственного отдела нужно знать поимённо, вдруг пригодиться. Материалы там списать, или ещё чего.

- Ни фига тебе, Валера, не отломится! Замужем она.

- Да мне ничего и не надо, - протестует Валера, - я просто так.

- Просто так даже чирей на одно место не садиться! Знаю я тебя! Мало вам с Григорьичем студенток нынешним летом было? – он кивает в мою сторону. – Все отряды огуляли! Семёныч, подтверди!

- Прохладно становится, - вместо ответа произносит Семёныч и идет в машину за ватником. – Тебе куртку прихватить? – спрашивает он меня.

- Ты чего от ответа уходишь? – кричит ему вслед Василий. – Или у самого рыльце в пушку?

- Давайте, лучше – о работе! – предлагаю я.

Разговор этот мне не совсем приятен в связи с предстоящими в моей жизни коренными изменениями.

- А чего о ней вспоминать? – отзывается Бенья. – Работа, она и есть работа, что так её поверни, что этак.

- Далеко буровиков слышно, - меняю я тему. – Факела, что от облачков отсвечивают, Даниловские, вроде? А мне казалось, что до нее ох как далеко!

- А здесь, по прямой, и десяти километров не будет, - разливает Дмитриевич.

- Зато если на машине ехать, все – пятьдесят, - уточняет появившийся у огня Семёныч.

- Вездеход бы! – мечтательно произносит Валера. – Есть такие, что и по болотам ходят и по мелколесью. Красота! Едешь и смотришь. Нашел ягоду, остановился. Да и поохотиться ух как можно!

- Браконьерство это – с транспорта охотится! – рассудительно говорит Семёныч. – И потом, если таких вездеходов появиться побольше, то ни ягоды, ни дичи вовсе не останется. И так уже всю бруснику комбайнами повыдрали. Лет десять назад, помните, как грязи её было, бери – не хочу! Да и рыбы в речках почти не осталось. Помнишь, Валера, как мы в семидесятых ершей на Омутье таскали? Ну, там, где избушка геологов стояла. Вы ведь тоже тогда с нами были? – поворачивается он к нам с Васей.

- И какие ерши! – мечтательно подтверждает Бенья. – Не ерши, а крокодилы! Повывелись, измельчали нынче.

- Ну, это скорее всего к нефтяникам вопрос, - я подбрасываю в огонь пару сучьев. - Не лили бы нефть, не пропадала бы и рыба. А то иной раз, особенно по весне разводья керосиновые по воде плывут. Мы тут с Федоровичем как-то рыбачили на Большой Омутье весной. Сидим, солнышко пригревает, окунь такой приличный клюёт. Наловили. Сварили уху, а есть невозможно, керосином из котелка воняет, как из канистры.

- Бывает, - философски замечает Бенья. – Но вот что странно: сколько в Омутью нефти не льют, а рыбы там все равно больше, чем в других речках. Ничего её не берет. Просто удивительно.

- Это – точно! – подтверждает Василий Дмитриевич.

Устроив нодью, мы лежим на брезенте ногами к огню и смотрим в звездное небо. Слегка поскрипывает под верховым ветерком израненная людьми сосна. Откуда-то из-за болота доносится далёкий рёв лесовоза: тащит хлысты на нижний склад. Вася уже храпит. Завидую: стоит человеку прилечь и он уже спит. Ворочается с краю Семёныч.

- Ты что, замерз? – спрашиваю я его. – Иди в машину, там

теплее будет, - тот только отмахивается, переворачиваясь на другой бок.

Через пару минут начинает похрапывать и он. Мне почему-то не спиться, хотя день был долгим, да и застолье обильным. Даже подмаргивание звезд не убаюкивает.

- Ты куда это смотришь? – я поворачиваюсь к Валере, приподнявшемуся на локте.

Тот моча, кивком головы указывает в сторону берега. В первые минуты я ничего не вижу. Но потом глаза привыкают к темноте. Там, где взлобок переходит в береговой откос, горят четыре красных огонька. Еще через мгновение я понимаю, что огоньки эти двигаются. Две пары чьих-то глаз внимательно наблюдают за нами.

- Лисята, - тихо шепчет мне Валера. – Прикормились к месту. Видишь, дожидаются, когда мы уснём.

Я поднимаюсь, беру котелок с остатками ухи, делаю несколько шагов в сторону берега и вываливаю его содержимое на траву. Пусть поест зверьё.

- Ты сало, главное, прибери и хлеб! – советует Валера, что я незамедлительно и делаю.

Потом мы лежим, стараясь не шуметь, и смотрим, что будет дальше. Через пару минут из-за бугра показываются остренькие мордочки двух рыжих лисят с торчащими вверх треугольниками ушей. Лисята совсем махонькие: весенний помёт. Они осторожно оглядываются, крутят головами, но потом смелеют и потихоньку крадутся к рыбе, что я вытряхнул из котелка. На душе у меня светло и спокойно. Веки набухают и тяжелеют. Храп Васи укачивает не хуже колыбельной, и через некоторое время я проваливаюсь в глубокий сон.

Просьпаюсь оттого, что затекла и застыла рука. Прибрежные сосны и берёзы утонули в тумане. Неба не видно, только светлеющая, белая пелена. Зябко. На траве густая роса. Я поднимаюсь и начинаю заниматься костром, который почти потух. Глеют только концы стволов ноды, да упавшие в

сизый пепел угли. Я сдвигаю стволы, бросаю несколько сухих лап ельника и, что есть силы, дую. С треском занимается огонь. Костёр разгорается, озябшее тело с благодарностью принимает жар, распространяющийся от пляшущих языков пламени. Там, где я вытряхнул содержимое котелка, ничего нет, чисто. Такое впечатление, что даже трава причёсана. «Ишь, как поработали, бесенята», - первое, что приходит в голову. Уже почти рассвело, и за непроницаемой пеленой поднимающегося вверх тумана угадывается жаркий, огненный диск светила. Погода обещает быть великолепной.

- Подъем! – я расталкиваю свернувшегося калачиком и, видимо, крепко замерзшего Семёныча, и вешаю над огнем чайник.

- Ты чего орёшь? – недовольно спрашивает проснувшийся Василий Дмитриевич. – Ни на работе, ни тут от тебя покоя нет!

- Поднимайтесь, чай будем пить. А где Бенья?

- Откуда я знаю. В машине, наверное.

Василий с хрустом потягивается и встает. Следом поднимается Семёныч. Я завариваю свежий чай.

- Грибницу варить будем?

- А откуда грибы? – удивляется Дмитриевич.

- Валера вчера собрал, и почистить не поленился.

- Молодец! Давай, сварим. А то потом с ягодой некогда будет обедом заниматься. Почистить картошки?

- Я ещё вчера почистил.

- А где у нас уха? – спрашивает Семёныч, разглядывая пустой котелок.

Я в красках и с подробностями рассказываю друзьям о вчерашних незваных гостях:

- Где-то здесь, недалеко логово.

- Пойду, котелок вымою, - говорит Александр Семёнович и спускается к реке.

Туман редет и в образовавшийся разрыв пробивается первый луч. Роса на траве вспыхивает мириадами огненных

всплесков, переливаясь и играя на солнце. Ключья тумана отрываются от верхушки, наклонившейся над водой, сосны и уплывают прочь. Воздух чист и влажен, хочется его пить. Голубизна постепенно заполняет небосвод, раскинувшаяся до самого горизонта тайга поражает многообразием цветов и оттенков. Пламенеют медью осины, желтеют верхушки берез и только хвойники по-прежнему темнеют зеленью среди этого великолепия. Через полчаса мы разливаем грибницу по мискам, а проснувшийся к этому времени Валера снова рассказывает про лисят, внося в повествование новые и новые подробности. Я сижу, смотрю на друзей и радуюсь тому, что живу: и этому прекрасному дню, и рыжей реке, и улыбающимся лицам. Впереди трудовой день: ягоду собирать, это тебе не рыбу удить! Но это не пугает, а тоже радует...

ЭПИЛОГ

...Сколько прошло с той поры? Пятнадцать, двадцать лет? А, может быть все двадцать пять? Я снова сижу на взлобке, рядом молчит жена, и такая же тишина, как тогда. Палкой ворошу горящие сучья, и дым тут же поворачивает в нашу сторону. Жена, отмахиваясь, отворачивает лицо, а я только задерживаю дыхание, дожидаясь, когда дым отхлынет. Горьковатый привкус сосновой смолы и то же странное послевкусие возвращают меня к тем счастливым дням, когда дым, да и водка казались сладкими, а будущее светлым и безоблачным. Всё так же поскрипывает на берегу сосна с затёсанным стволом. Затёс со временем почернел и почти слился с цветом нетронутой коры. Стоит дерево, как ни в чём не бывало, неподвластное времени и погодным катаклизмам. И так же, как тогда, внизу лениво струится рыжая вода. В эти богатые брусникой места мы не один раз приезжали с детьми, когда те ещё были маленькими. А сегодня они уже взрослые и давно живут отдельно от нас в далёком мегаполисе. Мои друзья тоже далеко, где-то там, между звезд, которые высыпали на

темнеющий купол небосклона и знакомо подмигивают мне. Нет только лисят.

- Может быть, пойдём спать? – спрашивает жена, уставшая от дальней дороги и вечерней рыбалки.

Я провожаю её до машины, заботливо накрываю одеялом, прикрываю дверцу, а сам вновь возвращаюсь к костру. Языки огня приплясывают, рождая причудливые тени на прибрежной растительности, а далеко на западе отблески единственного факела, оставшегося на центральном месторождении, подсвечивают розовым плывущие с юга облака. Остальные факелы в этом районе наконец-то погасили, используя попутный газ по его прямому назначению.

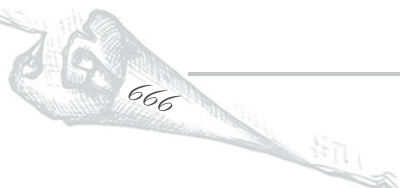
Василий Дмитриевич дожил до пятидесяти, а Валера в свои сорок пять ушёл следом, не прошло после Васиных похорон и сорока дней. Время было смутным, будущее туманным и неприветливым, всё это, как мне кажется, и послужило стимулятором печальных событий. Привыкли люди жить по установленным правилам, а тут они, эти правила, куда-то неожиданно исчезли. Не все сумели это пережить. А мы с Семёнычем, как и многие наши ровесники, как-то пережили, приспособились. Семёныч умер только в прошлом году от рака легких. Выпивать он бросил совсем лет ещё десять назад, и на это была веская причина. Пристрастился он одно время захаживать к вдовушке с железной дороги, с которой познакомился по работе, а работал он последние годы на базе ПТОиК, у нефтяников. И все бы ничего, если бы однажды не встретился внезапно у нее дома с другим ухаждёром. Короче, получил кружкой в висок и не совсем удачно. Косточку, что треснула, ему хирурги вправили на место, но мозги, видимо, задело. И после этого больше пятидесяти грамм организм перестал принимать, начинало мотать и ломать. Так и отвык. И жил бы еще сто лет, но вот пагубная привычка курить по две пачки в день привела к трагическим последствиям. Евгений Фёдорович, наш аксакал состарился и уехал в Тюмень. Там и умер, в преклонном по

тем временам возрасте. А Генка, наш Кузьмич, доработал до пенсии и лег на диван в своей однокомнатной квартире. Друзья, конечно, захаживали, и все – с одним. Продолжалось это лет пять, какой организм выдержит.

Круг приятных встреч и событий резко сузился. По большому счёту, из многих, кто шагал по жизни рядом, остался один верный товарищ – Сашка.

...Костёр начинает затухать. Тлеющие угли по краям накрываются темным пеплом, сквозь который просвечивают подрагивающие рубиновые огоньки. Пора отправляться к жене. Я смотрю на угли, не моргая, и мне вновь чудятся молодые, знакомые голоса. В душе возникает щемящее чувство жалости то ли к ним, то ли к самому себе. Сегодня по возрасту я старше всех, а раньше был моложе. Так бывает. Ноздри ловят горьковатый, но такой волнующий запах дыма, дыма костров нашей молодости.

август 2016 г. - сентябрь 2021 г.

Дорога длинной в жизнь

Путь – это длинная дорога к истине, к Семье, в Русь Святую, в «поднебесье». Мы, ища новое, неизведанное, потерялись в этой дороге. Книги стихов и прозы Станислава Юрченко – очень точно отражает состояние его ума, души и сознания, сложные линии и творчества, и жизни поэта. «Брод» – это наиболее мелкое русло, где можно проложить путь от одного берега на другой и успешно переправиться на другой берег без потерь, без стрессов, без трудностей. Переправиться на другой берег новой жизни, нового творчества, приблизиться к своим заветным целям. В условиях перемен, начавшихся в России с 1985 – 1991 года и не закончившихся до сих пор, человек, русский и другие народы, Россия позабыли, а может и потеряли этот брод на другой берег новой жизни, потеряли дорогу к традиционным и жизненным целям. Деды знали, отцы знали, а мы, непутёвые дети и внуки, позабыли их предания, традиции, которым они следовали не одно тысячелетие. И мы сейчас упёрлись именно в это препятствие, как слепые не можем пережить смуту наших чувств, мыслей, душевных переживаний, разломы сознания. И всё это бумерангом бьёт по русской культуре и по нам самим, субъектам этой культуры.

Творчество С.Г. Юрченко – это поиск пути («потерянного брода») на другой, уже видимый нам берег, на берег новой жизни. Берег национального и культурного единства, берег душевного успокоения, духовного обновления, умственного творчества. Даже найдя этот «потерянный брод», русский человек сомневается, что этот брод действительно и есть путь к достижению им великих целей.

Путь «от рождения до конца» создан велением Творца, он длинен. Это путь всей жизни. Станислав Юрченко нигде не говорит, что этот путь прямой, без поворотов. Более того, он говорит, что на этом пути – камни, ухабы, ямы, всякие

непредсказуемые препятствия. И этот извилистый путь жизни и творчества в «поднебесье» и есть его судьба.

Спетых слов не выкинуть из песни,
созданный велением Творца,
путь мой от рожденья до конца –
длинная дорога в поднебесье.

(Дорога)

«Дорога в поднебесье» есть дорога к Богу, путь в вечность. Как сказал великий Заратустра: «Путь вечности идёт по кривой». Человек интеллектуально и духовно постоянно поднимается всё выше и выше. В нем заложено стремление к этому подъёму. Это хорошо отметил французский писатель Виктор Гюго: «Всё создано для постоянного подъёма: от зверя к человеку, от человека – к Богу». Это есть закон человеческой жизни, закон, который отражается в его творчестве. С. Юрченко на этапе зрелости понял, что всю жизнь шёл от рожденья до конца «в поднебесье», то есть к Творцу. Были творческие взлеты и падения, снова взлеты. И всю жизнь он пытается реализовать эту возможность, совершая на этом длинном пути те или иные повороты, преодолевая камни, «болота», «колдобины». Это можно объяснить по разному. Во-первых, что человеческое четырёхмерное сознание ограничено, ущербно, несовершенно. Поэтому человек неуверен в своем бытии, делает многочисленные ошибки, возвращается на проторённые, знакомые пути, исправляет ошибки. Поэтому человек ставит перед собой многочисленные цели. И это, по мнению Гегеля, он делает правильно. Во-вторых, что Творец заложил в человеке стремление к свободе, к вселенской гармонии. Творец спасает нас от потери главного Пути в неограниченных возможностях вариантов выбора, пути духовного обновления, преображения и возвышения. Возможно, Он готовит человечество к овладению пятым измерением.

Может поэтому «длинная дорога» у Станислава Юрченко оживает, показывает свой норов, характер. И человек, споты-

каясь, по ней бредёт. Эти испытания уготованы нам Творцом изначально. Может прав Г. Гуджиев, отмечая, что «Линии развития, которые оказываются выпрямленными благодаря случаю и которые человек иногда может увидеть, предположить или ожидать, более чем что-либо вызывают у нас иллюзию прямолинейности. И это С. Юрченко чувствует, возможно, осознаёт, фиксируя в своих стихах.

До сих пор показывает норы,
непокорно закусив узду,
длинная дорога, по которой,
спотыкаясь, медленно бреду.
(Дорога)

Путь в «поднебесье» - не широкая дорога, а тропа. Тропа через глушь, болота, колдобины, крутые повороты, погосты, кресты. Прямая дорога конечно удобнее, безопаснее, надёжнее. Но творческий человек, как правило, не ходит прямыми дорогами, а идет он окольными тропами. И на этом пути, через «колдобины», «полусгнившие кресты», «через болота» он познаёт основы бытия, Всеединую, Целостную, Вечную и Бесконечную сущность. Возможно им создается «иллюзия прямолинейности» пути, так как прямых путей к Любви, к Истине, к Семье, к Руси Святой, к Творцу не бывает. Именно на этом извилистом пути он испытывает счастье жизни и творчества, открывает для себя Мир и Я. Именно на этом пути он обретает себя, узнает свое Я, делается неповторимым, Большим, Великим Человеком.

Не путь лежит,
а ниточка тропы,
протоптанной в глуши, через болота,
колдобины,
крутые повороты,
погосты,
полусгнившие кресты.
Но я иду.

Мне будоражит кровь
карандашом на карте еле-еле
начертанный маршрут к заветной цели
с трагическим названием – любовь.

(«По существу разлука и любовь...»)

Этот путь «через болота», «колдобины», «полусгнившие кресты» С. Юрченко, как истинно русский человек, считает правильным путем. Он идет этим длинным путем и счастлив от этого. Психолог К. Юнг отмечал: «Правильный путь к цельности состоит в обусловленных судьбой обходах и блужданиях. Это... («самая длинная дорога»), не прямая, но связующая противоположности змеиная линия, тропа, лабиринтовая переплетенность которой не лишена ужаса». В этом пути поэт обретает свою цельность, свою линию жизни и творчества. Он никогда не жалеет о пройденном. Ибо связывает свой путь со страданиями Родины, Руси. Он не может мыслить себя вне этой великой русской культуры, этого великого единения русского, украинского и белорусского народов. Его цельность есть цельность пути этих народов.

Чем тернистее путь, чем запутаннее траектория пути «не лишенная ужаса», чем больше на этом пути поворотов, изгибов, возвратов, тем многостороннее, богаче и одухотвореннее личность. Неожиданные повороты и изгибы в творчестве, закоулки души сродни лабиринту, из которого ум, душа и сердце человека упорно и настойчиво ищут выход. Преодолевая эти изгибы, извивы, лабиринты, человек чувствует волю, свободу, и не только чувствует, но и делается свободнее, сильнее. Этим и интересна жизнь.

А.С. Пушкин, говоря о лабиринтах устного творчества, отмечал:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

С. Юрченко на своем пути к заветной цели в сердце и душе бережет свое катастрофическое прошлое. Русь прошла через смуты, войны, общественные и государственные неурядицы. И Русь выстояла в этих многочисленных потрясениях. Все эти изгибы и повороты русской истории удивительным образом отразились в русской душе. Русь Святая выстояла среди смертей, ее ломали стихии, но они не сумели ее сломать, сбить с великого пути «быть матерью для всех своих детей. Русский человек нашел адекватный стиль поведения, он даже любит стихию, жаждет перемен. Русская культура выработала особое, духовно-нравственное отношение к этим переменам. Правители, учитывающие это русское отношение к переменам, могут достаточно эффективно управлять этим огромным евразийским пространством и временем.

Станислав Юрченко не исключает новые повороты судьбы, новые потрясения в России в будущем. Но она, Русь, снова выживет, выстоит, снова возвысится. И вместе с ней выживет, выстоит и возвысится русский человек. В Руси Святой истоки русского человека, русской культуры, русского менталитета, так непонятного недругам всего русского, славянского. Поэтому русская культура бережно хранит где-то в глубине своего сознания «жару Поволжья, Севера мороза», как святыни.

И, как святыни, в сердце берегу
жару Поволжья, Севера морозы.
Гремели над страной такие грозы,
каких не пожелаешь и врагу.

Но выстояла Русь среди смертей,
ее сломить стихии не сумели
на праведном пути к великой цели
быть матерью для всех своих детей.

И может быть придется повторять
истории тяжелые уроки,

но потому, что здесь мои истоки,
с тобой останусь жить и умирать.
(Родина)

С. Юрченко в своих стихах приходит к заключению, что неуверенность бытия человека в потере им «брода», в потере своих истоков, которых вне Руси Святой, вне Храма Божьего нет. Но эта потеря временна, историческая память вернет некогда утраченное в русской культуре.

Неуверенность бытия и от множества целей в русской жизни. Но и они нужны личности, ибо без множества дорог он не обретет того вечного, к чему он стремится всю жизнь.

Неуверенность бытия и от того, что человек на длинной дороге жизни никак не может соединить эти цели, не может сконцентрировать все свои мелкие цели вокруг главной: идти по Пути Руси Святой и по пути к Творцу. Но и эта множественность не всегда есть отрицательное. Множественность порождает творческое сомнение. Человек, идущий в бесконечность, должен пойти по всем дорогам: и прямым, и кривым, ибо это и есть расширение пространства бытия, расширение свободы, ибо это есть попытка выхода за пределы четырехмерного сознания. Эти дороги заставляют человека упорно искать новые возможности для жизни и творчества. Человек может и должен прокладывать новые пути в будущее, расширять время и пространство бытия, должен прокладывать новые пути духовного совершенствования, душевного обновления, умственно-го возвышения, сердечной гармонии.

Творчество С. Юрченко учит любви к Руси, любви к Творцу. Он соединяет в своем творчестве и жизни эту любовь в Единый Путь.

*Каргополов Евгений Павлович –
доктор педагогических наук, профессор,
член Союза писателей России.*

*(Отрывок из книги «Творчество писателей Обь – Иртышья»,
Книга 2. Стр. 411 – 415, ISBN 978-5-904279-27-1, 2011 г.)*

Содержание

Леший. Рассказ	4
Фатима. Повесть	18
Сезон суетливой сороки. Роман	57
Озеро. Повесть	619
Дорога длинною в жизнь	667

Станислав Юрченко

Литературно-художественное издание

ЮРЧЕНКО
Станислав Георгиевич

Собрание сочинений в четырех томах

Том 4

Верстка и дизайн Александра Шамова

Подписано в печать
Формат Печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Контраст»,
192171, Санкт-Петербург,
Железнодорожный пр. дом 20,
Тел. 8(921) 917-17-85
e-mail: ooocontrast@yandex.ru

